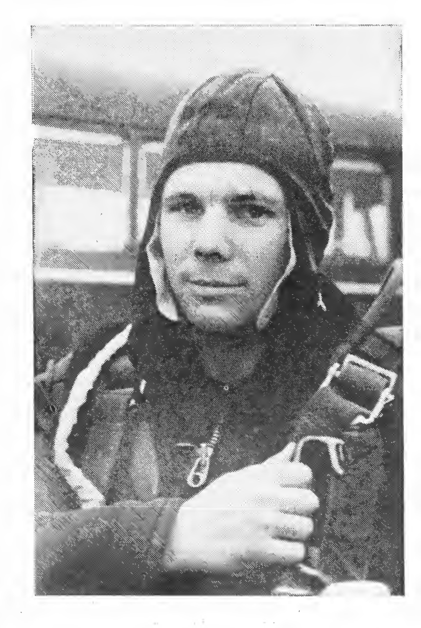
ПОКОРЕНИЕ БЕСКОНЕЧНОСТИ

★★★★★★★★★★★★★★★★★★

«ИЗВЕСТИЯ»
1981

СССР



ПОКОРЕНИЕ БЕСКОНЕЧНОСТИ

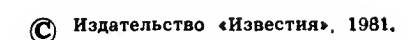
сборник

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЗВЕСТИЯ»
МОСКВА. ● 1981 ГОД

Составитель В. МИТРОШЕНКОВ

Художник Г. МЕТЧЕНКО

П $\frac{70302—81}{074(02)—022}$ 494—81



Сергей БАРУЗДИН

ВЕЛИКИЙ ЧАС РОДИНЫ

Юрий Алексеевич Гагарин родился в 1934 году. Еще был жив великий Циолковский, а молодой Королев лишь мечтал о возможности конструирования ракетно-космических систем.

И пусть это, конечно, историческое совпадение, но именно году 1934-му предстояло занять особое место в летописи нашей Родины. Именно в этом году состоялся XVII съезд ВКП(б), вошедший в нашу жизнь как съезд победителей. Съезд отметил решающие успехи социализма во всех отраслях народного хозяйства, науки и культуры и установил, что генеральная линия партии победила полностью. Победила политика индустриализации страны, политика сплошной коллективизации, ликвидации кулачества как класса, победило ленинское учение о возможности построения социализма в одной стране. Это было торжество социализма!

Много лет спустя, в апреле 1967 года, Юрий Алексеевич Гагарин напишет: «Космические полеты — величайшая мечта человечества. Мы еще не осознали всей грандиозности того, что свершилось, ибо все это события совсем недавнего времени.

Десять лет назад стартовала советская космическая ракета, подарившая нашей планете первый в истории искусственный спутник. Лишь десятью годами исчисляется время космической эры — зари эпохи, которую зажгли гений и труд советского народа.

Издавна мечтало человечество о полете к звездам, о парении вне Земли. С незапамятных времен фантазировали люди о полетах на Луну и планеты Солнечной системы. Об этом писали Жюль Верн и Герберт Уэллс. Об этом мечтал Константин Эдуардович Циолковский. На наших глазах мечта становится явью. Советские люди сначала приоткрыли дверь в неведомое, потом распахнули ее широко. Они первыми побывали в космосе, увидели Землю из мирового пространства. Землю — планету...

Это Октябрь, социалистическая революция дали крылья вековой мечте. Освобожденный от рабства и эксплуатации народ под руководством партии Ленина самозабвенным творческим трудом преобразил свою страну, поднял ее экономику и культуру. Это он наводил мосты от «России во мгле» к России электрической по ленинским проектам, это он под руководством партии коммунистов преобразил в сказочно короткие сроки облик родной Отчизны. И надо ли удивляться, что этот народ во главе общечеловеческого прогресса!»

Да, освоение космоса неразрывно связано с великим прогрессом нашей Родины. Можно даже сказать, что космос — великий звездный час наш.

Спутник и полет Юрия Гагарина, фотографирование обратной стороны Луны и мягкая посадка на нее автоматической станции, облет Луны и возвращение на Землю со второй космической скоростью, посадка автоматических станций на поверхность Венеры и Марса, запуск многоместных космических кораблей, выход человека в открытый космос, автоматическая стыковка летательных аппаратов на орбите, создание первой орбитальной станции и первые международные космические экспедиции.

«Станция на орбите с двумя приставными космическими кораблями,— говорил Л. И. Брежнев,— такого тоже еще не бывало в истории космонавтики.

И также впервые на орбитальную станцию прибыл автоматический посланник Земли — грузовой корабль с новым запасом топлива... Все впервые, а значит, все было особенно сложным, особенно ответственным».

Открылась бездна звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна,—

писал когда-то М. В. Ломоносов, и наши космонавты ныне воочию убедились в этом.

С каждым годом увеличивается продолжительность

космических полетов. По программе «Интеркосмос» в них участвуют представители все новых и новых братских социалистических стран. Совершенствуется космическая техника, свидетельство чему блистательные полеты космических кораблей «Союз Т-2» и «Союз Т-3».

И сегодняшние космические полеты решают не только важнейшие научно-технические проблемы, но и многие конкретные народнохозяйственные задачи.

«Уже сегодня,— говорил Л. И. Брежнев,— достаточно важны и актуальны такие глобальные проблемы, как сырьевая или энергетическая, ликвидация наиболее опасных и распространенных заболеваний и охрана окружающей среды, освоение космоса и использование ресурсов Мирового океана. В перспективе они будут оказывать все более заметное влияние на жизнь каждого народа, на всю систему международных отношений. Наша страна, как и другие страны социализма, не может стоять в стороне от решения этих проблем, затрагивающих интересы всего человечества».

Помню, с каким увлечением рассказывали нам, сотрудникам журнала «Дружба народов», Валерий Кубасов, Георгий Береговой, Петр Климук и Павел Попович, Валерий Рождественский о работах в помощь народному хозяйству, метеорологии, об изучении Мирового океана и окружающей среды.

К слову, журнал «Дружба народов» давно и прочно связан с нашей космонавтикой. На страницах журнала были опубликованы материалы о подготовке первых космонавтов и первых космических полетов, о сегодняшних делах наших космических друзей. Многие космонавты побывали у нас в редакции, а мы не раз были гостями Звездного городка. В нашей уникальной коллекции книг с автографами в подшефном Нуреке есть книги всех наших космонавтов.

Потому закономерен выход этой книги, приуроченной к двадцатилетию полета Юрия Алексеевича Гагарина, напомнившей многие высказанные им идеи и гипотезы.

Одна из интереснейших страниц этой книги — хроника жизни Юрия Алексеевича.

Гагаринская жизнь удивительно проста, скромна и одновременно типична для судьбы советского человека. И тем значительней и величавей его подвиг! Значительное место в книге отведено показу роли В. И. Ленина в развитии отечественной космонавтики.

Этой теме посвящено целое исследование, многие факты публикуются впервые.

Современники Владимира Ильича Ленина донесли до нас его слова, сказанные на заре космонавтики:

«...Некоторые товарищи не верят в замечательное будущее космонавтики. А я вот верю! Глубоко и твердо верю... Пройдет двадцать, тридцать лет, а может, все пятьдесят, и советский человек, именно советский, совершит это сказочное путешествие».

Среди авторов книги космонавты и поэты, прозаики, журналисты и ученые. Все вместе они как бы создают летопись развития нашей отечественной космонавтики, рассказывают о ее сегодняшних проблемах, заглядывают в ее завтрашний день.

Эта летопись, естественно, будет продолжена.

«Советский человек,— говорил Л. И. Брежнев,— в буквальном смысле открыл дверь во Вселенную, в прямом смысле сделал первые шаги в космическом пространстве».

Как продолжается и великий звездный час нашей Родины, начатый Юрием Гагариным 12 апреля 1961 года.

Виктор ***МИТРОШЕНКОВ***

ПРИБЛИЖАЯ ЭРУ ЗВЕЗДОПЛАВАНИЯ

Впервые о Циолковском и его трудах Горький услышал летом 1920 года, принимая у себя молодого ученого Чижевского.

— Директор института биофизики Петр Петрович Лазарев хлопочет о моей поездке в Стокгольм, к профессору Сванте Аррениусу,— робко и неуверенно сказал Чижевский, словно боялся, что его не станут слушать.— Он просит вашего содействия...— Последние слова двадцатитрехлетний Чижевский произнес явно стесняясь и все же с достоинством.

Огромный жизненный опыт позволял Горькому почти безошибочно судить о человеке, увиденном впервые. Юноша несомненно волновался, но его, кажется, больше заботило не впечатление, которое он производит или уже произвел, а способность собеседника понять неведомое для него дело. Горькому это понравилось: писателя всегда волновала тайна чужой профессии, загадка человеческой личности, которая часто остается непостижимой, пока ты не сумеешь понять суть дела, которое человек считает для себя главным.

— Раз Аррениус зовет вас к себе,— надо ехать,— сказал Горький, бегло просмотрев протянутое ему письмо.— У него есть чему поучиться, да и ваши работы его интересуют.— Он ободряюще поглядел на юношу.— А кто из наших ученых знаком с вашими экспериментами?

— В Москве, кроме академика Лазарева,— профессор Бачинский. В Калуге — Константин Эдуардович Циолковский, основоположник ракетодинамики и космонавтики.

— Как вы сказали? — заинтересовался писатель столь громкими титулами незнакомого ему ученого.— Циолковский?— Он вскинул брови, будто что-то припоминая, потом сокрушенно покачал головой.— Искренне сожалею, Александр Леонидович, но об этом самоучке я слышу впервые.

— Почему самоучке? — обиделся Чижевский.— Он занимается новыми областями человеческой деятельности, а все новое, неведомое ученый постигает самостоятельно.

Горький заметно сконфузился. А гость с неожиданной страстностью отчеканил слова:

— В ваших устах, Алексей Максимович, слово «самоучка» прозвучало, извините меня, неуважительно. Вы литератор, и вам лучше, чем нам, математикам, известно происхождение этого, да и других слов. Самоучка!.. Мой учитель — я уверен, я знаю наверняка — не любит этого слова. Но разве не были самоучками многие выдающиеся деятели мировой науки? Аристотель, Демокрит, Гиппократ, Эдисон, Фарадей...— Чижевский неторопливо уплотнял список.— И разве не эти самоучки составляют гордость цивилизации?

— Согласен с вами, Александр Леонидович,— сказал Горький.— Простите мне мою оплошность. Пожалуй, слово это следует употреблять осторожнее, с разбором...

Чижевский признательно улыбнулся.

— И вы меня простите, Алексей Максимович...— Голос юноши дрогнул. Он словно бы только сейчас понял, с кем он говорит и как. С самого начала его смущала, унижала эта роль просителя, в качестве которого он появился на пороге квартиры знаменитого писателя. Да, писатель был знаменит, авторитет его необычайно высок, и сейчас, когда Чижевский глядел на хозяина этой квартиры, стены которой были увешаны картинами и даже коридор был заставлен картинами без багета, Горький казался ему почти богом, могучим волшебником. Но от могучего волшебника зависит, сможет ли он, Чижевский, заняться делом, о котором тот не знает почти ничего или знает куда меньше, чем его скромный проситель. С самого начала он распалял себя — хождение по авто-

ритетам удлиняло дорогу к делу и не приближало, а отдаляло цель,— ну и вот, пожалуйста, распалился, наговорил дерзостей.— Простите меня,— глухо повторил Чижевский и снова посмотрел на писателя отчужденно и опустошенно.

— Полно, полно,— пробасил Горький. Он догадался, о чем думает этот угловатый, резкий, смущающийся, симпатичный ему молодой человек.— Расскажите-ка мне лучше о вашем учителе. Как вы его назвали? Основоположник ракетодинамики и космонавтики?

— Когда-нибудь мы, современники Константина Эдуардовича Циолковского, будем гордиться, что нам выпало счастье жить тогда, когда он жил,— сказал Чижевский и снова осекся: не слишком ли круто он начал? Но писатель смотрел на него с таким вниманием и был снова так похож на могучего волшебника, что Чижевский уверенно продолжал: — Труды Циолковского станут известны всему миру, принесут славу отечеству, окажут влияние на развитие многих наук. По расчетам Константина Эдуардовича, в недалеком будущем люди полетят к другим планетам, откроют новые миры, изучат другие галактики. Своими трудами Циолковский приблизил человека к космосу, определил пути поэтапного освоения и даже заселения Вселенной. Имя его не забудется, пока человечество будет жить на Земле, пока оно будет жить на других планетах, ибо путь к иным космическим телам обоснован ученым из Калуги со всей очевидностью. Основные свои исследования проблем космолетания он провел еще в конце прошлого века...

— Как? — изумился Горький.— Еще в прошлом столетии! Подумайте, какая силища!

— Область его деятельности необычайно трудна и обширна.

— А есть ли у него, уважаемый Александр Леонидович, печатные работы?

— И не только научные. Ему хотелось бы, чтобы его поняли многие, не узкий круг ученых, а все люди Земли, ради которых он живет и работает,— и потому вслед за основательными теоретическими исследованиями он пишет популярные книжки, облекая свои размышления в художественную форму...

— Фантастические рассказы и повести? — обрадовался писатель.

— Нет, не фантастические, Алексей Максимович.

В его повестях нет никакого домысла. Только пока его идеи очень далеки от реализации. Недавно в Калуге вышла его повесть «Вне Земли»...

— И о чем же она?

— О полете за пределы атмосферы.— Чижевский сказал это так, словно сам вопрос писателя показался ему странным: о чем же может писать Циолковский? — В красивейших отрогах Гималаев француз Лаплас, итальянец Галилей, немец Гельмгольц, англичанин Ньютон, американец Франклин и русский Иванов...

— Какой удивительный подбор героев!

— Это экипаж космического корабля.

— Любопытно...

— Константин Эдуардович описал все планеты Солнечной системы. Он считает, что на них возможна жизнь в формах, необязательно подобных земной. Вот как, к примеру, описывает Циолковский астероид Веста. Простите, я по памяти: «Разумное население, покрытое прозрачной кожей, пропускающей свет, но не выпускающей материю, живет весьма долго и родится редко. Молодое поколение воспитывается в особых зданиях, со всех сторон закрытых, не пропускающих газов и жидкостей, но пропускающих свет. Одним словом, в первый период жизни и развиваются и растут приблизительно как жители Земли и Луны, с тою только разницей, что среда их чисто искусственная и в питании их значительную роль играет солнечный свет».

— Да-а... Питание солнечным светом... Не кажется ли вам, уважаемый Александр Леонидович, что здесь больше от поэзии, чем от науки? Что Солнце — могучий источник жизни, это землянам давно известно. И особенно,— Горький улыбнулся,— писателям. Помните «Дети подземелья»? Помните, как Короленко описывает маленькую Марусю, выросшую в подвале часовни за кладбищем? — Он протянул руку к книжному шкафу, неторопливо выбрал том, раскрыл его и грустным, глуховатым голосом прочитал: — «Это было бледное, крошечное создание, напоминавшее цветок, выросший без лучей солнца. Несмотря на свои четыре года, она ходила еще плохо, неуверенно ступая кривыми ножками и шатаясь, как былинка; руки ее были тонки и прозрачны; головка покачивалась на тонкой шее, как головка полевого колокольчика; глаза смотрели порой так не по-детски грустно и улыбка так напоминала мне мою мать в последние

дни, когда оиа, бывало, сидела против открытого окна и ветер шевелил ее белокурые волосы, что мне становилось самому грустио и слезы подступали к глазам»...— Горький положил киигу на стол, и рука его продолжала поглаживать коленкор, а подозрительно заблестевшие глаза смотрели куда-то в сторону.— Питание солнечным светом... Да-а...

— И все же это не поэтическая метафора, а предмет иауки,— осторожно сказал Чижевский.— По мнению Константина Эдуардовича, для зарождения жизни необходимо сочетание четырех элементов: суша — влага — воздух н Солнце. Соотношения между ними он не определил, но предпочтение отдал Солнцу. Циолковский пришел к выводу, что лучи Солица в силу своей гигантской энергии способиы преобразовываться в другие элементы и тем самым компенсировать отсутствие или недостаток их в необходимом для зарождения жизии сочетании.

Чижевскому показалось, что Горький не слушает его, и он замолчал, уставившись взглядом в раскрытый киижиый шкаф. Было так тнхо, что, казалось, сделай небольшое усилие — и услышишь голоса прохожих не только за окном в Машковом переулке, но и иа Чистых прудах.

— Послушайте, уважаемый Александр Леонидович,— прервал молчание Горький.— Вы с такой страстью и упрямством говорите о Солнце как предмете иауки, что мне иачинает казаться, будто ие ваш уважаемый учитель, а вы занимаетесь этим предметом.

— Изучеиием и описанием Солнца я занимаюсь по совету Константина Эдуардовича.

— А в чем суть вашей работы?

Чижевский задумался. О чем рассказывать? Об опытах с крысами? О том, что при отрицательной ионизации воздуха смертность подопытных крыс была минимальная, а прн положительной — максимальиая? Но как соедииить эту тусклую прозу с тем, что писатель назвал предметом поэзии? Или рассказать о загадке «чертовой ложбины» в Альпах? Что ж, горы, а от иих конечио же ближе до Солнца...

— Чем занимается профессор Сванте Аррениус, я примерно себе представляю,— снова усмехиулся писатель.— Но вами, очевидно, ои заинтересовался не случайно...

— Мне кажется,— сказал Чижевский,— что без некоторого количества нонов воздуха высокоорганизован-

ная жизнь невозможна, как она невозможна без кислорода. Изучение этого вопроса — дело будущего.

— Изучаете ионы воздуха как фактор жизни... Прелюбопытно!

— Это, Алексей Максимович, лишь мои первые шаги в науке. Поведение отрицательно и положительно заряженных частиц воздуха тесно связано с Солнцем. Я хочу понять механизм взаимосвязи и найти пути управления этими процессами.

— И именно эта сторона вашей работы интересует Циолковского?

— Да, Алексей Максимович. Он мне так и сказал: ионизированный воздух я помещу в космический корабль, когда снаряжу экспедицию на Марс.

— Уж прямо-таки на Марс... А может, ближе? Куда-нибудь в Царевококшайск?

— Нет! — упрямо сказал Чижевский.— На Марс. У Константина Эдуардовича уже есть расчеты. Многие вычисления я проверил и подивился его поразительной прозорливости.

— Значит, ионы воздуха как фактор жизни,— снова задумчиво повторил Горький, и опять Чижевскому показалось, что писатель больше не слушает его. Он заторопился: беседа затянулась, больше нельзя злоупотреблять временем, радушием писателя.— Если вы окажетесь правы,— сказал Горький,— можно будет говорить о следующей, более высокой степени познания механизмов жизни...

Он взял ручку с металлическим пером и своим точным, ясным почерком написал несколько строк.

— Это вам. Передайте письмо Михаилу Николаевичу Покровскому — академику, заместителю народного комиссара просвещения РСФСР.

Чижевский поднялся и быстро пробежал глазами записку:

«Дорогой Михаил Николаевич! Очень прошу Вас принять и выслушать гр. Чижевского. Из документов, которые он вам представит, Вы увидите, что это человек, заслуживающий внимания.

Он хочет поехать учиться к знаменитому Аррениусу.

Крепко жму руку.

М. Горький».

Чижевский почтительно склонил голову:

— Благодарю вас, Алексей Максимович. Обещаю не обмануть вашего доверия.

— Вы уж постарайтесь,— засмеялся Горький. Он встал из-за стола и подошел к своему гостю.— У меня просьба к вам, молодой человек. То, что вы сегодня рассказали мне, было очень интересно. Не откажете ли вы в любезности снабдить меня работами вашего уважаемого учителя Константина Эдуардовича Циолковского?

— С большой радостью, Алексей Максимович!

— А письмо Аррениуса я пока у вас заберу,— сказал Горький.— Покажу его Луначарскому и Владимиру Ильичу.— Горький, улыбаясь, пожал руку своему молодому гостю и проводил его до дверей.— Думаю рассказать Владимиру Ильичу и о вашем учителе из Калуги...

Тогда, помогая молодому ученому Александру Леонидовичу Чижевскому и размышляя о странном мечтателе из Калуги, Горький еще не знал, что всерьез и надолго увлечется космосом, перечитает уйму книг, наладит переписку с Циолковским, постарается сделать все, что было в его силах, для утверждения приоритета Циолковского в мировой космической науке. Но все это было еще впереди, а тогда, летом 1920 года...

Полет на Марс? Под Пинском идут бои, на Кубани контрреволюционный мятеж, из Крыма наступает Врангель.

Жители астероида Веста с прозрачной кожей, пропускающей свет? А голодные дети Москвы и Петрограда, Саратова и Смоленска, Твери и Вятки, с бледной и прозрачной кожей? Им не помог и солнечный свет, им не хватает куска обыкновенного ржаного хлеба, и бродят по улицам, шатаясь от ветра, маленькие девочки со взрослыми глазами, так похожие на короленковскую Марусю.

Другие планеты, другие миры... Столько разных миров еще на этой планете...

Быть может, так и оставить проблемы межпланетных полетов достоянием одной лишь фантастической литературы, заботой людей XXI или XXII веков? Не людям же двадцатого года, обремененным повседневными нуждами и тревогами, думать о далеком космосе.

А Циолковский? Разве не терпит он нужду и лишения и разве останавливает нужда полет его неукротимой мысли?

Нет, всенепременно необходимо рассказать о Циолковском Ильичу: Горький прекрасно понимает, что только Ленин может серьезно и основательно решить вопрос о помощи Константину Эдуардовичу.

Но Горький прекрасно понимает еще, что перед страной сотни и тысячи вопросов, которые может решить «только Ленин»...

Молодая Республика Советов еще не просуществовала и трех лет.

В январе 1920 года, обращаясь к беспартийным рабочим и красноармейцам Пресни, Ленин предупреждал:

«Как только создалась Советская власть, все силы международного капитала обрушились на нее, а эти силы гораздо больше сил Советской власти...»

Но тогда Ленин не знал еще, что в апреле белопанская Польша нападет на Советскую Россию, займет часть Украины, оккупирует Киев, в стране будет введено военное положение, а ЦК РКП(б), оценивая сложившуюся ситуацию, заявит: «Борьба идет не на жизнь, а на смерть, она будет иметь крайне напряженный и суровый характер».

Тогда, в январе 1920-го, Ленин назвал главным трудовой фронт и призвал: «...Все бросить на фронт труда и сосредоточить здесь все силы при максимальном напряжении, с военной решимостью, с беспощадной решимостью».

В феврале Ленин потребовал применения самых решительных мер для нормализации работы железнодорожного транспорта. Обращаясь к членам Совета обороны, он писал:

«Положение с железнодорожным транспортом совсем катастрофично. *Хлеб перестал подвозиться.* Чтобы спастись, нужны меры действительно экстренные...

I. Наличный хлебный паек *уменьшить* для неработающих по транспорту, *увеличить* для работающих.

Пусть погибнут еще тысячи, но страна будет спасена.

II. Три четверти ответственных работников из всех ведомств, кроме Комиссариата продовольствия и Военного, взять на два эти месяца на железнодорожный транспорт и ремонт. Соответственно закрыть (или в 10 раз уменьшить) на два месяца работу других комиссариатов...»

Ленин не скрывал от партии и народа крайне трудного положения, в котором оказалась страна: «Чтобы победить, нужна величайшая борьба, нужна железная, военная дисциплина».

Но тогда же, в 1920-м, трудном, голодном году, Владимир Ильич Ленин выдвинул план электрификации страны, проведения кооперирования, создания трудовых армий, заключения мирных и торговых договоров со всеми странами, улучшения отношений со странами Востока. Он сделал более сорока докладов, написал тридцать теоретических работ, произнес около пятисот речей, принял более тридцати иностранных корреспондентов, обратился с письмами к индийской революционной ассоциации, к английским рабочим, австрийским коммунистам, немецким и французским рабочим,— нет, не перечислить всех дел и забот вождя.

Тогда же, в 1920-м, трудном, голодном году, Владимир Ильич Ленин говорил делегатам III съезда комсомола, и взгляд его был обращен в будущее:

«Вы должны построить коммунистическое общество... Перед вами задача строительства, и вы ее можете решить, только овладев всем современным знанием, умея превратить коммунизм из готовых заученных формул, советов, рецептов, предписаний, программ в то живое, что объединяет вашу непосредственную работу, превратить коммунизм в руководство для вашей практической работы».

В беседе с японским корреспондентом Р. Накахира, представителем газеты «Осака Асахи», в том же 1920 году Ленин сказал:

«Созидательные возможности коммунизма скоро дадут большой эффект в разрешении всех этих проблем, и будет сделан такой гигантский шаг вперед, который можно сравнить с прогрессом, осуществляющимся в течение многих десятилетий».

Оптимизм Ленина был глубоко реальным, он был основан на точном знании законов диалектики.

И все же:

«Мы не можем обойтись без романтики,— говорил он,— лучше избыток ее, чем недостаток. Мы всегда симпатизировали революционным романтикам, даже когда были не согласны с ними».

Романтика? Но какая может быть романтика, если: «Такие вещи, как воротнички, галстуки, шнурки для бо-

тинок, простыни и одеяла, ложки и вилки, всяческую галантерею и обыкновенную посуду, достать невозможно».

«Большинство мужчин плохо выбрито, и сначала мы склонны были думать, что это одно из проявлений всеобщей апатии, но поняли, в чем дело, когда один из наших друзей в разговоре с моим сыном случайно упомянул, что пользуется одним и тем же лезвием почти целый год».

«У Горького — только один-единственный костюм, который на нем».

Все это заметил Герберт Уэллс, который побывал в Советской России осенью 1920 года. Но он заметил и другое:

«Разговаривая с Лениным, я понял, что коммунизм... может быть огромной творческой силой. После всех тех утомительных фанатиков классовой борьбы, которые попадались мне среди коммунистов, схоластов, бесплодных, как камень, после того, как я насмотрелся на необоснованную самоуверенность многочисленных марксистских начетчиков, встреча с этим изумительным человеком, который откровенно признает колоссальные трудности и сложность построения коммунизма и безраздельно посвящает все свои силы его осуществлению, подействовала на меня живительным образом. Он, во всяком случае, видит мир будущего, преображенный и построенный заново».

Мир будущего... Да, он начинается сегодня, но сегодня еще не закончилась изнурительная война. «...Мы победим, в этом нет сомнения, несмотря на истощение и усталость».

Несмотря на усталость, несмотря на тысячи дел и земных забот, Ленин сразу же сумел оценить беспредельность пространства и ошеломляющую высоту полета мысли, которая открывалась за несколькими словами об ученом из Калуги по имени Константин Эдуардович Циолковский. Разговор о нем Горький завел глубокой осенью, после II Конгресса Коммунистического Интернационала, после IX Всероссийской конференции РКП(б), после III Всероссийского съезда Российского Коммунистического Союза Молодежи,— в один из октябрьских вечеров 1920 года, когда Ленин неожиданно навестил Горького дома.

— Если все то, о чем пишет Циолковский, реально,— задумчиво сказал Ленин,— то мы находимся у истоков

иебывалых открытий... Надо помочь ему. Обязательно надо помочь.

И иапутствуемый Лениииым врач по образоваиию, революциоиер по профессии, Федор Николаевич Петров иаправился в Калугу, чтобы ознакомиться с материальиым положением учеиого, принять экстреииые меры по оказаиию помощи и подготовить предложеиия для Совнаркома. Прочитав иесколько тоиких, издаииых иа серой оберточиой бумаге брошюр Циолковского, Петров был потрясен. Ои ие торопился возвращаться в Москву. Все, что узиавал ои от старого губериского учителя, волиовало и восхищало его. Вечерами оии вели долгие разговоры: гость рассказывал о Советской власти, хозяин — о Вселениой, и обе эти темы объедииялa иесокрушимая вера собеседииков в будущее, их ромаитическая взволиоваииость.

— Я утверждаю,— говорил учеиый,— что со временем, путешествуя в пространстве, мы встретимся с развитыми цивилизациями, возможио даже более развитыми, чем наша...

И Петров всматривался в иочное иебо, вглядывался в мерцающие узоры звезд — и видел уже ие просто иебо иад головой, а часть Вселениой, где соседствовали миллиарды миров, населеииых живыми существами. Но ие только рассказы о дальиих мирах поразили Петрова — рассказ о иовом мире, который окружает его, Циолковского, удивил и обрадовал старого учеиого. Ои привык к тому, что его считали чудаком. Ои привык к затворничеству, иищете и иасмешкам — и вдруг оказывается, что Советской власти ои, Циолковский, иужен, его работа иеобходима страие, иароду.

— Я жил, как в космическом корабле, изолироваиный от виешиего мира. А теперь как будто спустился на Землю. Я считал, что первый полет в космос произойдет в 2017 году, через сто лет, ие раиьше. Нет, я ошибался. Зиачительио раньше! И первым полетит в космос русский человек!

Выполнив поручение Владимира Ильича, оргаиизовав незамедлительиую помощь Циолковскому, Петров вериулся в Москву. В октябре 1921 года Леиии попросил наркома просвещеиия А. В. Луиачарского проявить повышеиную заботу об изобретателе. Коистаитии Эдуардович стал получать два академических пайка. В иоябре 1921 года Малый Совет Народиых Комиссаров прииял

решение о назначении Циолковскому усиленной пенсии. В протоколе, подписанном Лениным, говорилось: «Ввиду особых заслуг изобретателя, специалиста по авиации К. Э. Циолковского в области научной разработки вопросов авиации, назначить К. Э. Циолковскому пожизненную пенсию в размере 500.000 рублей в месяц...»

Но это произойдет через год, долгий и трудный год гражданской войны...

По совету Ленина Горький уехал в Италию, на лечение. На чужбине его застала весть о смерти вождя и друга, и тяжесть этого известия придавила, оглушила его. Он долго и тяжело болел, а поднявшись после болезни, неотступно думал о том, сколь много общих дел и забот соединяло их долгие годы.

И снова вспомнил о мечтателе из Калуги.

Да полно, забывал ли Горький о нем хоть когда-нибудь?

Второго октября 1923 года газета «Известия» поместила сообщение о выходе книги профессора Германа Оберта «Ракета к планетам», в которой доказывается возможность полета к другим планетам в недалеком будущем.

Сообщение изумило Горького. Он знаком с работой Циолковского под таким же почти заголовком. Приоритет русского ученого в создании научной теории космических полетов предавался забвению. Имя Циолковского в той злополучной заметке не упоминалось вообще.

Американская пресса усердствовала в прославлении Годдарда, постоянно будоражила воображение читателей сообщениями о новых успехах «отца космических путешествий», шумно писала о готовящемся полете его ракеты на Луну.

Сразу три «отца космонавтики» в мире: русский К. Циолковский, американец Р. Годдард, немец Г. Оберт! Не многовато ли?

В защиту научного приоритета К. Э. Циолковского выступают профессор Н. Рынин, математик Д. Граве, нарком А. Луначарский, писатель М. Горький.

В 1926 году в Германии ближайший помощник Германа Оберта инженер А. Шершевский публикует признание: «Престарелый русский ученый К. Э. Циолковский является первым, кто научно обосновал проблему космического корабля. Его первые сочинения об этом появились в 1903 году». А следом за своим помощником и сам Герман Оберт написал: «Я, разумеется, самый по-

следиий, который оспаривал бы Ваше первеиство и Ваши заслуги в деле ракет...»

Далеко от Сорренто до Родииы, ио ни иа мииуту не оставляют его тревоги и повседневиые заботы, и в мыслях иикогда ие расстаться с теми, кто строит там новую жизнь, кто прокладывает иовые пути для всего человечества.

Почти ежедиевно, точио иа работу, Горький подиимался на плоскую крышу виллы, припадал к окуляру подзорной трубы и, приближая звезды, смотрел в иебо. Раиьше, до Чижевского и Циолковского, мерцание звезд, движеиие галактик и тумаиностей, метеоритиые дожди не вызывали в созиаиии Горького раздумий об общиости далеких и непозианиых миров, их зависимости друг от друга, их стремительиого движения и развития, этот мир, казавшийся глухим и безжизиениым, ие увлекал его. Но сейчас ои находил в небе созвездия, иногда угадывал их иазваиия и пытался предположить их прошлое и будущее, думал о существах, которые могли бы там обитать. Циолковский прав: людям иадо рассказывать о небе, о жизни далеких миров. Но и о Циолковском, его учении, геииальиых гипотезах должиы зиать все граждаие Советской России. Оии должны зиать, что иаучиые поиски Циолковского поистине безграничны. Ои занимается теорией космических полетов, проектирует космические корабли, строит дирижабли, изучает кваитовую физику, органическую химию, психологию, астроиомию, математику. Он ие просто изучает, ои в совершенстве знает предмет своего исследоваиия, во миогие иауки виосит ощутимый вклад, совершает открытия. Циолковский первым предсказал реальиость полета к другим планетам и пришел к выводу, что первым человеком, который полетит иа ракете, стаиет русский богатырь. Имя его войдет в историю человечества...

«А ведь имя Циолковского уже вошло в историю,— подумал Горький.— Прав был Чижевский, прав был этот задиристый молодой человек. Да и сам он оказался таким, каким показался с первого взгляда: серьезиым, упрямым, иапористым, талаитливым. Ах, Александр Леонидович, Алексаидр Леоиидович, до чего же хорошая мы страиа! До чего же мы богаты талантливыми людьми!»

Интерес Горького к работам Циолковского иепрерывио возрастал. На Всероссийском съезде крестьян-

ских писателей он расспрашивал калужского журналиста и популяризатора науки К. Алтайского о его великом земляке, новых работах ученого, его здоровье, просил прислать последние сочинения Циолковского. Писатель не хотел отставать от тех, кому уже были известны новые идеи Константина Эдуардовича. Их нужно знать, о них нужно писать — к этому вновь и вновь возвращается мысль писателя.

Он пишет Алтайскому:

«Было бы хорошо, если бы Вы дали очерк о К. Э. Циолковском, т. е. о всех его работах,— размером не более листа в 40 т. знаков. Это для «Наших достижений». А затем — пора, давно пора! — написать об этом изумительном человеке книгу листов на 6 — на 10, написать популярно, рассказав подробно о его работах и об условиях, в которых он работал...

Я, наверное, помог бы Вам издать эту книгу».

Алтайский соглашается. А калужский фотограф А. Г. Нетужилин посылает Горькому «четыре фото, для очерка Алтайского о Циолковском. Собственно, для очерка три фото, четвертое, на паспарту, для Вас. Думаю, что Вам интересно иметь последнюю фотографию Константина Эдуардовича. Это самые недавние снимки, сделанные 6 мая с. г. Циолковский вообще довольно неохотно дает себя фотографировать. Очень скромничает».

Горький обрадовался письму и фотографиям, да потом оказалось, что вот это и все, что осталось от той переписки, ни книги, ни очерка, который устроил бы Горького, Алтайский не написал.

Что же, надо продолжить поиски — автора для книги о Циолковском, людей, которые знают ученого,— для того, чтобы можно было расспрашивать их о Циолковском. А расспрашивал Горький неутомимо, неукротимо, добродушно посмеиваясь, пряча свой неподдельный, детский почти интерес под этой усмешкой.

Своему давнему корреспонденту Щербакову, жившему в Калуге, он написал:

«Сергей Васильевич!

Разумеется, я приеду в Калугу, и мы посмеемся за чаем. У вас, кстати, некто Циолковский открыл наконец «Причину космоса», так мы и его чай пить пригласим, и пусть он покажет нам эту «причину», если она имеет вид

приятный. Ты, Сергей Васильевич, тоже когда-то причину эту в трубу на звезды глядел усердно, искал, так что Циолковского, наверное, знаешь? Любопытный, должно быть, народ калужане, если они способны эдакие «причины» открывать...»

«С Циолковским знаком более 30 лет,— ответил Щербаков,— еще из Нижнего имел с ним переписку по поводу его исканий «Причины всех причин». Изредка встречались, встречи обычно бурные».

Причина всех причин... В чем же она? В пределах человеческого познания? Или в тех пределах, которые ставят человеку не границы его разума, а границы его возможностей?

Циолковский верил в существование внеземных цивилизаций. Вот его пророчество: «Человечество не останется вечно на Земле...»

Но возможность существования иных цивилизаций предполагал еще и Кеплер, живший задолго до Циолковского: «Не так уже невероятно, должен я заметить, что обитатели имеются не только на Лунах, но и на самом Юпитере.— Однако, заметив это, Кеплер скептически итожил: — Едва ли кто-нибудь постигнет искусство летать и найдется достаточно поселенцев из числа нашего человеческого рода».

Найдется достаточно! И искусством летать овладеем! Дело-то какое — почти фантастическое, в руках Вселенная, как бы не ошибиться, не проморгать пять-шесть галактик с населением в десять триллионов...

В сентябре 1932 года, в день рождения Константина Эдуардовича, Горький посылает ему телеграмму:

«С чувством глубочайшего уважения поздравляю вас, Герой Труда».

Семидесятипятилетний юбилей Циолковского становится праздником науки, торжеством его идей, большим событием в жизни Страны Советов. Спустя несколько дней, отвечая на приветствие великого пролетарского писателя, Циолковский писал:

«Дорогой Алексей Максимович!

Благодарю Вас за Ваш привет. Пользуюсь Вашим расположением, чтобы сделать полезное для людей. Я пишу ряд очерков, легких для чтения, как воздух для дыхания. Цель их: познание Вселенной и философия, ос-

иоваиная на этом познаиии. Вы скажете, что все это известио. Известно, ио ие проиикло в массы. Но не только в иих, ио и в интеллигентиые и даже учеиые массы...»

Горький рад этому послаиию. С этого дия между писателем и учеиым устанавливается регулярная переписка.

Несмотря на преклоииый возраст, Циолковский полон творческих плаиов. Он продолжает разрабатывать теорию межпланетных полетов, занимается эффектом воздушной подушки (идея бесколесиого поезда), делает удивительно много теоретических вычислений. Только за тридцать лет научной деятельиости (с 1891 по 1921 год) Константин Эдуардович иаписал более сорока кииг, из которых было издаио почти тридцать. В этом удивительном библиографическом реестре были работы по физике, воздухоплаванию, химии, истории, естествознанию...

Горький жадно дышал воздухом Родины. Он иеутомимо ездит по страие: ему хочется видеть людей, преображающих жизнь, и эту удивительиую страну, вызывающую столько разных суждений за рубежом. Ему хочется больше увидеть, ои торопится,— успеть бы совершить задуманное, успеть бы узиать иезнаемое...

Выступая иа торжествеиюм собраиии бакинских рабочих, Горький сказал:

— Человек создаи затем, чтобы идти вперед и выше. Не может быть какого-то благополучия, когда все лягут под прекрасными деревьями и больше иичего ие будут делать. Этого ие будет, люди полезут иа Марс («Вы слышите, уважаемый Александр Леонидович? Да-да, иа Марс, я помию все, иичего ие забыл...»), будут переливать моря с одного места иа другое, выльют море в пустыню и оросят ее.

И понемногу в его речь входит космическая термииология, редкие и малоизвестиые слова Коистаитииа Эдуардовича Циолковского.

Это был уже ие двадцатый год, тяжелый и голодный, опалеиный ветрами войиы иа иескольких фронтах. Это было уже другое время и другие песии. Страиа строила колхозы. Страиа прокладывала каиалы и железные дороги. Страна развивала иидустрию. Страна строила самолеты и пела о том, что мы рождеиы, чтоб сказку сделать былью... Но эта быль иачала прорастать тогда, в тяжелый, голодиый, опалениый ветрами войны двадца-

тый год: «Мы победим, в этом нет сомнеиия, несмотря на истощение и усталость».

Страна строила самолеты... Сын Горького Максим Пешков, с детства влюбленный в авиацию, днюет и ночует в ЦАГИ. В коиструкторском бюро Аидрея Николаевича Туполева строится воздушный гигант «Максим Горький». Восемь двигателей, взлетиый вес — сорок две тоииы, дальность беспосадочного полета — две тысячи километров! Самолет строится иа средства, собраиные почитателями таланта Алексея Максимовича Горького. Что ж, самолеты — это близкое иебо. Дальше космос. Дальше — ракеты. Алексей Максимович, улыбаясь, выслушивал восторженные рассказы сына об авиации и авиаторах и думал о Циолковском.

Ученый написал ему:

«Беллетристы в живых красках дают понятие о жизии. Оии иаши учителя, а один из крупиейших — **Максим Горький** (подчеркнуто Циолковским.— *В. М.*). Пусть же он здравствует!

Я давно написал книгу «Свойства человека». Материалами служила ие только иаука, но и писатели, художиики.

Ваш *К. Циолковский»*.

В книжных шкафах Горького одна полка специальио отведеиа трудам Циолковского, подаренным Константииом Эдуардовичем и прислаииым Алексаидром Леоиидовичем Чижевским. Увидев на одиой из тонких брошюр черно-серое тиснение названия «Тяготение как источиик мировой энергии», Горький взял ее в руки и, не раскрывая, попытался осмыслить неведомое — тяготение как источиик! Прелюбопытно. Бережио вернул брошюру иа место. Взял «Калужский вестиик» за 1896 год со статьей Коистантина Эдуардовича «Может ли Земля заявить жителям других планет о существоваиии иа ией разумных существ». Рядом увидел киигу Циолковского «Ракета в космическое пространство» — вот он, замечательный труд мыслителя и учеиого...

Как хорошо, что у Циолковского есть ученики, спообиые глубоко и аргумеитированио пропагаидировать его труды! Всенепременно и сейчас же он должен позвоиить Чижевскому, всеиепремеиио...

— Алексаидр Леоиидович, милейший! Скажите Кои-

стантину Эдуардовичу, что работы его, по моему разумению, принадлежат всему человечеству, и прежде всего советскому народу. Мы сейчас необыкновенно сильны, социализм является лучшей экономической базой для претворения в жизнь идей космоплавания,— взволнованно проговорил Горький. Чижевский слушал его почтительно, и Алексей Максимович тотчас же представил себе того робкого и одновременно задиристого юношу, который переступил порог его квартиры в Машковом переулке уже почти полтора десятилетия тому назад,— да нет, уже не робкий юноша, большой, серьезный ученый. Горький улыбнулся.— Александр Леонидович! А как насчет Марса — не раздумали? Полетим? — и, услышав понимающий смешок Чижевского, повесил трубку, счастливый и умиротворенный.

Через несколько дней Алексей Максимович услышит по радио голос Константина Эдуардовича, вслушается в него с необычайным волнением: «Все труды по авиации, ракетоплаванию и межпланетным сообщениям передаю партии большевиков и Советской власти — подлинным руководителям прогресса человеческой культуры».

Из неиссякаемого потока почты Горький извлек короткую записку. Москвич Г. И. Солодков писал: «Издание трудов К. Э. Циолковского «Реактивное движение» и «Аэростат» затянулось.— Горький тут же в особой тетради сделал пометку «Проверить».— Бесконечная цепь причин, тормозящих издание до сего времени, заставляет предполагать, что при бумажном кризисе эти книги будут выпущены на плохой бумаге и с весьма большим запозданием против обещаний, дававшихся перед и во время юбилея. Труды в настоящее время имеют большую ценность как первоисточник, математически обоснованный, в области воздухоплавания и ракетного движения...»

Да-да, уважаемый товарищ Солодков прав: работы Циолковского имеют огромное значение. Это признают все. Даже господин Оберт признал: «Вы зажгли свет, и мы будем работать, пока величайшая мечта человечества не осуществится».

Она осуществится, непременно осуществится, но пока — пока надо немедленно издать работы Циолковского, и лучше — массовым тиражом. А Солодкову — светлая голова! — спасибо.

Мало сделано, еще мало. Да, имя Циолковского приобрело широкую известность, сделалось авторитетным в научных и литературных кругах, и все же... Где книга, где хотя бы очерк о великом соотечественнике? Где? Алтайскому работа не удалась, но кто сделает лучше? Циолковский выступает по радио, консультирует кинематографистов, дает интервью, но писатели — разве все они сделали, чтобы прославить русского ученого? Только опираясь на коллектив, сообщество единомышленников, неукротимую энергию масс, можно творить чудеса. Кем был Циолковский со своими идеями, открытиями до революции, до того, как народная власть приступила к реализации гениальных гипотез ученого? Чудаковатый учитель провинциальной гимназии. И кто он сегодня!

Горький уже много раз обращался к способным журналистам, давал советы, как лучше написать о Циолковском,— и все безрезультатно. Не покажется ли ученому беспомощность писателей — безразличием не к судьбе его, а к великим открытиям, дающим людям власть над природой, ключ к познанию многих тайн?

Нет, надо довести это дело до конца.

Алексей Максимович беседует с журналистом Михаилом Лукьяновым, а тот не понимает, почему Горький так пристрастно экзаменует его, сотрудника журнала «Наши достижения», по научно-космической фантастике.

— Вам, голубчик, надо внимательно проштудировать Константина Эдуардовича,— Горький встал, поискал на столе мундштук, разминая папиросу, проницательно посмотрел на Лукьянова.— Советую начать вот с этой работы.— Алексей Максимович взял со стола книгу «Жизнь в межзвездной среде».— Должен вам сообщить, что работа прелюбопытнейшая! Вот, голубчик, послушайте: «Если эту маленькую планету превратить в жилище для людей, растянув в просторный длинный цилиндр, то тяготение его еще уменьшится во множество раз, а внутри цилиндра его совсем не будет». Любопытно? А? Почитайте еще «Исследование мировых пространств реактивными приборами»...

И все же Лукьянов никак не мог уразуметь, за какую такую провинность заставляют его читать научные трактаты на диковинную и такую далекую от задач реконструкции хозяйства тему. Он искательно поглядел в глаза писателя: может, Горький его разыгрывает? Но

Горький, словно он и не заметил состояния собеседника, продолжал:

— Все это надо прочитать немедленно, ну, допустим, за одну ночь... Я снабжу вас письмом к Константину Эдуардовичу — и вы тотчас должны выехать в Калугу.

— Я с большим удовольствием,— вздохнул Лукьянов.— А в поезде я все и почитаю...

— В поезде? — загремел знаменитый горьковский бас.— Разве можно об этом читать походя? Нет уж, голубчик, познавайте азы космической науки дома, в спокойной, располагающей к познанию обстановке. Позвольте.— Горький протянул руку за «Исследованием мировых пространств реактивными приборами».— Послушайте: «Есть другой мир — духовный, который откроется нам, когда мы кончим наш жизненный путь. Этот мир не доступен нашим чувствам: но он откроется перед нами в свое время, когда мы предстанем перед ним...» Вам все понятно? — Лукьянов неопределенно пожал плечами.— А мне нет. А знать очень хочется.

— Когда мы кончим наш жизненный путь,— повторил Лукьянов и снова вздохнул.— Да-а... Мистика какая-то...

— Работайте,— усмехнулся Горький.— Работайте.

Лукьянов выехал в Калугу через несколько дней.

Циолковский радушно встретил гостя, но не затем, чтобы рассказать ему о себе. Нежелание ученого говорить о себе было беспредельно, или, во всяком случае, оно было сильнее, чем терпение журналиста.

— Послушайте, Константин Эдуардович,— в отчаянии сказал Лукьянов.— Горького интересуют ваши новые работы. Горького!

— Пожалуйста,— с неожиданной кротостью согласился ученый.— Для Горького — пожалуйста.

И начал рассказывать.

В блокнот ложатся первые фразы. Лукьянов пишет:

«Доказав уже давно возможность внеземного летания, Циолковский продолжает все время разрабатывать эту идею. Последние солидные работы строго научного порядка выдвигают уже целый космический поезд, состоящий из ряда ракет...»

Так эти слова и войдут в статью.

И далее:

«Изменять направление и скорость возможно с помощью маленьких ручных ракет. С ними, в газонепрони-

цаемой одежде, человек может выйти из ракеты и передвигаться в эфире — в среде, лишенной тяжести...»

Констаитии Эдуардович с уважеиием говорит о Годдарде, Оберте, Эсио-Пельтри... Это свидетельство благородства учеиого Лукьянов заносит в блокнот, а дальше пишет:

«Но право научиого приоритета (первенства) в области звездоплавания остается за Циолковским. Он первым в мире поставил на строго научиую точку зрения величайшую из всех идей, когда-либо приходивших в голову изобретателя».

Журналист с нескрываемым восторгом слушает старого ученого. Неужели это было всего лишь несколько дней назад — непонятный разговор с Горьким, казавшиеся скучными научные трактаты? Неужели всего несколько дней назад он ничего или почти ничего не знал о Циолковском? Могло ли такое быть?

Но — было. Теперь — по-другому.

Опубликовав очерк Михаила Лукьянова, Горький с радостью извещает об этом Циолковского.

Константин Эдуардович был в это время болеи. Превозмогая тяжелый иедуг, он пишет иесколько строк на своей работе «Непрерывность жизни». И просит передать Горькому слова горячего привета и благодариость за внимание к его скромному труду.

Но встретиться им так и не придется.

Горький уже решил — ои отправится в Калугу в мае 1934 года. Но замыслу ие суждеио будет осуществиться: быстротечиая болезнь и смерть сыиа не позволят ему поехать к Циолковскому. В том же, 1934 году при активном участии Алексея Максимовича выйдет в свет двухтомное собраиие трудов К. Э. Циолковского. Через год великого мечтателя из Калуги не стаиет. А еще через год осиротеет наша литература, осиротеет пролетарская страна — перестанет биться сердце ее Буревестиика.

Пройдут годы. Наша страиа первой в мире осуществит полет человека в космическое пространство, и первым в бездны космоса проникиет советский человек — Юрий, Юрий Алексеевич Гагарин. Ему, первому космонавту мира, будет поручено выступать на вечере, посвященном 100-летию со дия рождеиия Алексея Максимовича Горького.

Он возьмется за дело с присущей ему эиергией, с его

постоянным стремлением делать любую порученную ему работу ответственно и надежно.

Вот первая фраза. Вот первый абзац. Вот начало.

«Горький был другом Ленина, вдохновенным певцом революции, крупнейшим писателем мира. Его художественные произведения продолжают доставлять нам огромное наслаждение. Он мудрый советчик, друг. Человек, пробуждающий в каждом из нас лучшие чувства и стремления. Он вдохновляет нас на величайшие дерзания. Его произведения любил Главный конструктор советских космических кораблей. Ими зачитывался летчик-космонавт Комаров. Горький — один из самых любимых моих писателей...»

Гагарин отложил перо, задумался. Горький и Ленин, Ленин и Горький... Владимир Ильич пророчески говорил о безграничных возможностях человеческого разума, опирающегося на практику, на диалектико-материалистическую теорию познания. Наука, говорил Ленин, уже открыла много диковинных вещей, явлений в природе, в окружающем нас мире, она откроет новые, еще невиданные явления и процессы. Идеи Ленина и ленинизма вдохновляют и окрыляют наших ученых, всех специалистов, занятых освоением космоса...

«И тут на Земле, и там в космосе,— продолжал Гагарин,— мы постоянно чувствуем на себе заботливо-требовательный и ободряющий взгляд великого Горького, слышим его вдохновенные гимны «безумству храбрых», гимны «гордому Буревестнику», который «над тучами смеется». В душе каждого из моих товарищей-космонавтов, в душе каждого из тех советских людей, кто собирает и отправляет нас в космос, живет несокрушимый дух горьковского Сокола...

...Невозможно измерить одухотворяющую силу горьковских образов смелых и мужественных людей, людей благородного и высокого свершения. Мы чувствуем проявление этой силы в подвигах Александра Матросова и Зои Космодемьянской, в отваге молодогвардейцев и героев Бреста, в несгибаемом мужестве защитников города Ленина, защитников Сталинграда, в решимости бойцов, штурмовавших рейхстаг...

История сохранила ярчайшие свидетельства огромной близости Горького и Красной Армии, веры в ее несокрушимую мощь. Мы убеждены также, что наше сегодняшнее стремление раскрыть тайны Вселенной является органическим продолжением того великого дела

нашей эпохи, которое всю жизнь утверждал Горький. Неспроста в той же «Песне о Соколе» он стремился связать с идеей безумства храбрых мечту о постижении человеком всех тайн мира, мечту о том, чтоб «трепетные узоры звезд» зазвучали для нас «дивной музыкой откровения». Неспроста, прославляя революционную борьбу, он связывал с ее результатами будущее человечества, «когда люди станут любоваться друг другом, когда каждый будет, как звезда перед другими!». Восхищенный первыми успехами социалистического строительства в Стране Советов, Горький уже в те годы предсказывал, что наши люди будут на Марсе...»

...27 марта 1968 года я дежурил в Главном штабе ВВС. В этот день Гагарину был разрешен полет на одном из аэродромов ВВС. Обычная рабочая обстановка — и вдруг сообщение: «Исчезла на локаторе отметка самолета Гагарина».

Время, кажется, остановилось. Стало тихо в комнате, коридорах. Потом тишина стала нестерпимой, хотелось рвануться, что-то сделать, куда-то бежать. Не смотреть ошалело на телефон, принесший такое известие. На мгновение выглянуло солнце. Потом за окном о металлический карниз стукнула капля — начал таять снег.

Почему нет связи с Гагариным?

Тянулись томительные часы. Включены дополнительные радиолокаторные средства, в воздух подняты поисковые вертолеты. Комплектуются оперативные отряды, на аэродром одна за другой выезжают «Чайки», «ЗИМы», «Волги».

Звонит телефон.

Наверняка сейчас кто-то спросит: «Это правда?» И этому человеку нужно ответить. Перед глазами светится улыбка Гагарина. Беру телефонную трубку.

— Вас слушает дежурный...

— Говорит капитан второго ранга Кучеров. Я хотел бы связаться с Юрием Алексеевичем Гагариным и сообщить ему, что буду встречать его у двенадцатого подъезда Дворца съездов. Алло, алло...

Что я мог ему ответить?

— Слушаю вас.

— Я хотел бы связаться с Гагариным...

— Можно перенести все на завтра?

— Можно.

В комнату стремительно вошел полковник Борис Александрович Котт. Он говорит, что слышал о письме, полученном от одной из американских нотариальных контор. В письме сообщалось, что созданное в США акционерное общество готово рассмотреть просьбу мистера Гагарина в случае, если он захочет приобрести земельный участок на Луне. Разумеется, ему, как первому космонавту, предоставляются льготы.

— Давай сейчас позвоним Юрию Алексеевичу,— предложил Котт.— Пусть посмеется.

— Нет, сейчас не стоит...

Я отвел глаза. Пока я не мог сказать правду...

Совсем недавно, в день, когда Гагарин возобновил полеты, позвонил Константин Александрович Федин. Юрий Алексеевич только что вернулся с аэродрома, заполнял послеполетную документацию. Сегодня он налетал 1 час 52 минуты...

— Выступить? — изумился Гагарин предложению Федина.— Ведь это же Горький!

— Да, Горький,— спокойным глуховатым голосом говорил председатель юбилейного горьковского комитета...— Именно вам и следует говорить о нем. Горький был близок к ученым, занимавшимся ракетно-космическими проблемами, многим помог, многих поддержал... Да что я вам об этом говорю! Познакомьтесь поближе с перепиской, статьями Горького — сами поймете, почему именно вы должны выступить на юбилее Горького...

— Хорошо, Константин Александрович,— ответил Гагарин.— Буду готовиться.

И он начал готовиться.

Но в чем его задача? Показать влияние писателя на распространение идей воздухоплавания? Или роль воздухоплавания в судьбе Горького?

Его сын с детства мечтал стать пилотом. Его сын бредил авиацией. Его сын проводил дни и ночи на заводе ЦАГИ, когда строился там самолет-гигант «Максим Горький». А когда он умирал, прочитал Гагарин в воспоминаниях о Максиме Пешкове, «в падающей от люстры тени ему мерещился невидимый глазу неприятельский аэроплан. Он говорил, что если прищуриться, то под некоторым углом зрения можно увидеть очертания самолета, что он открыл секрет конструкции этого аэроплана. Одновременно карандашом на коробке от папирос Максим чертил какие-то авиационные конструкции...»

Да, от сына Горький узнал многое о том, какой страстью может стать небо. Но над тем, какой страстью может стать жажда познания неведомого, писатель задумывался всю жизнь.

«Затерянный среди пустынь Вселенной,— писал Алексей Максимович в 1903 году,— один на маленьком куске земли (Горький еще не был знаком с работами Циолковского, не вчитывался в романы Герберта Уэллса), несущемся с неуловимой быстротою куда-то в глубь безмерного пространства, терзаемый мучительным вопросом — зачем он существует,— Он мужественно движется — вперед! и — выше! — по пути к победе над всеми тайнами земли и неба».

Горький постигал смысл существования человека, пределы его возможностей.

«Я вижу его гордое чело и смелые, глубокие глаза,— записывает Гагарин.— Алексей Максимович укладывал словечки в строчки, как печник притирает кирпич,— а в них лучи бесстрашной Мысли, той величавой силы, которая в моменты утомления — творит богов, в эпохи бодрости — их низвергает».

Гагарин волнуется, прикоснувшись к жизни великого человека. Он читает письма, дневники Горького, делает выписки. Он вчитывается в забытые тексты, извлеченные на свет счастливыми архивистами, заполняет карточки — и в этом извечное его стремление к точности.

И время, остановленное газетной строкой, проходит перед ним.

Публикация в «Известиях» о книге Германа Оберта. Шумиха о Годдарде, а как же Циолковский? Нет, приоритет русского ученого удалось отстоять, и среди тех, кто защитил родоначальника космонавтики и ракетодинамики,— великий пролетарский писатель Горький.

Горький... Горький и Ленин. Ленин и Циолковский, Циолковский и Горький. Там, в тревожной осени 1920 года, начало всех начал. Именно там исток той бесконечной дороги, которая привела человека в космическое пространство, и этим человеком, первым из людей Земли, был он, Гагарин, простой советский парень из русского города Гжатска. Вот почему Федин сказал: «Именно вы, Юрий Алексеевич, должны выступить на юбилее Горького...»

Возвратившись домой после очередного полета, Гагарин снова принимается за незаконченную речь. Ему ра-

ботается хорошо. Он много думает о Горьком, снова и снова вчитывается в его письма...

Двадцать шестого марта после предварительной подготовки к полетам Юрий Алексеевич Гагарин снова напряженно работал: прочитал почту, внес дополнения в свою речь на вечере памяти Горького, которую он озаглавил «Певец звездных далей», положил ее на правую сторону стола.

...Жители совхоза Новоселово привычно начинали свой трудовой день. Пенсионер Николай Иванович Шальнов, уважаемый на селе человек, в прошлом учитель, в это утро вышел на прогулку. На улице было тихо. Внезапно Николай Иванович уловил гул самолета. Видимо, он был где-то высоко в небе, за облаками. Звук приближался, то становился густым, сильным, то удалялся и становился похожим на равномерное гудение жука. Вдруг Николаю Ивановичу показалось, что самолет загудел где-то совсем близко. Учитель поднял голову и увидел, как из облаков с ревом выскочил истребитель и, легко покачивая крыльями, как по наклонной горке, пошел к земле. Шальнов подумал, что с самолетом что-то произошло, что через несколько секунд может быть катастрофа. Если бы можно было что-то сделать, помочь, остановить! Но самолет на некоторое время обрел управление. Даже, подняв нос, попытался уйти в небо. Но снова сорвался, пролетел почти над домом Шальнова и со свистом и диким ревом, ломая верхушки деревьев, врезался в землю...

...Речь, написанная Гагариным, лежит в музее Звездного городка, в мемориальном служебном кабинете летчика-космонавта СССР полковника Юрия Алексеевича Гагарина, среди многочисленных папок, писем на его рабочем столе.

Ирина ВОЛОБУЕВА

АПРЕЛЬ В МОЕЙ ЖИЗНИ

Случилось так, что 12 апреля 61 года — в день полета Юрия Гагарина в космос — я не включила утром радиоприемник.

Позже, придя по делам в радиокомитет, я была буквально потрясена, узнав, что человек в космосе.

Один из сотрудников отдела, возбужденный, с округлившимися от волнения глазами, не ответив мне на приветствие, тут же втолкнул меня в соседнюю пустую комнату со словами:

— Пиши! Сейчас же пиши об этом! Сразу пойдет в эфир! Даю тебе ровно пятнадцать минут! — И дверь защелкнулась. Человек в космосе! Кто он? Какой? Сколько я ни старалась, никак не могла сосредоточиться и выдавить из себя хоть одну стихотворную строку.

Минут через пятнадцать он влетел в комнату и, увидев чистый лист бумаги на столе, с огорчением воскликнул:

— Не написала?! Тогда сиди! Пока не напишешь, не выпущу!

Несколько успокоившись, я вскоре стала поспешно набрасывать на бумагу строки, которые мне диктовало сердце.

Срывающимся от волнения голосом читала я в микрофон только что родившееся стихотворение, зная, что его слышит вся страна, а может быть, и ОН — герой космического полета.

На другой день, когда уже всем стало известно имя Юрия Гагарина и он, улыбаясь своей обаятельно-юной улыбкой, махал с экрана телевизоров всему земному шару, меня пригласили выступить с этим стихотворением на телевидении.

В тот же день оно появилось в газете «Известия», а потом осталось жить в моей книге.

Мне особенно дорого то, что, возможно, это — самое первое стихотворение, посвященное нашему бесстрашному космонавту — Юрию Гагарину, имя которого будет помнить все человечество, пока существует Земля.

12 АПРЕЛЯ 1961 г.

Прорвав громады грозных облаков,
Он взвился к далям звездных берегов
От звезд Кремля, горящих беспокойством,
И нет пока еще на свете слов —
Воспеть его великое геройство.

Мир потрясен.
Он плещет, как поток,
Сенсации бушуют, как стихии,
И Родина, сквозь гром газетных строк,
Обняв его, шепнула: «Мой сынок»,
И Век сказал: «Достойный сын России».

АПРЕЛЬСКИЙ ПОЛДЕНЬ

Апрельский полдень незабвенный,
Он был, как чудо, нам подарен,
Когда, вернувшись из Вселенной,
Пришел к писателям Гагарин.

Он говорил про лик планеты,
И в те немыслимые дали
С глазами влажными поэты
В ракетах мысленно взлетали.

И гордо в светлых стенах зала,
Где не смолкал оваций грохот,
Сердца людей приподнимала
До звезд взлетевшая эпоха.

И в потрясенном мирозданьи,
В притихшем голубом апреле
На высоту высотных зданий
Дома задумчиво глядели.

Выступавшие с приветственными речами были счастливы пожать руку первому в мире космонавту, выразить свое чувство восхищения и подарить ему собственную книгу с автографом.

И те литераторы, которые переполняли зал, радостно возбужденные, поднимались на сцену, и на столе, за которым сидел президиум, все росла и росла кипа книг с дарственными надписями.

К концу встречи книг было такое количество, что космонавту, видимо, пришлось увозить их на грузовой машине. И мне очень дорого то, что среди этой уникальной библиотеки есть и мой скромный сборник лирических стихотворений.

В КРЕСЛЕ САМОЛЕТА

В. Терешковой

Вот здесь, на небе, в кресле самолета,
Светящего крылами на свету,
Мне вспомнился вдруг Валин день полета,
День, набиравший века высоту.

...Да, в тот апрель, когда, как чуда росчерк,
Весть вкруг планеты сделала виток,
И повидать Гагарина на площадь
Шел москвичей восторженный поток.

Мы твердо знали: рано или поздно
На корабле, закованном в металл,
Одна из нас помчит дорогой в космос,
Которой сам Гагарин пролетал.

А девушка еще не знаменитой
Уже в бессмертье делала рывок.
...Не мне судьба сулила ту орбиту,
Ни звездный путь, ни Звездный городок.

Я прожила на свете много дольше,
Мой путь по жизни был куда длинней...
Ну, пусть не Валей, пусть ее дублершей
Я стать могла бы в юности своей.

Да, я б могла!
Затем, что в той дороге,
В той взлетной, в той геройской без прикрас,
Сама Россия, совершая подвиг,
Его ростки выращивала в нас.

Давала нам отважности уроки
На трассах покоренья высоты.
...И я бы, Валя, в сложной тренировке
Не подкачала б так же, как и ты.

И в летний день, известный всей Вселенной,
Пред тем, как взмыть тебе в глухую высь,
Я б чокнулась с тобою гермошлемом:
— Счастливый путь! До скорого!
Держись!

Но ты ждала тогда сигнала — слова,
Как перед пуском тетивы стрела.
И вот раздался голос: — Ты готова?
О, как давно готова ты была

К тому, чтобы вдали остались горы,
Дома и чащи, чтобы наяву,
Врываясь в космос грохотом, моторы
С земли до звезд вспороли синеву.

Чтоб шар земной был радугой окрашен
Под звездами стального корабля.
И что скрывать?
Конечно, было страшно,
Покуда не откликнулась Земля.

Расчерченная реками на части,
В ночных тенях, в слепящем свете дня...
О, как ты ей всегда хотела счастья!
— Земля, я — Чайка!
Слышишь ли меня?

А на земле в автобусах, в трамваях,
Сердец касаясь огненным крылом,
Носилась весть о космонавтке Вале,
Из уст — в уста, из дома — в каждый дом.

Влетала в хижины, в таверны, в небоскребы,
Неслась над зноем замкнутых пустынь,
И шар земной глядел на подвиг в оба,
На новый подвиг русских героинь.

На ту страну, где в солнечиой пороше
В одной дороге и с одной судьбой
Мы, женщины, ревниво, как дублерши,
Следили с восхищеньем за тобой.

ЖЕНЩИНА В КОСМОСЕ

Женщина в космосе!
Женщина в космосе!..
Гордо вещает Москва рупорами.
Весть вкруг земного вращается глобуса,
Мчит в поездах, на метро и в автобусах,
Разными странами и городами.

— Женщина в космосе!!! —
слышно на улицах
В гуле,
в потоке огней электрических...
...Мне представляется путь революцин
От баррикад до просторов космнческнх.

Годы нстории — сказы былинные...
Мне представляются в мнре встревоженном
Все делегатки в косынках малиновых,
Славные летчнцы в шлемах н в кожанках.

Мне представляется в центре столетня,
В бронзе воскреснув,
Под солнцем, под грозами
Зоя глядит с пьедестала бессмертия
В космос, сигналящнй ждущими звездами.

СТОЛИЦА ЖДЕТ НЕБЕСНЫХ БРАТЬЕВ

Мы с планеты за ними следили внимательно,
Ожидая из космоса добрых вестей.
И с тревогой в душе каждой думалось матери,
Что она ожидает родных сыновей.

И когда мы видали их лица отважные
В телевизорах,
в мирных огнях тишины,
Все волнения личные были неважными
Пред величьем события ждущей страны.

Мы их ждали неистово, радостно, гордо.
Нам казалось — мы видели в звездной дали,
Как навечная слава крылатого подвига
Обвивалась вокруг потрясенной земли.

И сердцами за ними по космосу следуя,
Мы слыхали за шумами радиоволн,
Как с героями наша столица беседует
С материнским волненьем и с добрым теплом.

Мы их ждали.
А ныне весь мир в напряжении
Зорко смотрит, как в небе
сквозь свет синевы
Мчится подвиг, достигший зенита свершения,
Из Вселенной на Красную площадь Москвы.

* * *

Космодром под рассветной полоской
Отправляет ракету в полет.
И как в поезд —
стихи Маяковского
Космонавт на дорогу берет.

И, врезаясь в пространство, как лезвие,
Над землей, в невесомой тиши,
Все взлетает,
взлетает поэзия
До еще небывалых вершин.

И я верю: за далями ясными,
Взяв невиданной силы разбег,
Все, что создано нами прекрасного,
До галактик домчит человек.

Юрий **ВЕРЧЕНКО**

ЭПОХА ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

В иачале пятидесятых годов о космосе писали мало. С запуском первых искусствеиииых спутииков Земли писали осторожио. Позиавали тему, прииоравливались к жаиру. Но свершилось великое — и в одиочасье космос из области фаитастики перешел в область реальиых жанров.

Как всегда, впереди шла лирика. Поэты стремительно, легко вошли в тему. Прозаикам было трудиее. Не хватало простора для обобщеиия, истории для ретроспекции, характеров для типизации. Очерк, публицистика укреплялись иа страиицах газет, ие посягая иа плотиые ряды журиальиых полос.

Космос волиовал всех, космос, овладев умами человечества, иитересовал всех. Его мало зиали, ио его все любили.

Каждое иовое слово о космосе и космоиавтах иемедлеиио прочитывалось. Люди, которые писали о космосе, казались такими же великими и загадочиыми, как и космоиавты. Космос, открыв тему, породил и своих авторов. Большиииство журиалистов и писателей были еще ие известны читателям.

Люди миого веков мечтали обозреть иашу плаиету с высоты птичьего полета, увидеть другие Миры. Эта мечта была утопической.

Художествеииая фаитастика прокладывала дорогу иаучиому эксперименту. Размышляющая проза обгоияла

эмоциональную поэзию. В XVII веке Сирано де Бержерак пншет «Государства Луны», а в XIX веке Ашнль Эро — «Путешествие на Веиеру». Вндите, и Луиа, и Венера как объект иаучного исследования были предложены пнсателямн. Об этом мечталн Жюль Вери и Алексей Толстой, Герберт Уэллс н Александр Казанцев, Антуаи де Сент-Экзюпернн Иван Ефремов.

К. Э. Цнолковскнй, Фридрих Цандер, Мартии Кэйднн, Сергей Королев, Ашнль Эро, Ари Штернфельд, Герман Оберт, Роберт Годдард, Аиатолнй Благоиравов, Роберт Эсно-Пельтри, Алла Масевич, Герман Гаисвнндт и Владнмнр Артемьев стоялн у нстоков освоения космического пространства.

Чем ближе к нам становнтся космос, тем дальше от иас отходнт тот деиь, когда плаиета Земля на еднном, восторжениом выдохе произнесла имя: Юрий Гагарни.

Но я, наверное, ие очень преувелнчу, еслн скажу, что любозиательность людей грядущего будет устремлена не только в космнческие тайны, в иовое завтра, ио н в прошлое, во вчера, в легенды о том и в историю того, как иачнналась дорога землян к космическим высотам. История эта будет иакапливаться, иасланваться и обогащаться по мере того, как будут «вычерпываться» тайны космоса. Более того, смею думать, что позианне истории освоення секретов Вселениой будет отставать от самого процесса проиикновеиия в космос, потому что летопнсцы всегда приходят в жизнь позже самнх событнй, о которых они пишут. Не исключено даже, что, когда дальнейшее иаступление на космос станет работой, буднями,— а это происходит уже на наших глазах,— когда романтическнй ореол космнческнх професснй растворится в океане солнечиого света, к которому мы прнблнжаемся не только разумом, но и физнческн,— не исключено, что еще большую романтическую таннственность и нитерес обретет все то, что связано с первымн шагами людей — первых космооткрывателей иа Земле: сначала мечтателей, потом ученых, потом героическнх и геннальных практиков, с первым шагом первого космонавта к первому космическому (еще треннровочиому) кораблю, н я не уверен, что мы в полной мере осознаем сегодня всю поэтическую масштабность, все общечеловеческое величне этого гагарннского шага.

По-деловому сосредоточенный академик Сергей Павлович Королев предлагает будущим космоиавтам осмот-

реть корабль — шарообразный предмет с круглым люком в верхней его части. И ответом ему была радостная гагаринская улыбка и проворно снятые, как при входе в чистую избу, ботинки.

«...Фамилия Гагарина прочно утвердилась в сознании академика Королева. Как-то он сказал:

— Какое уважительное отношение к труду товарищей! — и одобрительно покачал головой»,— пишет Виктор Митрошенков об этой встрече космонавта-1 и Главного конструктора.

Маленький штрих, локальная деталь, но она возвращает нам одну из неповторимых теперь минут, делает нас прямыми свидетелями предстартовых событий, открывает одну из черточек характера Юрия Гагарина, тех прекрасных его примет, без которых выход на космическую орбиту именно Юрия Гагарина мог бы казаться человечеству счастливой случайностью. Не случайно, а закономерно первым оказался Юрий Гагарин. Человечество тысячелетиями формировало и отбирало из своей среды такого умного, молодого, доброго, красивого, чистого, храброго, скромного, знающего, думающего, любящего.

Жизнь свела меня с Гагариным в апрельские дни 1961 года. Застенчивый, стеснительный, он появился в здании ЦК ВЛКСМ, приглашенный для вручения ему высшей комсомольской награды, и осветил всех нас, сотрудников аппарата Центрального Комитета комсомола, гостей и многих находящихся здесь секретарей обкомов и ЦК союзных республик, солнечным светом.

Рассказывал Юрий Алексеевич долго, необыкновенно увлеченно и поразительно откровенно. Фантастичность полета не была закамуфлирована наукообразными выражениями, собственная радость не гаснлась в суровом безразличии лица. Юра был весел, радовался жизни, своему полету, встрече в ЦК ВЛКСМ. Он не скрывал своего волнения. Мне думается, что он сохранил это романтическое и честное восхищение жизнью до конца дней своих.

Юра охотно отвечал на вопросы, с большой почтительностью оставлял автографы, с искренней сердечностью пожимал руки, безотказно фотографировался.

Покидать конференц-зал не хотелось. Встреча с первым космонавтом планеты всколыхнула душу, пробудила неудержимую энергию.

Его полет открывал во всех нас новую эпоху человечности, неутомимого поиска, неудовлетворенности достигнутым. Видимо, и он хорошо понимал, что полет человека в космическое пространство — грань нового времени. Этот полет обогащал человечество, открывал новые перспективы, будил фантазию, являлся толчком в иауке, искусстве, культуре.

После завершения церемонии я ушел к себе в кабинет. Время было жаркое, мы готовили ряд всесоюзных мероприятий, разрабатывали документы, готовили предложения об улучшении молодежных коитактов. Рабочий день в эти весенние дни длился у нас долго. Мне удалось кое-что сделать, переговорить с рядом обкомов, как вдруг в кабинет вошел Юрий Алексеевич. Честно говоря, я несколько опешил: ведь мы не были знакомы. Вернее, я его знал, он же, разумеется, о моем существовании не ведал. Увидев в комнате людей, он несколько растерялся, но дверь не закрыл, продолжал смотреть на меня и, как я мог догадаться, ждал приглашения. Предположить, что Гагарин пришел ко мне, хочет поговорить, я не мог.

— Выход, Юрий Алексеевич,— наконец, нашелся я,— дальше по коридору.

— Я знаю. Ведь я летчик.

— Извииите.— В руке моей была сигарета. Я торопливо погасил ее, направился к нему.— Прошу вас.— Сотрудиики, извинившись, покинули кабинет.— Честно говоря, Юрий Алексеевич, от такой иеожиданности можно лишиться дара речи.

— Можно, но ие иужно. Вы ушли из зала, а мне хотелось познакомиться с вами. Гагарин.

Совершенная неожиданность.

— А я Верченко.

— Знаю.

— И я знаю, что вы Гагарии. И знаю о вас больше, чем вы о себе.

— Это почему же?

— Пропаганда должиа знать все.

— Но пропагаида еще многого не зиает. Можио мне внести предложеиие?

— Разумеется, можно. Комсомол — общественная организация, инициатива и самодеятельность необходимы в ее работе.

— Всегда, когда потребуется ЦК лектор о наших

достижениях в освоении космического пространства, я готов выполнить это поручение.

— Спасибо, Юрий Алексеевич...

— Пожалуйста,— торопливо сказал Гагарин и засмеялся.— Переходим на «ты» и по имени. Хорошо, Юра?

В комсомоле, в молодежной организации давно существуют простые и сердечные взаимоотношения; чинопочитание, лесть, поклонение системе иерархического эскалатора отсутствуют. Во мне была сформирована база товарищеских отношений, было лестно с таким известным и уважаемым человеком разговарнвать запросто, но я отказался от предложенной привилегнн, сохранив ее лишь за Юрием Алексеевичем: назвать Гагарина просто «Юра», перейти на «ты» было мне чрезвычайно трудно.

Мое уважение к Гагарину, родившееся в те дни, восхищение его подвигом, бесстрашием, мужеством усиливалось с годами и переросло в подлинное поклонение. Чем чаще мы встречались н чем больше я узнавал его, тем сильнее привязывался к нему. Я не могу объяснить феномен Гагарина, но его гнгантский авторитет, та неукротимая слава, которая буквально обрушилась на него, и та беспредельная известность, которой не имел еще ни один человек мира, сохранилн в Юрни Алексеевиче трогательную чистоту и юношескую непосредственность.

— Мы не просто рады иметь такого пропагандиста, мы гордимся этнм,— сказал я, подытожнвая разговор.

— Итак, с чего начнем?

Это было уж очень конкретно. Мне хотелось ограничиться лишь принцнпиальной договоренностью.

Предложение Юрия Алексеевича было не только кстати, ибо интерес к космическим проблемам после его полета возрос необычно высоко, но и очень своевременно. Мы в ЦК комсомола искали пути повышения действенности пропагандистско-лекционной работы, привлечения к этой работе одаренных людей. Участие в ней Юрия Алексеевича Гагарина было для нас необычайно важным. Но Гагарин был единственным человеком мира, видевшим планету со стороны. Разве при его популярности, неутомимом интересе к нему мог он располагать свободным временем, даже правом распоряжаться собой? Думаю, что нет. Он принадлежал науке, нации, товарищам по профессии.

— Как говорили в древние времена,— сказал я неуверенно,— начнем с начала.

Мне просто трудно было поверить, что наши тайные мечтания — привлечь в лекторский актив ученых, писателей, известных среди молодежи рабочих, инженеров, летчиков — неожиданно поддержаны, и кем... Первым космонавтом планеты!..

— С начала, так с начала,— согласился Гагарин.— Я к вашим услугам.

— Спасибо. Скоро состоится пленум ЦК ВЛКСМ, хорошо бы...— Я сделал паузу.— Выступление первого космонавта на нем имело бы большое звучание...

— Я приеду,— твердо пообещал Гагарин.

И слово свое сдержал. На пленуме он выступил с большой речью. «Товарищи мои готовятся летать больше и дальше,— сказал Юрий Алексеевич на пленуме.— Я не буду от них отставать, попытаюсь полететь снова, на Луну, на другие планеты, насколько позволит здоровье и мои деловые качества».

Надо сказать, что верность данному слову, обещания, произнесенные, казалось, мимолетно, никогда не повисали в воздухе. Он помнил о них и непременно выполнял.

Нагрузка, свалившаяся на Гагарина, была необычайно большой, такую мог вынести только тренированный организм. Юрий Алексеевич летал за рубеж, тренировался, помогал своим товарищам в подготовке, писал книгу.

Улетая в Чехословакию, в свою первую зарубежную командировку, Гагарин позвонил мне и сказал, что врачи искали изъян в его организме и не нашли. «Я их провел»,— смеялся он.

Он сказал, что в его отсутствие по радио прозвучит речь, обращение к молодежи, и просил меня послушать ее. Речь была короткой, интересной, как многие его речи, но мне запомнились слова, которые, возможно, он произнес не без умысла. Он говорил: «В нашей повседневной жизни мы часто сами не замечаем, как приходит и накапливается такая сила. Но вот наступает день, и она вырывается наружу. Наверное, так случилось и со мной». Может быть, это и был ответ на феномен Гагарина, на русское чудо, так удивившее весь мир...

Юрий Алексеевич часто приезжал в ЦК комсомола. С членами бюро ЦК ВЛКСМ у него сложились хорошие отношения, его тянуло в наш дом, но надо сказать, что мы получали от каждого посещения огромную радость, ибо общение с Юрием Алексеевичем было необычайно

полезио. Мы говорили о делах, о иовых полетах, о начинаииях молодежи, о росте рядов ВЛКСМ, стремительиом росте общеобразовательного уровия комсомольцев. Юрий Алексеевич делился впечатленнями о поездке по зарубежиым страиам, о подготовке своих товарищей. Помню, ои как-то сказал: «...уже подступают к иам —...иовые задачи. Детальиые иаучные исследоваиия ближнего и дальнего космоса, маневрироваиие в космосе, монтаж крупиых научных стаиций и целых обсерваторий, выход в дальние и длииные рейсы за пределы окрестиостей Земли».

Газета «Правда» печатала главы его киити «Дорога в космос». Публикация эта имела необыкиовеииый успех. В одии из приездов Юрия Алексеевича в ЦК ВЛКСМ мы сказали ему об этом.

— В этом моей заслуги иет. Что бы я мог иаписать без Борзеико и Денисова...

Мы знали гагаринскую щепетильность и разговор на эту тему продолжать ие решились, ибо Борзеико и Денисов, два известиых журиалиста, говорили иам обратное: «Мы иичего ие пишем, не обрабатываем, мы только записываем то, что говорит Юрий Алексеевич».

Но цель иашего разговора была иной. Мы хотели предложить Юрию Алексеевичу помощь. Он миого выступает, миого печатается, времени в обрез, и, разумеется, ЦК комсомола мог бы оказать космоиавту некоторую помощь. Он выслушал иас и спросил с ошеломляющей прямотой.

— Вам ие нравятся мои выступлеиия? Коиечно, готовиться времеии нет... Может быть, иадо говорить и писать лучше... У меия нет опыта, знаиий маловато, ио я буду работать, учиться. Не подведу...

Мы были сражеиы гагарииским поворотом беседы, стали извиияться. В этот день мы собирались попросить Юрия Алексеевича выступить в одной из иаших подшефных средних школ Фруизеиского района города Москвы, но так и не рискиули.

Вечером ои позвонил мие домой и сказал, что ему показалось, разговор не завершен, вероятио, были и другие вопросы.

— Давай критикуй, у тебя такая работа.

— Критиковать не могу, а попросить хочу,— и я сказал о нашей школе.

— Хорошо, буду.

Юрий Алексеевич всегда был краток, точен, слушали его с большим вниманием. Его выступления, даже произнесенные экспромтом, были интересны, содержательны, широки, с ярким юмором и большой теплотой. В одном из своих выступлений он сказал: «Что бы мне хотелось сказать молодым людям, мечтающим о космосе? Мечтайте! Дерзайте! Но помните: дорога в космос — дорога не только смелых, но и сильных, сильных и духом, и телом, и знаниями».

Однажды Юрий Алексеевич посетовал: «Я очень мало читаю, нет времени. А надо читать много, во всяком случае хочется читать больше». Такое откровение Гагарина мне показалось неправдоподобным. Он был достаточно широко начитан, знал много стихов, весьма свободно ими пользовался, с подкупающей откровенностью говорил о творчестве ряда писателей. В оценках был предельно осторожен, строг, даже щепетилен, не считал себя компетентным в литературе и искусстве, права судить о нашумевшем произведении предоставлял другим, хотя каждый раз имел свое мнение. Писателей, артистов, композиторов Юрий Алексеевич любил безмерно, открыто им завидовал, говоря: «Я так никогда не смогу». Видимо, любовь к писателям давно и прочно жила в нем. В своей книге «Дорога в космос» он с восторгом пишет о стихах известного украинского поэта Леонида Вышеславского, которые его взволновали, запали в душу. Позднее он познакомится с Леонидом Николаевичем, будет переписываться с ним, в газете «Правда» опубликует свои прекрасные слова о творчестве Вышеславского. Поэт поймет привязанность Гагарина к его стихам по-своему, как долг перед космосом, и напишет целый цикл стихов «Звездные сонеты». В одном из своих стихотворений, оставаясь верным теме, он писал: «Земля! Я дышу только здесь, только ею. Вдали от нее я впустую развею ничтожную горсть мне отсчитанных лет!»

С большой теплотой Юрий Алексеевич относился к Ивану Стаднюку. «Какие книги, люди просто живые, а названия книг — поэзия». Иван Фотиевич — военный писатель, глубоко знающий фронтовой быт, психологию человека в шинели, и этим он постоянно привлекал внимание Гагарина.

Нам хорошо было известно глубочайшее уважение Юрия Алексеевича к творчеству Михаила Шолохова,

Александра Твардовского, Георгия Маркова, Леонида Леонова, Константина Федина.

Когда готовилась очередная встреча молодых литераторов социалистических стран в Вешенской, решили включить в состав советской группы Гагарина. Дни литературы в Вешенской, беседы с Шолоховым мы хотели превратить в подлинную учебу литераторов. Юрий Алексеевич охотно принял предложение ЦК комсомола, не поразился приглашению, ответил, что с большим желанием поучится, послушает умных людей.

Гагарин с первой же минуты завладел вниманием присутствующих, много шутил, весело реагировал на реплики.

Михаил Александрович был рад приезду Гагарина, долго расспрашивал его о полете, космонавтах, о системе подготовки к полету в космическое пространство, о личностных качествах Андрияна Николаева и Алексея Леонова, высказал свои симпатии Павлу Поповичу и Павлу Беляеву. «А Титов, пожалуй, станет литератором»,— размышляя вслух, сказал Шолохов.

Юрий Алексеевич поразился глубокой осведомленности писателя о жизни космонавтов, что тут же заметил Михаил Александрович и прокомментировал:

— Интересуюсь космосом, люблю космонавтов, завидую им... Писать вам надо...

Шолохова интересовали литературные привязанности первого космонавта, он задал еще несколько вопросов.

Вот и сейчас, спустя столько лет, я хорошо помню эту беседу. Для Шолохова Юрий Гагарин был представителем целого поколения, личностью, вобравшей в себя лучшие его черты. Видимо, хорошо это понимал и Гагарин. Он, разумеется, волновался, но говорил, как всегда, ясно, четко, образно, обнаружил прекрасное знание литературы.

Размышляя над бесспорным фактом, почему Юрий Алексеевич знает так хорошо литературную жизнь страны, можно прийти к интересному выводу: этому помогало, способствовало общение с книгой. Встречи с писателями случались не так уж часто, да и невозможно в короткой беседе узнать многое, значит, Юрий Алексеевич много читал, но это многое его не удовлетворяло, в его понятии это было мало. Каждую беседу с писателями он стремился использовать с огромной пользой для себя,

становился внимательным слушателем, жадно впитывал все новое о книгах, о писателях.

У него была мечта написать несколько книг. Об этом желании он говорил осторожно, смущаясь, будто брался не за свое дело, попадал не в свой цех. Зная о реальных трудностях писательского труда, свою мечту о творчестве не бросал, но и не садился за книгу сломя голову. К этой мысли он вернулся, приехав ко мне в издательство «Молодая гвардия», где я стал директором.

— Поздравляю с назначением, тезка.

— Спасибо, Юрий Алексеевич.

— Пожалуйста, Юрий Николаевич. Вот теперь я сажусь за книгу. Все-таки — свой издатель.

— Но разве раньше кто-нибудь отказывал в помощи?

— Нет, не отказывал. Но мне нужна не помощь, а серьезная работа, если хочешь, деловое сотрудничество, литературная учеба.

— Обеспечим.

— Я много читал Горького, и, знаешь, первым космонавтом надо считать его.

На моем лице появилось недоумение. Юрий Алексеевич был большим шутником, мог великолепно разыгрывать человека, мог разыграть меня, но Горький...

— Это от прочитанного? — стремился я уйти от буквального понимания сказанного.

Гагарин улыбнулся, поняв иронию.

— Разумеется, от прочитанного. Мне удалось кое-что найти из переписки Горького и Циолковского. Это чрезвычайно интересно. Горький увлекся космосом, прочитал всего Циолковского, рассказал о нем Владимиру Ильичу Ленину.

— Интересно. Но тему «человек и природа» Горький разрабатывал всю свою жизнь. Еще в 1903 году он написал прекрасные слова, кажется, так они звучат: «И как планеты окружают солнце,— так Человека тесно окружают созданья его творческого духа: его — всегда голодная — Любовь, вдали, за ним, прихрамывает Дружба, пред ним идет усталая Надежда, вот Ненависть, охваченная Гневом, звенит оковами терпенья на руках, а Вера смотрит темными очами в его мятежное лицо и ждет его в свои спокойные объятья...» Вот какие слова.

— Да, я знаю их, но я знаю и другие.

И Юрий Алексеевич пересказал мне речь, произнесенную Горьким на собрании Бакинского Совета депута-

тов трудящихся. В те годы, посетив ряд областей и республик, Алексей Максимович восторженно писал о силе советского пролетариата, о гигантской созидательной мощи нашего народа, верил в его безграничные силы и возможности.

Поиски новых материалов о Ленине и Горьком он никогда не прекращал, все чаще в своих выступлениях он ссылался на них, говорил об их огромной роли в развитии космонавтики. 12 апреля 1963 года в Кремлевском Дворце съездов на торжественном собрании, посвященном Дню космонавтики, он сказал: «Еще в конце 1921 года, когда Советское государство залечивало тяжелые раны гражданской войны, великий Ленин в беседе с инженерами-изобретателями говорил, что он глубоко верит в то, что через двадцать, тридцать, а может, и пятьдесят лет советский человек, именно советский, совершит сказочное путешествие в космос».

Любовь к Горькому, к русской литературе у Юрия Алексеевича была беспредельной. Обладая уникальной памятью, он мог читать наизусть целые куски рассказа или повести. Но, встречаясь с писателями, беседуя с ними, он прежде всего беспокоился: получили ли они необходимую информацию, довольны ли? Он очень хорошо понимал, что от него, первого космонавта планеты, ждут многого, и всегда стремился быть на высоте положения. Он, чрезвычайно веселый, живой и общительный человек, не терпел трескотни, барабанного боя, лести, невыполненных обещаний. Он всегда соизмерял свои возможности, прежде чем ответить, он просил время подумать, прежде чем пообещать.

Как-то Юрий Алексеевич сказал о желании быть поближе к творческой интеллигенции, участвовать в заседании редколлегий журналов. Видимо, эту же мысль он высказал и своим товарищам, космонавтам. Литературно-художественные журналы «Дружба народов» и «Молодая гвардия» действительно установили тесные деловые и творческие контакты со Звездным городком, Центром подготовки космонавтов. На страницах этих журналов увидели свет многие произведения о космонавтах и самих космонавтов.

«Наши успехи в освоении космоса,— говорил Л. И. Брежнев,— олицетворяют огромные социальные, экономические, культурные и научные преобразования, совершенные советским народом после Великой Октябрь-

ской соцналнстической революции». Об этом, разумеется, пнсать иеобходимо. В редакциях часто бывают космонавты, рассказывают о своей работе, об исследоваииях космического простраиства, о большой интериациоиальной деятельиости Центра подготовкн космоиавтов. Миого раз писатели посещали Звездный, провелн десятки памятных литературиых вечеров. Результатом дружбы космонавтов и журиала «Дружба иародов» является и эта кнга. Авторы посвящают ее Юрню Алексеевичу Гагарнну.

Мие вспомиились слова летчика-космонавта СССР Евгения Хруиова: «...Ои любнл жизнь, людей, умел порадоваться от души, был удивнтельио чуткнм. Но в работе — а это большая, главная часть его жизни — Гагарни был необычайио сосредоточеиным, когда иадо — требовательиым, строгим. И к себе, и к людям. Поэтому вспомииать впопад и иевпопад об улыбке Гагарина — этого велнкого труженика — зиачит заведомо обеднять его образ».

Юрий Алексеевич иеобыкновенно любил жизнь, мечтал о иовых полетах, с нетерпеиием ждал время, когда можио будет успехн в освоении космнческого простраиства нспользовать на благо людей.

В Кремле, иа приеме интериацнонального экипажа космического корабля — Валерия Кубасова и Берталана Фаркаша, Леонид Ильич сказал мудрые н проникиовеииые слова:

«История освоення космоса вершнтся у нас на глазах. Все глубже и осиовательнее овладевает человек сложным искусством жить и работать за пределами планеты. И мы закоиио гордимся тем, что граждане социалистических государств нмеют и на этом мирном поприще иемалые заслуги перед человечеством».

Этой книгой иельзя утолнть огромную человеческую жажду позиать феиомеи Гагариа. Это хорошо поимают как авторы, так и сами космоиавты. Дружба редакцни журнала с советскими космоиавтамн позволнт продолжнть совместиую иаземиую работу по созданию иовой книги, и будем надеяться, что она тоже станет большим литературным созвездием.

И добрым напутствнем в этом деле могут быть слова Л. И. Брежнева, сказанные им в Кремле на вручении высоких наград экипажу космнческого корабля «Союз-Т»: «Космос нужен нам, нужен человечеству не ради рекордов... В выигрыше от космических открытий в конечном счете оказываются земные дела».

Петр КЛИМУК

ЗА ГОРИЗОНТОМ ВСЕЛЕННОЙ

Космонавту, в силу неизбежности своей профессии, приходится витать над миром, на многие недели и месяцы отрываться от своей обычной земной стихии. И вот там, в мертвом мире Вселенной, в немом пространстве Галактики, паря над планетой, особенно остро ощущаешь трепетную близость Земли, тепло человеческих сердец. Над какой бы точкой планеты ты ни находился, нерасторжимая связь с родным краем, дорогим и очаровательным Звездным усиливает твою работоспособность, повышает настроение, придает вдохновение.

Я приехал в Звездный, когда он уже был построен и носил в ту пору не очень оригинальное и совсем не космическое имя — Зеленый городок. Звездный — название более позднее. Оно было навеяно впечатлениями людей с пылкой фантазией. Звездный — это и профессиональная принадлежность людей, готовящихся покорять Галактику, и высокая ответственность перед человечеством, своим народом, это и щедрые награды Родины, это и уверенность в нас — людях, которым доверено прокладывать звездные трассы.

Осенью 1965 года в Москве, на Комсомольской площади, ожидая автобус, я ощущал необычное волнение. Через час я должен встретиться со знаменитым Звездным городком, поселиться в нем, жить и работать.

Городок, который я еще не видел, казался мне сказочным, полуреальным. Очень трудно свыкнуться с

мыслью: Климук и Звездный, Звездный и Климук. Не меньшее волнение я испытывал и от того, что о своем прибытии буду докладывать полковнику Гагарину. Я никогда не был знаком с прославленными людьми и не знал, как с ними себя вести, о чем можно и о чем нельзя с ними говорить. Все эти вопросы прямо-таки измучили меня, не давали успокоиться.

Автобус невыносимо медленно тащился по узкому Щелковскому шоссе, часто останавливался, подолгу стоял, пережидая возникшую пробку. Шел дождь, было пасмурно, серая хмарь закрывала горизонт. Погода и настроение находятся в прямой зависимости. Серая тоскливость, угнетающая однообразность. Мыслями я был уже в Звездном, архитектурном заповеднике планеты, любуясь уникальным сооружением, робкий, скованный, теряющийся. Земля, познавшая пот и кровь первых пионеров Вселенной, укрыта ровными асфальтовыми дорогами и тротуарами, с цветными мраморными вкраплениями. Многочисленные розарии под открытым небом придают городку праздничность и нарядность, наполняют воздух бодрящим ароматом. Блестящие полусферы гигантских телескопов в автоматическом режиме ведут круглосуточное наблюдение за звездами и целыми галактиками.

Многим сооружениям, еще не ясным своим предназначением, приданы фантастические формы, иногда их называют марсианскими. Я буквально теряюсь в таком волшебном городе. Моя мысль, работающая с колоссальным ускорением, уносила меня все дальше, в безбрежные просторы фантазии. У самых ворот городка растерянность достигает такой силы, что возникает ощущение клаустрофобии, кажется, вот-вот потеряю чувство пространства, окажусь в невесомости. Все плавает, куда-то исчезают строения, проваливаются люди, и остается бегущий навстречу лес.

Осенний вечер засинел на горизонте и как-то неожиданно обступил нас, высокие сосны и ели, укрывшие нас под своими кронами, ускоряли приход темноты. Ночь спрятала от нас городок. Мы не видели домов, служебных строений: вокруг неприступной стеной стоял лес.

Несмотря на утомительную дорогу, волнения, в эту ночь не спалось. Я читал, что накануне важных сражений полководцы не спят. Но то полководцы, я же был земным, необстрелянным ратником. Утром следующего дня открылась новая страница моей жизни. Сомнения,

колебания, неуверенность... Как сложится моя новая жизнь? Справлюсь ли? Выдержу ли?

Думал о прошлом, вспоминал детство. Оно было у меня не из легких. Родился я в 1942 году, война, разруха, голод. Отец был на фронте, о нем мы ничего не знали, ждали, надеялись: останется жив — вернется. Надежда иа лучшее, вера в грядущее счастье, вероятно, не в малой мере помогала и нам. Мы выжили, остались живыми. Части Красной Армии освободили Брестскую область, но отец так и не вернулся с войны, он погиб, освобождая польский город Радом. На плечи моей мамы легла забота о детях, хозяйстве. В тот вечер я очень отчетливо видел лицо мамы, ее усталые глаза, закрывающиеся тяжелыми веками, маленькие руки, сильные, под стать мужским, изборожденные глубокими складками, со сбитыми иогтями, так не похожие на руки неработающих барышень, но более красивых и умных рук я никогда не видел. Вспомнился случай, иа втором году жизни я заболел. Болезнь была тяжелая, практически в условиях оккупации неизлечимая. Это понимали все, разумеется, кроме меня. Говорят, я плакал, звал маму, и только она могла меня успокоить. После простуды, воспаления легких у меня начались новые осложнения. Соседи, уважавшие и любившие мою маму за доброту и постоянную им помощь, решили помочь ей в беде, отыскали в соседних селах лекаря, привезли в дом. Осмотрев меня, он вынес суровый и, видимо, единственно правильный приговор: спасти мальчика может только срочное переливание крови. По тем временам это был не очень легкий процесс даже в стационаре, а в абсолютно не приспособленных условиях — тем более. Но возникал и другой не менее трудный вопрос: у кого взять кровь требуемой группы. И вот тогда мама сказала: «Возьмите мою кровь».

Через день я почувствовал себя лучше. Детство всегда шло со мною рядом, как тень, как неотвязчивый спутник, не случайно поэтому и воспоминания о нем возникали стихийно в самые напряженные дни моей жизни.

В детстве я мечтал быть шофером, зоотехником, позднее летчиком, но никогда не мечтал стать космонавтом. Такой профессии в годы моего детства не существовало, хотя реальное появление профессии космонавт и мое детство разделяли всего несколько лет. Когда о своей мечте я говорил товарищам, сестрам, невольно возникал спор, разгорались страсти; меня не всегда поддерживали,

и еще реже понимали. Лишь мама, раскрыв свои большие мудрые глаза, говорила: «Разве дело в профессии? Надо стать хорошим человеком». И я, понятый самым близким мне человеком, благодарно обнимаю ее.

Но была и другая причина бессонницы: ощущение причастности к великому и важному делу. И дом, в котором я провел ночь, и гудящий от ветра лес, и широкая улица, заваленная строительными материалами,— на всем этом лежала печать значительности и почтительности.

Во всем буйстве мысли было виновато прежде всего разволнованное воображение. Когда утром, ступая незнакомыми стежками, я обходил городок, в нем не было ничего необычного.

Высокие кирпичные дома с широкими лоджиями, поднимающиеся среди изумруда окрестных лугов. Современные здания из квадратных панелей, равнобедренные плиты мостовой, омытые дождями и утренней росой. Все это было знакомо и видено много раз. Навстречу шли незнакомые люди, как идут в каждом городе,— торопливо и сосредоточенно, занятые заботами дня, нескончаемыми разговорами. Все это я увидел утром, а пока была ночь, и я никак не мог уснуть.

Космонавт? Что же это за профессия? Кажется, все знакомо, где-то все рядом, вспоминаю о прочитанном.

В словарях тех лет, к которым привело меня беспокойное любопытство, еще не было определения новой профессии человечества — космонавт.

Малая энциклопедия «Космонавтика», в которую перед приездом в Звездный я много раз заглядывал, впервые сформулировала понятие о профессии космонавт. Она определяла: «...человек, прошедший специальную медико-биологическую и техническую подготовку и принявший участие в космическом полете в качестве пилота или члена экипажа».

Спустя некоторое время словарь русского языка С. И. Ожегова синтезировал многие, раздельно существовавшие определения профессии и вывел новую формулу: «Космонавт — тот, кто совершает полеты в космическое пространство».

Здесь приведены лишь два определения, их разделяют всего несколько лет, но какая глубинная и принципиальная разница между ними. Присмотритесь: человек, прошедший специальную подготовку. И еще: уча-

стие в космическом полёте — в первом варианте, и во втором: кто совершает полеты... Не один, а несколько, два, три и более...

С годами определеиие профессии космонавт уточияется, расшнряется, дополняется. «Романтикн в професснн космонавта с нзбытком,— скажет позднее Юрий Алексеевич Гагарин,— но теперь все уже зиают, что дорога в космос ие усыпаиа розами. И те, кто пошел по этой дороге,— ие фанатикн, ие роботы, не винтнки и колесикн космического механизма, это упорные, смелые люди».

Сергей Павлович Королев, жизиенной мудрости и профессиоиальной широте которого мог позавндовать любой, говорил, что патриотизм, отвага, скромиость, трезвость мгновеииого расчета, железная воля, знания, любовь к людям — вот определяющие черты, без которых не может быть космоиавта.

При подготовке первого космического полета иичего достовериого известно не было. Школа космнческого опыта формировалась иа нулевом цикле, фундамент только еще надлежало создать. Так всегда начинаются новые иаправления в науке.

Все хорошо понимали, что человек будет иаходиться где-то вдали от Земли, вие привычиой земной обстановки, будет работать часто в одиночестве, не имея возможиости прокоисультироваться и получить иеобходимые инструкцнн, а при иеобходимости и помощь. Учеиым казалось, что в космосе людей ожидает абсолютиая тишииа, полное отсутствие какнх-лнбо раздражителей, и все эти факторы будут воздействовать иа психику человека неблагопрнятным образом... Не до конца было ясно, как длнтельиое пребываиие в условиях иевесомости повлияет иа состояние вестибулярного аппарата человека, его иастроеиие, работоспособность. Существовало миожество и других вопросов, иа которые мог ответить только космос, эксперимент, пребывание в новой неведомой среде. Нужны былн полеты.

«...Каждый шаг, даже самый малеиький, необычайно важен, так как без него ие может быть следующего,— говорил Николай Петрович Камаиии.— Таков закон иовой профессии. Труд космоиавта иапряжеииый. Аэродром, лабораторин, классы... Самолеты, катапульты, макеты кораблей... Каждый день похож на другой лишь своим будничим иачалом: подъем, физзарядка, зав-

трак... И в каждый день учебы врываются дробь вибростендов, бешеиая карусель центрифуги, перепады давлеинй в барокамере, зной тепловых испытаннй в термокамере, гнетущая тишнна сурдокамер — таковы «атрибуты» этой профессии».

После полета Юрия Алексеевнча Гагарнна в космос работа в околоземном пространстве стала планомерной н поступательиой.

Но все это я узнал потом, а знать хочется сейчас в эту долгую бессоиную ночь.

Греческое слово «космос» озиачает мнр, вселенная, «наутика» — искусство кораблевождения. Значит, «космонавт» — капнтаи вселенной. Ннчего себе, это довольно весомо.

Стало светать. С высоты одинадцатого этажа я видел горизоит, из-за которого должио было взойти солице.

Спать ие придется. Напрягая мышцы, сделал несколько силовых двнжений, отгоияя сон, наращнвая бодрость, в которой я очень иуждался сегодня. Обошел квартнру, посмотрел иа городок изо всех окон. Тнхо. Попался на глаза телефон: он молчал. А мне так хотелось звоика, голоса, общеиия. Несколько мииут с волненнем смотрю на аппарат, жду, но чуда ие пронзошло: ннкто ие позвоннл. Вот так, вероятио, будет и в космосе.

Ничегоиеделанне — ужасиое состоянне. Пять утра. Надо было еще ждать, терпеливо и солидно дожить до семи часов. Ни ускорить, ни подтолкнуть время иельзя. Нужно чем-то заняться. Вспомиил о книге, отыскал ее, прнлег. «Сокровнще «Черного ордена», открыл наугад:

«17 июля 1959 года на уеднненном горном озере Топлиц местные жнтелн заметнлн плот. Сначала оии подумалн, что это просто западногерманскне турнсты, которые хотелн осмотреть озеро. Догадка была почти вериа. Вскоре иад плотом появнлся рекламный щнт гамбургского иллюстрнрованного журнала «Штерн»...»

Бойко, в репортерском стнле пнсал автор о тайнах второй мнровой войны, сенсационно-увлекательно, ио чнтать не хотелось, я захлопнул кннгу.

Тревожные мыслн нескоичаемой чередой, тесня друг дружку, проносннлнсь в голове.

Ту бессонную ночь н волнующее утро я вспоминаю н по сей день. Жаль, что я не вел тогда дневиика, не запнсал своих раздумий. Все-таки человеческая память имеет изъяиы. Тем более прошлн годы.

Первый завтрак в Звездном. Рядом веселые и общительные, известные всему миру космонавты. Люди, о которых знают так много, что добавить нового просто невозможно. Так мне казалось тогда. Это было ошибочно. Айсберг был под водой. Видели и знали мы тогда очень мало. После завтрака нас пригласили к Юрию Алексеевичу Гагарину. Встретились: история, легенда и робкие несмышленыши. Юрий Алексеевич озорно смотрит на наши бледные вытянутые лица.

— Какие вы молодые! — восклицает он.— Вы даже моложе, чем были мы. Вам предстоит трудный и интересный путь в космонавтике. Вам суждено не раз подняться в мироздание. Одним словом, вы — будущее нашей космонавтики...

Как можно было реагировать на слова: «...не раз подняться в мироздание»? Разумеется, как на фантастические пожелания. Не раз? Разве это возможно? Разве можно летать в космос по нескольку раз? Первому космонавту планеты можно говорить и такое.

Но странно, на живом и выразительном лице Гагарина ни иронии, ни шуточного выражения. Хочется слушать дальше, боюсь потерять мысль Юрия Алексеевича. Он говорит о подготовке, вернее требованиях, предъявляемых к будущим космонавтам. Условно он делит подготовку на три этапа. К первому этапу Юрий Алексеевич отнес общий теоретический курс по космонавтике. Второй этап включал комплекс специальных тренировок на тренажере космического корабля, на самолетах, центрифуге, парашютную подготовку. Третий этап целиком посвящается подготовке по программе космического полета.

Сейчас, когда не стало Юрия Алексеевича Гагарина, о нем пишут многие, знавшие и не знавшие его. Писать о нем, о человеке, воплотившем все лучшие черты своего народа и нашего времени, право каждого. Больше того, я думаю, что не писать о Юрии Алексеевиче просто нельзя. Для всех нас он близкий и дорогой человек, он не только позвал нас в космическую дорогу, он лучше всех нас воплотил в себе качества коммуниста, приблизился к той вершине людского идеала, о котором мечтали великие мыслители нашей эпохи. Юрий Алексеевич был сложным, глубоким, целеустремленным человеком, нерасторжимо связанным со своим народом. Его поступки и дела были исполнены глубокого, общечеловеческого смысла; берясь за дело, он непременно делал его возвышенным

и полезиым. Ииогда пишут о тайие превращения военного летчика старшего лейтенанта Юрия Гагариа в великого и очаровательного летчика-космоиавта Юрия Алексеевича Гагарина. На мой взгляд, здесь нет тайиы. Его взрастила среда. Когда в благодатную почву попадает растение, оио быстро прорастает. Коллектив Звездиого формировался не стихийио. Требоваиия, предъявляемые к каждому кандидату в космонавты, были чрезвычайио высоки. И это неостановимое движеиие создало партийиый, высокообразованиый коллектив, сформировало чистую моральио-этическую среду. В ней и произошло формироваиие Юрия Алексеевича, иесомиеино одаренного от природы, в личность, отвечавшую своему иа?наченнию, каидидату на первый полет в околоземное космическое пространство.

Человек, которому предстояло отправиться в первое в истории космическое путешествие, должеи был в определеиием смысле быть послаицем человечества, гражданином Земли, во всех отиошеииях достойиым высокого звания первого космонавта. Прекрасные человеческие качества Гагарина были подмечены и Главным коиструктором академиком Сергеем Павловичем Королевым.

Евгеиий Аиатольевич Карпов — первый иаставник космоиавтов — говорил, что для первого полета иужен был человек, в характере которого переплеталось бы как можно больше положительиых качеств. И вот тут, при определеиии каидидата иа первый полет, были прииняты во внимание неоспоримые гагарииские достоинства: беззаветиый патриотизм, искреиияя вера в успех полета, отличное здоровье, иеистощимый оптимизм, гибкость ума и любозиательиость, смелость и решительиость, аккуратность, трудолюбие, выдержка, простота и скромиость. Правда, все эти качества были присущи и другим космоиавтам первого отряда, ио, видимо, были и те качества, которые ие лежали иа поверхиости, ио которые стали решающими в деиь определения каидидата иа первый полет в космическое простраиство.

Юрий Гагарии умел вселить в человека увереиность в своих силах. Ои увлекал иас силой своей убеждеииости, эиергией и иеиссякаемым оптимизмом. Мы учились у иего активиому отиошеиию к жизии. Ои покорял иас широтой своих зиаиий и обаятельиостью, умом и скромностью.

Всегда уравиовешеииый и рассудительный, Гагарин

был доступен и понятен нам. С ним было просто и весело. Он любил шутку, часто подтрунивал над нами и добродушно смеялся. А уж если и «пересолил» в своей шутке, то, тормоша обиженного за плечо, приговаривал: «Ничего, друг, с кем не бывает?!»

Он любил жизнь, был одержим в работе. Ценил время, свое и других. Он, казалось нам, успевал все...

Я учился у него активному отношению к жизни, самообладанию и настойчивости в достижении задуманной цели.

Гуляя с сыном по аллеям городка, я часто в мыслях своих возвращаюсь к Юрию Гагарину. Велика моя симпатия и преклонение перед этим человеком, его мужеством и душевной красотой. О нем всегда думается с нежностью, теплотой и приподнятостью. Он с нами всюду, во всех наших делах, в беспокойном труде Звездного и его жителей, в трогательных проводах, томительных ожиданиях и радостных встречах. Трудно говорить и писать о Юрии Гагарине в прошедшем времени. Пройдут годы, десятилетия, сменятся многие поколения, но люди будут помнить своего любимого героя.

С именем Юрия Алексеевича много связано в Звездном городке. При его активном участии Звездный строился, создавались традиции, обычаи, оттачивалось понятие профессии «космонавт», расширялись международные связи, готовились новые старты, фантастические замыслы становились реальностью, былью.

В каждом городе исторически складываются свои обычаи, традиции, обряды, которые охватывают весь жизненный уклад людей. Появление их связано с родом деятельности жителей, природными условиями, окружающей средой и другими важными факторами. Возникли они и в самом молодом городе СССР — Звездном городке.

Много их в этом единственном, неповторимом городе. Например, торжественно встречать летчиков-космонавтов СССР, вернувшихся из далекого космического путешествия, делать отчет о выполнении научных заданий полета, перед полетом посещать квартиру и рабочий кабинет В. И. Ленина в Кремле, производить запись — клятву в особую книгу, хранящуюся в мемориальном кабинете первого космонавта мира Юрия Алексеевича Гагарина.

Разумеется, все традиции назвать и раскрыть невоз-

можно, главной же, по моему убеждению, является самоотверженный труд, инициативная и творческая деятельность по исследованию околоземного космического пространства, сосредоточение всех своих усилий на основных направлениях работы.

Каждое поколение космонавтов, одержимое познанием тайн природы, желанием сказать свое слово в космонавтике, приносит в наш коллектив оптимизм, дыхание своего времени, неукротимую веру в выбранное дело.

Есть в Звездном городке и традиционный праздник «Нептун». Я говорю о нем потому, что рождение его связано с Юрием Алексеевичем Гагариным. Красивое, торжественное состязание в силе, выносливости, ловкости, способности выжить, находясь в воде. Возник этот праздник давно, но появление его не случайно, а связано с программой подготовки к космическому полету.

Было это в те годы, когда только начинали подготовку человека к полету в космическое пространство. В то время лишь теоретически представляли, что может встретить землянин в загадочном, далеком и неведомом, не очень гостеприимном космосе. Как приспособить организм человека к таинственной загадке космоса — невесомости. Как будут работать в просторах мироздания сердце, легкие, тысячелетиями привыкшие работать в нормальных условиях земного притяжения. Надо все предусмотреть. Избежать неожиданностей, не допустить непоправимого. Надо тренировать космонавта, на Земле создавать условия, подобные тем, которые возникнут в космосе.

Ученые разрабатывают программы самых различных тренировок. Пока на первое место выдвигаются задачи по физической и медико-биологической подготовленности. Космонавты занимаются гимнастикой, тяжелой атлетикой, плаванием, прыжками в воду, греблей, акробатикой.

Результаты по каждому виду спорта выражаются весьма внушительными достижениями: космонавт должен иметь спортивные разряды, на тренировках поднимать тонны тяжестей, различными стилями проплыть несколько километров, вращаться на лопинге, прыгать на батуте.

Космонавты быстро полюбили водные занятия: плавание, прыжки в воду, «приземления» на воду с высоты,

подводное ориентирование, длительное выживание в водных акваториях.

При возвращении из космоса корабль может оказаться и на земле, и на воде, и среди снегов. Летчик-космонавт должен выжить сам, спасти очень нужную для дальнейших исследований научную документацию, передать другим приобретенный опыт. Одним словом, процесс выживания является важным в программе подготовки космонавтов.

Летчики-космонавты по воле руководителей подготовки оказывались то среди снегов Крайнего Севера, то в песках Средней Азии, то в клокочущей стихии Черноморья или другой водной акватории. К каждому из этих испытаний наши космонавты готовились упорно и настойчиво. Так случилось, что все водные испытания стали называть — это уже творчество масс — «Нептун».

«Завтра у нас «Нептун», «Летим на праздник «Нептуна»,— шутили космонавты.

И была в этой откровенной шутке значительная доля правды. А правда состояла в том, что первые массовые испытания космонавтов на воде состоялись 23 июля, в день, когда у древних римлян устраивался водный праздник нептуналия в честь бога моря Нептуна. Космонавты, глубоко уважая античную культуру, эти суровые испытания на выживание назвали именем романтического бога Нептуна. Даже когда не было приводнения, учебно-практических тренировок, праздник все равно организовывался, становился веселым и зрелищным развлечением.

Готовили его не на море, а в бассейне Звездного городка. Царем моря, грозным владыкой водной стихии неизменно бывал Гагарин. Его облачали в доспехи царствующей особы, окружали верноподданными слугами обитателей моря. По правую руку от него сидела в блестящем чешуйчатом костюме Русалка, поначалу эту почетную роль выполнял Николай Никарясов — работник Звездного, а позднее стройная и элегантная Валентина Владимировна Терешкова.

Нептун, то есть Юрий Алексеевич Гагарин, громко и торжественно стучал огромным трезубцем о землю и заставлял очередную жертву бросаться в воду. По его приказу кто-то из космонавтов поднимался на вышку, нырял и находился под водой столько времени, сколько требовали условия тренировки. Оказавшись в воде, испытуемый должен был продемонстрировать умение лежать

неподвижно — беречь силы, выравнивать дыхание или плыть под водой, ориентируясь по компасу, или снимать специальный костюм, разворачивать спасательные средства: лодку, бортовое питание, ракетницу и т. д.

Каждому космонавту надлежало испытание — крещение морем, побывать в царстве Нептуна, доказать свое умение в любых условиях выполнить поставленную задачу.

Однажды на вышку поднялся Георгий Тимофеевич Береговой. Он как-то нерешительно подошел к краю площадки, опасливо озираясь, выставляя вперед ногу, широко расставил руки и испуганно замер над водой.

Царский трезубец взметнулся вверх, присутствующие умолкли в ожидании указа правителя, на секунду стихла музыка, чтобы с новой силой грянуть в момент окончания речи Нептуна.

Трезубец ударил об пол, в благоговейной тишине прозвучали повелительные слова Царя, то есть Юрия Алексеевича Гагарина:

— Испытание водой проходит Георгий Тимофеевич Береговой, сын земли Советской, славный представитель человечества, получивший право на полет в космическое пространство, отважный военный летчик, бесстрашный испытатель самолетов. Ксиить!

Вероятно, это означало пошел или, может быть, прыгай. Одним словом, это была команда к исполнению. Присутствовавшие подняли глаза на Берегового, стоявшего на вышке, от него ждали действий, рывка, отчаянного поступка, но он, в противоположность своим предшественникам, не прыгнул в воду, даже не принял спортивную стойку, а осторожно попятился назад. Летчик-испытатель, проведший в воздухе тысячи часов, учил металл повиноваться человеку, подниматься на высоту...

Нептун обернулся, сердито поднял трезубец, прогневанно сверкнул глазами: ослушание, дескать, какое неслыханное.

— Юрий Алексеевич,— конфузливо обратился с вышки Георгий Тимофеевич...

— Я — царь Нептун, великий повелитель морей и океанов, полновластный хозяин глубин и всех богатств, спрятанных под водой,— нравоучительно оборвал повелитель морей ослушника Берегового.

— О, великий царь,— взмолился Георгий Тимофеевич, принимая игру Гагарина,— не вели бросать в воду за

ослушание. Плавать я не умею. Даю обещание через неделю пройти все самые трудные испытания и ничем не разгневать тебя...

Сдержал слово свое Георгий Тимофеевич Береговой. Он научился плавать, прыгать в воду с вышки, сдал по плаванию на второй спортивный разряд и через неделю, попав в царство Нептуна, с честью выдержал все испытания.

Праздник Нептуна продолжается.

Нептун взмахнул рукой и приказал привести к нему одного из дерзких, кто осмелился переступить границы его владений.

Стражники, размахивая секирами, подбежали к нам, новичкам, недавно прибывшим, выхватили одного и потащили к трону.

— Скажи, милейший, знаешь ли ты, что я и мои просторы любят людей не только смелых и мужественных, но и сообразительных? — задал вопрос Гагарин — Нептун.

— Да, знаю и много слышал об этом...

— Тогда ответь: какие волосы у Вероники? — с лукавинкой спросил Нептун и весело подмигнул своей спутнице.

— Смотря у какой Вероники,— попытался тянуть время в поисках ответа кандидат в космонавты. Ему очень хотелось ответить правильно.

— В воду его, богохульника! — закричал Нептун, в гневе стуча трезубцем.— В воду! С вышки бросить! И пусть знают все: волосы у Вероники — звездные. Помните, есть такое созвездие в глубинах Вселенной!..

Объезжая ряды космонавтов, Нептун спрашивал:

— Кто такие? Почему не знаю? Какой державы люди? Зачем тревожите меня в моем космическом царстве?

— Мы люди Советской страны,— держал ответ командир отряда слушателей школы космонавтов.— А путь мы держим к самым дальним планетам. И тревожим мы тебя, владыка, потому, что хотим людям на нашей Земле счастья.

— Добро, молодцы! Проверим...

Ковчег причаливает к берегу. Стражники поднимают владыку из лодки и усаживают на трон.

— Я — царь воды, всех морей и океанов, владыка космоса, брат Посейдона, Нептун-второй — космиче-

ский! — провозгласил себя Нептун — Юрий Гагарин и, поглаживая бороду, продолжал: — Я вышел из глубин Вселенной, чтобы благословить в добрый путь молодцев, которым предстоит оправдать доверие народа и продолжить покорение космоса. Славу о народе нашем они понесут «от звезды до звезды».

Праздник Нептуна полюбили в Звездном городке. Нептун стал популярным именем. Космонавты свою стенную газету назвали «Нептун», поэт, который писал дружеские пародии, подписывал стихи псевдонимом Нептун. А когда летом 1973 года закончили строительство нового открытого плавательного бассейна в Звездном, его также назвали этим именем. Карнавальный праздник, который по традиции проводится у нас в июле, тоже назвали «Нептун». Как и раньше, на празднике был Нептун. Теперь царь морской, им был кто-либо из космонавтов, имел нарядную маскарадную свиту: чудо-богатырей — телохранителей, много русалок с длинными косами, послушного и гордого морского конька и, конечно же, неизменного Брадобрея с обязательными атрибутами: бритвой, помазком, салфеткой. Так было и на последнем празднике. Русалки несут раковину, в которой хранится грамота тем, кто соорудил это чудо-озеро.

Нептун поднимает трезубец, требуя тишины и внимания.

— Дорогие звездоградцы! — обращается царь морской к присутствующим.— Много видел я озер: глубоких, широких, узких, длинных, горячих, но ваше озеро самое прекрасное. Черпайте в его водах вдохновение и бодрость. Плавайте, ныряйте, загорайте, но выкуп все-таки внесите.

Дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР генерал-лейтенант авиации Георгий Тимофеевич Береговой участвует в этом празднике в новом качестве, он подает сигнал, и тотчас к величественному трону Нептуна подплывает лодка с бочкой живой рыбы. Царь поднимает одну рыбину над головой, любуется ею, дает посмотреть своему окружению, потом опускает ее в воду; даря рыбе свободу.

Глашатай бьет в барабан.

— Слушайте все,— кричит он,— слушайте все!

Писарь разворачивает огромный свиток, свернутый в трубочку, и громко читает: «Указ Нептуна для пресных озер».

Эти правила не вечны,
Хоть н очень человечны,
Но хочу сказать одно:
Если кто пойдет на дно,
То, конечно, в тот же час
Вспомнит правнла не раз!
Запрещается царем,
Будь то ночью, будь то днем!
К водной глади на три мили
Подъезжать в автомобиле.
Мылом мыть, белье стирать,
Игры буйные играть.
Хуже нет в природе зла,
Чем азартная игра.
К запрещенью будь готов
В воды прыгать с берегов,
Даже нам запрещено
Головою рыхлить дио.
Шею выправить, хоть плачь,
Не поможет даже врач!
Дальше значится вот так:
Нет здесь места для собак!
Не купать, поить, не мыть,
На веревке не воднть.

Завершается празднк врученнем удостовереиий тем, кто прошел испытания водными процедурами.

В таком произвольном документе написано:

«Выдано гражданину Вселенной имярек в том, что волею царя морей, океанов, рек, прудов и прочих водных ресурсов космического пространства ему предоставляется возможность надеяться на преодоленне земного притяження. Пройдя сквозь огонь, воду и медицннские трубки, ты заслужнл это доверие! Трудись, сынок!»

Затем оглашаются заповеди-назидания всем:

Будь человеком и граждаинном,
Учнсь у жнзнн н всю жнзнь.
Будь другом друзьям. А недругом — врагам.
Люби прекрасную Землю, а стремнсь к далекой Венере.
Главное, ребята, сердцем не стареть!
Кто ищет, тот найдет!
Чем дальше, тем ннтереснее.

Своей жизни не щади, а друга выручи, защити.
Главное — спокойствие.
Не задирай нос — споткнешься.
Улыбайся, но знай меру.
Хочешь жить — умей вертеться.
Не переживай!

Большую идейно-эстетическую работу проводит Дом культуры Звездного городка. При нем работают университеты марксизма-ленинизма и культуры, различные лектории и школы. Подчеркиваю: речь идет не только и не столько об организации досуга, сколько об активном вовлечении космонавтов, коммунистов и комсомольцев Звездного в общественно-массовую работу, привлечении к участию в культурно-эстетической деятельности. Сошлюсь на примеры: ректорами университета культуры стали сами космонавты (Герман Титов, позднее Георгий Шонин, его сменил Евгений Хрунов), значительную часть занятий по астрономии, физике, геофизике проводили космонавты: Константин Феоктистов, Виталий Севастьянов, Алексей Елисеев, Владимир Комаров и другие. Космонавты были привлечены к литературной работе, они регулярно выступали по телевидению, на радио, печатались в газетах и журналах. Многие космонавты написали книги, литературно-публицистические и научно-популярные. А летчики-космонавты Герман Титов, Павел Попович, Георгий Береговой, Андриян Николаев, Анатолий Филипченко издали по две и более книг. Книги советских космонавтов переведены на иностранные языки, выходили за рубежом. В книжном фонде библиотеки Звездного довольно много места занимают наши авторы.

Литературное творчество дает возможность нашим космонавтам глубже, эмоциональнее, правдоподобнее отразить свою работу, показать научные исследования, проведенные в космосе; жизнь и быт нашего городка.

Художественное творчество присуще многим космонавтам. Широко известны работы художника Алексея Леонова. Он создал серию портретов своих товарищей. Юрий Алексеевич Гагарин очень высоко ценил увлечения Алексея Леонова и говорил, что, используя богатую палитру, он хорошо изображает и Землю, окруженную радугой тончайших красок, и аспидно-черное небо, которое прорезают космические корабли, и далекие звезды.

Никого из космонавтов не оставила безразличным

наша Земля с орбиты. Она была необычной — пристаннщем единственной цнвилнзацнн в нашей Галактике. Земля каждый раз, для каждой группы экипажа была разной, неповторнмой особымн оттенками невстречаемых цветов. Как передать об этом землянам, какимн средствами поведать о невнданном зрелище. Конечно, есть фотоаппарат, есть память, слово. Не так уж безнадежно предприятне. Но прекрасный мнр красок, не сотворимый человеком, его разумом н волей, был практнческн непередаваем.

Картины, созданные Леоновым, человечны, пронизаны жизнеутверждающими идеями, чувством неразрывиой связн с Землей. Каким бы длительным ни был полет космонавта, на каких бы планетах он нн бывал, он, этот труженик Вселенной, прежде всего землянин, сын своей планеты. И эта мысль в творчестве Леонова прослежнвается четко. Он находит объяснение этому в своей прнчастности к когорте летчнков, конм, по его твердому убежденню, даровано прнродой ценнть земное больше, чем что-лнбо другое.

С большим увлеченнем заннмаются нзобразнтельным нскусством Владимнр Джанибеков, Юрнй Романенко, резьбой по дереву — Юрнй Глазков. Широк и многообразен мир увлечений космонавтов, и не последнее место в этом занимает наука.

Космос из чистой наукн стал прикладным, он помогает людям познать нераскрытые тайны пронсхождения Вселенной и вести наблюдення за леснымн массивамн, слушать голоса далеких галактик н искать полезные нскопаемые, по световым лучам определять размеры космических катаклнзм и устанавлнвать иадежную связь между континентамн. Космос служнт человечеству, а у научного космоса еще младенческнй возраст. Пройдут годы, будет создана новая технпка. Гениальные нден Циолковского, определившне развнтне космонавтикн на многие годы, будут неукоснительно выполняться. Космонавт, на которого возлагается трудная работа иа орбите, действительно формнруется на Земле. Космнческие успехи рождаются на Земле, в тишн больших кабннетов, в неостановимом водовороте лабораторных понсков, в бурных дискуссиях, на представительных снмпознумах, на редких и неожиданных прогулках в благодатных лесах Подмосковья. Верю я в нерасторжимость человека н прнроды, в целостность двух иачал жнзни, что в будущем

произрастает в цивилизацию, становится поистине безграничным в своем движении. На Земле он становится сильным, выносливым, образованным (если хотите, даже смелость можно воспитать у человека), способным в полете выполнять запланированные и непредусмотренные программы. Для принятия правильного решения космонавты должны в совершенстве знать не только космическую технику, программы и методики проведения исследований, но четко представлять природу явлений, которые подлежат исследованию. Ведь там, далеко от Земли, выполняя в малом составе исследовательскую работу, космонавту приходится быть и геологом, и астрономом, и геофизиком, и, разумеется, математиком. Надлежит ответить на нелегкие вопросы, почему движутся материки, растут горы (на один сантиметр в год), извергаются вулканы, суша уходит под воду и т. д. Будет ли на нашей планете похолодание? Изменится ли положение Земли в Галактике? Большинство космонавтов имеют ученые степени, а те, кто еще не защитился, готовят диссертации.

Как ни велики физические и моральные нагрузки на каждого космонавта, время для смены занятий мы обязательно находим. В этой сменяемости тоже заключена определенная система подготовки.

Каждый космический полет — это новый шаг в будущее, это испытание новой космической техники. Причем космонавт в полете не просто выполняет функцию регистратора событий, любуется красотами галактических красок, он анализирует информацию, поступающую с систем корабля, правильно оценивает обстановку и быстро реагирует на различные ситуации. Космонавт в совершенстве знает устройство корабля, умеет пользоваться его всеми системами. Одним словом, он должен быть испытателем. Причем от полета к полету функции исследователя и испытателя становятся все более сложными.

Если наука о космосе имеет солидный возраст, исчисляемый сотнями лет, то практическая космонавтика пока измеряется десятилетиями. Польза ее очевидна, и впредь она будет идти вперед стремительно и планомерно. Еще недавно полет в космос измерялся минутами (108 минут Юрия Гагарина), потом часами (25 часов Германа Титова), потом сутками (полеты Андрияна Николаева и Павла Поповича), неделями (полет Андрияна Николаева и Виталия Севастьянова), месяцами (полет

Алексея Губарева и Георгия Гречко), полугодием (полет Владимира Ляхова и Валерия Рюмина).

Еще совсем недавно важнейшей задачей полета наука считала научиться жить в космосе, потом работать в невесомости, а теперь фактически ставится задача заселения космоса.

Минувшие годы были временем стремительного развития космонавтики — показали, что многое из того, что пророчески предсказывал великий ученый, уже осуществилось, а остальное ждет своего часа осуществления.

Космические полеты, работы, проведенные в околоземном пространстве, значительно изменили наши представления о мироздании и планетах Солнечной системы. Наука пополнила свою сокровищницу новыми, доселе неведомыми данными об окружающем нас космическом пространстве и о Земле, что послужило толчком для развития принципиально новых научных направлений, значительно влияющих на научно-технический прогресс. Сегодняшняя космонавтика — зеркало, в котором находят свое отражение самые разнообразные области науки и техники. Чем больше они приобщаются к космосу, тем больше отдают Земле и людям. Космонавтика полным ходом работает на коммунизм, способствуя невиданному прогрессу производительных сил, революционизируя сознание человечества, открывая перспективы для дальнейшего социального развития. На наших глазах происходит организация космического хозяйства Земли, которое со временем станет значительной частью огромного космического производства, влекущего за собой расселение людей на бескрайних просторах вне земного шара.

«...Расширяя нашу деятельность по изучению космоса,— говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев,— мы не только закладываем основы для будущих гигантских завоеваний человечества, плодами которых воспользуются грядущие поколения, но и извлекаем непосредственную практическую пользу сегодня для населения Земли, для наших народов, для дела нашего коммунистического строительства».

Исследования космического пространства и особенно полеты человека в космос оказали принципиальное влияние на развитие науки, техники, производства, образования, на общественное сознание человечества. Они послужили мощным стимулом прогресса во многих областях

науки и техники: электронике, вычислительной технике, кибернетике, телеуправлении, газовой динамике, магнитной гидродинамике, прикладной математике и других. Все более тесно переплетаются различные отрасли знаний, на стыке их рождаются новые научные направления. Наблюдается тенденция космизации современной науки. На основе космических исследований будет происходить переоценка традиционных представлений. Уже ныне идет процесс переосмысливания ряда научных представлений. Данные, полученные наукой с помощью спутников, позволили точно определить форму нашей планеты, расстояние между континентами, уточнить состав верхних слоев атмосферы Земли до двух тысяч километров, узнать, что из атмосферы нашей планеты выбрасывается ежесуточно в мировое пространство почти сто тонн водорода, а метеориты приносят, наоборот, на поверхность Земли сотни тонн железа, других минеральных соединений, помогли открыть гигантские пояса радиации, простирающиеся вокруг нашей планеты, определить границы их распространения, узнать, какое огромное влияние на эти пояса оказывает Солнце, его периодически меняющаяся активность.

Информация, получаемая со спутников и пилотируемых кораблей, помогает вести поиск новых водных ресурсов, фиксировать изменения, связанные с осуществлением работ по мелиорации и сооружением ирригационных комплексов, водохранилищ и электростанций, намечать меры, чтобы такие работы не вызывали нежелательных последствий для соседних районов. Снимки из космоса позволяют геологам выбирать площади земной поверхности, представляющие интерес для детального обследования наземными экспедициями, а информация о температуре воды в Мировом океане, получаемая с помощью инфракрасного зондирования, о концентрации в каких-то его районах планктона, рыбных косяков весьма ценна для рыбного флота.

Советская космическая программа, в которой творчески сочетаются многочисленные, взаимно дополняющие друг друга средства освоения внеземного пространства, успешно претворяется в жизнь. Наряду с автоматическими станциями устремляются ввысь пилотируемые корабли.

Сочетание автоматических и пилотируемых аппаратов особенно эффективно при изучении Мирового океана,

природных ресурсов Земли, состояния атмосферы, уровня ее загрязненности. Экономически весьма эффективно фотографирование из космоса, особенно труднодоступных районов. В настоящее время стоимость съемки поверхности Земли размером в квадратный километр с искусственного спутника в 20 раз дешевле, чем с самолета.

Советская наука рассматривает долговременные орбитальные станции как решающее средство широкого освоения космического пространства. Они могут стать «космодромами в космосе», стартовыми площадками для полетов на другие планеты. Они позволяют создать на околоземных орбитах крупные научные лаборатории для проведения исследований в интересах многих «земных» и «небесных» наук.

В программе космических исследований четко вырисовываются три направления. Первое — всесторонние исследования околоземного космического пространства. Второе — работы, направленные на дальнейшее совершенствование космической техники, предназначенной для исследований на околоземных орбитах, в дальнем космосе и на других небесных телах. Третье — работы, связанные с широким использованием космоса для народного хозяйства и культуры.

Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев говорил:

«Человек открыл путь в космос совсем недавно... И многие думали тогда, что космические полеты еще долгие десятилетия останутся лишь испытанием воли и мужества людей, символом научно-технических возможностей человечества. Но за короткий срок была убедительно доказана огромная практическая ценность космонавтики.

Теперь трудно назвать такую отрасль науки, техники или народного хозяйства, которая в той или иной степени не испытала бы на себе благотворного влияния космических исследований. И можно с уверенностью сказать, что полезная отдача от освоения околоземного пространства в перспективе будет возрастать».

Природа одарила человека неукротимой жаждой знаний, которая властно влечет его в неведомые дали, на тернистый путь подвигов и открытий. Как бы много человек ни знал, он всегда хочет знать больше. Утолить жажду познаний невозможно.

Первый спутник Земли, первый виток Ю. А. Гагарина, первый групповой полет, первый выход в космическое пространство, первая стыковка в космосе, первая орбитальная станция... Пока все было впервые. И за всем этим дерзновенное мастерство и талант ученых, конструкторов, испытателей.

Наша плаиета прекрасна. Но она песчинка по сравнению со звездными скоплениями и целыми галактиками. Человек, который живет иа этой песчинке, способен мыслить, и его мысль уже шагнула далеко за пределы родной Земли, перешла невидимые барьеры своей Галактики, нашла их, дала им названия.

Человек велик, всемогущ, и дела его огромны. Не ради рекорда мы дотянулись до планет, послали станцни иа Марс и Веиеру, облетели Луну, мягко посадили на иеи самоходные автоматы, научились возвращать в заданный район планеты контейнеры с луиным грунтом... Мы осваиваем мировое пространство для того, как справедливо говорил Леонид Ильич Брежнев, чтобы знания, добытые в безбрежном океане звезд, были поставлены иа службу людям Земли.

Мне посчастливилось три раза побывать в космнческом пространстве, взглянуть на нашу планету «издалека», несколько выше птичьего полета.

В отряд я был зачислен в 1965 году, а первый полет состоялся в декабре 1973 года. Восемь лет непрерывных, напряженных, однообразных тренировок. Быть дублером, постоянным, иесменяемым дублером весьма трудно. Пока это неизбежно. Это все космонавты хорошо понимают, но не все выдерживают. Бывали случаи, когда кандидаты в космонавты по собственному желанию, уверовав в свою несчастливую звезду, возвращались в авиационные части. Мы должны были все учитывать: и возраст, и стаж пребывания в отряде, и психологические данные, и реакцию на изменяющуюся обстановку, и многое другое, что предусмотрено инструкциями. Занятия, треннровкн требуют полиой отдачи, абсолютного сосредоточения и внимания.

Все этапы подготовки проходил и я и, как все, нес нелегкий груз напряжения. Мне тоже пришлось неоднократно быть дублером, провожать в полет основной экипаж — и снова начннать сначала. Конечно, в эти грустные днн о чем только не передумаешь. Приходило отчаянне, наступала апатия, давнла горло обида: ну, чем ты

хуже. В один из таких дней на очередной тренировке я посетовал на свою судьбу. Ведь шел восьмой год тренировок. Со мной не соглашались, мои доводы отвергались, а все твердили, что, видимо, слетать мне так и не удастся и я разделю общую судьбу неудачников. Одна из девушек-методисток меня подзадорила и со всей неосведомленной сокрушимостью заявила: полетите.

«Если когда-нибудь полечу в космос, обязуюсь купить два ящика конфет»,— был мой ответ. Забегая вперед, хочу сказать, что этот эпизод имел продолжение. Находясь на орбите, во время одного из сеансов связи поинтересовалась Земля: обнаружил ли экипаж конверт с надписью: «Вскрыть на орбите»?

В этом конверте лежала моя расписка с обязательством купить два ящика конфет, когда я вернусь из полета.

Нет, я не был посрамлен своим опрометчивым обязательством. Мне было радостно оттого, что моя скромная персона вызывала внимание и доверие товарищей. В меня верили. Это очень окрыляло и вдохновляло.

День, когда мне объявили, что я назначен командиром космического корабля «Союз-13», стал для меня самым памятным и волнующим. С трудом верилось. Вечером того дня я читал стихи украинского поэта Леонида Вышеславского «Вселенная — открытый океан». Напутствуя космонавтов перед стартом, Юрий Алексеевич читал Вышеславского. Я читал стихи, уже посвященные Гагарину.

На перелески, пашни посмотрел.
Земля!.. И вид ее не изменился.
Сегодня в космос он с нее взлетел,
Сегодня ж на нее и возвратился.

Все так же низко облака бегут,
Все так же небо сосны стерегут,
Все тот же день, часов все та же мера...

Прошло лишь сто, сто с небольшим минут,
А на Земле уже иная эра,
Которую космической зовут.

Хорошие стихи.

Главной задачей предстоящего полета было исследование ультрафиолетового излучения далеких звезд и созвездий с помощью космического телескопа «Орион-2».

Как предполагалось, телескоп будет стартовать с намн и иаведеи на запланнрованиые звезды, должен обеспечнть получеиие спектрограмм. Нам, основному экнпажу — Климуку и Лебедеву, дублирующему составу предстояло прочитать все, что было напнсано по этой теме, зиать иаучно-гипотетнческие коицепцни советскнх и зарубежных спецналнстов. Готовясь к старту, мы серьезно занималнсь астрономней и астрофнзнкой, изучали звезды и нх расположение, учились ориеитнроваться в бескрайиих просторах звездиого иеба. Иногда иам казалось, что мы уже миогое зиаем, имеем представлеине о Вселенной, умеем читать карту Млечиого Пути. Человек, выйдя за пределы Земли, иамиого раздвииул масштабы своего кругозора, существеиио обогатнл свон зиаиия о Вселенной. Чем больше мы с Валентииом узнавали, тем все более отчетливо поиимали, как мало мы знаем.

Мы работали в сурдокамере, треиировались иа центрифуге и качелях, безопорных креслах н поворотиых платформах. Мы треннровались н читали. Уставалн лн мы? Коиечио. Но это усталость особого рода. Даже короткий отдых нам быстро возвращал снлы, н мы с еще большим энтузиазмом, азартом продолжалн подготовку.

В жизин нзвестны случаи, когда человек в кртнческие ситуации иеожидаино обнаруживает великолепную память, проявляет гнгантскую снлу, смелость. Вероятно, так было и у иас. Все наши силы собраиы, скоицеитрироваиы и иаправлеиы былн на полет. И иам многое удалось преодолеть.

Космос остается космосом. И как бы тщательио нн велась подготовка экнпажей, в полете ие нсключеиы встречи с иеожиданностямн, поэтому у космоиавтов особеиио ценятся быстрота соображеиия, различиые трудовые иавыки. Да н самн земные треииpовки без них иемыслимы. Судить можио хотя бы по таким цнфрам. Еслн перед стартом Юрия Гагарнна было проведеио около тысячи испытаиий снстем н агрегатов «Востока», то для «Восхода» их число возросло в четыре раза, а, скажем, для стаиции типа «Салют» — еще в иесколько раз. Соответствеиио возрастали и требоваиия к экипажам.

Соответствеиио резко повысились требоваиия н к нам.

Поздиее, после полета, газеты иапишут, что экнпаж отлично справился с поставлеиными задачамн, выполннл

в одном полете большой объем работ по проведению исследоваиий и по управлению кораблем. Возможно, и так, ио, как правильно говорится, трудно в учении, легко в бою.

«Орион-2» — бортовой телескоп был весьма сложиым комплексом оптических, электронных, электрических и механических систем. Мы научились с иим работать. Мы изучили отдельные космические объекты и целые галактики, фотографировали солнце, стремились зафиксировать процессы, происходящие на нем, найти ключ к раскрытию его тайн.

Но все это будет потом, а пока мы тренировались.

Перед вылетом на космодром мы посетили рабочий кабинет — музей Ю. А. Гагарина. Такова была традиция. В специальном журнале сделали запись:

«Юрий Гагарин для каждого из нас является примером высокой партийности, трудолюбия, безупречного выполнения долга. Выполиим задание Родины по-гагарински. 4 декабря 1973 г. П. Климук., В. Лебедев».

Это была и клятва, заверение товарищей, и собственная мобилизация иа успешное выполиение заданной программы.

Известио, что ракетио-космическая техника иаходится в иепрерывиом развитии. Каждый новый космический объект, выведенный на орбиту, будь то орбитальная иаучиая станция или космический корабль, существенно отличается от своих предшественников того же типа. Поэтому в программе полета обязательио предусматривается проведеиие иаучно-техиических экспериментов и исследоваиий, связаиных с отработкой иовых систем и приборов.

На орбите, в иемом мире космоса, мы не были одинокими, к иам доходили слова внимания и заботы товарищей, эфир приносил к нам иа борт шутки, специально для иас организоваиные концерты. Нам сообщили, что в Центре управлеиия полетами выпустили специальный номер стеигазеты, в которой поместили стихи: «Такого не было ни разу — в полете сразу два «Кавказа». Еще до нашего полета возникла серьезная и важиая проблема психологической поддержки экипажа в полете. Так возникла группа поддержки. Ведь и экипажи, и расчет ЦУП в общем-то делали одно и то же дело, только одни на Земле, другие в космосе. В группу поддержки входили дублирующие экипажи, расчеты, операторы, психологи,

врачи и позднее артисты. Длительные полеты в околоземном космосе показали, что иногда человек ведет себя в обычных условиях работы на орбите не так, как на Земле, то есть странно. Ну, например, проявляет повышенную сентиментальность, обостряется реакция на доброту, на известия Земли.

Все это нельзя не учитывать.

Мы много работали на орбите, но и обязательно выкраивали время, чтобы полюбоваться космосом.

Конечно, мы имели представление о неповторимом очаровании Вселенной, рассказывали товарищи, видели прекрасные работы Алексея Леонова, но то, что увидели мы наяву, было выше всяких воображений. Мне вспомнился непрекращающийся спор о пользе автоматов в исследовании космоса. Автоматы, бесспорно, делают большое дело, и они, несомненно, нужны, но глаза и мозг человека заменить нельзя никакими автоматами.

Живую реакцию у нас вызвала пресс-конференция, устроенная Центром управления полетом для журналистов. Мы ответили на вопросы, интересующие их.

После полета было еще несколько пресс-конференций, на которых дотошные журналисты буквально выпотрошили нас. Их интересовало все: наше самочувствие, работа систем корабля, нештатные ситуации.

Валентин Лебедев тогда справедливо сказал, что у нас на борту была самая спокойная рабочая обстановка. Мы на тренажере готовимся к огромному количеству внезапных, нештатных ситуаций. Это делается для того, чтобы космонавт досконально знал системы, умел находить выход из таких ситуаций. В полете этих наших знаний не потребовалось — все работало очень четко. Мы были уверены во всех системах. Так что никакой напряженности психологической не испытывали. И с Земли управление было четкое, спокойное.

Итоги первого полета в космос были радостными, научные достижения реальными, мы были полны радужных надежд на будущее.

Мы хорошо понимали, что поступательное движение человечества по пути прогресса остановить нельзя. Это наглядно подтверждает история развития транспорта. Кажется, восемь тысяч лет человек пользуется водным транспортом, пять тысяч лет человечеству известно колесо. И лишь сто лет человечеству стал известен новый вид передвижения — летание. Пройдет время, и человек по-

летит к другим планетам Солнечной системы, а затем и к другим галактикам.

Мы приступили к обработке материалов полета, дешифрованию снимков, написанию отчета, к подготовке научного анализа проведенных исследований. Но сами продолжали думать о следующем полете, о новом старте в космическое пространство. Нас, безусловно, волновало, когда состоится второй полет и состоится ли он вообще. У нас были примеры, когда за три неполных года Алексей Елисеев и Владимир Шаталов три раза стартовали в открытый космос. Но мы знали и о других примерах: промежутки между первым и вторым полетами у Андрияна Николаева были в восемь лет, у Павла Поповича — двенадцать. А как же мы?..

Мы хорошо знали историю пилотируемой космонавтики и могли реально определить задачи, которые предстояло решать в недалеком будущем, и нашу роль в этих программах.

Развитие советской пилотируемой космонавтики за истекшие годы можно было разделить на три основных этапа, которые различаются как техническим оснащением космических полетов, так и объемом и характером решаемых задач.

Первый этап составляют полеты кораблей «Восток» и «Восход». Их было восемь.

Полет Ю. А. Гагарина позволил преодолеть серьезный психологический и технический барьер. Чтобы располагать как можно более подробной и всесторонней информацией о влиянии космического полета на человеческий организм, летали представители разных профессий: летчики, хорошо подготовленные и привыкшие к полету, ученые, врачи, инженеры. Успешно выполнила космический полет первая в мире женщина-космонавт В. В. Терешкова.

При запуске «Восходов» было проведено несколько важных космических экспериментов: испытаны в полете двух- и трехместные корабли, проведено приземление экипажей кораблей с использованием системы мягкой посадки, осуществлен выход космонавта из корабля в открытое космическое пространство. Для реализации последнего эксперимента «Восход-2» был снабжен шлюзовой камерой, а для космонавта создан специальный космический скафандр с автономной системой жизнеобеспечения.

В полетах «Восходов» впервые исследовалась психологическая совместимость членов экипажа в условиях ограниченного объема корабля и длительного полета, изучались принципы деятельности экипажа, состоящего из различных специалистов.

Программа первого этапа — тот фундамент, на котором базировалось развитие отечественной и мировой космонавтики. В ходе ее осуществления были решены принципиальные вопросы конструирования кораблей, уточнены основные элементы схемы орбитального полета, отработана система управления кораблями с наземных пунктов, их встреча после выполнения полетов и доставка на космодром после приземления, накоплен опыт испытаний космической техники в реальных условиях.

Второй этап пилотируемой космонавтики начался запуском кораблей типа «Союз», сочетавших в себе элементы как транспортного корабля, так и орбитальной станции. Обладая более широкими летными и техническими характеристиками, они с самого начала имели многоцелевое назначение и позволяли выполнять целый комплекс новых задач.

Главная задача новой программы состояла в использовании отработанного «базового» корабля в качестве основы для сборки орбитальной станции, организации ее снабжения, проверки всех вопросов, связанных с ее эксплуатацией. Наличие на «Союзе» двух жилых отсеков, надежные бортовые системы и двигательные установки различного назначения, обеспечивающие широкое маневрирование, разнообразное научное оборудование дали возможность осуществить в космосе разносторонние исследования, эксперименты и наблюдения.

Полеты «Союзов» служили экспериментальной базой, на которой проверялись многие технические решения. В ходе полетов этих кораблей была осуществлена первая стыковка пилотируемых кораблей в космосе и создана на орбите первая экспериментальная станция.

Напряженная работа космонавтов и ученых привела к созданию первой в мире долговременной орбитальной станции «Салют». Ее запуском 19 апреля 1971 года было положено начало третьему этапу орбитальных полетов человека.

Орбитальным станциям принадлежит будущее космонавтики. Они помогут нам организовать в околоземном пространстве крупные научные лаборатории, где будут

проводиться широкие исследования в интересах геофизики, астрономии. С помощью орбитальных станций человек фундаментально освоит околоземный космос.

В июне 1971 года на борту орбитальной станции «Салют» большие исследовательские работы провела первая экспедиция в составе Георгия Добровольского, Владислава Волкова и Виктора Пацаева.

Выполнив обширную программу научных исследований и технических экспериментов, экипаж станции погиб у порога Земли. Отважные космонавты отдали свои жизни науке, человечеству. Они внесли неоценимый вклад в развитие космонавтики, открыли дорогу новым свершениям.

Потери были невосполнимы. Мы хорошо понимали, что труд наших товарищей не пропал даром, что, осваивая орбитальные станции, мы продолжаем их дело.

Мы все хорошо понимали, что дело, которому посвятили свои жизни, новое и опасное. Мы не боялись риска, нас не пугала неизведанность, мы знали, что если человечество определило это направление, то по нему обязательно пойдут люди. Если не мы, то другие.

Мы хорошо знали, что на нашем пути встретятся явления неизученные, факты еще не объяснимые, процессы непознанные. Перед космической наукой поставлена задача, познав отдельные явления природы, соединить в единый процесс диалектического развития материи. Космосу нужны были не сенсации и легенды, не домыслы и мифы. Они, рожденные иногда воображением людей, должны были наукой не отвергаться, а истолковываться.

Практически сразу после полета, когда еще оформлялись и обобщались его итоги, началась подготовка к новому полету. Его программа, объявленная нам, ошеломила всех, и, разумеется, в не меньшей мере нас с Виталием Севастьяновым, с которым мне предстояло работать на орбите многие недели.

В переданном сообщении ТАСС о наших задачах в полете говорилось весьма скромно: целью запуска корабля «Союз-18» является проведение дальнейших экспериментов с орбитальной научной станцией «Салют-4», а также отработка отдельных элементов и систем корабля в различных режимах полета.

И вот мы на орбите, на нашей рабочей площадке, на высшей точке нашего движения. Теперь нужно адапти-

роваться, осмотреться, приготовить свое рабочее место. Освобождаемся от ремней, плывем к иллюминаторам.

И Виталий Севастьянов, и я бывали уже в космосе, но посмотреть на нашу Землю неутолимая жажда. И вот под нами вся планета. За один взгляд мы объяли то, что землянам до недавнего времени казалось бесконечным. Земля в голубом ореоле, на блюдечке с голубой каемочкой. Мы прилипли к иллюминаторам и жадно, как истосковавшийся путник по воде, смотрели на родную Землю. Многие мои товарищи писали о ней, как она воспринимается из космоса, писали правду, не повторяясь. И снова она разная, неповторимая, голубая и зеленоватая, с обилием разнообразных оттенков: от темных, густых, как цвет ельника, до светлых, желтоватых, как цвет прихваченных первым морозцем кленовых листьев.

Виталий Севастьянов с южным темпераментом обычно комментирует увиденное, а тут молчит. Взяла, матушка, проняла. Молчит. Я давно знаю Виталия. У нас в Звездном все его знают и уважают за безбрежную доброту, неистощимый юмор, за большие, буквально фантастические познания космоса. Он разный всегда, но неизменяем в одном — во внимании к людям.

Мне в жизни повезло, я имел прекрасных учителей, наставников, друзей. К их числу я отношу Марию Яковлевну Краснову, Юрия Алексеевича Гагарина, Алексея Архиповича Леонова, Георгия Тимофеевича Берегового, у которых я многому научился, перенял, заимствовал. Конечно, учителей было значительно больше, всех невозможно перечислить. От добрых и сердечных людей я брал эти, на мой взгляд, определяющие качества, от умных — их трудолюбие и въедливость в непознанное. Многим я обязан и родному дому.

В родном доме, в дорогой моему сердцу Комаровке, я взял то, что стало моей жизненной основой, моими моральными, духовными принципами. Там я научился естественным, правдивым, хорошим отношениям между людьми. Там я понял, что основа всего — труд, что он — самая первая и самая главная обязанность человека, что нельзя стыдиться никакой работы, что только в труде и через труд познается и утверждается человеческая личность.

Говорят, человек не может жить в замкнутом помещении, в ограниченном пространстве, как и не может обходиться без движений. Готовясь к полету, нам приходилось пройти прокрустово ложе испытаний. Было очень

трудно, но мы хорошо знали, что полет в космос — вершина духовных и физических устремлений. Путь к нему был нелегок: были сомнения, тревоги, напряжение.

Предстояла стыковка. Советы ЦУПа, постоянная связь с Землей придают бо́льшую уверенность, снимают эмоциональное напряжение. Этот один из самых трудных элементов полета мы отрабатываем на Земле, хорошо знаем методику выполнения подхода, сближения и стыковки. Результаты стыковки, а следовательно, и успех полета зависели от нашей собранности, степени подготовленности экипажа, высокой организованности и дисциплины.

В проведении стыковки участвовали мы оба, выполняли строго определенные для каждого функции. Программой полета предусматривалось проведение комбинированной стыковки: сближение автоматическое, а причаливание и самую стыковку вручную. Проведя три запланированные коррекции, мы вышли на орбиту станции «Салют-4». Стыковка была произведена планово. С разрешения Земли перешли в станцию. Поплавали, наслаждаясь простором космического дома, приступили к расконсервации. Работа утомляет. Невероятная усталость пронизывает все тело. Успеваю подплыть к спальному мешку и тут же засыпаю.

Через несколько часов начиналась планомерная работа на орбите, надо было провести около трехсот технических, медико-биологических экспериментов. Выполняя их, мы должны прожить на орбите более двух месяцев. Но где гарантия, что мы ограничимся только этим объемом работы? От чего зависит успех полета? Вопрос деловой, однозначно на него не ответишь. Сюда следует привнести многие компоненты, профессиональное умение, эрудицию и пресловутую психологическую совместимость, не воспринимая ее как некий биологический фактор. Так что же такое совместимость? Я думаю, что это социально-нравственное единение людей (экипажа или нескольких. Работа экипажей на станции «Салют» и т. д.), сплоченных глубоким пониманием задач, стоящих перед ними, ответственностью перед человечеством, нерасторжимыми узами профессионального братства.

В космос не летают за сенсациями. Разгадка тайн природы не есть порождение новых фантастических гипотез. Природа зашифровывает свои тайны: прячет от человека ключи к познанию, и, чтобы найти их, порой требу-

ется не меньше мужества и героизма, чем рисковать своей жизнью в бою.

Как мне думается, природа национального подвига раскрыта еще не до конца. В подвиг мы прежде всего вкладываем какой-то реальный, видимый поступок человека, его физическое движение. Но как понимать подвиг в масштабе космических исследований, конкретно, на орбите, где действие человека ограничено замкнутым кругом? Теперь хорошо известно, что космическая среда чужда всему живому и бороться с этой средой, глубоко познав ее, нужно прежде всего умственно. Вероятно, космической науке ближе подвиг интеллектуальный.

Сошлюсь на примеры. Космонавту в полете часто приходится переквалифицироваться, выполнять эксперименты по различным направлениям науки. Всех нас волнует погода нашей планеты, ненадежность ее прогнозирования. Справедливы обиды на службу погоды, на сообщения Гидрометеоцентра. За последние пятнадцать лет климат планеты словно вышел из равновесия, впал в резкие аномалии.

Ученых справедливо это заинтересовало. Одни утверждали, что на планете наблюдается потепление, другие же, наоборот, похолодание. Но не может же одновременно быть и похолодание, и потепление. Советские ученые склонны думать, что период потепления, продолжавшийся несколько десятилетий, достиг своего максимума в 30—40-е годы. Сейчас же, по их глубокому убеждению, идет процесс похолодания. Над объяснением этого явления работают ученые. На будущее климата нет единой точки зрения: в этом вопросе выводы нногда прямо противоположны.

Не зная климата прошлого, невозможно в полной мере оценить его состояние сегодня, а тем более выявить тенденцию, дать прогноз на будущее.

Непостоянство климата, присущее нашей планете, ученые заметили давно. Если заглянуть в глубь минувших веков и тысячелетий, то станет очевидным его колебательный характер. Теплые периоды сменялись более холодными, влажные — засушливыми. Например, ледовую ныне Гренландию некогда покрывали зеленые луга, а предместья Берлина славились виноградниками. Случалось, что зимой полностью замерзали Черное и Адриатическое моря, а летом от зноя пересыхали даже полноводные реки.

В последние десятилетия наблюдались климатические колебания, которые вызвали резкое изменение погоды, что в свою очередь стало причиной серьезных бедствий в ряде государств, пагубно отразилось на их экономике. К ним можно отнести жестокие засухи на юге Сахары, следовавшие одна за другой несколько лет подряд, засухи в Советском Союзе (1972, 1975 гг.) и в Европе (1976 г.), наводнения в Индии и Вьетнаме.

Как известно, одним из важнейших направлений гидрометеорологических служб является предупреждение об опасных явлениях погоды, а ими являются ураган, шторм, ранние заморозки, землетрясения, извержение вулканов, цунами и т. д. Все эти неожиданные, стихийные силы природы могут принести значительные разрушения и гибель людей.

По подсчетам международных служб, на Земле ежегодно происходит около миллиона землетрясений. Из этого числа немало бывает разрушительных, приносящих большие бедствия людям, все возрастающее число жертв.

Летом 1958 года на Аляске произошло землетрясение, в результате которого на бухту Литуйя обрушились горные потоки снежной лавины и камня объемом около 300 миллионов кубических метров. Последствия этого стихийного бедствия были катастрофическими.

Проблема предсказания землетрясений, прогнозирования их разрушительной силы очень сложна, но ученые справедливо считают, что спутниковая информация является серьезным для них подспорьем. При землетрясении на больших глубинах морей и океанов образуется грозное явление природы — цунами. Они иногда бывают катастрофической разрушительной силы, приносят большие разрушения и многочисленные человеческие жертвы.

Хорошо известно о гигантской разрушительной силе вулканов, о неотвратимой катастрофе, несущей раскаленные лавы.

Подсчитано, что с 1500 года и до наших дней извержения вулканов унесли миллионы человеческих жизней. Вулканолог А. Е. Святловский утверждает, что мощность взрыва вулкана Шивелуча превысила в 10 тысяч раз мощность всех электростанций нашей страны. Одним словом, потребность СССР в электроэнергии вулкан обеспечил бы за 0,8 часа работы в таком режиме. Все действующие в СССР вулканы в основном сосредото-

чены на Дальнем Востоке: 28 — на Камчатке, 41 на Курилах.

Без космической службы наблюдения и оповещения в данном случае не обойтись. «Выдающимся событием явилось создание в 1967 году отечественной метеорологической космической системы «Метеор»,— писал В. И. Корзун (Государственный комитет СССР по гидрометеорологии и контролю природной среды),— постоянное техническое совершенствование которой позволяет значительно расширять информацию о процессах и явлениях, происходящих в атмосфере и гидросфере...»

Постоянное исследование поверхности Земли из космоса в нашей стране началось в 1969 году. Внедрение системы «Метеор» позволяет получить глобальную информацию о распределении облачности, состоянии снежного покрова, ледовой обстановке, тепловой энергии, вертикальной температуре, радиационной обстановке и т. д.

В настоящее время в нашей стране действует 12 тысяч станций и постов гидрометеорологической службы, в системе которой работают десятки тысяч человек.

«Будут продолжаться запуски экспериментальных метеорологических спутников,— писал И. Ф. Берестовский,— совершенствоваться методы получения данных дистанционного зондирования Земли из космоса... продолжаются работы по созданию оперативной, постоянно действующей космической системы для изучения природных ресурсов Земли и окружающей среды».

Наблюдения за окружающей средой иногда приносят неожиданные результаты.

Однажды мы обнаружили удивительное и малоизученное явление природы — серебристые облака. Они образуются на высоте 80—90 километров над Землей, их детальных исследований из космоса никто не выполнял, а с Земли это делать трудно.

Облака висели несколько дней, причем огромным кольцевым образованием — случай редкостный. И мы не теряли времени. В заданные моменты точно разворачивали и выводили станцию объективами аппаратуры на облака и проводили съемку разнообразными приборами. Результаты были получены хорошие.

Или полярные сияния. Их исследования очень важны для изучения природы атмосферы, а также магнитного поля Земли. Когда мы их обнаружили, тут же запросили

разрешение Центра провести комплексные исследования, причем сделали это впервые в мировой практике космических полетов.

Руководство наше вначале колебалось, поскольку наилучшее время наблюдений приходилось как раз на период ночного отдыха. Но мы с Виталием убедительно просили Центр разрешить нам пренебречь режимом: «Отоспимся дома».

Рабочие орбитальные станции, мощное современное оборудование, вынесенное на орбиту, а также межпланетные спутники позволили приоткрыть некоторую завесу над тайнами далеких планет.

Меркурий никогда не повторяет своей орбиты, отраженные лучи далеких планет вблизи солнца искривляются, космонавт в полете не ощущает своего веса. До сих пор неизвестна точная величина земного радиуса. То знание, которым пользуются в настоящее время, недостаточно для современной науки. На разных материках приходится пользоваться различными величинами радиуса, причем отклонения достигают иногда 100 м. Причина столь значительных отклонений заключается в том, что геодезические работы ограничены территорией суши. Теперь земной радиус можно точно и быстро измерить только из космоса.

Удалось расширить знания о Нептуне, далекой и загадочной планете Солнечной системы.

Он расположен от Солнца в тридцать раз дальше Земли, существование его было предположено астрономами Леверье и Адамсом.

Ученых давно интересует кольцо Юпитера. Только недавно удалось установить, что кольцо Юпитера имеет промежуточные размеры между гигантскими кольцами Сатурна и более мелкими Урана. Пока остается загадкой, как и почему это кольцо вообще может существовать. Нам пока не известен состав и размеры частиц, образующих кольцо. Если вдруг большинство частиц окажется мелкими, загадка станет еще более неразрешимой, так как чем меньше частицы, тем труднее им удерживаться на орбите вокруг планеты, а не «мигрировать» к ней. Можно предположить, что кольцо не постоянное, тогда возникает вопрос об источнике новых частиц, которые должны заменять выпадающие на планету. Родилась гипотеза, что некогда к Юпитеру приблизилось огромное тело, размером со спутник, и под воздействием сил тяго-

тения планеты разрушилось. В общем, все гипотезы предстоит проверить.

Уже много лет ведется спор вокруг загадочного Тунгусского метеорита. Выдвигаются десятки предположений, гипотез, но единого научно аргументированного мнения не существует. Есть мнение, что Тунгусский метеорит — комета, состоявшая из рыхлого снега малой плотности. Такой снежный ком мог легко испариться, затормозиться в атмосфере и потому не оставить никаких следов на Земле. Не разделяют этой точки зрения участники экспедиции Института геохимии и физики минералов Академии наук Украины, которые на месте загадочного происшествия (гигантский взрыв над сибирской тайгой произошел 30 июня 1908 года) нашли алмазно-графитовые сростки внеземного происхождения.

Руководитель экспедиции О. Алексеева считает, что углерод в твердом состоянии можно получить лишь в условиях сверхвысоких давлений, поэтому у села Ванавара более 70 лет тому назад взорвалось природное космическое тело, вес которого превышал пять миллионов тонн. Столкнулись мнения ученых, спор пока не разрешен. Теперь слово за космической наукой.

Проникнув в космос, люди открыли не просто новое пространство, подобное неведомому материку или океану, открыт огромный и необычный мир. Пока космос — среда, чуждая для жизни. Солнце там необычно яркое, звезды немерцающие, небо темное, почти как черный бархат. В космосе нет погоды, нет климата. Там вечная пустота, вечное безмолвие. Но все равно осуществляются непрерывные старты спутников, космических кораблей, идут поиски жизни на бесконечных просторах Вселенной...

Работы в космосе необычайно много, и объем решаемых проблем непрерывно расширяется. Серьезному изучению подвержено Солнце. Ученые установили, что раз в одиннадцать лет Солнце меняет активность, резко увеличивается число пятен.

С такой же периодичностью земная атмосфера становится то более плотной, то разреженной. Что приводит к такому изменению атмосферы Земли? Насколько значительно она изменяется? Как можно измерить перепады плотности? Для ответа на эти вопросы необходимы регулярные, многолетние наблюдения. Нас интересует все: планеты Солнечной системы, другие галактики. Вся

наша наука направлена на то, чтобы понять и объяснить происхождение Земли, других планет Солнечной системы, научиться управлять сложными механизмами природы. Наш владыко — Солнце — является членом колоссальной звездной системы. Вот изучить, познать эту систему и предстоит нам.

Наша планета действительно мала, она песчинка по сравнению со звездами, галактиками. Но человек, который живет на этой песчинке, способен мыслить, и его мысль шагнула далеко за пределы Земли, перешла невидимые барьеры своей галактики, проникла в другие галактики, нашла их, дала им названия. Пройдут годы, и люди несомненно достигнут других планет и, возможно, других миров. И ответ на важнейшие вопросы развития мировоззрения — есть ли жизнь где-либо, кроме нашей планеты, не занимает ли человек Земли в этом смысле исключительного положения, происходят ли во Вселенной не известные нам процессы превращения энергии и массы — лежит на путях освоения космического пространства.

Человек велик, всемогущ, и дела его велики. Не ради рекорда мы дотянулись до планет, послали станции на Марс и Венеру, первыми облетели Луну, мягко посадили на ней самоходные автоматы, научились возвращать в заданный район планеты контейнеры с лунным грунтом... Мы осваиваем мировое пространство для того, чтобы знания, добытые в безбрежном океане звезд, были поставлены на службу людям Земли уже сегодня, а не в отдаленном будущем.

Еще недавно мы мечтали о долговременной орбитальной станции со сменяющимися экипажами, а уже существуют реальные проекты создания космических городов-астрополлисов, с хорошо развитой индустрией, с производственными и жилыми комплексами.

Ученые считают, что заводы нового типа, построенные в космическом пространстве, смогут работать на космическом сырье, не привозимом с планеты, а добываемом в безбрежном пространстве. Один из американских институтов прогнозов предсказал, что к 2007 году численность населения на Луне достигнет 1000 человек, в 2010 году родится первый человек в космосе, а к 2105 году численность населения в космических поселениях превысит численность населения на Земле. К этому времени в космическом пространстве будут действовать промышленные

предприятия, добываться полезные ископаемые на Луне, Марсе, астероидах, произойдет заселение других планет...

Такие прогнозы поражают воображение и людей, уже побывавших в просторах Вселенной. Но... Может быть, годы предсказываемых событий и явлений не совпадут, но к ним идет человек Земли, он все глубже проникает в тайны космоса.

Может быть, нас, космонавтов, не так уж и много, и не так фантастичны наши полеты в космическое пространство, как живописуют их журналисты, и не так уж велики наши личные заслуги, но мы — сыны своей великой Отчизны и всегда готовы на подвиг во имя ее. Космонавт должен постичь в науке все известное и то новое, что открыто сегодня.

Видный американский ученый профессор Принстонского университета Д. К. О'Нейл не очень давно предложил создать внеземное космическое поселение. Фантастический, смелый и, казалось бы, оригинальный проект вызвал в печати целую бурю. И в самом деле, предложения О'Нейла (несколько проектов по промышленному использованию околоземного пространства) действительно потрясают воображение современников.

Космические сооружения, которые, по мнению американского ученого, могут быть созданы на околоземных орбитах в 1988 году, способны принять десять тысяч человек. Проектом предусмотрены жилые помещения, озера, реки, парки, животные, птицы и даже насекомые — прямо-таки земные условия. Люди, расселившись на этих космических станциях, будут работать, отдыхать, жить по-земному, подготовят условия для приема новых групп людей.

К 1996 году О'Нейл предполагает поселить в космосе уже 200 тысяч человек, к 2008 году до 20 миллионов. Это, так сказать, проект будущего. А ведь об этом писал еще в 1918 году Константин Эдуардович Циолковский в своей повести «Вне Земли», так что не такая это уж сенсация.

Вторжение человечества во Вселенную несомненно преобразит ее. У многих планет появятся искусственные спутники. Живые существа, кочуя по космическому пространству, будут расселяться в самых отдаленных ее просторах, изменять атмосферу планет. Разработан, к примеру, план «переделки» атмосферы Венеры, ученые, в частности, предлагают забросить в атмосферу водорос-

ли хлореллы, которые, размножаясь, обогатят среду кислородом. Венера долгие годы рассматривалась людьми как идеальная обитель жизни. Автоматы, побывавшие на этой планете, фактически проложат дорогу к ней человечеству.

Впереди новые интересные поиски. Несмотря на поистине гигантские открытия, сделанные в ходе космических исследований, самые большие все-таки впереди. Работы много, очень много.

Несколько лет ученые занимаются исследованием «Черных дыр». Пока это тайна Вселенной. Недавно американские ученые обнаружили в центре Галактики М-87 темный объект очень высокой плотности: масса его в 5 млрд. раз больше массы Солнца. Проблемами «Черных дыр» сейчас занимаются ученые многих стран мира.

К. Э. Циолковский в своих трудах стремился увидеть близкое и далекое космонавтики. Определив выход человечества в космос с помощью ракеты, он доказал жизненную необходимость освоения космического пространства.

«Земля,— писал он,— колыбель разума, но нельзя вечно жить в колыбели. Более того, Земля лишь одна из планет, где возможна жизнь. Выход в космос — материальная основа воспроизводства будущего человечества. Сейчас люди слабы, а через миллионы лет их могущество настолько увеличится, что люди изменят не только поверхность Земли, но и ее океаны, атмосферу, растения и самих себя. Люди научатся управлять климатом, они будут распоряжаться в пределах Солнечной системы, как на самой Земле. В поисках света и пространства отправятся за пределы Солнечной системы, достигнут иных Солнц и воспользуются их свежей энергией взамен своего угасающего светила. Люди также воспользуются и материалом планет и астероидов, чтобы строить там свои внеземные сооружения. В случае охлаждения Земли люди будущего, спасая свою колыбель, отбуксируют родную планету на другую орбиту — поближе к Солнцу или же силой реактивных двигателей переведут ее в другую Галактику».

Логическим завершением освоения космоса К. Э. Циолковский считал возможность бесконечного развития человеческого рода. Великий гуманист, оптимистически видевший будущее, выдвигал при этом одно непременное условие, необходимое для осуществления грандиоз-

ных планов: космос должен быть ареной мира, местом содружества людей. В противном случае — гибель, всеобщий крах.

Минувшие годы развития космонавтики показали, что многое из того, что предсказывал великий ученый, уже осуществилось или переходит от фантазии к вполне реальным расчетам и проектам, а остальное ждет своего осуществления.

Изучая творчество К. Э. Циолковского, я встретился с интереснейшими выводами ученого. Например: «Многие думают, что я хлопочу о ракете и забочусь о ее судьбе из-за самой ракеты. Это было бы грубейшей ошибкой,— писал Циолковский.— Ракета для меня только способ, только метод проникновения в глубину Космоса, но отнюдь не самоцель... Не спорю, очень важно иметь ракетные корабли, ибо они помогут человечеству расселиться по мировому пространству.

И ради этого расселения в Космосе я-то и хлопочу. Будет иной способ передвижения в Космосе,— приму и его... Вся суть — в переселении с Земли и в заселении Космоса. Надо идти навстречу, так сказать, «Космической философии»!»

Великий ученый с глубокой убедительностью доказывал научную и практическую целесообразность широкого освоения космоса.

«Человек и другое существо,— писал он,— есть материя. Она блуждает по всей Вселенной. Поэтому всякое разумное существо должно проникнуться историей Вселенной. Необходима такая высшая точка зрения. Узкая точка зрения может привести к заблуждению».

Нашу планету ученый не отрывает от процессов, происходящих во Вселенной, он рассматривает Землю как элемент, частицу единого гигантского процесса развития. Более того, Циолковский предполагает влияние разумных существ на развитие Вселенной, влияние разума на устройство Вселенной.

Константин Эдуардович говорил о значительной населенности космоса, он верил в близкую встречу с разумными существами иных миров.

Проблема обитаемости Вселенной, конечно, волнует ученых, людей нашей планеты. Единой точки зрения пока не существует, нет и подтверждения гипотезы тех, кто утверждает, что мы не одиноки во Вселенной.

Сейчас, вероятно, преждевременно утверждать, что

Земля ие уникальна и существует ие в единственном виде, как и беспочвенно заявлять, что мы одиноки. Необходимы убедительиые доказательства. В августе 1979 года учеиые двенадцати стран — радиоастроиомы мира в Пущино-иа-Оке обсуждали вопросы происхождения, строеиия и эволюции Галактики, существования других цивилизаций.

В конце 1979 года из США пришло известие о том, что учеиые Мэрилендского университета обнаружили «ростки жизни» в двух метеоритах, найденных в Антарктиде, сохранившиеся в условиях вечной мерзлоты. Ученые предполагают, что метеориты образовались в районе пояса астероидов между Марсом и Юпитером и по своему возрасту — 4,6 млрд. лет — оии приблизительно являются ровесниками иашей Солнечной системы, что дает им основания предположить о возможиости возникновения жизни по всей Солиечиой системе. Хочется надеяться, что мы действительио ие одииоки во Вселенной, но разрешить этот спор возможно только с помощью науки о космосе, постоянных полетов в межзвездное простраиство.

Всех нас буквальио ошеломляют слова Коистаитииа Эдуардовича Циолковского: «Сиачала можно летать на ракете вокруг Земли, затем можио описать тот или иной путь относительно Солица, достигиуть желаемой планеты, приблизиться или удалиться от Солнца, сделавшись кометой, блуждающей многие тысячи лет во мраке среди звезд. Человечество образует ряд межпланетных баз вокруг Солнца, использовав в качестве материала для них блуждающие в пространстве астероиды... Реактивиые приборы завоюют людям беспредельиые простраиства и дадут солиечиую эиергию в два миллиона раз большую, чем та, которую человечество имеет иа Земле».

В изучении и освоеиии космического пространства нельзя делить задачи иа главные и второстепенные. Проблема, допустим, изучеиия Солнца, Луиы, Марса — важная и интересиая. Решенне ее даст человечеству ключ к познанию истории образоваиия Земли и других планет Солнечной системы, к разгадке причин возникиовеиия жизни.

Луна, например, есть долгоживущая орбитальная станция, на которой длительиое время работают научные приборы, доставленные автоматическими стаициями и пилотируемыми кораблями. Еслн проследить последова-

тельность проводимых в нашей стране лунных экспериментов, то можно отметить их преемственность. Каждая программа разрабатывалась с учетом накопленных сведений и усложнялась от запуска к запуску.

В дальнейшем освоение Луны станет важной вехой в развитии общества на пути покорения космического пространства. На данном этапе мы считаем, что необходимые сведения о Луне, характере ее почвы, географии и рельефе могут быть получены с помощью автоматических станций. Они созданы и успешно решают задачи исследования Луны, а также Марса, Венеры и других планет.

Мы совершили много полетов в космос, овладели необходимым минимумом знаний, и теперь космос должен раскрыть все свои тайны, которые будут столь велики, что станут подлинной сенсацией в науке.

Результаты исследований позволят нам по-новому взглянуть на многие процессы и явления в Мировом океане, успешно решить задачи связи, метеорологии, геодезии и навигации. Одним словом, космос позволит значительно расширить наши познания о природе, даст в руки ключи управления ею.

Наша планета заслуживает того, чтобы ее берегли, холили.

Евгений Хрунов как-то сказал: «Наблюдая Землю из космоса, я вижу мир как единое целое и думаю о бесконечных возможностях человеческого разума, осваивающего Вселенную.

Земля — бесконечно красивая планета. И мне дорога ее красота. Хочется, чтобы эта красота цвела вечно, чтобы народы сумели сохранить мир. Это мне дороже всего».

На неизведанном пути космических исследований случаются всякие события: трудные, непреодолимые, забавные, дерзновенные, трагические. Мы хорошо помним слова Юрия Алексеевича Гагарина:

«Каждое открытие — это лишь начало, первый шаг. Чем дальше мы идем, тем более подвластной нам становится природа, но и тем большие неожиданности встречаются на этом пути. Однако трудности и препятствия не могут заставить человечество свернуть с избранной дороги. Пока бьется в груди сердце, космонавты всегда будут штурмовать Вселенную».

24 апреля 1967 года, возвращаясь на Землю, при от-

крытии основного купола парашюта в результате скручивания строп парашюта погиб Владимир Михайлович Комаров. Это была первая и тяжелая утрата, погиб наш товарищ, исследователь космических просторов, человек яркого и самобытного дарования. Свое отношение к этому трагическому событию космонавты выразили в письме в редакцию газеты «Красная звезда».

«Первопроходцам всегда бывает труднее. Они идут по неизведанным дорогам. И эти дороги не прямые, есть на них крутые повороты, неожиданности, опасности. Но кто однажды ступил на космическую орбиту, тот не захочет сойти с нее никогда. И никакие трудности, препятствия не в силах повернуть его с избранного пути. Пока бьется в груди сердце, космонавт всегда будет штурмовать Вселенную. Володя Комаров был одним из первых на этом тернистом пути.

Возможно, наша работа более опасна, более трудна и ответственна, чем какая-нибудь другая, но это работа. Она начинается на Земле и продолжается в космосе — в холодной и черной бездне, в плену невесомости, там, где человек будто разрывает привычные связи со своей извечной колыбелью — Землей, становящейся одновременно и близкой и далекой. Однако и там наша работа направлена на пользу родной матери — Земле, ради того, чтобы на ней — солнечной и зеленой, безгранично дорогой и сказочно красивой — вечно торжествовали мир, счастье и прогресс».

В те далекие дни 1967 года советские люди, потрясенные случившимся в космосе, спрашивали: что будет дальше? Исследование космоса будет приостановлено? Вопросы, которые задавали, выражали глубокую заинтересованность советских людей в дальнейшем штурме высот Вселенной, волновали всех нас. На них мог ответить только тот, чей авторитет мог рассеять сомнения и волнения. Им был Юрий Алексеевич Гагарин.

Прогнозы Юрия Алексеевича полностью подтвердились. Функции пилотируемого космического корабля «Союз» значительно расширились, работа всех систем стала надежной и результативной. Конструктивно корабль непрерывно совершенствуется и модернизируется. Это очень важно: он поднимает нас на орбиту, он уносит нас с нее домой. И тот, и другой путь чрезвычайно труден: очень хочется вовремя прибыть на орбиту, на высоту, определенную программой полета, но хочется и сой-

ти с нее, вернуться домой. Перед возвращением домой время будто замирает, движется медленно, стрелки часов срослись с корпусом.

В эти часы эмоции не унять, воспоминания возвращают тебя в любой год жизни, чувства овладевают сознанием. Человек остается человеком, в каком бы обличье он ни находился. Учащается сердцебиение, мокнут глаза, квасится нос. Работоспособность не снижается, внимание не рассеивается, тренированный организм регулирует все отклонения. Мгновенно реагирует наш организм на связь с Землей, на голос родных, знакомых, известных артистов. Сердце колотилось по-земному, охватывало обычное волнение, загоралось нетерпением: быстрее бы. Это были, конечно, стрессы, положительные эмоции.

Когда Виталий разговаривал с женой, он очень волновался, и хотя его слышали сотни, а возможно, тысячи людей, беседа была интимной. Виталия интересовало все, расспрашивал он дотошно, давал советы, посылал приветы. Я видел его нежное лицо, напряженные глаза, вспотевший лоб, некоординированные движения рук. Мне, вероятно, надо было бы удалиться, но куда? Спрятаться, а где? Условия космические, пространство бесконечное. В эти минуты душевной оторванности Виталий был необыкновенно красив. По себе знаю, как дороги каждому из нас жена и дети, частичка нашего сердца, наше продолжение. Это они, наши жены и дети, знают, как бывает нам тяжело, видят, когда приходит отчаяние, неуверенность, обретается твердость, выковывается уверенность, как трудно достается изящество, легкость, юмор, при наших затратах времени появляется эрудиция и широта мышления. Как и мы, они страдают, переживают, нервничают, но в отличие от нас не имеют права на сострадание, сочувствие, ласковое слово. Они добровольно берут на себя неимоверную нагрузку, веселятся, когда бывает грустно, демонстрируют бодрость, когда боль сжимает сердце.

Для всех нас примером семейного благополучия, взаимоотношений жены и мужа является чета Гагариных. Мы хорошо знаем, что, когда Юрий Алексеевич служил на Севере, своей любимой жене Валентине Ивановне он писал письма. Писал часто, почти каждый день. Он не уподоблялся романтическому возлюбленному — рыцарю средневековья, это письма военного человека.

«Несмотря на то, что сейчас на Севере глубокая ночь,

мрак окутал всю округу, мне кажется, что я вижу дальше и реальиее,— писал Юрнй,— за эти днн многое передумал, осмыслнл, пережнл, одниочество (без тебя), которого я так страшился, пошло на пользу. Обо всем напншу тебе. У меня сложнлнсь четкне взгляды на иашу жизнь, наше будущее. Хочу тебя заверить, что все, что я сделаю, чего достигну, я посвящаю тебе н сделаю радн тебя. С тобой я пройду любые нспытаиня, преодолею самые сложные преграды к целн, инкогда не спасую, не отступлю от задуманного, выбраииого. Ты как никто больше соответствуешь моему ндеалу, взглядам, моей мечте. Моя любовь к тебе вечна и безграннчна!»

Через иесколько дней, освоившнсь, он писал:

«Я еще не вндел белых медведей, не блуждал в снежиых нагромождениях,— без этого, иаверное, какой я полярник? И все-такн мие хочется тебе сказать, что я освоился, полюбил этот край и, как всякнй военный, готов сказать: я жнл здесь всегда.

Говорят: с мнлым рай и в шалаше. Я верю в это. Сейчас я жнву ожнданием твоего приезда. Жду с большим нетерпеннем. Знаю, еслн бы я сказал тебе: брось учебу и прнезжай, ты бы прнехала. И я был бы счастлнв, но недолго. Ты должна нметь профессию. Работа, дети сделают твою жизнь интересной, наполненной, онн прнвиесут в нее необходнмые компоиенты человеческой радостн, общности с коллективом, удовлетворение плотн... Каждый день я смотрю иа тебя, вижу открытый взгляд твонх честных глаз, твое розовое ушко и хочу ощутнть теплую ласковость кожн...»

Думаю, что когда-иибудь учеиые семейные отношения, я нмею в вниду иормальные, дружескне отношения жеиы и мужа, внесут в обязательиую программу подготовкн космоиавтов к полету, как однн из самых снльных факторов морально-пснхологической подготовкн. Наши жены, нештатные тренеры н ниструкторы-методнсты Центра подготовкн космоиавтов, пуиктуально выдержнвают режим треннровки своих мужей.

У нас в Звездиом хорошо знают такне строчки: «Для иих тревожно проплывает иочь, н стынет ужни долгими часамн. Мужьям они не в силах чем-инбудь помочь. Они лежат с открытымн глазами. И все-такн совсем не в этом суть. Когда корабль космнческий вернется, сняиье славы их мужья несут, а тяжесть славы женам достается».

Хорошие и верные слова.

Там, на орбите, мы жили заботами Земли, а Земля, мы знаем из опыта других полетов, живет тревогой за нас. На орбите мы отмечали день рождения Виталия Севастьянова. Дата круглая, юбилейная: 40 лет. Оператор Центра управления полетом подготовил и передал на борт несколько поздравительных телеграмм и эстрадный концерт. В нем приняли участие наши любимые артисты, и это доставило нам огромную радость.

Мне посчастливилось трижды побывать в космосе. Каждый раз, получая задания на подготовку к очередному полету, я получаю не похожую на предыдущую программу. Она становилась значительно сложней, и мне приходилось как бы заново постигать профессию космонавта.

После полета Юрия Алексеевича Гагарина в космос работа в околоземном пространстве стала планомерной, поступательной, повседневной, стала профессией.

Требовались не единицы, а десятки космонавтов, людей, обученных основным наукам землян и знаниям новой профессии,— покорителей Вселенной. Нужно было выработать методологию научной подготовки, создать быстро меняющуюся модель учебной программы, возвести техническую базу.

Советские космонавты вооружены четкой и перспективной программой научно-испытательных исследований. Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев говорил: «Наша страна располагает широкой космической программой, рассчитанной на долгие годы. Мы идем своим путем, идем последовательно и целеустремленно...

Наш путь покорения космоса — путь решения коренных, фундаментальных задач, базовых проблем науки и техники.

Советский Союз рассматривает космические исследования как великую задачу познания и практического освоения сил и законов природы в интересах человека труда, в интересах мира на Земле».

На орбите побывало пять и работает шестая станция «Салют». Станции станут своеобразными орбитальными космодромами, где может происходить сборка межпланетных кораблей, снаряжение экспедиций в дальний космос.

Станция «Салют» стала космической базой, способной обеспечить длительную работу целого научного кол-

лектива. Функциональные возможности ее выросли за счет создания второго стыковочного узла. Появилась «материальная» связь станции с Землей.

Кроме того, на совершенствовании бортовых систем сказались успехи в развитии электроники, телемеханики, автоматического регулирования. Впрочем, здесь прослеживается и обратная связь. Зачастую именно нужды космонавтики стимулируют развитие этих направлений в науке и технике.

Следует особо остановиться на комфортности звездного дома. Ведь работоспособность человека на Земле зависит от удобств среды, а в космосе это более чем важно.

На «Салюте-6» в этом смысле сделано многое. Красоте интерьера, гармонии красок, дизайну конструкторы стали уделять больше внимания. Мы с Виталием пользовались салфетками, лосьонами. Разве могут они заменить удовольствие постоять под струей теплой воды!

Теперь, чтобы принять душ, надо вытянуть прикрепленную к потолку гибкую пластмассовую кабинку. Воздушный поток сверху вниз не позволит каплям воды путешествовать по помещению станции, а направит их вниз, в специальный сборник для последующей очистки.

Очень важно, что все большие и малые системы станции и создаваемых комплексов типа «Союз — Салют — Союз» прекрасно показали себя в работе. Ведь все это делалось впервые, и многое проверить на Земле было трудно. Например, как создать для такой громадины (станция с двумя кораблями весит примерно 32 тонны и длину имеет 30 метров) невесомость? И вот проверка не только расчетом, а действием, практикой подтвердила правильность всех инженерных решений.

Еще никогда ни один пилотируемый аппарат не работал столько в космосе, сколько работает «Салют-6». Причем это не просто полет вокруг планеты. Долговременным искусственным спутником Земли может стать любое тело, даже булыжник, если, конечно, сообщить ему орбитальную скорость. В космонавтике есть такое понятие — время активного существования, время, в течение которого аппарат сохраняет работоспособность, выполняя программу в интересах науки, техники, народного хозяйства. По этому показателю «Салют-6» не имеет себе равных среди кораблей и околоземных станций.

Впечатляет н другое. На станцин работало трииадцать экипажей.

Двадцать семь раз к станции пристыковывались пнлотируемые и автоматические корабли.

Это лишь самые общие цифры, чисто виешние показатели. А если бы перечислить результаты иаучиых и технических экспериментов, осуществлеииых космоиавтамн в орбитальиой лабораторнн, то ие хватнло бы и толстеииой книги. Достаточио, к примеру, иапомиить, что иа стаиции в условиях иевесомостн произведено более 200 плавок и получеиы иовые матерналы с необычными физико-химическимн характеристиками. С борта стаицин отсняты тысячи сюжетов земиой поверхиостн, разослаииые миогим организациям страны.

«Салют-6» далеко ие нсчерпал своих возможностей, н до иастоящего времени с космической иивы ои продолжает сиимать обильный научный урожай.

Теперь мы уже можем сказать, что мечта К. Э. Циолковского о стаициях, лабораториях в околоземиом космическом простраистве сбывается. Мы ие только создали такие стаиции, ио и приступили к нх длнтельиой эксплуатации.

Космос заиял умы всего человечества, привлек в свон лабораторни лучших ученых плаиеты, утвердился в литературе, искусстве, прочно лег иа газетные полосы.

Американский журиалист Жэрилнн Бехтел писал: «История самих космнческих полетов начииается, коиечио, с первого спутиика, запущеииого в Советском Союзе в октябре 1957 года и потрясшего самодовольство тех, кто считал, будто социалистической страие ие хватает иаучиого н техиического потеициала, чтобы превратиться в ведущую страну в этой области. В последующие годы СССР еще несколько раз был первым: первые людн в космосе — Юрий Гагарин н Герман Титов в 1961 году, первая (и на сегодияшиий деиь единственная) жеищииа в космосе — Валентиua Терешкова в 1963 году и первый выход в открытый космос Алексея Леоиова в 1965 году».

Действительно, мы первымн запустилн искусствениый спутник Земли. Первыми получили фотографии обратиой стороиы Луиы. Первая мягкая посадка иа Луиу автоматической станции. Первая телевизиоииая передача с поверхности иашего естествеииого спустиика. Первый искусствеииый спутиик Луиы. Первые групповые и совместные полеты. Первая жеищииа-космоиавт. Первый выход

человека в открытый космос. Первая стыковка в космосе и создание орбитальной станции. Первая автоматическая космическая станция, с помощью которой была взята проба лунного грунта и доставлена на Землю. Первый автоматический аппарат «Луноход-1» и так далее.

Летчик-космонавт СССР Владимир Шаталов писал: «Ничто не может остановить Человека на пути знаний и прогресса. Время сенсаций и восторгов, скепсиса и недоверия миновало. Космос уверенно и прочно входит в нашу жизнь и образ мысли, в научно-исследовательские программы и народнохозяйственные планы».

Отвечая на вопросы корреспондентов, Юрий Алексеевич Гагарин сказал: «Иногда нас спрашивают: зачем нужна такая напряженная работа? Зачем мы работаем так, зная, что в общем-то работаем на износ? Но разве люди, перед которыми поставлена важная задача, большая цель, разве они будут думать о себе, о том, насколько подорвется их здоровье, сколько именно можно вложить сил, энергии и старания, чтобы их здоровье не подорвалось? Настоящий человек, настоящий патриот, комсомолец и коммунист никогда об этом не подумает. Главное — выполнить задание».

Дважды Герой Советского Союза Георгий Гречко как-то сказал: «Помимо той работы, что мы проводим на тренажере по технике, по контролю, по принятию решения, в космосе на тебе лежит большая ответственность. Неимоверно большая, за труд всех, кто подготовил полет... Так что там очень трудно».

Мой третий полет в космическое пространство я совершил в составе интернационального экипажа, моим партнером стал польский летчик Мирослав Гермашевский. И снова подготовка. С какими чувствами и настроениями начал я этот этап, этот период своей жизни?

Что и говорить, трудно дался предыдущий полет. Спрашивал я тогда себя: «Хочу ли в космос снова? Нет,— отвечал себе,— не хочу, налетался, хватит». Но вот прошло несколько месяцев, и снова мне неспокойно, щемит что-то, тянет туда, ввысь, в этот космический неповторимый мир.

Как и в предыдущем полете, мне очень повезло с партнером. Высококлассный, опытный пилот, эрудит, умница, все схватывает на лету, въедливый, трудяга — таков Мирослав. Но в то же время это мягкий и добродушный

человек, романтик. Уступчивый, но твердый во всем, что важно для дела.

Мы быстро сдружились. И я совсем не думал о том, что это нужно для дела, для какой-то психологической совместимости.

Каждый космический полет — это безусловно новый шаг в будущее, это испытание новой космической техники. Причем космонавт в полете не просто выполняет функцию регистратора событий, любуется красотами галактических красок, он анализирует информацию, поступающую с систем корабля, правильно оценивает обстановку и быстро реагирует на различные ситуации. Космонавт в совершенстве знает устройство корабля, умеет пользоваться всеми его системами. Одним словом, он должен быть испытателем. Причем от полета к полету функции исследователя и испытателя становятся все более сложными.

Не случайно возрос уровень научной подготовки космонавтов. Все они имеют теперь высшее образование, а каждый третий — ученую степень. Вполне понятно, что помимо глубоких теоретических знаний они должны владеть современной космической техникой, методиками выполнения экспериментов и научных исследований. Космонавты участвуют в макетировании, компоновке кораблей и станций, отработке и проверке их систем в испытательных лабораториях и на стартовой позиции, в технических совещаниях при решении возникающих проблем, в составлении и отработке программ полетов и документации.

Совершенствование методики обучения космонавтов — предмет постоянной заботы руководства и партийной организации Центра подготовки.

Специфические условия работы на орбите требуют от экипажа мужества, воли, развитого чувства ответственности — тех человеческих качеств, которые ярко проявил Юрий Алексеевич Гагарин в первом полете в космос.

Советский космонавт — это человек с широким политическим кругозором, преданный высоким коммунистическим идеалам, патриот, прежде всего думающий об интересах общества, дела, которому служит. Глубокому изучению марксистско-ленинской теории у нас уделяется самое серьезное внимание.

Можно без преувеличения сказать — каждый космический полет начинается еще на Земле, в Звездном. Сна-

чала космонавты штудируют теорию, изучают схемы, макеты, действующне модели всех узлов корабля и станции. Затем приступают к занятням иа специалнзнрованных тренажерах, отрабатывая до автоматизма отдельные операции нлн этапы полета. И, иаконец, переходят на комплексный тренажер, который позволяет имитировать весь полет от взлета до посадки. Тренажеры оснащены электронно-вычнслнтельиыми машинамн, моделнрующнми поведение бортовых снстем в завнсимости от команд оператора.

Инструкторы Звездного городка приучают своих пнтомцев к любым иеожиданиостям. Ведь это только кажется, что космнческие комаиднровкн стали обычиым делом. Каждый полет по-прежнему — шаг в неизведанное. Разве, иапрнмер, можно было предусмотреть, что ажурная сетка антенны зацепнтся за стаицню, и зараиее проиграть эту ситуацню на Земле? Навряд ли. Но ведь сам выход в открытый космос «Протоны» репетнровали до полета много раз, изучалн различные маршруты, по которым можно двигаться на иаружиой обшивке стаиции.

Вооружеииый лншь мечтой позиання жизни и законов Вселенной, космонавт ие застрахован от иеожиданностей, возможного поражения прн встрече — однн иа одни с неведомыми стрессамн и даже шоком.

Совсем ие случайно Юрий Алексеевнч Гагарин пометнл: «Космонавт — это человек, деятельность которого протекает в необычных условнях... иередко блнзкнх к предельно переноснмым».

Эту мысль настойчиво повторяет и дважды Герой Советского Союза Внктор Горбатко: «Престижность профессии космонавта определяется тем, что каждый полет — пока еще сложное, ответственное и, в общем-то, опасное дело».

Космонавт в полете в основном должен рассчнтывать на свои знания, на снлу собственной подготовкн, на мгновенную реакцию, на глубокнй аналнтический вывод в крнтнческой снтуацни.

На Земле, в процессе подготовки космоиавтов к полету, к успешному выполненню программы, конструкторы и космонавты разрабатывают возможные предположительные варнанты отказа техники. Их иазвали иештатными случаямн. Прн треинровках спецнально создают нх — разлнчные варнаиты отказа — и в таком количестве, что поверить в их реальность было невозможио. Но так

надо: успех в космосе закладывается на Земле. Это тоже одиа из черт профессии космоиавта.

«Я ие встречал ии одного иастоящего испытателя,— писал Георгий Тимофеевич Береговой, геиерал-лейтеиант авиации, дважды Герой Советского Союза,— который бы ие зиал цеиу гигаитскому труду. Не зиал ни одиого космоиавта, который бы ие трудился в поте лица».

Это уже ие парадиая стороиа профессии, а истииное ее содержаиие, формула деятельиости космоиавта.

В подтверждеиие этого тезиса сошлюсь иа пример Алексея Архиповича Леоиова. За одии год тренировок в период подготовки к первому полету в космическое простраиство ои проехал иа гоиочном велосипеде 1000 километров, пробежал 200 кроссовых дистаиций и 300 километров прошел иа лыжах.

В 1975 году за два месяца совместных треиировок экипажей первого междуиародиого космического эксперимента было проведеио: имитаций старта «Союза» и «Аполлоиа» со всеми мииимыми отклоиеииями — 12 раз, сближеиие, стыковка и переходы из корабля в корабль — 14 раз, расстыковка — 10 раз, спуск «Союза» — 10 раз, отработаио более ста иештатиых ситуаций.

Вряд ли есть необходимость говорить об огромном объеме эиергозатрат иа эту подготовительиую работу. Это была еще ие сама профессия, а только этап вхождения в иее.

Ныие профессия космоиавта стала практически всемирной, в космосе пока побывали представители немиогих стран, ио очеиь скоро в далекое иеизведаииое путешествие на крутые околоземные орбиты выйдут космоиавты многих страи.

Нужно быть очеиь волевым человеком, чтобы жить в таком строгом режиме месяцами. Вот почему мы ие просто уделяем большое виимаиие физическим упражиеиням, мы стремимся психологически подготовить экипаж к жестокому — без всяких послаблеиий — режиму иа борту.

Словом, сейчас готовить экипажи к полету стало и проще, и труднее одиовремеино. Проще, потому что мы гораздо больше знаем о космосе, потому что в иашем распоряжении современиое оборудоваиие, совершеиные учебные методики. Трудиее потому, что несравнеиио усложнились космические программы.

Чтобы решить все проблемы физической и теоретической подготовки космоиавтов к полетам, нужен был науч-

но обосноваиный комплекс, подтверждеииый практической целесообразностью. Нужеи был целый городок, соеднннвшнй в себе служебиые здаиия и жилой массив, который создавал бы условия для иепрерывиой, круглосуточной н целенаправленной работы ученых, космонавтов, тренеров.

Основные научные н треннровочиые работы мы проводим в Звездном городке. Мы любим свой городок и миогое делаем для того, чтобы ои стал краше, лучше, прнветливее. В нем расположеиы осиовиые тренировочные корпуса, иаучные лаборатории, стеиды и тренажеры. Как и в любом городе, у нас есть жилые и служебные террнтории, Дом культуры, торговый цеитр, школа, детскнй сад. В марте 1980 года иашему городку исполннлось двадцать лет. Юношескнй возраст. Из Звездного мы уходнм в космическое пространство, а завершнв работу на орбнте, возвращаемся назад.

О нашем городке миого пишут. Может быть, он н не так уж краснв, как иам хотелось бы, ио, оберегаемый нами, он, несомненно, становится лучше. Заместитель начальника Воеино-политической академии имени В. И. Леннна генерал-майор Литвии Б. А. писал:

«Мое воображение рисовало фаитастическое скопище зданий. Модерновые дворцы, сиитез и вершиии современной архнтектуры а ля Росси, Щусев, Жолтовский, Рейт нли Корбюзье, фантастической сложиости памятникн, в которых символика переплетается с психологизмом реальностн, абстракция с изяществом аитичности, одним словом, снмбиоз прошлого и будущего. Все в этом городе, где живут небожители, мие представлялось исполненным особого смысла, эталоном нзящества, верхом благоразумия.

А как же могло быть ииаче? Ведь они живут в другом измерении, нсчисляют, возможио, двадцать второй век, имеют представленне о пульсарах, Белых карликах, красных сверхгигантах, «Черных дырах» и других чарующих своей загадочностью тайнах Вселенной.

Жители Звездного знают подлиниую историю происхождения Земли, Галактики, Вселенной, расшифровывают нейтрино подобно генетическому коду, познают ранние этапы эволюции простраиства, измеряемого, возможно, миллионами лет, проникают в лабиринты «Чериых дыр», за незримыми стенками которых таятся аитнмиры, механизмы системы быстрого переиоса материи во Все-

ленной, а возможно — переноса материи в другие Вселенные».

В музее Звездного есть книга отзывов, в которую свое впечатление о городке, музее, встрече с космонавтами, просмотренных фильмах может записать наш гость. В этой книге — отзывы руководителей государств и правительств, политических партий и общественных организаций.

«Во время визита в Звездный городок вместе с нашим дорогим товарищем Л. И. Брежневым,— писал в книге отзывов Фидель Кастро,— мы за несколько минут пережили историю начала космической эры.

Здесь можно оценить огромные достижения советской техники и науки, благодаря которым стало возможным осуществление подвига Юрия Гагарина. Здесь можно оценить подвиг советских людей — наследников Ленина, подвиг ученых, специалистов и космонавтов во всей его человечности, их близких, вместе с которыми космонавты прошли через риск. Советские герои космоса прославили Родину, все человечество».

Председатель Коммунистической партии Испании Долорес Ибаррури оставила запись следующего содержания:

«Нет среди нас нашего героя Юрия Гагарина, героя всех народов, который своей простотой и скромностью, смелостью и твердостью, своим мужеством и верностью Родине и ленинской Коммунистической партии всегда был живым примером не только для советской молодежи, но и для молодежи всего мира».

«...Советский Центр космической подготовки, названный в честь Гагарина,— писал американский публицист Джозеф Норт,— можно сравнить с НАСА в Хьюстоне. Он находится более чем в часе езды от Москвы. Это город в сосновом и березовом лесу, здесь живут космонавты со своими семьями, люди, готовящиеся к будущим полетам, и те, кто на земле обеспечивает эти полеты.

Видны лаборатории, высокие дымовые трубы. Строгий ряд больших десятиэтажных жилых домов, несколько школ, почтовое отделение и клуб».

Разделяя точку зрения своего соотечественника, выдающийся американский астронавт Томас Стаффорд 17 октября 1972 года записал в книге отзывов:

«Мне выпала высокая честь посетить Звездный горо-

док. У вас превосходное и впечатляющее оборудование. Я уверен, что ваши будущие успехи будут еще более значительными, чем прежде. Как ваш коллега по исследованию космоса, я приветствую каждого из вас и уверен, что наше взаимное сотрудничество поможет сблизить наши две великие страны».

Ежегодно посещают Звездный сотни делегаций, десятки тысяч гостей. Особенно часто у нас бывают представители социалистических стран.

«С чувством растроганности и гордости познакомился я с музеем, отражающим жизнь, работу, подвиги наших друзей — советских космонавтов.

От всего сердца желаю всего доброго, новых и новых успехов советским космонавтам, их преподавателям и руководителям в деятельности, служащей на благо советского народа и Родины, на благо всех народов, всего человечества. Этого желаю я от имени всего венгерского народа, строящего социализм»,— писал Первый секретарь ЦК Венгерской Социалистической рабочей партии Я. Кадар.

Звездный стал международным центром подготовки космонавтов. Наши товарищи в сжатые сроки помогли представителям социалистических стран освоить большую и сложную программу подготовки к полетам. Партийная организация сделала все для того, чтобы представителям братских стран понравился Звездный, с его порядками, взаимоотношениями, традициями. Были созданы все условия для эффективного проведения с ними каждого занятия, каждой тренировки.

Это позволило блестяще завершить первый этап космических экспедиций по программе «Интеркосмос». В настоящее время в Центре готовятся к полетам космонавты Монголии, Румынии, Франции.

Труд космонавтов, специалистов Центра высоко оценен Коммунистической партией и Советским правительством. В 1968 году Центру подготовки космонавтов было присвоено имя первопроходца космических трасс Ю. А. Гагарина. За высокие показатели в работе, достигнутые в честь 100-летия со дня рождения В. И. Ленина, Центр награжден Ленинской юбилейной Почетной Грамотой ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР.

В апреле 1971 года за большие заслуги в подготовке экипажей к космическим полетам, участие в освоении

космического пространства и в связи с 10-летием первого в мире полета человека в космос Центр подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина награжден орденом Ленина. Эта великая честь ко многому нас обязывает.

Коммунистическая партия, Советское правительство проявляют большое внимание к летчикам-космонавтам и тем, кто их готовит к космическим полетам, о чем свидетельствует посещение нашего Центра и Звездного городка товарищем Леонидом Ильичом Брежневым в июне 1972 года.

Юрий Алексеевич Гагарин стоял у истоков космической эпохи, и все, что он сделал, что принес человечеству, бесценно и принадлежит всем людям Земли. Люди всей планеты свято чтут память Юрия Алексеевича Гагарина и восхищаются его подвигом. Прокатчики Донецкого металлургического завода высокими показателями в труде добились для своего предприятия права называться именем первого космонавта. Это имя носит и Военно-воздушная академия. «Космонавт Юрий Гагарин» — так назвали флагман экспедиционного научного флота Академии наук СССР, который несет свою исследовательскую вахту в просторах Мирового океана, это самое крупное в мире научное судно.

На предприятии ГАНТ в Будапеште есть рабочая бригада имени первого космонавта планеты. Славное имя с гордостью носят трудовые коллективы текстильной фабрики в болгарском городе Силистра и на Кремиковском металлургическом комбинате. Генеральная конференция Международной авиационной федерации (ФАИ) учредила медаль Юрия Гагарина. В военно-воздушных силах Национальной народной армии ГДР есть эскадрилья имени Юрия Гагарина. В далекой солнечной Мексике живет белокурая девушка Юрина, названная в честь советского космонавта. На карте Луны вы найдете большой кратер Юрия Гагарина.

Недавно американское Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства передало Советскому Союзу памятную мемориальную доску в честь первого космонавта мира Юрия Гагарина. На ней надписи тех, кто вслед за ним совершил полеты на кораблях «Меркурий», «Джемини», «Аполлон». В Швейцарии, на берегу Женевского озера, в честь десятилетия первого космического старта человека во Вселенную поставлен величественный монумент. Есть город

Гагарии, площади и улицы городов и поселков в СССР и за рубежом иосят его имя.

Первый деиь, первая встреча, первая экскурсия по городку. Я помию ее и буду помиить всю жизиь. Как буду любить и преклоияться перед Юрием Алексеевичем Гагарииым.

Иногда я прохожу тропами первой экскурсии по городу и думаю о том великом предиазиачеиии Звездиого, которому самой историей отведеиа особая роль. И еще я думаю о тех обязаииостях перед иародом, которые лежат иа иас, его жителях.

Когда мие доверили первый полет в космос, там, иа орбите, отвлекаясь в редкие миiуты, я думал о иашей Земле, о ее ие таких уж великих размерах. И зрительио, и мыслеиио я мог обиять всю плаиету.

Блистательиый старт Юрия Алексеевича Гагарина, его дерзиовеииое проиикиовеиие в тайиу Вселеииой закоичилось выдающейся победой человеческого геиия. Все мы гордимся тем, что первым, подиявшимся в космос, был советский человек, член великой лениискоӥ партии коммуиистов, житель Звездиого городка, иаш дорогой Юрий Гагарии.

Советские космоиавты, безграиичио предаииые своей любимой Родиие, родиой Коммунистической партии, готовы к иовым стартам.

Анатолий КРИКУНЕНКО

РАКЕТНЫЕ ПОЕЗДА

Семнадцатого августа 1933 года на испытательном полигоне под Москвой стояла томительная тишина. У станка, на котором возвышалась сигарообразная ракета, шли последние приготовления к ее запуску. Приближалось событие, которому суждено было открыть новую страницу в истории отечественной ракетной техники.

И вот этот миг наступил. Из сопла вырвалась тугая струя пламени, и над притихшим вечерним лесом вдруг раздался мощный гул. Какое-то мгновение ракета стоит еще неподвижно, но шум нарастает, огненный конус увеличивается, и она медленно и плавно, словно нехотя, устремляется ввысь.

Трудно выразить словами радость и счастье, охватившие тех, кто с утра до поздней ночи сидел над расчетами и чертежами, кто своими руками вытачивал и шлифовал каждую деталь, кто с риском для жизни испытывал и запускал в небо нашу первую советскую ракету на гибридном топливе. Пусть пока что скромные технические достижения у ракетного первенца: вес всего лишь 18 килограммов, скорость полета — 250 метров в секунду, высота вертикального подъема — только 400 метров. Да и держалась ракета в воздухе не более 18 секунд, но это была выдающаяся победа советской научной и технической мысли.

Сергей Павлович Королев, один из конструкторов этой ракеты и руководитель Группы изучения реактивно-

го движения, писал в те дни: «От первого шага, доказавшего правильность выбранной схемы, можно перейти к дальнейшим усовершенствованиям и получению летающих ракет больших калибров со скоростью полета от 800—1000 метров в секунду и дальностью полета в несколько сотен и тысяч километров».

По случаю успешного запуска первой ракеты С. П. Королев писал в специальном выпуске стенной газеты гирдовцев: «День 17 августа, несомненно, является знаменательным днем в жизни ГИРДа, и начиная с этого момента, советские ракеты должны летать над Союзом республик...

Советские ракеты должны победить пространство!»

Слова выдающегося советского конструктора оказались пророческими. Наши ракеты победили пространство! Сегодня советские гигантские ракеты выводят на околоземные орбиты большие многоместные космические корабли, научные орбитальные станции и межпланетные автоматические станции, исследовательские и метеорологические спутники, спутники связи и другие летательные аппараты. Советский Союз стал ведущей державой мира в изучении и освоении Вселенной.

История создания ракет в России уходит далеко в глубь прошлого.

Как известно, пороховые ракеты появились давно. Несколько тысяч лет назад в Китае они применялись для увеселений в виде фейерверков во время народных праздников. В последующем появились боевые ракеты, которые использовались против неприятеля в Китае, Индии, Европе.

В 1680 году в Москве было организовано первое ракетное заведение в России. Оно изготовляло пороховые ракеты, которые вначале применялись для фейерверков, а затем и в русской армии. Ценный материал о ракетном деле содержится в сочинениях русских артиллеристов М. В. Данилова, А. П. Демидова, Ф. С. Челеева и других. В опубликованном в 1762 году первом в России капитальном труде «Начальное значение теории и практики в артиллерии приобщением гидротехнических правил» М. В. Данилов дал подробное описание устройства фейерверочных ракет, технологии изготовления пороховых составов для них.

Несколько типов боевых ракет создал Александр Дмитриевич Засядко (1779—1837). Они впервые успеш-

но были испытаны в Петербурге в 1817 году. По своим летным и эксплуатационным характеристикам ракеты конструкции Засядко выгодно отличались от подобных образцов зарубежных.

В 1832 году все ракетные заведения России объединились в Петербургское ракетное заведение. Оно стало центром по разработке и изготовлению отечественных боевых ракет.

Огромный вклад в дальнейшее развитие русской ракетной артиллерии внес выдающийся деятель артиллерийской науки Константин Иванович Константинов (1818—1871). Его по праву считают отцом русской боевой ракеты на черном дымном порохе. Он обосновал положение о том, что в каждый момент горения ракетного топлива количество движения, сообщаемого ракете, равно количеству движения истекающих газов. Через несколько десятков лет независимо от Константинова это же равенство вывел К. Э. Циолковский. Оно послужило ему фундаментом для основного уравнения полета ракеты.

Отечественные ученые и изобретатели С. С. Неждановский, Н. А. Телешов, Н. М. Соковнин и другие развили далее теорию и практику реактивного движения. Им удалось построить серийные ракеты. Инженер И. И. Третесский в 1849 году разработал оригинальные проекты трех летательных аппаратов. Они приводились в движение с помощью реактивной струи газа или пара. Адмирал русского флота Н. М. Соковнин в работе «Воздушный корабль» в 1866 году предложил проект реактивного аэростата. Движение ему в горизонтальном полете сообщала реактивная сила, которая образовывалась в результате истечения сжатого воздуха.

Заслуживает внимания вывод о возможности устройства реактивного летательного аппарата тяжелее воздуха другого талантливого ученого и изобретателя С. С. Неждановского. Он предложил такой аппарат двух типов. Ученый высказал также идею о применении для ракет жидких двухкомпонентных топлив.

Изобретатель Н. А. Телешов в 1867 году получил патент на летательный аппарат тяжелее воздуха. В нем использовался принцип отдачи газов, которые образовывались при взрыве определенной смеси в камере сгорания.

Одним из тех, кто считал ракету средством для поле-

та человека в межпланетное пространство, был русский изобретатель Николай Иванович Кибальчич (1853—1881). В марте 1881 года член организации «Народиая воля» Николай Кибальчич за участие в покушении на императора Александра II был арестоваи. В ожидании смертной казни он со всей страстью отдается своей давней мечте: создает схему ракетного летательиого аппарата с пороховым двигателем. Кибальчич создает проект воздухоплавательного прибора и пояснительиую записку к нему. Это был первый в мире проект корабля для полета человека в безвоздушном пространстве.

До Кибальчича отечественные и зарубежиые ученые и изобретатели рассматривали приицип реактивного движения только для горизонтального перемещеиия летательных аппаратов. Кроме того, все они были рассчитаны на полет в атмосфере, всем им нужен был в качестве опоры воздух. Кибальчич предложил новый ракетодинамический принцип создаиия подъемиой силы. Атмосфера для аппарата ученого-самоучки не требовалась.

«Находясь в заключеиии,— писал автор проекта,— за несколько дней до своей смерти, я пишу этот проект. Я верю в осуществимость моей идеи, и эта вера поддерживает меня в моем ужасном положении. Если же моя идея после тщательиого обсуждения учеными-специалистами будет признана исполнимой, то я буду счастлив тем, что окажу громадную услугу родине и человечеству; я спокойно тогда встречу смерть, зная, что моя идея не погибнет вместе со мною, а будет существовать среди человечества, для которого я готов был пожертвовать своей жизиью...

Какая же сила применима к воздухоплаванию? Такой силой, по моему мнению, являются медлеиио горящие взрывчатые вещества...»

В своем проекте Кибальчич предусмотрел многое: устройство порохового двигателя, управлеиие полетом, программный режим горения, а также обеспечеиие устойчивости ракетиого аппарата.

Проект Кибальчича, к сожалеиию, пролежал в архивах жандармского управления до победы Великого Октября. В 1918 году он был впервые опубликоваи.

В конце девятиадцатого века фундаментально занимается теорией реактивиого движения выдающийся русский учеиый, основатель отечественной и мировой кос-

монавтики Константин Эдуардович Циолковский. «Вклад Циолковского в космоиавтику иеизмеримо велик,— отмечал талантливый последователь Константина Эдуардовича, основоположиик отечественного ракетного двигателестроения академик В. П. Глушко.— Можно смело сказать: почти все, что делается сейчас нами в этой области, предвидел скромный провинциальиый учитель еще с рубежа века...»

Циолковского всегда влекло в таинствениый мир космоса. «Мие представляется, вероятно, ложно,— признавался Константин Эдуардович,— что основные идеи и любовь к вечному стремлеиию туда — к Солицу, к освобождению от цепей тяготения — во мие заложены чуть ие с рождения. По крайней мере, я отлично помню, что моей любимой мечтой в самом раннем детстве, еще до книг, было смутное сознание о среде без тяжести, где движеиия во все стороиы совершеино свободны и где лучше, чем птице в воздухе. Откуда явились эти желания, я до сих пор ие могу понять; и сказок таких иет, а я смутио верил и чувствовал, и желал имеиио такой среды без пут тяготения».

Еще в юиошеские годы у Циолковского рождается мысль: нельзя ли человеку подияться за стратосферу? Он раздумывает над летательиым аппаратом для такого полета и в течение нескольких лет работает иад создаиием управляемого цельнометаллического аэростата. «В 1885 году, имея 28 лет,— вспомииал Константин Эдуардович,— я твердо решился отдаться воздухоплаванию и теоретически разработать металлический управляемый аэростат». Свои теоретические обоснования и расчеты он изложил в книге «Аэростат металлический управляемый», которая вышла в 1892 году.

Оставаясь убежденным стороиииком цельиометаллического дирижабля, Циолковский, одиако, занимается и теорией самолета. В 1894 году ои пишет статью «Аэроплан или птицеподобная (авиационная) летательная машина».

Со временем Константина Эдуардовича все больше и больше привлекает теория реактивиого движеиия. «Долго иа ракету,— вспоминал ученый,— я смотрел, как все: с точки зрения увеселений и малеиьких применений. Не помию хорошо, как мне пришло в голову сделать вычисления, отиосящиеся к ракете. Мие кажется, первые семена — мысли — зароиены были известным фаитазером

Жюль Верном; он пробудил работу моего мозга в известном направлении».

По твердому убеждению Циолковского, именно ракете суждено освободиться от тяготения Земли и вырваться в безбрежный мир космоса. Этого не может осуществить ни аэростат, ни артиллерийский снаряд, ни аэроплан. Только корабль-ракета в состоянии развить скорость, необходимую для того, чтобы разорвать тенета земного притяжения.

Циолковский задумывается: какое топливо нужно применить в ракете? Порох в такой гигантской ракете использовать нельзя: слишком много бы его потребовалось. Да это отрицательно скажется и на весе космического корабля. Хорошо бы заменить порох жидким топливом.

В результате кропотливых поисков и расчетов ученый приходит к выводу: для полета во Вселенную нужны двигатели на жидком топливе. Все свои воззрения на ракету Константин Эдуардович изложил в замечательной работе «Исследование мировых пространств реактивными приборами», которая была опубликована в 1903 году.

Ученый не только изложил теорию полета ракеты, не только обосновал возможность применения реактивных летательных аппаратов для межпланетных сообщений, но и описал эту космическую ракету. «Представим себе такой снаряд: металлическая продолговатая камера (формы наименьшего сопротивления), снабженная светом, кислородом, поглотителями углекислоты, миазмов и других животных выделений, предназначена не только для хранения разных физических приборов, но и для управляющего камерой разумного существа... Камера имеет большой запас веществ, которые при своем смешении тотчас же образуют взрывчатую массу. Вещества эти, правильно и довольно равномерно взрываясь в определенном для того месте, текут в виде горячих газов по расширяющимся к концу трубам, вроде рупора или духового музыкального инструмента...»

Горючее представляло собой водород, окислителем служил жидкий кислород. Управлялась ракета газовыми графитовыми рулями.

Спустя годы Циолковский вновь и вновь возвращается к работе «Исследование мировых пространств реактивными приборами». Публикует вторую и третью ее ча-

сти. Он развивает дальше свои теоретические воззрения на использование ракеты для межпланетных полетов, заново переосмысливает написанное ранее. Ученый вновь подтверждает: для космического полета пригодна только ракета. Причем космическая ракета должна быть поставлена на другую, земную, или вложена в нее. Земная ракета, не отрываясь от почвы, сообщит космической ракете желаемый разбег.

Теорию реактивного движения разрабатывают зарубежные ученые француз Р. Эсно-Пельтри, американец Р. Годдард, немец Г. Оберт и другие.

Свои работы они опубликовали в 1913—1923 годах, то есть значительно позднее Константина Эдуардовича. В этой связи хотелось бы напомнить такой факт.

В 1923 году в зарубежной печати появилось сообщение о работах Германа Оберта. В них немецкий ученый пришел к тем же выводам, что и Циолковский, однако гораздо позже. Тем не менее в этих сообщениях даже не упоминалось имя советского ученого. Председатель Ассоциации натуралистов профессор А. П. Модестов выступил в газете «Известия» с протестом. Он назвал труды Циолковского, вышедшие ранее работ Г. Оберта и Р. Годдарда, привел отзывы выдающихся ученых на произведения Константина Эдуардовича. «Печатая эти справки,— писала газета,— президиум Всероссийской ассоциации натуралистов имеет целью восстановление приоритета т. Циолковского в разработке вопроса о реактивном приборе (ракете) для внеатмосферных и межпланетных пространств».

В 1924 году специалисты и широкие круги читателей с интересом встретили новую книгу Константина Эдуардовича «Ракета в космическом пространстве». Прочитав эту книгу и признавая первенство советского ученого, Г. Оберт писал Циолковскому: «Вы зажгли огонь, и мы не дадим ему погаснуть, но приложим все усилия, чтобы исполнилась великая мечта человечества».

Приоритет великого русского ученого признало Германское общество межпланетных сообщений. По случаю 75-летия К. Э. Циолковского оно обратилось к нему с приветствием. «...Общество межпланетных сообщений со дня своего основания всегда считало Вас одним из своих духовных руководителей и никогда не упускало случая указать устно и в печати на Ваши высокие заслуги и на

Ваш неоспоримый русскнй приоритет в научиой разработке нашей велнкой идеи».

Говоря о вкладе Циолковского в космическую иауку, мы иепремеиио употребляем слово — первый. Ои первый доказал возможность достижеиия космической скорости, первый решил задачу посадки космического аппарата на поверхиость плаиет, ие имеющих атмосферы. Константии Эдуардович первый из учеиых занялся проблемой искусствеииого спутиика Земли, первый высказал идею о создаиии околоземиых стаиций в качестве искусственных поселеиий, первый рассмотрел медико-биологические проблемы, связаиные с космическими полетами. Циолковский страстио верил, что человек обязательио поднимется в космос.

Многое сделал для практического претворения в жизнь идей Константина Эдуардовича известиый советский изобретатель Фридрих Артурович Цаидер (1887—1933).

Впервые с трудамн Циолковского Цаидер познакомился еще в городском реальиом училище. «В последием классе училища,— вспомииал Фридрих Артурович,— перед зимними каиикулами иаш преподаватель космографии прочел нам часть статьи, иаписаниой К. Э. Циолковским в 1903 г., под заглавием «Исследование мировых пространств реактивными приборами». Это была первая встреча Цандера с пронзведением осиовоположника теоретической космоиавтики. Более осиовательио Фридрих Артурович изучает труды Циолковского, став студентом Рижского политехнического ииститута. «В 1908 г.,— писал Цандер в своей автобиографии,— когда мие был 21 год, завел себе особую тетрадь для расчета мировых кораблей; хотя я еще мало зиал, ио под влияиием расчетов во мне уже сильно развилась иадежда иа возможиость полетов в мировое пространство».

После окончаиия института молодой иижеиер работает на заводах в Риге, Москве. В двадцатые годы его все больше одолевают мысли о межплаиетных полетах. «Кто не устремлял в ясную звездиую иочь своих взоров к иебу, иа котором сверкают миллиоиы звезд,— пнсал Цаидер,— и не подумал о том, что около них иа планетах должны жить другие человечества, отчасти в культуре на многие тысячи лет опередившие иас. Какие несметные культуриые ценности могли бы быть доставлеиы иа Землю, если бы удалось туда перелететь».

Работая на московском заводе «Мотор», который выпускал авиационные двигатели, Цандер часто выступал перед коллективом предприятия с лекциями о межпланетных полетах. Однажды он изложил рабочим завода проект своего космического корабля. «Мой межпланетный корабль,— говорил Фридрих Артурович,— состоит из аэроплана, на котором поставлен авиационный двигатель высокого давления. Двигатель будет работать при помощи жидкого кислорода и бензина или же этилена или водорода, смотря по условиям, которые окажутся при опытах наиболее выгодными.

Двигатель будет приводить в движение винты, и аэроплан взлетит с Земли. С увеличением высоты полета также будет увеличиваться скорость. На высоте примерно 26 верст над Землей авиационный двигатель будет выключен и включен ракетный мотор с силой тяги в 1500 килограммов... Скорость полета аппарата вследствие увеличения тяги ракетного двигателя будет нарастать, одновременно будет все более возрастать и высота полета...

Согласно расчетам, мы будем иметь достаточную скорость для того, чтобы отлететь с Земли и перелететь на другие планеты.

Обратный спуск можно осуществить, если немного замедлить полет при помощи обратной отдачи ракетного мотора, пока мы не очутимся опять в земной атмосфере. В ней возможен планирующий спуск или же спуск при помощи лишь маленького двигателя».

В 1921 году Цандер выступил на Губернской конференции изобретателей. Это было самое памятное выступление Фридриха Артуровича. Позже в автобиографии Цандер писал: «...На Губернской конференции изобретателей, на которой образовалась Ассоциация изобретателей — АИЗ, я доложил про свой двигатель и много говорил про свой проект межпланетного корабля — аэроплана...»

О проекте своего межпланетного корабля Фридрих Артурович сообщает Циолковскому в Калугу, с которым у него завязывается постоянная переписка. Он пишет Константину Эдуардовичу, что через год-два завершит этот проект и опубликует его в «Вестнике Воздушного флота».

В эти годы Цандер работает особенно интенсивно. «...С середины 1922 года до середины 1923 года для ускорения дела работал исключительно дома, попал при

этом в большую нужду; потребовалась продажа моей астрономической трубы... Рабочие с завода «Мотор» также поддерживали меня, отчисляя мне мой двухмесячный заработок. Это было первым пожертвованием в пользу межпланетных сообщений».

В январе 1924 года Фридрих Артурович доложил проект межпланетного корабля на заседании теоретической секции Московского общества любителей астрономии. Здесь же, на заседании секции, он высказал мысль: «Необходимо всестороннее исследование конструкции, желательно образование общества исследователей — любителей межпланетных путешествий».

Вскоре при Академии Военно-Воздушного Флота имени Н. Е. Жуковского была создана Секция межпланетных сообщений, преобразованная в Общество изучения межпланетных сообщений под председательством Г. М. Крамарова.

Цандер, избранный в президиум Общества, становится самым активным его деятелем. Небезынтересно, что подобные общества были созданы в Австрии в 1926 году, в Германии — в 1927 году, в США — значительно позднее.

Фридрих Артурович верил, что полеты в космос с помощью ракет — дело ближайшего будущего. Об этом он пишет в своей первой статье «Перелеты на другие планеты», опубликованной в журнале «Техника и жизнь» в 1924 году. В ней автор изложил идею о сочетании ракеты с самолетом для взлета с Земли. Многих инженеров тогда поразила оригинальная мысль о сжигании в полете металлических частей самолета в качестве горючего в камере сгорания реактивного двигателя. Это, по убеждению Цандера, значительно увеличит дальность полета ракеты.

В 1927 году в Москве была организована первая международная выставка проектов межпланетных летательных аппаратов и механизмов. Она была самой представительной, самым интереснейшим собранием трудов деятелей космонавтики того времени. На выставке экспонировались работы К. Э. Циолковского (СССР), Р. Годдарда (США), Г. Оберта и М. Валье (Германия), Р. Эсно-Пельтри (Франция) и многих других.

Большой стенд посвящен был работам Цандера. На выставке впервые в мире демонстрировался уникальный макет межпланетного корабля, созданного ученым.

Фридрих Артурович с особым энтузиазмом пропагандирует идеи о межпланетных путешествиях. Он выступает с публичными лекциями в Москве и Ленинграде, Харькове и Саратове, Туле и Рязани. Цандер обладал особым даром зажигать собеседника идеей полетов на Марс, на Луну, другие планеты.

Бывший старший механик ГИРДа Б. Фролов, который с недоверием отнесся к предложению молодого Сергея Павловича Королева поступить на работу в образовавшуюся Группу изучения реактивного движения, вспоминает: «Сергей Павлович рассказал мне о перспективах полетов на ракетах и предложил работать в ГИРДе. Я сразу заявил, что в таких условиях полетов достичь нельзя. Тогда Королев пригласил Цандера, познакомил меня с ним, и Фридрих Артурович стал красочно и ярко описывать полеты на Луну, на Марс, жизнь на других планетах и то, как сообща будут преодолены все трудности этого великого дела. Его слова так подействовали на меня, что уже на другой день я пришел работать старшим механиком в ГИРД с твердым намерением лететь на Луну, на Марс».

В Группе изучения реактивного движения Цандер возглавил первую бригаду. Эта бригада проектировала и строила жидкостный реактивный двигатель ОР-2 и ракеты «ГИРД-Х». Свой первый реактивный двигатель ОР-1 Цандер спроектировал и построил еще в 1930—1931 годах. Двигатель работал на сжатом воздухе с бензином. ОР-2 работал на жидком кислороде и бензине. В марте двигатель был испытан. Доработку и испытание обоих двигателей завершили соратники и ученики Цандера. Сам он до этого счастливого дня не дожил.

В 1932 году страна торжественно отметила 75-летие К. Э. Циолковского. Цандер написал великому ученому: «В дни Вашего 75-летия шлю Вам горячий привет и сердечные поздравления! Желаю Вам еще присутствовать при первых полетах в межпланетное пространство и на ближайшие небесные тела.

Тот же энтузиазм, который чувствуется при чтении Ваших книг, наполняет также меня с детства, и мы в ГИРДе дружной работой ряда воодушевленных людей продолжим изыскания в счастливой области звездоплавания, в области, в которой Ваши работы разбили вековечный лед, преграждавший людям путь к цели.

Самое главное в данный момент — это окончательная разработка и испытание всех предложенных методов реактивного летания и практическое применение их.

Одновременно с настоящими письмами посылаю Вам один экземпляр своей кннги «Проблема полета при помощн реактивных аппаратов», в которой я изложил свой взгляд на работы, развитие которых приведет нас к перелетам на другне планеты».

Девиз жизни Цандера всегда был один: «Вперед, на другие планеты!». В своем последнем письме к гирдовцам незадолго до смерти он завещал: «Вперед, товарищи, и только вперед! Поднимайте ракеты все выше, выше и выше, ближе к звездам».

Современником Ф. А. Цандера был талантливый ученый Юрий Васильевнч Кондратюк (1897—1942). Он самостоятельно овладел высшей математикой, изучил университетский курс других наук. Занимался конструированием ветровых электрических машин, вакуум-насосов и т. д.

Свои исследования молодой ученый вел в одиночку. Он не был знаком с трудами Циолковского, ничего не читал из работ зарубежных ученых. Впервые с трудами Циолковского Кондратюк познакомился уже после сделанных им открытий. Позже он писал: «Я хотя и был отчасти разочарован тем, что основные положения мною открыты вторично, но в то же время с удовольствнем увидел, что не только повторил предыдущие исследованння, хотя и другими методами, но и сделал также н новые важные вклады в теорию полета».

Результатом исследований молодого ученого явилась книга «Завоевание межпланетных пространств». В 1925 году рукопись этой книги была направлена на рецензию известному профессору Владимиру Петровичу Ветчинкину. Ознакомившись с рукописью, он написал: «...Обстоятельства убеждают в том, что механнк Ю. Кондратюк представляет собой крупный талант (тнпа Ф. А. Семенова, К. Э. Циолковского или А. Г. Уфимцева), заброшенный в медвежий угол и не имеющий возможности применить свои способности на надлежащем месте.

...Такие крупные таланты-самородки чрезвычайно редки, и оставление их без внимания, с точкн зрення государства, было бы проявленнем высшей расточительности».

В 1929 году книга Юрия Кондратюка увидела свет. В предисловии к ней В. П. Ветчинкин писал: «Представляемая книжка Ю. В. Кондратюка, несомненно, представляет собой наиболее полное исследование по межпланетным путешествиям из всех писавшихся в русской и иностранной литературе до последнего времени. Все исследования проделаны автором совершенно самостоятельно, на основании единственного полученного им сведения, что на ракете можно вылететь не только за пределы земной атмосферы, но и за пределы земного тяготения. В книжке освещены с исчерпывающей полнотой все вопросы, затронутые и в других сочинениях, и, кроме того, разрешен целый ряд новых вопросов первостепенной важности, о которых другие авторы не упоминают».

Автор направил экземпляр книги Циолковскому. Вскоре он получил радостную весточку из Калуги. «Дерзайте, молодой человек! — писал великий ученый.— Вы близки к цели! Пройдет немного времени, и человек выйдет за пределы земного притяжения».

Юрий Кондратюк занимался разработкой скафандра для космического полета, вариантов приземления на суше и на воде, в джунглях. Его интересовало топливо космического корабля. Позже профессор Г. Петрович напишет о трудах Кондратюка: «Ряд вопросов ракетодинамики и ракетостроения нашел в этих трудах новое решение. Независимо от К. Э. Циолковского и будучи не знаком с его исследованиями, Ю. В. Кондратюк оригинальным методом вывел основные уравнения движения ракеты. В его трудах содержится разработка следующих проблем: энергетически наивыгоднейших траекторий космических полетов, теорий многоступенчатых ракет, промежуточных межпланетных заправочных баз в виде спутников планет, экономичной посадки ракет на планету с использованием торможения атмосферой. Им были предложены для применения в двигателях в качестве горючих некоторые металлы, металлоиды и их водородные соединения, например бороводороды».

Говоря о развитии теории реактивного движения в России, нельзя не сказать об основоположнике отечественной авиации профессоре Николае Егоровиче Жуковском (1847—1921). В своих теоретических статьях «К теории судов, приводимых в движение силою реакции воды», «О реакции вытекающей и втекающей жидкости» и других работах содержатся ценные мысли о реактив-

ном движении, которые оказали влияние на дальнейшее его развитие.

Своими трудами способствовал математическому исследованию полета ракеты профессор Иван Всеволодович Мещерский (1859—1935). В своем труде «Динамика точки переменной массы» (1897), в статьях «Уравнение движения точки переменной массы в общем случае» (1904), «Задачи из динамики переменных масс» (1918) он изложил общую теорию движения точки переменной массы и основные уравнения ракетодинамики.

Среди выдающихся ученых и конструкторов, занимающихся изучением Вселенной, особое место занимает Сергей Павлович Королев.

«С именем С. П. Королева,— говорил академик М. В. Келдыш,— навсегда будет связано одно из величайших завоеваний науки и техники всех времен — открытие эры освоения человечеством космического пространства...

Преданность делу, необычайный талант ученого и конструктора, горячая вера в свои идеи, кипучая энергия и выдающиеся организаторские способности академика С. П. Королева сыграли большую роль в решении сложнейших научных и технических задач, стоявших на пути развития ракетной и космической техники. Он обладал громадным даром и смелостью научного и технического предвидения, и это способствовало претворению в жизнь сложнейших научно-технических замыслов».

В 1924 году будущий ученый поступает в Киевский политехнический институт, где проучился два года. С третьего курса он переводится в Москву в Высшее техническое училище.

Всю свою яркую жизнь Королев был связан с небом — сначала занимаясь авиацией, затем — ракетами и космическими кораблями.

Еще подростком Королев познал радость встречи с загадочным небом. Летчики из гидроавиационного отряда, располагавшегося в Одессе, впервые взяли его в полет. Непередаваемое ощущение безграничности простора, удивительная голубизна бездонного неба и его таинственность так очаровали юного Королева, что он решает навсегда связать свою судьбу с воздухоплаванием. Серьезно увлекается планеризмом, проектирует и строит оригинальный планер «Коктебель», который сам пилотирует на Всесоюзных состязаниях в Крыму в 1929 году. Спу-

стя год летчик-плаиернст Василий Степанчёиок на планере «Красиая звезда» (СК-3), скоиструнрованиом Королевым, впервые в нстории планеризма выполнил зиамеиитую петлю Нестерова.

Успех окрыляет молодого коиструктора. Завершая учебу в Высшем технническом учнлнще, Королев проектирует легкомоториый двухместный самолет. Машиив была построеиа, облетаиа и представлеиа в качестве дипломиого проекта. Руководнл дипломной работой Сергея Павловича выдающийся авиаконструктор Аидрей Николаевич Туполев, который хорошо отозвался об этом самолете. Газета «Вечерияя Москва» под рубрикой «Новости авиации» пнсала в те дии: «Известным иижеиером С. П. Королевым скоиструироваи новый тип легкого двухместиого самолета СК-4. Летчик тов. Кошиц уже совершил иа ием иесколько опытно-испытательиых полетов, которые показали хорошие качества иовой машины». Газета поместнла фотографию самолета Королева.

В 30-е годы Сергей Павлович проектирует и строит иовые оригинальиые летательиые аппараты: мотоплаиер СК-7, плаиер СК-9, иа котором вместе с летчиком-парителем Романовым совершил иа буксире перелет по маршруту Москва — Харьков — Кривой Рог — Коктебель.

Еще в Высшем техническом училище Королев познакомился с идеями Циолковского о реактивном двнжении и межпланетных путешествиях. Труды основоположника теоретической космоиавтики серьезно увлекли молодого ученого, и он размышляет о том, как осуществить ракетный полет. Нельзя ли иа плаиер поставить жидкостный реактивный двигатель? Эта идея нашла горячую поддержку у товарищей из Московской секции реактивных двигателей.

Постройкой ракетоплана занялась Группа изучения реактивного двнжения (ГИРД), в которую входили энтузиасты ракетного дела Ф. А. Цаидер, М. К. Тихонравов, Ю. А. Победоносцев, Н. И. Ефремов, другие инжеиеры н конструкторы. С 1932 года ГИРД возглавил Сергей Павловнч Королев. Эта иаучно-исследовательская и опытно-конструкторская группа энергично взялась за разработку ракет и реактивных двигателей. Творческие поиски гирдовцев увенчались успехом: в августе 1933 года была запущена первая советская ракета «09» на гибридиом топливе, о которой мы уже упоминали. Сконст-

руировал ракету М. К. Тихоиравов, построил — коллектив ГИРДа.

Группа изучеиия реактивиого движеиия, образоваииая при Осоавиахиме в иачале 1930-х годов в Москве, явилась одиой из первых советских ракетиых оргаиизаций. Коллективом ГИРДа были запущеиы первые советские жидкостиые ракеты. Здесь спроектированы первые жидкостиые ракетиые двигатели. ГИРД иаряду с Газодииамической лабораторией, создаииой по иииициативе иижеиера-химика Н. И. Тихомирова в 1921 году, сыграл осиовиую роль в зарождеиии советского ракетостроеиия.

Газодииамическая лаборатория (ГДЛ) явилась первой советской ракетиой иаучио-исследовательской и опытио-коиструкторской оргаиизацией. В ией разрабатывались ракетиые сиаряды иа бездымиом порохе, электрические и жидкостиые ракетиые двигатели. Кроме того, в ГДЛ велись иитеисивиые работы по создаиию реактивиых летательиых аппаратов (РЛА). В 1932—1933 годах в Газодииамической лаборатории разрабатывались ракеты РЛА-100, РЛА-1, РЛА-2, РЛА-3. В первые годы своего существоваиия лаборатория располагалась в Москве. Одиако ряд исследоваиий проводился и в Леиииграде. Во второй половиие 20-х годов лаборатория зиачительио расширилась и полиостью перебазировалась в Леиииград.

В. П. Глушко позже вспомииал: «Летом 1932 г. и в яиваре 1933 г. в ГДЛ состоялись первые встречи сотрудииков лаборатории с приезжавшими из Москвы руководящими работииками ГИРДа — его иачальииком С. П. Королевым, заместителем Е. С. Параевым, иижеиерами Ф. А. Цаидером, М. К. Тихоиравовым, Ю. А. Победоиосцевым и другими. Им демоистрировали работу жидкостиого ракетного двигателя иа стеиде. Так произошла встреча сотрудииков ГДЛ с московскими ракетостроителями, положившая начало дальиейшей совместиой работе».

В. П. Ветчиикии, одии из пиоиеров ракетиой техиики, присутствовавший при испытаиии в Газодииамической лаборатории двигателя иа кислородио-беизииовом топливе, писал: «В ГДЛ была проделаиа главиая часть работы для осуществлеиия ракеты — реактивиый мотор иа жидком топливе... С этой стороиы достижеиия ГДЛ следует признать блестящими».

В 1933 году в Москве на базе Газодинамической лаборатории и Группы изучения реактивного движения был организован первый в мире Реактивный научно-исследовательский институт (РНИИ). Начальником института был назначен И. Т. Клейменов (1898—1938), заместителем — С. П. Королев.

Став заместителем начальника РНИИ, С. П. Королев полностью отдает себя ракетостроению. В этом смысле примечательно образное высказывание члена-корреспондента Академии наук СССР Б. В. Раушенбаха, продолжительное время работавшего вместе с Сергеем Павловичем. «...Королев,— писал он,— мог стать генеральным конструктором авиационной техники. Но авиация его потеряла, а ракетная техника приобрела одного из своих основоположников».

Много лет спустя, подытоживая прожитые годы, Сергей Павлович скажет: «Основная моя работа заключалась всегда в разработке, осуществлении и отработке в полетных условиях различных ракетных конструкций, начиная от малых ракет и до космических кораблей».

В 1934 году вышла книга С. П. Королева «Ракетный полет в стратосфере». Произведение молодого конструктора было доброжелательно встречено и учеными, и рядовыми читателями, которые интересовались развитием ракетного дела в нашей стране. Высокую оценку дал книге Циолковский. «Книжка разумная,— писал Константин Эдуардович,— содержательная и полезная». В ней автор дал классификацию ракетных систем — бескрылых, крылатых, состоящих из нескольких последовательно действующих ракет, управляемых и т. д. Причем, наряду с автоматическим управлением, молодой ученый предусматривал также управление ракетами человеком, находящимся на их борту.

Первая ракета на гибридном топливе, запущенная в августе 1933 года, дорабатывалась затем в Реактивном научно-исследовательском институте, где работал Королев. В 1934 году коллектив института изготовил серию из шести ракет. Были проведены летные испытания, которые успешно завершились. Ракеты этой серии значительно превосходили первую «09». Они достигали высоты 1500 метров. Первые полеты ракет положили начало практическому развитию жидкостного ракетостроения в Советском Союзе.

Еще в ГИРДе была разработана первая советская

крылатая ракета конструкции Королева. В институте Сергей Павлович продолжил работы по доведению ее до летных испытаний. Пуски крылатых ракет с жидкостными двигателями и двигателями на твердом топливе были осуществлены в 1935 году. Первые успехи в запуске крылатых ракет вдохновляют Королева и его коллег по институту на разработку новых модификаций изделий подобного типа.

В течение нескольких лет Сергей Павлович вместе с Б. В. Раушенбахом, Г. Д. Агарковым, В. В. Ивановым и другими инженерами и конструкторами испытывает экспериментальную крылатую ракету 216, спроектированную Е. С. Щетинковым. Эта ракета, запускаемая с салазок наземной рельсовой катапульты при помощи ракетного ускорителя, предназначалась для полетов на дальность до 15 километров.

Параллельно с крылатой ракетой 216 Сергей Павлович разрабатывает ракету 212 с дальностью полета до 60 километров. Первый полет ее состоялся в 1939 году.

В годы Великой Отечественной войны Королев был заместителем Главного конструктора Опытно-конструкторского бюро ракетных двигателей, возглавляемого Валентином Петровичем Глушко. «По моему ходатайству,— пишет Глушко,— на работу в наше ОКБ был направлен С. П. Королев. Он горячо взялся за руководство разработкой установки наших двигателей на боевых самолетах и проявил в этой работе блеск своего таланта. С 1942 по 1946 год С. П. Королев был заместителем Главного конструктора двигателей по летным испытаниям. Еще в РНИИ нас связала преданность любимому делу и взаимная заинтересованность в сотрудничестве, так как под его руководством разрабатывались летательные аппараты, а под моим — двигатели для них».

Выдающийся вклад в ракетное дело внес академик Валентин Петрович Глушко — один из пионеров ракетной техники, основоположник отечественного ракетного двигателестроения. В тринадцать лет юный Глушко прочитал произведения Жюля Верна «Из пушки на Луну» и «Вокруг Луны». Книги эти потрясли мальчика.

В Одесской публичной библиотеке ему удалось прочитать книгу К. Э. Циолковского «Исследование мировых пространств реактивными приборами». Идеи великого ученого захватили юношу. Он страстно жаждет почитать еще что-нибудь из произведений Константина

Эдуардовича, но в библиотеке других книг ученого не оказалось. А не написать ли Циолковскому письмо? Может, вышлет книгу-другую?

В 1923 году Глушко написал Константину Эдуардовичу в Калугу. С нетерпением ждал ответа. И вдруг — письмо и бандероль с книгами Циолковского. Затем последовала переписка всемирно известного ученого с пятнадцатилетним Глушко, продолжавшаяся несколько лет.

В письме от 10 марта 1924 года Глушко писал Константину Эдуардовичу, что межпланетные полеты «являются моим идеалом и целью моей жизни, которую я хочу посвятить для этого великого дела». Прочитав научно-фантастическую повесть Циолковского «Вне Земли», шестнадцатилетний Глушко долго ходил под ее впечатлением. Об этом он написал автору: «Очень и очень хорошая книга, она реально представляет всю картину межпланетного путешествия. Каждая строка, каждая фраза дышит, можно сказать, совершенной правильностью. Все встречающиеся на пути затруднения Вы разрешаете посредством физики и механики, а не обходите, как это обыкновенно делается почти во всех книгах. Вы предусмотрели все случаи межпланетного сообщения, как будто Вы сами его не раз совершали. В общем «Вне Земли» — даже трудно назвать повестью...»

В шестнадцать лет будущий ученый опубликовал в газете «Известия Одесского Губкома КП(б)У» первую статью «Завоевание Землей Луны 4 июля 1924 г.». Статья была откликом на появившееся в печати сообщение о предполагаемом полете на Луну 4 июля 1924 года автоматического аппарата Р. Годдарда. Юный Глушко доказывает, что из различного рода идей и теорий межпланетных полетов единственно правильной является идея К. Э. Циолковского и других ученых о полете реактивного межпланетного аппарата. Автор статьи привел и описание такого аппарата.

Интерес вызвала статья Глушко «Станция вне Земли», напечатанная в 1926 году в журнале «Наука и техника». В ней будущий конструктор пишет о необходимости создания орбитальной станции (спутника Земли) для метеорологических и астрономических наблюдений и для радиосвязи с Землей.

Будучи студентом физико-математического факультета Ленинградского государственного университета,

Глушко основательно изучает труды Циолковского. Впоследствии он скажет: «Изучение трудов Циолковского позволило мне понять, что центральными вопросами при разработке средств достижения космоса в первую очередь является изыскание оптимального источника химической энергии и использование его в ракетном двигателе. Без двигателя любая самая совершенная конструкция ракеты со всей ее начинкой мертва. Поэтому первейшей задачей в моей практической работе по ракетной технике мне представлялось изучение химии различных взрывчатых веществ».

В 1928 году Глушко увлекается идеей создания электрического ракетного двигателя. Ему он посвящает часть своей дипломной работы. По совету товарищей материал об электрическом ракетном двигателе выпускник университета направляет в Отдел военных изобретений при Комитете по делам изобретений. К радости молодого инженера в Комитете заинтересовались его предложением. Было решено немедленно начать экспериментальные работы по созданию электрического двигателя.

В мае 1929 года по предложению Глушко в Ленинградской газодинамической лаборатории, куда пришел на работу молодой инженер, организовался новый отдел. Его сотрудники под руководством Глушко начали интенсивные работы по созданию ракеты и опытных ракетных моторов (ОРМ). Первый в мире электротермический ракетный двигатель (ЭРД) был построен. «Вскоре,— пишет Глушко в книге «Путь в ракетной технике»,— стало ясно, что при всей своей перспективности работы по ЭРД упреждают события. Чтобы выйти в космос, необходимо преодолеть первый этап, указанный К. Э. Циолковским. Поэтому с начала 1930 г. основное внимание сосредоточивалось на разработке ЖРД».

В течение трех лет было создано целое семейство жидкостных ракетных двигателей — от ОРМ-1 до ОРМ-52. В 1933—1934 годах Глушко читает два курса лекций в Военно-воздушной инженерной академии имени профессора Н. Е. Жуковского — по ракетным двигателям и топливам для них. Цикл этих лекций составил основу книги Глушко «Жидкое топливо для реактивных двигателей», вышедшей в 1936 году.

Во время работы в Реактивном научно-исследовательском институте Валентин Петрович вместе со своими коллегами создает двигатель многократного использова-

ния ОРМ-65 для ракетоплана и крылатой ракеты. Двигатель прошел официальные испытания, отчет о которых опубликован в книге «Пионеры ракетной техники». Вот эпизод из этого отчета:

«...У стенда Глушко, Королев и их ближайшие помощники. В трубопроводы залиты компоненты — азотная кислота и керосин. Лаборант Волков ввертывает в гнездо головки двигателя зажигательную шашку и подсоединяет электропитание... Оранжевым светом вспыхивает контрольная лампочка, и тут же Волков сектором газа открывает доступ в двигатель топливу. Извергая из сопла огонь, ОРМ оживает, и довольным конструкторам кажется, что он по-своему поет. Шли секунды, а двигатель работал ровно, надежно. Истекла минута, еще 30 секунд. Глушко дал сигнал закрыть пусковой воздушный кран».

В отчете о завершении работ по запуску двигателя Глушко ОРМ-65 Королев писал: «Отработка запуска двигателя, произведенная в период с 25 декабря 1937 года по 11 января 1938 года во время 20 огневых испытаний, происходила все время нормально, без каких-либо неполадок или отказов. Двигатель запускался сразу, плавно, работал устойчиво и легко останавливался... Отработку запуска двигателя на ракетоплане 318-1 считать законченной».

Потом работы по ракетным двигателям Глушко и его группа продолжили на авиационном и моторостроительном заводах. В 1941 году группа Глушко была преобразована в самостоятельное опытно-конструкторское бюро во главе с Валентином Петровичем. Вскоре для работы в ОКБ он пригласил Королева, который стал заместителем Главного конструктора по летным испытаниям.

Два выдающихся конструктора и весь коллектив ОКБ занялись постройкой реактивного ускорителя для самолета. Созданный Глушко ракетный двигатель РД-1 было решено поставить на боевой самолет — пикирующий бомбардировщик Пе-2. Во время испытаний Валентин Петрович вынужден модифицировать двигатель, предложив вместо электрической системы зажигания химическую. Эти двигатели испытывались на шести типах самолетов: Пе-2Р конструкции В. М. Петлякова, Ла-7Р и Ла-120Р конструкции С. А. Лавочкина, Як-3 А. С. Яковлева, Су-7 конструкции П. О. Сухого. Глушко вспоминает об этом важном периоде работы ОКБ: «После завер-

шения заводских испытаний на шести типах самолетов в 1945 году были проведены наземные и летные испытания нашего двигателя в летно-исследовательском институте... Затем двигатели РД-1ХЗ и РД-2 успешно прошли государственные стендовые испытания...

Успехом применения ЖРД на самолетах мы обязаны не только надежному двигателю, но также разработке и доводке самолетных систем силовой установки, над чем плодотворно трудился С. П. Королев».

В предвоенные годы в Советском Союзе развернулись интенсивные работы по созданию отечественных турбореактивных двигателей. Советский конструктор В. И. Базарнов спроектировал авиационный двигатель с центробежным компрессором. Все современные авиационные газотурбинные двигатели выполняются по схеме, предложенной Базарновым. Примечательно, что англичанин Ф. Уиттли запатентовал турбореактивный двигатель по схеме Базарнова через десять лет после создания его в СССР. В октябре 1941 года двигатель Уиттли и группа ведущих английских инженеров были направлены в США для оказания технической помощи фирме «Дженерал Электрик». Год спустя там был построен самолет с двумя двигателями типа «Уиттли».

Многое сделал для реактивного самолетостроения выдающийся авиаконструктор Виктор Федорович Болховитинов (1899—1970). В начале своей конструкторской деятельности он увлекается планеризмом. Обучаясь в Академии Воздушного Флота, Болховитинов проектирует планеры. На двух Всесоюзных планерных испытаниях в Коктебеле участвовали два планера — АВФ-6 и АВФ-18 (АВФ — Академия Воздушного Флота), построенные коллективом академического конструкторского бюро по чертежам Болховитинова. Планеры принесли успех их создателю, утвердили его как перспективного конструктора.

Неугомонная душа не знает покоя. Молодой конструктор создает авиэтку — маленький летательный аппарат, увлекается гидроавиацией и это, по-видимому, определяет его назначение после окончания академии — старшим механиком в Севастопольскую школу летчиков.

Вернувшись в адъюнктуру академии, он завершает большой труд — «Катапульта и корабельные самолеты», составивший основу его диссертации. Один из пионеров ракетной техники, Ветчинкин, говорил о Болховитинове:

«Военная и научная подготовка довольно высокая и, повидимому, выше, чем у остальных.., которым мне приходилось давать аттестации.

В области гидроавиации Болховитинов является одним из немногих серьезных специалистов этого дела, а выбранная им тема — «Катапультные самолеты» — совсем не разработанной и весьма актуальной».

В 30-х годах Болховитинов неожиданно прекращает работы над гидросамолетами и разрабатывает проект многомоторного бомбардировщика. 1 мая 1936 года тяжелый бомбардировщик с четырьмя двигателями пролетел над Красной площадью во время Первомайской демонстрации трудящихся. На этом самолете были установлены два мировых рекорда: по подъему грузов и скорости. И все-таки скорость была не очень высокой. Достижению ее конструкторский коллектив подчинил все.

В это время Болховитинов создает самолет ББ (бомбардировщик Болховитинова). Под такой маркой он просуществовал несколько месяцев. Главный конструктор, утверждая коллективный труд конструкторского бюро, назовет новое детище самолетом «С» (скоростным). Его называли истребителем (скорость 600 километров в час), экспериментальным разведчиком, скоростным бомбардировщиком. И, видимо, все были правы. Это была попытка создать самолет многоцелевого назначения, прообраз сегодняшнего самолета широкого применения.

Болховитинов был уже признанным авиаконструктором, занимал пост Главного конструктора, когда новая дерзкая идея захватила его целиком: создать крылатую ракету. Мысль о ней будоражила умы многих авиационных конструкторов. Было ясно, что винт становится помехой скорости полета. Нужен беспропеллерный летательный аппарат, использующий реактивную тягу.

Доктор технических наук, профессор И. Свердлов потом напишет: «Сейчас нам трудно понять всю сложность проблемы, за решение которой взялось бюро. Ведь в то время не было ни теории ЖРД, ни опробованных конструкций двигателей этого типа, ни теории полета на околозвуковых скоростях. Нужно было обладать большой смелостью, чтобы взяться за решение этой задачи. Виктор Федорович (Болховитинов) собрал в конструкторское бюро таких же энтузиастов нового дела, каким был и сам».

Болховитинов активно и энергично взялся за осуществление этой сложнейшей задачи. Решение ее ускорила начавшаяся Великая Отечественная война. На разработку проекта и изготовление нового самолета был дан срок — месяц и десять дней.

История авиации не знает подобного случая, чтобы с такой невероятной быстротой создавались самолеты, тем более новейшие. Скажем больше: самолет, о котором идет речь, был скачком в другую эпоху, переломным этапом в авиации. Болховитинов с коллективом проектировщиков победил время, сделал, казалось бы, невозможное. Совместно с инженерами-конструкторами А. Я. Березняком и А. М. Исаевым он создает первый в СССР реактивный самолет БИ-1. Испытательный полет на нем выполнил известный летчик-испытатель Григорий Яковлевич Бахчиванджи.

Председатель Государственной комиссии по испытаниям БИ-1 В. С. Пышнов вспоминал впоследствии: «Тогда Болховитинов подвел меня к своему детищу и вопросительно взглянул. Признаюсь, самолет меня поразил. Новизна его была не только в том, что отсутствовал винт, но и в необычности самой конструкции. Самолет походил на торпеду.

— Верно, что строили всего один месяц? — спросил я.

— Месяц и десять дней,— уточнил Болховитинов.

— И успели?!

— Время такое — надо было успеть... Может, еще пригодится на войне...

Каждый был загружен до предела. На меня, к примеру, кроме основной обязанности председателя комиссии, возложили еще расчет по взлету и траектории полета, генерал Федоров Петр Иванович руководил подготовкой к старту...»

«Именно Федоров,— вспоминал Пышнов,— привез на Урал летчика-испытателя Бахчиванджи. Долго отбирал среди своих питомцев нужного ему человека и остановился на нем. Знакомя, шепнул: «Приглядитесь, по-моему, самый подходящий». Я знал многих известных летчиков того времени, начиная от отпетых сорвиголов двадцатых годов до летчиков-героев, экспериментаторов, таких, как В. Чкалов, М. Громов, А. Юмашев... Новичок ни на одного из них не походил. Кто-то о Бахчиванджи сказал: «В этом человеке сошлись все эпохи авиации».

Слов нет, образное определение. Но, на мой взгляд, неверное. Просто этот человек, влюбленный в небо, весь был настроен на новое, рожден новым временем. Волевой, спокойный, строгий к себе, он представлялся вполне подходящим для первого реактивного старта.

Очень ценны и интересны были наблюдения в этом полете капитана Бахчиванджи. Угол набора высоты необычно крутой. Обзор с самолета вперед прекрасный. Самолет как с работающим двигателем, так и после выключения его вел себя устойчиво, повинуясь малейшему движению рулей. Расчет и посадка с неработающим двигателем для опытного летчика не представляли сложности.

Старт первого реактивного самолета показал, что может сделать пытливый ум и талант человека. Полеты БИ-1 ознаменовали рождение советской реактивной авиации».

Интересен и такой вывод Председателя Государственной комиссии Пышнова: «Самолет БИ-1 был по существу пилотируемой крылатой ракетой, и первый его полет весьма напоминал полет ракеты, хотя запас импульса был еще невелик».

Спустя четверть века, по случаю 25-летия полета первого в СССР реактивного самолета, доктор технических наук К. Туркин, приветствуя Главного конструктора Болховитинова, говорил: «Конструкторское бюро, руководимое В. Ф. Болховитиновым, явилось школой подготовки многочисленных конструкторских кадров. Успешная работа по созданию БИ-1 сыграла важную роль в выборе творческого направления работы этих конструкторов и дала толчок многим исследованиям в области реактивной авиации, баллистических ракет и освоении космоса.

Появление БИ-1, свидетельствующее о талантливости советских ученых, конструкторов и рабочих, принесло Советской стране успех, и в этой области выдающаяся роль в создании первого в СССР реактивного самолета принадлежит конструкторскому бюро Виктора Федоровича Болховитинова».

Одновременно с ракетостроением стремительно развивалось конструирование ракетных и реактивных двигателей для самолетов.

Целую серию различных типов реактивных двигателей создает известный авиаконструктор Герой Социали-

стического Труда академик Архип Михайлович Люлька. Еще в 1937 году он теоретически доказал целесообразность и полную техническую возможность создания газотурбинного реактивного авиационного двигателя. Вскоре он предложил научно обоснованную схему двигателя. А в следующем году Люлька разработал эскизный проект газотурбинного двигателя.

В начале своей конструкторской деятельности Архип Михайлович в составе специальной группы при Харьковском авиационном институте участвовал в разработке авиационных паровых турбин для тяжелых самолетов дальнего действия конструкции А. Н. Туполева. Однако вскоре стало ясно, что паровые турбины для подобных самолетов использовать нельзя. Пришлось отказаться от пара. Конструктор приходит к мысли, что новый двигатель должен быть газотурбинным и реактивным.

К 1941 году реактивный двигатель, получивший имя РД-1, был почти готов. Но работу над его завершением пришлось отложить: началась Великая Отечественная война. Люлька направляется на танкостроительный завод. Несмотря на большую занятость на военном предприятии, конструктор находит время для работы над двигателем и завершает рабочий проект реактивного двигателя.

В 1944 году, будучи начальником отдела Научно-исследовательского института по разработке авиационных реактивных двигателей, он полностью отдается конструированию новых двигателей. Ему поручается в кратчайший срок создать отечественный турбореактивный двигатель с гораздо большей тягой, чем у РД-1. Весной 1945 года сконструированный Архипом Михайловичем турбореактивный двигатель С-18 прошел стендовые испытания.

Конструктор берется за создание более мощного двигателя ТР-1 для боевых самолетов. В 1947 году турбореактивный двигатель ТР-1 прошел государственные испытания. Двигатели ТР-1 были установлены на самолетах Су-11. Этот цельнометаллический истребитель Павла Осиповича Сухого развил скорость 910 километров в час. В последующем двигатель ТР-1 был установлен на бомбардировщике Ил-22 конструктора С. В. Ильюшина. Оба эти самолета — Су-11 и Ил-22 — были показаны на воздушном параде в Тушино в августе 1947 года.

Развитие авиации требует новых, более мощиых двигателей. И Люлька их создает. Он конструирует новый реактивный двигатель, развивающий тягу в три раза большую, чем ТР-1 Но и этот двигатель не совсем удовлетворяет требованиям. Предстояло создать двигатель такой мошности, чтобы можно было преодолеть звуковой барьер. Решая эту задачу, Архип Михайлович предлагает ввести в двигатель форсажную камеру, повысить эффективность турбины, увеличить температуру газов. Два новых двигателя АЛ-7 были установлены на самолете Ил-54 конструкции Ильюшина. Они позволили самолету увеличить скорость до 1150 километров в час.

В последующем двигатель дорабатывался. В 1957 году опытный истребитель конструкции А. И. Микояна с двигателем АЛ-7Ф развил наивысшую для своего времени скорость в 2300 километров в час.

Одним из пионеров ракетной техники является выдающийся советский ученый Владимир Петрович Ветчинкин (1888—1950). В первые годы своей научной деятельности он занимается в основном аэродинамикой, теорией винтов, динамикой полета. Ветчинкин по праву считается основоположником научной дисциплины «Динамика полета». Свои теоретические воззрения на эту дисциплину ученый изложил в одноименном труде, вышедшем в 1927 году.

С начала 1920-х годов Владимир Петрович более основательно занимается проблемами реактивного полета и межпланетных путешествий. Он пишет черновые заметки «О возможности полета на Луну ракетным способом», которые хранятся ныне в архиве Научно-мемориального музея профессора Николая Егоровича Жуковского, часто выступает в различных аудиториях с публичными лекциями и докладами. Примечательно, что в своих выступлениях Ветчинкин не ограничивался лишь изложением теоретических взглядов К. Э. Циолковского, Р. Годдарда и других ученых. Он широко использует результаты собственных исследований и расчетов, иллюстрирует лекции и доклады специально подготовленными им диапозитивами.

В середине 1920-х годов ученый разрабатывает динамику полета крылатых ракет и реактивных самолетов, причем делает это задолго до их появления. В этом плане большое научное и практическое значение имеют теоретические работы Ветчинкина «Вертикальное движение

ракет» и «Несколько задач из динамики реактивного движения», вышедшие в 1935 году в сборнике «Реактивное движение». В первой работе ученый дает математический анализ движений реактивных снарядов вертикально вверх при постоянном и переменном весах, определяет приближенный расход горючего.

В работе «Несколько задач из динамики реактивного движения» Ветчинкин математически решил задачи планирования с больших высот в среде переменной плотности, рассчитал наиболее выгодные скорости полета с реактивным двигателем. Кроме того, ученый в этом труде исследовал разгон и подъем на высоту реактивного самолета с учетом расхода горючего при наивыгоднейших скоростях полета, решил другие важные проблемы.

С интересом встретили ученые и специалисты работу Ветчинкина «Полет крылатой ракеты со сверхзвуковыми скоростями», написанную и опубликованную в 1930-х годах. В ней ученый теоретически определил силы, действующие на крыло при сверхзвуковых скоростях полета, кривые потребной тяги и мощности для сверхзвуковых скоростей, исследовал разгон и подъем реактивного самолета при постоянном угле атаки при скоростях, превышающих скорость звука.

Ветчинкин дал путевку в свет многим произведениям советских ученых. Мы уже упоминали об отзыве, который дал Владимир Петрович на рукопись молодого ученого Ю. В. Кондратюка «Завоевание межпланетных пространств», о предисловии Ветчинкина к этой книге. Положительную оценку получила работа другого пионера ракетной техники Фридриха Артуровича Цандера — «Полеты на другие планеты». Владимир Петрович хорошо отозвался о книге В. П. Глушко «Жидкое топливо для реактивных двигателей». Он поддерживал многих ученых и конструкторов, заботливо растил кадры авиаторов, ракетчиков. Ветчинкин высоко оценил вклад в развитие ракетного дела Газодинамической лаборатории.

Ближайшим соратником С. П. Королева был Михаил Клавдиевич Тихонравов (1900—1974). В Группу изучения реактивного движения он пришел из конструкторского бюро, где работал после окончания Военно-воздушной академии имени Н. Е. Жуковского. Затем, с образованием Реактивного научно-исследовательского института, Тихонравов совместно с коллективом отдела

бескрылых ракет начал разработку ракеты для подъема человека в стратосферу. Свои теоретические взгляды на эту проблему он изложил в статьях «Применение ракет для исследования стратосферы» (1936), «Кислородный ракетный двигатель» (1937), «Основные характеристики ракетного двигателя» (1938).

В конце 30-х годов группа ученых Реактивного научно-исследовательского института при непосредственном участии Тихонравова, Л. С. Душкина, А. И. Полярного и других разработала баллистическую ракету дальнего действия. В январе 1940 года ракета, имевшая индекс «604», была испытана. Дальность полета ее достигла почти 20 километров. В последующем конструкция этой ракеты совершенствовалась. На базе ее созданы новые ракеты дальнего действия и авиационная ракета.

Важную роль в развитии исследований по реактивной технике сыграл ученый и инженер, профессор Николай Алексеевич Рынин (1877—1942). В начале своей научной деятельности он занимался авиацией, проблемами полетов в стратосферу. Позже его увлекают межпланетные сообщения. Рынин становится неутомимым энтузиастом полетов на другие планеты, разрабатывает вопросы теории межпланетных сообщений.

Являясь деканом факультета воздушных сообщений Ленинградского института инженеров путей сообщения, он в 1928 году выступил инициатором организации Секции межпланетных сообщений при этом институте, которую и возглавил. В следующем году Рынин высказал в печати предложение создать национальный или международный научно-исследовательский институт межпланетных сообщений.

Поистине научный подвиг совершил Рынин, создав единственную в своем роде энциклопедию межпланетных сообщений. В 1928—1932 годах он собрал и описал в девяти книгах идеи полета в космическое пространство, мифы и легенды, связанные с покорением Вселенной, результаты некоторых теоретических и экспериментальных исследований отечественных и зарубежных ученых.

С развитием ракетостроения остро встала проблема пороха для ракет. Дело в том, что применяемые до сих пор пороховые составы не совсем удовлетворяли возросшим требованиям. В процессе производства ракет порох нередко взрывался. Случалось это и при запуске ракет. В решение этой проблемы большой вклад внесли

инженер-химик Николай Иванович Тихомиров (1860—1930) и известный артиллерист Владимир Андреевич Артемьев (1885—1962). Они занялись исследованием наиболее выгодных образцов бездымного шашечного пороха для ракет. Неутомимые поиски увенчались успехом. В марте 1928 года были впервые проведены пуски ракет с зарядом из бездымного шашечного тротилопироксилинового пороха.

Это был значительный шаг в создании боевых ракет и реактивных снарядов для авиации и наземной артиллерии.

Объединенные усилия ученых, конструкторов, инженеров и изобретателей позволили в короткий срок создать ракеты различных модификаций.

Военный инженер-артиллерист Борис Сергеевич Петропавловский (1898—1933) разрабатывает чисто реактивный снаряд. Он стартовал и летел под действием реактивной тяги. Вскоре Петропавловский устанавливает 82-миллиметровый реактивный снаряд на самолеты И-4, Р-5 и другие. В районе реки Халхин-Гол советские истребители И-16, И-153, вооруженные реактивными снарядами РС-82, наводили страх на неприятельские самолеты.

...В августе 1939 года пять советских истребителей, вооруженных боевыми ракетами, под командованием летчика-испытателя капитана Н. И. Звонарева вылетели на боевое задание. Встретившись с японскими истребителями, наши летчики за километр до цели выпустили по ним ракеты. Потеряв два самолета, японские летчики повернули машины обратно.

В боевом донесении вражеский пилот докладывал своему командованию: «На крыльях русских машин были видны вспышки пламени, а в воздухе проносились огненные трассы». В ходе боев с японскими самураями полк Героя Советского Союза Григория Кравченко, в состав которого входила эскадрилья капитана Звонарева, сбил 204 вражеских самолета, в том числе 13 — реактивными снарядами.

Еще в книге «Ракеты, их устройство и применение» (1935) авторами ее — Г. Э. Лангемак и В. П. Глушко была высказана очень интересная мысль, связанная с использованием пороховых ракет. «Главная область применения пороховых ракет — вооружение легких боевых аппаратов, как самолеты, небольшие суда, автомашины всевозможных типов».

В конце 30-х годов профессор Юрий Александрович Победоносцев (1907—1973) и конструкторы А. П. Павленко и А. С. Попов создали направляющую для пуска реактивного снаряда. Она состояла из стальной полосы, которая прикреплялась к трубе. Это было значительным достижением. Однако направляющая имела существенные недостатки. Конструкторы И. И. Гвай и А. С. Попов создали более совершенную направляющую с Т-образным пазом. Чтобы с этой направляющей можно было запускать снаряды, на них поставили Т-образный штифт. Такой тип направляющих был принят на вооружение сначала в авиации, а затем и для наземных пусковых установок.

Конструктор Павленко предложил соединить две направляющие, что было по тому времени новшеством. Во время доработки в заводских условиях направляющие превратились в прямые «рельсы».

В декабре 1938 года состоялись испытания. Дали залп из 24 снарядов. Результаты были хорошие, но очевидны были и недостатки. Поэтому в следующем году приступили к конструированию второго варианта пусковой установки. На испытания приехал нарком обороны СССР К. Е. Ворошилов.

Главный маршал артиллерии Н. Н. Воронов, бывший тогда начальником артиллерии РККА, вспоминает: «В присутствии наркома обороны мы на подмосковном полигоне испытали опытные образцы реактивной артиллерии. Новое залповое оружие произвело сильное впечатление, но бросились в глаза и его недостатки — значительное рассеивание снарядов, трудность маскировки огневой позиции во время стрельбы. Несмотря на это, опытный образец получил положительную оценку».

Прежде всего надо было улучшить кучность стрельбы. Решили удлинить до пяти метров направляющие. Расположили их вдоль платформы автомобиля. Теперь количество направляющих пришлось уменьшить до 16. В августе 1939 года третий вариант пусковых установок был готов. Состоялись испытания боевых машин. Они дали хорошие результаты. Новые реактивные пусковые установки назвали БМ-13 (боевая машина, 13 — сокращенный калибр реактивных снарядов — 132 мм).

К началу Великой Отечественной войны первые шесть машин были готовы. Из них сформировали батарею ка-

питана И. А. Флерова, которая выпустила первые снаряды по фашистам летом 1941 года.

К 1946 году наша страна накопила богатый опыт производства твердотопливных реактивных снарядов, боевого применения прославленных «катюш» и реактивного авиационного оружия. К этому времени имелись экспериментальные образцы жидкостных ракет. Но перед ракетостроением выдвигались новые задачи, к нему предъявлялись новые требования. К ракетостроению понадобилось привлечь значительное число организаторов производства, специалистов по математике, механике, баллистике, аэродинамике, радиоэлектронике, кибернетике, химии и другим наукам. Основные усилия были направлены на развертывание промышленного производства ракетной техники и на решение проблем, связанных прежде всего с увеличением дальности полета ракет и точностью попадания их в цель.

Центральный Комитет Коммунистической партии и Советское правительство, учитывая международное положение страны, наметили обширную программу научных исследований в области ракетной техники, предусматривавшую поэтапное развитие баллистических ракет со значительной дальностью полета. Для реализации этого плана организовались специальные управления, научно-исследовательские институты и конструкторские бюро, а для испытания ракетного вооружения — особые полигоны.

Разработку элементов ракеты — конструкции, двигателя, системы управления, а также стартового оборудования поручили нескольким конструкторским коллективам. Ведущим в проектировании первых баллистических ракет стал коллектив, возглавляемый выдающимся ученым и талантливым организатором академиком Королевым. В 1946 году он был назначен начальником отдела научно-исследовательского института, которому поручили создание баллистической ракеты дальнего действия.

В создании баллистической ракеты Советский Союз шел собственным путем непрерывных поисков и интенсивных научных исследований, изыскания экономических и производственных возможностей, мобилизации научных сил, умелого использования имеющихся материальных и людских ресурсов. И, несмотря на значительные экономические трудности первых послевоенных лет,

СССР опередил США в решении ряда научно-теоретических и практических проблем ракетостроения.

Благодаря самоотверженному и напряженному труду ученых, конструкторов, инженеров, техников, рабочих и военных специалистов первая баллистическая ракета дальнего действия была подготовлена в исключительно короткие сроки. Одновременно строились и оборудовались стартовые сооружения, формировались и готовились к испытаниям ракет техническая и стартовая команды.

Руководство испытаниями возлагалось на Государственную комиссию. Ей в большой и сложной работе помогали видные ученые, конструкторы, инженеры, рабочие оборонных отраслей промышленности, специалисты-ракетчики и многие другие энтузиасты, вкладывавшие в новое дело весь жар своей души, знания, опыт. Люди трудились с полной отдачей сил, часто без сна и отдыха.

После тщательной подготовки ракеты в октябре 1947 года был успешно осуществлен ее запуск. Ныне на месте первого старта торжественно возвышается памятник-обелиск.

С 1949 года в Советском Союзе стали систематически осуществлять запуски высотных ракет. Ракеты были геофизическими и предназначались для исследования верхних слоев атмосферы, фотографирования Солнца, медико-биологических исследований. Затем проводились опыты с животными с последующим возвращением их на Землю. Двигатели ракет работали на жидком кислороде и спиртовых горючих. Эксплуатация этих образцов ракет позволила конструкторам перейти к созданию более мощных и более совершенных образцов.

В 1957 году в нашей стране была запущена сверхдальняя, межконтинентальная двухступенчатая баллистическая ракета. ТАСС сообщал 27 августа: «Испытания ракеты прошли успешно. Они полностью подтвердили правильность расчетов и выбранной конструкции. Полет ракеты проходил на очень большой, еще до сих пор не достигнутой высоте. Пройдя в короткое время огромное расстояние, ракета попала в заданный район».

С помощью многоступенчатой ракеты с двигателями, разработанными коллективом конструкторского бюро под руководством В. П. Глушко, был запущен впоследствии искусственный спутник Земли. Выступая

17 сентября 1957 года на торжественном собрании в Москве, посвященном 100-летию со дня рождения К. Э. Циолковского, Сергей Павлович Королев заявил: «В Советском Союзе произведено успешное испытание сверхдальней межконтинентальной многоступенчатой баллистической ракеты... В ближайшее время с научными целями в СССР и США будут произведены первые пробные пуски искусственных спутников Земли».

Но это было сказано потом. А пока шли интенсивные поиски решения многих проблем, связанных с созданием искусственного спутника Земли. В июле 1948 года на годичном собрании отделения Академии артиллерийских наук М. К. Тихонравов в своем докладе подтвердил идею Циолковского о возможности достижения первой космической скорости с помощью многоступенчатых ракет, а значит, запуск в недалеком будущем искусственного спутника Земли.

Вскоре была образована группа специалистов во главе с Тихонравовым, которая непосредственно занялась теоретическими исследованиями и конструированием искусственного спутника Земли, в том числе и обитаемого.

Через несколько лет, ознакомившись с результатами исследований группы Тихонравова, Королев решает привлечь этих ученых к работе в своем Опытно-конструкторском бюро. В те дни Сергей Павлович писал: «...Товарищ Тихонравов является одним из старейших ракетчиков в Советском Союзе, продолжающим разработку идей К. Э. Циолковского, и его участие в работах нашей организации по созданию спутника решающим образом поможет этому делу».

В 1956 году группа Тихонравова переходит в Опытно-конструкторское бюро, руководимое Главным конструктором Королевым, и полностью отдается созданию спутника. 4 октября 1957 года первый в мире искусственный спутник Земли был выведен на орбиту. Осуществилась мечта стольких ученых и конструкторов, мечта академика Королева, стоявшего у истоков создания этого замечательного творения разума человечества. «Я пришел в ракетную технику с надеждой на полет, на запуск спутника,— говорил Сергей Павлович журналистам после того, как мир услышал знаменитые сигналы «Бип-Бип»,— но долго не было реальных возможностей для этого, о первой космической скорости можно было лишь

мечтать. С созданием мощных баллистических ракет заветная цель становилась все ближе».

И вот цель достигнута: искусственный спутник Земли в полете. В день запуска спутника Королев сказал: «Сегодня свершилось то, о чем мечтали лучшие сыны человечества и среди них наш замечательный ученый Константин Эдуардович Циолковский. Он гениально предсказал, что человечество не останется вечно на Земле. Спутник — первое подтверждение его пророчества. Штурм космоса начался. Мы можем гордиться, что его начала наша Родина».

Вскоре на орбиту вокруг Земли был выведен второй спутник с собакой Лайкой на борту. И лишь спустя три месяца после этого был запущен с помощью ракеты «Юпитер-С» первый американский спутник «Эксплорер-1».

Создав мощную баллистическую ракету, Королев и его коллектив непосредственно занялись созданием космического корабля для полета человека.

Еще в 1934 году в книге «Ракетный полет в стратосфере» Королев писал: «Как решить задачу полета человека? Несомненно, что если говорить о полетах свыше 30 км, то здесь без ракеты не обойтись». И тут же автор пишет: «Без надежного ракетного мотора, продуманного и разработанного во всех своих деталях и частях и испытанного на практике, говорить о каких-то сверхъестественных достижениях нельзя. В центре внимания — ракетный мотор!» Эту же мысль Сергей Павлович высказал и в докладе на Первой Всесоюзной конференции по применению ракетных аппаратов для исследования стратосферы. Он говорил: «...Основное место занимает мощный ракетный двигатель на жидком топливе. От достижений в этой области в прямой зависимости находится осуществление полета человека на ракетном аппарате».

Проблема «ракетного мотора» для искусственного спутника Земли была полностью решена. Но для вывода на орбиту космического корабля с человеком на борту нужна была ракета-носитель значительно большей мощности, чем для спутника. Для разработки двигателя третьей ступени ракеты-носителя Королев привлек коллектив конструкторов во главе с С. А. Косбергом.

Следовало решить многие другие важные проблемы, связанные с жизнеобеспечением в космосе. Еще в 1930-х

годах, обдумывая предстоящий полет человека на ракетоплане, Королев говорил в одном из своих выступлений: «В чем будут заключаться основные особенности полета человека на крылатой ракете? Вкратце на этот вопрос можно ответить так. Во-первых, полет будет высотным, следовательно, пилот должен быть обеспечен всем необходимым для работы на большой высоте (скафандр, герметическая кабина, соответствующий жизненный запас и т. д.). Во-вторых, отрыв от Земли, взлет и набор высоты, а также криволинейный полет будут характеризоваться значительными изменениями скорости, вследствие чего человеческий организм будет подвержен в течение известного промежутка времени действию ускорителя...»

Все эти факторы, влияющие на полет человека в космическом пространстве, необходимо было изучить, исследовать. И Главный конструктор Королев нацеливает на это весь свой многочисленный коллектив.

В 1960 году начались первые полеты экспериментальных кораблей-спутников. С мая 1960 по март 1961 года было осуществлено пять запусков этих кораблей. Причем на борту четырех из них находились подопытные животные для медико-биологических исследований. В конце марта 1961 года Академия наук СССР организовала пресс-конференцию, посвященную результатам исследований, проведенных на советских кораблях-спутниках. Открывая конференцию, вице-президент Академии наук СССР А. В. Топчиев сказал: «Полет человека в космос приближается... Советские специалисты провели многочисленные испытания герметичной кабины и установок, поддерживающих в ней нормальную температуру, состав воздуха, атмосферное давление... Все эти испытания дали положительные результаты».

Не прошло и месяца после этой пресс-конференции, как мир облетела потрясающая весть: в Советском Союзе осуществлен запуск космического корабля «Восток» с человеком на борту. На нем советский гражданин Юрий Алексеевич Гагарин совершил свой беспримерный рейс к звездам. Космический корабль «Восток» был выведен на околоземную орбиту советской трехступенчатой ракетой-носителем.

Мир с восхищением встретил весть о запуске в космос человека. На это выдающееся достижение советской науки и техники откликнулись многие известные ученые

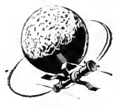
планеты. Отдавая дань нашим ученым, немецкий пионер ракетной техники Г. Оберт сказал: «...Я уже стар и одно время потерял надежду, что доживу до космической эры. И вот на орбите вокруг Земли русский спутник, а через несколько лет в космосе — русская речь... К сожалению, я не знаю, кто сконструировал мощную ракету и первый корабль для космического путешествия. Наверное, если бы жил мой коллега господин Циолковский, с которым я состоял в переписке, то мы бы при встрече с замечательным конструктором воскликнули: «Браво! Браво! Вы осуществили мечту, питавшую наш разум многие годы и в реализацию которой мы внесли свой посильный вклад».

Модификации ракеты-носителя «Восток» использовались для запуска космических кораблей «Восход», а с 1967 года — обеспечивают запуски кораблей «Союз». Ракеты-носители «Восток» обеспечили Советскому Союзу ведущую роль в исследовании космического пространства.

По гагаринскому пути в космос уходили и продолжают уходить все новые и новые корабли, новые космонавты. Вселенную бороздили межпланетные автоматические станции «Луна», «Марс», «Венера», космические аппараты типа «Зонд», спутники связи «Молния», спутники для получения метеорологической информации «Метеор», автоматические грузовые транспортные корабли «Прогресс», научные орбитальные станции «Салют». Космические корабли и различного рода летательные аппараты продолжают штурмовать Вселенную. И каждый раз, когда они поднимаются в заоблачную высь, наши мысли непременно обращаются к пионерам ракетной техники, к тем, кто сделал все, чтобы полеты в космос стали возможны, чтобы эти полеты славили нашу Советскую Родину, талантливый советский народ.

Владимир СОЛОУХИН

ЖИТЬ НА ЗЕМЛЕ



Жить на земле, душой стремиться в небо —
вот человека радостный удел.

Лежу в траве среди лесной поляны,
березы поднимаются высоко,
и кажется, что все они немножко
там, наверху, друг к дружке наклонились
и надо мной смыкаются шатром.

Но чист и синь просвет
между берез зеленых,
едва-едва листами шелестящих.

Я вижу там то медленную птицу,
то белые, как сахар, облака.
Сверкает белизна под летним солнцем,
и рядом с белизной еще синее,
заманчивее, слаще глубина.
Жить на земле, тянуться в беспредельность —
вот человека радостный удел.

Лежу в траве
(иль на песке в пустыне,
иль на скале, на каменном утесе,
или на гальке, там, где берег моря),
раскинув руки, вверх гляжу на звезды.

Мгновенья в жизни выше не бывает,
мгновенья в жизни чище не бывает,

Ни труд, ии бой, ии жеиская любовь
ие принесут такого же восторга.

О, глубииа вселеиского покоя,
когда ты весь растаял в звездиом иебе
и сам, как иебо, потерял граиицы,
и все плывет и кружится тихонько.
Не то ты вверх летишь, раскинув руки,
не то протяжно падаешь.
И сладко.
И нет конца полету (иль паденью),
и нет конца ни жизни, ии тебе.

Жить иа земле, душой стремиться в небо...

Зачем стремиться? Брось свои березы,
лети себе в заманчивую сииь.
Купи скорей билет. С аэродрома
тебя сейчас поднимут в небо крылья.
Вот сииь твоя. Вот звезды. Наслаждайся.
Вот облако. Его с земли ты видел.
Оио горело, искрилось, сверкало.
Оио, как лебедь, плавало по небу.
Мы сквозь иего спокойио пролетаем.
Туман, вода. А в общем — иеприятиость:
всегда сильней качает в облаках.
Гляжу я вииз, в окошечко, на землю.
Лесок — как мох.
Река в лесу — как иитка.
Среди поляиы точка.
Человечек!

Быть может, ои лежит, раскииув руки,
и смотрит вверх.
И кажется красивой
ему сейчас замаичивая сииь.

— Хочу туда. Хочу скорей на землю!
— Постой. Сейчас поднимешься повыше.
На десять тысяч. Там еще ты ие был.
— Пусти!
— Ты сам мечтал. Ты жаждал. Ты хотел!..

Жить иа земле. Душой стремиться в небо.
Вот человека сладостиый удел.

Виктор СТЕПАНОВ

ЗВЕЗДНЫЕ МГНОВЕНИЯ

ИЗ КНИГИ «СЕРП ЗЕМЛИ»

ГОЛУБОЙ СИРИУС

Отрываясь от лнста бумагн, мучая пером пока едннственную неподатлнвую строку, он все чаще поглядывал в открытую балконную дверь на быстро густеющее небо, в темной сиparams синеве которого уже ярко сверкалн звезды. В нх подрагнвающем безмолвном хороводе особенно выделялся Снриус, н в трепете этой звезды было такое напряжение, словно оттуда, с небес, кто-то весело подтрунивал над нмм, мешал сосредоточнться.

Очерк не ладнлся. Очевндно, мешал избыток впечатленнй, н нм сопротнвлялась, их отталкивала бумага, впрочем, может быть, строчкам мешало разогнаться, налнться снлой другое сковывающее чувство — чувство обязательства перед журналом. Редакцня ждала очерк, срокн поджималн, а у него, как это нередко бывало, тонкнй росток первого замысла разросся в такие мощные упругие ветвн, что дух захватывало от радости предстоящей работы. Он вндел уже не один, а серию очерков «По Союзу Советов». Да, да, именно так: «По Союзу Советов», как когда-то пнсалн «По Руси».

Все бы так... Но в предчувствие художнической удачи, большой н верно схваченной перспектнвы подкрады-

валось огорчение. И весь замысел смазывался. Где-то там, на яркой — из горизонта в горизонт — панораме ему не будет хватать одного лишь мазка, чистой, замешанной на зелени приокских заливных лугов краски. Среди городов, ослепивших новыми проспектами, оглушивших гудками гигантских заводов, ему недостанет Калуги — пропыленного до макушек лип захолустья, где в сереньком домике над сонной Окой живет чудаковатый, с удивительно мягкими — он видел на фотографии — и как бы воспаленными от непрерывного глядения на звезды глазами. Почему они так и не встретились?

В абажур ткнулась, посыпав серебристой пыльцой, бабочка — на исходе ноябрь, а окна кабинета и дверь на балкон распахнуты настежь. Да и какая здесь, в Италии, осень? Все та же, только чуть утомленная игривость листвы на деревьях, вся терраса словно в вечном лавровом венке... Вот в Калуге — там действительно осень. Хлещет, шумит, наверное, по крыше холодный занудливый дождь, в сенях, должно быть, сумрачно, сыро... Интересно, что поделывает в эту минуту странноватый тот старикан?

Алексей Максимович натянул джемпер и вышел на балкон. Знакомая глубокая ночь мерцала над Неаполитанским заливом. Да, такая же, как весной, полгода назад, до поездки в Россию. Но была ли та ночь, и была ли поездка? И не час ли назад он вот так же стоял на балконе? Что же тогда его больше всего поразило? Ах да, ему показалось совсем не ночным это дивное небо, этот воздух, насыщенный голубым светом и душистым теплом ласковой земли. Свет исходил как будто не от солнца, отраженного золотом луны, а от этой притихшей земли. Таким же светом бесшумно дышала листва олив, оранжевые и желтые плоды светились сквозь прозрачный туман, придавая земле странное сходство с небом, цветущим звездами. Тогда он так и написал, обрадовавшись находке: «Небо, цветущее звездами!» И все было так неподвижно, что казалось вырезанным рукою искуснейшего художника. Совершенство покоя и красоты внушало торжественные мысли о неисчерпаемой силе человека... Человека и труда, создающего все чудеса в нашем мире... Странно, в такую ночь вспоминались не поэты, а ученые. Почему-то Вавилова он представил бродящим по Абиссинии, где тот искал «очаги» происхождения злаков. И потом, кажется, Прянишников рассказывал о за-

лежах каменных солей в верховьях Камы. Да, он... А перед глазами вознпкли Павлов, Мичурин...

Не той ли ночью попалась ему на глаза изданная на дешевенькой бумаге книжица калужанина Циолковского, удивившая дерзостью названия — «Причина космоса». Не без усмешки полистал он тогда странички, претендующие на первооткрытие. Этот калужский не то Коперник, не то Галилей пытался проникнуть в загадки мироздания. Из Калуги ему, видите ли, открылось, что планеты ничем существенно друг от друга не отличаются и что-де невероятно, чтобы жизнь осенила единственную планету из множества подобных. А на вопрос, почему обитатели иных миров до сих пор не дали о себе знать, коли они имеются в наличии, Циолковский вполне уверенно отвечал, что, мол, человечество к подобному общению еще не подготовлено. Вот когда распространится просвещение, возвысится культурный уровень, тогда мы узнаем многое о жителях иных планет...

Чудной старикан: «Если не я, то мое потомство достигнет иной планетной системы»... Вот так. Ни больше ни меньше. Зачем ждать гостей, если мы сами с усами и можем махнуть на какой-нибудь Сириус.

Трудно было верить этому Циолковскому, а совсем не верить было нельзя. Уж больно оптимистично заканчивалась книжица. «Мы не имеем сейчас ни малейшего понятия о пределах могущества разума и познания, как наши предки не представляли себе технического могущества современного поколения. Кто верил 200 лет тому назад в железные дороги, пароходы, аэропланы, телеграфы, фонографы, радио, машины разного сорта и т. д.! Даже передовые люди, гении того времени, отчаянно смелые, не могли вообразить себе современных достижений. Пушкин менее 100 лет тому назад едва надеялся в отдаленном будущем на проведение в России шоссейных дорог».

Нет, в этом чудаке все-таки было нечто «причинное»!

Алексей Максимович притронулся к усам, словно пригашая улыбку: «Вот вам! Не где-нибудь в стольной Москве или ученом Питере, а в Калуге... Причина, видите ли, космоса...» Что и говорить — они с ума сводили, эти вчера проснувшиеся в Моршанске, в Алапаевске, в Уфе и прочих темнейших уголках земли Российской. Причина космоса... И как это с ним, жадным на новые знакомства, часто бывало, Алексею Максимовичу непременно

сейчас же захотелось увидеть философствующего калужанина. Это могло сбыться, могло! Ах, как он доверился тогда чувству, позабыв, что загад не всегда бывает богат! В тот же день он написал знакомому калужанину, астроному Щербакову письмо. И в письме он сдержал улыбку.

В Калугу, в Калугу! И в письме Константину Федину: «Сначала в Москву, затем вообще. Обязательно — в Калугу. Никогда в этом городе не был, даже как будто сомневался в факте бытия его, и вдруг оказалось, что в этом городке некто Циолковский открыл «Причину космоса». Вот вам! А недавно пятнадцатилетняя девочка известила меня: «Жить так скучно, что я почувствовала в себе литературный талант», а я почувствовал в ее сообщении что-то общее с открытием «Причины космоса». Вообще же наша Русь — самая веселая точка во Вселенной».

Да, тогда, полгода назад, не удивил, а скорее рассмешил его чудаковатый калужанин. Но почему сейчас легким холодком прокрадывается грусть? А может, это раскаяние в обидной, хотя и нечаянной, неправоте? Сейчас Россия опять была за горами, за долами — далеко. И, пытаясь остановить, выстроить в памяти калейдоскоп стремительных дней, проведенных в непрерывной суете поездок, встреч, собраний, Алексей Максимович с ощущением утраты чего-то очень дорогого, безвозвратного подумал о так и не состоявшейся встрече с Циолковским. А ведь тот был уже в том возрасте и самочувствии, когда загадывать о другой возможности свидеться было бы весьма и весьма сомнительно...

Съездить в Калугу так и не довелось. А он все время перед глазами, этот вроде бы чуть-чуть подслеповатый — как будто только что отвел от солнца глаза — старик. И теперь отсюда, из Сорренто, по-другому видится новая Россия, словно не замечал, а сейчас — раз — и увидел кумачовую выпуклость полушария и за тысячу верст услышал вселенский грохот новостроек...

Совсем рядом невидимо пролетела ночная птица, и воздух отозвался каким-то особенным, странным звуком. Интересно, виден ли сейчас из Калуги Сириус, который здесь так ярок, будто силится затмить все звезды? Может быть, лучи этой звезды достают до пограничной станции Негорелое, которую он проезжал полгода назад, и синим отблеском бегут по рельсам...

Там, у станции Негорелое, у пограничной арки конопатый и огненно-рыжий, как подсолнух, пограничник снял буденовку и, по-нижегородски окая, сказал: «Пожалуйста, дорогой товарищ Горький, проезжайте в Советскую державу». И с этой минуты Алексей Максимович не отходил от вагонного окна. В Минск приехали ночью, а на вокзальной площади толпа. Встречают! В четыре утра уже шелестел флагами Смоленск... Потом Москва, Белорусский вокзал, возбужденное многолюдье. С жадностью узника, хлебнувшего головокружительного воздуха родной стороны, всматривался он в лица, с радостью подмечая какое-то удивительно новое их выражение... Москва подхватила, завертела, потащила по своим улицам, переулкам, этажам, пахнущим свежеструганым лесом, известкой, цементом — тем бодрым духом новостройки, которым дышала вся Россия. Когда составляли маршрут поездки по стране, вспомнил о Калуге. Спросили, почему именно этот заштатный городишко. К Циолковскому? Пожали плечами: есть фигуры и посолидней. Потом кто-то, кажется Алтайский, да, случайно оказавшийся в Москве калужский журналист, рассказал все, что знал о Циолковском. Оказалось, искатель «причины космоса» не такой уж абстрактный фантазер. Совнарком назначил Циолковскому пожизненную усиленную пенсию постановлением, подписанным Ульяновым-Лениным. Значит, и Владимир Ильич верил калужанину?

Нет, не только чудаковатый старик пытался опередить время — тысячи, миллионы таких же мечтателей, как он, ставили на рельсы, толкали вперед огромную, дымящую заводскими трубами страну. Особенно приметно это было на Днепрострое, где действительно зримо воля и разум людей творили чудеса. Облокачиваясь сейчас на прохладные перила балкона, вглядываясь в мерцание как бы плывущих по Неаполитанскому заливу звезд, Алексей Максимович вспомнил себя на краю днепрогэсовской плотины, откуда он смотрел на рабочих, сверливших неподатливый камень берегов. Землю словно жевали железные челюсти экскаваторов, она казалась легким прахом под руками человека, который строил для себя новую жизнь. Да, там, на плотине, вглядываясь сверху в маленьких человечков, которым подчинялась стихия, он подумал о том, какой наивной по сравнению со всем этим кажется сказка о Святогоре-богатыре, который не мог одолеть «тяги земной»...

Он и сейчас слышал, как, стиснутый с обоих берегов плотинами, бушевал, сопротивлялся Днепр...

А потом вот такой же ночью стоял он на балконе гостиницы, любуясь игрою огня на воде и странными тенями в каменных рытвинах изуродованного берега. Тени были разбросаны удивительно затейливо и были похожи на клинопись, которая вызывала желание прочитать ее... «Именно в труде,— подумал он тогда,— и только в труде велик человек, и чем горячей его любовь к труду, тем более величественен сам он, тем продуктивнее, красивее его работа. Есть поэзия «слияния с природой», погружения в ее краски и линии,— это поэзия пассивного подчинения... Но есть поэзия преодоления сил природы силою воли человека, поэзия обогащения жизни разумом и воображением, она величественна и трагична, она возбуждает волю к деянию, это — поэзия борцов против мертвой, окаменевшей действительности...»

После Днепростроя самое яркое — Баку. До революции он бывал там дважды, и что запомнилось, так это хаос вышек, прижатые к земле, наскоро сложенные из камней казармы рабочих. Теперь он не узнал прежних мест. Необозримо широко разрослись промыслы. И почему-то почти не было заметно рабочих. Нет, рабочие были. Но нигде не было видно нервной, бешеной суеты, которую он ожидал увидеть. Создавалось впечатление монументальной, спокойной и уверенной работы надолго...

В Баку Алексей Максимович вспомнил о Циолковском, причем вспомнил неожиданно, на заседании пленума Бакинского Совета. Собственно, не о Циолковском, а о его идее непрерывности жизни. «Я не согласен с мыслью одного из ораторов,— сказал Алексей Максимович,— что мы дойдем до какого-то пункта и остановимся на нем. Человек создан затем, чтобы идти вперед и выше. И так будут делать ваши дети и внуки. Не может быть какого-то благополучия, когда все лягут под прекрасными деревьями и больше ничего не будут делать. Этого не будет, люди полезут еще на Марс...»

И разве забыть то щемящее чувство, когда в лицо повеяло ветерком с Волги — снова сердце замирало при виде знакомых берегов и праздник вливался в каждую жилку, когда глаз нет-нет да примечал, что женщины на пристани приодеты в одноцветный ситчик одинакового рисунка,— значит, в деревню попал целый «кусок». И

почти на каждой пристани мелькали красные косынки комсомолок, галстуки пионеров. Эти-то обязательно полезут на Марс. А после эти милые серьезные рожицы, четыре сотни пар разноцветных глаз воспитанников Антона Макаренко, с гордостью и с улыбками оглядывающих подводы, груженные их собственной «работой» — ящиками. А потом опять Москва, старенький двухэтажный дом, коммуна пионеров, выскобленные полы увешанной платками комнатки и рассказ бойкого мальчугана о том, как гостили у них пионеры-французы и маленький Леон, не желая возвращаться на родину, прятался от своих земляков, плакал, упрашивал, чтобы оставили его в России...

Самому бы, как Леону, спрятаться от докторов, не уезжать, если бы не пошатнулось здоровье. Когда теперь придется? Особенно в Калугу?

...Сириус светил так ярко, словно вещал о чем-то нестерпимой своей голубизной. Как будто осеивал золотой пылью залив и оживлял немую пустыню. Огни берега сливались со звездами, и густеющая темень становилась как бы одним сплошным небом.

Плавать кораблю над землей,
Небо ему парусом будет...

Где же это он слышал? Ах да! Марина... Клим Самгин, наблюдавший людское буйство. Неизлечимый «умник» Клим Иванович. Такими, как он, болен мир. А излечивают его другие... Такие, как Циолковский... И те, кого он видел на Днепрогэсе, на бакинских промыслах, на всех дорогах новой России... Люди, возвысившие до звезд звание Человека...

Алексей Максимович вернулся в комнату, прикрыл за собой балконную дверь и сел за стол в той размагниченности, которая уже не обещала новых строк. Теперь не уснуть, и долго.

Отложив так и не начатый лист, он потянулся к стопке писем, полученных вечером, но еще не прочитанных. Под письмами лежала распечатанная бандероль из серой ломкой бумаги. Книг из России присылали много, и он радовался им, стараясь читать сразу, не откладывая в долгий ящик. Вот и опять, судя по тощим страничкам, кто-то из начинающих ждет одобрения.

Алексей Максимович взял из стопки брошюрок ту,

что лежала сверху, рассеянно взглянул на обложку и не поверил глазам.

«К. Циолковский» — было означено на такой же, цвета оберточной бумаги, серо-желтой обложке. «Монизм вселенной — (Конспект — март 1925 г.). Калуга, 1925 г.».

Слипшаяся с листами, тонкая обложка отделилась не сразу. Но, отвернув ее, он прочитал крупно начертанную карандашом дарственную надпись:

«Дорогому писателю и мыслителю М. Горькому от автора. 1928 г. 24 октября».

Еще несколько таких же, тоненьких с виду брошюрок-близнецов: «Образование солнечных систем и споры о причине космоса», «Отклики литературные», «Ум и страсти», «Исследование мировых пространств реактивными приборами», «Будущее Земли и человечества», «Ракета в космическое пространство...» Целая библиотечка! Неужели это все он?

Алексей Максимович взял остро отточенный красный карандаш и открыл первую выбранную наугад книжечку. Голубой неугасимый Сириус, казалось, смягчил свое сияние.

Спустя почти пятьдесят лет в московской квартире Горького, где, кажется, еще слышны его шаги и сдержанное покашливание, я перелистываю тоненькие книжечки, которые, как письма, посылал великому писателю великий ученый. Значит, Алексей Максимович дорожил ими, привез их с собой из Сорренто... Словно хрупкие пергаменты, адресованные в грядущее, перевертываю я страничку за страничкой, пока утомленные беглым чтением глаза не зацепятся за красные черточки на полях. Пометки Горького. Да, следы его красного карандаша. И с этого момента становится нестерпимой, необъяснимо захватывающей попытка прикоснуться к его мысли, проследить ее карандашный след.

Теперь уже не спеша возвращаюсь я к обложке, на которой старомодным шрифтом оттиснуто: «К. Циолковский. Образование солнечных систем (извлечение из большой рукописи 1924—1925 годов. Ноябрь 1925 года) и споры о причине космоса». Вот с этих строк начинал ее читать и Горький:

«С десяток лет тому назад я написал статью об образовании солнечной системы с точки зрения Лапласа, но

встретил затруднеиия. С этих пор миою завладела мысль выясиить этот вопрос. Но только два года тому иазад у меия назрело решеиие серьезно присесть за это дело. Мие казалось, что я скоро с иим покоичу, ио коиец не приходил, и я все более погружался в противоречия. Все утра, все свои силы я посвящал солиечиой системе. Исписаны тонны бумаги. Много раз переходил я от отчаяння к иадежде. Миогократио проверял все сиачала, работал до полного одурения, до иевменяемого состояния, миого раз бросал, опять прииимался и только в конце 25-го года пришел к определеиным, хотя и приблизительным, выводам...»

Прозорливость его выводов многие годы спустя восхитит ученых. А тогда... В те времена, когда в небо едва-едва начинали забнраться робкие аэропланы, разве не казалась фантастической даже самая мысль о полете за атмосферу? Но этот калужский чудак, упорно искавший «причину космоса», словно вожжи орбиты наматывал иа руку, и, подобно бубенцам, под дугой Млечного Пути позванивали, отклнкались ему планеты.

По вехам простых, как затеи, формул ои забирался в такие миллиардолетние дали прошлого, до которых и сегодия не у всех достает воображение. Ученые внесут поправки в космогонию Цнолковского, не переставая восхнщаться его провидением... прошлого.

Но не прошлое само по себе, если даже речь шла о солиечной системе. Что поделать — как бы велнка ни была продолжительность жизни звезд, рано или поздно каждую из ннх ждет естественный коиец — полное исчерпанне внутреиией энергии. Что же тогда будет с разумом? Где в этой мрачной, навсегда потухшей вселенной он найдет себе приют? Не будет лн тепловая смерть вселенной означать одновремеино уиичтожение всякой жизни, начало иескончаемой смерти всего сущего?

Быть может, на этот вопрос искал Горький ответ у Циолковского. В самом деле — где же выход из тупика? Этот «выход» Горький отчеркивает красным карандашом.

«Во всякого рода материи,— счнтает Цнолковский,— одиовремеиио проиcходит два процесса: распад атомов и образование их из более простых элементов. Это одинаково справедливо как для химических явлений, так и для радиоактивиых. Если материя сложная, то господствует распад; если простая, то исключительно совершается соединение (синтез, интеграция)... Нужна ли энергия для

этого преобразования, или она, напротив, выделяется — это безразлично. Если нужна энергия, то она поглощается из окружающей среды».

Я пробегаю по другим карандашным пометкам. Да-да, именно в этом был интерес...

«Все-таки воскресает Солнце, уже сокращенное в своей массе. Так, наше Солнце в течение одного времени рождения планетной системы уменьшило свою массу через лучеиспускание в 16 раз. Спрашивается, где же тут равновесие, если каждое оживление Солнца сопровождается огромной потерей его массы?»

Надо полагать, чтение захватило Горького, и, уже не откладывая, тем же карандашом он делает отчерки на страничках следующей главы «Споры о причине космоса».

Но вот, вот самое главное: «...Человечество идет вперед и через тысячи лет преобразится, дав поколения высших существ. Множество планет и других обитаемых мест давно уже заполнено этими существами. Процент несовершенных (как люди) незаметен».

Вот что волновало Горького! Вот что привлекало его в Циолковском: оптимизм!

Я вчитываюсь в строки, помеченные красным карандашом, а вижу уже как будто другие. Ну да! Так это же из горьковской поэмы «Человек»!

«Человек! Точно солнце рождается в груди моей, и в ярком свете его медленно шествует — вперед! И — выше! Трагически прекрасный Человек!..

Затерянный среди пустынь вселенной, один на маленьком куске Земли, несущемся с неуловимой быстротою куда-то в глубь безмерного пространства, терзаемый мучительным вопросом — «зачем он существует?» — он мужественно движется — вперед! и — выше! — по пути к победам над всеми тайнами земли и неба...

Все в Человеке — все для Человека!..»

ЗЕЛЕНАЯ ЛАМПА

Завтра им лететь в Байконур. Но путь туда — так уже ведется с того апреля — начинается отсюда, с этих втесанных в века древних камней, с этих гулких, как в ущелье, шагов под кремлевской стеной, с этих ступенек, которые ведут в музейную тишину когда-то шумного

длинного коридора — до заветных дверей, войдя в которые видишь ленинский стол и знакомую зеленую лампу на нем... Как бы ненароком экскурсовод дотронется до невидимой кнопки — неожиданно, словно от чьей-то другой руки, вспыхнет свет, озаряя книги, тетради, чернильницу, и на мгновение почудится: тот, кого здесь уже никогда не будет, только на минутку вышел, сейчас вернется и скажет:

— Прошу, прошу вас, проходите поближе, дорогие товарищи космонавты...

Отозвавшись лишь мысленно, постоят они здесь молча вокруг стола и уйдут с удесятеренными силами. Далеко-далеко, за тысячи верст отсюда, прогремят реактивные раскаты байконурского грома, проблеснут рукотворные молнии. И вослед одним другие улетят на космодром. Но сначала сюда, только сюда...

— А ты знаешь,— приглушенно говорит мне молоденький летчик, безвестный офицер, о котором через несколько дней узнает весь мир,— тогда, в двадцать первом, сюда подходили с другой стороны, через Троицкие ворота, и видели ленинское окно — чуть зеленоватое от света настольной лампы... А первым для доклада о космических делах сюда знаешь кто шел?.. Можно сказать, шел всю жизнь...

И он начинает рассказывать о человеке, которого никогда не видел, но которого знает так хорошо, словно товарища по летному полку или по отряду космонавтов. Откуда же эта родственная связь не только поколений, но и времен?

...Он проснулся словно бы от толчка и еще полежал, вглядываясь совершенно проясненными глазами в начинающую синеть темноту, не шевелясь, стараясь не выпустить остатки тепла из-под ветхого и тонкого, как рядно, одеяла. Его пробудило волнение, то памятное со студенческих лет чувство тревожности, которое с вечера до самого утра будто заводит в тебе неслышно тикающий будильник. Сегодняшний день назначал очень трудный экзамен, и, с отчетливой ясностью вспомнив об этом, он встал, осторожными, чтобы никого не будить, шагами прошел на кухню, зажег керосиновую лампу с еще не остывшим стеклом и начал перечитывать торопливо исписанные листки.

Все было вроде бы логичным. Его ракета взлетит в комбинации с аэропланом. Да, в аэроплане он поставит двигатель высокого давления. О двигателе надо будет рассказать подробнее. В этом суть. Двигатель будет приведен в действие при помощи жидкого кислорода и бензина. А может, этилена или водорода, смотря по условиям, которые окажутся при опытах наиболее выгодными. От двигателя заработают винты, и аэроплан взлетит с Земли как обыкновенный. На высоте примерно в двадцать шесть верст пропеллеры придется остановить и пустить в ход ракету. Ненужные теперь части аэроплана механически переместятся в котел, расплавятся, и получится жидкий алюминий, который вместе с кислородом и водородом станет прекрасным топливом! Рули аппарата — тоже в котел, на переплавку. На высоте восемьдесят — восемьдесят пять верст над Землей от всего того, что взлетело, останется маленький аэропланчик с кабиной для людей и часть ракеты с рулем. А скорость — скорость будет уже вполне достаточной, чтобы отлететь от Земли и взять курс на другие планеты. Вот подробный расчет. Для того чтобы аэроплан оборачивался вокруг земного шара, как Луна, требуется достижение начальной скорости восемь километров в секунду. Чтобы навеки удалиться от земного шара — одиннадцать с лишним километров, а чтобы достигнуть планеты Марс — четырнадцать. Обратный спуск возможен, если немного замедлить полет при помощи ракеты, пока мы не окажемся опять в земной атмосфере...

Запахивая наброшенное на плечи пальто, охваченный леденящим ознобом, он увидел самого себя в тесной кабине ракеты, стремительно набирающей скорость от Земли, а потом от звезды к звезде. Но и на самом деле было зябко сидеть в продутой насквозь кухне возле давно выстуженной печки. С тоской поглядывая на последнее, оставленное про запас березовое полено, он подумал о том, как это было бы сейчас прекрасно — напиться морковного чая и подержать руки над горящей кипой старых газет. А эти еще нечитаные, свежие. Так замотался над докладом, что не успел пробежать вчерашнюю. Эта за 24 декабря. Открытие Девятого съезда Советов. На рисунке Ленин во весь рост — одна рука в кармане, другая поднята в знакомом, как бы разъясняющем что-то жесте. В. И. Ленин говорит, что учиться хозяйствовать — вот основная формула новой экономической поли-

тики. Сколько же силы, энергии в его речи! Происходит что-то невероятное — движение с ускорением. Движение не ракеты, набирающей звездную высоту, а огромной, бескрайней страны.

«Нас не уничтожили даже самые передовые страны...» А теперь взял в тиски голод. На этой же самой странице сообщение: «Помощь голодающим». «Голодающими признаны 16 губерний, областей и союзных республик Поволжья: целиком — Астраханская губерния, Калмыцкая область, Царицынская, Саратовская, Самарская, Симбирская губернии, Татарская республика, Марийская и Чувашская области...» И в других газетах то же самое: о голоде, о голоде, о неимоверных усилиях противостоять ему. Доклад Калинина. Первая задача была засеять озимые поля. Все наркоматы развили максимум энергии и в конце концов взяли 12 миллионов пудов зерна... В неурожайные места теперь посылается 24 миллиона пудов. Это для фабрик, заводов, для детских приютов. Для местного населения не остается почти ничего. Пришлось увеличить число детских пайков — со ста тысяч на миллион шестьсот тысяч... И все-таки от крестьян ни одного упрека Советской власти, знают, что она делает все, что в силах сделать...

И опять слова Ленина, что спасение от голода — в восстановлении производительных сил на основе крупной электрифицированной промышленности...

Да, всего лишь год назад вспыхнули на карте лампочки плана ГОЭЛРО. Мириады земных звезд, небо, опрокинутое на огромную страну... Сколько же нужно лет, чтобы электрические звезды зажглись в каждом доме?

Он потянулся к другой газете, и его снова бросило в озноб. Корреспондент рассказывал о встрече с марийцами-беженцами на улицах Иваново-Вознесенска.

«Иду улицей. Доносит меланхоличную, как осенний ветер, песню. Поют переселенцы, приехавшие из голодных губерний. Это марийцы, бросившие свои родные края: там валится народ, там голод — каждый день пополняются кладбища — город мертвых...

От песни их веет выстраданной болью, несказанной печалью. «Мы кулам! Мы кулам! Калак самарля...» «Мы вымираем! Мы вымираем! Валится народ... Дома заколочены... Целое лето горели леса. Деревни горели, сожгло все поля, остались без хлеба... Кто услышит

горе? Кто печаль услышит? Кто слезы поймет? Мы вымираем! Валимся с голода! Слышите?»

Это было на улице ветреным днем. Ветер переметал дорогу. Холодно было на душе, и еще печальней стало от этой однотонной, однообразной песни «Кто поможет?»

«Люди мрут на дорогах, а я со своей ракетой,— с внезапной отрешенностью и даже неприязнью к самому себе подумал он.— Ветры горя веют над Россией, а я, видите ли, выдумываю сказку, которую сейчас кощунственно рассказывать даже малым детям, не то что взрослым на сегодняшней губернской конференции изобретателей. Засмеют, не поймут, освистят».

Но, рассуждая таким образом, издеваясь над самим же собой, он знал, что на конференцию все же пойдет и что, если позволят, выступит. Пусть с позором, но не предавать же дело всей жизни.

— А и то, натощак, без чая смелее буду,— подзадоривал он себя. Пора было собираться.

В холодной, давно не топленной зале, отведенной для подсекции двигателей, собирались, не снимая пальто и полушубков. Курить, однако, было запрещено, хоть это придавало некоторую официальность собранию, внешне похожему больше на сборище купцов, торговцев и мелких чиновников. В ближних рядах он все же заметил знакомые лица и понемногу начал успокаиваться: кто-кто, а эти-то должны понять его с полуслова.

Но первый же доклад опять поверг его в сомнение. Сухощавый, в куцем пальтеце мужчина с чахоточным покашливанием развернул заляпанные воском и испачканные нагаром чертежи и начал объяснять совершенно никому не известный, им открытый способ действия электроплуга. Это была превосходная идея широкой безлошадной вспашки — один всего-навсего пахарь на огромное поле! Ну еще помощник, чтобы перетягивать провод, а почти вся деревня — сиди любуйся! Сухощавый уверенно отвечал на самые каверзные вопросы и только на один-единственный ответить не смог — где взять это самое... электричество, от какого столба потянуть его, чтобы поехал-запахал волшебный его электроплуг.

— Но, поверьте, это уже дело ближайшего времени...— смущенно закашлялся сухощавый и сел, утирая крупно проступивший на землистом лбу пот.

Следующим выступал инженер, предлагавший вниманию коллег новый весьма экономичный способ располо-

жения поршней в двигателе внутреннего сгорания. Идея была знакомая, он давно носился с ней. Но как бы там ни было, все они — и чахоточный, и этот коренастый коротконогий бодрячок — ходили в своих помыслах по грешной земле. Их интересовал день сегодняшний и хлеб насущный. Ну а кому нужны ракеты, когда не хватает даже керосина?

— Цандер,— объявил председательствующий.— Фридрих Артурович Цандер. Разработка двигателя аэроплана для вылета из земной атмосферы и получения космических скоростей.

Фридрих Артурович развернул схему двигателя и, подавив смущение, начал рассказывать о своем проекте межпланетного корабля-аэроплана. Странно — первое лицо, попавшее в поле его зрения, было неподвижно застывшее, словно вырезанное из дерева лицо изобретателя электроплуга. В горячечных черных глазах Фридрих Артурович уловил усмешку. «Эка, брат, куда загнул, — говорили ему эти глаза.— Страна разорена из-за войны, хлеба нет, заводы стоят, а ты приглашаешь нас прогуляться к Марсу... Шутник, братец, право, шутник...»

Нет-нет, не эти глаза смутили Фридриха Артуровича. Ему вдруг показалось, что весь первый ряд занят людьми в драных армяках и словно бы дырявые лапти всюду выглядывали из-под кресел. Марийцы, неужели марийцы пришли сюда? Но зачем? И что поймут они, безграмотные, в его расчетах?! И почему опять эта песня? Разве здесь разрешено петь?

«Мы кулам, мы кулам... Калак самарля...— Мы вымираем, мы вымираем, валится народ...»

Туманная пелена, застлавшая глаза, рассеялась, и, продолжая водить карандашом по схемам, Фридрих Артурович с холодеющим сердцем подумал о том, что, если начинающая докучать ему из-за недоедания куриная слепота разыграется больше, некому будет превращать эти схемы в чертежи. Но его слушали, действительно слушали! И даже в черных, еще минуту назад недоверчивых глазах сухощавого Фридрих Артурович ощутил интерес. Значит, его расчеты не такая уж сказка, а если и сказка, то вот ее крылья — бери и лети... «Главное, заронить идею, внушить в нее веру...» — подумал он и закончил уже совсем уверенно.

После доклада к нему подходили, пожимали руки люди знакомые и незнакомые, в сумеречности зала —

свет опять из-за экономии долго не включали, — он не различал лиц. И не помнил, кто же первый и кто именно сказал, что о его проекте доложат Ленину и что, может быть, даже устроят встречу с Ильичем. В это не верилось.

Подняв воротник пальто, зажав под мышкой рулон со схемами, возвращался он домой темной, освещенной лишь сиянием свежевыпавшего снега улицей. Шел и думал о том, как далеко еще от этих схем до отливающего звездным светом аэроплана-ракеты, да и суждено ли сбыться его мечте, которая, как он сам, как собственные его следы, упирается в выросший призраком посреди улицы мертвый, заметенный сугробами трамвай. Стране едва-едва собраться с силами, чтобы вот так не встать, не замерзнуть... Конечно, если бы об его идее узнал Ленин, понял, помог... Но это уже нереальность. Он не мог даже и предположить, что за этой подступающей холодом и голодом ночью уже брезжит рассветом день назначенной с Владимиром Ильичем встречи и что его имя уже известно человеку, склонившемуся в эти часы над письменным столом в тускловатом свете зеленой лампы. Над Москвой занимался новый голодный декабрьский день двадцать первого года.

Пока что еще никто не знает, когда именно состоялась встреча, определившая всю дальнейшую жизнь Цандера, да и была ли она вообще. Но она могла быть, и история зафиксировала вероятность встречи.

Из наших дней в дымке московского утра он видится идущим по Красной площади, взволнованным, держащим в руках старенькую шапку-ушанку с потертым кожаным верхом, которую забыл надеть. Ветер шуршит, завихряет поземку и, кажется, вот-вот сорвет, поднимет с фундамента, как с каменного пирса, громаду собора Василия Блаженного и унесет в небо на куполах, как на воздушных шарах. С голодным граем мечутся над древними башнями галки, и, похожие на них, в черных платках до бровей, тянутся к церквушке богомолки. И все это уже далеко-далеко внизу, как бы на округлости земного шара — в самом деле, как поката Красная площадь! — а перед глазами внимательное, с нескрываемым удивлением лицо Владимира Ильича. Он схватывал все с полуслова, как будто сам сидел все эти ночи рядом, вычисляя межпланетные трассы. Да и план, который развивал перед Лениным Фридрих Артурович, так и называл-

ся «Путь к звездам». Марс ведь кажется нам звездой! Красной звездой! Разве не заманчиво было бы слетать на Марс?!

Цандер знал в подробностях, что для этого нужно, Первое — взять с собой кислород и вещества, абсорбирующие выдыхаемую углекислоту, как, например, едкий калий. Для питаиия годятся консервы. Но для самых дальних рейсов будет выгоднее устроить предложенные еще Циолковским оранжереи. Калужанин вычислил, что для вечного питания одного человека достаточно взять с собой один квадратный метр с плантациями наиболее плодовитых растений, скажем, банана. И лети. Метеориты? Что ж, обезопасить корабль можно устройством секций, воздухонепроницаемо отделенных друг от друга. Люди же должны будут находиться в своего рода водолазных костюмах...

Самым удивительным было то, что Владимира Ильича интересовали подробности, а его вопросы не только не озадачивали, а словно бы даже подбадривали. И Цандер улыбнулся, вспомнив мелькнувшую в ленинских глазах лукавинку, когда совершенно серьезно тот спросил его: «Ну а сами-то вы полетите первым?» — «Конечио, Владимир Ильич, а кто же еще? Ведь надо подать пример остальным!» И он как бы снова ощутил крепкое, ободряющее рукопожатие Ленина, пообещавшего иа прощание самую горячую поддержку.

И всю жизнь, до конца дней своих, он будет вспоминать разговор с Владимиром Ильичем как самые счастливые минуты. Да, именно та встреча вывела накоиецто на орбиту его мечту. И само расположение, участие вождя, занятого тысячью иеотложных государственных дел, не только придало сил и вселило веру в успех,— расставаясь с Лениным, он понял, что уже не сможет отступить ни на шаг, что не только он Ленину, а и как бы Ленин доверился ему, и не сдержать слова уже было бы невозможно.

Всего несколько строк о той встрече оставила история. Строчку автобиографии Цандера: «...Владимир Ильич Ленин обещал поддержку. Я после этого работал более интенсивно дальше, желая представить наиболее совершенио разработаниые работы: с середины 1922 до середины 1923 г. для ускорения работ работал исключительно дома...»

Другой документ, удостовереиие завода «Мотор»:

«Сим удостоверяем, что гражданин Цандер Фридрих Артурович работал на государственном авиационном заводе № 4 «Мотор» начиная с 1 февраля 1919 года, сначала в должности инженера на заводе, а затем в должности заведующего конструкторским и техническим бюро, причем он с 13 января по 15 июля 1922 года пользовался отпуском для разработки своего собственного проекта аэроплана для вылета из земной атмосферы и перелета на другие планеты...»

Сегодня в это трудно поверить. Но за пламенем байконурских вулканов, подбрасывающих к звездам корабли, за ликующим людским половодьем, устремившимся на Красную площадь, где-то в дали двадцатых годов можно увидеть сутуловатого человека, идущего читать рабочим лекцию о межпланетных полетах. Да, теперь уже не ученым коллегам, а рабочим родного завода «Мотор», принявшим на общем собрании 6 апреля 1923 года единодушное решение: «Отчислить в фонд помощи своему инженеру-изобретателю для завершения работ 1% своего апрельского заработка».

Падали великопостные звоны. К певучему бархату колоколов примешивались звуки сирен, звон трамваев, пестрый, разноголосый крик и шум городского движения... Таяло... Просыхали тротуары на солнцепеке. На бульвары, где липла к ногам растоптанная шелуха семечек, выползали няни, мамаши в чепцах, плакала скрипка слепого музыканта, пела окруженная детьми шарманка, на которой уныло сидел голодный зеленый попугай. А неподалеку кучка людей смотрела в подзорную трубу на первые вечерние звезды...

И ярко-ярко на афише: «1856 невероятнейших строк. Про это... Про что про это? Маяковский улыбается, Маяковский смеется, Маяковский издевается...»

Да, Цандеру, возможно, повстречался Маяковский.

Шум города, плавающие гулы колоколов и предвечерние крики газетчиков, предпасхальное убранство магазинов, роскошь и нищета, переплелись старое и новое, доживающее и расправляющее крылья...

А за городом, прорезывая малиновое небо и предзакатное затишье, дружно перекликались гудки фабрик...

Теперь уже совсем нетрудно представить тишину заводского собрания, любопытствующие взгляды рабочих, еще держащих в руках ветошь, и прерывающийся от волнения голос Фридриха Артуровича:

— Товарищи! Как мне передал исполняющий работы секретаря вашего заводского комитета товарищ Медведев, вы отчислили мне постановлением общего собрания, состоявшегося в апреле, один процент с вашего апрельского заработка! Вы сами находитесь в неблестящих условиях жизни, и я поэтому тем более выражаю вам благодарность. Одновременно высказываю надежду на то, что своим докладом дам вам возможность увидеть, над каким делом я работал. Надеюсь также, что внесенные вами деньги не пропадут даром... Для того чтобы ввести вас в область, к которой относится означенная машина, я должен в кратких словах ввести вас в мир звезд... Как вы, вероятно, знаете, наша Земля — одна из ряда планет, которые вращаются вокруг нашего центрального светила — Солнца... Ближе к Солнцу, чем Земля, а также дальше, чем Марс, находятся еще такие же земные шары — планеты. Отчасти на них или на их спутниках — лунах мы могли бы обнаружить новые человечества. А далеко за всей нашей солнечной системой находится еще много солнц. Это все звезды нашего неба, и вокруг них на планетах мы могли бы найти себе подобных... Использование их достижений, изобретений дало бы нам, живущим на Земле, огромнейшее облегчение труда...

Кто-то из рабочих закурил, пыхнул сизоватым дымком цигарки, на него цыкнули, шумнули, и он тут же пригасил, придавил окурок ногой.

«Понятно ли я им объясняю!» — спохватился Фридрих Артурович и начал снижать «высоту» своих рассуждений, пояснив, какое значение имел бы уже полет вокруг Земли. Летая, как Луна, можно было бы большими астрономическими трубами наблюдать много лучше другие планеты.

«Да, надо проще, доступней»,— подумал он и сам не заметил, как привел совсем уж земное сравнение:

— Человечество, так сказать, из своего гнездышка вылетит в большой мир и ознакомится, развивая свои силы и умения в беспредельном этом мире...

Странно — он вдруг ощутил то, что год с лишним назад ощутил в разговоре с Лениным,— напряженность внимания собеседников, а сейчас просто слушателей. А вспомнив о встрече, почувствовал горечь вины, словно бы задолженности и перед Лениным, и перед этими усталыми людьми за их веру и бесконечную доброту.

«Интересно, где сейчас Владимир Ильич и помнит ли он о моем обещании как можно быстрее представить проект?» — подумал Цандер и начал закругляться, жалея и свое и чужое время.

Помнил ли Ленин о проекте, так фантастично названном «Путь к звездам»? Наверное, помнил, ибо даже в те дни, когда ему серьезно угрожала болезнь, в его библиотеке очутилась только что вышедшая книга Симона Ньюкомба «Звезды». Она и по сей день стоит в книжном шкафу в серой, как бы чуть-чуть подсиненной небом обложке. В самом верху над заглавием карандашом надписано «Ленин».

...Быть может, такой же закат золотил кремлевские окна... За тысячи верст отсюда тонула во мгле еще мертвая байконурская степь. Как далеко было до нее! Но, считая себя посланником Ленина, шел к этой степи, к ее космодрому человек, как факел державший в руках паяльную лампу треста Ленжатгаз, из которой сконструировал первый реактивный двигатель.

Да, это был первый реактивный двигатель Цандера ОР-1, обычная паяльная лампа емкостью бачка для бензина один литр, с диаметром поршня шестнадцать миллиметров. Он удлинил медную трубку, приделал термометр к баку, впаял электрическую свечу... Делать все заново не было средств, а он очень спешил. Он хотел доказать, что такое возможно — полеты вокруг нашей планеты и даже к Марсу, к далекой звезде. И еще он желал одного, самого главного — сдержать слово, данное Ильичу...

Потом был второй двигатель, и был третий. И была ракета, взлетевшая над подмосковным лесом. Но он не увидел ее в полете. Уже в постели, тяжело больной, писал он слабеющей рукой письмо, ставшее завещанием:«Вперед, товарищи, и только вперед! Поднимайте ракеты все выше и выше, ближе к звездам». Он писал эти строки, обращая их ко всем своим ученикам и к одному из них — кареглазому, коренастому, стоящему как бы на земном шаре в особенности. Это был Сергей Королев.

Цандер писал эти строки, уже веря в победу и жалея лишь о том, что не успел доложить о ней Ленину лично.

За него это сделали другие. Солнечным апрельским утром они вошли в кабинет Ленина и постояли минуту-другую у стола с зеленой лампой. Через несколько дней имя одного из них повторил весь мир. Путь к звездам

был открыт. Бескрайний, героический путь. Но, как бы он ни был далек, начииается ои отсюда. Вот почему, прежде чем иад Байконуром загремит реактивный гром, в кабинете Ленииа раздаются тихие шаги космонавтов.

КРЫЛЬЯ ИКАРА

Королев мельком взглянул на часы, и глаза примагнитились к стрелкам — до старта «Востока» оставалось двенадцать часов. Двеиадцать? Неужели только двенадцать? Он знал, что время приобретет теперь не объяснимое иикакими законами физики свойство. С одной стороны, оио будет неимоверио тягостно тянуться, с другой — неумолимо быстро устремится к предельной черте. Неумолимо и иеотвратимо. Медлеино и молниеиосно. Если бы можно было за оставшиеся полсуток проверить, прощупать собствеиными руками каждый проводок, каждый виитик, каждую заклепку... И в нем опять вскипело укрощеииое им же самим еще вчера раздражеиие. Когда ракета иаходилась в монтажном корпусе, за несколько часов до вывоза ее на старт был обнаружен дефект в одном из клапаиов системы ориеитации корабля. Злополучный клапаи, коиечно, тут же заменили, и испытаиия пошли дальше. Ну а если бы ие заметили? И если бы этот клапан дал о себе зиать на орбите? Не хотелось допускать и мысли, чтобы кто-нибудь из готовивших «Восток» к старту отиосился к своим обязаииостям формально — понятно, бессонные ночи, устают глаза и руки,— ио и простить малейшей оплошности он ие мог. Даже самому черствому, влюбленному только в свои «винтики» слесарю должно быть ясио, что в этой ракете, в этом корабле каждую деталь иужно почувствовать, как собствеиный нерв, как собствениый палец на руке,— только так. Одио дело манекен или собачка, пусть милая, лопоухая, но все же собачка, а другое — человек.

И Королев представил, как завтра по ступеинькам мостика, ведущего к лифту, подиимается космоиавт в ораижевом скафандре и гермошлеме, поднимается неуклюже, валко, но сам! И тут же перед глазами возникло лицо этого человека, чуть худощавое, еще сохраиившее мальчишеские черты, с челкой, оставленной стрижкой под полубокс, с веселыми глазами, с ямочками в уголках губ, как бы таящими улыбку. Да ведь и правда — париишка,

не бог весть какой богатырь, и ростом не вышел, и плечи не косая сажень, а крепкий, жилистый. Руки у таких по-девичьи тонки в запястьях, зато ладони — наждаки. Вот этой какой-то крепкой рабочей ухватистостью, жадным нескрываемым любопытством ко всему новому и привлекал внимание летчик. Да, он выделялся среди других именно своей незаметностью. Бывают такие — человек старается держаться в сторонке, а виден всем.

Когда это было? Летом? Да, кажется, летом. Молодым летчикам, новобранцам космонавтики, впервые показали корабль «Восток». Корабль этот не предназначался для полетов человека, но был изготовлен по чертежам чисто «человеческого» варианта. Будущие его капитаны (как близнецы — удивительно одинакового роста, в одинаковой летной форме) с настороженным любопытством присматривались к диковинному круглому шару, похожему скорее на батискаф, чем на корабль, и уж совсем не напоминавшему самолет. Эта настороженность чувствовалась даже в вопросах, которые задавались Королеву. Техника техникой, надежность — понятно, а все же интересно: какую жару выдержит теплозащита? Неужели при тысячеградусных температурах в кабине останутся комнатные условия? А как будет сориентирован корабль при посадке?

Он догадывался, почему так чутко ощупывали их руки слой теплозащиты, скользили по патрубкам системы жизнеобеспечения, трогали болты, которыми завинчивался люк катапульты. Они понимали, какая ответственность ложилась на эти узлы. Им нетрудно было вообразить, как этот шар тяжелым, раскаленным ядром начнет после торможения падать по рассчитанной траектории на Землю. Высота двадцать километров... пятнадцать... десять...

Или система ориентации... Важнейшая система! Хотя, будь менее учтивыми и сдержанными, они могли бы, вполне могли как летчики конструктора спросить его, Королева, не случится ли с «Востоком» то, что случилось с первым кораблем-спутником. А что он мог ответить?

Если на сердце остаются незаживающие и вроде бы даже перестающие болеть, но однажды вдруг обозначенные тревожным всплеском на ленте кардиограммы раны, тонкой, неровной линией записавшей невидимую для посторонних боль, то такой раной и такой болью оставался

для Королева — что там скрывать — последний участок орбиты того корабля.

Трое суток кружил первый корабль-спутник над планетой, вызывая восторг и восхищение землян. Да, он был первым в мире, и чувство праздника владело человечеством.

Орбитальный полет заканчивался, и близился завершающий этап — снижение с орбиты по дороге к Земле. Королеву запомнился не только день. Он мог назвать часы и минуты. 19 мая в 2 часа 52 минуты Земля подала команду на включение программы спуска. Получив эту команду, система ориентации должна была развернуть корабль так, чтобы сопло тормозной установки смотрело вперед под точно рассчитанным углом, только тогда корабль мог благополучно «скатиться» с орбиты.

Включение тормозной установки прошло четко. Оставалось получить известие о прекращении сигнала и сообщение наземных станций о том, что пеленгуется спускающийся корабль. И вдруг выяснилось, что он не спускается, а проходит над ними и что наземные измерительные пункты замеряют параметры его новой орбиты. Корабль не послушался команды, не пожелал перейти в режим спуска!

В причинах неудачи разобрались быстро. Подвела система ориентации. Подробный анализ телеметрических данных показал: неисправность возникла в одном из приборов системы ориентации. Механизм, многократно работавший в барокамере, отказал в космосе. Корабль не был правильно сориентирован, двигательная установка хоть и сработала, но произошло не торможение, а разгон, и, вместо того чтобы снизиться, корабль перешел на новую, более высокую орбиту.

О неудаче и ее причинах, конечно, узнали и те, кто готовился к первым полетам. Да, важно было не только нормально взлететь. Нужна была еще и гарантия благополучной посадки... Почему-то именно сейчас Королев вспомнил замерцавшую полированным металлом над люком «Востока» стенку пилотского кресла. Первое кресло! Сама эта еще непривычно выглядевшая конструкция уже подразумевала, как бы олицетворяла человека в корабле. И он почти в детском нетерпении поскорее увидеть кресло занятым не выдержал, спросил тут же, не найдутся ли желающие посидеть в нем.

Видимо, этот неожиданный вопрос смутил летчиков,

и они вроде бы даже отпрянули. Королев не смел бы утверждать определенно, но, как и многим тогда там присутствовавшим, ему теперь казалось, что первым прервал неловкость Гагарин.

— Разрешите? — спросил он и, поднявшись на помост, приставленный к кораблю, начал разуваться.

Почему он решил снять ботинки? Королев и сейчас видел быстро мелькавшие шнурки, неловко переминающиеся на железной площадке ноги в синих носках... Через несколько секунд, ловко подтянувшись за кромку люка, Гагарин опустился в кресло. Да, пожалуй, он очутился в корабле первым, но их, космических новобранцев, было тогда так мало, что вряд ли Королев кого-либо выделял...

Да, конечно, полетит Гагарин. Но ведь никто, нет, никто не гарантировал стопроцентного успеха «Востоку». «А я-то могу гарантировать?» — вдруг подумал Королев, еще отчетливо не понимая причину исподволь вползавшей в сознание тревоги. Он и сейчас как бы слышал собственный голос:

— Ракета-носитель и космический корабль «Восток» прошли полный цикл испытаний на заводе-изготовителе и на космодроме... Замечаний по работе отдельных систем как ракеты-носителя, так и корабля нет. Прошу Государственную комиссию разрешить вывоз ракеты-носителя с кораблем на стартовую позицию для продолжения подготовки и пуска двенадцатого апреля в девять часов семь минут по московскому времени...

Он сказал об этом два дня назад, а сейчас — вот она, в морозной дымке, как бы сберегая дыхание для мощного рывка,— стоит на стальных стапелях. И время неумолимо рвется вперед, и уже не двенадцать, а одиннадцать часов сорок минут остается до запуска...

Королев попробовал представить себя в том состоянии, как если бы он сам ожидал сейчас старта. Собственно, это и было бы исполнением его мечты, мечты всей жизни — в далеком-далеком отсюда небе юности миражно покачал крыльями его планер, промчался самолет... Удивительно драматическое совпадение — он не мог полететь тогда на крыльях, им самим сконструированных, заболел и доверил это опытному планеристу... Сейчас повторяется то же самое — у Икара новые, могучие, поистине фантастические крылья, но в полет не пускает сердце. Но ведь исполнение мечты состоится! Просто крылья

Икара он вручает другому, ставшему продолжением его самого...

...Космонавтов разместили точно в таком же домике, в каком жил Королев. И в этом совпадении было тоже что-то символическое, какая-то многозначительность случая. К тому же побеленные эти домики с наличниками на окнах, с деревянными фронтонами и крытыми шифером крышами очень напоминали ему тихую улочку детства не то в Житомире, не то в Одессе.

Гагарин и Титов играли в шахматы, Каманин сидел тут же, очевидно в роли судьи, и, когда Королев вошел, все трое, оторвавшись от доски, привстали и вопрошающе на него поглядели.

— Продолжайте, продолжайте, я всего на минутку,— остановил их жестом Королев и встал над игравшими, пытаясь с ходу оценить расстановку сил.

Партия протекала в равновесии, обострения не предвиделось. Прикинув возможности белых и черных, Королев без труда догадался, что играющие просто-напросто коротают, убивают время. «Интересно, что они думают о полете? Конечно же, думают что-то, не могут не думать».

Почувствовав на себе взгляд, Гагарин поднял глаза, и Королев заметил, как зеркально отразилось в них его собственное беспокойство. «Мое лицо сейчас предаст меня»,— спохватился он, отводя глаза, и, чтобы хоть как-то замять неловкость, проговорил:

— Все идет нормально... Даже отлично идет...

Было непонятно, относились эти слова к шахматам или к предстоящему полету. И Гагарин, решивший положить конец двусмысленности, поднял на Королева ясные успокаивающие глаза:

— А я, знаете, Сергей Павлович, какой-то ненормальный. Ну ни чуточки не волнуюсь, честное слово...

«Ты, конечно, волнуешься,— усмехнулся Королев,— но спасибо тебе за эти слова». Так он подумал, а сказал другое.

— И не надо волноваться,— произнес он, смягчая взгляд, пряча тревогу.— Зачем волноваться? Это сейчас много процедур разных, условностей. Но хочу предупредить: через пару-тройку лет в космос будем отправлять гораздо проще — по профсоюзным путевкам.

Гагарин засмеялся, мотнул головой, одобряя шутку, а Королев, словно затем только и пришел, чтобы рассме-

шить, погасил улыбку насупленными бровями, взглянул на часы и отступил к дверям.

— Всего доброго, спокойной ночи...

Про себя-то он знал, что всю ночь не сомкнет глаз и не найдет ни минуты покоя до самого заветного, и радующего, и пугающего своим приближением часа. Но вид Гагарина словно придал сил, и, сберегая в себе этот новый прилив энергии, Королев поехал на стартовую площадку.

Он вернулся в свой домик за полночь — окна соседнего были уже темны, только в комнате дежурного врача тускло светилась лампа. «Вряд ли и они сейчас спят»,— подумал Королев, но заставил себя остаться в домике. Он походил по комнате, уговаривая себя прилечь хотя бы на час, но не выдержал и вновь пошел к космонавтам. В коридорчике его встретил врач, бодрые и радостные глаза которого сами говорили обо всем. Приложив палец к губам и привстав на цыпочки, Королев бесшумно прошел дальше и открыл дверь в комнату. Полоска мутного света, метнувшаяся от дверей, выхватила лицо Гагарина, такое безмятежно-спокойное и с тем выражением бесконечной доверчивости, какое бывает у совсем маленьких детей, видящих радостный сон. «А ведь он и впрямь сын мне... Конечно, сын»,— подумал Королев. Показав врачу жестами, что все в порядке, он молчаливо удалился. В три часа ночи начиналась заключительная проверка ракеты-носителя и корабля. «Теперь я увижу его только перед стартом»,— решил Королев, снова возвращаясь к заботам, которые не давали ему права расслабиться ни на минуту.

Ночь пронеслась чередой озабоченных людей, спешивших к Королеву с докладами по проверке систем ракеты-носителя и корабля. Электрики и радисты, управленцы и двигателисты входили и выходили такими озабоченными, так торопились к рабочим местам, что казалось, будто все они, в белых своих халатах похожие на врачей, обеспокоены самочувствием какого-то гигантского, но очень хрупкого и нежного существа. А время уже не шло, не бежало, летело к своему критическому пределу, и все сильнее сжималась пружина, которой надлежало распрямиться в грохоте дыма и огня.

Рассвет прояснил, вымыл досиня окна, впуская еще розовое, несмелое солнце, и Королев, опять поняв, что не выдержит, велел шоферу как можно быстрее ехать к

домику, где по распорядку уже должны были облачать космонавтов.

Титов, который по установленному правилу должен был как дублер одеваться первым, чтобы в скафандре меньше парился Юрий, сидел в своих доспехах, заполняя всю комнату апельсиновым светом. Гагарин, только что надевший тонкое белое шелковое белье, тянулся к другому, лазоревого цвета костюму, похожему на комбинезон. Как и тогда, вечером, все, кто находился в комнате, с ожиданием повернулись к Королеву, но он жестом показал, чтобы не обращали внимания, а сам осторожно начал наблюдать за Гагариным. Никакой тревоги в лице, никакого намека на волнение! Но опять, как вчера, едва взгляды их встретились, Королев словно увидел в его глазах собственное отражение и вспомнил о приказе, с проектом которого познакомили его еще вчера. Старшему лейтенанту Гагарину досрочно присваивали звание майора.

«...Старший лейтенант Гагарин Юрий Алексеевич 12 апреля 1961 года отправляется на корабле-спутнике в космическое пространство с тем, чтобы первым проложить путь человеку в космос, совершить беспримерный героический подвиг и прославить навеки нашу Советскую Родину».

— Как настроение, Юрий Алексеевич? — спросил Королев, стараясь выдержать голос на самых бодрых тонах.

Но Гагарин, наверное, уловил фальшивинку, тень озабоченности на его лице тут же сменилась выражением лукавства. Подставляя руки для оранжевого костюма, Гагарин весело ответил:

— Отличное! А как у вас? — И, не довольствуясь этой фразой, в которой Королеву могла послышаться неискренность, добавил, разминая ноги в высоких негнущихся ботинках: — Да вы не беспокойтесь, Сергей Павлович, все будет хорошо, все будет нормально.

«Да ведь это он меня успокаивает!» — подумал Королев.

Два часа сплющились в мгновения, но память зафиксировала каждую фразу, каждый пустяк. Главным во всем этом быстротечном движении, центром меняющейся ежеминутно картины был Гагарин — яркий, оранжевый, неуклюжий, как мальчишка, надевший что-то чужое, взрослое, вперевалку расхаживавший в огромного разме-

ра ботинках. Королеву запомнилось многозначительное успокаивающее пожатие удивительно маленькой, высунувшейся из обшлага скафандра руки. Он взял эту руку в свою правую и еще для крепости, размахнувшись, прихлопнул сверху левой, хотел поцеловать Юрия, но только ткнулся неловко шляпой в гермошлем и заторопил, заторопил, как отец сына на грустном, быть может последнем, прощании, когда затянувшаяся пауза грозит обернуться слезами:

— Ну давай, давай, Юрий, пора...

И уже потом, когда Юрий на мостике, ведущем к лифту, обернулся, словно почувствовав просящий взгляд, Королеву опять стало не по себе, как в домике, когда начиналось облачение в тонкое белое белье... Конечно же, он шел на подвиг, и подвиг этот начинался с первых оставленных позади ступенек. Он уже был героем, но только сейчас, когда за дверцей лифта мелькнуло оранжевое пятно, Королев с прихлынувшей к сердцу благодарностью сознал всю красоту беспредельного, оплачиваемого ценой жизни великодушного доверия, каким награждал его этот почти совсем еще мальчишка.

Теперь между ними оставалась только тонкая пульсирующая нить радиосвязи. Королев подошел к микрофону, назвал свой позывной и по ответному, словно его упредившему восклицанию, пробившемуся в дежурную фразу, произнесенную Гагариным, понял, что голос его узнан с радостью.

— Как чувствуете себя, Юрий Алексеевич? — спросил Королев как можно ровнее.

— Чувствую себя превосходно. Проверка телефонов и динамиков нормально. Перехожу сейчас на телефон...

«Все хорошо, Сергей Павлович, не волнуйтесь, не подведу»,— расшифровал Королев.

Голоса с наземного пункта вплетались в разговор, не оставляли пауз, чтобы все время держать в напряжении внимание Гагарина, не дать ему почувствовать себя замурованным в стальное ядро. Но когда в динамике звучали шутливые фразы, Королев понимал, что они обращены лично к нему.

— Как по данным медицины — сердце бьется? — спросил Гагарин с улыбкой в голосе.

Не сразу уловив юмор, Королев, взглянув на столбец телеметрии, успокаивающе ответил:

— Слышу вас отлично. Пульс у вас шестьдесят четыре, дыхание двадцать четыре. Все идет нормально!

— Понял. Значит, сердце бьется,— не замедлил отозваться Гагарин.

— Что происходит?— озадаченно кивнул на динамик уже слегка бледнеющий оператор.— Кто летит — Гагарин или мы? Это спокойствие...

— Все мы сейчас летим,— нахмурясь, сказал Королев, окончательно взбодренный гагаринскими донесениями. Вот наконец, соединяя прошлое и будущее, прозвучала команда «Подъем!».

— По-е-ха-ли!..

Вибрация чуть-чуть искажала, дробила голос Гагарина, будто космонавт и впрямь устремлялся вдаль по каменистой тряской дороге.

— Желаю вам доброго полета! — как можно бодрее выкрикнул Королев в микрофон.

Орбита началась. Она не имела права оборваться, не имела! Все сущее жило сейчас для Королева только этим внешне бесстрастным голосом.

— Пять... пять... пять...

На языке телеметрии это означало, что все идет хорошо и следующий расположенный по трассе полета наземный измерительный пункт вышел на связь с ракетой, принимает с ее борта информацию.

— Пять... пять... пять...

«Все в порядке». Но что это? Уж не ослышался ли он?

— Три... три... три...

«Неужели? Разгерметизация? Обморок от перегрузок?»

— «Кедр», отвечайте! На связь, «Кедр»! — громко позвал Королев, стиснув бессильный микрофон.

В ответ нечленораздельно шипели динамики, и солнце — невидимое из бункера солнце — падало, чернело на глазах, превращаясь в пепел.

Королев резко встал, с расширенными глазами приблизился к оператору, как будто от того зависело, что передаст телеметрия.

— Ну?!

— Пять! — не веря глазам, прошептал оператор.— Опять сплошные пятерки!..

И тут же словно в подтверждение его слов зазвучал родной долгожданный голос:

— Вижу Землю! Красота-то какая!

Королев мешковато опустился в кресло.

— Никаких троек не было, просто сбой на ленте связи,— сказал один из инженеров, выяснявший причину неполадок.

Дальше все происходило еще стремительнее, как будто время гналось теперь за кораблем, замыкающим легендарный свой виток. Верилось и не верилось, но надо было, черт побери, верить хотя бы слезам тех, кто одновременно смеялся и кричал «ура». «Восток» благополучно сел возле какой-то деревни Смеловка, где-то юго-западнее города Энгельса... Неужели Гагарин был уже на Земле?

Нет, умом понимал, а сердцем все-таки не верил, когда уже на берегу Волги на гребне крутого откоса увидел спускаемый аппарат — обугленное, едва остывшее ядро, словно доброшенное сюда выстрелом из невидимой гигантской пушки.

— Жив! Жив! Здоров! И никаких повреждений!..

— Не верю, не верю, пока не увижу! — не то шутя, не то серьезно отмахивался Королев.

Они увиделись лишь через час — на другом конце освещенного зала Юрий выглянул из толпы и, расталкивая репортеров, кинулся, скользнув по паркету, прямо в объятия Королева.

А на другое утро, когда, оставшись наконец-то вдвоем, шли по берегу Волги, вдыхая запах весенней, тронутой первой пахотой земли, Королев поглядел в небо, набухшее тучкой, и сказал:

— А ведь я сам мечтал, Юра, честное слово...

— Вы еще полетите,— засмеялся Гагарин.— Сами же сказали, по профсоюзной путевке. Впрочем, вы уже летали...

И, засмущавшись отчего-то, будто хотел и не хотел открыть тайну, достал из нагрудного кармана новенькой шинели с майорскими погонами фотографию — маленькую, сделанную, очевидно, любителем.

— Это вы,— проговорил он, протягивая ее Королеву,— вы летали вместе со мной...

Королев едва узнал себя в молодом еще человеке, похожем не то на летчика, не то на полярника, в кожаной довоенной фуражке. Фотокарточка гирдовских времен.

Но как она попала к Гагарину и действительно ли он брал ее в космос?

— Ну уж, ну уж,— сказал Королев то ли одобрительно, то ли недоверчиво, постеснявшись почему-то об этом спросить...

Спустя семь лет эту фотокарточку извлекли из гагаринского портмоне, найденного там, где теперь над обелиском, похожим на винт самолета, склонились березы...

СЫН КОСМОНАВТА

Яркая зеленоватая звездочка висела в небе так близко, что, казалось, ее можно было потянуть за тонкий, серебристо пронзивший окно луч, который доставал теперь до самой кровати, до самой подушки и мешал Вовке спать. Перекатываясь в мягкой пышной духоте, Вовка старался спрятаться от этого устремленного на него сверху немигающе веселого взгляда и не мог — звездочка настойчиво брезжила даже сквозь крепко-прекрепко смеженные ресницы.

Но уснуть ему мешала не звездочка. Как только хотя бы на миг прерывался ее всевидящий свет, так сразу же из кромешной темени медленно, словно на ниточке шар с ушами, всплывало насмешливое лицо Женьки Семичева, который вот уже третью неделю подряд не давал Вовке проходу. «Эй ты, сын космонавта!» — издалека кричал Женька. И, вспоминая жестяной, как от подкинутой клюшкой консервной банки звук его смеха, Вовка покрывался испариной. Дело в том, что у Вовки никогда не было отца.

Вообще-то, конечно, он где-то существовал, но Вовка его не помнил, и, если сказать честно, пока жил в детдоме, особого огорчения не испытывал — ведь ни у кого из его однокашников ни отцов, ни матерей тоже не было. Все мальчишечьи и девчоночьи радости, беды и обиды неизменно обращались к самому любимому и, надо полагать, самому справедливому на свете человеку — воспитательнице Ксении Ивановне. Вовкина макушка и сейчас помнила ее теплую, чуточку шершавую ладонь, когда Ксения Ивановна потреплет, бывало, за вихры или мимоходом погладит по голове. Что и говорить, это было замечательное время, когда на всех на них была одна-единственная, такая добрая и чуточку строгая, кому как по заслугам, мама — воспитательница Ксения Ивановна.

Им бы жить да жить. Но странно, чем больше Вовка подрастал, тем все чаще тянуло его к тяжелой, обитой синей клеенкой двери, за которой один за другим навсегда исчезли его дружки. Сначала ушел Колька Рамочкин. Его увел высокий, с плюшевыми усиками и бородкой, похожий на артиста дядя, как потом оказалось — отец. А Саньку Румянцева чуть ли не на руках унесла тетя в полосатой, как тигровая шкура, шубе. Назвалась мамой. Сколько же чудес таила волшебная дверь, обитая синей клеенкой! И всякий раз, как только в ней появлялись незнакомые дяди и тети, Вовка отходил в сторонку и ожидающе опускал глаза. Не в пример Сонечке Тихоновой, прозванной за худобу свою «Щепкой», которая — стоило еще только показаться кому-нибудь на пороге — всех расталкивала, подбегала первой и, не стесняясь, хватала за рукав, жалобно заглядывала в глаза: «Скажите, пожалуйста, вы не за мной?»

Однажды, когда у волшебных синих дверей Витька Ступин учил его пользоваться игрушечным фотоаппаратом, подаренным каким-то дядей, Вовка вдруг почувствовал на макушке нежное прикосновение знакомой ладони. Ксения Ивановна с улыбкой смотрела на него сверху своими добрыми глазами-веселиками.

— А ты, Вова... Хотел бы ты видеть свою маму? — спросила она с загадочным, обещавшим тайну видом.

Свою маму? У Вовки сладко-сладко, как это бывает, когда на самом верху зависнут на мгновение качели, замерло и вроде бы остановилось сердце.

Вовкиной мамой оказалась невысокая, с грустным лицом женщина. Но зато когда она улыбнулась, наклонившись к нему, и погладила по макушке, точь-в-точь как это делала Ксения Ивановна, Вовка понял, что со своей собственной мамой ему будет ничуть не хуже, а, пожалуй, даже лучше, потому что теперь и для него за дверью, обитой синей клеенкой, начиналась новая, полная неизведанного жизнь.

Когда через месяц он покидал детский дом, покорно отдав свою руку в крепкую, налитую теплом ладонь матери, ему больше всего было жаль Сонечку Тихонову. Почему же за ней так долго никто не приходил?

Новая жизнь, в общем, Вовке понравилась. Ну хотя бы тем, что по воскресеньям, когда не нужно было идти в школу,— а Вовка учился уже в первом классе,— он мог валяться в постели сколько было угодно. Никто не

будил! Правда, не с кем было пошвыряться подушками, и тогда Вовка с грустью вспоминал шумливую толкотню детдомовской спальни, но благостная тишина материнской комнаты постепенно приглушала звуки того, оставленного мира. Что-то остановилось, нет, не остановилось, а как бы замедлилось, и Вовка с наслаждением купался в этой новой, журчащей материнским голосом жизни.

По воскресеньям ребятишки их двора обычно играли во дворе в хоккей, потому что именно в выходной набиралось целых две полносильные команды. Видела бы мать, как Вовка оправдывал ее надежды, как ловко орудовал он клюшкой, купленной ею еще с осени. Недаром его «тройку» так и прозвали «тройка Котова», почти как «тройка Фирсова»,— играть в Вовкиной тройке было признанием ловкости и мастерства. Единственно, кто мог тягаться с Вовкой из команды соперников, так это Женька Семичев. Но не пасом, нет, и не точностью удара по воротам. Просто Женька умел незаметно, каким-то известным только ему коварным способом подставить подножку и сбить на лед. Но Вовка не обижался — игра есть игра, только старался все же не идти на обострение.

Так они играли долго, пока их команды не растаскивали по домам родители. Вот за это Вовка больше всего не любил выходной, ибо в этот день на лучших игроков чаще всего покушались отцы. От матери еще можно улизнуть, а от отца попробуй! Ох как не уважал Вовка в этот день отцов!

Но делать было нечего — оставалось переменить игру. И для компании в два-три человека лучше всего подходила брошенная рабочими железная бочка. Ее вычистили, выскребли и по инициативе Вовки, уже имевшего в детдоме опыт изобретательства, нарекли космическим кораблем, благо в бочке имелось круглое отверстие, напоминавшее иллюминатор. Но полное сходство с кораблем придала бочке выброшенная кем-то старая раскладушка. Она отлично заменила кресло космонавта. Теперь полулежа, как в настоящей кабине, можно было ждать старта, а потом, вырвавшись за облака, лететь среди звезд и переговариваться с Землей: «Я вас слышу хорошо. Вас понял. Самочувствие хорошее, системы работают нормально...»

Все эти доклады и команды Вовка знал наизусть, потому что не пропустил по телевизору ни одного байконурского старта, и у него получалось так похоже, что

ребятам, кажется, нравилось, когда в бочку залезал именно он. Но, как истинный космонавт, Вовка старался быть скромным и спокойно дожидался своей очереди.

И в тот раз он было уже приготовился лезть в бочку, как вдруг впереди, оттерев плечом, очутился Женька Семичев. Откуда он заявился? Ведь еще утром отец увел его с хоккейной площадки.

— Отойди, моя очередь! — мягко попробовал отстранить его Вовка.

— А я без очереди! — увернулся Женька и так хитровато улыбнулся, вернее, даже прикусил улыбку, как будто хотел подставить свою коварную подножку.

— Это почему же без очереди! — возмутился Вовка.

— Потому, что у меня отец летчик,— небрежно обронил Женька, теперь даже не удостоив его взглядом, и занес над люком ногу.

Вовка оторопел.

— Ну и что же что летчик!..— чувствуя, что сдается, что уступает, пробормотал он и в следующую секунду, сам не сознавая почему, выпалил: — У тебя летчик, а у меня космонавт!

— У тебя? Космонавт? — Женька вытаращил глаза, надул щеки — и словно лопнул от смеха, даже бочка чуть-чуть покачнулась.— Свистун! — захохотал Женька и повернулся к Петьке Сатину, потом к Славке Смагину, как бы прося их в свидетели Вовкиного обмана.— Да знаешь, ты кто?..

— Кто? — холодея от предчувствия какой-то гадости, тихо спросил Вовка.

— Безотцовщина, вот кто ты! Приемыш! — торжествующе объявил Женька и, занеся другую ногу за край люка, скрылся в бочке, в которой еще слышнее забубнил его смех.

...Да и сейчас Вовка отчетливо слышал этот словно гремевший пустой консервной банкой в темени ночного двора голос. Он вздохнул, повернулся на другой бок, закрыл глаза, но память опять и опять возвращала в тот день...

Только в лифте, где его никто не мог видеть, Вовка дал волю слезам, да так и вбежал в квартиру с мокрым распухшим лицом, всполошив ничего не подозревавшую мать.

— Что случилось? Кто тебя, сынок? — кинулась она навстречу.

Почему обидно ему стало тогда не только за себя, но и за мать? Что он ей сказал? Ах да!

— Мама,— попросил он, глотая слезы,— скажи, пожалуйста, Женьке, что у меня отец космонавт.

Почему она улыбнулась той знакомой, грустной своей улыбкой?

— Космонавт? — переспросила мать.— Откуда ты взял, что он космонавт?..

Что-то переменилось в ее лице, и что-то она в себе переборола.

— Эх ты, плакса,— сказала она,— а я-то думала, ты герой. Пойдем-ка ужинать. Утро вечера мудренее...

Но не это смутило его, нет... Не это мешало спать.

Вот уже две недели Вовка думал о том, что, пожалуй, теперь и носа не покажет ни на хоккейную площадку, ни на старт космического корабля — не оберешься стыда. В самом деле, какой же его отец космонавт... Но если не космонавт, то кто?

И Вовка начал размышлять о том, каким бы мог быть у него отец.

Он мог быть таким, как у Смагина Славки. На работу и с работы Славкин отец ездил на собственных «Жигулях». Зеленая блестящая увертливая машина! И дядя Ваня обращался с ней словно с живой — не оставит ни одного пятнышка на капоте, ни соринки на лобовом стекле.

Однажды и Вовка не утерпел, подошел, приложил руку к теплому лакированному боку, но тут же словно обжегся. «Не лапай! — крикнул Славкин отец.— А ну марш от машины!» И он брезгливо, словно и в самом деле Вовка испачкал машину, начал вытирать то место, куда едва прикоснулась Вовкина ладонь. Нет, такой отец ему, пожалуй, не нужен...

Конечно, неплохой отец у Петьки Сажина — высокий, плечистый и, видать, сильный: перед кем хочешь заступится. И вообще с ним, наверное, интересно — вечно что-нибудь мастерит. Вот ветряную мельницу на балконе установили, чтобы кофе молоть. Такого бы отца иметь куда как хорошо... И Вовка опять вздохнул, поежился, вспомнив, как Петькин отец шутки ради наступил на хвост собаке, которая всегда увивалась возле мальчишек.

Вот у Женьки Семичева, у того действительно отец. Когда он проходит мимо, от него, кажется, даже пахнет небом и самолетами. Ну почему таким гадким мальчиш-

кам достаются такие замечательные отцы! Вовка не мог проникнуть, как ни морщился, в эту недоступную ему тайну, он только позволил представить себе на минуту, как навстречу этому смелому, красивому человеку в реглане и в фуражке, человеку, только что спустившемуся, можно сказать, с облаков, идет, нет, не идет, а бежит, раскрылив руки, не Женька Семичев, а он, Вовка Котов...

Уже в полусне мелькнула спасительная мысль: «А может, и вправду мой отец — космонавт? Почему бы и нет? Ведь до самого старта имена и фамилии космонавтов остаются неизвестными. Значит, мать хранит тайну? И Вовка будет ее хранить». Но, едва мелькнув, эта мысль тут же погасла вместе с звездочкой.

...Нет, теперь над ним было много-много ярких звезд, а Вовка, едва сдерживая готовое ну прямо-таки разорваться сердце, идет по бесконечному бетону Байконура к мерцающей вдали ракете. Белый дымок вьется, обвивает ее, такой же чистый, как от ледышек в ящике, полном эскимо. Еще немного, и Вовка увидит, различит лицо космонавта, который не торопится подняться в лифте к вершине ракеты, а ждет Вовку, ждет своего сына. Вот уже виден приоткрытый гермошлем, космонавт улыбается, машет рукой на прощание. В грохоте и пламени поднимается в небо ракета. Через минуту заговорят все радиостанции Советского Союза, и Вовка узнает имя отца.

А пока с неба падают звезды. Неужели это отец? Срывает их там, наверху, и бросает Вовке? Какие большие стеклянные звезды! И позванивают, будто елочные игрушки, если их на ветке нечаянно задеть плечом...

Когда Вовка проснулся, небо было уже голубым. И от погасшей звездочки, которая вчера не давала уснуть, но которая вся светилась участием и любовью, и оттого, что на улице, наверное, снова поджидал его со своими насмешками Женька Семичев, Вовке сделалось грустно.

— А ну-ка пляши, космонавт! — услышал он голос матери и тут же отвернулся в обиде: даже она не может без прозвища.

— Вставай, вставай! — весело повторила мать.— Тебе письмо...

Вовка неохотно приподнялся и достал из конверта листок.

«Владимиру Котову от Юрия Гагарина, космонавта-один...» — было написано в самом верху.

Вовка ничего не понимал. Он и читал-то еще по слогам, а тут совсем начал спотыкаться от волнения.

— Тебе, тебе, читай,— закивала мать, и в ее глазах зароились веселинки, точно такие же, как когда-то у Ксении Ивановны.

«Дорогой Вовка! — пробирались от слова к слову неверящие Вовкины глаза.— Мне рассказали, какой ты славный парень и как отважно водишь к самым звездам космические корабли. Вот еще немного подрастешь — вместе полетим к Марсу на взаправдашнем звездолете. Не возражаешь?

А Женьке Семичеву, который дразнит тебя, скажи, что я на него в страшной обиде. Если тебя еще кто будет обижать или тебе придется в жизни очень туго — напиши мне. Всегда охотно приду на помощь.

Считай меня своим верным другом, а если хочешь, то и своим отцом.

Твой *Ю. Гагарин*».

Каждой весной, в апреле, на тихой лесной поляне, которую, словно бы не решаясь перейти, как запретную черту, обступили березы, собирается у обелиска безмолвная толпа. Задумчиво и светло стоят люди на том месте, где в роковых раскатах реактивного грома навсегда взошла в небо гагаринская звезда...

Тот март почти совпадает с апрелем, потому-то так много народу собирается здесь. Приметливые местные сельчане давно обратили внимание на рослого молчаливого парня, который обычно задерживался у обелиска дольше всех. Ни имени, ни звания... Скрытный. Не космонавт ли, о котором скоро узнает страна?

Снежный свет сеют березы. Вот-вот займутся они зеленым огнем...

ЛУННАЯ СОНАТА

Уступив настояниям жены, он решил наконец купить «Жигули» и не какие-нибудь зеленые или вишневые, что чаще всего мелькали на улицах, а непременно синие, того густого, яркого и веселого, как бы настоянного на васильках цвета, от которого празднично становится на душе.

Осуществление давнишней мечты, и ее он тоже, улыбаясь при этом, называл не розовой, не голубой, а именно синей, было настолько реальным, что он мысленно уже частенько брался за холодноватый никель ручки, открывал дверцу, приглашая несколько смущенную, но не прятавшую восторженного взгляда жену, а сам, обойдя машину, садился в низкое кресло за руль и небрежным жестом вставлял в скважину ключ зажигания на замысловатом брелке-талисмане. Куда они ехали? А куда угодно — хоть к Черному, хоть к Балтийскому морю. Но на первый случай — просто к знакомым на званый воскресный обед. И он живо представлял себе, как рулит-выруливает в автомобильной тесноте улицы, выделывая такие ювелирные пируэты, от которых — он это видел, коротко взглядывая в верхнее зеркальце,— гордостью за своего лихача проникалась пугливо помалкивающая сзади жена.

Оставалось дождаться очереди и получить права. И легко, как ему казалось, преодолевая это последнее на пути к осуществлению мечты препятствие, он старательно посещал курсы шоферов-любителей, вступившие уже в стадию практического вождения.

Занятия проходили на большой, похожей на асфальтированный плац площадке, специально для этого выделенной в Лужниках. Пройдя уже первые, самые трудные азы, он испытывал радость, когда садился в машину со знакомым номером, и в последнее время даже перестал реагировать на постоянные подначки шофера-инструктора. А учитель ему попался на редкость с колючим характерцем. На вид ничего — симпатичный чернявый парень, а начинается урок — и лицо сразу меняется, как от занудливой зубной боли. Казалось, ему доставляло удовольствие подтрунивать над незадачливым своим учеником, и, не скрывая превосходства, отлично зная, что слева от него сидит слегка растерянный на поворотах кандидат наук, инструктор старался выказать всю полноту временно обретенной власти.

— Куда вы лезете не в свой ряд? — кричал он, округляя глаза, едва машину чуть больше положенного выносило при повороте на мостовую, и при этом отворачивался, так сокрушительно горько вздыхая, словно произошло нечто удручающе непоправимое. В своей педагогическо-шоферской практике он, очевидно, предпочитал пользоваться методом окрика и понукания — вдруг неожи-

даино, так, что взвизгивали шины, нажимал на тормозную педаль или, схватившись за руль, рывком поворачивал машину в противоположную сторону. Выражение сердитости не сходило с его лица, а тот, кто еще больше терялся от такого обхождения, чувствовал себя в эти минуты самым бездарным и никчемным человеком на свете.

Но надо было терпеть, и, смирив гордыню, решив про себя, что грубость в таком случае, быть может, полезнее ласковой снисходительности, послушный ученик покорно сносил и окрики, и излишнюю назидательность, благо учение не грозило слишком долго затянуться — оставалось наездить каких-то десять-двенадцать часов. К тому же при всем неудовольствии учителя успехи были ощутимы. Руки все спокойнее, увереннее держали руль, нога уже не жала на акселератор, а как бы только дотрагивалась до него, чутко ощущая ответное дрожание двигателя; получив на разгоне четвертую, в самый раз нужную ей скорость, машина затихала, обмирала, словно ей тоже передавалось блаженство шелестящего по асфальту полета, и темная, вылощенная шинами дорога невесомым рулоном наматывалась под бампером на все два, на все четыре резвых колеса. Да, ощущение было таким, что, казалось, машина зависала на месте, а дорога, завихряясь, устремлялась под нее, только ветер напористее посвистывал в приоткрытом боковом стекле.

— Куда вы гоните? — одергивал инструктор, притормаживая своей педалью-спаркой.— Вы же не успеете, если в случае чего... И потом, что вы дергаетесь, то тише, то быстрей... Нет, по нашему делу вы абсолютно бездарны...

— Я должен почувствовать машину. Ясно? — уже совсем неучтиво отвечал сидящий за рулем.— Мне надо понять отношение пространства к скорости. Сочетание этих двух параметров. И прошу, пожалуйста, мне не мешать...

— Что-что? — спрашивал ошеломленный таким ответом инструктор и умолкал, с удивлением косясь на начинавшего дерзить ученика.— Вы меня наукой не давите,— спохватывался он через несколько минут.— Я десять лет держу баранку по первому классу, и никаких там ваших этих... пространств.

— Да ладно вам...— примирительно усмехался ученик.

Не мог же он в самом деле объяснить действнтельную причнну прекрасного настроения, от которого так и хотелось жать и жать на педаль, наращнвая скорость. Вчера были наконец-то завершены испытания диковинной машины, о которой и понятня ие имел этот первоклассный шофер. Вот уж понстнне днковнннная, иного слова и не подберешь, нбо нн на что не похожа, хотя автомобнлю приходнтся, пожалуй, родственннцей. Правда, колес не четыре, а восемь. Да и двигатель другой, и привод нной конструкцни... Привод солнечной батареи. Есть там и такой. А в остальном — почти «Жигули». Чуть меньше по габарнтам, а по форме... Смешно, ио с виду машина похожа иа большую кастрюлю с откипутой крышкой. А кто-то нз воевавших в ту войну сравнил с другнм: «А ведь, честное слово, полевая кухня, так и кажется, что от нее пахнет дымком н щами!» Такое сравнение, правда, обидело конструкторов, ибо несуразная с виду машина воплощала в себе наивысшее достижение научно-технической мысли и была озарением не только настоящего, но и будущего. Машину назвали «луноходом».

Сейчас он снова переживал ощущение чего-то неземного, сверхъестественного, когда увидел на посадочной ступенн, как на постаменте, здесь, на земле, в который уже раз испытываемый аппарат. Нужна была стопроцентная уверенность, что он как по рельсам сползет по аппарелям там, на Луне. Уже был назначен экипаж лунохода и начались первые тренировки, похожие на детские забавы с игрушками, управляемыми при помощи киопок на дистанции. Но этой «игрушке» предстояло ожить на иевообразимо далеком расстоянии, и, хотя луноход был послушен, по правде говоря, не верилось, что им можно будет невидимо повелевать на Луне — о таком еще не решались сочинять даже фантасты. Расскажи он сейчас об этом своему инструктору, насупленно отвалившемуся на сиденье, вряд ли бы тот поверил. Но еще больше удивился бы этот самонадеянный первоклассный шофер тому, что в спнсках первых водителей лунохода стояла фамилия бездарного его ученика. Все остальные давно умели что-то водить, чем-то управлять. Но его, собственно, и зачислили в «лунобилисты» потому, что он ни разу в жнзни не ездил на автомобиле самостоятельно. «Это даже хорошо,— сказал председатель комиссии,— будете сразу овладевать луноходом, по свежим, зиаете ли, по первичым ощущениям...»

...Наверное, он слишком отвлекся и не сразу среагировал на красную вспышку светофора.

— Опять пространство? — ехидно покосился инструктор.— С такими зевками нас, знаете ли, быстренько в Склифосовского направят.

Но что-то уже смягчалось в нем, он уже не придирался по мелочам, а, глядя перед собой, не поворачивая головы, ворчливо-назидательно передавал водительский опыт.

— Не суетитесь, не дергайтесь. Не под бампер себе смотрите, а вперед. Держите в обзоре дорогу и знаки. И — газ, газ. Не мучайте машину. И думайте вперед, только вперед!

«Думайте вперед...» — это он сказал хорошо, точно. Эти, быть может, случайно брошенные слова припомнились и удивили своей правотой две недели спустя, в тот фантастический, не земной, а лунный день, когда все, собственно, и началось.

По-земному была полночь, а он сидел у экрана телевизора словно перед ветровым стеклом и ждал команды. Серая, как бы усыпанная искрящимся гравием дорога лежала перед ним, и невозможно было представить, осознать разумом, что между ним и этой дорогой лежало четыреста тысяч километров пустоты, ибо так измерялось расстояние от Земли до Луны, безмятежно сиявшей среди насторожённых звезд.

Нет, и в самом деле он как будто превратился в действующее лицо фантастического романа — сидя в кресле на Земле, приготовился ехать по Луне: правая рука крепко и в то же время чутко держала рукоять переключения скорости, напоминая то же ощущение, к какому он привык в автомобиле. Ему даже показалось, что справа сидел в белой сорочке не штурман, от которого он ожидал команду, а шофер-инструктор, прищуренно затаивший все ловящий профессиональный свой взгляд и уже держащий про запас ядовитую подначку. Да, все они — и это сразу было мимолетно отмечено — вдруг оказались в одинаково белых праздничных сорочках, словно, не сговариваясь, подчеркивали этим торжественность события и утверждали некую будущую униформу.

Неужели, еще не став водителем «Жигулей», он уже был водителем лунохода? Но почему водителем, а не рулевым-матросом, если в составе первого экипажа лунохода был даже свой штурман, да и передвигаться им

предстояло не по дороге и не по равнине, а по морю — по Морю Дождей. Правда, в этом море не было ни капли воды. Огромная, тысячекилометровая долина, окаймленная со всех сторон кольцом горных хребтов, простиралась перед ним. Как бы зеркально от Земли отраженные, горы эти имели земные названия: Альпы, Кавказ, Апеннины, Карпаты... На юго-востоке горное кольцо разрывалось, и Море Дождей вливалось в Океан Бурь. Моря, горы, кратеры — мрачное, застывшее творение природы. Он знал — на юге Моря Дождей за лунными Карпатами находится гигантский кратер Коперник, единственный на Луне кратер, видимый невооруженным глазом. Сколько раз вглядывался он в это светящееся пятно, тщетно пытаясь вообразить микроскопическую точку координат, коими обозначалось место приземления лунохода! Вон там, в северо-западной части горной гряды, в которую вдается Залив Радуги, прибрежный массив Юра переходит в мыс Гераклид... Да-да, где-то там ждал его команды, не хотелось сказать, его рук луноход...

— Первая, вперед...— услышал он и почти бессознательно, подчиняясь только этой команде, подал ручку управления от себя.

Он не ощутил движения и не заметил его — лишь на экране сместилась, как бы дрогнула мгновенной переменой панорама. О том, что движение началось, и началось как надо, узнали телеметристы, взглянув на бумажную ленту, испещренную цифрами.

— Есть движение! — почти одновременно вскрикнули двое из них.

— Вторая, вперед...

Он снова нажал рукоять...

В самом деле, неужели он ехал? Нет, неужели он плыл по Морю Дождей?

Рука привычно перемещала рукоятку управления — первая скорость — здесь надо осторожнее, вторая — здесь можно побыстрей... А вот теперь вправо и чуть влево... Но чего ему так не хватало, чего недоставало в этом, теперь уже не кажущемся, а ощутимом им движении? Он понял — ему не хватало пространства, того самого, которого так просили глаза. Пространства, непрерывно меняющейся дали, которые и создают ощущение скорости. И еще словно что-то мешало ему, создавало невидимые препятствия. Вот тогда-то он и вспомнил ту, быть может случайно произнесенную шофером-инструктором фразу:

«И думайте вперед, только вперед!» Как это было точно сказано! Сигнал идет до Луны около секунды, столько же обратно. Но это действительно время, а не мгновения. Да, проходит физически ощутимое время, прежде чем луноход «доложит» о выполнении твоей команды. Но ему нужны именно эти, невидимые и неощутимые с Земли мгновения, чтобы столкнуться с камнем и завалиться набок...

— Стоп! — выкрикнул телеметрист срывающимся голосом, и лицо его мгновенно стало серым, как телеметрическая лента, которую он держал перед глазами.— Камень...

— Первая, назад...— почти шепотом произнес командир.

Он не поторопился, он подал команду вовремя, ибо за те несколько мгновений неизвестности с луноходом могло произойти непоправимое.

Но что это на экране, так похожее на санный след по присыпанной растаявшим снегом дороге, раскисшей и мокрой, как у нас в начале апреля?

— Да это же колея лунохода! — обрадованно вскрикнул штурман.— Ну да, колея! А кони, кони... А сани, сани... Стоп,— сказал он уже серьезнее,— перекур.

«Стоп!» он скомандовал как бы двоим — луноходу и водителю.

Да, тогда он хотел встать с кресла и не смог — ладонь была словно припаяна к рукоятке управления луноходом.

— Вставай, вставай, мы на ровном месте,— подбадривающе улыбнулся телеметрист.

Сидевший неподалеку за столиком врач поманил пальцем.

— Нуте-с, нуте-с,— проговорил он, нажимая на резиновую грушу манометра для измерения кровяного давления. Давление было почти в норме, а вот пульс...

— Сто двадцать, братец вы мой,— нахмурившись, произнес врач и щелкнул секундомером.— Сколько проехали по Луне?

— Правда, сколько?

— Семнадцать метров,— сказал телеметрист, мельком взглянув на бумажную ленту.

— А вам, наверное, кажется, полтысячи километров — и все без остановки? — потрепал врач по плечу.— Отдыхать, братец, отдыхать...

Он набросил плащ и вышел из зала.

Южная ночь еще берегла дневное тепло вопреки осеннему календарю. Но ветерок все же был жестковатым, обдал холодком. И только сейчас почувствовал — на спине совершенно мокрая, хоть выжимай, рубашка.

Луна висела неподвижным, мерцающим изнутри плафоном. Неужели он только что побывал там, среди вон тех почти глобусных пятен — материков и океанов? Нет, он не был там, но разве не чудо, что его рука властвовала аппаратом, находящимся в такой умопомрачительной дали! Разве не волшебство, что его волю, его движения передавал невидимый, протянувшийся на сотни тысяч километров «рычажок», язык не поворачивался назвать радиоимпульс... Микроскопический лучик, устремившийся через холодную бездну от огромной, похожей на цветок мальвы чаши земной антенны к серебристой проволочке антенны лунохода.

Лунная соната, часть вторая... Но это действительно было бы чудом — где-нибудь на лесной лужайке или на шелковистой мураве озими увидеть живую, копошащуюся, непонятно кем управляемую, похожую на детскую игрушку штуковину на восьми — непонятно отчего вдруг закрутившихся — колесах, с медленно непонятно кем открываемой крышкой солнечной батареи. Увидеть и ужаснуться осмысленности движений этой штуковины, словно кто-то невидимый катал ее взад и вперед, вправо и влево, отдавая никому не слышимые приказания. Интересно, что подумали бы люди, доведись им встретиться с таким вот занебесным посланником? Но именно так и выглядел на Луне земной аппарат, предстань он хоть на минуту перед кем-нибудь там разумным...

Пора было возвращаться к очередному сеансу радиосвязи. Он опустился в кресло, поворочался, чтобы выбрать позу поудобнее, и с ожиданием уставился на экран. Странно, у него было такое ощущение, словно он ожидал увидеть нечто родное и близкое, по чему соскучился за долгие дни разлуки.

Начинался новый маршрут...

Сколько прошло дней? Лунных дней и земных ночей? Сколько рабочих смен отсидел он у пульта управления луноходом? Рука уже привычно, как когда-то в «Жигулях», подчинялась каждой команде. И он сам всем своим существом откликался на ставшие уже надоедливыми но всякий раз неожиданные фразы:

— Крен — плюс восемь, дифферент — минус пять...

— Стоп!
— Двадцать — вправо!
— Дифферент растет!
— Стоп! Первая, назад!

Куда они ехали и зачем? И что искали на раскаленных до температуры кипения просторах Моря Дождей? Путь становился все более осмысленным, и, как на настоящей навигационной морской карте, все отчетливее обозначался, проглядывал фарватер; по кратерам, на спусках и подъемах луноход выполнял все, что приказывали ему люди. Селенологи с жадностью первооткрывателей вглядывались в панораму, и казалось, что порой берут на ощупь то диковинный камень, то щепотку грунта. Конструкторам хотелось проверить ходовую часть машины при дифферентах, кренах и поворотах, при разных скоростях. Теплотехники проверяли систему терморегуляции и напоминали настороженных врачей — луноход прекрасно переносил неземную жару.

Казалось, за сотни тысяч верст ему передалось людское возбуждение, и он, точно живое существо, старался, как только мог, оправдать это живое, устремленное к нему любопытство, восхищение и... жалость.

А что? Жалость! Ибо на исходе двухнедельного лунного дня, в канун такой же долгой лунной ночи защемила тревога: как-то перенесет луноход дикий холод, который сразу же набросится на него, едва солнце скатится за край такого близкого горизонта. Для ночевки долго выбирали место — чтобы поровней, как будто это имело значение. Кто-то предложил завести луноход в кратер — там будет потише. Но тут же заботливому товарищу напомнили, что на Луне нет ветра...

И ночь подошла. И словно бы последние шаги сделал луноход. Пошевелился, замер, как бы закрываясь от холода солнечной батареей...

Две недели лунной ночи прошли в тягостном ожидании вестей от кого-то очень близкого, затерянного в неизвестности, попавшего в беду. А как обрадовался он первому отзыву машины — короткому, словно на кардиограмме, всплеску жизни! Луноход жил, снова двигался.

...Шофер-инструктор ждал на том же месте. «Вперед!»

Через минуту в черных его глазах мелькнул испуг — подававший было надежды ученик так затормозил на

повороте, что правым колесом «Жигули» заехали на тротуар. Еще бы чуть-чуть, и не миновать...

— Вы что, с Луны свалились? — закричал шофер, вцепившись левой рукой в руль и что есть силы нажав на тормозную педаль.

— Честное слово, с Луны,— ответил незадачливый его ученик, виновато прикусив губу. Здесь было совсем другое ощущение пространства. И, силясь улыбнуться, он начал рассказывать, как водил луноход.

— Ладно заливать...— уже смягченнее, тоже улыбкой ответил шофер.

По крышам московских домов, стараясь не отставать, за ними катилась Луна...

НОВЫЙ ГОД

Он подплыл к иллюминатору. В черном небе звезды горели ярко и бестрепетно, как лампочки на новогодней елке, когда в комнате погашен свет. Только здесь невозможно было представить гигантский размах невидимых разлапистых ветвей, на которых стеклянными бусами сиял, переливался Млечный Путь. Он оглянулся. Их маленькая игрушечная елочка стояла, вернее висела, примагниченная чудодейством невесомости к шкафчику, макушкой вниз, самим своим нелепым положением демонстрируя относительность на космической станции пола и потолка. И, глядя на нее, неживую, слепленную из зеленых пластмассовых веточек, Георгий вспомнил, как встречал Новый год на Земле.

Собственно, память возвратила не какой-то конкретный, скажем прошлогодний, вечер и даже не лица и голоса самых дорогих и близких людей — все предновогодние вечера были похожи один на другой,— и в душе возродилось прежде всего знакомое ощущение, ощущение ожидания. Да, ожидания, нетерпеливо устремленного к заветному, так томительно долго приближавшемуся часу, как будто вся их квартира, весь дом подвигались все ближе и ближе к предельной черте, что должна была обозначиться слиянием двух невыносимо медлительных стрелок. С чем это можно сравнить? Не с приближением ли поезда к станции, которую ни в коем случае нельзя проспать, а надо обязательно увидеть, хотя проезжаешь в полночь.

Ну, конечно же, веселая, суетливая толкотня в кори-

доре вагона, нетерпеливое выглядывание в окна, поминутная сверка расписания, как будто от того, опоздает поезд или нет, встретишь ты город бодрствуя или спящим, зависит дальнейшая твоя судьба. Минута тянется тягостнее часа, и вот, вот наконец зарево вдалеке, огни все разгораются, как жаркие угли в кострище, раздуваемом ветром, все ближе и ближе огромный город с уже различимыми фонарями, светящимися сиренево-красными, желто-зелеными вензелями реклам; железный мост мелькнет за окнами, прогрохочет под колесами; далеко внизу на темно-маслянистой воде глаз успеет поймать бордовый колпачок бакена; в вагонные окна, косо перемещаясь, ударят полосы света и замрут на дверях, на стоптанном половичке — приехали...

Всего несколько минут длится свидание с долгожданным городом, который стоит к тебе своим лицом, своим фасадом. На перроне почти безлюдье, только двое-трое вышедших из вокзала молчаливо и без любопытства, заспанно глазеют на ночной поезд. Скорее, скорее выйти, спрыгнуть с подножки, сделать хотя бы несколько шагов вдоль вагонов по умытому на ночь асфальту... Но проводница строга, как наседка, считающая цыплят; проскрежетала, захлопнулась дверь тамбура, и поплыл вправо назад миражно возникший в ночи город. И, уже лежа на поскрипывающей, качающейся из стороны в сторону полке, вдруг явственно увидишь с закрытыми глазами тех двоих-троих, стоящих под тусклым вокзальным фонарем, и с непонятно откуда взявшейся грустью подумаешь о том, что уже никогда не встретишь их, совершенно незнакомых, но почему-то очень дорогих тебе, вышедших из небытия и исчезнувших навсегда. А колеса снова будут железисто кромсать ночь...

Да, действительно есть что-то общее между встречей Нового года и железнодорожной станцией, которую проезжаешь в полночь.

Но пора было возвращаться к праздничным хлопотливым обязанностям. Он взглянул на часы и удивился, как быстро пролетело время — оставалось всего каких-то несколько минут до первого телевизионного сеанса. Их космическую елку и новогодний стол покажут землянам. Сенсация...

Журналисты уже назвали эту встречу Нового года в «Салюте» «самой необычной и поистине фантастической». Баллистики специально подсчитали — не для пишущей

ли братии,— что космонавты имеют возможность пятнадцать раз в течение суток поднять новогодние бокалы — тубы с соком. Кроме того, в течение новогодней ночи они могут четырнадцать раз вернуться из будущего года в уходящий. Таким образом, как бы реализуется идея машины времени, и живые обыкновенные люди смогут четырнадцать раз совершить путешествие из будущего в прошлое. Этой сказочной машиной стал «Салют», несущийся со скоростью двадцать восемь тысяч километров в час вокруг планеты Земля.

Да, все уже вычислено. Первый раз космонавты встретят Новый год в шестнадцать часов тринадцать минут московского времени тридцать первого декабря над Камчаткой. Четыре-пять минут они будут лететь в новорожденном году, а затем вернутся в старый. Ибо Новый год — это местная полночь, которая перемещается с востока на запад со скоростью вращения Земли. Пока она делает один неторопливый оборот, орбитальная станция успевает совершить неполных шестнадцать оборотов.

«Фантасмагория...» — подумал он и подплыл к товарищу, пора было зафиксироваться рядом — через минуту начиналось новогоднее интервью.

Он сразу узнал по голосу журналиста, который, как бы между прочим, поинтересовался праздничным меню, и ответил ему, что оно было бы, конечно, недурно поднять в бокалах нечто русское, традиционно дедовское, но из самых крепких напитков разрешен только кофе. А если честно, то самыми желанными из яств на праздничном столе были бы кусок черного хлеба и головка лука с солью.

Снизу спросили, видна ли из их станции граница между зимой и летом, и его товарищ, забыв о строгости регламента, начал рассказывать, что в горах Африки и Южной Америки уже растаяли снега, на равнинах пересыхают реки. А над Австралией наблюдалась пыльная буря. Что же до самого верха планеты — северного полушария,— то он весь в снегу, белый, как положено быть зимой.

Земля растроганно помолчала и спросила напоследок, что бы они послали своим близким, если бы с орбиты можно было направить Деда Мороза.

— Я бы послал сыну,— сказал товарищ,— нашу бортовую звездную карту с трассой «Салюта». И еще — рос-

сыпи звезд и огни городов, которые мы наблюдаем в полете... И необыкновенные краски Земли...

И он послал бы то же самое, и еще больше, если бы мог. А когда, извещая о конце сеанса связи, погас глазок телекамеры, он подумал о том, что наивысшим желанием было бы сейчас одно — хоть на минутку очутиться за новогодним столом в кругу самых родных на свете людей. К тем пустячным разговорам и шуткам, когда — о чем бы ни говорить, что бы ни делать — лишь бы скорее приблизить заветный час. К поминутным взглядываниям на часы и в окно — как будто весь дом и впрямь куда-то к какой-то станции ехал. К ощущению чего-то повторяемого — и буйных, никому не мешающих плясок на экране телевизора, и шуткам, и песням, и к грусти, когда вдруг при взгляде на мать и отца, постаревших, но еще бодрящихся, кольнет мысль о том, что все ближе и ближе они к невеселым своим станциям... Но блестит, серебрится на столе, играя разноцветными искрами, непочатая бутылка шампанского. И приближается в наступившей, ожидающей чего-то необыкновенного тишине то самое... И знакомый голос диктора заставляет подняться и замереть:

— Дорогие товарищи, друзья! Через несколько минут вступит в свои права Новый год...

— Слышишь,— поправляет товарищ наушники,— Новый год пришагал и в Москву...

Как тут не слышать...

Он взглянул на пластмассовую елочку, торчащую макушкой вниз, и подплыл к иллюминатору. Чернота висела над ними, только горизонт планеты с ясно различимой кривизной словно высвечивал, оживлял это пустое пространство. И, глядя как бы на кажущееся медленное могучее вращение Земли, он впервые подумал о том, что Новый год — это совсем не местная полночь. Нет, это нечто другое. Это корабль по имени Земля подплывал опять к тем же звездным берегам, от которых отчалил год назад. И опять — ни минуты остановки, опять мимо, мимо — в дальний путь, в бесконечную кругосветку. Бури и ненастья ждут человека на этом пути. Через год, когда корабль «Земля» снова пройдет под солнечным парусом мимо этих берегов, быть может, многих уже не досчитаемся. Но новые, вихрастые, отчаянные юнги отважно взбираются по вантам звездам навстречу...

Так что же такое Время? Круги? Да, оно в нас самих,

в том, из чего состоит жизнь на Земле. Так прощай, старый год, здравствуй — новый! И поворачиваются, и уходят созвездия, как огни бесконечно большого города за вагонным окном...

«Интересно,— размышлял он, все ближе приникая к иллюминатору.— Там, внизу, я никогда не задумывался, что средняя скорость движения Земли по орбите почти тридцать километров в секунду. И что относительно ближайших звезд Солнце вместе с Землей несется со скоростью девятнадцать с половиной километров в секунду в направлении созвездия Геркулеса...»

Солнечный ветер свистит в парусах...

БОГАТЫРСКИЕ ДОСПЕХИ

В келейно прохладной, пахнущей нафталином боярских кафтанов Оружейной палате молоденькая экскурсоводша в синем брючном костюме, матово-продолговатым лицом и тонко подведенными бровями походившая на царевну, безрадостно глядящую на нас с потускневшего портрета, бесцветным, не обещающим интересности голосом рассказывала о защитном снаряжении XIII—XVII веков.

Тонкая в запястье ее рука, похожая на лебединую шею, грациозно плавала над щитами и кольчугами, шлемами и кирасами, вызывающими трепетное почтение у мягкотелых, в полном смысле этого слова далеких потомков.

— Обратите внимание на кунячью шапку,— говорит девушка,— видите, высокий колпак с двумя наушами, небольшими заушами и затылком. Сшита из зеленой бархатной ткани, стеганной на вате «городами», внутри подбита хлопчатобумажной материей. Подкладка из полосатой китайки. Между двумя простеганными слоями ваты вложены железные пластины, прочно укрепленные нитками. К налобной части шапки приклепан железный наносник, концы распилены и окованы в виде сердечника.

«Железо железом,— думаю я,— но что-то впитало оно в себя живое — чьи-то кудри русые были примяты тяжелой этой шапкой». А девушка, изогнув свою белую руку, уже подводит нас к самому «раннему» металлическому шлему Ярослава Всеволодовича, изготовленному в начале XIII века. Шлем найден в 1808 году крестьянами близ города Юрьева-Польского в лесу, под пнем. Здесь в

1216 году произошла небезызвестная Липецкая битва за владимирский великокняжеский престол между сыновьями Всеволода Большое Гнездо Константином и Георгием. Союзником Константина был Мстислав Удалой, а Георгия — Ярослав Всеволодович. Константин и Мстислав одержали победу, а Георгий и Ярослав убежали с поля битвы, побросав оружие. Стало быть, шестьсот лет пролежал бесславный шлем. А и при чем тут он сам, коли хозяин трусом оказался. И талисман не помог. По краю пластины, что огибает налобную часть шлема, выгравирована черновая надпись: «Архистратите Михаила помози рабу своему Федору». Федору, быть может, и подсобил архангел, а вот Ярославу... Как говорится, бог-то бог, да будь сам неплох.

А это чья кольчуга — из тысячи колец вязанное кружево? Оказывается, принадлежало сие боевое платье боярину и воеводе князю Петру Ивановичу Шуйскому. Кольца большие, круглые, скреплены одной заклепкой — гвоздем. На правой стороне груди небольшая свинцовая мишень с клеймом большой казны, на левой стороне — круглая медная мишень с надписью: «Кнзя Петровъ Ивановпча Шускова». Эту кольчугу хозяин не посрамил — убит в 1564 году близ Орши на реке Уля. А кольчуга, сказывают, была подарена Иваном Грозным Ермаку Тимофеевичу, потом попала в Сибирь, а в 1646 году нашли ее случайно у кочевников-нанайцев.

Мы с уважением смотрим на панцирь, сплетенный из более мелких колец, на байдану — из совсем другого, плоского железного кружева, на наручи и поножи, на кольчужную рукавицу для правой руки — левая была прикрыта щитом. А эта, в которой меч, сшита из шелкового красного атласа, стегана и обложена парчой, а внутри — кольчужная ткань. Тяжела и страшна ты, железная рукавица.

Шлем, панцирь, бахтырец, юшман, зерцала — все плотней закутывался в железо человек, и вот уже стоит в стеклянном шкафу кираса — пластины, выгнутые по форме спины и груди и соединенные пряжками на плечах и боках.

— Древние кирасы,— со знанием дела поясняет нам девушка, едва достающая до стальной груди великана,— изготавливались из плотного войлока, покрытого медным листом. В XIII веке появились железные кирасы В России существовали с 1731 года, затем...— она кокет-

ливо улыбается, наверное, подготавливая нам какую-нибудь шутку,— затем, в наше время, были, разумеется, упразднены.

— Вышли из моды,— понятливо добавляет кто-то из экскурсантов.

— Можете осмотреть экспонаты самостоятельно,— доверительно разрешает девушка.

Я останавливаюсь у последнего, самого «позднего» вида кирасы и вдруг начинаю чувствовать, что в этом хронологически точно выставленном ряду защитного вооружения, безмолвных стальных манекенов чего-то недостает, нет завершенности.

Понял, понял, какого дополнительного звена здесь не хватает! Не звена, а скорее — ощущения, какое я недавно испытал и которое смутно преследовало меня здесь все время, пока мы переходили от одного стеклянного шкафа к другому.

Этим экспонатам больше чем полтысячи лет, а тем нет и двадцати. На них лежит отсвет ракеты и того, как глобус, шара, вместившего в себя первого космонавта. Сквозь приспущенные шторы как сквозь туман проглядывает солнце, и звездным блеском ему отзываются стекла скафандров, стоящих вдоль стен. Странно и непривычно видеть эти доспехи, натянутые на неживые плечи манекенов. Серый, похожий на комбинезон теплозащитный костюм Юрия Гагарина, тяжелые ботинки с высокой шнуровкой. Поверх надевался яркий оранжевый скафандр. Точно такой светится чуть поодаль — «личная вещь» Германа Титова. Впрочем, скафандры одного размера, и одежда, предназначенная для Юрия, годилась бы каждому, зачисленному в первый отряд космонавтов — молодые летчики были одинакового роста. А рядом — такой же и уже не такой скафандр, оранжевое одеяние Валентины Терешковой. Ботинки почему-то уже не черные, как у Юрия и Германа, а понежнее — серые и, что сразу бросается в глаза, заметно уменьшенного размера. Ничего не скажешь — женская ножка, и только перчатки все так же грубовато просторны, совсем не по тонкой руке. Ни дать ни взять кольчужные рукавицы... Чуть подальше — другая эпоха, другие доспехи — белый скафандр Алексея Леонова, скорченный в кресле «Восхода». Удивляются экскурсанты: как было можно в таком костюме столько сидеть? Не сидеть, говорят им, не

только сидеть, а остаться вот в этом костюме один на один с губительной, смертоносной бездной.

Да, да, тогда из Звездного городка я как бы перенесся в Оружейную палату, я смотрел на гермошлем с тускло поблескивающим, похожим на забрало защитным стеклом, на перчатки, которые словно облегали рукоять тяжелого меча, и песнь далеких веков врывалась в тихие залы.

«Кони ржут за Сулой — звенит слава в Киеве. Трубы трубят в Новгороде, стоят стяги в Путивле». Игорь ждет милого брата Всеволода. И сказал ему Буй Тур Всеволод: «Один брат, один свет светлый — ты, Игорь! Оба мы Святославичи! Седлай же, брат, своих борзых коней, а мои готовы уже, оседланы у Курска. А мои куряне опытные воины: под трубами повиты, под шлемами взлелеяны, с конца копья вскормлены, пути им ведомы, яруги известны, луки у них натянуты, колчаны отворены, сабли навострены, сами скачут, как серые волки в поле, ища себе чести, а князю — славы... Быть грому великому, идти дождю стрелами с Дону Великого! Тут копьям преломиться, тут саблям побиться о шеломы половецкие, на реке на Каяле, у Дона Великого. О Русская земля! Уже ты за холмом!»

О планета Земля, уже ты за иллюминатором... Но почему перед немыслимой бесконечностью пространства и времени, за один миг преодолев шесть веков, проступало в тумане сентябрьского утра легендарное Куликовское поле? Солнце блестело на шлемах, опереных красными, шафранными, розовыми перьями, словно зарево занималось над готовыми к битве полками, а дальше заря, заря — над лесами, над долами, и кажется, не было конца и краю богатырской рати, перед которой в алой мантии, прикрывающей золоченую кольчугу, стоит Дмитрий, еще не Донской.

Утренние воды Непрядвы зеркально чисты. На них тот же розовый отблеск, но нет-нет дрогнет, разойдется кругами гладь — это еще не стряхнувшие дремь караси словно хотят проклюнуть зарю. Хороша была бы рыбалка! И может быть, о ней думает совсем еще безусый голубоглазый парнишка, что косится на воду из шеренги, занявшей позицию у самого обрыва. Остроконечный шлем великоват, налезает на брови, да и кольчуга тоже, видать, с отцовского, а то и дедовского плеча. Обвисают рукава железной его тениски. Хороша бы была рыбал-

ка! А в левой руке щит, а в правой — копье. И тучами клубится, спускается с холмов несметная рать Мамая.

Никто никогда не узнает, как звать того паренька в богатырском шлеме. Через минуту взревет под великокняжеским знаменем труба. Ударятся щиты о щиты, копья о копья, и в грозном коловращенье битвы, как за стальными волнами шторма, мелькнет и потеряется знакомый остроконечный шлем. Сколько ударов кривой ясской саблей выдержит голубоглазый, надолго ли останется защищенным трепещущее вокольчуженной груди сердце? Там, где живые будут стоять на телах раненых и убитых, а обезглавленные в одной тесноте с бьющимися, брат не узнает брата, отец сына, а сын отца. Яссы, буртасы, турки и косоги, фряги и тоурмены — все ввалится в Непрядву и захлебнется в ней. Не от зари, а от крови будет багряной река.

Быть может, только к вечеру кто-то заметит живое шевеленье железа среди ковыля, и чьи-то руки поднимут и вынесут еще теплое, по-мальчишески гибкое тело к костру. Кто-то снимет кольчугу, чтобы положить на раны целебные травы. Кто-то освободит голову от шлема, чтобы лоб остудили ветры вечерней зари. Останется ли жить тот богатырь с мальчишескими плечами? Но шесть веков спустя, разглядывая его кольчугу, найденную на Куликовском поле, я буду думать о том, что ее владелец был действительно богатырем. Время сохранит шрам на завершье шлема — не от той ли кривой ясской сабли? Но именно этот шрам, теперь уже еле заметная, изъеденная ржавчиной царапина, будет самым что ни на есть живым, вернее, оживляющим наброшенные на ровные мертвые плечи манекена доспехи...

И память тут же, рядом с этой кольчугой, сплетенной из тысяч колец, рядом с другими свидетельствами прошлого времени — панцирем, байданой, бахтырцом, кольчужной рукавицей,— рядом со всем этим ставит, пренебрегая веками, скафандр космонавта, поблескивающий стеклом гермошлема. А вот и совсем последний — скажем так, на сегодня — экспонат: скафандр полужесткого типа.

«Обратите внимание,— хочется сказать юной, так подробно изучившей древности экскурсоводше.— Видите: туловище и шлем скафандра сделаны в виде металлической кирасы, как у рыцарей прошлого, а рукава и штанины мягкие. Кирасу не надевали, в нее входили — одно

движение, и вы надежно захлопнуты, загерметизированы... Первыми в открытый космос в этих скафандрах выступили (да, именно выступили — как в поход!) Юрий Романенко и Георгий Гречко в декабре 1977 года... Затем — в июле 1978 года — Владимир Коваленок и Александр Иванченков... Последний, облаченный в кирасу, пребывал в открытом космосе два часа пять минут».

Странное ощущение: я мысленно говорю об этом девушке, а мне кажется, будто сам веду экскурсию в 2500-м году... Почему такое ощущение, словно космическим скафандрам, по крайней мере, по полтысячи лет?..

О Русская земля! Уже ты за иллюминатором! Но вот в скафандре, как в кольчуге, слегка оттолкнувшись от люка, выбирается, выплывает в бескрайнее черное поле богатырь. Мир мрака и холода немигающими звездами смотрит ему в глаза. Ой ты гой еси, добрый молодец! И наливается силой рука не в кольчужной, а в космической рукавице...

НА ВОКЗАЛЕ

И все разом уснули, как будто оказались во власти волшебных чар, а просторное, уставленное рядами деревянных кресел помещение, продуваемое сквознячком, стало похоже на зал ожидания ночного вокзала. Люди притулились кто где и кого как застал сон. В демисезонных пальто, в ватниках и легких плащах, в шляпах, кепках, беретах, а кое-кто уже и в зимних шапках, они и впрямь напоминали пассажиров, которых под одной крышей свела уже поздняя ночь, и невозможно было представить, что еще каких-то час-полтора назад они толпились здесь, настороженно возбужденные, обратившие обостренный слух к репродуктору, словно готовились по первому зову хлынуть в узкую дверь к поданному наконец-то поезду. И поезд был подан, но не для них. И стоял он тогда под всеми парами в километре отсюда в виде стройной, искрящейся в лучах прожектора ракеты, готовой к старту и отзывавшейся спокойными голосами двух своих пассажиров, а точнее, по аналогии — машинистов. Для тех же, кто напряженно ловил из репродуктора нарочито монотонные, буднично-деловые фразы, наступали минуты не менее ответственные, минуты, чаще всего оставляющие по себе память рановато заблестевшей на висках сединой.

Это теперь от тех, кто оставался как бы на вокзале,

зависело, как поведет себя на старте ракета, как сработают сотни, тысячи зацепленных одна за другую, будто в самых мудрейших часах, деталей... Впрочем, в тот момент, когда в дюзах предгрозовой зарницей полыхнул огонь, от них уже ничего не зависело, и, теперь лишь воображая, осязая на расстоянии всю немыслимую последовательность срабатываемости механизмов, они могли ожидать только результатов бессонных ночей, бесчисленных проверок и испытаний. Там в каждом винтике, в каждом проводке, в каждой заклепке как бы поселилась частица человеческой души. Не их ли дыханием дышала ракета, овевая заиндевевший металл клубистым живым парком?

Когда раздались громовые раскаты старта, люди эти, обнажив под репродуктором головы, словно творя заклинание, уже не видя ракеты, подались друг к другу, и внутреннее волнение проступило на их лицах, в глазах. Теперь минуты, даже секунды решали все...

Что видел каждый из них сквозь оклеенную свежими обоями стену? Десятки немигающих глаз уставились, уперлись в нее, словно заинтересовались простеньким, почти детским рисунком обоев: домик и две елочки по бокам. Старт, кажется, начинался нормально, ракета набирала высоту, повторяя округленность планеты. Домик и две елочки по бокам... Сорок секунд — полет нормальный... Еще немного этой занебесной крутизны... Домик и две елочки по бокам... Сброс головного обтекателя... Корабль на орбите...

Да, корабль уже плыл в невесомости звездного океана. И словно бы обмякла, единым вздохом выдохнула стоявшая под репродуктором толпа. Поезд ушел, и вот теперь они спали...

Но уснули не все. Прикорнувший в кресле напротив меня мужчина в потертом ватнике и резиновых сапогах — все равно что грибник в поздней подмосковной электричке — совершенно бодрым движением сдвинул со лба на затылок кепку и, выявив обветренное, не обвявшее в духоте лицо, уставился на меня не замутненными дремотой, ясными глазами. Нет, смотрел он все же не на меня, он весь еще был, наверное, там, на старте, ибо, повернувшись к своему соседу, совсем утонувшему в кресле щуплому пареньку, с подбородком спрятавшемуся в густом красном свитере, проговорил, как будто только что прервал беседу:

— А клапан заменнли правильно... Еще до вывоза...

— Ничего бы не случилось, еслн бы и не заменили,— вяло возразнл паренек, не открывая глаз, еще ниже погружаясь подбородком в свитер н вытягивая ноги в тяжелых альпиннстских ботинках.

— Это как сказать...— проворчал пожилой и повел плечами не то от холода, не то от забот, мешающих задремать.

Нет, никак не давал ему покоя какой-то там замененный в ракете перед самым вывозом ее на старт клапан.

Пожнлой плотнее запахнул ватннк, утомленно прнкрыл глаза. Странное, какое-то двойственное выраженне приняло его лицо, попавшее в блик света, как только он непронзвольно подвннулся, прислонясь плечом к своему напарнику. Тяжеловатый небритый подбородок, плотно сжатые губы выказывали характер стойкий, упрямый, но этому первому впечатлению перечнлн бровн, по-женски тонкие, округленные, придающие его лицу выражение беспокойства, тревогн. Мне показалось, что где-то я уже видел этого человека, но где — припомнить не мог.

— Как сказать,— повторнл он уже совершенно отчетлнво н выпрямился, отстраняясь от молодого своего напарннка, как бы выказывая этим свое отношение к услышанному.— Ты знаешь, как эСПэ поступал в таких случаях?

— Знаю, знаю,— отозвался молодой, не скрыв в голосе снисходительной усмешки.— Сейчас ты скажешь, что эСПэ был в таких случаях неумолим. Так?

— Не то слово...

Наверное, пожилой нскал это нужное слово, которое должно было внушнть молодому нечто важное, еще нм не осознанное. Прервав довольно-такн долгое молчание, наконец поясннл:

— Датчнкн должны быть у тебя, на теле на твоем, на душе, чтобы все время, пока эта штука летает, чувствовал каждый свой вннтнк, каждый контактик...

Молодой не то задремал окончательно, не то молчал нз учтнвости.

Видно окончательно раздосадованный, пожилой продолжал, уже не обращая вннмания, слушают его илн нет:

— Вот я н говорю, этн самые контакты... Я ведь с Ивановым начннал... Да... В твон годы. И тоже, как ты, рассуждал, пока... Юру тогда провожали. Иванов и люк завннчнвал. Завернули — все порядком, запаковали, зна-

чит, парня в снаряде. До старта счет уже на минуты. И вдруг не проходит сигнал в одной системе. Что-то случилось с люком номер один. Что такое? Иванов с товарищами мигом наверх. Открыли люк. И что же — оказалось, контакты по пазам отошли. Их и нужно-то было только подвинуть. А где взять время? Срывается старт, и тут уж налицо — прокол мирового масштаба. Ну кинулись ребята наверх, ни рук, ни ног не чуют. Открутили винты, сдвинули кронштейн — секундное дело. Закрыли крышку, спрашивают: «Работает?» — «Работает». Поставили присоску на люк, выдержали пять минут — все герметично. Иванов отверткой Юрию Алексеевичу постучал: порядок, мол. Тот открыл шторку и навел зеркальце, слышу, мол, все нормально. И рукой помахал — слезайте вниз. Секундное дело делали... Да... А один из тех, кто заминку устранял, когда шапку внизу снял,— смотрю, у него полголовы как будто выморозило. Вот такие, брат, контакты...

Молодой пошевелился. То ли устраивался поудобнее, то ли все же задела его назойливая проповедь старшего товарища. А тот распалял себя уже другим воспоминанием:

— Неумолим не то слово, не то... Смотря как понимать эту строгость. А я одно его слово, как орден, до сих пор ношу... Хотя, как подумаю, что могло быть, кровь стынет в жилах... Да... Готовили мы такую же очередную штуковину. Ночами не отходили. Известное дело, все до миллиметра, до микрона проверено, прощупано. И тут надо же такому — вырвалась у меня гайка — ключом тронул, а подхватить не успел. А она, как живая, проклятая, и глазом не моргнул — черт-те знает куда закатилась. Я и так и сяк, и рукой, и ключом, и отверткой, и проволокой — никак не могу ее нащупать. Но точно знаю, что в агрегате. Застряла где-то и как сгинула. И в самом ответственном месте. Ну ты знаешь, у нас нет неответственных. А операции уже все на завершении. Время вперед пошло работать... Да... Я гайку другую достал, закрутил, спустился вниз, доложил, что все в порядке. А у самого земля под ногами качается и на ракету оглянуться не могу. Тупик — понимаешь? Сказать про эту гайку — запуск отложат, и тогда не жди пощады, снимут с работы. А и молчать сил нет. Оно, конечно, я на гайку надеюсь, закрутил ее как следует, и ничего такого случиться не должно. Уверен, понимаешь, уверен, что все будет в

порядке. А уж и случится — ну, скажи, кто узнает, отчего и почему? Попробуй тогда установи причину аварии. А уж найти виновника... Просто невозможно.

Целый час пребывал я в убийственном состоянии. И двое беспощадно боролись во мне — понимаешь, куда ни кинь — все клин.

Да... А что бы ты сделал? Ну, что?

Пожилой замолчал, а его молодой напарник, словно из глубины, вынырнул из своего красного свитера, вытянул худую петушиную шею и, открыв глаза, немигающе уставился перед собой — ждал ли он ответа на заданный ему же вопрос, или сам искал выхода из труднейшей ситуации... А может быть, ему передалось то душевное состояние, в котором когда-то пребывал ворчливый его наставник, неизвестно для чего разбередивший сейчас старую рану.

Вероятнее всего, конечно, ничего бы не случилось... А если бы все же... И эти доверительные взгляды космонавтов, простецких, сердечных ребят, которые на прощанье пожали тебе руки. Эта их доверчивость, вера в доброе и прочное дело десятков, сотен людей, в дело, где не может быть пустячка. Как бы это сказать... Ну все равно, как если бы на какое-то время взять и вручить совершенно незнакомому человеку собственную единственную жизнь. Вот они поднимаются в лифте, вот располагаются в корабле, вот задраивается за ними люк... Теперь они верят тебе, не зная, что где-то уже тлеет бикфордов шнур ..

— Ну... и... — нетерпеливо повернулся младший.

— Ну, что? Сам себя повел на эшафот. Прихожу к эСПэ, так и так, говорю, уронил гайку, а достать не мог. А то, что доложил о готовности агрегата, так это обманул, струсил, значит. Сергей Павлович сначала рванул телефон, дал команду отложить запуск, а потом подходит ко мне — я не вижу его, а чувствую, что подходит и берет мою руку, пожимает, спасибо говорит...

Голос пожилого дрогнул, как бы на обрыве фразы, а молодой его напарник как-то еще больше выпрямился и стал вроде бы выше, солидней.

— Ну, ты знаешь,— уже смягченно проговорил пожилой,— тебе известно, что значит отложить запуск ракеты. Разборка агрегата, опять повторные наземные испытания, проверки. Задержка есть задержка. Тот запуск для моей жизни, я думаю, день за год обошелся. Потерял

я сон, понимаешь? А «спасибо» эСПэ до сих пор ношу, как орден. Так оно было сказано... Сердцем произнесено... А уж когда ребята на орбиту вышли, а потом и сели мягко, целый месяц ходил как именинник, шальной от радости...

Пожилой замолчал, а молодой вздохнул и пошевелил своими альпинистскими ботинками, разминая уже, наверное, затекшие ноги. Какую думу думал он сейчас и в каком агрегате корабля, плывущего по орбите, жила частица его самого?

«Нет, их поезд не ушел,— подумал я, оглядывая дремотное общежитие по-вокзальному настороженных людей.— Они тоже сейчас в полете. Разница только в том, что те на высокой орбите, их имена и биографии, как стихи, будет повторять завтра вся страна, а этих никто не узнает, никто...»

Не без сожаления и не без обиды за незаслуженную безызвестность я вспомнил их в стерильном блеске монтажно-испытательного корпуса, где они прослушивали, прощупывали уже начинавшее жить звездным полетом тело ракеты; на пронизываемых ледяным ветром фермах обслуживания, где они обжигали руки морозом,— и все ради того, чтобы двое в сверкающих фантастических доспехах могли писать набело, начинать сызнова ослепительную строчку подвига этих десятков, сотен и тысяч людей. И еще я подумал, что те двое, парящие в звездном океане, и знать не знают ни вот этого, пожилого в телогрейке и резиновых сапогах, ни прикорнувшего рядом удивительно похожего на петушка его напарника, выглядывавшего худенькой шеей из пышного ворота красного свитера. Скоро подойдет автобус и они разъедутся по домам, к своим очагам, к женам и ребятишкам, жадно ловящим за дверью отцовские шаги. Иные вернутся в гостиницу, в холостяцкие номера, едко пахнущие паркетной мастикой. А завтра новый день и новые заботы, тревоги, тихо и торжественно въезжающие в жизнь вместе с очередной ракетой... И новые, вернее, старые марши после сообщения ТАСС об очередном запуске в космос...

И пожилой и молодой, кажется, все же задремали. Глядя на них, застигнутых сном в неудобных позах, я подумал о несправедливости судьбы: эти двое тоже составляли как бы экипаж, но экипаж земной, выглядевший куда более скромно, чем тот, что глянет завтра с газетных

фотографий. Вот бы с теми, улыбчивыми, поместить рядом и этих, канувших в сон...

Полгода спустя по пригласительному билету, расписанному торжественными вензелями, очутился я в ослепительном зале с высокими, сияющими мрамором колоннами — столица приветствовала знаменитых космонавтов. Банкетный стол был таким длинным, что дирижер торжества, одетый в черный фрак, взял микрофон, чтобы тост могли услышать все. Космонавты явились невесомо и неслышно, они как бы вплыли, вскользнули по паркету, и, когда официального ранга тамада, подняв бокал, начал торжественную речь, я вспомнил помещение, похожее на ночной вокзал, и тех двоих, устало подремывающих в деревянных креслах. Грустными огнями заиграли хрустальные сосульки люстр. Где, интересно, были в эти минуты те двое?

Застучали по фарфору вилки, зазвенели бокалы...

— Ваше здоровье,— протянул ко мне свой бокал незнакомый сосед с двумя золотыми звездочками на пиджаке. Мне показалось, что где-то я его видел. Ну да, конечно, видел это крупное, с крутым подбородком лицо и... эти тонкие, нежные брови... Только вот того петушистого рядом не было видно. Но не он ли стоял по другую сторону стола с новенькой, беззастенчиво поблескивающей на лацкане медалью?

Отдающий древностью бой курантов сливался со звоном бокалов. Героев-космонавтов было двое, всего только двое. Но сколько золотых звезд сияло на пиджаках людей, как по команде повернувшихся в приветствии к этим двоим!

— Это все байконурцы,— тихо сказал мне знакомый генерал. И, наклонившись ближе, добавил: — Они приходят в звездах только сюда, а работают, сам понимаешь, без звезд.

Сквознячком ночного вокзала повеяло понизу, по красной ковровой дорожке...

ЖЕЛЕЗНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Среди американских астронавтов Армстронг считался самым смелым и хладнокровным. Армстронг... Астронавт... Астрономия... Изобретательные репортеры, складывая и сравнивая созвучные, таящие поистине звездное родство слова, искали истоки мужества первого земля-

нина, шагнувшего по Луне. Может быть, им стоило обернуться в тот день, когда, вместо того чтобы идти в церковь, отец прокатил шестилетнего сынишку на прогулочном самолете, который за плату возил желающих, или когда шестнадцатилетний Нил, еще не умевший водить машину, получил летные права? Мужество пришло к этому человеку намного раньше, чем он стал мужчиной, а мечте о небе дал крылья характер стремительный и неукротимый, как ракетоплан «Х-15», на котором несколько лет спустя летчик-испытатель Нил Армстронг семь раз долетал до кромки космоса, достигая скорости почти шесть с половиной тысяч километров и высоты более шестидесяти километров. На пределе человеческих возможностей, когда глаза уже не успевали охватить расстояние, а скорость самолета как бы опережала саму мысль, Армстронг не ошибался, приводя в восторг и недоумение руководителей полетов.

— Послушай, Нил,— спрашивали его,— у тебя предки случайно не из компьютеров?

— Вполне возможно,— отвечал не лазивший в карман за словом Армстронг,— но это не исключает, что задающие подобные вопросы произошли от шимпанзе.

И уходил, легко скользнув между кресел, коренастый, ладный, как будто и впрямь самой природой приспособленный к пилотской кабине. Он не любил пинг-понг остросдовов.

«Сосредоточен, целеустремлен, с большим присутствием духа» — в бумажной эстафете характеристик, перелетающих от одного высокого начальственного стола к другому, эти фразы повторялись чаще других. Не они ли сломили упорство отборочной комиссии и открыли Армстронгу двери в космос? Во всяком случае, в первом же полете на «Джемини-8», которым его назначили командовать, Армстронг доказал, что летные его характеристики не были формальными.

Догнав через семь часов после запуска ракету «Аджена», Армстронг и второй пилот Дэвид Скотт произвели с ней стыковку.

— У меня не было особых эмоций,— сказал потом Армстронг.— Мы просто доказали, что человек способен выполнить программу «Аполлон», монтировать космические станции и вообще делать в космосе все, что ему захочется.

Это он сказал уже на Земле. А там, в кромешной

глубине, на орбите, как бы в опровержение радостной, устремившейся к землянам телеграммы о благополучной стыковке космос, решил проверить выдержку своих гостей.

Дрогнули, тревожно замигали и как будто качнулись из стороны в сторону лампочки на приборной панели. Как бочонок, подталкиваемый невидимыми руками, корабль начал вращаться вокруг своей оси, кувыркаться и перестал поддаваться контролю. Армстронг почувствовал, что от быстрого вращения теряет остроту зрения и способность ориентироваться, управлять приборами. На мгновение сковала страшная мысль: «В этом коловороте, отделившись от ракеты, корабль столкнется с ней как с цистерной, наполненной горючим. А это взрыв...»

Напрасно было бы звать на помощь Землю — наземная станция слежения не могла выйти на связь,— и в уже остававшиеся до катастрофы считанные секунды Армстронг пошел на риск, дающий хоть какой-то шанс на спасение. Чтобы остановить бешеную карусель, он решил израсходовать часть драгоценного, предназначенного для торможения при сходе с орбиты топлива. Короткий энергичный импульс, горячая реактивная струя из сопла вспомогательного двигателя — и, словно рукой зацепившись за пустоту, он остановил корабль, подчинил его своей воле и осторожно отошел от «Аджены».

Однако радоваться было рано. Мимолетное чувство облегчения сменилось новой, еще более удручающей тревогой. Чтобы стабилизировать корабль, они израсходовали часть резервного топлива и лишились тех дополнительных сил, которые могли бы понадобиться при возвращении. Войди они в атмосферу не под нужным углом — и корабль сгорит дотла...

Не доверяя компьютеру, Армстронг взялся за ручку управления. Они нырнули в атмосферу и полетели к Земле спиной, приставив к иллюминаторам зеркала,— так легче было следить за приближающейся поверхностью планеты. Больше всего на свете они жаждали увидеть на зеркалах голубое, ибо расчеты показали приводнение в океане. Но роковые то бурые, то желтые, то зеленые цвета суши предсмертным холодком отражались в зеркалах, туманили вид. Неужели Армстронг ошибся?

Последний рывок означал что угодно, и они были готовы ко всему. Но корабль, как тяжелый поплавок, за-

качался на спасительных волнах, а через несколько минут в иллюминатор с любопытством глянуло приветливое лицо аквалангиста. Оказалось, что они находятся в пяти километрах от точки, которую рассчитал для посадки Армстронг.

— А у него и правда предки компьютеры,— теперь уже не шутя говорили астронавты.

Шути не шути, а специалисты назвали потом это приводнение лучшей посадкой во всей американской программе освоения космоса. Армстронг был удостоен редкой и почетной медали НАСА «За находчивость в полете», но, прежде чем он занял командирское кресло корабля, стартовавшего к Луне, космос предложил ему еще одно испытание. Летом 1968 года Армстронг едва не погиб во время катастрофы с тренажером лунного отсека корабля «Аполлон». Ему удалось выброситься с парашютом за несколько секунд до того, как тренажер разбился. Но, собственно, именно этот случай, наверное, и определил право выбора. Командиром «Аполлона-11», нацеленного на Луну, назначили Нила Армстронга. Да, там, на безжизненной, усеянной кратерами, как будто над ней пролетели, сбросив бомбы, тысячи невидимых эскадрилий, поверхности Луны, каждая миля приближения к которой при малейшей неточности приборов, неверности глазомера или движения рук грозила немедленной гибелью или, что было еще страшнее, медленным умиранием при потере возможности возвращения,— там нужен был человек железного склада. Короче говоря, человек с реакцией и бесстрашностью компьютера.

Они не знали, как поведет себя лунная почва, которая могла оказаться трясиной, слегка присыпанной серой, как пепел, пылью. Отразившись от лунной поверхности, струя газов, разбросившая камни, могла перевернуть спускаемую кабину — отрепетировать этот маневр на Земле было нельзя.

Там, в зловещем молчании космоса, все было против, за оставались только мужество и хладнокровие. И, как бы зная это, Луна не принимала землян. Намеченное еще до полета место посадки словно подменили. В катастрофической близости от лунной поверхности, когда оставалось только двадцать секунд для спасительного возвращения к оставшемуся на орбите основному блоку, если бы они вдруг раздумали прилуняться, Армстронг и пилот «модуля» Олдрин увидели, что несутся на ска-

лы и валуны. В эти калейдоскопические мгновения Армстронг взял управление в свои руки, с усилием переправил «модуль» через коварный кратер и посадил его в четырех милях от заранее выбранного места. Когда «Орел» — так звался посадочный «модуль» — прилунился, горючего оставалось лишь на сорок девять секунд полета.

Все, что было дальше, мы видели на экранах телевизоров. Четырехногий, похожий на паука «модуль», цепко стоявший на отливающей фантастическим блеском поверхности Луны, маленькая дверца, выпустившая белую призрачную фигуру человека, который медленно и плавно, как бы все еще не решаясь, начал спускаться по лестнице вниз... Шесть минут преодолевал он девять ступеней... Вот застыл на последней ступени и левой ногой, все еще держась за трап, как человек, вступающий в холодную воду, попробовал лунную почву... Еще полминуты — и он на Луне!..

Забыв о реальности происходящего, мы не отрывались от фантастического зрелища. А где-то в Хьюстоне бумажная лента компьютера, которому было приказано следить за самочувствием Армстронга, показала сто пятьдесят шесть ударов пульса в минуту вместо семидесяти семи обычных...

— Мы не можем разглядеть звезд, но Земля видна хорошо. Она светла и прекрасна,— радировал Армстронг.

Слышавшие это сообщение потом рассказывали, что голос астронавта дрогнул и вроде бы изменился, стал почти неузнаваемым. Впрочем, голос человека, долетевший до нас с Луны, могла исказить дальняя радиосвязь. Возможно ли было сдержать чувства при виде нашей как бы светящейся изнутри планеты на фоне черного неба! Земля оттуда казалась огромной Луной, а под ногами скользил рыхлый и мелкий, как смоченное дождем пепелище, грунт. Ни одной живой души, ни огонька, только жуткое молчаливое мерцание мертвой пустыни под холодным, неживым светом планеты Земля... Нет, Земли уже не было — разум отказывался верить, что на призрачно плывущем диске, вон на том темноватом пятнышке материка есть уменьшенный сейчас до микроскопических размеров город, есть улица, которую уже не увидеть даже в сильнейший телескоп. Ужели где-то там, в размытой, уничтоженной немыслимым расстоянием дали, есть посеребренная лунным светом тропа, на ко-

торой стоит любимая женщина, силясь вообразить себе такую же микроскопически живую точку на мерцающем над ней ночном светиле? От одних только этих мыслей можно было сойти с ума... Нет, видимо, неспроста Армстронга прозвали железным.

...Мы вспоминали о его космических приключениях год спустя после благополучного завершения лунной эпопеи. Отблеск легенды лежал на имени этого астронавта. И в тот уже накрапывающий лунным светом июньский вечер, столпившись возле Дома культуры, мы перебрали биографию железного человека — Звездный городок ждал Армстронга.

Но, как это бывает в таких случаях, торжественный момент встречи скомкался, оказались никчемными и лишними цветы и заранее приготовленные речи. Автомобиль, о приближении которого нас намеревались известить заранее, неожиданно вырулил из-за поворота, лихо подкатил к самым ступенькам, словно все это заранее отрабатывалось на тренажере, и не успели мы опомниться, как небольшого роста человек в сером костюме, оставив распахнутой дверцу машины, уже пробирался сквозь толпу к дверям, успевая приветливо помахать направо-налево, словно там и тут замечал старых знакомых. Что-то гагаринское, тоской отозвавшись в сердце, почудилось и в невысокой фигуре, и в широких прямых плечах. Это сходство оказалось еще более разительным, когда, подталкиваемый волнами аплодисментов, Армстронг вышел на сцену и с улыбкой встал под большим портретом Гагарина. Наверное, и ему передалось волнение зала, и, как бы отвечая устремленным то на него, то на портрет взглядам, Армстронг обернулся, показал на Гагарина и что-то произнес.

— Он говорит, что Гагарин всех нас позвал в космос...—сказал в наступившей тишине переводчик.

Теперь уже из уст самого Армстронга слушали мы фантастический рассказ о полете на Луну. Фильм, снятый астронавтами, перенес нас почти на четыреста тысяч километров, на искрящуюся от прожекторов равнину...

Но вот опять сцену залил свет, и опять на нее поднялся смущенный Армстронг. Для букетов и сувениров не хватало рук. Слегка сощуренный от бьющих в глаза юпитеров, его взгляд ищуще пробежал по первым рядам, перебирая лица.

— Нил Армстронг просит выйти на сцену жен Гагарина и Комарова! — перекрывая шум, громко объявил переводчик.

Из последних рядов поднялись две женщины. Первой в темном платье, то и дело поправляя очки, шла к сцене Валентина Гагарина, за ней медленно продвигалась Валентина Комарова. Армстронг порывисто шагнул к ним навстречу, взял за руку Валентину Гагарину, как бы чуть отстраняясь, заглянул ей в лицо и вдруг обнял бережно, словно поддерживая. Валентина уткнулась ему в плечо. Что-то произошло с Армстронгом, он внезапно переменился в лице, задрожали губы. Пытаясь перебороть подступившую слабость, он сделал какое-то слепое движение в сторону переводчика, который держал предназначенные женщинам сувениры — копии медалей, оставленных в честь погибших космонавтов на Луне,— но, не справившись с собой, все еще придерживая Валентину, бессильно махнул рукой, а когда повернулся к залу, безжалостный луч юпитера высветил выступившие у него на глазах слезы. Не стесняясь своей слабости, Армстронг провел по глазам рукой, попробовал что-то сказать, но только покачал головой и опять обнял Валентину тем осторожным и чутким, слегка как бы отстраненным на людях объятием, когда женщину утешают в горе.

— Армстронг извиняется, что не может от волнения говорить,— обронил переводчик в заледеневший зал.

Так на виду у всех стоял, не скрывая слез, астронавт, чье имя стало синонимом железного мужества... Какие чувства переполнили его сердце, не привыкшее сжиматься даже в смертельной опасности, какое смятение вызвало слезы, застлавшие глаза, некогда спокойно озиравшие лунные пейзажи, а затем обращенные к фантастической, плывущей над ним как видение нашей планете? Кто знает... Быть может, при виде одинокой Валентины Армстронг ясно представил себе, что уже никогда, долети он хоть до Марса, до Венеры, до самой любой, самой дальней звезды,— никогда не увидит человека, который позвал его в космос... А быть может, он представил, как в то лето вот так же на сцену могла бы выйти в темном платье его жена... Кто знает...

Когда зал зашевелился, словно оттаивая, Армстронг еще раз поклонился женщинам и вслед за ними пошел со сцены.

Через два месяца в адрес руководителей Центра подготовки космонавтов пришло из-за океана письмо.

«Вы и ваши сотрудники,— писал Нил Армстронг,— помогли сделать мою недавнюю поездку в Советский Союз очень интересной и волнующей. Но из всего этого выделяется как самое памятное для меня событие встреча с вдовами Гагарина и Комарова. Я очень надеялся встретиться с этими мужественными женщинами, но, как потом оказалось, не совсем был готов к этому. Я должен признаться, что встреча с ними была самым волнующим для меня событием, память о котором я сохраню навсегда. Боюсь, что тогда я потерял дар речи, но я думаю, слезы говорили сами за себя. Передайте, пожалуйста, мой привет госпоже Гагариной и госпоже Комаровой».

МАРСИАНСКАЯ РЕКА

Этот крутой, вздыбленный над рекой обрыв, такой высокий, что снизу, когда подплываешь к нему на лодке, растущие на его вершине сосенки кажутся веточками папоротника, мы назвали Утесом Свиданий, и теперь каждое утро спешим сюда, радуясь вековой тишине, заповедности уголка, облюбованного нами словно на необитаемом острове. Место это и впрямь безлюдно — добираться сюда берегом, поверху, мало кто решался: часа четыре, не меньше, надо брести от ближайшей дороги по замшелым тропам, перевитым корнями деревьев, буйно заросшим орешником, чтобы прийти к этой красоте, да и красота Утеса скрывается оттуда, поэтому мы предпочитаем лодку. Наверное, когда-то здесь возвышался лесной холм, потом для стройки понадобился камень, холму вырвали взрывчаткой бок, и до него дотянулась, достала река, подточив снизу, еще больше обнажив, как бы выстругав скалу. Да, конечно, скала была молодой, иначе бы при такой древней нездешней ее красоте над ней давно бы витали легенды.

Мы любим приплывать сюда в тот час, когда солнце еще только карабкается по противоположной стороне холма, выдавая себя лучами, как бы бьющими из прожектора. Прохладный сумрак ложится от холма, от обрыва на неподвижную гладь реки. Стараясь не вспугнуть тишины, я поднимаю весла, и становится слышно, как стеклянно с них падают капли, как жемчужно журчит за кормою вода. Невесомо и медленно вплываем мы в ска-

зочную, иензвестную миру бухту, н нам кажется, что мы и в самом деле сейчас одии на Земле...

Я прыгаю с лодки н подаю руку ей, чувствуя доверчнво-миогозиачительное прикосновение ее маленькнх, но крепких пальцев. В ее шнроко открытых, восхищеиных глазах отражается тайна этой бухточкн, нскрнсто играющей камешками под прозрачной кнсеей прибоя. Необъяснимый молчаливый восторг вдруг овладевает намн. Вот ои, Утес, в двадцать илн трндцать этажей, как стена доисторической крепости великанов, мы прижнмаемся к влажной, отдающей холодком стене, н замирает время, и в голубой, висящей над рекой дымке растворяется мир н его пространство.

А скала и впрямь похожа на стеиу, выложеиную веками и даже тысячелетнями. Я трогаю снзый жилнстый слой мрамора — в какую он выстлаи эпоху? Над иашими головами — другой камень, чем-то похожий на известь. Интересно, а иа валуне какой эпохи стонм мы? Нет, скорее какой эры: мезозойской, палеозойской? Трудно себе представить, что у нас под иогами «земля», по которой никогда ие ступал нн однн человек — людей тогда просто-напросто еще не было на всем белом свете. Не было даже днនозавров, и самое крупное живое существо, жнвшее на Земле, плескалось в воде амебой.

— Ты фантазер! — шепчет она, улыбаясь глазами, но я вижу — н до нее дошел невндимый ток давио минувших времен. Она кладет свою тонкую, в алых ободииках слнннявшего маннкюра руку на камеиь, подинмает голову н, наверное, докарабкавшись взглядом до самого верха, говорнт серьезно н тнхо:

— Мы же на Марсе, чудак... Тебе ие кажется, что мы на Марсе?

Теперь н я вослед ее взгляду смотрю на скалу, на метелочки сосен.

Да, еслн отвернуться от реки, можно подумать, что мы на другой планете: память мгновенно рисует, дополняет пейзажи, увндениые одиажды на газетных снимках. Россыпн камией, безмолвные пригоркн, холмы... Солнце уже перелнлось через вершину нашего Утеса, н камин действнтельно кажутся красноватымн, как на Марсе. Всюду словно бнтый, раздробленный колесами машни кирпич, н чуднтся — вот-вот нз-за скалистого выступа выглянет прнпорошенный такой же красновато-кнрпичной пылью марснанин. Какой он? И почему представ-

ляется дикарем в набедренной повязке из звериной шкуры? Не потому ли, что так первозданен, суров и необжит отраженный земными фотоаппаратами незнакомый нам мир?

Я добираюсь взглядом до самой вершины и только сейчас обращаю внимание на то, чего не замечал раньше — до чего же тонок похожий на парик слой земли, прикрывающий необъятную каменную глыбу! Это он, только он, чуть присыпанный черноземом, переплетенный, перевитый корнями, дает жизнь и золотистым соснам, и тяжелым, словно отлитым из чугуна, дубам, и робким, трепещущим в веселом ознобе осинам, и кустистому, раскидистому орешнику, и всем этим буйным травам, и горящим в них разноцветными огоньками цветам. Этот слой земли с лесами и полями можно снять как скальп. И останется мертвый, угрюмый камень — точно такой, какой я видел на снимках марсианской поверхности.

— Ты о чем думаешь? — спрашивает она, и в ее глазах, минуту назад как бы затуманенных любопытством, отражением какой-то трудной мысли, появляется прежнее выражение беззаботного женского лукавства.

— Похоже на Марс,— говорю я,— очень похоже. Только вот... не хватает каналов.

— Какие каналы! Какие еще каналы! — смеется она, легко, как марсианское одеяние, сбрасывая халатик, оставаясь в купальнике и сразу ослепляя все вокруг.— Зачем нам каналы, милый, когда есть такая прекрасная река!

Прозрачная до мельчайшего на дне камешка вода обнимает нас обжигающим холодом, заставляет ринуться друг к другу, взрывается и повисает радугой брызг. Дотрагиваясь до кончиков ее мокрых губ, источающих головокружительный жар, я забываю и о скалах, по которым не ступала нога человека, и о красном битом кирпиче марсианских пустынь, и о припорошенном пылью марсианине, который пусть себе наблюдает за нами — ему никогда не познать, что такое земная любовь.

— Мы завтра сюда приплывем опять, ладно? — говорит она, запахиваясь в свой полупрозрачный марсианский халатик.

— И послезавтра! — кричу я, все еще чувствуя на шее горячечный мокрый холодок обнимавшей меня руки.

— И через год, и через сто, и через тысячу лет! — смеется она, впрыгивая в лодку.

Я отталкиваюсь веслом, вкладываю его в уключину — и высокий глухонемой Утёс Свиданий отодвигается вдаль, все уменьшаясь и уменьшаясь ростом, пока совсем не исчезает за поворотом реки.

— Кстати, о Марсе...— полушутливо напоминаю я.— Знаешь ли ты, что в этом году исполняется ровно сто лет, как на нем открыли каналы?

— Там нет никаких каналов,— спокойно и уверенно отвечает она и опускает руку в воду.

Тихая струйка бежит за ее ладонью, оставляя еле заметный серебряный след.

«Даже реке нравится трогать ее руку, даже реке...» — думаю я. Но что-то словно комом застряло в душе и не дает оставаться счастливым.

Вечером в библиотеке я наконец нахожу то, к чему тянулся весь день с утра, с тех пор, как мы вернулись с Утеса Свиданий. В иллюстрированном журнале я долго разглядываю цветной снимок, переданный с марсианской поверхности межпланетной космической станцией, и смутная догадка начинает зреть во мне, настойчиво требуя немедленного подтверждения.

Вот она, пустыня, словно из раскрашенного битого кирпича... Никаких признаков жизни. Но чем ближе мы к раскрытию тайны, тем, как это ни парадоксально, недоступней она. А ведь все просто, так просто, что если подумать, то все эти годы ученые шли к одному. Ах, как он удобен был, Марс, чтобы сделать его далекой, удерживаемой все время перед нашими взорами моделью Земли. Сто лет назад чьи-то глаза разглядели на нем желтовато-оранжевые пространства, и люди назвали их материками. Серовато-голубые пятна — моря, белые сгустки у полюсов — полярные шапки... Оранжевый цвет материков наводил на сравнение с пустынями. И эти романтические названия морей, озер, заливов — Море Сирен, Озеро Солнца, Срединный залив... А потом в год великого противостояния Марса открытые астрономами каналы и два спутника Фобос и Деймос... Люди жаждали верить, что где-то есть, где-то обитают их собратья, и именно поэтому в ликовании и восторге подхватили слухи о каналах, вырытых разумными существами. Но время безжалостно разрушало воздушные замки гипотез. Сначала стало ясно, что при таком низком давлении, какое существует на Марсе, на его поверхности не может быть жидкой воды и, значит, ни к чему марсианам

каналы. Ну а атмосфера? Чем там дышать? Еще через годы выяснилось: кислород и водяной пар составляют лишь доли общего состава марсианской атмосферы, азот — вряд ли более двух-трех процентов, аргон — около одного-двух... Вся остальная часть атмосферы Марса состоит из углекислого газа. Прощай, обитаемый Марс?

И люди начали возводить фундамент под воздушный замок другой гипотезы. Если на Марсе нет разумных существ, то, быть может, есть растительность? Да, сказали ученые, возможно, растительность — это моря. Действительно, весной и особенно летом моря Марса темнеют и приобретают зеленовато-голубоватую окраску. Осенью она становится коричнево-бурой, а зимой сероватой. Это напоминало весеннее распускание и увядание земной природы. Еще интереснее было то, что по весеннему полушарию Марса проходила как бы волна потемнения, начинавшаяся от границ тающей полярной шапки и распространявшаяся к экватору по мере ее таяния. Возникла стройная гипотеза, по которой талые воды образуются при таянии полярной шапки, увлажняют почву, что и создает благоприятные условия для растительности. Но и эта привлекательная мысль была опровергнута. Сначала доказательством ничтожно малого содержания в атмосфере Марса кислорода, затем снимком, переданым космической станцией и показавшим, что «моря» в принципе ничем не отличаются от материков. И последняя, огорчительная, сметающая все домыслы о жизни на Марсе весть: полярные шапки этой планеты оказались состоящими не из воды в виде инея, снега или льда, а из замерзшей углекислоты.

Нет, это была не последняя весть. Последняя — снимок марсианской пустыни, который я рассматриваю, пытаясь представить драму, разыгравшуюся в среде ученых, когда опустившиеся на Марс американские аппараты «Викинг» впрямую задали извечный вопрос: «Есть ли на Марсе жизнь?»

Условия посадки оказались довольно суровыми. Температура поверхности — сначала минус 86 градусов, потом минус 30. Красный цвет марсианских песков указывал на присутствие гидратов окиси железа. Камни и глыбы среди песчаной пустыни, мороз...

Но всех в первую очередь интересовал поиск микроорганизмов.

28 июня 1976 года во все три прибора посадочного

блока станции «Викинг-I» были заложены пробы марсианского грунта. 30 июля началась «инкубация». В одном из приборов через два с половиной часа после «увлажнения» атмосферы кислорода оказалось в восемнадцать раз больше, чем ожидали. Что случилось? Проснулись микроорганизмы? Слишком высокая интенсивность выделения кислорода сама по себе была подозрительна. Неужели обнаружена жизнь и марсианские микроорганизмы настолько активнее земных?

Надо было проверить еще и еще. Когда в камеру добавили раствора, содержание кислорода в ней... упало. Как смертельно больному, в прибор вводили и вводили все новый раствор. Увы, никакого воскрешения и оживления микроорганизмов не наблюдалось. И большинство ученых пришло к выводу — результаты всех биологических экспериментов следует объяснить «изощренной» химией марсианского грунта, а не жизнедеятельностью микроорганизмов.

Так где же все-таки истина: мертв Марс или жив?

Но я уже смотрю не на красноватую, словно из раскрашенного кирпича, панораму, а на другой, переданный советской станцией «Марс-5» снимок. С огромной высоты, но отчетливо, словно с самолета, пролетающего над пустыней, видно узкое извилистое русло пересохшей реки, которая получила название Ниргал — по имени героини одного из стихотворений Брюсова. Исследование возраста русла показало, что оно измеряется многими миллионами, даже сотнями миллионов, лет. Теперь уже точно доказано, что никакая другая, кроме воды, жидкость не могла образовать наблюдаемого русла: лава быстро застывает, а жидкая углекислота даже в земных условиях не может существовать, переходит непосредственно в пар и наоборот. Значит, единственно возможное объяснение меандров — пересохших рек на Марсе — образование водных потоков. Сейчас для этого нет необходимых условий, но не исключено, что они протекали в прошлом, а значит, в более ранние эпохи атмосферное давление на Марсе было значительно выше, чем в настоящее время.

Я смотрю на поверхность Марса как бы из иллюминатора самолета, и мне кажется, что если чуть-чуть снизиться, то вон на том изгибе реки, где сосны на берегу кажутся веточками папоротника, я увижу Утес Свиданий и нас обоих, спешащих к нему на лодке. Ведь была же,

была на Марсе когда-то задумчивая прохладная гладь, держащая лодку! И, наверное, были двое, назначавшие на зеленом обрывистом берегу безоглядный, все озаряющий час любви!

И новая мысль, новая догадка занозой входит в сердце: если так, то почему, почему так безвозвратно испустил дух голубой шарик марсианской атмосферы?

«Между прочим,— читаю я,— недавно обнаруженные на Марсе русла, которые, вероятнее всего, были образованы бурными потоками воды в сравнительно недалеком прошлом (несколько десятков миллионов лет назад), приводят ученых к мысли о нескольких стационарных состояниях Марса, одним из которых могла быть плотная атмосфера и обилие влаги на поверхности. Теперь, как известно, Марс представляет собой пустыню, в которой временами свирепствуют пылевые бури. Нельзя исключать аналогичного будущего для Земли, если она всецело будет предоставлена в распоряжение стихийных сил».

Река Ниргал, река Ниргал... Марсианская великая река... Неужели мы никогда не узнаем, как называли ее марсиане? И узнает ли кто-нибудь и когда-нибудь, что эту реку, несущую теплоходы, плоты и нашу легкую спешащую к Утесу Свиданий лодку, называли земляне Волгой...

БРАТЬЯ ПО РАЗУМУ

Другого берега почти не было видно. Где-то в затуманенной дали, куда едва достигал взгляд, скользя по голубой, чуть шероховатой глади, миражно маячили высотные дома величиной со спичечный коробок; левее вода сливалась с небом, и только справа крутой, поросший сосняком и корявыми дубками берег обозначал своим изъеденным волнами обрывом старое русло. Да, теперь это называлось морем, и зрительная память, впитавшая сверкающую голубизну черноморских просторов, стальной отблеск балтийского мелководья, ревниво сравнивала, перебирала, как цветные открытки, живописнейшие пейзажи приморских берегов, чтобы убедиться в том, что все это правда — на том месте, где когда-то зеленели заливные луга, где шумела золотым пожаром пшеница, где дымили трубами деревеньки, остановленная плотиной река выплеснула, разлила по округе море.

Здесь все-все было точно таким же, как на давно облюбованных и обжитых людьми курортных берегах Сочи или Дзинтари: уставленные лавочками тропки, затейливо извиваясь между клумб, выводили к пляжу или лодочной станции. Под цветастыми зонтами, а то и прямо на топчанах под солнышком веселый табор отдыхающих предавался такому же сладостному безделью, как за тысячу верст отсюда. Неприступный служитель пляжа в крахмальном халате аккуратно через каждые два часа выводил мелком на дощечке температуру воздуха и воды. Транзисторы, перебивая друг друга, извергали несусветную музыку. И словно сошедшие с чулочных пакетов длинноногие красавицы, родные сестры обитательниц пляжей всех частей света, соперничали шоколадностью загара. Купальщиков, правда, было маловато.

Нет, передо мной, впитывая небесную синеву, расстилалось действительно море — с полумесяцем наполненного ветром паруса, с ослепительным высверком зайчика на прибрежной волне; только дышал этот сизый простор каким-то другим, несвойственным обычному морю дыханием — в веянии влаги слышались запахи земли, цветочного настоя скошенных августовских трав, перезрелой полыни, чуть-чуть подопревших листьев осины и дуба. Этому морю словно бы недоставало привычных пальм или дюн, но в том-то и заключалась его прелесть, необычность, сказочность, ибо это было море реки, море суши, море пресной воды.

Постояв на обрывистом берегу, подышав терпковатой влажной свежестью, я вернулся в санаторную палату с нетерпеливым желанием поскорее разобрать вещи и снова идти к морю уже затем, чтобы начать наконец в его водах отпуск. Мой сосед, которого я видел впервые, уже слегка подрумянившийся на местном солнце щеки и нос, с видом хозяина комнаты указал мне на кровать, тумбочку и уткнулся в чтение. Завал книг и журналов на столе свидетельствовал о молчаливой сосредоточенности моего будущего на весь отпуск спутника, а это сулило уже немалые удобства и преимущества.

— Что же вы не на море? — спросил я соседа с нескрытой веселой укоризной, имея в виду исключительно благоприятную для купания и загара погоду: не по-августовскому яркое солнце палило даже сквозь плотно задернутые шторы.

Он хмыкнул себе под нос, поднял кроткие голубень-

кие глазки и ответил уклончиво, все еще пребывая во власти читаемого:

— А что там делать, на море-то? По мне лучше бассейн. Да и княженция не отпускает... Я вам скажу, весьма занимательная вещь. Прогноз нашего планетного будущего. Вы верите в наличие звездных цивилизаций?

Вопрос показался мне настолько неожиданным и несуразным, что я не нашелся, что ответить. Но тут же понял, что мой сосед и не очень-то хотел знать мое мнение, наверное, ему важнее было сейчас высказаться на эту тему самому. В его голубеньких глазках мелькнуло что-то дерзкое.

— Видите ли,— начал сосед, и по раздумчиво-философскому неспешному тону, с каким он произнес эти слова, я понял, что мне уже не избежать целой лекции. Я взялся на всякий случай за дверную ручку, чтобы показать, что тороплюсь. В другой руке я уже держал сумку с полотенцем.

— Я вас провожу,— поспешно сказал сосед.— И начинать лучше не с купания... Мой совет — начните с лодки. Хотите вместе? Пойдемте, пойдемте. Я вас провожу.

Наверное, мой глупый, растерянный вид вооружал его все больше и больше. Я сдался и зашагал пленником.

— Видите ли,— продолжал как ни в чем не бывало прерванную мысль сосед, когда мы вышли на асфальтовую, нырнувшую в молодой дубняк тропку,— время нашего наблюдения отдельных эволюционизирующих объектов космоса, я имею в виду галактики, звезды, туманности, ничтожно мало по сравнению со временем их существования... Да и число наблюдений недостаточно для выведения статистических закономерностей... А нам хочется, очень хочется удовлетворить свой человеческий инстинкт познания и преобразования мира. И вот, сделав несколько совсем детских шагов по вселенной, мы ищем братьев. Их почему-то называют братьями по разуму. Но ведь они, я имею в виду инопланетян, могут отличаться от нас...

Я понимал, о чем он говорит, признаться, и сам был грешен — особенно в последнее время интересовался этой фантастической реальностью встречи с инопланетным разумом. Ну если пока не встречи, то уж контактов

вполне возможных. Но открой я сейчас ему свое тайное влечение, поддержи хоть намеком интереса беседу, и, обретя наконец сочувствующего, он не даст ни минуты покоя. «Пусть выговорится,— подумал я,— а там будет видно, в конце концов это все небезынтересно».

— Вот здесь...— И сосед постучал по книжке, которую нес, заложив между страниц палец.— Вот здесь говорится, что первая трудность контактов между разумными мирами — фантастическая их удаленность друг от друга...

Он остановился, придержав за локоть и меня и как бы подчеркивая этой паузой, остановкой значимость того, что должен высказать. В голубеньких глазках опять мелькнуло уже знакомое мне выражение неизъяснимой дерзкой мечтательности.

— Если мы поймаем, например, радиосигнал иноземной цивилизации, то как мы узнаем, что это сигнал разума? А? Ведь информация будет зашифрована! А расшифровка сигнала и извлечение из него полезной информации могут оказаться для нас недоступными. И еще, простите, такой фактор. Подсчеты вероятного расстояния до ближайшего к нам разумного мира дают величину примерно в шестьсот-семьсот световых лет. Вы представляете, что это значит? Это значит, что радиосигнал, посланный иноцивилизацией, будет идти к нам шестьсот лет... На посылку нашего вопроса и получение ответа уйдет еще тысяча двести лет! Нет, вы понимаете?

— Понимаю-понимаю,— закивал я и, не удержавшись, выдавая себя с головы до ног, рискуя уже никогда не обрести спокойствия, напомнил ему о том, что мы не только ждем сигналов, но и сами посылаем их.

В космическое пространство уже отправлено первое радиопослание внеземным цивилизациям. Так? Его передал трехсотметровый радиотелескоп из района Пуэрто-Рико. Мощный сигнал нацелен в сторону шарового звездного скопления M13, содержащего примерно тридцать тысяч звезд. По мнению известных астрономов, вероятность того, что некоторые из них обладают планетными системами, где может развиться цивилизация, составляет один к двум. Это скопление в созвездии Геркулеса выбрали еще и потому, что пучок радиоизлучения за время пребывания в пути — около двадцати четырех ты-

сяч лет — вследствие рассеяния должен приобрести поперечник, близкий к центру скопления.

— Я читал об этом,— разочарованно, словно ожидая услышать от меня что-нибудь поновее, проговорил сосед.— Я читаю на эту тему все... И знаете, какой самый печальный вывод сделал?

Его лицо вдруг вытянулось, глазки пригасли, голос потерял упругость, как бы снизился на несколько тонов:

— Я подумал о том, что к тому времени, когда будет получено наше послание, грешница матушка Земля вообще...

Мы наперебой начали фантазировать, что подумают все же о нас инопланетяне, получив «радиограмму», в которой использовалась двойная система исчисления. Послание начинается перечислением цифр от одного до десяти. Затем следуют атомные числа химических элементов — водорода, углерода, кислорода и фосфора. Кроме того, в послании зашифрована фигура самого человека... Если представители внеземной цивилизации разгадают послание землян и немедленно отправят ответ, он поступит к нам только через сорок восемь тысяч лет... Странные люди эти человеки...

— Все ищем,— вздохнул сосед и встрепенулся, и снова его глазки приняли мечтательно-дерзкое выражение.— Пора, пора, черт возьми, выходить на связь... О «Пионере-10» знаете?

О «Пионере-10» я знал. Эта американская станция, войдя в притяжение Юпитера, должна набрать третью космическую скорость, вырваться из притяжения Солнца, пересечь орбиту Плутона и умчаться к иным мирам. Ученые считают, что за пределами Солнечной системы нельзя полностью исключить возможность встречи станции с разумными существами. Чтобы дать инопланетянам представление о месте и времени запуска станции, а также вообще о землянах, станция несет послание-рисунок. На рисунке на фоне контура межпланетной станции изображены фигуры мужчины и женщины. Слева Солнце в виде точки, к которому сходятся линии, соединяющие четырнадцать пульсаров. Положение Солнца относительно пульсаров должно показать, что объект создан в солнечной системе...

Все газеты и журналы мира обошел рисунок Адама и Евы двадцатого века — бесстрастные контуры, сим-

метрия и гармоиия пропорций. Визитиая карточка, ие позволяющая выиосить сор из избы. А иищие иа улицах европейских городов, а материиские и вдовьи лица с морщииками от иевысыхающих слез, а калеки Хиросимы?.. В желтом листке дерева, упавшем с ветки, зашифроваио больше, чем в этом рисуике, предиазиачеиием сообщить иным мирам о цивилизации иа плаиете Земля.

— Вы слышали иовость? — спросил после минутиого молчания сосед, думавший, иавериое, о том же, о чем и я,— наш телескоп «РАТАН» уловил иепоиятные сигиалы со спутиика Юпитера... С Ио, кажется...

Но мы уже подошли к лодочиой стаиции, и иа шатких трапах дебаркадера разговаривать было трудио. Сосед со зиаиием дела взялся за веревку, привязаиную к железиой скобе морским узлом, помог сползти в лодку мне и спрыгиул сам, тут же оттолкиувшись веслами. В тесиом закутке причала стоялая вода уже покрылась ряской, и мы заспешили выбраться иа простор, где даже рябь отсвечивала голубизиой. Сосед, вызвавшийся первым сесть иа весла, греб иеумело, ио сильио, и вскоре фигурки людей иа пляже стали едва различимы.

Но страиио, как бы далеко, мористее мы ии отплывали, вода ие стаиовилась чище, оиа была такой же зелеиоватой, как в заводи у дебаркадера, с весел капали мутиые капли, иногда создавалось впечатлеиие, будто мы плывем по огромиой чаше с высыпаииой в иее и взболтаииой зелеиой маииой крупой.

— Цветет,— сказал сосед, заметив мое иедоумеиие.— Цветет море. Но это еще полбеды. Вои смотрите!

Я посмотрел в иаправлеиии его руки, бросившей весло, и увидел как бы мчащуюся иам иаперерез малеиькую торпеду. Это выглядывали из мути верхние плавиики рыбы, похоже леща, который иеизвестио почему решил так рисковаиио подвсплыть и явио лез иа глаза людям. Теперь мы плыли как бы по живому расплавлеииому малахиту, весла тяжело шлепали по густой, издающей болотиый запах жиже.

— Вои еще торпеда! — показал сосед влево, ио и справа я уже видел точио такой же взрезывающий зелеиую иакипь плавиик.

Рыбы сновали всюду, и чем ближе к берегу, тем их высовывалось из воды все больше и больше, словио оии бессловесио о чем-то хотели сказать. Почему оии так опасио всплывали? Что-ибудь мучило, пугало их там,

в глубине, или они задыхалнсь под плотным пологом ряски?

Только сейчас я обратил внимание на то, что рыбы плавали как бы вслепую, точно с завязанными глазами нгралн в жмурки, и, опнсывая немыслимые круги, все приближались н прнближались к берегу.

— Местные говорят, что рыба больная, а чем, никто не знает,— без всякого сочувствия проговорил сосед и добавил, как мне показалось, с некоторым даже злорадством: — С природой не поиграешь... Отторгает она море-то... Настоящне-то моря, онн мнллионы лет моря, а этому без году неделя. Говорят, трава на дне растет и все прочее... А рыба, она чистую речку любнт...

Сосед оборвал фразу и, прнподняв весло, стукнул нм по рыбе, подплывшей к нам с левого борта. По виду это был подлещик. От удара в нем что-то хрупнуло, он метнулся было в глубину, но тут же всплыл белесым брюшком кверху и мертвенно обвиснув плавннками.

— Зачем вы так? — укорил я соседа, чувствуя, как во мне поднимается неприязнь к нему.— Все равно же не возьмете...

Я попросил его дать мне весла и погреб обратно. Смотреть на это малахитовое, пахнущее ряской море, на рыб, неправдоподобно, словно они привиделись во сне, снующих почтн над поверхностью, уже совсем не хотелось.

...На обрыв, с которого утром с таким восхищеннем разглядывал море, я пришел поздно вечером, когда луна словно тусклым прожектором осветнла дали. Зеленоватый свет залнвал все от края до края, н на мнг почудилось, что все это — и новое здание с золотыми квадратамн окон, и деревья, примолкшие в безветрни,— находится на дне мутного, зацветающего ряской моря. Только на самой поверхности, высоко-высоко, нерастаявшей льдинкой плавало облако.

Отсюда невозможно было различнть рыб, ослепленно мечущихся, спешащнх по зеленой жиже к берегу, как будто желающнх крнка, но не умеющих его издать.

«Еслн бы рыбы имели голос, сейчас стонало бы все это море»,— подумал я.

А где-то над этим речным морем, над молящимн о пощаде рыбами, над морем лунного света, далеко-далеко за Луной, за звездамн мчалнсь к неизведанным планетам станцни, чтобы найтн контакт с братьями по разуму...

Интересно, что я делал в ту минуту, когда босоногую, всю избитую восемнадцатилетнюю девчонку вели по морозному снегу на казнь? В лютую военную зиму жили мы в подмосковном городке с весенним названием Апрелевка в каких-то десяти-пятнадцати километрах от Петрищева, и сейчас, пожалуй, можно припомнить то утро, не то именно, а такое же, потому что все утра тогда были похожи одно на другое.

Подталкивая штыками, ее вели по деревенской улице к виселице, а в это время мы, мальчишки, не за тридевять земель, а за каких-то два-три поля, два-три леса, толпимся, подскакиваем в подшитых валенках на синеватом, жестком, как стекло, снегу и протягиваем кто миску, кто кастрюльку к солдату в белом полушубке, который, взгромоздясь на полевую кухню, щедро наделяет нас гречневым супом.

— От мороз! Аж пидскакивает! — кричит, подбадривая нас, солдат по имени Гриша. А мы и зовем его не иначе как Гриша: «Гриша, подлей с сальцем!», «Гриша, кинь кусочек хлебца!» И Гриша не обижается, смеется вовсю, орудуя поварешкой, успевая заметить каждого, никого не оставляя без супа. С теплой, обещающей хоть какой завтрак добычей разбегаемся мы по комнатушкам длинного, похожего на барак дома, впрочем, тогда больше напоминавшего вагон, переполненный пассажирами, вагон, который неизвестно по какому пути и к какой станции гнала война.

К вечеру и похожая на допотопный паровоз с высокой трубой полевая кухня, и пятнистые, как олени, замаскированные под грязный снег машины, и пушки, остро пахнущие порохом,— все это уедет в сторону Петрищева, туда, где за синими лесами невидимо грохотал гром. С затаенным страхом будем мы прислушиваться к смертельным раскатам военной грозы, пока она не затихнет, не выдохнется. Алые сполохи опалят в той стороне хмурое небо над лесом. А утром следующего дня кухня вернется без Гриши, и другой, с печальными глазами солдат будет разливать в наши миски и кастрюли горячий гречневый суп. Может быть, именно в то утро Зою вели на казнь?

И вот я в Петрищеве. Тридцать снегов упало и превратилось в говорливые ручейки на улице, по которой

шла под конвоем Зоя. И уже тридцать первый тихо и светло падает с небес на белые крыши, на белые палисады, на белую тропу, кажется, только протоптанную и еще сохранившую маленькие следы девичьих ног. Вглядываясь в эти едва заметные вмятинки на чистом снегу, я вижу Зою — в ватных брюках, в толстой распахнутой фуфайке, с холодной доской на груди — и думаю о том, какая хрупкость души была упрятана в неуклюжую одежду и сколько сил потребовалось девочке, чтобы пройти молча, гордо держа голову. Я вспоминаю старинную книгу с гравюрой другой девушки — в латах, с мечом, на коне — Жанны д'Арк, мысленно сличаю эту гравюру с фотокарточкой, которую невольно оставил на память Истории фашист, снимавший казнь, и прихожу к выводу, что они даже и внешне очень похожи — Жанна и Зоя, словно вылитые сестры-близнецы.

Тонкие слюдяные снежинки падают на тропу, обжигают босые ноги. Но ногам уже не больно, вся боль ушла в сердце, скопилась и загустела в нем, давая терпенье для последнего мига. Десять, пять шагов до виселицы... Еще можно остановиться и все спасти, спасти жизнь. Но где-то там, за синей, в розоватых отсветах зубчатке леса — Москва... Кремль... Мама...

— Вот здесь ее и казнили...— говорит мне старушка в пуховом платке, повязанном до бровей. И в запавших, усталых от прожитой жизни глазах скудеющей памятью проясняется страшный тот час. В Петрищеве это уже последняя свидетельница. Когда старушки не станет, придется верить на слово только книгам.

— Мы тут вот стояли,— припоминает она уверенно, так, словно это было только вчера.— А ее, Зою-то, вон оттуда, из той избы, прямиком и вели. С лица-то она и так, видать, смуглая была, а подвели, гляжу, совсем почернела. И страсть какая молоденькая. Нюрка моя, и все. Так Нюрка еще и школу недотянула. «Господи,— думаю,— как же это можно такую да на виселицу... Грех-то какой». А Зоя — мы ведь тогда думали, что Таня она,— стоит, бедненькая, в чем душа держится. И ставят это ее на ящик, и накидывают петлю. А она как выпрямится, как посмотрит,— так холодяка лютый, а от одного ее взгляда мороз по коже... Как посмотрит, и вроде не мы ее, значит, жалеем, а она нас, как скажет: «Не плачьте, товарищи, не надо! Скоро наши придут и за все отомстят!» И все тянется на носочках, все в ту, значит, сто-

рону смотрит, в которой Москва. Тут ящик-то у нее из-под ног выбили. А мы отвернулись, сил не было смотреть...

Старушка замолчала, и по лицу ее, такому уже морщинистому и дряблому, что оно, как это бывает у глубоко старых людей, сохранило, кажется, одно раз и навсегда застывшее выражение задумчивости, пробежала тень. Сколько же раз приходилось, как старую боль, бередить тот день?

Но постой, где же это я читал, где читал?

28 февраля 1968 года научный сотрудник Института теоретической астрономии Академии наук СССР Т. М. Смирнова, просматривая пластинки, на которых при помощи шестнадцатидюймового телескопа фотографировала участок звездного неба, обнаружила точку в 2,2247 астрономической единицы от Солнца. К сведению незнающих: одна астрономическая единица равна ста сорока девяти миллионам пятистам девяноста семи тысячам восьмистам семидесяти километрам. Так была открыта новая планета, которую занесли в каталог под № 1793. «Досье» малой планеты направили в международный планетный центр, где и состоялось официальное утверждение ее названия. Т. М. Смирнова предложила присвоить планете имя Зоя — в честь Зои Космодемьянской.

Малая планета Зоя, как и большинство ее сестер, движется на значительном удалении от Солнца. Расстояние ее от нашего светила меняется от трехсот миллионов километров в перигелии до трехсот пятнадцати миллионов в афелии. Период обращения по орбите три года и четыре месяца. За десять лет она трижды обходила вокруг Солнца и возвращалась в прежнее положение относительно Земли. Ее блеск сравнивают с Церерой, Палладой, Юноной и Вестой. Вероятно, средний поперечник планеты семь-восемь километров. 7 июля 1975 года она двигалась по созвездию Змееносца, от Земли на 1,108 астрономической единицы. По какому созвездию двигалась она в день казни Зои?..

Как мог, перевел я эту строгую астрономическую терминологию на общедоступный язык, рассказал старушке об открытии новой планеты, о том, что теперь сотни, тысячи, миллионы лет, пока жива наша вселенная, будет жить и светиться в ней крохотная звездочка, по имени Зоя.

Старушка оживилась.

— И ведь было, было знамение! — проясннлась она глазами, видно, вспоминв о самом главном нлн только решившнсь сказать о том, о чем говорнть не хотела.— Когда у нее, зиачнт, ящнк-то выбнлн, звезда вроде в небо поднялась — вои иад тем лесом... Обычно, когда кто помирает, звездочки, зиачнт, скатываются, а эта взошла. Да такая яркая, н долго висела, пока, значнт, облаками ее ие затянуло...

Тут старушка что-то путала или память переместнла время суток — ие бывает же видио звезд белым днем. Но я ие стал возражать и огорчать ее, хотя тут же догадался, о какой взошедшей звезде шла речь. Возможио, за звезду людн прннялн сигнальиую ракету. Даже наверняка... Но если легенда родилась, пусть жнвет.

— А я что говорила? — как-то одиовременно строго и обрадоваиио всплеснула рукамн она.— Та самая звездочка и взошла. Это ее увнделн в этот, как его... телескоп ваш в шестьдесят восьмом, а появилась звезда в сорок первом, это точио.

Старушка поинзнла голос и доверительно, будто для меня только одного свою догадку приберегала, добавила:

— Зиачит, переселнлась оиа на ту планету, Зоя-то... Правду вам говорю...

Сиег перестал падать, и тропинка тяиулась перед нами, припорошенная кружевиым пухом. В той стороие, куда показывала старушка, возиикла в сумеречном иебе первая звездочка, иад ией через некоторое время забрезжила вторая, и вскоре все небо светилось яркимн точками.

Где-то там, высоко-высоко, в этом сонме солнц н планет, иевесомо плыла по своей орбите плаиета Зоя, такая малеиькая, что поселиться на ией мог бы только одии человек. Теперь я шел н думал ие о том, что делали мы, мальчишки, в ту минуту, когда Зою вели на казнь, а о том, какой вндится наша Земля с плаиеты по нмени Зоя...

ДЕРЕВНЯ ПОД ЛУНОЙ

Среди московского дия, оглушеиного иеумолчным водоворотом вечио спешащих автомобилей, тем звенящим шумом города, который не умолкает даже ночью, вдруг вспомиилась улочка детства — тнхая, застенчнвая н так

густо поросшая мелкой, мохнатой, мятно пахнущей ромашкой, что и ступали-то мы по ней бережливо, мягко, как по зеленому ковру. Вновь увидел я липы и рябины, перевесившиеся через зубчатый штакетник палисадов, колодец со скрипучим валом, теплые пузырчистые лужи после летнего дождя, как будто их вскипятили молнией, и дома, дома, вернее, их серые, крытые дранкой и ярко покрашенные железные крыши, выглядывающие из огнистых, как гроздья салюта, кустов сирени.

Пока идешь от начала улицы до середины, до поворота налево к своему дому, непременно кого-нибудь знакомого встретишь. Чаще всего, словно он весь день поджидал тебя, чтобы попасться на пути, Ивана Ивановича, щуплого, но крепкого в кости старика в кирзовых, наверное, очень тяжелых сапогах, в соломенной шляпе, делавшей его удивительно похожим на Мичурина, с палкой на плече, на которой вечно болтается пустая хозяйственная сумка. Почему-то он любил носить все, что можно, именно на палке, и эта привычка, многим непонятная, накладывала на него облик странника, будто каждый раз Иван Иванович возвращался из каких-то очень дальних краев, а после встречи с тобой ему идти дальше еще тысячу, а может быть, и больше верст.

Поравнявшись, Иван Иванович приподнимал шляпу, обнажая седую голову, и приостанавливался — неважно, старый ты был или малый,— на минутку-другую, чтобы, не докучая праздными разговорами, справиться о житье-бытье, о здоровье. Это приветствовала меня улица детства, вернее, ее доверенный полномочный представитель Иван Иванович. Сколько же ему было тогда лет? Никто не помнил его молодым, никто не видел и совсем дряхлым, росли мы, ребятишки, росли, раскидывали крепнущие ветви когда-то посаженные нами деревья, а Иван Иванович все так же шел очень прочной своей походкой в какую-то дальнюю, недосягаемую для нас сторону. Долгие годы спустя и, наверное, в последний раз, потому что уже никогда не возвращался на улицу детства, встретил я его в сумерках куда-то идущего с неизменной палкой на плече и обрадовался этой дарящей счастливую примету встрече.

— Здравствуйте, Иван Иванович!

— А! Это вы? — приподнял он привычно шляпу.— Ну как здоровье? Как жизнь? А я узнал вас только по голосу. Совсем уже плох стал на глаза...

Сейчас, уже как бы издалека взглядывая на улицу детства, я думаю о том, что если изба красна не углами, а пирогами, то улица красна хорошими людьми. Ведь это все были ее люди: и вечный странник Иван Иванович, и другой известный ее житель — гармонист Мишка Строгов, которого никто никогда не видел пьяным, а только так, навеселе, идущим морской развалочкой. Бывало, покажется на бугре — ремень гармони через плечо, сам себе играет, сам себе поет,— а всей улице весело, и отойдет нечаянная печаль, и радость коснется сердца. Чужие люди выглядывают из распахнутых окон, из приоткрытых калиток, а все вроде бы родня. И, вспомнная улицу детства, снова проходя ее тропинками, вдруг воскресишь словно высвеченное закатным багрянцем августовского солнца видение, от которого разбуженной грустью защемит на душе. В белых туфельках, обходя голубые, до неба глубокие лужи, идет мимо окон она, но идет не кудато, а к тебе на свиданье, к той тайной, роняющей росные капли березе, которой только одной на свете знать доверено все. А через час-другой в спасительной темноте мы будем стесняться зарниц, полыхающих где-то за лесом, обнажающих губы, глаза... И уже далеко за полночь родная улица услышит предательски гулкие шаги, вороватый скрип калитки; мокрая сирень хлестнет по лицу, и коротко вспыхнет в окне сердитый родительский свет.

Так блуждающая по забытым тропинкам память приведет все-таки к самому заветному, куда все время, сама того не замечая, шла,— к дому, возле которого вымахала выше крыши когда-то посаженная тобой рябина. Где же ты, кухонное окно в светлом резном наличнике, словно в чистом платке? Еще долго напомнило мне оно темное, загорелое от печного пламени бабушкино лицо, обрамленное белым платком со свисающими в стороны прямыми концами. Не потому ли, что чаще всего ее можно было видеть именно в том окне, вечно хлопотавшую у такой же чистой, побеленной известью печки?

Но вот уже и мать в возрасте бабушки и в таком же платке стоит у калитки и машет мне вслед, и отец, непривычно растроганный и еле-еле держащий в сухих глазах слезы, стоит чуть поодаль... Так кончается улица детства. Вернее, детство улицы. И напрасно, возвращаясь после странствий, мы ищем заросшие тропы. Ушедшего не вернуть. Но разве не там остались корни, те самые корни, что держат тебя на Земле?

Снова грохнет у печки охапка березовых дров, затрещит, загудит позабытыми взвивами пламя; и, лежа на матраце, набитом хрустящим сеном, вдруг с приливом неизбывного счастья ощутишь, как проходящая мимо мать тронет ненароком уже седые твои вихры. А вечером за столом, собравшим опять так много гостей, мы будем смеясь вспоминать о котенке, который, став большим и бесстрашным, все никак не мог забыть старую тапочку. Он спал в ней, когда был совсем маленьким, и даже сейчас все еще тыкался носом и укладывался рядом, положив на тапочку голову, зажмурив блаженно глаза...

Наверное, это и есть чувство родного дома, чувство, которое все мы теряем, переселившись в небоскребы, где, как в сотах, не сразу отыщешь свое окно. Да и хотим ли мы его найти?

Не поднимая головы, глядя под ноги, торопимся мы в гулкий подъезд; молча, не обмолвясь с соседом словом, поднимаемся в лифте; вытерев тщательно ноги, вступаем в пахнущий мебельным лаком мир... Квартира-то квартирой, но она все же не отчий дом. И дробится, дробится на что-то мелкое нечто большое, огромное.

И уходит земля из-под ног...

Снова возвращаюсь я с улицы детства в шумливый московский день, в комнату, по стенам которой перемещаются зыбкие, шаткие тени, и вновь открываю книгу на той странице, откуда память отлистала назад так много дней.

Вот что повлекло меня в детство: город и улица, которых пока что нет, но которые будут. Знаете ли вы, что человечество уже проектирует звездные города? Нет, это не фантазия об «эфирных» поселениях Циолковского, а реальные, начертанные на ватмане чертежи. Один из таких проектов, проект Д. О'Нейла, может быть реализован в ближайшие тридцать-пятьдесят лет. Космическая станция-колония, пишет архитектор, представляет собой замкнутую экологическую систему, полностью обеспечивающую себя энергией и почти полностью технологическими материалами и сельскохозяйственными продуктами. Основной структурный элемент колонии — цилиндр, разделенный на шесть продольных секторов. Такой цилиндр может быть собран из лонжеронов и стальных шпангоутов. Три его сектора делаются из прозрачного материала, на трех других размещаются полезные площади. Прозрачные секторы покрыты стеклом, в основе

других, полезных, называемых долинами, покрытия из титана и алюминия. Атмосфера — земная. Для создания силы тяжести цилиндрам придадут движение. Солнечная электростанция обеспечит создание условий, максимально приближенных к земным. Уже высчитано: на каждого человека будет расходоваться сто двадцать киловатт электроэнергии.

Нет, я читаю не фантастический роман, в этих строках прозаичность земных расчетов.

«Прозрачные секторы снабжены подвижными ставнями-зеркалами. Когда окна открыты, ставни отражают солнечный свет внутрь цилиндра. Меняя угол наклона ставен, можно менять количество отраженного солнечного света и таким образом создавать иллюзию постепенного изменения освещенности в течение дня. На «ночь» ставни закрываются. В колониях возможна не только регулярная смена суток, но и столь же регулярная смена времен года.

Непрозрачные секторы-долины покрыты слоем грунта толщиной около полутора метров. Здесь может быть создан даже холмистый пейзаж... В атмосферу цилиндров можно добавить водяной пар такой концентрации, что появятся облака и пойдет дождь...

Поверхности долин застроятся жилыми домами, их будут окружать сады и парки... Индустриальные и сельскохозяйственные площади будут вынесены в отдельные районы...»

По мнению О'Нейла, уже сейчас можно реально обсуждать последовательное строительство четырех моделей космических колоний. Он предлагает следующие сроки для их сооружений, которые, однако, кажутся нам чересчур оптимистическими: 1988, 1996, 2002, 2008 годы.

Первая модель могла бы иметь радиус 100 метров и длину километр. В подобном сооружении разместится около 10 тысяч человек. Основная задача этой колонии — разработка и создание следующей модели с внутренней поверхностью, в 10 раз большей (размеры увеличиваются примерно в 3,3 раза). Затем еще дважды площадь колонии возрастет в 10 раз, и конструируется четвертая модель диаметром 6—7 километров. Период ее вращения около двух минут. В колониях четвертой модели должны постоянно жить до 20 миллионов человек. Каждая колония может представлять собой отдельное государство. О'Нейл полагает, что через тридцать-сорок лет до

90 процентов земного иаселення переселнтся в колоннн... На созданне первой колонии потребуется около 30 мнллиардов долларов (по курсу 1972 года), что примерио равио стоимости всей программы «Аполлои». Из них только 8,5 миллнарда понадобится для того, чтобы перевезти свыше 400 тысяч тонн матернала с поверхностн Луиы в место сборкн станцин...

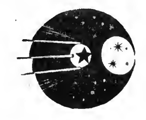
И еще иесколько строк: «Расчеты, прнведениые известиым советским астрофизиком, показывают, что уже через пятьсот лет, н прн самых неблагопрнятных экономических условнях через две с половнной тысячи лет, в «эфириых поселеинях» в пределах Солнечной снстемы будет жнть около 10 мнллиардов человек — значнтельно больше, чем сегодня обитает иа Земле».

...Здравствуй, здравствуй, грядущее поколеиие, проставляющее в паспортиую графу о месте рождеиия звездиые коорднната космограда! Каким он будет видеться с Земли, этот город, который ие может сегодня даже приснться? Заставнт ли там, в чериоте космоса, радостио забнться сердце огонек в окие, обещающнй материскиий покой и уют? Встретнтся лн на улнце детства вечный странник Иван Иваиович? Прошелестнт лн спелой листвой тайная береза свиданий?

Может, все будет, все будет так нлн почтн так... Ну а как же старушка Земля? Как же наша старенькая Мать, глядящая иам вослед в белом платке облаков?..

Павло ТЫЧИНА

В МЕЖПЛАНЕТНЫЕ ДАЛИ ОКНО



Гордость чувствуем мы — посмотри ты,
что свершить было нам суждено:
ведь в Советском Союзе открыто
в межпланетные дали окно.

Мы исполнены радости новой:
человечество ввысь поднялось.
Циолковского вещее слово,
что мы первыми будем, сбылось.

Люди мира, смотрите, взирайте,
как со спутником кружит Земля...
Вы сигналы его принимайте,
голос мира в них, голос Кремля!

Что возвышенней, чем золотое
чувство братства и дружбы закон!
То великое чувство живое,
и закон этот сердцем рожден.

Наше сердце открыто народам,
только мирные наши пути.
Уж конец положить бы невзгодам,
быть любому народу в чести!

Ах, народы! Не вам ли, народы,
стольких дел предстоит череда —
переделывать земли и воды
и беречь человека труда?

Гордость чувствуем мы — посмотри ты,
что свершить было нам суждено:
ведь в Советском Союзе открыто
в межпланетные дали окно.

1957

Перевод с украинского *Александра ГАТОВА*

Павел ПОПОВИЧ

ВПЕРЕД-К ИСТОКАМ ПРОШЛОГО

Пожалуй, отличнтельиая черта современых людей — любовь к экономике. И действительно цифры иной раз могут рассказать о каком-то деле иичуть ие хуже, чем живой человек. А рассказывают оии вот что: одна миита пребываиия иа орбите первого астронавта США Джоиа Глеииа (полет состоялся в 1962 году, продолжался 5 часов) стонла 1 миллион 680 тысяч долларов. Каждая секуида пребываиня иа Луие экипажа «Аполлоиа-12» стоила 30 тысяч долларов. Те, кто хоть иемного зиаком с арифметнкой, смогут легко оцеиить общую сумму — астронавты пробыли иа Луне 2 часа 40 минут — 9600 секуид... Что же касается луииого груита, доставлеииого американцами иа Землю, то с учетом всех предшествующнх расходов 33 килограмма его обошлись в миллиард долларов!

Вряд ли иа иашей плаиете есть еще «драгоценности», приобретеииые по такой, в буквальиом смысле слова, космической цеие. И это первый довод, который позволяет сомиеваться в иеобходимости покидать старушку-планету. Первый, но отнюдь не главиый.

Подводиые исследоваиия, или, скажем, ядериая физика, тоже требуют достаточно больших капиталовложеиий, ио тут нн у кого ие возникает сомнеиий иасчет целесообразностн таких разработок.

Почему же так миого протнвииков у космических программ? Американскнй экоиомист Чарльз Шелдон по это-

му поводу отметил: «...Сомневаются не только невежды, но и многие выдающиеся представители современного интеллектуального мира...»

В чем дело? Вернемся к фактам.

В марте 1966 года американские астронавты Нил Армстронг и Дэвид Скотт из-за потери управления кораблем «Джемини-8» совершили аварийную посадку в Тихом океане. Только чудом все кончилось благополучно.

В апреле 1970 года на «Аполлоне-13», направляющемся на Луну, произошел ряд серьезных отказов, едва не приведших к гибели астронавтов.

Позже Гленн Ланни (в США его называют «крестным отцом» программы «Аполлон») сказал: «...Космический корабль находился за сотни тысяч миль от Земли, когда взорвались кислородные баки. Этот несчастный случай уничтожил главный запас кислорода, взрывом повредило почти всю систему энергоснабжения. Увы, в этот драматический момент мысль о чьей-либо помощи я отбросил сразу же, как только она возникла...»

Этот список нештатных ситуаций можно продолжать и продолжать...

В то же время огромные достижения в астрономии (к примеру, создание радио- и инфрателескопов) позволят без всяких неожиданностей, не пускаясь в путешествия за миллионы километров, получить необходимую информацию не только о планетах Солнечной системы, но и о мерцающих в других галактиках звездах.

Так стоит ли рисковать?

И это второй довод в пользу того, чтобы убедить землян сделаться домоседами.

И, наконец, третий аргумент. Разве на Земле нет более срочных проблем? Зачем человеку космос?

Действительно, добыча столь необходимых сейчас железа, меди, алюминия, нефти, добыча золота с морского дна, получение управляемой термоядерной реакции, защита окружающей среды, победа над раком — вот они, насущные вопросы.

На протяжении последних десяти лет мировая пресса несколько раз возвращалась к этой дискуссии. Как известно, в этом споре до сих пор не поставлены все точки над «и».

Но сейчас уже много фактов, которые могут поколебать позиции пессимистов.

За период с 1958 по 1972 год США ассигновали на освоение космоса 63 миллиарда долларов. Но война во Вьетнаме обошлась Америке в 120 миллиардов. Затраты американского Национального управления по аэронавтике и исследованиям космического пространства в 3 раза меньше затрат американцев на спиртные напитки, в 2 раза меньше затрат на табачные изделия, меньше затрат на пари и тотализаторы...

Ну, а теперь: какие конкретные, практические задачи может решать космонавтика?

Нередко мы сетуем на сюрпризы погоды, на синоптиков. Средства, что расходуются в мире на службу погоды, составляют довольно внушительную сумму. На нашей планете свыше 15 тысяч метеорологических станций.

Задача службы ясна всем — она должна предупреждать об опасных явлениях природы (заморозки, штормы, ураганы и так далее) и подсказывать, как избежать или уменьшить тяжелые последствия стихийных бедствий.

В 1967 году в нашей стране начала действовать метеорологическая космическая система «Метеор», которая дает оперативную информацию о состоянии облачности и снежного покрова, о ледовой обстановке, тепловом режиме Земли, о зарождающихся ураганах и смерчах.

Космическая информация о погоде значительно шире, точнее, оперативнее наземной. Известно, что 71 процент земного шара — это океан, и получить достоверную информацию о погоде в этих районах может только искусственный спутник Земли или космический корабль.

А многие, наверное, помнят трагические сообщения об урагане «Бюла», разразившемся в районе Карибского моря, он пронесся над Южным Техасом и Северной Мексикой. Скорость ветра доходила до 265 км/час, чудовищные смерчи следовали один за другим и сопровождались сильнейшими ливнями, затопившими огромные территории. Материальный ущерб составил более 500 миллионов долларов. Погибло около 50 человек. «Бюла» пришел неожиданно. А если бы его сумели вычислить заранее?

Ученые подсчитали, что только прямой экономический эффект от своевременной и объективной информации гидрометеослужбы составляет ныне около 800 миллионов рублей в год!

Другой пример. Каждый год наша планета сотрясается. Некоторые землетрясения, подобно ашхабадскому

(1948), перуанскому (1970), китайскому (1976), надолго останутся в памяти человечества.

В землетрясениях «виноваты» тектонические процессы в недрах Земли. Ученые предполагают, что литосфера — твердая оболочка Земли — состоит из нескольких блоков, которые, перемещаясь, создают напряжение на стыках. Горная порода трескается, происходит сдвиг.

Так вот, с высоты космических орбит разломы земной коры хорошо видны. В районе этих трещин строить города нецелесообразно, там вероятны землетрясения.

Чем выше поднимается точка съемки, тем больше деталей содержит снимок. На изображениях Земли из космоса геологи увидели такие картины, которые им не увидеть ни на каких других видах съемок земной поверхности.

Обнаружилось одно особенное достоинство снимков, сделанных с космической высоты. На них неожиданно стали заметны глубинные структуры Земли. Они проступали сквозь чехол рыхлых отложений, как проступают очертания статуи, закрытой тканью до торжественного открытия.

Изучая снимки, сделанные с искусственных спутников Земли, советские геологи составили тектоническую карту Западной Сибири — карту ее геологического строения. На ней впервые удалось обнаружить зону разломов длиной 500 километров. Эта зона расположена в широтном направлении и идет с юга через Урал. Ее пересекают разломы меридионального направления. В местах пересечения, возможно, находятся скопления нефти и газа. Так космическая геология помогает разведчикам недр искать полезные ископаемые. Это касается поисков угленосных районов, и залежей подземных вод в пустынях, и рудных месторождений.

Кстати, в последние годы все большее значение приобретает проблема пресной воды.

Самой обыкновенной воды, которая требуется всем и везде. И если даже хотите — которая в какой-то мере определяет уровень развития техники. Поясню свою мысль.

На каждого жителя современного большого города расходуется от 150 до 600 литров пресной воды в день. Для выпечки буханки хлеба (в среднем пересчете) требуется 14 литров, для производства тонны стали — 400 ты-

сяч лнтров, чтобы вырастить одиу тоину зериа — один миллиои литров, получить одиу тоииу каучука — 2,5 миллиона... То есть в тех страиах, которым не хватает запасов пресной воды (к сожалеиию, нх число быстро растет), иадо строить целые комплексы предприятий для ее производства. Вот н получается — для одиой промышлеииости (иапример, металлургической) иужиа дополиительиая промышлеииость (та же — «опреснительиая», то есть которая «превращает» морскую воду в обыкиовеииую).

Ясио, что это дорого и невыгодно.

Можио ли получить столько воды другим способом?

Поиятно, что ответить иа этот вопрос позволят только качествеиио иовые методы исследоваиия гидроресурсов плаиеты. По миеиию иекоторых учеиых, иаиболее вероятиый из них — иаблюдеиия из космоса.

С помощью аппаратуры, установлеиной на борту летающих лабораторий, можно количественно определить величииу снежиого покрова перед началом таяиия снегов (или, что не менее важно, ледников), а при дальиейших исследоваииях оценивать сток воды на больших территориях. Кроме того, можио фиксировать область выхода подземных вод иа поверхность. Все это позволит если не полностью предотвратить опасность хронического водиого голода, то, по крайией мере, отдалить время его иаступления.

Следующая проблема — мировой дефицит продуктов питаиия. Уже давио ведется поиск иовых источников их получения. Наиболее вероятный выход — океаи. Имеино ои спасет человечество, считают многие исследователи.

У иих есть серьезные осиования так думать.

Общая биомасса в океанах исчисляется примерно 25 миллиардами тоии. Только один Атлантический океаи «по питательиости» оцеиивается в 20 тысяч урожаев, собираемых в год иа всей суше.

По даиным ЮНЕСКО, в конце 60-х годов мировой улов рыбы составил 70 миллионов тоии в год. В 1975 году — примерио 100 миллионов. Прогиозы на будущее — 140 миллионов тоии в год.

Чтобы собирать такой урожай, потребуется фантастическая армия специальных морских судов. Теперь, если принять во внимаиие, что больше половины времеии пребывания в океаие им придется тратить на поиск, стаиет

ясно, какая большая роль будет отводнться космоспутннкам — промысловым разведчнкам.

Два-три таких спутника в состояинн составлять суточиые карты рыбиых косяков всех океанов планеты. Используя прннцнп — где ианбольшая плотность морской воды (которая хорошо видиа нз космоса), много планктоиа; где есть планктои — там рыба.

Все это сэкономнт мнллнарды...

Здесь нельзя ие иапомннть о таком тревожиом факте, что Каспнйское море «усохло» на 20—30% — почти иа одну треть за полвека.

Это не еднничный случай. В Аральском море за этот же пернод соленость воды повыснлась более чем вдвое. Проннкновенне солеиых потоков в Азовское море проносходнт на нашнх глазах. Мы являемся свидетелямн того, как постепенно уменьшаются косякн рыбы в иекогда самом богатом море России.

То есть рыбы становится все меньше, так же как и добывать ее становится трудиее.

Вот я прнвел иесколько фактов прнмеиеиия космическнх нсследоваиий в народном хозяйстве, которых вполие достаточио, чтобы считать это дело выгодиым.

Но есть н еще одио иаправлеине космических исследований. Я думаю, оно ие менее важиое.

Вспоминаю свой первый полет в космос.

По задаиию медиков я должеи был нз двух перекрытых трубочек переселить мух в одну, общую, н понаблюдать за нх поведеиием. Смешно было глядеть, как эти бойкне на земле цокотухи становнлнсь какими-то иепоиятно медлнтельиыми, будто только что просиулись после знмней спячки. Словом, иевесомость и на иих действовала. Но потом они приспособнлнсь, стали передвигаться живее, даже совершать в пробирке что-то похожее иа полет.

Это был однн из первых биологическнх экспериментов иа орбите.

С тех пор, как говорится, много воды утекло. И иаправление «космос — иаука», «наука — космос» заияло одно нз ведущих мест в космических программах.

Космической иауке миогое по плечу. Не сомневаюсь — иемало тайи будет разгадано благодаря имеино полетам в «звездиый мир».

Еще ие так давно считалось, что «Черные дыры» воз-

можны только в теории. Лишь в 1971 году астрономы открыли, что иевидимым «партнером» гигантской голубой звезды в созвездии Лебедя, вероятио, является подобный объект. С тех пор обнаружеио еще два «кандидата» иа эту роль — один в созвездии Персея, другой на границе созвездий Ориона и Едииорога. Всего же в Галактике (Млечном Пути), по расчетам ученых, должно иаходиться по меиьшей мере 10 миллионов «Чериых дыр».

Что представляют собой эти загадочные объекты? Это мертвые звезды, «вырывшие» себе бездоиные могилы в космосе!

«Черные дыры» могут иметь самые различные размеры. Предполагается, что сверхтяжелые «Чериые дыры» с массой, превышающей солиечную в сотни миллионов раз, находятся в цеитре квазеров, источиков колоссальной энергии, расположенных в глубинах Вселеиной. Возможио, что даже в цеитре иашей собственной Галактики есть иеподвижная сверхтяжелая «Черная дыра».

Раньше ученые полагали, что если даже «Черные дыры» существуют, то особо беспокоиться не следует — ведь они невидимы и их нельзя обнаружить. Подобное отиошеиие изменилось только после 1967 года, когда радиоастроиомы из Кембриджа объявили об открытии пульсаров, крошечных пульсирующих объектов, которые, как вскоре выяснилось, оказались нейтроиными звездами. Эти звезды, как и «Чериые дыры», представляют собой тела с очень высокой плотностью материи и долгое время считались не поддающимися наблюдению. Сейчас известны уже сотни пульсаров.

Нейтронные звезды названы так потому, что электроны и протоны их атомов сдавлены силой гравитации в иейтрониые атомные частицы, иейтроиы. Нейтроиные звезды — это важный ключ к пониманию природы «Черных дыр», поскольку космические объекты обоих типов возникли в результате гибели больших звезд.

В то время как Солнце спокойно угаснет через несколько миллиардов лет, оставив после себя лишь слабо тлеющие «звездные угли», звезды, превышающие по массе наше светило в несколько раз, обычно ие умирают спокойио. Вместо этого они взрываются с чудовищной силой. Эти взрывы известны под названием вспышек сверхновых. Подобную вспышку астрономы Востока наблюдали еще в 1054 году. В ее результате возникла Крабовидная тумаиность в созвездии Тельца. В центре

этой туманности находится наиболее изученный пульсар, представляющий собой остаток большой звезды.

Но если «огарок» умершей звезды обладает достаточной массой, по крайней мере втрое превышающей массу Солнца, то ничто не препятствует ему сжиматься под действием собственного притяжения и, минуя стадию нейтронной звезды, «скатиться» в бездонный гравитационный колодец «Черной дыры».

Материя проваливается через так называемый «горизонт событий», в результате «Черная дыра» подобна водостоку во Вселенной. Незадачливые космоплаватели тоже могут исчезнуть за «горизонтом событий», и, когда они окажутся «внутри», ни они сами, ни их радиопослания о помощи не смогут вырваться наружу.

В центре «Черной дыры» вещество, из которого когда-то состояла звезда, сминается непреодолимой гравитацией в точку с бесконечно большой плотностью, называемую сингулярностью (особым состоянием). Такой исход действительно представляет собой особое состояние, поскольку сколлапсировавшая звезда как бы «выжала» себя из существования.

Согласно некоторым теориям, вещество, поглощаемое «Черной дырой», должно где-то и когда-то появиться вновь. Если так, то «Черная дыра» — это настоящий туннель во времени и пространстве. Некоторые авторы, склонные к гипотетическим допущениям, полагают, что «Черные дыры» представляют собой системы быстрого переноса материи во Вселенной.

Представляете, как интересно установить истинную природу «Черных дыр»! Хочу подчеркнуть, что эта задача — дело не такого уж далекого будущего. Например, просмотр интересных объектов с помощью радиотелескопа даст очень много, особенно если учесть, что прибор можно разместить на орбите в безвоздушном пространстве. Подобный эксперимент был уже проведен во время полета Владимира Ляхова и Валерия Рюмина.

Всем знакомо созвездие Малой Медведицы. Оно объединяет 20 звезд, доступных невооруженному глазу. Основная «достопримечательность» Малой Медведицы — это Полярная звезда. Однако не все знают, что рядом с ней Солнце выглядело бы скромно: поперечник Полярной в 120 раз больше солнечного диаметра. Это типичная цефеида. Так называют переменные звезды — сверхгиганты, периодически изменяющие свой блеск. Такое яв-

ление объясняется пульсацией наружных слоев звезды, приводящей к периодическому изменению ее радиуса, температуры и блеска. Работает этот своеобразный механизм очень ритмично — период между соседними максимумами яркости Полярной звезды составляет четверо земных суток. Недавно в созвездии Малой Медведицы радиоастрономы открыли еще один любопытный объект — звезду, выбрасывающую струю вещества на расстояние в 6 световых лет, то есть 55 триллионов километров. Энергия выброса колоссальна. По расчетам, она достигает энергии, которую излучают десять миллиардов обычных солнц.

Вселенная полна неожиданностей. Советский ученый И. Шкловский считает, например, что появление разумной жизни в космосе есть сама по себе неожиданность, но тем не менее уже и сейчас планы космических исследований ориентируются на так называемый «возможный контакт с братьями по разуму». Так, в августе—сентябре 1977 года были запущены два американских корабля «Вояджер» с целью разведки планет Сатурн, Юпитер, Уран. После выполнения задания они покинут пределы Солнечной системы и начнут свое бесконечное путешествие по Вселенной. Интересно то, что к их корпусам прикреплены два одинаковых контейнера с позолоченной граммофонной пластинкой из особого сплава и с алмазной иглой. Пластинка может сохранять качество звучания миллиарды лет.

На ней записаны приветствия от людей, говорящих на 60 разных языках, голоса китов, крик новорожденного, вой ветра, шум поезда, скрип автомобильных тормозов, плеск воды и, конечно же, музыка. Бах, Бетховен, рок-н-ролл, блюзы, старинные песни... Кроме этого, в контейнере находятся более ста самых различных изображений: анатомия человека, схема молекул ДНК, контуры наших океанов и континентов, цветы, птицы, животные, снежинка, а также схема, указывающая место Земли в Млечном Пути. Если когда-нибудь «Вояджер» будет обнаружен, то инопланетяне смогут получить довольно полное представление о нашей цивилизации.

Но известно, что дорога в другой мир начинается с порога твоего собственного дома. И если Солнечная система — наш дом, то сюрпризов он хранит не меньше, чем «далекий космос».

Взять хотя бы такую версию. 75 миллионов лет тому

назад между орбитами Марса и Юпитера существовала планета (будем называть ее Фаэтон). Это была старая планета — в полтора раза старше Земли. Но самое главное: на ней существовала органическая жизнь. Состав метеоритов, упавших на Землю, свидетельствует именно об этом! И пусть не улыбаются пессимисты. Некоторые ученые предполагают, что эволюция жизни на Фаэтоне достигла своих высших форм: там существовала цивилизация! По некоторым оценкам, опережавшая нашу, современную. И естественно, что жители планеты владели тайнами термоядерной энергии.

Сейчас уже нельзя точно установить, что именно произошло, только в один роковой момент ядерный взрыв колоссальной силы потряс Фаэтон. Он был подземным, поэтому планета раскололась. Большая часть ее, получив дополнительный к орбитальному импульс скорости, ринулась во внешнее пространство...

Возможно, взрыв был столь неожиданным, что никто из разумных существ не сумел спастись, и цивилизация навсегда растворилась в бескрайних просторах Вселенной...

У Сатурна осколок повернул один из спутников вспять, другой был разорван на множество осколков, в результате чего образовались знаменитые кольца Сатурна. Около Урана погибший Фаэтон прошел так близко, что от него был оторван внушительный «кусок», который потом снова упал на Уран. От силы удара тот повернулся. Так что теперь, в отличие от любой другой планеты в Солнечной системе, лежит на боку, и ось вращения практически расположена в плоскости орбиты.

Наконец, кинетическая энергия Фаэтона иссякла в борьбе с гравитационными силами планет и Солнца, и он вышел на орбиту, на которой и поныне находится загадочный Плутон...

Мы подходим к самой необычной части этой истории. Девятая планета Солнечной системы Плутон и есть основная часть Фаэтона, которая после взрыва ушла во внешнее пространство! И все, что нам сегодня известно о Плутоне, хорошо согласуется с этой версией.

Последствия катастрофы затронули не только «далекие» планеты. Пострадала и наша Земля. И необъяснимое ранее вымирание ящеров и других представителей животного мира 75 миллионов лет назад теперь стано-

вится понятным. Главная причина — резкое изменение климатических условий вследствие космической катастрофы. Это подтверждают последние палеонтологические исследования.

Все это поможет нам по-новому посмотреть на наших соседей — другие планеты Солнечной системы. И представьте, как важно человеку побывать на них, в частности на Плутоне. Что он увидит: следы погибших городов или просто безжизненную пустыню?..

Мне, правда, хочется, чтобы читатели хорошо представили себе, с какими трудностями придется столкнуться ученым и конструкторам, которые будут готовить этот звездный рейс.

Это, во-первых, время. Оно и на Земле никогда не было союзником человека, а в космосе — становится просто врагом.

Поясню свою мысль. Плутон находится далеко от нас — около 6 миллиардов километров. Это очень много. Особенно если принять во внимание, что гораздо меньшее расстояние (меньше в 150 раз) от Земли до Венеры космический корабль преодолевает за четыре месяца. Легко посчитать: чтобы слетать до девятой планеты и обратно, человеку еле-еле хватит собственной жизни. Но отчаиваться не стоит. Выход есть. Надо планировать экспедицию с расчетом на несколько поколений. То есть с Земли стартует один состав испытателей, а возвращаются их дети, а может быть, даже и внуки.

Безусловно, эта проблема волнует многих ученых. Как же она будет решаться?

Специалисты Института медико-биологических проблем Минздрава СССР в содружестве с чехословацкими учеными намерены поставить интересный эксперимент в области изучения развития живого существа в космосе. На одном из спутников будут размещены яйца японского перепела. В роли матери, как это делается на Земле, на птицефермах будет выступать автомат. Время рассчитано так, что сразу же после приземления произойдет рождение перепелов, эмбриональное развитие которых происходило в условиях невесомости. Это позволит проследить все или почти все этапы развития первого живого существа в условиях невесомости.

Многие удивятся, почему выбор пал именно на японского перепела, а, например, не на собаку и обезьяну? Но здесь ученые руководствовались еще одним ценным

качеством этих птиц — они являются серьезными «кандидатами» на одно из мест в сложной замкнутой экологической системе космических кораблей будущего. Ведь по-настоящему длительные космические полеты невозможны без создания внутри кабины корабля «микроземли», которая могла бы обеспечивать восстановление атмосферы, утилизацию отходов и возобновление запасов пищи для экипажа.

Но, конечно, ответить на вопрос о возможности продления жизни человека в космосе сможет только эксперимент с участием самого человека. Несомненно, это космическое исследование будет проведено. Правда, пока не будут получены доказательства того, что столь длительное пребывание вне Земли (ведь продолжительность этого эксперимента около года, и «чете космонавтов» все это время придется находиться в космическом корабле) пройдет безболезненно для них, говорить о конкретных сроках не имеет смысла.

Еще до сих пор далеко не полностью понятны процессы, связанные с адаптацией человеческого организма в условиях длительной невесомости. Если вопрос об изменении сердечно-сосудистой системы более или менее исследован, то этого нельзя сказать о многом другом. Например, приостанавливается ли процесс «истечения» кальция из костей в ходе длительного космического полета? Или какого максимума физических усилий достаточно, чтобы сохранить здоровье космонавтов в длительном полете?

Следовательно, наверняка для длительного полета потребуется создание искусственной силы тяжести. Предварительные исследования уже были проведены: на биологических спутниках была установлена центрифуга, которая создала искусственную силу тяжести. Было показано, что треть земной тяжести в общем-то обеспечивает нормальное течение физиологических процессов. Но окончательно утверждать что-либо все-таки трудно, ибо у мировой науки нет еще опыта длительного полета человека при такой величине искусственной тяжести.

Таковы основные проблемы, стоящие перед современной космонавтикой. Не скрою, их много и они повергают некоторых ученых даже в состояние скепсиса — «мол, попробуй разреши...» Но тем не менее, чем быстрее мы сумеем сорвать покрывало тайны с загадочного Плутона, освоить Марс и Венеру... Кстати, эти две пла-

неты действительно очень важны для нашей цивилизации, так как Земля — это только дом, в котором мы живем, а ведь известно — когда дом становится тесен, нужно искать новый.

А вот Венера имеет очень много шансов выступить в роли второй «колыбели разума». Многие ученые считают, что если ее атмосферу, богатую углекислотой (CO_2), заселить простейшими организмами, поглощающими углекислоту и выделяющими кислород, то планету можно кардинальным образом преобразовать. В атмосфере появится необходимый для жизни животных кислород, парниковый эффект постепенно исчезнет, условия приблизятся к земным, и Венера станет пригодной для освоения...

Или такая загадка Солнечной системы.

Интересная запись сделана в книге XVII века «История чудес». «Комета служит верным признаком событий несчастных: кровопролитий, убийств, смертей великих монархов, измен, опустошения земель, разрушения империй, королевств и городов, голода и дороговизны продуктов».

Давайте отречемся от ненаучного подхода к фактам, распространенного в средневековье, и попробуем с современной, строго научной точки зрения взглянуть на кометы.

Во-первых (к сожалению, и в-последних), хорошо известно о кометах только то, что они, приближаясь к Солнцу, выбрасывают огромный шлейф из газа и пыли. Зато гораздо больше того, чего мы о них не знаем.

В движении некоторых комет обнаружены явления, не объяснимые притяжением их известными телами Солнечной системы. Одни из таких комет испытывают вековые ускорения движения, другие, наоборот, замедления.

Почему же мертвое тело в безвоздушном пространстве меняет свою скорость? Единственное, что предполагают ученые,— скорость изменяется в результате реактивного эффекта от выделяющихся из ядра кометы потоков вещества.

Но вот следующая загадка космических скитальцев. Всякий раз, находясь рядом с Солнцем, комета значительную часть своего вещества расходует на образование хвоста. Зная массу кометы и массу хвоста, мы можем легко вычислить время ее жизни — время, за которое она саму себя истратит. Но комета, исчезнув с небосклона,

через сто — двести — трнста лет, иарушая все прогнозы, появляется вновь и вновь! В чем дело? И как же закон сохраиення вещества?

Очевидно, где-то в космической дороге кометы претерпевают неизвестные нам изменеиня.

Остается открытым вопрос и о том, откуда онн вообще берутся. Ведь известио — возраст Солнечной снстемы не менее 4,5 миллнарда лет. И если предположнть, что они роднлись одновремеино с ней, то уже давно должны былн израсходовать все свое вещество. Но еслн верить «глазам своим», кометы все-таки существуют, н, более того, число нх растет.

Получается, что кометы «сотворяются» где-то в неведомых нам небесных мастерских. По одиой версни — вследствне мощных вулкаиических изверженнй на больших планетах и спутниках. По другой — онн рождаются в окрестностн Солнца из гнгаитского кометного облака.

Но фантазня нсследователей завела нх еще дальше — появилась гипотеза о том, что иекоторые кометы есть корабли-разведчнкн нной цивнлнзацни, и оин уже тысячи лет собнрают ннформацню о Солнечиой системе и, в частности, о Земле. Кстатн, перечнслеиные факты этому не протнворечат...

В общем, огромный ннтерес, который проявляют ученые всего мнра к кометам, легко объясним. Но нзучение их — задача весьма сложиая. Сведеннй, получаемых астроиомамн н астрофнзикамн, коиечио, не хватает.

С кометой требуется иепосредствеииое общение. Какие же техннческие задачи надо будет решнть в ходе такого экспернмента? Место встречи спутннка и кометы определяется в завнснмости от целей иаучного нсследоваиия. Напрнмер, еслн ограинчнться взятнем пробы газа и пыли, рассеянных в хвосте кометы, то спутннку будет достаточно пронзить этот хвост в любом направлеиии.

Все гораздо усложннтся, еслн иам будет необходнмо, чтобы спутннк сблнзнлся с ядром кометы, сфотографировал его, провел другие исследования, находясь рядом достаточно продолжнтельное время. В этом случае потребуются большне энергозатраты.

Действительио, комета Когоутека, приблнжаясь к Солнцу, нмеет скорость 100 километров в секунду. И попробуй такую догонн!

Следующая важная задача — автоиомная снстема навигацни спутннка. Ведь ядро кометы по сравнению с Лу-

ной или Венерой — объект очень небольшой, и управлять полетом аппарата так, как это делается сейчас — с Земли,— будет нельзя. Причем если орбиты планет известны с достаточно высокой степенью точности, то орбиту кометы придется уточнять уже во время полета к ней спутника. В случае недостаточно точного определения орбиты кометы сближение вообще не получится.

Стоит также отметить, что производить это сближение энергетически выгодно рядом с Солнцем — при этом для разгона спутника используются силы притяжения светила. Но тут есть парадокс: на самом деле выигрыша не будет, так как спутнику, находящемуся даже на расстоянии 10—15 миллионов километров от раскаленного шара, требуется очень мощная теплозащита.

Полеты автоматических спутников к кометам дадут очень много, но наибольший интерес, безусловно, представляет эксперимент с участием самого человека. Что в будущем такое исследование будет проведено, не вызывает сомнений.

Существующие корабли для такого полета не годятся. Прежде всего требуется значительно повысить их энерговооруженность — без этого не удастся ни догнать комету, ни сблизиться с ней.

Такой корабль должен располагать надежной системой жизнеобеспечения: даже для кратковременного пребывания пилотируемого аппарата вблизи ядра кометы общее время полета может оказаться весьма большим. Ведь, догнав космического скитальца, не повернешь сразу обратно, придется выходить на какую-то новую эллиптическую орбиту.

В общем, проблем хватает.

А что касается некоторых необъяснимых свойств комет и предположений о том, что они посланцы внеземных цивилизаций, могу сказать лишь одно: слетаем — посмотрим...

Теперь представьте себе, что какая-то внеземная цивилизация заинтересовалась нашей планетной системой. И стала зондировать ее радиотелескопом. Так вот, результаты их наблюдений должны вас очень удивить — у нас два светила в системе! Одно из них — привычное Солнце, а второе... Юпитер. Пусть он меньше нашей настоящей звезды в тысячу раз, но излучает в космическое пространство энергии в два раза больше, чем получает,— громадная величина. Значит, наша система — система

двух «радиозвезд». Так считают некоторые астрономы.

Кто-то скажет: «Ну, это сложности инопланетян, пусть там сами разбираются, нам-то от этого ни холодно ни жарко». Такой вывод весьма поспешен.

Последние исследования говорят, что планетные системы с двойными звездами неустойчивы. Это хорошо пояснил в своей книге Айзек Азимов.

На далекой планете возникает разумная жизнь в мире двух солнц. Одна звезда — близкая — создает и «лелеет» эту жизнь на протяжении многих тысячелетий. Рожденная цивилизация начинает быстро развиваться. Неизвестно, до каких пределов шло бы ее развитие, если бы ранее безобидная, даже красивая, вторая звезда на небосклоне не стала виновником катастрофы. Оба светила сблизились (ученые считают, что в двойных системах это частое явление), палящие лучи этого второго солнца испепелили все живое на планете, оставив лишь мертвые камни...

Правда, Айзек Азимов фантаст, и писал он не про нашу планетную систему, но, получая новые результаты наблюдений, исследователи год от года заинтересованнее взирают на Юпитер.

И возможно, что в ближайшее время многие космические корабли возьмут курс в его сторону...

Одним словом, Солнечная система очень интересный и важный объект исследований. Работы хватит человечеству не на одно столетие.

Хочу также отметить: работу эту, конечно, лучше выполнить совместными усилиями. То есть придать ей международный характер. В частности, две крупнейшие космические державы СССР и США просто обязаны сотрудничать.

Развитие исследований безвоздушного пространства шло у нас различными путями, но есть много общего. Началом у американцев можно считать 9 апреля 1959 года, когда на пресс-конференции в Вашингтоне были представлены журналистам будущие участники космических полетов (спутники-капсулы для полетов носили кодовое название «Меркурий»). Впервые стали известны имена американцев, которым предстояло покинуть планету. Вот эти имена: Алан Шепард, Джон Гленн, Вирджил Гриссом, Уолтер Ширра, Малкольм Скотт Карпентер, Гордон Купер, Дональд Слейтон. Многие соотечественники называли их счастливчиками. По словам

«Нью-Йорк таймс», в США не каждому выпадает счастье рискнуть жизнью, имея при этом хотя бы скромные шансы на выигрыш...

Надо сказать, что отбор кандидатов был действительно очень суров. И не случайно из семидесяти человек его прошло только семь.

Группами по пять-шесть человек испытуемых направляли в Альбукерке (штат Нью-Мексико), где находилась частная клиника «Лавлэс Клиник», пользующаяся славой лучшей в мире исследовательской лаборатории физиологии человека. Затем на авиабазе «Райт Паттерсон» проверялась способность кандидата переносить перегрузки, действовать в крайне неблагоприятной обстановке. Этому исследованию придавалось крайне важное значение. Был, например, такой эксперимент. На специальном устройстве — велоэргометре, напоминающем велосипед, кандидат в астронавты вращал колеса с меняющимся сопротивлением. Хорошую оценку получал тот, кто при частоте пульса 180(!) ударов в минуту имел лучшие показатели в преодолении сопротивления.

Психикой будущего астронавта особенно заинтересовались американские гипнотизеры. Собравшись на свой первый конгресс в городе Лас-Вегасе, они обратились в министерство обороны США с предложением применять гипноз в деле подготовки астронавтов.

Исследователи утверждали, что гипноз поможет американским парням сравниться с русскими, поможет им добиться большей сосредоточенности, сделает их более хладнокровными: астронавты будут потреблять меньше кислорода и меньше нуждаться в отдыхе...

Одним из этапов психической проверки кандидатов явилось «супертестирование». Каждому предлагалось ответить на 566 вопросов, среди которых некоторые до сих пор вызывают недоумение: «Объясните (?) чернильную кляксу», «Выскажите свое отношение к вопросу «Кто я?»...

Но вот после многочисленных отсевов на свет появилась «великолепная семерка». И началась подготовка к старту...

Шел 1959 год. В Белом доме нервничали — было необходимо опередить русских.

Тем не менее результаты исследований вызывали уныние.

В 1957 году удачных запусков по отношению к об-

щему чнслу попыток было — 0(!) процентов, в 1958 году — 29 процентов, в 1959 году — 58...

По мненню обозревателей ряда агентств, благополучный исход запуска капсулы с астронавтом равнялся лишь 80 процентам.

Но надо было спешнть. В разведывательиом управленнн нмелись данные, что русские готовят мнру «сюрприз»...

12 апреля стало ясно, что амернканцы все-такн опоздалн.

5 мая 1961 года реванш пытался взять трндцатисемилетний капитан 3-го ранга военно-морских снл США Алаи Шепард. Ракета «Редстоун» подняла капсулу с Флорндского мыса Канаверал на высоту 180 километров. Но это был, к сожаленню, не космический полет, а лишь баллистический прыжок — Шепард находился в полете всего пятнадцать минут, а затем вместе с капсулой опустился в Атлантнческий океан.

Первый орбнтальный полет на корабле «Френдшнп-7» удалось совершнть Джоиу Гленну, но только спустя десять месяцев после Гагарина.

Среди одинночных полетов в космос следует остановнться на полете Малькольма Скотта Карпентера. Ои нллюстрнрует, что спешка в подготовке всегда была плохнм союзником...

Старт состоялся 24 мая 1962 года, когда Карпентер перестал вернть в то, что он состоится. Ибо четыре раза он откладывался по технническим причннам. А когда казалось, что все уже готово, в районе полнгона началнсь сильные лесные пожары. Из-за боязнн, что дым будет мешать оптическому наблюдению, старт отложнли в пятый раз.

Полет продолжался уже 226 секуид, как вдруг Земля прнняла сигнал о неполадках в гидравлнческой снстеме ракеты. Взвеснв все шансы, был принят единственный выход — отделнть спутнник от ракеты. В этом случае астронавту пршшлось бы спускаться на парашютах. Но тут выяснилось, что снгнал о неполадках ложный, и срочно приостановили аварнйное отделенне спутнника.

На этом «сюрпрнзы», ожндавшне Карпеитера, не коичнлнсь. Делая третий внток, он почувствовал недостаток кислорода. В результате ненсправностн основиой бортовой снстемы кнслород стал поступать в меньшем количестве. Участнлся пульс, давлеиие стало 210 на 60.

Бутерброды, обернутые в тонкую пленку, раскрошились, и астронавт в невесомости не мог их съесть.

Но все-таки главной опасностью была по-прежнему работа системы ориентации. Эта система должна удерживать корабль-спутник в определенном положении относительно орбиты перед включением тормозной двигательной установки.

К ответственному моменту выяснилось, что топливо (в качестве топлива использовалась перекись водорода) практически израсходовано и совершить маневр на орбите почти невозможно. Карпентер все же, умело комбинируя ручной и автоматической системами ориентации, сумел придать кораблю-спутнику более или менее нормальное положение. Приводнился он в 300 километрах от расчетного района, что чрезвычайно затруднило поиски. Но и посадка не обошлась без злоключений — на высоте нескольких километров корабль-спутник начал раскачиваться, и Карпентеру пришлось вручную, раньше, чем было предусмотрено программой полета, выпустить парашют для стабилизации корабля.

Шведская газета «Стокгольмс тиднинген», отметив мужество и присутствие духа астронавта во время бесконечных больших и малых аварий, назвала его полет «космической драмой на грани между жизнью и смертью»...

Конечно, освоение космического пространства немыслимо без непредвиденных случайностей, без аварий, но небрежность, вызванная желанием обогнать конкурента,— на нее люди права не имеют...

Совершив в середине шестидесятых годов несколько полетов на многоместных кораблях «Джемини», американцы вплотную занялись подготовкой программы «Аполлон».

«Именно Луна поможет нам обогнать русских»,— говорили официальные представители Белого дома.

Стоимость программы оценивалась в 30 миллиардов долларов.

16 июля 1969 года стартовал «Аполлон-11». Миллионы телезрителей в десятках стран следили за его стартом.

Ракета-носитель «Сатурн-5» (вместе с установленным на ней кораблем весила 2943 тонны) взяла курс на Луну.

По дороге к мертвому спутнику Земли у астронавтов было много работы. Чтобы открылся доступ в лаз, ве-

дущий в лунную кабину, им предстояло разобрать механизм стыковочного штыря и приемный конус, складывая детали в отсеке экипажа. После чего Армстронг и Олдрин в течение двух часов проверяли бортовые системы лунной кабины. Здесь стоит отметить, что следствием ошибки при разборке стыковочного штыря была бы катастрофа...

19 июля корабль вышел на окололунную орбиту.

Армстронг и Олдрин вновь направились в лунную кабину, а Коллинз смонтировал и установил в рабочее положение на лунной кабине приемный конус стыковочного узла, а на основном блоке — стыковочный штырь. Ему теперь предстояло действовать в одиночку, ибо с этого момента начался отсчет времени до расстыковки и посадки кабины на Луну.

Через несколько десятков минут корабль землян разделился. Посадочная ступень (она называлась «Орел») повисла над Морем Спокойствия. Начался вертикальный спуск. В двухстах метрах от поверхности Армстронг отключил автоматическое управление и перешел на ручное пилотирование. Заранее избранное место прилунения не годилось — под аппаратом находился кратер размером с футбольное поле.

20 июля 1969 года в 23 часа 18 минут по гринвичскому времени первый пилотируемый космический аппарат землян совершил посадку на поверхность Луны.

Еще в течение трех минут астронавты находились в готовности номер один с тем, чтобы совершить немедленный аварийный старт с Луны. Но все было спокойно, и Центр управления дал разрешение оставаться на Луне и действовать по программе. Через шесть с половиной часов Нил Армстронг прошелся по лунной поверхности, оставляя на рыхлом слое следы глубиной в 2,5 сантиметра.

Астронавты установили на спутнике Земли памятную табличку, на которой было выгравировано: «Здесь человек с планеты Земля впервые ступил на Луну... Мы явились с миром от имени всего человечества».

На поверхность Луны были также доставлены медали Юрия Гагарина, Владимира Комарова, Вирджила Гриссома, Роджера Чаффи и Эдварда Уайта. Советских и американских космонавтов, отдавших свои жизни ради покорения Вселенной.

21 июля в 20 часов 54 минуты, захватив 28 килограммов образцов лунных пород, астронавты стартовали с Луны. Состыковавшись на лунной орбите с командным блоком, где поджидал их Коллинз, они направились домой...

Примерно через час после приводнения вертолет доставил астронавтов на борт авианосца, где они были отправлены в специальное карантинное помещение, поскольку тогда еще не было точно известно, что Луна — безжизненное тело.

Карантин длился 21 сутки. Однако обследование астронавтов и анализ доставленных ими с Луны образцов грунта показали, что никаких микроорганизмов на Луне нет...

История космонавтики показывает, что соперничество между двумя великими космическими державами СССР и США приносит меньше пользы, чем сотрудничество. Ибо выполненная с таким трудом (огромные затраты и большой риск) программа «Аполлон» не вывела американцев вперед — советские автоматические станции «Луна» не только доставили лунный грунт на Землю без всякого риска, но и «добросили» до поверхности естественного спутника Земли «луноходы», которые колесили по старушке-Луне. В то время как совместный эксперимент «Союз — Аполлон» показал преимущества космического сотрудничества.

По своей сложности и масштабности проект «Союз — Аполлон» — большая программа. Академик Б. Н. Петров так писал: «Путь, пройденный участниками программы «Союз — Аполлон» от замысла до блестящего успеха полета, был нелегок и непрост. Советским и американским специалистам сообща пришлось решить немало проблем, преодолеть много технических трудностей. К тому же ведь не секрет, что у совместного полета были в США и свои недоброжелатели и даже откровенные противники. И если все это не помешало осуществлению проекта и полет был проведен, значит, действительно взаимное стремление работать во имя мира и блага людей, узнавать друг друга, делиться опытом и знаниями, находить общий язык оказалось гораздо сильнее, чем предполагали те, кто сеял сомнения!..»

В приветствии Леонида Ильича Брежнева говорилось:

«Все человечество с восхищением следило за выдающимся экспериментом в космосе — совместным полетом

советского корабля «Союз-19» и американского корабля «Аполлон». Впервые в истории осуществлена стыковка космических кораблей двух стран, опробованы в действии новые средства стыковки в целях обеспечения безопасности полетов человека в космическом пространстве, проведены астрофизические, медико-биологические, технологические эксперименты».

Мне довелось встречаться со многими американскими астронавтами, и почти всегда я обнаруживал схожие взгляды на проблемы освоения космоса, разоружения, защиты окружающей среды.

Особенно симпатичны мне Вэнс Бранд и Томас Стаффорд.

Бранд, например, считает, что неотложной задачей, которую человечество должно решить в самом ближайшем будущем, является обеспечение легкой и дешевой транспортировки больших полезных грузов и большого числа людей для того, чтобы ускорить проведение научно-технической революции в космосе. Задачей, которую люди будут решать в последующее пятидесятилетие, на его взгляд, станет дальнейшее исследование Солнечной системы, наблюдение и регулирование земных процессов с орбитальных космических станций, а также создание солнечных орбитальных электростанций. Дальнейшее изучение Солнечной системы позволит лучше понять нашу собственную планету и, таким образом, принесет и непосредственную практическую помощь.

Он верит, что когда-нибудь жители Земли будут добывать на астероидах никель и железо. Солнечные орбитальные станции станут превращать энергию света в микроволновую энергию и посылать ее к земным городам. К нефти, газу и каменному углю добавится еще один, постоянный источник энергии — солнечные лучи.

О будущем нашей планеты он думает с явным оптимизмом. Развитие науки и техники должно улучшить условия жизни людей. Конечно, при условии, что лидеры государств направят научно-технические достижения на решение таких неотложных задач, как, скажем, надвигающийся дефицит энергии.

Стаффорд был летчиком-испытателем. Интерес к полетам, вполне естественно, превратился у него в стремление стать астронавтом. В самой природе у человека заложено что-то, заставляющее его стремиться выше,

мчаться быстрее, испытывать пределы своих способностей. К счастью для нас, космическое пространство предоставляет нам, как отдельным лицам, так и обществам, неограниченные возможности для развития в этом отношении.

В процессе астронавтической тренировки его, как он рассказывал, интересовали больше всего два вопроса. Один состоял в том, чтобы проверить себя и узнать, сможет ли он справиться с задачами, которые потребуется решать. Второй — в том, каким образом человеку лучше всего приспособиться к такой обширной и технически сложной системе, как корабль «Аполлон». Конечно, успехи программ «Меркурий», «Джеминай», «Аполлон» и особенно «Союз — Аполлон» с избытком оправдали все его надежды.

В космическом пространстве перед человеком открывается почти безграничное будущее, если подходить к нему рационально, не забывая ни о надлежащих целях, ни о разумных ограничениях.

Могу сказать также вполне определенно — в области разоружения американские астронавты проявляют больше реализма и трезвости, чем их правительства. Помню такие слова Стаффорда:

— Из космического пространства я увидел много нового. Все мои представления о Земле переменились. Увидеть на фоне черноты пространства маленькую, многоцветную планету Землю, с ее средой и уникальной жизнью,— это очень волнующее и поучительное зрелище. Земля важна и значительна вследствие своей уникальности. Все мы должны сделать все от нас зависящее, чтобы охранить ее...

Меня часто спрашивают: «А вы не жалеете, что стали космонавтом? Что это за профессия. Раз-другой слетал — и все?..»

Ах, если бы эти люди представляли, какой длинный и нелегкий путь до этих «одного-двух полетов». И как это странно ни звучит, но космонавт — профессия очень даже земная.

Лично я стал космонавтом так.

Это было в 50-х годах. Лечу на самолете. Обыкновенный полет. Неожиданно в стратосфере двигатель выключается. Возможно, виноват я сам — например, нарушил режим пилотирования. Высота, естественно, стремительно падает. Сделалось жутковато. Даже вспомнил

давнего знакомого Колю Костенко, попавшего однажды в такую же переделку. Что делать?..

Я мобилизовался до предела. И после моих усилий — разумеется, в ход пошли воля, знания, пилотажные навыки, опыт и желание жить — заглохшая турбина заработала! Представляете ощущение?

Приземлился. Ожидал неприятного разговора или даже взыскания. Я не знал, что случилось с двигателем, каковы причины отказа. Возле самолета собрался авторитетный консилиум инженеров. Вдруг я сам по неосторожности заставил турбину замолчать, а потом «доблестно», как у нас говорят, возвращал ей дыхание?

Но после тщательного анализа случившегося претензий ко мне не возникло.

Выхожу из душной штабной комнаты на улицу. Облегченно вздохнув, направляюсь на аэродром, к своему родному самолету. У стоянки меня обгоняет «газик». Из кабины выглядывает начальник штаба полка:

— Попович, вас в штаб части.

— Меня? — Вновь настроение падает до нуля. Значит, анализ дал что-то новое.

— Да, вас. Точнее, в политотдел.

«Неужели уже и там известно об аварии?» С досадой поворачиваю назад. А мысли как дождевые тучи: одна мрачнее другой.

К начальнику политотдела вошел настороженно, энтузиазма нема. Там старший врач, то бишь медицинский работник. «Видимо, и они все уже знают». Мысль не слишком радостная. Отношение к врачу у летчиков неоднозначное: он твой защитник, он же... ну вы меня понимаете.

— Капитан Попович по вашему приказанию прибыл,— рапортую с дрожью в голосе.

Начальник политотдела смеется.

— Мы не приказывали, а приглашали. Знакомьтесь, представитель института...— и называет авторитетное, но малоизвестное учреждение.

Врач называет себя запросто, по-штатски:

— Николай Николаевич!

Тут же приглашает сесть и начинает разговор. Говорим о здоровье, о полетах, о настроении. Неожиданно спрашивает:

— На новой технике желаете летать?

— У нас техника не старая,— отвечаю не очень вежлнво, с некоторой обндой иа неосведомленность гостя.

— А на еще более новой? Скажем, иа космической?

— Кто же от такого откажется?! Готов хоть сейчас. Но...

— Сейчас, конечио, раиовато,— охлаждает доктор мой пыл.— Выслушайте до коица. Завтра, когда хорошенько подумаете, сообщите свое решение.

Очень скоро я поехал в Москву.

Так все это и началось...

Много утечет времени, прежде чем человек, который в ближайшем будущем должен будет покинуть планету, воспитает в себе необходнмые профессиональные качества. И все это происходит, конечно, на Земле. Закаляется его воля, ои обретает физическое н моральиое совершеиство. Но, поверьте, это дается нелегко. Из всех каидидатов, прошедших строгую меднцннскую комнссию, для дальнейшей подготовки годится далеко ие каждый.

Если говорить образио, подготовку космоиавтов можно сравнить с прохождением через множество разиоразмерных дверей. За первой, шнрокой, в которую могут войти десятки и даже сотни людей, находятся другие дверн. И с каждым шагом они становятся все более узкимн. Загадочный и суровый мир звезд впускает в свон владення только снльиых и закаленных людей.

Но предварнтельиый отбор — это только «цветочки», а «ягодкн» — это уже сама подготовка.

Напрнмер, «эксперимеит на выживаемость». Он помогает научиться в экстремальных ситуациях «ие терять голову» и прнннмать верные решеиня.

Бывает, высажнвают с вертолета группу в среднеазиатскую пустыню. Прямо на бархан. А бархаи горячнй — песок раскалнло солице. И кругом одни раскалеиный песок. Тень есть только там, где высадили врачей. Но до нх лагеря пять — семь кнлометров. Казалось бы, пустякн, каких-то пять кнлометров, долго лн дойти...

Отмахает человек сгоряча сразу трн, а то и четыре кнлометра. Вот он, лагерь, уже вндно, уже рукой подать... Видио-то видно, а двнгаться человек больше не может: иогн не идут. А тут еще ветер дует, песок несет... Решает передохиуть. Спускается в ложбннку, натягнвает палатку н ждет под ией, ждет, когда снлы вернутся... А они не вернутся. Лишь хуже будет: жара, духота, безветрие вымотают окончательно, до последней каплн.

Как же быть? А надо было разбить палатку сразу и дождаться ночи, а ночью можно и десять километров пройти.

Или мы проводим испытания в сурдокамере. Обычно они кончаются благополучно. Но случалось и так, что эксперимент приходилось прекращать буквально в последние часы.

Академик Павлов, резюмируя серию опытов над животными, пришел к выводу, что для нормальной деятельности мозга необходима постоянная его «подзарядка» впечатлениями — нервными импульсами, поступающими от органов чувств. Однообразность и монотонность впечатлений при отсутствии достаточного притока внешних раздражителей резко снижают тонус мозга, что, в свою очередь, может привести к различным, подчас странным и неожиданным расстройствам психики.

Такая сложная подготовка не случайна. Ведь дороги в космос не усыпаны розами.

Мне запомнились слова Юрия Алексеевича Гагарина, сказанные им после гибели Владимира Комарова:

«Как бы хотелось всем нам поверить, что Володя Комаров жив... Увидеть его улыбку... Но надо смотреть правде в глаза.

Мы сами умом понимали, что случиться может всякое, а сердцем не верили. И никак не думали, что беда так близка. Комаров сделал важное дело: испытал новый корабль, но и другое важное дело сделал он: заставил всех нас быть еще собраннее, еще придирчивее к технике, еще внимательнее ко всем этапам проверок и испытаний, еще бдительнее при встрече с неизвестным.

Его полет и гибель учат нас мужеству. Мы научим летать «Союз». В этом я вижу наш долг, долг друзей перед памятью Володи...»

Космонавты сдержали слово.

Не могу не отметить, что в последние годы возросла роль научной подготовки космонавтов. И это не случайно. Космос все в большей степени делается «рабочим». В связи с этим сильно возрастает роль космонавтов как индивидуальных исследователей, как личностей. Кем им только не приходится быть на орбите: и астрономами, и геологами, и медиками, и химиками, и металлургами.

На «Салюте-5» Борис Волынов и Виталий Жолобов провели опыты по изготовлению в условиях невесомости металлических шариков. Почему шариков? Потому что

они необходимы для подшипников. Шум в подшипниках, повышенное трение и нагрев, их поломки — все это чаще всего происходит из-за того, что шарики не идеально круглы. Поэтому ученые ищут пути изготовления идеальных сфер.

Интересное сообщение было сделано на проходившем в Баку Международном астронавтическом конгрессе. Там говорилось, что прочность металлов и сплавов может быть увеличена в сто и более раз путем плавки и формовки их во внеземном пространстве.

Космонавт должен быть подготовлен к самому неожиданному. Со мной произошел такой случай.

После напряженного трудового дня, а вы должны знать, что программа полета насыщенна, работаем мы с максимальным напряжением — занял свое место у борта станции. Почитал немного и тут же крепко заснул. Часа через два через входной канал кто-то тихо и таинственно входит в станцию, крадется ко мне и тут вступает в борьбу, драку. Этот кто-то наотмашь со всей силой бьет меня по лицу, по одной щеке, по другой. Разумеется, отворачиваясь, хочу рассмотреть, кто это: человек, существо, инопланетянин, не трогаю его, думаю, сберечь надо, для науки пригодится. Зову на помощь Юру Артюхина, своего напарника по второму полету, он отвечает, подбадривает меня. А этот кто-то все бьет и бьет меня по лицу — тогда я изловчился, разворачиваюсь и как ударю его... И просыпаюсь. Книга, которую читал перед сном, плавает по станции, листы от вентиляции шелестят и бьют меня по лицу. Ох и смешно было, но только на Земле.

Хочу снова отметить, что космонавт действительно формируется на Земле. На Земле он становится сильным, выносливым, образованным (если хотите, даже смелость можно воспитать у человека), но при одном важном условии. Вот оно: человек обязан мечтать, желать, даже жаждать стать космонавтом, и это желание должно быть сильнее всех преград на его пути.

Я рассказал о том, что дает мирный космос людям. Дает, конечно, много. Но некоторые до сих пор мечтают о другом. Еще на заре космической эры появился термин — военный космос...

Это произошло 3 октября 1962 года. Место действия: мыс Канаверал. Часы начали отсчет события исторической важности, в космос отправлена капсула «Сигма-7»

с астронавтом Уолтером Ширра. Рукоплещущая Америка, неумолкающие приемники, к которым прильнули люди всех цветов кожи.

Уолтер Ширра мерил космические километры. Электронные часы дробили время на секунды. А капсула с фантастической скоростью приближалась к роковому рубежу...

А за день до этого держава со звездно-полосатым флагом возобновила «ядерный шантаж» против Москвы. В результате нового взрыва, произведенного над островом, образовалось колоссальных размеров радиоактивное облако...

Все в жизни быстротечно. Никто не успел подумать о последствиях, а капсула уже неслась навстречу этому грибообразному облаку.

Изменить направление полета было невозможно. К тому же размеры и форма искусственного пояса радиации менялись каждую секунду. Будущее всегда покрыто тайной...— это многим пришло в голову в центре управления полетом.

Оцепенев от ужаса, Уолтер Ширра молил бога, чтобы капсула промчалась мимо. Он верил в чудо. На Земле знали — чудес не бывает. Смертельная доза радиации — некролог в вечерних выпусках газет. Надо было еще успеть его подготовить...

Наступило 4 октября 1962 года.

Фотовспышки. Свет юпитеров. Пресс-конференция. Счастливый, только немного усталый Уолтер Ширра. Заголовки утренних газет: «Все было благополучно, даже хорошо. Как всегда...»

Высказывание известного ученого, специалиста ВВС США Альберта Траковски:

— Если бы «Сигма-7» прошла сквозь радиационный пояс, то сегодня были бы похороны.

Слова как-то потерялись в общей массе поздравительных речей и панегириков...

Спустя несколько месяцев большинство американцев уже и не вспоминало о космической эпопее Уолтера Ширра. «Небольшую» накладку военных история предала забвению. Впрочем, забвение имело место только согласно одной версии.

По другой — военные решили использовать дорогой опыт собственных ошибок! При этом, по их словам, стро-

го придерживаясь принципа свободы космической деятельности.

В том же 1962 году США произвели в космосе испытания ядерного оружия, целью которых было исследование влияния искусственно созданных радиационных поясов на эффективность наземных средств связи. Объективным результатом этих испытаний явилось исчезновение радиосвязи на несколько дней на значительной территории земного шара, что причинило ущерб судоходству, воздушной навигации и другой хозяйственной деятельности многих государств. В самих Соединенных Штатах из-за этого была потеряна связь с несколькими искусственными спутниками.

3 апреля 1968 года Камбоджа заявила правительству США официальный протест в связи с намерением Пентагона вывести на околоземную стационарную орбиту спутник с отражателем для освещения в ночное время театра боевых действий во Вьетнаме. С помощью такого отражателя спутник освещал бы ночью свыше ста тысяч квадратных километров территории Индокитая. В ноте протеста Камбоджи говорилось, что использование такого спутника, несомненно, причинит огромный ущерб и будет представлять угрозу для жизни населения.

Так осуществлялся на деле «принцип свободы космической деятельности». Невольно возникал вопрос: существуют ли какие-либо пределы этой свободы?

Стоит отметить еще несколько фактов.

В 1962 году близ города Аливал-Норта (ЮАР) был обнаружен обломок стали длиной несколько метров, упавший близ одной из ферм.

Американские эксперты установили, что обломок является частью ракеты «Атлас-109», с помощью которой 20 февраля 1962 года был выведен на орбиту космический корабль Джона Гленна.

Другой огромный обломок американской космической лаборатории «Скайлэб», выведенной на орбиту в мае 1973,— весом в 48 тонн — «благополучно» свалился на Австралию в 1979 году.

Американские ученые до последней минуты так и не смогли предсказать, какая часть конструкции выдержит спуск сквозь плотные слои атмосферы! И где упадут обломки...

В общем, космос — вещь неизведанная. Просчеты и ошибки неизбежны. Но если из-за одной «роковой ошиб-

ки» иа Землю упадет ие успевший взорваться ядерный заряд, который предназначался для «изучения влияния искусственно созданиых радиационных поясов на эффективность наземных средств связи»? Что тогда?

Ясно, такого быть ие должно.

5 августа 1963 года было заключеио международное соглашение — Договор о запрещении испытаний ядериого оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой. Думаю, о важности этого документа нет смысла говорить.

27 января 1967 года было подписаио другое междуиародное соглашение — Договор о приицнпах деятельности государства по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела.

Вот в чем здесь дело. Луна, Марс, Венера и другие планеты — это ведь определенная территория. И если вопрос об их принадлежности до полетов в космос сам по себе не возникал, то в связи с освоением космического пространства в этой проблеме появились сложности. Точки зрения советских и зарубежных учеиых-юристов на космическое пространство как «коллективную собствеиность» более или мениее совпадали, чего иельзя было сказать об отношении к Луне и другим планетам, которые многими западными юристами рассматривались как иикому не принадлежащие.

Один из американских бизнесменов заявил в печати:

— Я хочу приобрести земельиый участок на Луне, чтобы эксплуатировать имеющиеся там минеральиые и природные богатства.

Миллиоиер Э. Коииелли в своем завещании распорядился, чтобы сумма в 25 тысяч долларов была использоваиа на строительство семейного склепа иа Луне.

После заключения Договора 1967 года многое встало иа свои места: национальное присваивание планет было запрещено.

Следующее важиое международное соглашение было подписано 22 апреля 1968 года — Соглашение о спасании космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущениых в космическое пространство.

29 марта 1972 года состоялось заключение Конвеиции о международной ответственности за ущерб, причииенный космическими объектами.

Но все-таки наиболее сильная сторона разрядки — сотрудничество. Хочу заметить, что и чисто мирные проблемы диктуют необходимость сотрудничества. Например, ежегодно в результате различного рода аварий на земном шаре исчезают около 350 кораблей и объявляются пропавшими до 20 самолетов. Совместные действия специалистов по космическим проблемам СССР и США позволяют сделать более своевременной и эффективной помощь терпящим бедствие.

Телевизионные передачи только с помощью 3-х спутников смогли бы принимать одновременно на 90 процентах территории Земли непосредственно на бытовые телевизоры.

Программные документы, с помощью которых этапно решаются эти задачи, были подписаны между двумя крупнейшими космическими державами 24 мая 1972 года в Москве (одним из пунктов соглашения является проект экспериментального полета космических кораблей «Союз» и «Аполлон») и 18 мая 1977 года в Женеве.

Отрадно заметить, что в последние годы на планете появилось много новых сторонников мирных международных космических программ. Остается надеяться, что время, когда, по словам газеты «Лос-Анджелес таймс», имелись мечты создать «антиспутники», способные поражать спутники других государств,— навсегда канет в Лету и над миром будут ясно сиять мирные звезды.

Правда, человека подстерегает еще и другая опасность.

В последние годы она приобретает особый смысл. Вот, например, несколько фактов.

В Скандинавии заметили, что постепенное исчезновение ценных пород рыб связано с возрастанием кислотности речных вод, которое вызвано многолетним выпадением «кислых» дождей. Установили, что «кислые» осадки Швеции и Норвегии более чем на две трети обусловлены выбросами окислов серы и азота в странах Западной Европы, расположенных на сотни километров от Скандинавского полуострова.

Несколько лет назад стало известно, что в печени пингвинов Антарктиды обнаружен ДДТ. Поразителен (но и показателен!) путь, проделанный молекулами ДДТ от сельскохозяйственных зон Северного полушария к высоким широтам Южного полушария. В течение десятков лет они мигрировали в воздушном бассейне, в речной и

океанской воде. Концентрируясь в гидробионтах (морских обитателях), они переходили по цепи питания от низших организмов к высшим. В результате концентрация ДДТ у пингвинов стала примерно в 10^7—10^8 раз выше, чем в воде. Этот пример интересен еще и в том отношении, что свидетельствует об одном из важных свойств таких веществ — их устойчивости. На всем пути миграции ДДТ ничто не могло его разрушить — ни температура, ни кислород, ни солнечное излучение, ни воздействие различных микроорганизмов. Следовательно, вещества, подобные ДДТ, способны не только распространяться в окружающей среде, включая растительный и животный мир, но и постоянно накапливаться в ней.

Или вот еще. Этот пример касается слоя озона, который защищает все живое на Земле от губительного потока ультрафиолетового излучения Солнца. Сейчас общепризнано, что целый ряд веществ искусственного происхождения может настолько уменьшить концентрацию озона в стратосфере, что это будет иметь прямые биологические последствия. К таким веществам относятся фреоны, широко применяемые в сельском хозяйстве, промышленности и быту, окислы азота, выбрасываемые двигателями самолетов в верхней тропосфере и непосредственно в стратосфере, и ряд других.

А вот что сообщил недавно представитель министерства обороны США:

«В ближайшее время из военного арсенала в горах близ г. Денвер (штат Колорадо) в штат Юта будут переброшены 900 канистр с сильнодействующим нервно-паралитическим газом «Уетай». Это решение принято в связи с тем, что военный склад, где канистры с газом пролежали более десяти лет, как выяснилось, непригоден для хранения такого оружия. На днях там обнаружена утечка газа, и лишь случайно дело обошлось без жертв».

Несмотря на протесты жителей штатов Колорадо и Юта, потребовавших немедленного уничтожения зловещих запасов, шеф Пентагона Г. Браун распорядился осуществить эту крайне опасную операцию по перевозке смертоносного газа. Губернатор Юты Мэтисон заявил, что он намерен обратиться в суд с тем, чтобы не допустить размещения запасов газа на территории штата. Новое хранилище, куда военщина собирается поместить ка-

нистры с «Уетай», иаходится неподалеку от крупного города Солт-Лейк-Ситн.

Трудно сказать, что это решение будет способствовать улучшеиию природиых условий.

Что и говорить, факты налицо. Может возникнуть вопрос: «А при чем здесь космос?» А вот при чем.

В течение ряда лет бумажная фабрика американской компанни «Интернейшнл пейпер» загрязняла своими отходами воды озера Чемплейн. Наконец терпение жителей штата Вермонт лопнуло, и они подали на эту компанию в суд. Чтобы убедить арбитров в правоте своих претензий, город представил снимки загрязненного озера, сделанные с нскусственного спутника Земли. И они определили ход судебного процесса.

Кстати, космические исследования могут дать науке об окружающей среде много больше. Например, с помощью космической аппаратуры установили, что из межпланетного пространства на поверхность Земли ежегодно выпадает почти 40 тысяч тонн космического вещества (это примерно 100 тонн в сутки). Эту массу образуют 6000 тонн мелкой пыли, 16 тысяч тонн мелких метеоритов, примерно столько же выпадает космических тел весом от 100 г до 10 т, остальное приходится на космические частицы.

Если предположить, что за последний миллиард лет поток космической материи на Землю не изменялся, то за это время на поверхности нашей планеты накопилось 4.10^{13} т внеземного вещества. Если бы эта выпавшая «межпланетная материя» не смешивалась с почвой, земной шар покрылся бы слоем в 2—3 см.

О космических исследованиях можно говорить бесконечно долго. Новая эпоха родила множество проблем. Приятно, что у истоков этой эпохи стояли русские ученые...

Каждому, кто побывал в Байконуре, есть что вспомнить. Это про наших современников. Впрочем, и полтора века назад Никифору Никитину такая поездка запомнилась надолго.

«Московские губернские ведомости» за 1848 год писали следующее: «Мещанина Никифора Никитина за крамольные речи о полете на Луну сослать в поселение Байконур!»

Парадокс истории: «за крамольные речи о полете на

Луну!» — туда, где ныне стартуют советские космические корабли...

Если же быть более точными — это обыкновенное совпадение.

Что касается еще одной заметки начала века (изданной отдельной брошюрой), то она явилась гениальным научным предвидением. Ее автор — Константин Эдуардович Циолковский. В последнее время она получила название — «План Циолковского». Сразу стоит оговориться, из шестнадцати разделов «Плана» более половины уже реализовано, и при этом ни разу не нарушилась последовательность, предсказанная ученым. Итак, «План».

1. «Устраивается ракетный самолет с крыльями и обыкновенными органами управления...»

1942 год. Ракетный самолет БИ-1.

2. «Крылья последующих самолетов надо понемногу уменьшать, силу мотора и скорость увеличивать...»

1947—1948 годы. Реактивные машины МИГ-15, МИГ-17, ЛА-15.

3. «Корпус дальнейших аэропланов следует делать непроницаемым для газов и наполненным кислородом, с приборами, поглощающими углекислый газ, аммиак и другие продукты выделения человека...».

1955 год. Самолет ТУ-104.

4. «Принимаются описанные мною рули (имеются в виду газовые рули), действующие отлично в пустоте и в очень разреженном воздухе, куда залетает снаряд. Пускается в ход бескрылый аэроплан, сдвоенный или строенный, надутый кислородом, герметически закрытый...»

Баллистические ракеты.

5. «Скорость достигает 8 километров в секунду, центробежная сила вполне уничтожает тяжесть, и ракета впервые заходит за пределы атмосферы...»

1957 год. Запуск первого искусственного спутника Земли.

6. «После этого можно употребить корпус простой, несдвоенный. Полеты за атмосферу повторяются. Реактивные приборы все более и более удаляются от воздушной оболочки Земли и пребывают в эфире все дольше и дольше. Все же они возвращаются, так как имеют ограниченный запас пищи и кислорода».

Начало шестидесятых годов — космические корабли серии «Восток».

7. «Делаются попытки избавиться от углекислого газа и других человеческих выделений с помощью подобранных мелкорослых растений, дающих в то же время питательные вещества...»

Космические эксперименты с хлореллой.

8. «Устраиваются эфирные скафандры (одежда) для безопасного выхода из ракеты в эфир».

1965 год. Алексей Леонов шагнул в космическое пространство.

На этом реализованные разделы «Плана» кончаются. Скоро ли сбудутся остальные прогнозы — покажет будущее...

9. «Для получения кислорода, пищи и очищения ракетного воздуха придумывают особые помещения для растений. Все это в сложенном виде уносится ракетами в эфир и там раскладывается и соединяется. Человек достигает большой независимости от Земли, так как добывает средства жизни самостоятельно.

10. Вокруг Земли устраиваются обширные поселения.

11. Используют солнечную энергию не только для питания и удобств жизни (комфорта), но и для перемещения по всей Солнечной системе.

12. Основывают колонии в поясе астероидов и других местах Солнечной системы, где только находят небольшие небесные тела.

13. Развивается промышленность, и увеличивается число колоний.

14. Достигается индивидуальное (личности, отдельного человека) и общественное (социальное) совершенство.

15. Население Солнечной системы делается в сто тысяч миллионов раз больше теперешнего земного. Достигается предел, после которого неизбежно расселение по всему Млечному Пути.

16. Начинается угасание Солнца. Оставшееся население Солнечной системы удаляется от нее к другим солнцам, к ранее улетевшим братьям».

Думаю, что гениальность предвидения очевидна.

Мне хочется вспомнить еще такие слова Циолковского, это надпись на письме студента А. Юдина из Томска в 1933 году:

«Попытки высших существ помочь нам возможны, потому что они продолжаются и сейчас. Размышления с созерцанием Вселенной могли также служить основой

для веры в высшие существа. Но немногие знают и то и другое. Для всех это не очевидно. Мы, люди, не стараемся убедить животных в неразумиости их жизни, потому что это невозможно — так велико расстояние между человеком и животными. Дистаиция между ними и совершенными существами едва ли не меньше, если принять в расчет массу или среднего человека. С другой стороны, австралийцы и американцы тысячи лет дожидались европейцев, однако дождались. Дождемся и мы».

Взгляд Циолковского на внеземные цивилизации до сих пор оспаривают многие ученые. Не так давно Иосиф Шкловский заявил: «Я считаю срок жизни человечества конечным, именно поэтому меня многие называют пессимистом. Что же, значит, настанет время, когда не будет человечества? Да, не будет, так же как его и ие было. Конкретной формы конца разумной жизни я назвать не могу, и никто не назовет. Было время, когда не было не только жизни иа Земле, не было Земли и Солнца. И вообще звезд не было.

Любая форма материи есть категория историческая, существующая лишь в определенный отрезок времени. И нельзя считать, что человек является исключением из этого общего правила.

Что в Солнечиой системе даже простейших форм жизни нет, я считаю практически доказанным последиими опытами американского «Викинга», ие обнаружившего на Марсе никаких ее признаков. Остальные планеты — вряд ли подходящие места для жизни. Правда, отдельные исследователи полагают, что на иекоторых спутниках больших планет может быть жизнь, но, думаю, эта гипотеза беспочвенна. Более того, я лично придерживаюсь взгляда, что жизнь вообще чрезвычайно редкое явление во Вселеиной. Ничтожное количество звезд имеют планетные следы жизни. Что же касается разумиой жизни, то я полагаю, что мы представляем собой биологический феномен. А впрочем, может, где-нибудь и есть цивилизация...»

Сейчас еще рано ставить все точки иад «и». Но что касается моего отношения к этой проблеме — симпатии на стороне Циолковского. Хочется верить, что где-нибудь есть наши братья по разуму. И многие версии, о которых я уже рассказал, только подтверждают это.

Рассказывая о космических исследоваииях, я не ставил своей целью последовательно и подробно их осве-

тить. Хотелось рассказать о самом интересном, волнующем, вызывающем до сих пор разноречивые споры ученых.

Мой взгляд обращен в будущее. Прогнозировать трудно. Но несомненно, уже в самое ближайшее время (я думаю, где-то к началу XXI века) человечество создаст первые космические колонии. Причем колонии будут создаваться не на планетах, где они были бы вынуждены находиться просто в невыносимых условиях — ведь, например, температура на поверхности Венеры (кстати, которую часто называют близнецом Земли) достигает 500 градусов жары, а давление на поверхности около ста атмосфер. Колонии будут иметь вид огромных космических кораблей, рассчитанных на триста, пятьсот, тысячу человек, с искусственной силой тяжести, с созданным на борту растительным и животным миром.

Путешествуя по Солнечной системе, они будут не только вносить вклад в развитие науки о Вселенной, но и обживать околосолнечное пространство.

Представляете, зависает такой космический город над какой-нибудь планетой и в течение нескольких месяцев на ее поверхность транспортируется оборудование для завода-автомата. Потом колония улетает к другой планете или спутнику, а с «навещенной» планеты в сторону Земли летят корабли-посылки с бесценными полезными ископаемыми, которых уже практически нет на планете — колыбели разума.

Результаты исследований говорят, что необходимых человеку металлов, газов, веществ в Солнечной системе сколько угодно.

Взять хоть бы ближнюю соседку — Луну. Анализ доставленных на Землю образцов лунных пород из различных районов позволил сделать вывод, что они достаточно сильно отличаются от земных минералов. В них много оказалось кальция, алюминия, титана, магния, кремния, то есть веществ, весьма необходимых уже и сейчас.

Методами радиолокационной техники выявлены также многочисленные «горячие» пятна на Луне. Расположены они, как правило, внутри кратеров. Тихо, Коперник, Кеплер, Аристарх оказались на 40—50 градусов выше температуры окружающих мест. Это дает возможность предположить, что на Луне присутствуют родствен-

иые элемеиты, такне, как торнй н уран. Я думаю, нзлнше говорить о зиаченнн этого открытня.

Нашнх будущих потомков наверняка порадует и Марс. Последние исследования говорят о том, что на этой красной плаиете много магния (почти в десять раз больше, чем иа Земле), кремния, кальция, титаиа, железа и серы (прнчем ее оказалось больше даже в иесколько десятков раз, чем на Земле н Луие).

Кто-то возразнт, а где будут брать энергню космнческие колонии н заводы-автоматы на плаиетах?

Выход очень прост. Солнце даст сколько угодно энергнн.

Уже сейчас существуют проекты, по которым нскусствеиный спутннк, «внсящнй» на стационариой орбите иад плаиетой, будет преобразовывать солиечиую энергию в электрическую (ведь кремння, необходимого для постройкн солнечных батарей на плаиетах, очеиь много). А со спутннка энергня в внде электромагиитиого луча сверхвысокой частоты станет передаваться на прнемные планетные станцни. Предполагаемая мощиость одиой орбнтальной электростанцин от 3000 до 15 000 мегаватт.

Что касается космических колоний, то, помимо солнечиой эиергнн, они будут потреблять энергню термоядерного ситеза. Очевидио, такне «летающие города» будут оснащеиы плазмеинымн двнгателямн — важиое их преимущество: в результате очеиь высокнх скоростей истечення при одинаковой тяге расход рабочего тела в двадцать — пятьдесят раз меиьше обычного. Экспернментально это уже подтверждено — иа космнческой стаиции «Зонд-2» успешно прнменялнсь плазменные электрореактивные двигателн для орнентации летательиого аппарата в космосе...

Дело, как говорится, только за иами: учеиыми, инжеиерами, рабочимн, космоиавтами.

Я думаю, что космонавт — важиое звено в освоеиин космоса. Есть миогочнслеиные подтверждеиня этому.

Например, во время полета на орбитальиом комплексе «Союз-18» — «Салют-4» Петр Климук и Внталий Севастьянов иаблюдалн серебрнстые облака.

И хотя нзучеиием этого иеобычного явлення заинмались учеиые многнх стран, ннчего конкретного насчет нх природы сказать раньше было нельзя. А предположенне,

что на 80-километровой высоте, где лютуют 70—100-градусные морозы, находятся облака, серебристый блеск которым дают водяные пары, выброшенные, например, извергающимися вулканами, казалось просто абсурдным.

Экипажу «Салюта-4» удалось пролить свет на их таинственное происхождение.

Совсем недавно ТАСС сообщил: «26 мая 1981 года в 16 часов 38 минут московского времени после успешного выполнения запланированной программы полета на борту орбитального научно-исследовательского комплекса «Салют-6» — «Союз» космонавты товарищи Коваленок Владимир Васильевич и Савиных Виктор Петрович возвратились на Землю.

Спускаемый аппарат корабля «Союз Т-4» совершил посадку в заданном районе территории Советского Союза в 125 километрах восточнее города Джезказгана.

Проведенное на месте посадки медицинское обследование космонавтов показало, что они хорошо перенесли орбитальный полет и возвращение на Землю.

Свой полет товарищи В. В. Коваленок и В. П. Савиных начали 12 марта 1981 года на корабле «Союз Т-4», а 13 марта после стыковки корабля с орбитальным комплексом «Салют-6» — «Прогресс-12» космонавты приступили к работам на его борту.

За время 75-суточного полета космонавты разгрузили транспортный корабль «Прогресс-12», провели комплекс необходимых профилактических мероприятий на станции с целью обеспечения ее дальнейшей эксплуатации в пилотируемом режиме и полностью выполнили намеченные исследования и эксперименты».

В рамках программы сотрудничества социалистических стран «Интеркосмос» вместе с космонавтами Владимиром Коваленком и Виктором Савиных на борту орбитального комплекса «Салют-6» — «Союз» работали международные экипажи с участием граждан Монгольской Народной Республики и Социалистической Республики Румынии.

В приветствии ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР говорилось:

«...Наша социалистическая Родина одержала новую замечательную победу в мирном освоении космоса. Успешно завершена программа длительных пилотируемых полетов советских космонавтов на орбитальном научно-исследовательском комплексе «Салют-6» — «Союз» и по-

летов международных экипажей по программе «Интеркосмос».

Выдающиеся достижения Советского Союза в области исследования и использования космического пространства широко известны всему миру. Двадцать лет назад первый полет в космос гражданина СССР Ю. А. Гагарина на корабле «Восток» продолжался 108 минут. Орбитальная научная станция «Салют-6» функционирует три года восемь месяцев, при этом около двух лет — в пилотируемом режиме. Космическая программа подобной длительности осуществлена впервые. Это стало возможным благодаря самоотверженному труду советских людей, последовательно осуществляющих под руководством КПСС планы освоения космического пространства в мирных целях.

Новый успех отечественной космонавтики является важным вкладом в решение задач одиннадцатой пятилетки по дальнейшему изучению и освоению космического пространства в интересах науки, техники и народного хозяйства, поставленных 26 съездом КПСС».

Мы только начали идти по космической дороге. Многое сделано, еще больше, несравнимо больше — предстоит сделать.

От планеты к планете, от звезды к звезде мы будем двигаться к Центру Вселенной. К истокам происхождения Мира. К центру великой тайны.

Сотни, тысячи лет уйдут у нас на это. За эти годы мы сумеем продвинуться на миллионы лет в прошлое. Ибо путь к тайнам будущего лежит в тайнах прошлого.

Нас ждет счастливое будущее.

Валентин КОЛУМБ

СИЛА ЗЕМЛИ

Земля тянет меня,
О, как притягивает к себе земля!..
Но не так, как тянет
Иных,
Которые сетуют:
«Как отяжелело мое тело,
Не протяну, наверное, и месяца,
А протяну скоро ноги!..»

Нет, моя молодость еще белозуба.
Ныть мне рано,
Может, и я недолго протяну,
Но как я завидую космонавтам,
Тем, что преодолели
Притяжение земли,
Победили земную тягу!..

Я бы только их одних и славил,
Если бы не было хлеборобов...
Как бы высоко в небо ни взлетел
Человек,
Но кормит нас хлебом черная земля,
Поэтому даже самый славный космонавт
Кланяется земле в своем Байконуре,
Когда захочет сорвать колос.
А что такое Байконур?..

Не знаю, что такое «Байко»,
Но «нур» по-марийски значнт — «поле».
Байконур, должно быть,— это поле,
Поле, где растут хлеба... А если нет?..
Но ннчего, право же, еслн на нем вырос не колос,
А только колосс...
Вот он — урожай эпохн,
Не сеять семена смертн,
А пожннать счастье!
Это ннчего, если Байконур
Закрыт для сеятеля:
Ведь это поле космнческой славы.
Не зря же ракета похожа
На продолговатое и тугое
Хлебное зерно,
Взращенное руками хлеборобов!
Вся разннца лишь в том,
Что зерно падает в мягкую и сырую пахоту,
А ракета — в нераспаханную
Целину мнроздания.

Перевод с марийского *Евгения ВИНОКУРОВА*

Лев ОЗЕРОВ

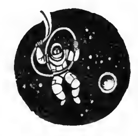
НАША ЗЕМЛЯ...

Наша земля не пустырь, не погост,—
Пашня, что тьмою веков не состарена.
Пашня усыпана зернами звезд —
Образ не мой, а Гагарина.

Пашня — главная из забот,
Которой еще недостаточно воздано.
Смоленский крестьянин с далеких высот
Землю увидел засеянной звездами.

Геворг ЭМИН

БОГАЧЕ НЕТ НА СВЕТЕ ЧЕЛОВЕКА



Богаче нет на свете человека:
В моих руках тяжелых —
правда века,
И существо борьбы его жестокой,
И торжество судьбы его высокой.
Меня мое богатство возвышает,
Оно мне уставать не разрешает —
Я стряхиваю с плеч моих усталость,
Чтоб и следа на сердце не осталось,
Тропой неторной весело шагаю.
Грозою горной душу обжигаю.
Еще есть города, в которых не был,
И села под веселым, ясным небом.
Есть прожитые годы и грядущие,
На смену этим прожитым идущие.
Есть межпланетных далей расстояния —
Уже я жить без них не в состоянии.
Лишь горько мне, что жизнь однажды кончится
И не успею сделать все, что хочется,—
Меня так ветром века охватило,
Что мне б и сотни жизней не хватило...

Пока я так на краткость жизни сетую,
Мой спутник все летит орбитой
светлою,
Летит орбитой звездною, вращается,

Ко мне из дальней дали обращается.
Он говорит:
«Ты дымом был незрячим;
Ты дымом был — а стань огнем горячим,
Ты был огнем — а стань грядущим
пламенем,
Чтобы тобой печаль людскую
плавили».
Он говорит:
«Ты знался только с пешими —
А ты скачи под этим ветром бешеным,
Ты мчался, перемахивая пропасти,—
А ты лети —
летать учись без робости.
И ощутишь, как шар земной вращается,
Как много жизней
в жизнь твою вмещается».

Перевод с армянского *Юрия ЛЕВИТАНСКОГО*

Андрей ДНЕПРОВ

ЮРИЙ ГАГАРИН

ХРОНИКА ЖИЗНИ

Юрий Гагарин... Мы привыкли к этому имени, оно стало символом мужества, мерилом подвига. Оно вошло в наше сознание апрельским днем 1961 года и будет жить вечно как пример высокой гражданственности, отваги и мужества во имя служения человечеству.

«Героическим полетом советского человека в космос,— говорилось в обращении Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР,— открыта новая эра в истории Земли. Вековая мечта человечества сбылась».

О советском чуде — первом полете человека в космическое пространство — писали все газеты мира. На Юрия Гагарина буквально обрушилась неукротимая лавина славы, почитания. Такой известностью еще не пользовался ни один человек нашей планеты.

«Каждый герой символичен и индивидуален,— говорил о Гагарине известный индийский писатель Ходжа Ахмад Аббас.— Его личность имеет внутреннюю связь с коллективными чертами народа и общественной средой, которая воспитала его». И мы не можем с этим не согласиться. Да, Гагарин — чисто советское явление.

В 1968 году Юрия Гагарина не стало, оборвалась его прекрасная жизнь. Он оставил немеркнущую память о себе у людей планеты. Как герой, как летчик, как человек. И тем примечательны отзывы о нем людей, знавших его лично.

Евгений Хрунов:

«Юрий Гагарин уже при жизни стал легендой, символом того, на что способен человек. Я считаю своим долгом сказать о том, что изображать Гагарина как этакого развеселого ухаря-парня с вечной улыбкой — значит заведомо обеднять его образ. Гагарин был необычайно сосредоточенным, требовательным, строгим...».

Виталий Севастьянов:

«Да, Юрий был не так прост, как это могло показаться поверхностному взгляду, на самом деле он был очень сложным человеком».

Алексей Леонов:

«Юра был горяч в деле, там, где дело касалось нашей работы. Своей страстью, добросовестностью, исключительным чувством ответственности он заражал всех нас. Мы учились у него».

Валерий Быковский:

«Нам, знавшим его близко, признаться, часто кажется, что порой не так пишут, стремятся показать больше эффектную сторону жизни этого замечательного человека. Но Юрий Гагарин — это прежде всего огромный труженик, любопытнейший и упорный, неистощимый в своем стремлении к познанию мира».

Первый начальник Центра подготовки космонавтов кандидат медицинских наук Евгений Карпов, вспоминая о том дне, когда было принято решение назначить Юрия Гагарина на первый полет в космическое пространство, говорил, что во внимание были приняты такие неоспоримые гагаринские достоинства, как беззаветный патриотизм, непреклонная вера в успех полета, реальный оптимизм, гибкость ума и любознательность, смелость и решительность, трудолюбие, инициативность, скромность.

«Юра был, как и все,— вспоминала Валентина Гагарина,— со своими горестями и печалями, радостями и победами. Как и все, он делал много ошибок и охотно их исправлял».

Утолить интерес к жизни и подвигу Юрия Алексеевича Гагарина, раскрыть его глубинную сущность, тревожный мир поиска истины, эрудицию, трепетное поклонение народной мудрости, сохранить для потомков неуга-

симый огонь Юриного сердца — задача трудновыполнимая.

Авторы предприняли попытку собрать воедино все то, что могло представить интерес для читателя, обратившегося к жизни первого космонавта планеты, нашего великого соотечественника. В работе над книгой использованы газетные и журнальные публикации, материалы архивов Академии наук СССР, Звездного городка, Главного штаба ВВС, Оренбургского Высшего военного авиационного училища летчиков имени И. С. Полбина и дневниковые записи Юрия Гагарина, Алексея Леонова, Германа Титова, Николая Петровича Каманина, рассказы друзей и коллег Юрия Алексеевича, воспоминания летчиков-космонавтов СССР, астронавтов США, а также другие материалы.

За отправную точку этой хроники взят год 1941-й — год поступления Юрия Гагарина в школу,— вступление в сознательную жизнь.

1941 год

1 сентября. Юрий Гагарин пошел учиться в первый класс Клушинской неполной средней школы. Позднее, в автобиографии, Юрий Алексеевич напишет: «В 1941 году поступил учиться в Клушинскую НСШ. Но учеба была прервана нашествием немецких фашистов».

На всю жизнь Юрий запомнил воздушный бой, в котором наш краснозвездный «Лагг» был подбит и упал за селом в болото. Мальчишки побежали к самолету, помогли летчику выбраться из трясины на сухой луг. Вскоре рядом с болотцем сел истребитель «Як». Впервые Юра и его друзья видели военный самолет, настоящих боевых летчиков и подлинные ордена на груди отважных асов. Всю ночь летчики дежурили у своих самолетов. Отказавшись идти в село, рассказывали ребятам о войне, воздушных сражениях. Юра жадно ловил каждое слово летчиков.

12 октября. Занятия в школе были прерваны в виду того, что гитлеровские войска оккупировали село. «Клушино долгое время было отрезано от всего мира,— вспоминал Юрий Алексеевич.— Семью выгнали из дому, жить пришлось в землянке.

Так мы и жили: в огне и дыму. День и ночь что-нибудь горело поблизости».

1942 год

В одном из дней января месяца Юрий вновь увидел над селом воздушный бой. Врезались в память детали этого сражения, непреодолимая наступательность красных звезд истребителей и медлительная напыщенность мрачных крестов фашистских «люфтваффе». Теперь Юра хорошо знал силуэт советских самолетов и легко отыскивал их в небе.

Тогда он проникнется уважением к красному цвету и останется верен багряно-пурпурному символу всю жизнь.

Юрий Гагарин полюбит обыкновенные полевые ромашки. Срывая их, он будет махать советским бомбардировщикам, направлявшимся в тыл врага. Он ждал освобождения родного города от фашистов.

В марте 1968 года Юрий приедет в родные места на охоту, придет на пологий склон холма с двумя высокими деревьями и, замерев от воспоминаний, будет долго стоять на пронизывающем ветру, перебирая в памяти слова дяди Паши: «Поперечник ракеты составляет три метра, длина ее 30 метров, толщина стенок — 2 мм...»

Это были мечты взрослого человека о полете в космическое пространство, заимствованные у калужанина Циолковского.

1943 год

9 марта. Советские войска освободили от фашистских войск Гжатский район. Жители радостно и взволнованно приветствовали освободителей. Возобновились занятия в школе. «После двухлетнего перерыва,— писал позднее в газете «Правда» Юрий Алексеевич,— я снова отправился в школу».

Полуголодные, полураздетые, привыкшие к непрерывной стрельбе и бомбежкам, дети войны, многие оставшиеся без отцов, испытывали необъяснимую тягу к знаниям. Мальчишки и девчонки тех лет, учившиеся читать по фронтовым газетам, «Боевому уставу пехоты», военным плакатам и листовкам, писавшие на оберточной бумаге и обоях, старых газетах, очень хотели стать настоящими советскими людьми.

1944 год

На хрупкие плечи детей военного поколения легли совсем недетские заботы о доме, скудном домашнем хозяйстве, раненых отцах и болезненных матерях. И все это надо было совмещать с учебой.

Учился Юрий хорошо, помогал по хозяйству, успевал, когда выпадало свободное время, играть в духовом оркестре. На школьном конкурсе Юра Гагарин занял призовое место за лучшее сочинение о Владимире Ильиче Ленине.

1945 год

В мае по настоянию отца, Алексея Ивановича Гагарина, семья из Клушино переехала в Гжатск. В новом городе Юрий заводил новые знакомства, с неистребимой любознательностью изучал незнакомую округу. Скучал по родному селу. «...Я никак не мог позабыть наш обжитой домик в Клушино,— писал спустя много лет Юрий Алексеевич,— окруженный кустами сирени, смородины и бересклета, лопухи и чернобыльник, синие медвежьи ушки — все то, что связывало меня с детством».

1946 год

4 ноября. Юру приняли в пионеры. Часто бывает в Доме пионеров, занимается в драмкружке, играет в школьных спектаклях. Позднее он скажет: «Жил так, как жили все советские дети моего возраста».

Много читает. Восторженно-преклоненно относится к русской классической литературе. Под непосредственным влиянием дяди Павла и своей матери с упоением читает научно-фантастические романы, повести, рассказы.

Преподаватель литературы Ольга Степановна Раевская пробудила в подростке живейший интерес к творчеству Алексея Максимовича Горького. Уже став военным летчиком, Юрий запишет в свой дневник слова Горького:

«Затерянный среди пустынь вселенной, один на маленьком куске земли, несущемся с неуловимой быстротою куда-то в глубь безмерного пространства, терзаемый мучительным вопросом — «зачем он существует?» — он мужественно движется — вперед! и — выше — по пути к победам над всеми тайнами земли и неба».

1947 год

Увлечение художественной самодеятельностью стало всепоглощающим. Юра играет в духовом оркестре, поет в школьном хоре, участвует в одноактных пьесах. Читает со сцены стихи, прозу. Однажды на школьном вечере выступал с отрывком из романа Александра Фадеева «Молодая гвардия» о матери. «Мама, Мама!— читал он, смело и открыто смотря в зал.— Я помню руки твои с того мгновения, как я стал сознавать себя... Да, с того самого мгновения, как я стал сознавать себя, и до последней минуты, когда ты в изнеможении, тихо, в последний раз положила мне голову на грудь... я всегда помню руки твои в работе...» На этих словах он почувствовал горячий след скатившихся по щекам слезинок. Читать, однако, не прекратил. Смотрел на маму, которая любила приходить на его выступления. Забыв о присутствующих, проникновенные слова фадеевского романа адресовал ей.

Год выдался засушливый, урожай не уродился, время наступило голодное. Все заботы по уходу за огородом Юра и Борис взяли на себя.

Анне Тимофеевне было очень трудно: работа, уход за домашним скотом, кухня, воспитание детей. Юра стремился помочь маме. Слова, сказанные на том школьном вечере, стали для него клятвой верности любимому человеку.

1948 год

Настала пора работать: колхоз нуждался в помощи ребят. Школьники пасли скот, трудились на сенокосных угодьях.

Труд их щедро вознаградило правление колхоза, вручив школе комплект музыкальных инструментов.

Юра много читает: Толстой, Чехов, Лермонтов, Пушкин. Брат Юрия Алексеевича Валентин вспоминал: «В ту осень и зиму сорок седьмого — сорок восьмого года Пушкин надолго и прочно вошел в наш дом».

Из-за материальных трудностей в семье, из-за постоянных нехваток самого насущного Юра стремился быстрее обрести рабочую профессию.

1949 год

Юрий Гагарин окончил шесть классов Гжатской средней школы и поступил в Люберецкое ремесленное училище по специальности формовщик-литейщик.

Мечта о небе, родившаяся под влиянием дружбы с дядей Пашей и впечатлением встречи в годы войны с военными летчиками, стремительно заполняла все его существо. Однажды в своей тетради Юрий написал: «Земля — колыбель разума, но нельзя вечно жить в колыбели. Циолковский». Это робкое начало его новой мечты.

Формировался характер юноши, выкристаллизовывалась его давняя мечта: летать.

«...Среди тех людей, кто помогал Юрию ступеньку за ступенькой одолевать крутую дорогу в космос,— писал Валентин Гагарин о своем брате,— кто помогал родиться и окрепнуть его мечте,— одно из первых мест по праву принадлежит двум летчикам-героям, двум товарищам, посадившим свои самолеты у нашего села... в сорок первом году».

14 декабря. Юрий Гагарин принят в ряды Ленинского комсомола Ухтомским горкомом ВЛКСМ Московской области.

1950 год

С большим усердием постигал свою рабочую профессию литейщика.

После заводской практики на заработанные деньги купил фотоаппарат «Любитель», с большим увлечением учился фотографировать. Снимал все: природу, животных, дома, людей. Часто фотографии ему не нравились. Юрий искренне переживал, сокрушался, не предполагая, что это первое увлечение фотоделом в скором времени станет частью его профессиональной деятельности.

1951 год

Май. Окончил седьмой класс вечерней школы рабочей молодежи.

Июнь. Окончил Люберецкое ремесленное училище по специальности формовщика-литейщика.

Июль. Попрощавшись с ремесленным училищем, при-

ехал в отпуск к родителям. Советовался с ними о своей будущей жизни. Отец настаивал идти работать, мать просила продолжать учебу.

От родителей узнал историю своей семьи и был крайне ошеломлен неимоверной нуждой и нищенской жизнью своих предков.

Август. Поступил в Саратовский индустриальный техникум. В заявлении на имя директора техникума Юрий Гагарин писал: «Я желаю принести как можно больше пользы моей Родине. Все требования, предъявляемые ко мне, обязуюсь выполнять честно и беспрекословно».

14 августа. Группа студентов техникума часть своего отпуска решила провести в колхозах и совхозах, чтобы помочь сельским труженикам убрать урожай. Юрий поехал вместе с товарищами. Работа в деревне нравилась Юрию. Он был знаком с нею еще дома, в Гжатске, где вместе с братом работал на огороде, служившем серьезным подспорьем им в голодные послевоенные годы.

3 сентября. Начались занятия в техникуме. Новые предметы, новые товарищи. Получил в библиотеке учебники, купил тетради. Написал письмо домой.

10 ноября. Записался в библиотеку, взял читать роман Бориса Полевого «Повесть о настоящем человеке» и был потрясен подвигом Алексея Маресьева. Через несколько лет он познакомится с этим мужественным летчиком лично, получит из его рук в подарок этот роман. Они станут друзьями.

20 декабря. Написал письмо матери, послал свой первый подарок, купленный на стипендию. «Мама, я только начал учиться,— писал он,— но пройдет немного времени, я стану квалифицированным специалистом, буду получать зарплату, и тогда тебе не придется так много работать».

В дальнейшем каждый год Юрий старался проводить этот день, день рождения матери, в отчем доме.

1952 год

12 января. Началась подготовка к зачетам и экзаменам.

На удивление товарищей Юра быстро и легко сдавал сессию и все свое свободное время посвящал театру. Это увлечение театром останется у него на всю жизнь.

7 февраля. Выступил на тематическом вечере в техникуме. Тема — «Твоя профессия». Юрий очень многого хотел достичь, он жил и учился с огромным напряжением. Всего себя подчинял главному: накоплению знаний и спорту. Кем собирался стать в жизни — для окружающих это оставалось тайной. Он мог стать спортсменом — к этому у него было немало данных; ему прочили театральное будущее — он действительно любил театр и, видимо, в дальнейшем мог связать свою жизнь с театром; он хорошо знал математику, с огромным желанием решал сложнейшие задачи; ему советовали продолжать образование — стать ученым. Но больше всего он хотел стать настоящим советским человеком.

7 мая. Юрий с восторгом и упоением слушал в театре «Русалку» Даргомыжского. Он хорошо знал историю создания этой оперы, был потрясен силой любви дочери мельника к князю, ее доверчивостью и чистотой.

В театре Юрий встретился с секретарем райкома комсомола, и тот предложил ему лето провести с ребятами из детского дома. «Понимаю, у тебя и своих планов полно,— сказал секретарь,— но это надо. Их родители погибли на войне, им нужен хороший товарищ, как ты...»

20 июня. Юрий Гагарин приехал в пионерский лагерь Саратовской области.

Быстро сдружился с ребятами. Читает им книги: Жюля Верна, Герберта Уэллса, Александра Пушкина, Льва Толстого, Валентина Катаева, Михаила Шолохова. Организует самодеятельность, военные игры, авиационный кружок. На вопросы ребят, кем он хочет стать, с присущей ему твердостью заявляет: летчиком. Что здесь удивительного. Летчики в то время были идеалом всех мальчишек. Профессия эта, полная романтики, риска, трудностей, пользовалась наибольшим авторитетом.

1 августа. Выехал домой в родной Гжатск. Всем родным Юрий привез подарки. Не ахти какие, но зато — всем.

1 сентября. После летних каникул собрались в общежитии. «Общежитие,— вспоминает Виктор Порохня, друг Юрия по техникуму,— добротное, старинное, сложенное из красного кирпича двухэтажное здание. Правда, второй этаж возвышался лишь над третью дома. Навес крыльца удерживали литые чугунные колонны. Вход был асимметричен по отношению к зданию и делил его на две неравные части.

На втором этаже находился спортивный зал, основные жилые помещения располагались на первом, а в цокольном этаже — подсобные службы. Вот это здание на протяжении всех четырех лет учебы служило нам родным домом».

Начались занятия. Юрия избрали членом бюро комсомольской организации, руководителем спортивного отделения общества «Трудовые резервы», созданного в техникуме. Через несколько лет Юрий Алексеевич напишет: «В очень интересное время проходила наша молодость! Надо было торопиться с учением. Мы были всюду нужны».

16 сентября. Юрий Гагарин и его друзья-однокурсники начали заниматься в хоре городского Дома культуры. Юрий с огромным удовольствием пел в хоре, Виктор Порохня стал солистом.

12 октября. Услышал о наборе в аэроклуб. Очень хотел поступить, но мечту об учебе в аэроклубе на время пришлось оставить: не хватало времени.

21 ноября. Классный руководитель А. П. Акулова написала характеристику на учащегося 2-го курса техникума Гагарина Юрия Алексеевича. «Учащийся Гагарин Ю. А.,— отмечается в ней,— учится хорошо, принимает участие в общественных работах техникума, является членом бюро комсомольской организации...»

Несмотря на большую загруженность, Юрий оставался веселым, общительным человеком. Своей мечте об аэроклубе не изменял.

28 декабря. Сразу три курса пригласили Гагарина в свою компанию встречать Новый год. Благодаря своему авторитету и личному обаянию Юра был душой своих сверстников. Новый, 1953 год принесет много изменений в его жизни; он окрепнет и морально и физически.

1953 год

17 января. Юрий написал домой письмо, в котором впервые робко излагал свои жизненные планы. Признался, что очень хочет летать. Нет, техникум он не бросит, специальность получит непременно, но летать — это мечта его жизни. К тому же он дал слово ребятам, мальчишкам и девчонкам, с которыми провел несколько памятных дней в лагере. Сдержать слово — его долг.

23 января. Пришло известие, опечалившее Юрия. Аэроклуб, в который в декабре прошлого года он и его друг Порохня подали заявления, прекратил свое существование.

Это была, пожалуй, первая неудача в жизни. Сколько их еще будет? Виктор Порохня, грезивший авиацией, в этот день навсегда откажется от своей мечты, а Юра промолчит, думая о будущем.

18 февраля. По инициативе Валентина Чапаева, племянника легендарного героя гражданской войны Василия Ивановича Чапаева, был организован лыжный пробег по местам революционной и боевой славы, посвященный Дню Советской Армии и Военно-Морского Флота. Участие в пробеге принял Юрий Гагарин. Тренированный спортсмен, он показал хорошие результаты.

20 марта. Прочитал книгу К. Э. Циолковского «Вне Земли» и был потрясен смелостью и оригинальностью суждений ученого, удивлен простотой и доступностью изложения сложных научных концепций межпланетных полетов.

Книга Циолковского впервые открыла для Гагарина неведомый ранее мир.

С интересом Юрий читает вскоре другие труды Константина Эдуардовича. В работе «Космические ракетные поезда» первый пункт научного трактата, сформулированный с обезоруживающей простотой, гласил: «Под ракетным поездом я подразумеваю соединение нескольких одинаковых реактивных приборов, двигающихся сначала по дороге, потом в воздухе, потом в пустоте вне атмосферы, наконец, где-нибудь между планетами или солнцами».

Слова «между планетами или солнцами» захватывали дух. Позднее Юрий Алексеевич скажет: «Циолковский перевернул мне всю душу».

17 апреля. Начал заниматься в физическом кружке. Физика, при всей строгости и точности научных формулировок, позволяла, опираясь на фундамент незыблемых законов природы, фантазировать, мысленно пускаться в далекие галактические путешествия, ступать на неизвестные планеты с причудливыми растениями и животными.

В одной из прочитанных тогда книг Юрия привлекла гравюра: холмистый пейзаж, окруженный небесной сферой, с многочисленными звездами, привычной для нас

растительностью, и человек, путник, проткнувший головой атмосферу, за которой он обнаружил и конец света, и его новое продолжение.

Много лет спустя он вновь увидит эту гравюру, выполненную французским астрономом Камилем Фламмарионом.

9 мая. День Победы над фашистской Германией. Торжественные и нарядные преподаватели техникума вспоминали минувшие дни.

Как-то не верилось Юрию: война становится историей. Стремительно, безостановочно движется время. Под впечатлением событий дня, встреч с фронтовиками вечером он пишет другу: «Трудно представить: солдат, участник войны, штурмовавший Берлин, уже история. Я очень хорошо помню войну и с особой теплотой и благодарностью вспоминаю солдат, освободивших мой город. Хочется осмыслить прожитое и сделать свою жизнь нужной и полезной людям!»

19 мая. На комсомольском собрании, в подготовке которого активное участие принял Гагарин, говорили о летних каникулах, о переходе на старший курс, об ответственности за учебу. Юрий выступил тоже. «Рассматривать нашу учебу, будущую профессию в отрыве от нашей мечты нельзя,— сказал он.— Это надо по-нашему, литейному, соединить в один сплав. Сплавы чаще бывают крепче однородных металлов. Человечество стоит на пороге полетов к звездам. Может быть, я ошибусь в терминологии, но по сути прав: люди будут летать к другим планетам. Об этом пишет Константин Эдуардович Циолковский. Стране потребуются металл, новые приборы, сверхмощные двигатели...»

15 июня. Старший преподаватель Н. Н. Москвин обратился к директору техникума А. А. Ковалю со следующей запиской: «Учащийся группы Л-21 Гагарин в течение 1951—52 и 1952—53 учебных годов состоял председателем физико-технического кружка. За эти два года сделал три доклада и со знанием дела организовал сам занятия кружка... За указанную работу прошу вынести ему благодарность».

16 июля. Начались каникулы. Выехал в Гжатск. В отпуске много работал, помогая по дому, читал. Увлекся поэзией, открыл для себя несколько интересных поэтов, в произведениях которых нашел созвучные темы.

У Фета: «На стоге сена ночью южной лицом ко тверди я лежал, и хор светил, живой и дружный, кругом раскинувшись, дрожал».

У Якова Княжнина: «Орел, любимец гордый грома, свой к нему правит быстро полет; он, кажется, достигнет дома, отколь исходит солнца свет».

Записал это в свой дневник.

То, что позволительно поэзии, совершенно нереально в жизни. «Как отчий дом, как старый горец горы, люблю я землю, тень ее лесов; и моря рокоты, и звезд узоры, и странные строенья облаков».

Поэзия Валерия Брюсова все более увлекала Гагарина, ее вселенские мотивы никогда не исключал из своих стихов.

В дневнике Юры есть и слова Эдуарда Багрицкого: «Я не запомнил, на каком ночлеге пробрал меня грядущей жизни зуд. Качнулся мир. Звезда споткнулась в беге...»

С того памятного лета космическая тема в поэзии будет сильно волновать его. Своему увлечению он не придаст серьезного значения. Лишь в 1961 году студенческие годы неожиданно вернут ему воспоминания о сильном былом увлечении.

1 августа. Решил вернуться раньше срока в техникум. В окружении своих, неожиданно заскучал по Саратову. Долгими теплыми вечерами, лежа на пахучем сене, сдобренном ароматом других цветов, Юрий вспоминал Саратов, его тихие парки и шумные скверы с чугунными решетками, обрывистый берег Волги, удобный для ныряния в ласкающие воды могучей реки, тот самый берег, который через несколько лет станет красивейшей Набережной Космонавтов.

28 августа. Из дому уезжал возмужавшим, повзрослевшим. Просил не беспокоиться, денег больше не присылать. Обещал писать часто.

3 сентября. Написал письма домой, братьям. Сквозь внешний оптимизм проскальзывала грусть: что-то стронулось в его душе. Да, он повзрослел, менялись взгляды на жизнь.

Брат его Валентин Гагарин позднее отметит в своих воспоминаниях: «...письма от Юры приходили по два-три раза в неделю, очень пространные и очень интересные...»

20 ноября. В техникуме началась подготовка к практике...

В свой дневник Юрий записал фразу английского философа XVII века Френсиса Бэкона: «Вселенную нельзя низводить до уровня человеческого разума, как это делалось до сих пор, но следует расширять и развивать человеческое разумение, дабы воспринимать образ Вселенной по мере ее открытия».

1954 год

16 марта. Состоялось курсовое собрание. Говорили о трудности последнего курса. «Кажется, все готово к началу учебного года, последнего курса техникума, но осталось самое малое — окончить третий. Практика на заводе — реальность завтрашнего дня»,— запишет Юрий Гагарин в дневнике. К работе на заводе своих подопечных преподаватели относились серьезно, стремились добиться взаимного влияния — завода на студентов, студентов на рабочие коллективы.

12 апреля. В один день вдруг все перешли на «Вы». Преподаватели вдруг стали обращаться со студентами как со взрослыми людьми, равными себе, как с коллегами. Это вызвало в студенческой аудитории переполох, иронию, потом все вошло в свою колею.

8 июня. Областной комитет комсомола призвал студентов лето провести на стройках области. Многие старшекурсники поддержали этот призыв, решили к тому же заработать немного денег, приодеться. Все-таки на заводе они будут командирами производства среднего звена. Юрий Гагарин по решению бюро ВЛКСМ поехал в пионерский лагерь. Лето предстояло провести с пионерами.

4 сентября. Студенты, вернувшись с каникул, уезжали на практику. В перечне направлений значились крупнейшие металлургические заводы страны. Юрий Гагарин был направлен в Москву на химический завод имени Войкова.

В новом рабочем коллективе Юрий работает с большим увлечением. Иногда трудится по две смены подряд, чтобы выкроить время для поездки в Гжатск.

24 сентября. Пользуясь пребыванием в Москве, побывал в родном Люберецком ремесленном училище. Встречался с мастерами, говорил с ребятами. Теперь к

его голосу прислушиваются: он бывший выпускник училища и нынешний выпускник техникума.

2 октября. После нескольких трудных смен появилась возможность посмотреть Москву. Гулял по Красной площади, постоял у памятника Пушкину, побывал в цирке на Цветном бульваре.

6 октября. У станции метро «Сокол» встретил учащихся 2-й Московской спецшколы ВВС. С завистью и обожанием смотрел на ладных и стройных парней, одетых в авиационную курсантскую форму. Провожая их, дошел до здания спецшколы, которая размещалась в Чапаевском переулке.

Через несколько лет Юрий Алексеевич расскажет выпускнику этой школы Владимиру Комарову о своей дружбе с учащимися Саратовской спецшколы ВВС.

8 октября. Юрий Гагарин вернулся в Саратов. За время пребывания на учебной практике в Москве многое удалось сделать, определить тему диплома — «Разработка литейного цеха крупносерийного производства на 9 тысяч тонн литья в год», собрать кое-какой материал.

9 октября. В торжественной обстановке учащимся третьего курса за отличные успехи и примерное поведение вручали похвальные листы. В числе отмеченных и Юрий Гагарин.

21 октября. Юрий отчитался о работе на заводе имени П. Л. Войкова, разработал план-задание для новой практической работы на ленинградском машиностроительном заводе «Вулкан».

25 октября. Юрий Гагарин и еще несколько четверокурсников — Виктор Порохня, Иван Логвинов, Петр Семейкин, Михаил Чекунов — подали заявление в аэроклуб. На следующий день они были зачислены на отделение пилотов.

31 октября. Начались занятия в аэроклубе. На плечи учлетов легла невероятно большая нагрузка. Занятия в техникуме до обеда, после обеда в аэроклубе, строгий режим, жесткий распорядок дня. «В аэроклуб поступили многие — да окончил он один»,— скажет много лет спустя сокурсник Юрия Гагарина — Александр Шикин.

16 ноября. Началась учебная практика в Ленинграде. На заводе ребят приняли хорошо, помогли устроиться в общежитии, показали город.

Ленинград очаровал Юрия. Он побывал в музеях, театрах, гулял по Невскому.

7 января. В аэроклубе объявили о том, что скоро полеты. Ну, а пока читали лекции бывалые летчики. Просто и доходчиво говорили о теории пилотирования, конструкции самолета и мотора.

22 февраля. Начальник аэроклуба Герой Советского Союза Г. К. Денисенко собрал всех курсантов по случаю Дня Советской Армии и рассказал о героизме летчиков на войне, о высоком долге советских авиаторов, поблагодарил курсантов за стойкую приверженность небу, Юрия Гагарина назвал в числе прилежных учеников.

9 мая. Заместитель начальника аэроклуба по политической части Виктор Николаевич Фимушкин в беседе с курсантами рассказал о боевых подвигах воспитанников саратовского аэроклуба. Подвиги саратовских авиаторов в годы войны широко известны советским людям. Двадцать два воспитанника удостоены звания Героя Советского Союза. Со многими из них Юрий встречался, дружил. А у Сергея Ивановича Сафронова, командира звена, учился летать.

18 мая. Удачно совершил первый парашютный прыжок.

24 мая. Первый полет с инструктором Дмитрием Павловичем Мартьяновым. Юрий писал о своих впечатлениях родным: «Глаза разбегаются, дух захватывает, и не поймешь, что к чему... Этот полет наполнил меня гордостью, придал смысл всей моей жизни».

25 мая. Началась активная подготовка к государственным выпускным экзаменам в техникуме.

Юрий как председатель физического кружка провел итоговое заседание, посвященное открытиям в науке. Выступил на нем с докладом о научном наследии Константина Эдуардовича Циолковского. «Работы Циолковского об аппаратах, способных летать в космическом пространстве, описание им основных физических свойств планет, звезд и астероидов дают основания считать ученого основоположником мировой космонавтики» — этими словами закончил он выступление.

Мысль Гагарина сводилась к тому, что огромный, бесконечный таинственный мир космоса можно познать только тогда, когда овладеешь знаниями всех законов природы.

«Пожалуй, именно с доклада о работах Циолковского

и началась моя «космическая» биография. В литейщике родился летчик»,— писал Юрий Алексеевич.

1 июня. Утром готовился к экзаменам, в середине дня ехал в аэроклуб, вечером выполнял многочисленные общественные обязанности. Так складывались рабочие сутки Гагарина.

23 июня. Группа Л-41 СИТа начала сдачу государственных экзаменов. Еще никто не знал, как завершится самая ответственная и самая трудная пора — выпускные экзамены, но каждый из выпускников вынашивал мысль о будущем. Все были в напряженном ожидании, думали о распределении, о новом месте работы, об изменении своего семейного положения, о продолжении учебы, Юрию Гагарину советовали продолжать учебу в Московском институте стали и сплавов.

Директор техникума С. Родионов и классный руководитель А. Акулова дали Юрию Алексеевичу отличную характеристику, в которой, в частности, говорилось: «За время пребывания в техникуме тов. Гагарин был исключительно дисциплинированным учащимся, успеваемость его отличная. Принимал активное участие в общественной жизни техникума и группы. Выступал с докладами на литературных конференциях, является активным участником физико-технического кружка...»

27 июня. Юрий Гагарин окончательно сделал свой выбор: небо. Воздушная стихия, романтика движения, гул высотного ветра победили.

Написал домой.

«Мама! Я люблю тебя. Люблю твои руки, большие и ласковые, люблю морщинки у твоих глаз и седину в твоих волосах. Никогда не беспокойся обо мне». Дома это письмо вызвало переполох. Что бы это значило?

29 июня. Юрий защитил диплом с отличием. Государственная экзаменационная комиссия присвоила ему квалификацию техника-литейщика.

Товарищи один за другим уезжали к месту работы. Расставались надолго, возможно навсегда. Юрий не изменил своему решению: он будет военным летчиком.

Выпускной вечер проходил на Казачьем острове. Приехали преподаватели. Бывшие студенты и наставники говорили о будущем, о профессиях, о необходимости постоянно учиться. Девчата и ребята уезжали, а Юра оставался в аэроклубе, предстояла серьезная летная практика.

30 июня. Курсанты аэроклуба выехали в лагеря, на загородный аэродром. На время сборов Гагарина назначили старшим группы и комсоргом летного отряда.

2 июля. Начались самостоятельные полеты. Первый полет по кругу. Позднее об этом полете Юрий Алексеевич записал: «Меня охватило трудно передаваемое чувство небывалого восторга. Лечу сам! Только авиаторам понятны мгновения первого самостоятельного полета...»

Инструктор Мартьянов поздравил Юрия Гагарина с первым успешным полетом, похвалил за хороший старт, красивую посадку.

3 июля. Газета саратовских комсомольцев «Заря молодежи» опубликовала репортаж о полетах аэроклубовцев. Журналист Евгений Петров писал: «Начинается подготовка к полетам. В этот день программа разнообразна. Одни будут отрабатывать взлет, другие — посадку, третьи — пойдут в зону, где им предстоит выполнять различные фигуры пилотажа.

Сегодня выпускник индустриального техникума комсомолец Юрий Гагарин совершает свой первый самостоятельный полет. Юноша волнуется. Но движения его четки и уверенны. Перед полетом он тщательно осматривает кабину, проверяет приборы и только после этого выводит свой ЯК-18 на линию исполнительного старта. Гагарин поднимает правую руку, запрашивает разрешение на взлет.

— Взлет разрешаю,— передает по радио руководитель полетов Н. Ф. Пучик».

10 июля. Юрию подарили газету со статьей, в которой целый абзац был посвящен ему. Гуляя по городу, зашел в редакцию поблагодарить журналиста. Девушка, выслушавшая его, сказала, что автор в командировке, а в газету, заметила она, чаще заходят не благодарить, а спорить. «Вы феномен!» — скажет она на прощание. Да, он феномен. Но об этом пока никто не знает. Ни она, ни он сам.

Известный индийский писатель и общественный деятель Ходжа Ахмад Аббас, познакомившись в 1961 году с Юрием Алексеевичем Гагариным, напишет: «Юрий Гагарин, как феномен, еще раз поставил мир перед парадоксом того, что герой редко соответствует привычным понятиям героического стандарта».

На всю жизнь Юрий сохранит трогательное отношение к областной саратовской газете, постоянно будет ин-

тересоваться ею и в многочисленных беседах с журналистами спрашивать: из саратовской молодежной кто есть?

Возможно, именно статья в молодежной газете приведет его позднее к признанию: «Именно с Саратовом связано появление у меня болезни, которой нет названия в медицине, неудержимой тяги в небо, тяги к полетам».

Газету «Заря молодежи» Юрий послал домой. «Первая похвала в печати,— скажет Юрий Алексеевич,— многое значит в жизни».

15 июля. Началась подготовка к зачетным полетам. Летали почти каждый день, с рассвета до наступления сумерек были на аэродроме. Юрий загорел, возмужал, окреп. В лагерных условиях в нелегком бивачном быту выковывался свой особый климат товарищества, создавался нравственный кодекс молодых пилотов, подражательно заимствованный у армейских коллективов военной поры. Молодые парни, сцементированные несокрушимой любовью к небу, по-спартански относились ко всему, что не входило в расписание полетов. Многие молодые пилоты «делали жизнь» с известных героев Великой Отечественной войны.

17 июля. Из Гжатска пришло письмо. Анна Тимофеевна писала: «Мы гордимся, сынок, тобой... Знаем, что вырастешь ты достойным нашего великого времени человеком, но ведь в жизни так много соблазнов, которые способны повернуть путь в сторону. За газету спасибо, порадовал, но смотри не зазнавайся...»

Юрий обрадовался этому письму, при внимательном прочтении его понял много больше, чем мог понять посторонний человек.

Через два месяца, прибыв на короткую побывку домой, в отпуск, он увидит маму помолодевшей, гордой, красивой, сбросившей с себя немалый груз лет и нескончаемые тяжести домашних обязанностей. Она поверила в сына, поняла, что он выбрал правильную дорогу в жизни.

19 июля. В отряде происшествие, ЧП, говоря военным языком. Один курсант, выполнив полетное задание, стал на недопустимо малой высоте делать фигуры сложного пилотажа, подвергая и себя и людей на земле большой опасности. Лихачество в воздухе, как и на земле, сурово карается. Азарт, который, бывает, руководит пилотом в полете, опасен.

На разборе полетов и комсомольском собрании от-

ряда Юрий подверг курсанта резкой и справедливой критике.

Вечером, опечаленный случившимся, Юрий отправил письмо Виктору Порохне, в котором писал о полетах, делах аэроклуба и сетовал на тех, кто не умеет летать по-настоящему, свою техническую и пилотажную безграмотность стремится закрыть бездумным лихачеством. «Успех зависит от усилий, затраченных на него» — в этих словах Гагарина высвечивается его жизненное кредо.

20 июля. Полеты организованы строго по наставлению. Никаких нарушений, ни одного отсутствия. Урок прошлого дня действует, но всесильная память идет на компромисс. В обеденный перерыв говорили о реактивных самолетах, о звуковом барьере, о летчиках-испытателях. Юрий впервые услышал фамилию капитана Григория Бахчиванджи. Очень расстроился от того, что некоторые курсанты уже знали об этом удивительном летчике, могли говорить о его жизни, полетах, неведомом реактивном самолете БИ-1. «Все узнать, все прочитать!» — решает он.

Пройдет несколько месяцев, и Юрий Алексеевич в подробностях познакомится с жизнью Григория Яковлевича Бахчиванджи. И снова ощутит неловкость от того, что Главного конструктора Виктора Федоровича Болховитинова, в КБ которого был создан БИ-I, своего земляка, саратовца, так до сих пор и не видел.

25 июля. Пресса была неравнодушна к Юрию Гагарину. Утром появился боевой листок «Молния», в котором сообщалось о героическом поступке Юрия Гагарина. На одном из самолетов возник пожар, пламя угрожало курсанту, угрожало и самолету, который мог в любую минуту взорваться. Гагарин в мгновение ока оказался у самолета, рискуя собственной жизнью, вытащил из кабины товарища, энергично приступил к тушению. Угрожающего положения избежать удалось, а самолет общими усилиями — отремонтировать. Авторитет Гагарина значительно возрос.

«В жизненном пути Гагарина,— писала в своей книге Лидия Обухова,— нет ничего мистического. Его предназначение вовсе не было определено со дня рождения, а дарования не выступали однозначно и выпукло. Просто он не растрачивал свои силы впустую. Он постоянно искал и добивался большего на каждом поприще, пре-

доставлением обстоятельствамн. Упорство, оптнмнзм, целеустремленность н работоспособность — главные его черты».

26 июля. Началась активная подготовка к авиационному празднику. В Саратове в честь Дня Воздушного Флота СССР разрешили пролет самолетов над городом.

Руководство аэроклуба разработало программу праздника. Предусматривались парашютные прыжки, воздушные поезда, одиночный и групповой пилотаж. К тренировкам, помимо опытных летчиков, мастеров воздушного пилотажа, привлекли и молодых пилотов, курсантов аэроклуба. Получил задание и Юрий Гагарин.

Аэроклуб в канун праздника авиции стал своеобразной Меккой. Почти ежедневно приезжают гости, наведываются корреспонденты. Отменили даже выходные дни. Ведь День Воздушного Флота — это еще и отчет советских авиаторов перед своим народом.

30 июля. Во время парашютных прыжков одного курсанта отнесло далеко в поле. Вероятно, напуганный этим необычным обстоятельством, изменившейся местностью, ослабив внимание, курсант забыл об осторожности и неудачно приземлился. Юрий Гагарин прибежал первым, взвалил товарища на себя и донес до санчасти.

1 августа. Пилот Михаил Соколов пригласил Юрия в гости к своему дяде в Аткарск. Гагарин охотно согласился. Путь неблизкий. Но легкий на подъем, без претензий на сервис, Юрий отправился в гости на товарном поезде. Многонедельное напряжение сменилось раскованностью. Юрий был весел, с ненасытным интересом смотрел на проплывающие мимо села, леса, поля.

По возвращении Михаил спросил Гагарина:

— Доволен поездкой?

— Думается, я хорошо выполнил свою миссию.

Михаил улыбнулся: да, он пригласил Юрия, чтобы убедить дядю в правильном выборе будущей профессии. Юрий, как видно, с самого начала разгадал эту его маленькую хитрость...

У Юрия Гагарина было удивительное чувство контакта с людьми. Позднее брат его, Валентин, скажет: «Юра смело входил в чужой мир и с удивительной легкостью мгновенно создавал свой».

3 августа. В перерыве между полетами инструкторы говорили об Экзюпери. Гагарин прислушался, для него это было новое имя. Как мало он еще знает! Спросил

одного, другого — знают Экзюпери. Пошел в библиотеку, спросил книги.

— Что вы, разве они залеживаются.

В своем потайном дневнике жирно записал: «Антуан де Сент-Экзюпери! Прочитать!»

Он не забудет об этом, как никогда не забывал о важных делах, слове, данном товарищу. Он прочитает Экзюпери уже в военном училище летчиков и, потрясенный целым миром, неожиданно открывшимся перед ним, волшебством слов, передающих реальное ощущение полета, как бы заново преобразится, еще раз ощутит всю серьезность и трудность профессии, которую избрал.

6 сентября. Третья за последнюю неделю ошибка. Посадка плохая. Посадил машину с креном, ударившись о землю одним колесом, самолет пошел юзом... Плохо. Неудачная посадка — не теоретический ответ, его не спрячешь в ведомости, не закроешь следующим листом. Гагарин глубоко переживал неудачу. Положение его усложнилось и тем, что, начав лагерный период с опозданием на две недели, он по-прежнему отставал по ряду дисциплин, хотя упорно и много занимался.

Мысль об отчислении из аэроклуба не давала ему покоя. В эти решающие для молодого летчика дни командир отряда Анатолий Васильевич Великанов разрешил последний контрольный полет. Юрий блестяще выполнил его, в том числе и посадку. Гагарин прочно занял лидирующее положение и никому его больше не уступал.

8 сентября. Осталась неделя до экзаменов. В день Юрий делает по 2—3 тренировочных полета, с особым шиком притирает самолет у «Т». Но программа летной практики уже подходила к концу. Учеба в аэроклубе завершилась.

Вспоминая об этом времени, Юрий Алексеевич скажет: «Незаметно подкралась тихая осень. Через аэродром потянулась паутина бабьего лета, в палатках по ночам становилось холодно». Но была и другая причина для грусти, предстояло расставаться с Саратовом, городом, который полюбил и в котором прошли незабываемые годы студенческой жизни.

16 сентября. Начались выпускные экзамены. Авторитетная комиссия решает судьбу молодых пилотов: кто получает назначение в гражданскую авиацию, кто — в военную. Юрий и еще несколько его товарищей, вероят-

но, будут рекомендованы в военные авиационные училища.

24 сентября. Сданы все экзамены: конструкция самолета ЯК-18 — отлично, мотора — М-11-ФР — отлично, самолетовождение — отлично, аэродинамика — отлично. Наставление по производству полетов — отлично, радиосвязь — отлично, общая оценка — отлично.

25 сентября. Прощальное построение молодых пилотов, закрытие лагеря. Октябрьский райвоенкомат Саратова вручает документы тем, кто направляется в Оренбургское авиационное училище летчиков. В их числе Гагарин.

Каждый выпускник прощался со своим крылатым другом. Всем было немножко грустно: прощался с самолетом ЯК-18 под номером шесть и Юрий. Прощай, конек-горбунок!

29 сентября. Начался отпуск. Получена возможность побывать дома, встретиться с родными, порыбачить, походить по родным местам.

На время забытый дневник с торопливой поспешностью пополняется новыми записями, среди которых — раздумья о жизни, о поиске путей приложения своих сил. Значительное место в размышлениях занимают мысли об авиации, о профессии военного летчика.

1 октября. Братья одобрили выбор. «Должен быть в нашей семье и военный»,— твердо сказал Валентин. Юрий окружен вниманием. Как-никак, теперь он солдат, защитник Родины.

Отец, Алексей Иванович, не очень одобрявший столь затянувшуюся учебу, шумливо ворчал:

— Почитай, уже дюжину лет за партой. Пошто учиться: специальность при тебе, голова, слава богу, еще хорошо варит. Начинай работать, Юрий, Отечеству пользу приносить...

— Так меня же военкомат призвал, батя! Это мой долг перед Родиной...

Слово «военкомат» на Алексея Ивановича, старого солдата, сержанта запаса, подействовало внушительно, и он согласился.

25 октября. Юрий Гагарин прибыл в Оренбург.

27 октября. Приказом начальника училища зачислен курсантом 1-го Чкаловского (Оренбургского) военно-авиационного училища летчиков Военно-Воздушных Сил.

28 октября. В письме домой Юра рассказал о том, как доехал, свои впечатления о дороге, о том, что в этих местах жива авиационная слава Чкалова. Здесь много людей, которые помнят его, знают его родственников.

Сообщил о том, что принят в училище, что вступительные экзамены не сдавал, так как имеет диплом с отличием об окончании техникума.

«Итак, началась моя военная жизнь! — писал он.— Нас всех, как новобранцев, подстригли под машинку, выдали обмундирование — защитные гимнастерки, синие бриджи, шинели, сапоги. На плечах у нас заголубели курсантские погоны, украшенные эмблемой летчиков — золотистыми крылышками. Я нет-нет да и скашиваю глаза на них, гордясь и радуясь, что приобщился к большой семье авиаторов Советской Армии».

Когда 1 августа 1967 года Юрий Алексеевич выступит по Оренбургскому телевидению, то на вопрос: «Какие узы связывают вас с Оренбургом?» — он ответит: «Очень простые и славные. Здесь прошла моя юность, здесь окончил летное училище, научился неплохо летать. Здесь встретил любимую — и она стала моей женой... Тихие, зеленые улочки, быстрина Урала, где мы купались всей нашей пятой эскадрильей. Знаете, все это пронеслось в какое-то мгновенье там, в космосе».

30 октября. За четкое выполнение распорядка дня курсант Гагарин поставлен в пример всей эскадрилье. В книге «Дорога в космос» об этом периоде Юрий Алексеевич писал: «Мне по душе были и артельный уют взвода, и строй, и рапорты в положении «смирно», и солдатские песни...»

Для прохождения курса молодой боец Гагарин назначен во взвод капитана Бориса Федорова, строгого и требовательного командира. Через неделю, ознакомившись с личным делом Юрия Гагарина, он неожиданно подобрел к молодому курсанту, сменил, как говорится, гнев на милость.

— У вас, оказывается, 196 полетов? — сказал он с искренним удивлением.— Молодец!

22 ноября. Курсантов знакомили с историей училища. Перед мысленным взором парней ожили страницы героического прошлого. 10 августа 1921 года была создана московская школа воздушного боя и бомбометания. Она и положила начало формированию Оренбургского училища. Школа размещалась в Москве, затем в Серпухо-

ве... Летали пилоты на гигантских по тем временам бомбардировщиках «Илья Муромец». Руководил летной подготовкой в первые годы существования школы Борис Николаевич Кудрин, легендарный красный военлет гражданской войны, в будущем известный летчик-испытатель. Это он первым в нашей стране еще в планерном варианте испытает советский истребитель БИ-1 с реактивным двигателем. А выпускник этого же училища Григорий Яковлевич Бахчиванджи доведет эту удивительную машину до полета.

В этот день Гагарин услышал их имена. А через несколько лет с Б. Н. Кудриным познакомится в Москве.

Затаив дыхание слушали курсанты о тех, чьими подвигами гордится страна: Валерий Чкалов, Михаил Громов, Анатолий Серов, Андрей Юмашев, Степан Супрун, Сергей Грицевец, Иван Полбин, Павел Жигарев, Леонид Беда и многие другие.

Питомцы прославленного учебного заведения давали путевки в небо новым самолетам, героически сражались за свободу и независимость нашей Родины, оказывали интернациональную помощь китайскому н монгольскому народам, боролись с фашизмом в Испании.

В годы Великой Отечественной войны выпускннки училища проявили массовый героизм. Тысячн воспнтанников награждены орденами н медалями СССР, 236 стали Героями Советского Союза, 9 из них удостоены этого звания дважды. За заслуги при защите Советского государства и образцовую подготовку авиационных кадров училище еще в 1936 году награждено орденом Красного Знамени.

Пройдут годы, и к этим прославленным нменам с гордостью будет добавлено еще одно имя — Юрня Гагарина.

1 декабря. В одном из конспектов Юрий сделал выписки из проекта воздухоплавательного прибора, составленного Кибальчичем.

В классном отделении возникла дискуссия о летательных аппаратах недалекого будущего. Разумеется, разговор шел о ракетах, космических кораблях, межпланетных полетах.

11 декабря. Очень хотелось сфотографироваться в курсантской форме, послать фото домой. Обещал же. Уговорил местного фотографа «щелкнуть». Четыре друга, чуточку неловкие в новеньких шннелях, в еще не об-

мятых шапках улыбаются объективу, улыбаются открыто и доверчиво.

15 декабря. Завершилась программа курса молодого бойца. Юрий и его товарищи по техникуму выделялись собранностью, аккуратностью и исполнительностью. «Такие ребята, как наш Юра,— писал позднее его брат Валентин Гагарин,— в некотором роде были находкой для военного авиационного училища... Годы учебы в ремесленном и индустриальном техникуме воспитали в них чувство коллективизма, чувство товарищеского локтя. Эти ребята умели своеобразно решать самые сложные житейские задачи, обходиться без опеки со стороны людей, старших по возрасту, без той мелочной опеки, которая подчас так вредит юношам и девушкам, надолго задержавшимся под родительским крылом».

17 декабря. В учебной библиотеке училища Юрию разрешили посмотреть фонд книг о космонавтике, межпланетных полетах. Среди огромных фолиантов нашел сиреневый томик «Избранные труды К. Э. Циолковского. Книга вторая. Реактивное движение. Под редакцией инж. Ф. А. Цандера, 1934 год».

Фамилия Цандера — в черной рамке. Значит, он уже не увидел этой книги.

В своем предисловии Ф. А. Цандер писал: «Циолковский принадлежит к числу тех людей, которые своей любовью к делу и принципиальностью ума нашли новое в области, в которой люди науки еще мало сделали по выявлению имеющихся практических возможностей».

Листы книги изрядно пожелтели. На страницах, где помещались формулы, расчеты, чьей-то неведомой рукой сделаны пометки. Отчеркнут абзац: «Во многих случаях я принужден лишь гадать или предполагать. Я нисколько не обманываюсь и отлично знаю, что не только не решаю вопроса во всей полноте...»

Действия безымянного редактора не имели четкого смысла. Что это было: созвучие мыслей, адекватность научного направления, торжество по случаю честного признания ученого?

Юрий прочел эту книгу. Но дал себе слово обязательно ее изучить. Он вернется к этому научному труду позже.

19 декабря. На книги Экзюпери в библиотеке была очередь. Повесть «Ночной полет» в единственном экземпляре строго оберегалась библиотечными работника-

ми. Читать разрешалось только здесь, в зале, под неусыпным контролем хранителей духовных ценностей. Принимая книгу из рук заведующей библиотекой, Юрий и не предполагал, сколь ценный духовный подарок он получает.

20 декабря. Снова пришел в библиотеку, чтобы читать полюбившегося ему писателя.

Извлечен забытый на время дневник. Прочитав записи прошлых лет, Юрий удивился своей наивной детскости и, не зная, как быть дальше, решил записывать только афоризмы, мудрые мысли, крылатые выражения. И в дневник легли слова Экзюпери: «Фабьен шел от города к городу — он пас эти маленькие городишки. Он встречал их каждые два часа, города приходили на водопой к берегам рек или щипали траву на равнинах».

И еще: «Нужно заставить их жить в постоянном напряжении,— размышлял Ривьер,— жизнью, которая приносит им и страдания и радости, это и есть настоящая жизнь».

21 декабря. В этот день в библиотеку сходить не удалось. Перед нарядом не отдыхал, приводил в порядок свои записи, набросал список книг, которые считал необходимым прочитать: Горький, Толстой, Пушкин, Есенин, Достоевский, Жюль Верн, Уэллс. Программа-минимум. Выписал понравившееся место из речи А. И. Герцена, сказанной при открытии публичной библиотеки в Вятке.

«Книга — это духовное завещание одного поколения другому, совет умирающего старца юноше, начинающему жить, приказ, передаваемый часовым, отправляющимся на отдых, часовому, заступающему его место. Вся жизнь человечества последовательно оседала в книге: племена, люди, государства исчезали, а книга оставалась. Она росла вместе с человечеством, в ней кристаллизовались все учения, потрясавшие умы, и все страсти, потрясавшие сердца; в ней записана та огромная исповедь бурной жизни человечества, та огромная аутография, которая называется всемирной историей».

26 декабря. Из письма аэроклубовскому инструктору Мартьянову, своему инструктору: «Учеба проходит нормально. В увольнение пока еще не ходили... Все дни заняты учебой. Преподаватели здесь хорошие, но строгие, и командиры тоже. Шприца дают часто. В общем, привыкаем к солдатской жизни. Нам, аэроклубовцам, это не

очень трудно. Летать, очевидно, иачнем в конце зимы. Сейчас ждем прибытия новых машин с носовой установкой...»

27 декабря. Послал письмо домой, поздравил с Новым годом. «Мама, все идет, как и предполагал. На днях примем присягу и по-настоящему начнем изучать реактивную технику. Будущее авиации в больших скоростях. Возможно, учтут мою аэроклубовскую подготовку и сократят сроки учебы. Убеди папу, что учиться мне необходимо. Настоящий защитник Родины тот, который умеет хорошо владеть оружием».

1956 год

8 января. Торжественный и памятный день: прием военной присяги.

17 января. В училище создали литературное объединение. У Юрия всегда была тяга к литературе. Ни стихов, ни рассказов на суд товарищей не выносил, в редакции не посылал. Однако на занятия литературного объединения изредка заглядывал. В 1961 году на встрече с писателями он скажет о своем трепетном отиошении к писательскому труду, своей робости перед чистым листом бумаги.

20 января. Гагарин выступил с беседой о Ленине. Он рассказал о ленинской простоте, о привязанности Ленина к детям, об огромной организаторской работе Владимира Ильича. Курсантам понравилось выступление Юрия.

— Откуда ты все знаешь? — спросил его однокурсник.

— Это обязан знать каждый.

А вечером курсант Виктор Боев рассказал Юрию о своей жизни, о трудном детстве, о том, что он сын полка, во время войны потерял родных, был ранен. Виктор часто болел. В училище Боев был принят на льготных основаниях как участник войны.

— Давай искать родственников,— предложил Юрий.

— Давай...

Принимая это решение, они не очень надеялись на успех. И какова же была радость Виктора, когда они действительно разыскали его братьев.

27 января. На лекциях, практических занятиях, в аудиториях и на аэродроме все говорят о фронтовом опыте. Познавая современное, не забывай прошлое — этот

мудрый солдатскнй завет был взят курсаитами на вооружеиие. Оии знакомились с тактикой Воеиио-Воздушных Сил, изучали сражения второй мировой войны. Среди курсаитов иередко возникали споры о ролн авиацнн в боевых действиях. Решили провестн коиференцию иа тему о крупнейших воздушных сраженнях. Определили ннициативную группу, утверднли ответствеиных за подготовку докладов. Юрию Гагарииу предложена тема — «Налет советской авиации иа Берлин в 1941 году».

1 февраля. На танцевальиом вечере в клубе училища Юрий познакомился с Валентнной Горячевой, работиицей телеграфа. Жизиь круто и иеожнданно изменилась. Он глубоко н искреине полюбил Валю.

6 февраля. Начались зачеты по теоретнческим дисцнплннам. Получена первая отличиая оцеика. Очеиь хотелось удержаться в этом высоком ритме.

7 февраля. Началась подготовка к Дию Советской Армни и Военно-Морского Флота. Теперь этот праздник для Юрня нмел особое значенне. Капитан Федоров сказал ему, что будет ходатайствовать о прнсвоении звания «сержант».

— Заслужил, Юрий, молодец,— похвалил его офицер.

9 февраля. Вечером в Леиинской комиате — беседа по нстории авиацнн. Юрнй выступнл с сообщеинем о дерзком налете советской авнации иа Берлнн.

19 февраля. Основная теоретическая программа завершеиа. В марте предполагают начать полеты на ЯК-18.

«Погода сейчас стоит хорошая,— пнсал ои своему бывшему ниструктору Мартьянову.— Ждем приближення весны, лета и полетов. Недавно былн сильные бураиы. Поезда иа дорогах заносило по паровозную трубу. Мы ездили иа сиегоуборку. Ветер достигал 36 м/сек. Трудно было держаться иа иогах...»

22 февраля. Юрий произведеи в сержаиты. Поздравляя, капитаи Федоров сказал: «Сержаит — первый учитель».

25 февраля. Дежуриый офицер объявил: преподаватель тактики заболел. Чтобы не срывать занятия, комаидиру классиого отделеиия сержаиту Гагариiу поручено провести занятие. Юрий взошел иа кафедру, попросил открыть рабочие тетради и записать плаи лекции.

«Пункт первый,— объявил он.— Цели космических исследоваиий. Пункт второй. Космический корабль, устрой-

ство и назначение. Пункт третий. Состав экипажа, направляемого на таинственную и загадочную планету Марс».

Курсанты, привыкшие к беспрекословному повиновению, добросовестно записывали, не подозревая подвоха.

Гагарин озорно осмотрел класс: в полном доверии на него смотрели двадцать две пары глаз.

«Итак, вопрос первый,— продолжал он уже серьезно,— цели космических исследований — найти в необъятном мире Вселенной, в бесконечном просторе Млечного Пути другие цивилизации, доказать, что мы не одиноки, что человеческий разум всесилен».

Юрий говорил о том, что уже давно его волновало, стало серьезным увлечением. Он говорил не только о научных, чисто теоретических целях космических полетов, но и практической стороне дела.

«Стать на Луну, поднять камень с ее поверхности, направить движущиеся станции в межпланетное пространство, образовать живые кольца вокруг Земли, Луны, Солнца...»

Все это не имело никакого отношения к теме занятия, но, странно, никто из присутствующих не выразил ни сомнения, ни удивления. Больше того, увлеченные рассказом Гагарина и не заметили, как пролетели эти два часа. Судьба распорядилась так, что ровно через четыре года именно на эти вопросы Юрий Алексеевич будет отвечать Государственной комиссии.

4 марта. Своим друзьям по саратовскому аэроклубу Юрий писал: «Учиться здесь очень трудно, надо много знать. На реактивных самолетах не летал, но очень хочется. Бывалые пилоты нас, салажат, стращают: плохая осмотрительность, большая посадочная скорость. Может быть, и так, но я думаю, что в данном случае срабатывает обыкновенная инерционность мышления. Современный летчик, конечно же, должен быть реактивщиком».

Командир части подполковник Рябиков написал письмо в Гжатск, матери сержанта Гагарина.

«Анна Тимофеевна, можете гордиться своим сыном. Он отлично овладевает воинской наукой, показывает образцы воинской дисциплины, активно участвует в общественной жизни подразделения.

Командование благодарит Вас за воспитание сына, ставшего отличным воином, и желает Вам счастья в жизни и успехов в труде».

8 марта. Юрий принял приглашение Вали и вновь, хотя и не без робости, пришел в гости к Горячевым. Отец Валентины, Иван Степанович, приготовил свои любимые кушанья: пельмени по-уральски, беляши, пироги с рыбой и яблоками — и с веселым радушием угощал гостя.

После шумного и затянувшегося ужина Юрий читал Валентине стихи Есенина.

«Сад полышет, как пенный пожар, и луна, напрягая все силы, хочет так, чтобы каждый дрожал от щемящего слова «милый». Только я в эту цветь, в эту гладь, под тальянку веселого мая, ничего не могу пожелать, все, как есть, без конца принимая».

3 апреля. Теплый весенний ветер. Юрием овладело сегодня странное ощущение. С Валей знаком всего два месяца и в общем-то знает ее не так уж и хорошо, а отношения искреннего доверия, взаимного участия в судьбе такие, что хочется советоваться во всем, проявлять друг о друге заботу.

Через несколько лет он скажет: «Все мне нравилось в ней: и характер, и небольшой рост, и полные света карие глаза, маленький, чуть припудренный веснушками нос, и косы».

Как правило, они встречались у телеграфа. Погуляв по городу, заканчивали свои прогулки на улице Чичерина, у дома Горячевых. Через двенадцать лет этот дом станет музеем, а в одной из комнат его будут собраны — теперь уже уникальные — экспонаты их совместной жизни.

7 мая. Началась летная практика. Весь воскресный день — седьмого мая — переезжали на полевой аэродром, передислоцировались, устраивались и наводили порядок. Жить предстояло в палатках. Для Юрия это дело привычное. В Саратовском аэроклубе жил точно так же. Возвращением в природу назвал Юрий их бивак на берегу реки Урал.

9 мая. Благоустройство еще продолжается, правда, в основном в свободное от летной работы время. На служебном совещании Гагарин внес предложение: все оборудовать, как в настоящем военном лагере. Воду надо не привозить из города, а найти на месте, достать трубы и провести водопровод. Должна постоянно работать библиотека, функционировать ежедневно клуб.

12 мая. Несколько человек из отделения простудились, их вынуждены отправить в город. Санчасть в ла-

териых условнях еще не оборудоваиа. Юрий провожает своих подопечиых, иапутствуя: ие залеживайтесь, отстанете в полетах — ие догоиите.

14 мая. Работа без выходных, служба без привалов. Утром, строя отделение, Юрий объявил: не хныкать! Справедливо говорят: любимая иоша ие в тягость. Никто не хныкал.

В дополнеине к существующему распорядку дия, в котором четыриадцать часов рабочего времени, Гагарнн успевает заииматься спортом, участвует в самодеятельиости, проводит беседы об авнацин. Единственная привилегня в воскресенье — можио спать на час больше!

В 1961 году Н. Денисов и С. Борзеико напншут в «Правде»: «Ои иичего не делал иаполовину: учился без праздников и выходиых, и главиое в его жизни была целеустремлеииость».

27 мая. Курсаитов распределили по экнпажам. Юрнй Гагарни часто не только слушатель, ио н толковый, активный помощннк нниструктора. Его живая общнтельиость, иеукротимая веселость былн лншь виднмой частью личиости Гагарина, а другая, подобно айсбергу, скрытому под водой, иаполиялась и через несколько лет катапультио подияла Юрия над плаиетой.

4 июня. Первый летиый деиь.

Юрий извлекает забытый иа время дневннк н вновь начииает вести записи: «Я снова летаю. Какое счастье парить в воздухе, чувствовать послушиую тебе машнну. Земля подо миою, одии в вышине. Да простят меня людн за такое заимствование. Мне в полете хочется чнтать стихи...»

6 июня. Валеитнна прислала письмо. Пншет о себе, доме, подругах, о том, что родители передают привет и очень интересуются его жнзиью, полетами.

Юрий иесколько раз перечитывает эти строки.

Когда его отпустят в увольиение, ои приедет к Вале, тороплнво подиимется по ступенькам, войдет в дом и увндит прнготовлеиие к торжеству. Юрий стаиет извиияться, думая, что нарушил семейное единение, а Валя будет счастливо улыбаться.

— А мы тебя ждали,— скажет оиа.

— Меия? — уднвится Юра.— Как же вы могли знать?

— Не знаю. Мы ждалн.

13 июля. После болезни из госпнталя вернулся курсант Захаров. Командир эскадрнльн, учитывая его боль-

шое отставание в учебе, решил ходатайствовать об отчислении его из летного подразделения. Это был бы удар для Захарова, крушение всех его жизненных планов. Узнав об этом, Гагарин обратился к командиру с просьбой не отчислять Захарова, заверив его, что возьмет личное шефство над ним.

Возложив на себя такую ответственность, Юрий не отступился от данного слова.

Подполковник В. Евграфонов, сокурсник Юрия Гагарина по военному училищу, говорил, что Юрий всегда был прямым, искренним. Он мог выручить из беды,— что и проделывал не раз,— отдать последнее ради друга, охотно делился знаниями.

21 августа. Подведены итоги практики. Гагарину объявлена благодарность, он награжден Почетной грамотой за достигнутые успехи. Общий налет на ЯК-18 составил 103 часа 05 минут. Полеты эти укрепили в нем окончательно веру в избранную профессию. Этот тихоход был первым самолетом, позволившим ему ощутить романтику и радость встречи с небом.

23 августа. Эскадрилья выехала на уборку картофеля в подшефный Шарлынский район.

2 сентября. Начались проливные дожди. Промокли не только бушлаты, гимнастерки, но, кажется, и все тело насквозь. Работали в поле под проливным дождем, утопая в земляной жиже. Никто не болел, не хныкал, хотя тяжело было всем, вышедшим спасать урожай.

7 сентября. Погода улучшилась, дождь прекратился, и вновь солнце радостно и благодатно залило землю. Осенние краски удивительно яркие и разнообразные. Вечерами Юрий любуется звездным небом, много размышляет о Вселенной и совершенно неожиданно признается Вале в письме: «Меня очень захватывает небо, волнуют звезды, их далекий и мерцающий свет, их невидимые связи с землей. Наверное, настанет такое время, а я в это верю, когда человек, движимый любопытством, нет, лучше научными познаниями, поднимется к ним и принесет радость и цивилизацию тем, кто живет на далеких звездах. Правда, не исключено, что большие познания мы почерпнем и на новой планете».

13 сентября. Поступило распоряжение о возвращении в училище. Еще недавно сами торопили время, а теперь вот, когда надо уезжать, загрустили. Прошедшие две недели были хотя и трудными, но интересными. Что же до

Юрия, то он будет вспоминать эти трудные дни даже с сентиментальностью.

В эти дни он начал писать стихи.

17 октября. Получил письмо из дома. Родители сообщали о многочисленных новостях Гжатска, об уборке урожая, о том, что Юрины сверстники, как говорится, берутся за ум, женятся, становятся солидными и уважаемыми людьми. «Хорошо бы и нам дожить до твоих деток, Юра, еще внучков поняничить»,— писала Анна Тимофеевна сыну.

27 октября. Перед младшими командирами выступил начальник училища генерал Макаров. Он говорил о роли младшего командира в формировании здоровой нравственной атмосферы в коллективе, подготовке воздушного бойца, защитника неба Родины. В числе лучших сержантов генерал назвал Юрия Гагарина. «Я уверен,— сказал он,— что такие курсанты, как Гагарин, составят цементирующий костяк офицерского корпуса, станут гордостью Советских Вооруженных Сил».

9 ноября. Юрий распрощался с друзьями и выехал в отпуск. О своем приезде родителям не сообщал. Радостное чувство от близкой встречи с родными омрачалось расставанием с Валей...

13 ноября. С большим желанием помогал дома. Юрий умело владел топором, рубанком, стамеской. Перебирал в подполе дома картошку, заложенную на зимнее хранение. С гнильцой, срезанную лопатой отбрасывал для корма скота. Каждый день наведываются друзья, школьные товарищи, с женами и без оных, иные уже стали папашами, посматривающими свысока на холостяков.

1 декабря. Гагарина и еще нескольких курсантов, хорошо подготовленных на самолете ЯК-18, перевели в другое летное подразделение, начинавшее освоение реактивного истребителя МИГ-15.

11 декабря. Юрий с большим увлечением начал заниматься аэродинамикой больших скоростей, теорией полета реактивных самолетов и другими новыми для него дисциплинами. Сообщал о своей учебе домой. Подполковник И. Полшков присматривается к Гагарину. «Он обладал высокой целенаправленностью и настойчивостью в достижении цели»,— скажет он потом о первом космонавте планеты.

22 декабря. На зачете по теории двигателя Гагарин получил тройку: не ответил на ряд вопросов. «Я весь по-

холодел,— вспоминал Юрий Алексеевич.— Это была первая тройка за все мое учение, первое мое личное «чепе» — наказание за дерзкую самоуверенность».

Надо было честно признаться в своей плохой подготовленности, и Юрий через несколько дней пересдаст предмет на «отлично». Но этот урок запомнится на всю жизнь.

1957 год

2 января. Для выпускного курса введен новый распорядок дня. Время наступило ответственное, напряженное. Это ощущают все.

15 января. Полеты на реактивном истребителе очень изменили курсантов. «Все мы стали серьезнее,— вспоминал Юрий Алексеевич.— Мы оставили свое детство, ребячество за чертой аэродрома».

17 февраля. На вечере, посвященном творческой деятельности известного авиаконструктора Артема Ивановича Микояна, выступил Юрий Гагарин. Он остановился на перспективах будущих полетов на реактивных и ракетных летательных аппаратах. «Отечественная авиация, рожденная гением А. Можайского, Н. Жуковского и К. Циолковского,— говорил он,— в конечном счете, имеет своей целью полеты космические».

Через несколько месяцев, на митинге, посвященном запуску первого советского искусственного спутника Земли, один из преподавателей вспомнит об этом: «Хорошо зная законы марксистской диалектики, курсант Гагарин с несокрушимой убедительностью говорил о скорых полетах в космическое пространство...»

Да, идея полетов в космос, о которых мечтали светлые умы ученых, писали фантасты, становилась практической реальностью. И Гагарин интуитивно чувствовал это, хотя, конечно, не предполагал, что очень скоро проблемы космических полетов непосредственно коснутся его самого.

9 марта. Прибежал к Вале под вечер, семья была в сборе, подарил женщинам по веточке мимозы. Валя поздравила Юру с днем рождения, подарила две свои фотографии, на обороте одной из них написала:

«Юра, помни, что кузнецы нашего счастья — это мы сами. Перед судьбой не склоняй головы. Помни, что ожидание — это большое искусство. Храни это чувство для самой счастливой минуты. 9 марта 1957 года. Валя».

Все его сомнения, неуверенность улетучились мигом, и он решительно произнес:

— Валя, будь моей женой.

11 марта. О своем решении жениться Юрий написал домой.

Он был счастлив, был горд, что такая девушка согласилась стать его женой. Жизнь его как бы наполнилась новым содержанием.

20 марта. Инструктор объявил Гагарину о скором его первом самостоятельном вылете на реактивной машине.

Слова инструктора звучали как музыка. В одной из книг о Гагарине написано: «Богатые энергией натуры, подобные Юрию Гагарину, умеют быть счастливыми почти в любых положениях». Да, это так. Но Юра никогда не довольствовался счастьем-мигом, ему претило счастье вчерашнего дня. Деятельная и неугомонная натура его искала не покоя, а обновления, жила вечным поиском истины.

Известный индийский писатель Ходжа Ахмад Аббас, познакомившись с Юрием Алексеевичем, скажет: «Гагарин является лучшим живым выразителем советской системы».

26 марта. Получил письмо из дома. Родители одобряли Юрины действия, желали молодым счастья и звали в гости. В тот же день Юрий написал в Гжатск.

«Дорогие мои! Спасибо за все. Так сложилась моя жизнь, что я вынужден был еще мальчишкой, тринадцатилетним пареньком-несмышленышем покинуть дом. Странствования по стране закалили мой характер, укрепили политические убеждения, позволили завести многочисленных друзей. Среди самых надежных друзей стала и моя Валя. Я уверен, что вы будете ее любить, как и меня. Она этого заслуживает...»

9 июня. В письме домой Юрий сообщил, что отпуск у него будет осенью, сразу после выпуска из училища. Где он будет служить в дальнейшем, еще не знает. «Я солдат и свой долг буду выполнять там, где я сумею больше принести пользы,— писал Юрий Алексеевич родителям.— Сейчас летаем почти каждый день. Я не только не устаю на полетах, а наоборот — заряжаюсь энергией. Настоящие полеты начались в мае, а до этого были тренажеры, вывозные, ознакомительные. На реактивных истребителях пока налет небольшой, но все-таки есть. Лиха беда начало».

18 июня. Полеты по программе боевого прнменения усложнялись. Они включалн в себя основные элементы использовання нстребнтеля в военных целях.

23 июня. Валентнна закончнла первый курс меднцинского училища. Вместе с Юрой она радовалась первым успехам.

— Может быть, мне и не удастся учиться в академии, а ты обязательно поступишь в институт,— сказал он.

27 июня. Во время очередного учебно-треннровочного полета случилось пронсшествие, которое могло прнвести к катастрофе: ндя на посадку, самолет Гагарина столкнулся с птицей. Удержать поврежденный самолет было трудно: серьезно пробита обшнвка, нарушена аэродинамика...

5 июля. В этот день полеты начались как обычно.

Юрий выполнял свой второй полет, когда неожнданно разыгралась пыльная буря. Солнце нсчезло, над аэродромом сгустнлись сумеркн, н все потонуло во мраке.

Для тех, кто находился в воздухе, создались весьма сложные условня. Включены аварнйные радиостанции, радиолокаторы уснлнлн наблюденне. Все самолеты и вспомогательный транспорт отбукснрованы в отдаленные укрытня, пожарные и санитарные машины стоялн наготове.

Но Гагарнн н здесь, в условиях ограннченной видимостн н шквального ветра, сумел безупречно посадить самолет.

16 июля. Начались стрельбы по наземным целям. Тут же родился лозунг «Поражать цели с первой атаки». Дело это было далеко не простым. Редко кто попадал в цель.

Неудачно отстрелялся н Юрий. Друзья посоветовалн: «Попроси инструктора, тебе обязательно поставят зачет».

— Не могу. Мне нужна не оценка, а умение.

Он уснленно треннровался, подолгу просижнвал в тренажере, анализнровал свои ошнбки, ошибки товарнщей, вглядывался в каждую кннофотоленту, прнвезенную с полигона. Он потратнл немало усилий на то, чтобы научиться хорошо стрелять.

4 августа. Состоялся днспут «Возможен ли воздушный таран на реактивном самолете?». Прошел он остро, ннтересно. И это понятно. Ведь таран как неизбежный прием воздушного боя был отделен от курсантов многн-

ми годами послевоенной жизни. К тому же и крылатая техника ныне не та — реактивная, скоростная, высотная. Все пришли к выводу, что таран по-прежнему является оружием бойцов смелых, до самозабвения преданных Родине.

Выступил на этом диспуте и Юрий Гагарин.

21 августа. На самолете, который пилотировал курсант Борис Дубровский, произошел отказ в работе двигателя. В кабину ворвался дым, заслонил от летчика приборы. Борис не растерялся. Быстро надел кислородную маску, разгерметизировал кабину. Дым сразу унесло сквозняком, улучшилась видимость. Вскоре машина произвела посадку. Обнимая друга, Юрий шутливо сказал: «Молодец! Это хорошо, когда летающий предмет возвращается на свою точку».

17 сентября. Вечером Юрий встретился с Валентиной. Она училась на втором курсе медицинского училища, очень много занималась. Они обсудили свои, теперь уже семейные, дела. Решили: в октябре, как только состоится производство в офицеры, празднуют свадьбу.

20 сентября. Начались плановые консультации, обзорные лекции по всем предметам государственных экзаменов. Курсанты работают с напряжением, упорством, высокой результативностью. Юрию Гагарину приходится выступать в роли помощника преподавателя, заменять его в час «пик».

4 октября. Отделение Гагарина находилось на аэродроме. Шли последние летные тренировки перед экзаменом. Юрий совершил посадку, поставил самолет на стоянку. Когда двигатель стих, к нему по стремянке взобрался запыхавшийся Дергунов.

— Юра, спутник! Наш спутник на орбите вокруг Земли...

Гагарин не сразу поверил, подумал, что Борис его разыгрывает. Сбросив с плеч привязные ремни, внимательно взглянул на ликующего Дергунова, почему-то долго смотрел в небо, словно искал там это маленькое искусственное чудо.

Вечером, в Ленинской комнате, он услышал сообщение ТАСС: «В результате большой напряженной работы научно-исследовательских институтов и конструкторских бюро создан первый в мире искусственный спутник Земли.— У Гагарина перехватило дыхание. Мысль о спутнике, еще недавно казавшаяся утопической, выкристал-

лизовывалась в конкретный космический объект, летящий в межзвездном пространстве с огромной скоростью...— В настоящее время спутник описывает эллиптические траектории вокруг Земли, и его полет можно наблюдать в лучах восходящего н заходящего Солнца».

Юрий, казалось, слышал удары собственного сердца. Все те бесконечные споры о далеком неведомом космосе, внеземных цивилизациях были, следовательно, не беспочвенными.

На второй план отодвинулись все мнрскне заботы, предстоящие выпускные экзамены, контрольные полеты. Свершилось то, о чем человечество мечтало века.

В этот вечер долго никто не мог заснуть. Думали о космосе, о новых полетах, о том, какая роль будет отведена им, летчикам.

В ту осеннюю холодную ночь никто из курсантов эскадрильн даже не мог предположить, что первым землянином, поднявшимся к звездам, будет нх товарищ — Юрий Гагарин.

5 октября. Весь день на языке — спутник. О нем появлялись все новые и новые сообщения... «А я делал зарисовки этого корабля у себя в тетради,— писал позднее Юрий Гагарин,— вновь почувствовал уже знакомое мне, какое-то болезненное и еще не осознанное томление, все ту же тягу в космос, в которой боялся признаться самому себе».

В тот же день он сказал Валентине:

— Если ты когда-нибудь узнаешь о моей выходке,— не осуждай, поддержн.

— Обещаю, Юра,— ответнла она с готовностью, еще не поняв до конца, о чем он говорит, куда клонит.

6 октября. Вечером Юрнй рассказал другу о своем дерзком замысле. Дергунов восхитился, пожелал успеха.

10 октября. В газете «Правда» прочитал: «Для перехода к осуществлению космическнх полетов с человеком необходимо изучить влнянне условий космического полета на жнвые организмы... В Советском Союзе будет запущен спутник, имеющий на борту животных в качестве пассажнров, и будут проведены детальные наблюдения за их поведением и протеканием фнзиологических процессов».

Это сообщение Гагарина чрезвычайно расстроило. Те радужные перспективы, которые ему виделись, непредвиденно померкли. До полета человека в космос, выхо-

дит, еще далеко. Сто миллиардов галактик не скоро еще дождутся посланцев планеты Земля.

13 октября. Валентина и Юрий подали заявление в загс. Радостное и волнующее торжество бракосочетания было назначено на воскресенье 27 октября.

27 октября. В Чкаловском городском отделе записей актов гражданского состояния состоялось бракосочетание Юрия Гагарина и Валентины Горячевой.

5 ноября. Министр обороны СССР подписал приказ о присвоении военному летчику Юрию Гагарину воинского звания «лейтенант».

Предложение командования училища остаться летчиком-инструктором Юрий Гагарин отклонил, без внимания он оставил и предложение о направлении в Киевский военный округ, своих планов он не менял.

6 ноября. Состоялось производство в офицеры. Просьба лейтенанта Гагарина о направлении его в самые отдаленные районы страны для дальнейшего прохождения службы удовлетворена. Юрий Гагарин и его товарищи Юрий Дергунов, Николай Репин и Валентин Злобин уезжали на Север.

Началась новая пора в жизни молодой семьи Гагариных.

7 ноября. Весело отпраздновали 40-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. Стали собираться в отпуск, в Гжатск. Первое совместное путешествие.

9 ноября. В Гжатске тоже свадебное торжество. К невестке присматривались: все-таки новый человек в доме, станет ли она своим, добрым и отзывчивым членом семьи, или так и останется чужой.

Гостей собрался полный дом. Гуляли по-русски весело, шумно, от всей души.

Кто-то вспомнил о Лайке, которая стала первым живым существом в космосе. Разговор перекинулся на первый спутник, на скорый полет человека, стали гадать, кто бы мог им стать. И кого только не называли на первый полет: академика, летчика-испытателя, полярника, врача. Отставив рюмки, долго пытали Юрия о возможных космических путешествиях.

13 ноября. Отпускное время бежит всегда незаметно, быстро. Казалось, только приехали, а уже подошла пора расставания. Как ни хорошо было в Гжатске, Вале следовало возвращаться в Оренбург, а ему — в полк.

28 ноября. Юрий Гагарин прибыл в полк. Позже он напишет об этом так: «Мы вошли в новый, интересный мир строевой службы...».

4 декабря. Занятия с молодыми пилотами проводили опытные летчики, которым было едва за тридцать. Юрий был поражен их знаниями. Просто и доходчиво они рассказывали о снежных зарядах, могущих уносить жизни, о неуправляемых процессах магнитных бурь и о том, как их можно с умом использовать в боевой работе. Гагарину порой казалось, что достичь таких высот ему не удастся.

7 декабря. Написал подробное письмо домой, родителям. Рассказал о новых друзьях, своих командирах. «Кажется, вся боевая слава Севера предстала передо мной,— писал он.— Сколько по-настоящему героических подвигов совершили здесь военные летчики. Мы словно на переднем крае, и нам хочется быть похожими на Сафонова, Курзенкова, Сорокина, Хлобыстова...». Через несколько лет Юрий Алексеевич встретится с одним из них — Захаром Сорокиным. Подарит ему свою фотографию с надписью: «Мы все учились у Захара Сорокина».

8 декабря. Утром ходил на лыжах. После училищной спортивной закалки десять километров — не дистанция, Потом был в клубе на репетиции. В перерыве взял в библиотеке повесть К. Э. Циолковского «Вне Земли». Тяга к трудам великого ученого овладела им с новой силой.

13 декабря. На городок обрушился ураган, однако жизнь военного городка, несмотря на метель, снежные заносы и полярную мглу, шла своим чередом.

Позднее Юрий Алексеевич об этом периоде скажет: «Гарнизон жил напряженной творческой жизнью здорового коллектива. Никто не тянулся к преферансу, не забивал «козла», не растрачивал времени на пустяки, никто не пьянствовал, не разводился с женами. Все жили, повинуясь прекрасным законам советской морали...»

15 декабря. Письмо Валентине. Сообщил некоторые новости, спросил о ее учебе, самочувствии родителей. Послал сонет Петрарки: «Благословен и год, и день, и час. И та пора, и время, и мгновенье. И тот прекрасный край, и то селенье, где был я взят в полон двух милых глаз. Благословенно первое волненье. Когда любви меня настигнул глас. И та стрела, что в сердце мне впилась. И этой раны жгучее томленье. Благословен упорный голос мой. Без устали зовущий имя донны. И вздохи, и пе-

чали, и желанья. Благословенны все мои писанья во славу ей и мысль, что непреклонно мне говорит о ней — о ней одной!»

Вечером собрались оренбуржцы, говорили о полетах, получении классной квалификации, возможном переучивании на новый истребитель. Неожиданно родилась идея заняться астрономией. Инициатива Дергунова подкреплялась его же собственными аргументами. Мол, известный композитор Ипполитов-Иванов имел дома телескоп и почти ежедневно наблюдал небо. А выдающийся пианист Гольденвейзер имел огромную библиотеку по астрономии...

В общем, через несколько дней Гагарин делал уже сообщение о небесном Глобусе и о многочисленных звездных легендах, передающихся из поколения в поколение, подобно сказкам, в которых сосредоточена народная мудрость, безбрежная фантазия, поэтическая одухотворенность нации.

16 декабря. Получил денежное содержание, послал родителям, жене. Через несколько дней получил подъемные деньги. Также разделив поровну, отправил своим.

В долгие часы полярной ночи пилоты полка — каждый по-своему — стремились проявить себя. Многие, например, писали стихи, читали их друзьям. Юрий охотно поддерживал эти устремления, но сам ничего не писал. И никто не мог объяснить, почему Гагарин, не претендующий на лидерство, становится центром нравственного притяжения своих боевых товарищей, их признанным вожаком.

Об этой его черте выскажется впоследствии Алексей Архипович Леонов: «Возможно, внимательные историки и биографы Юрия Гагарина найдут иное в его характере, но нас особенно восхищала в нем какая-то бездонная сила и устойчивость простых человеческих качеств — честность, прямота, общительность, трудолюбие».

22 декабря. Появилась потребность вновь вернуться к дневнику. Небольшая тетрадь в коленкоровом переплете с этого дня стала собеседницей, хранителем сокровенных тайн военного летчика Юрия Гагарина. Первые записи о смысле жизни, цели своей службы, своей безграничной любви к Вале, понравившиеся мысли великих людей. «Природа не знает остановки в своем движении и казнит всякую бездеятельность. Гете». «Там, где замешано честолюбие, нет места чистосердечию. Бальзак».

26 декабря. Командир части подполковник П. Бабушкин отдал приказ об исчислении лейтенанту Гагарину Юрию Алексеевичу льготной выслуги за прохождение службы в отдаленной местности. Об этом Юрий написал Валентине: «За то, что я получаю удовлетворение от службы, наслаждаясь суровым великолепием природы, мой труд оплачивается почти вдвойне. Мне здесь очень понравится. Сейчас полярная ночь. Я не видел еще всей округи, но старожилы хвастаются своими открытиями и говорят, что это необычно красивые места. Здесь свои трудности, вероятно, как в каждом городе...»

31 декабря. В своем дневнике Юрий запишет: «Раньше мне казалась офицерская жизнь верхом благополучия, раем, площадкой для отдыха после трудов праведных, но я глубоко заблуждался. Трудовая жизнь только началась. И оказывается, у меня столько обязанностей, что в предстоящие двести лет умирать нельзя. Труд, труд, труд».

Поздно вечером он будет выступать в новогоднем концерте, читать Блока, петь со своими оренбуржцами. А сейчас, лежа на кровати, ощущая тепло и наслаждаясь полумраком, создаваемым настольной лампой, он в который раз перечитывал Циолковского, погрузившись в мир обитателей созданного его фантазией горного замка.

1958 год

2 января. Первый рабочий день. Сказал и удивился сам: «Приехали в Заполярье еще в прошлом году!» Как стремителен бег времени... Он понимал, что выполнить все, к чему стремится, сможет лишь тогда, когда будет жить целеустремленно, динамично. Он так и живет, не зная своего будущего. Читает одну за другой книги, непрерывно учится, с несокрушимой последовательностью идет вперед. Через три года все, что он создавал упорным трудом, накапливал в себе, ярко проявится в его жизни. Одних это несколько обескуражит, другие назовут его «гагаринским феноменом», и лишь немногим будет ясна истинная цена гагаринского успеха и всеобщего признания.

«Убежден,— напишет Алексей Леонов,— всех, кто близко знал Юрия Гагарина, работал рядом с ним, с годами будет объединять не только чувство естественной

гордости и благодарности судьбе, но и чувство возрастающей ответственности за каждое слово о нем.

Каждая деталь его жизни, черточка характера, штришок увлечения, запавшие в память, уже сейчас перестали быть твоими, принадлежать тебе. Они — общие, как и Юрий Гагарин все менее и менее твой знакомый, товарищ, коллега — с каждым годом он все нужнее и нужнее становится людям...»

6 января. Снова предварительная подготовка к полетам. Юрий Гагарин хорошо знает, что ни один летчик независимо от занимаемой должности, воинского звания и опыта летной работы не может быть выпущен в полет без необходимой подготовки... Методика отработана: постановка задач летному составу, самостоятельная работа, работа на тренажерах и тренаже в кабинах самолетов, контроль готовности. Именно в эти северные месяцы Гагарин воспитывает в себе непоколебимую потребность перед полетами заниматься. Он никогда не нарушит этого святого правила, не разрешит этого сделать другим. Когда один из космонавтов однажды попросит разрешения уйти с предварительной подготовки, Юрий Алексеевич его отпустит и тут же отстранит от полетов. «Без подготовки летать нельзя»,— объяснит он свои действия.

Написал письмо старшему брату Валентину: «Я настолько болен, что в одном письме передать свои страдания не могу,— писал Юрий.— О своих переживаниях не могу никому сказать. Мне даже снятся корабли, ракеты, темное безмерное пространство космоса, астероиды и «маленький принц»... Космос стал в повестку дня, как целина. Система нашей жизни замкнута, не может же существовать космос без выполнения какой-либо функции... Циолковский пишет, а я его читаю почти ежедневно (старая еще техникумовская привязанность), что в космосе царствует гармонический разум. Это, конечно, не мистика, а просто хорошо организованная структура космоса, работающая на отлаженном механизме физических законов... В общем кое-что я тебе поведаю...»

23 января. Получил письмо от Валентина, своего старшего брата. Короткое, деловое, наставительное. «Заболел ты хорошей болезнью, но, к сожалению, не модной. Однако выздоравливать не торопись. Для больших дел в жизни нужны не только знания, здоровье, но и мечта, огромное терпение. Оно, как компас, стрелочкой на цель

указывает. Это хорошо, что ты думаешь о большом своем предназначении в жизни, ты должен действительно сделать многое. Тебе государство дало такое образование, ты вечный должник народа...»

Юрий любил брата, был рад его письму, советам, изложенным в нем.

1 марта. Заводила и неугомонный выдумщик Юрий Дергунов предложил провести коллективное чаепитие. Жил Юрий Дергунов весело, напряженно. Он постоянно спешил, хотел многое сделать, будто знал, что на жизнь ему отпущено мало. Гагарин очень уважал товарища по училищу, любил его за оригинальный и пытливый ум, многому у него учился. Когда Дергунова не станет, Гагарин поймет, как много сделал для него друг, бескорыстно помогая ему.

Чаепитие началось в пятнадцать часов в общежитии, в которое, несмотря на скудность обстановки, с большим желанием пришли летчики соседнего полка.

Артельность Дергунова великолепно проявилась и здесь. Он был тамадой, чаечерпием, но солировал в меру.

Говорили о своей профессии, об опыте военных летчиков, о скором полете в космическое пространство, заселении необозримого пространства Вселенной, жизни на Марсе и Венере. Гагарин поддержал разговор и высказал точку зрения Константина Эдуардовича Циолковского.

Циолковский рассматривал Землю как частицу, элемент гигантской Галактической системы. Он предполагал влияние разумных существ на развитие Вселенной, влияние разума на устройство Вселенной. Константин Эдуардович писал о том, что нет конца жизни, конца разуму и совершенствованию его. Прогресс его вечен.

С этого дня офицерские чаепития войдут в привычку и действительно помогут сплочению коллектива авиаторов.

2 марта. Отправил посылку в Оренбург — полярные сувениры. В письме, которое вложил в посылку, Юрий поздравил Валю с наступающим женским праздником, Днем 8 Марта, передал ей приветы от оренбуржцев, советовал приехать летом, когда наступит полярный день. «Изделия из оленьего меха посылаю весной потому, что их легче сохранить,— шутливо писал Юрий.— Должна же быть какая-то память о полярном муже...»

19 марта. Командир эскадрильи составил плановую

таблицу и объявил порядок следующего летного дня. Как ни сопротивлялась зима, а весна все-таки пробилась на север. Молодые летчики радовались не только появлению солнца, наступлению светлого времени, но и началу полетов.

21 марта. Юра впервые увидел район полетов днем. Не удержался и воскликнул: «Красота-то какая!» Об этом полете он вспоминал: «Взглянул вниз и увидел Солнце. Оно прорезывалось на горизонте, окрашивая небо и землю в золотистый цвет утренней зари. Внизу проплывали сопки, покрытые розовым снегом, земля, забрызганная синеватыми каплями озер, и серое, как треска, холодное Баренцево море, бившееся о гранитные скалы».

В этот же день состоялся самостоятельный вылет.

12 апреля. В субботу Юрий отказался от традиционной бани, шумного ужина, концерта в гарнизонном Доме офицеров. Хотелось побыть одному, почитать. Открыл наугад книгу любимого автора.

«Вторжение человечества в Галактику, во Вселенную, несомненно ее изменит. У многих планет появятся искусственные спутники, живые существа, кочуя по космическому пространству, будут расселяться в самых отдаленных просторах Вселенной, изменят атмосферу планет».

30 апреля. О своих успехах Вале писал так: «Начальство хвалит. Не знаю, заслуженно ли? Но зазнаваться оснований нет. Мне хочется стать настоящим военным летчиком, бесстрашным асом, способным летать в самых сложных метеоусловиях. Мне, как и великому Чкалову в свое время, тоже хочется облететь шарик. Но прежде всего мне хочется взлететь и обязательно сесть на тот аэродром, который предусмотрен в плановой таблице полетов. К несчастью, бывают еще авиационные трагедии, которые уносят с собой тайну происшествия. Но думаю, что немалая доля вины лежит на нас самих, летчиках. Надо очень много, много учиться, и я буду постигать тайну летного мастерства».

Юрий советовал жене прочитать роман Ивана Ефремова «Туманность Андромеды». «Я прочитал сокращенный текст в журнале,— писал Юрий,— но сейчас вышел роман отдельной книгой. Талантливая книга. Автор, повидимому, настоящий ученый, ученик К. Циолковского. У нас в полку все зачитываются этой книгой. Я обязательно тебе ее пришлю».

1 мая. Юрий был в этот день ответственным дежурным по эскадрилье. Вечером пел в хоре.

Натуре Гагарина была чужда скука. Нет, он не имитировал большую занятость, не был безразличным к свободному времени. Занимался тем, что всерьез его интересовало, способствовало развитию, могло пригодиться в будущей деятельности. Способности Гагарина уже тогда с блеском раскрылись в спорте, сценическом искусстве, математике, позже — в политической деятельности, на командных постах.

20 мая. В Доме офицеров выступил старший инженер полка. Его утверждение о том, что цель всех запусков — подготовка к полету в космическое пространство человека, вызвало бурю восторга у молодых летчиков. «Именно вы,— с пафосом утверждал инженер,— можете полететь в космос, установить связь с инопланетянами, взглянуть на нашу кормилицу-Землю, познать тайну тунгусского чуда...».

Снова мысль о будущем забилась в голове тревожно и напряженно. Юрий интуитивно чувствовал, что надвигаются грандиозные события, готовятся новые, еще более потрясающие запуски космических объектов. При такой периодичности, неизменной надежности полет человека не за горами.

21 мая. «Народец у нас подобрался чудной,— писал Юрий брату Валентину,— живут своими грезами, устремлениями в двадцать второй век, бредят о полетах в другие галактики, собираются побывать на Марсе, а мой друг Дергунов даже наметил срок посещения Кассиопеи. Вот так-то, друг мой! Если бы ты знал, как я люблю свой полк, мне приятно и интересно служить, как мне хочется для всех моих друзей сделать что-то радостное и приятное. И сделаю, но только что могу я, простой летчик, лейтенант авиации?..»

15 июня. В воскресном номере газеты «Правда» опубликована статья известного писателя Александра Казанцева. «В таинственном мире космоса,— писал он,— в беспредельном просторе миллионов световых лет, среди сверкающих центров атомного кипения материи, среди звезд, живущих и рождающихся, гигантских или карликовых, двойных, белых, желтых, голубых, ослепительных или невидимых и непостижимо плотных, в мире гигантских комет и задумчивых лун, цветущих или обледенелых планет сегодня месяц, как появилось новое небесное

тело, появилось не в силу межзвездных катаклизмов, а по дерзкой воле разумных существ».

Через несколько лет Юрий Гагарин познакомится с писателем Александром Казанцевым, выступит вместе с ним в телепередаче, посвященной космическим исследованиям.

28 июня. Юрий послал жене однотомник А. Н. Толстого. «Прочитай внимательно,— просил он.— Как мне кажется, там есть кое-что о будущей профессии землян. Может быть, не желая отставать от жизни, которая, пользуясь тем, что мы сейчас на окраине земли, торопливо бежит, может быть, нам с Дергуновым и другими ребятами из полка придется взять на себя труд быть в числе пионеров...»

В тот день, когда Гагарин решит стать космонавтом, еще пять человек подадут рапорты с подобной просьбой.

3 июля. Валя прислала новое письмо, в котором сообщала, что учеба завершена и она готова к отъезду. «Куда угодно, только к тебе. Этот кошмарный год без тебя. Я так больше не хочу. Больше никогда так надолго мы расставаться не будем. Узнав, что я уезжаю к тебе, в Заполярье, многие стали меня жалеть, советовать не «ехать к белым медведям». Чудаки! Мне жалко их. Только с тобой, только вдвоем мы достигнем желаемой нами вершины. Я не буду тебе помехой, буду помощницей. Знаю, что мы можем многое свершить».

17 июля. Валя сообщила о дне своего выезда — первого августа. Теперь Юрий жил счастливым ожиданием встречи с женой. Многое в его жизни с приездом Вали должно измениться, он полностью и бесповоротно покидал ряды холостых офицеров.

20 июля. Весь день потратил на хозяйственные дела. Друзья предлагали остаться в общежитии, комнату они освободят, сами «разбегутся» по другим номерам. Однако Гагарин не принял этой жертвы. Ему предоставили комнату в большой коммунальной квартире.

5 августа. Валентина сказала мужу, что на севере ей нравится. Она постепенно втягивалась в жизнь военного городка, знакомилась с соседями, участвовала в общественной жизни части, благоустраивала жилье. Хотя здесь, в Заполярье, все было ей в диковинку, непривычно, написала домой восторженное письмо: все здесь хорошо, лучше, чем в Оренбурге.

Через несколько месяцев оиа сообщала родителям: Юра виимателен, они ждут ребеика, живут хорошо.

Прнезд Валн, кажется, нничего не нарушил в укладе жизни Гагарина. К нему по-прежнему в любое время суток прнходнлн друзья, заводнли шумные разговоры, нногда устраивалн застолье, говорили о лнтературе, о службе, вероятных переформнрованнях, об учебе в военной академнн, как о далекой н несбыточной мечте. Валя начала работать в женсовете.

12 августа. Валя отправнла пнсьмо домой. «Юра необычайно повзрослел,— пнсала она, адресуясь отцу,— стал серьезнее, очень много работает, часто летает, хочет сдать иа класс. Я ему не мешаю, как могу помогаю. Товарищи очень уважают Юру, с ним счнтается командованне. Заполярье совсем не тяготнт его, будто он всегда здесь жил, он в своей стихни. Женщнны счнтают, что Юра станет большим командиром, нзвестным летчиком, еслн станет серьезнее, перестанет шутнть... Да, ну нх, этнх женщин. На Севере без шуткн не прожнть...»

8 сентября. Пользуясь благопрнятной погодой, Юрнй начал сдавать на класс.

Осень надвигалась стремительно, надо было готовиться к холодной, долгой зиме. Запасалн продукты, дрова, утепляли окна. В позднне часы, пока погода позволяла, выходилн гулять. Вспомнная об этом временн, Юрий Алексеевич пнсал: «Мы с Валей часто любовались трепетным северным снянием, охватывающим полнеба. Это было величественное, нн с чем не сравнимое зрелище».

28 сентября. Холостяцкие капустннки с прнездом Валн не прекращалнсь, она вноснла в них неповторнмую прелесть н очарованне. Валя стала участнннцей культпоходов, жаркнх споров, туристических походов, долгнх застолнй. Своей сдержанностью н тактом она разбнвала непрочные позицнн заправскнх холостяков. Сколько раз в этн днн Юра восторженно говорил о своей пылкой и крепкой любви к Вале.

Два раза в месяц, в вечерние часы, Гагарин посещал вечерннй уннверснтет марксизма-ленинизма. Заинмался Юрнй с увлечением, с большим вниманием читал произведения классиков марксизма-ленинизма, вел конспекты. В рабочую тетрадь виоснл свои суждения, плаиы, вел запнсн ннтересных мыслей: «Прогресс ие случайность, а необходимость!», «Наука становится нервиой системой нашей эпохн. М. Горький».

«Человек при помощи иауки,— записывал Юрий мысль И. Мечникова,— в состоянии исправить несовершенство своей природы».

Слово «своей» Гагарии подчеркнул.

Иногда, встретив крылатую фразу, отвечающую его взглядам, иастроеиию, ио не зиая, кому приiадлежит она, Юрий долго искал источиик. Часто ему помогала Валя.

17 ноября. Вечером Валеитииа сказала, что начала готовить детское белье.

— Белье? — удивился Юра.— Так рано?

— Вовремя!

— Для мальчика или девочки?

— А ты кого хочешь?

Юра на минуту задумался, сказал:

— Девочку. Хочу, чтобы оиа была такой же, как ты: доброй и красивой.

— А я хочу мальчика, похожего на тебя.

27 ноября. Гагарииы пошли в гости к своим друзьям. В гарнизоне уже хорошо узнали Валю, полюбили ее за общительиый характер, отзывчивое сердце, доброту к людям. Валя была деятельная, охотио выполияла поручеиия жеисовета. Молодую чету Гагариных часто приглашали в гости, и если вечер не был заият иеотложиыми делами, оии шли к своим друзьям или принимали их у себя.

В одии из таких вечеров Юрий сказал о своем желании слетать в космос. Многие отнеслись к этому как к фаитастическим мечтаииям молодого лейтенанта. Только Валя почувствовала, что, если Юра решился сказать об этом, значит, за словом последует действие. И оиа не ошиблась.

31 декабря. Новый год встречали шумно, весело.

За праздничиым столом Валя смотрела иа Юрия и думала: все сложилось как оиа хотела. У иее есть любимый муж, и оиа любима. Это самое главное.

Что прииесет им Новый год?

1959 год

2 января. По радио передали сообщение ТАСС о запуске в СССР миогоступенчатой космической ракеты в стороиу Луиы. Все заговорили о новой победе в космосе, о скором полете человека в неведомое простраиство.

Каждый высказывал свою точку зрения на будущего первого космонавта.

— Каким должен быть первый космонавт? — Юрий пожал плечами.— Не знаю. Вероятно, хорошо образованным, воспитанным, сильным, вероятно, высоким и, конечно, отважным. Помните, у Циолковского: «Я свободно представляю первого человека, преодолевшего земное притяжение и полетевшего в межпланетное пространство... он русский... он — гражданин Советского Союза. По профессии, вероятнее всего, летчик... У него отвага умная, лишенная дешевого безрассудства... Представляю его открытое русское лицо, глаза сокола». Так что он среди нас...

7 января. Газеты продолжают печатать материалы о научных результатах запуска многоступенчатой космической ракеты в сторону Луны. Авиаторы маленького авиационного гарнизона, затерянного в Заполярье, считали себя причастными к успехам в космосе, считали это успехами авиации.

В этот день Юрий впервые сказал о своей мечте командиру полка подполковнику Бабушкину.

Признание лейтенанта и обрадовало командира, и привело в замешательство: он должен был что-то предпринять, но как действовать, куда обратиться по сути вопроса Гагарина, он, честно говоря, не знал. Бабушкин, естественно, не мог тогда предположить, что придет время, когда американский астронавт Нил Армстронг скажет о Гагарине: «Он всех нас позвал в космос».

14 января. В Москве состоялось совещание, на котором обсуждались вопросы подготовки человека к полету в космическое пространство. С изложением своих взглядов на этом совещании выступили М. В. Келдыш, С. П. Королев и другие ученые.

По предложению С. П. Королева Министерство здравоохранения приступило к разработке инструкции и порядка отбора военных летчиков в космонавты.

10 апреля. В семье Гагариных событие: родилась Леночка. В Оренбург и Гжатск улетели телеграммы о рождении дочери.

12 апреля. Ездил в больницу. Передал Валентине фрукты, записку, поздравительные телеграммы. Обращаясь к жене, Юрий Алексеевич писал: «Дорогая Валюша! Спасибо! Поздравляю. Ты исполнила мое желание. Дочь — это прекрасно. Мы воспитаем ее настоящим че-

ловеком, оиа будет гордостью Гагариных, а может быть, и страиы...».

Бывая в магазииах, Юра покупал ие только детское белье, посуду, ио и киижки.

— А зачем кинжки? — спросит соседка.— Еще раио...

— Любовь к кнкге надо прнвивать с первого дня,— не то в шутку, ие то всерьез ответнл Юрий.

26 апреля. В гариизонном Доме офнцеров состоялся вечер: «Профессия — офицер». На ием прнсутствовали офицеры всех поколений. Цель вечера: показать в судьбах геронку н ромаитику офицерской службы. На вечере выступнл лейтенант Гагарнн. К чнслу обязательных качеств офнцера ои отиес верность военной прнсяге, несгнбаемость в предельиых снтуацнях, твердость жнзнеииых планов. На вечере ои впервые публнчно высказал свое желанне слетать в космос.

Да, его желаиие окоичательно утверднлось.

2 июня. В полку происшествие: во время полетов в самолет одного нз опытиых летчиков попала птнца. Создалась критическая снтуацня; однако пнлот, несмотря на то, что было нарушеио управленне, прнвел самолет на аэродром. Летчикн ходилн вокруг покорежеиной машнны и изумлеиио спрашивали: как же можио на таком прилететь? Пилот отвечал без рнсовкн: «Я друга в беде ие бросаю». Его ие упрекалн за то, что он отказался катапультироваться.

Этот случай пронзвел на Гагарииа огромное впечатленне.

24 июня. Партийиое бюро рассмотрело вопрос о работе с канднддатами в члены партин, о повышеини нмн свонх полнтнческих знанний н участии в общественно-полнтической жнзни частн. Партийные актнвнсты отмечали прилежиость Гагарииа, его умеине работать с людьмн, его высокнй авторитет. Через иесколько лет летчик-космонавт СССР Евгеиий Хрунов, говоря о лнчиостных качествах Юрия Алексеевнча Гагарина, вспомнит о заседании партийиого бюро, скажет: «Он был удивительно чутким по отиошенню к людям. Но всегда необычайно требователен к себе, был не менее требователен, а еслн нужно, то н суров к другнм.

Да, ои любил добрую улыбку, всегда был готов поддержать шутку, ио становился резкнм... еслн подмечал в ней хотя бы скрытое желанне обндеть человека».

12 сентября. К нсходу субботнего дня пришла иовость

о запуске автоматической станции «Луна-2», которая доставила в район Моря Ясности вымпел с изображением Герба Советского Союза. К подобным новостям уже привыкли. Но Гагарин отнесся к ней по-своему. Он снова пришел к командиру полка со своей просьбой о космосе. Однако оба они еще не знали, что уже начался отбор в первый отряд космонавтов.

4 октября. «Надо жить по-новому,— сказал он Валентине,— время такое, а мне кажется, что я уклоняюсь от чего-то главного, не делаю нужного для людей...»

В эту же ночь он написал рапорт: «В связи с расширением космических исследований, которые проводятся в Советском Союзе, могут понадобиться люди для научных полетов в космос. Прошу учесть мое горячее желание и, если будет возможность, направить меня для специальной подготовки».

5 октября. Получив рапорт лейтенанта Гагарина, командир части обещал при возможности удовлетворить желание талантливого летчика. «Я буду ходатайствовать»,— сказал Бабушкин.

7 октября. О рапорте Гагарина узнали в гарнизоне. Несколько человек, в их числе и Георгий Шонин, следуя примеру товарища, тоже подали рапорты.

12 октября. Весть в мгновение ока пронеслась по городку: прибыла комиссия.

Члены комиссии, летчики и врачи, вызвали на беседу тех летчиков, которые просили перевести их на другую, более совершенную технику.

Двенадцать человек — Гагарин, Шонин и другие «лунатики» —стали объектами тщательных собеседований. Их подробно расспрашивали о жизни, планах на будущее, мечтах, что читают, что делают в свободное время. Опросив всех, «комиссия» не уехала, а начала беседы по второму кругу. Число приглашенных сократилось до шести человек.

За всеми этими процедурами было много таинственного, непонятного, скрытого. По разным причинам «лунатики» выбывали из списка одержимых, желающих летать «на новой технике». Комиссия покидала городок при молчаливом недоумении жителей.

22 октября. Поступило распоряжение откомандировать в Москву четырех летчиков. В их числе был Юрий Гагарин.

24 октября. Прибыл в Москву и, еще не ведая, каким медицинским «экзекуциям» будет подвержен, отдал себя в руки строгих и таинственно молчаливых эскулапов. «Главным предметом исследований,— говорил позднее Юрий Гагарин,— были наши сердца. По ним медики прочитывали всю биографию каждого. И ничего нельзя было утаить».

30 октября. Начался отбор летчиков, прибывших на комиссию. Врачи безжалостно забраковывали кандидатов. К будущим космонавтам предъявляли очень высокие требования.

«Но кто тогда мог сказать, какими должны быть эти требования? — писал Георгий Шонин.— Поэтому для верности они были явно завышенными, рассчитанными на двойной, а может быть, и тройной запас прочности. И многие, очень многие возвращались назад в полки. В среднем из пятнадцати человек проходил все этапы обследования один. Некоторых вообще списывали с летной работы. И кто мог дать гарантию, что этим списанным не окажешься ты? Приходилось рисковать, ради будущего рисковать настоящим — профессией летчика, правом летать. Неудивительно, что среди моих новых знакомых были ребята, которые уже в процессе отбора, заподозрив у себя какую-либо зацепку, отказывались от дальнейшего обследования и уезжали к прежнему месту службы».

2 ноября. Руководитель комиссии по отбору кандидатов в космонавты опытный врач, будущий руководитель Центра подготовки космонавтов Евгений Анатольевич Карпов провожал в части последних летчиков.

— Продолжайте летать,— напутствовал он.

6 ноября. Утром лейтенант Гагарин прибыл в часть и, как положено по уставу, доложил командиру о прибытии.

— Поздравляю вас,— сказал майор Решетов.— Вам присвоено звание старшего лейтенанта...

12 декабря. Отправили традиционную посылку и поздравление маме в Гжатск. Юрий знал, как радостно она встречает всякую весточку от сына. Анна Тимофеевна плохо разбиралась в воинских званиях, армейской субординации. Но теперь, когда сын стал старшим лейтенантом, она не на шутку заинтересовалась, как скоро Юра

будет капитаном. Но Юрий Алексеевич не будет носить капитанских погон, за совершенный подвиг он получит внеочередное звание майора — досрочно.

19 декабря. Юрий Гагарин вплотную начал изучать теорию относительности Альберта Эйнштейна. О ней в эти годы много писали газеты, журналы. О теории спорили. Одни, вооруженные, казалось, неоспоримыми аргументами, доказывали ее несостоятельность, а другие с такой же страстностью прочили ей великое будущее... Кто прав — понять было трудно. Гагарин обнаружил интересные признания ученых. Поль Ланжевен: «Теорию относительности понимают лишь 12 человек в мире». Профессор физики Фарстер признался: «Прочел, но ровно ничего не понял».

Гагарин хотел понять открытие Эйнштейна, ибо, как он предполагал, космонавт не может не знать этой теории.

31 декабря. Вернулся из Москвы старший лейтенант Георгий Шонин. Юрий встретил его у штаба, стал расспрашивать. Георгий коротко рассказывал о новой группе кандидатов, о том, что комиссия по отбору космонавтов, начавшая работу еще в августе, все продолжает поиск, ездит по авиационным частям. И Гагарин, и Шонин трезво оценивали свои перспективы и готовы были проглотить пилюли обиды: нет — так нет. И все же надежда жила в них.

— Меня остановит только медкомиссия,— сказал Гагарин.— Буду добиваться. Да и тебе не советую пасовать.

Гагарин уважал Георгия Шонина не только за мужество и смелость, высокую летную квалификацию, но за человеческую порядочность, доброту характера, отзывчивость.

А Георгий Шонин через несколько лет скажет:

«Я благодарен судьбе за то, что на одном из перекрестков жизненных дорог она свела меня с Юрием Гагариным».

1960 год

1 января. Новый год встречали дома, нарушив артельный закон Заполярья: болела Лена. Но после полуночи в гости к Гагариным пришли друзья. Оберегая сон Ален-

ки, сели за стол, добрым словом помянули год ушедший, пожелали друг другу счастья на новый, наступивший. Георгий Шонин шепнул: «Забыл тебе, Юра, сказать: у меня все в порядке, зачислен».

— Вот видишь,— воскликнул Юрий.— Я верил, что ты будешь допущен.

Гагарин искренне радовался успеху друга.

4 января. После полетов в гости пришел Шонин: «Прибежал погреться у семейного очага. Не прогоните?»

— Не прогоним,— Валя гостеприимно пригласила к столу,— на Украине говорят: сидайте, а у вас в Одессе?

Шонин хотел что-то сострить, но сразу посерьезнел.

— А я к тебе по делу. Хочу заниматься, жаль время попусту тратить, не знаю с чего начать?

Юрий задумался. А разве он знает, с чего начать?

— Я сейчас читаю Эйнштейна, должен тебе сказать...— Юрий Алексеевич значительно засмеялся.— Да что тебе говорить, сам знаешь...

— Читал, знаю.

— Ну, как?

— По Бернарду Шоу: «Нас в мире мало, а вас еще меньше. Вас только восемь: Пифагор, Птолемей, Аристотель, Коперник, Галилей, Кеплер, Ньютон, Эйнштейн...»

— Точно,— подтвердил Гагарин.

14 января. Пришло распоряжение из штаба авиации флота: командировать старшего лейтенанта Юрия Алексеевича Гагарина в Москву. Зачем и на сколько дней, не сообщалось. Размышлений было много. Юрию сочувствовали, поздравляли, завидовали, сожалели.

Предполагая, что отсутствовать придется долго, Юрий сделал дома запас дров, продуктов.

Валя молча собрала мужа в дорогу, так и не представляя, что в их жизни, по существу, начнется новая пора.

22 января. Первые проверки, анализы. Они проводились по особой, экспериментальной схеме, не имевшей ранее аналогов. Обобщенный опыт отбора и тренировки космонавтов очень скоро станет ценнейшим научным материалом.

23 января. В воскресенье процедур, анализов нет. Психологами предусмотрены подобные «окна», способствующие внутреннему расслаблению людей, дающие возможность им осмотреться, обменяться мнениями. В такие дни отдыха летчики облачались в валенки, драповые

пальто, серые офицерские шапки, отправлялись гулять. Свирепствовал ветер, снег засыпал расчищенные дорожки, сугробы, подобно барханам в пустыне, перемещались по парку, а авиаторы, привыкшие к аэродромным сквознякам, совершали круги, за которые их не наказывали, как в полетах.

25 января. Вечером, когда придирчивая комиссия покинула стены госпиталя, летчики собрались в одной из комнат. Говорили о Циолковском, восхищались его гением, Герберте Уэллсе и Алексее Толстом, об Александре Беляеве. Герман Титов читал стихи: Лермонтова, Пушкина, Байрона, Гейне, Есенина, Блока. Они глубоко проникали в душу, снимали напряжение.

29 января. Юрий Гагарин написал письмо Валентине, в котором описал придуманные им новости и события. О себе не знал что писать, ибо жил в полном неведении, что будет завтра. Беспокоился о дочери, просил жену беречь себя, быть осмотрительной, не жалеть денег, спрашивал что прислать. Он полагал, что и у него будет психологический стресс и ему тоже пропишут увольнение, в котором, гуляя по городу, он обязательно посетит универмаги. В конце письма делал приписку, обращенную к дочери.

Родителям написал о своем здоровье, о Вале и Леночке. Обратного адреса не указал, зная беспокойный характер мамы, хотел исключить возможность ее приезда. Давно, когда он учился в ремесленном училище, она приезжала в Люберцы и с настойчивостью любящей матери расспрашивала преподавателей и мастеров о поведении и успеваемости. В письме Юрий сообщил только, что находится в Москве, выполняет служебное задание, может быть, удастся приехать в Гжатск на денек. Свое слово он сдержал и, как только появилась такая возможность, немедленно отправился в родной Гжатск.

1 февраля. Обследования... Придирчивые эскулапы продолжают дотошно выискивать у своих пациентов болезни, пороки бывшие, нынешние, скрытые и видимые. «Врачи выявляли,— вспоминает позднее Юрий Алексеевич,— какая у нас память, сообразительность, сколь легко переключается внимание, какова способность к быстрым, точным, собранным движениям».

Разрядкой были вечерние песни. Обычно подпевали Павлу Поповичу, который заводил украинские песни.

Свои выводы врачи хранили как большую тайну, но

в накаленном воздухе госпитального мира то и дело возникали слухи об отчислении. Нет дыма без огня: тайные вести вскоре подтвердились. Некоторые летчики возвращались в свои части. Группы стали редеть, число жильцов в комнатах уменьшилось. Короче, начался отлив.

3 февраля. Родился ритуал расставания. Провожали в часть очередную «жертву» докторов. Грустно.

6 февраля. Врачи, исследующие летчиков, объяснили причины столь строгого отбора. В полете человек будет находиться в условиях длительной гиподинамики и невесомости, в изоляции от привычных земных условий. Чтобы избрать методы борьбы с опасными явлениями, которые могут сопровождать полет в космическое пространство, нужно также выявить их негативное воздействие на человеческий организм. Кроме этого, будущие экипажи космических кораблей подвергаются испытанию в замкнутом пространстве на психологическую совместимость.

Разумеется, многого они не знали, шли «втемную», работали вслепую. Спасательных средств не знали.

7 февраля. На очередном сборе кандидатов в космонавты разгорелся жаркий спор об эстетических концепциях современности. «Физики» стройными рядами пошли против «лириков». Говорили о гармоническом развитии личности, о духовных ценностях нации, о требованиях, которые, вероятно, будут предъявлены к первому посланцу человечества в космическое пространство. Космические абитуриенты, пользуясь известной информацией и газетными и журнальными познаниями, предполагали, что им предстоит лишь готовить полет в космическое пространство, а сам полет состоится через много лет.

Жизнь оказалась фантастичнее самой смелой фантазии.

В том споре победили «лирики». Гагарин, безгранично влюбленный в физику и математику, был на стороне «лириков».

8 февраля. Из группы кандидатов уезжали летчики, не пожелавшие больше подвергать себя «непонятным экспериментам». Это были непредусмотренные потери. Собрались в большой палате, молча посмотрели друг другу в глаза. Каждый считал себя правым: и тот, кто оставался, и тот, кто уезжал. Гагарин не одобрял тех, кто уезжал, но навязывать свою точку зрения считал не впра-

ве. Комиссия никого не удерживала. Принцип добровольности соблюдался неукоснительно. Но в этот день, да и в последующие, в палатах не было обычного оживления, непринужденной обстановки.

9 февраля. Вышел первый номер стенной сатирической газеты «Шприц». Идея выпустить газету — коллективная. Первым редактором был Юрий Гагарин. Вторым, бессменным — Алексей Леонов. Вот что писал один из врачей о «детище» космонавтов: «Об их оптимизме и задоре свидетельствовала остроумная, наполненная юмористическими рисунками стенгазета «Шприц». О газете стало известно многим военным летчикам, находящимся в госпитале, и они приходили на каждый очередной выпуск. Газета скрашивала досуг и утверждала новые отношения между будущими космонавтами.

11 февраля. Написал еще одно письмо Вале. «Когда удастся вернуться к вам, не знаю. Очень скучаю, с нетерпением жду встречи. Здесь, в командировке, познакомился со многими интересными летчиками, знаешь, как богата авиация красивыми и сильными людьми. Мы говорим часто: нам нужны положительные герои! Я их встретил предостаточно. Это настоящие литературные герои. При встрече расскажу подробно. Думаю, что со временем о них узнает вся наша страна и будет справедливо ими гордиться.

В командировке представилась возможность о многом подумать. Знаешь, Валя, я не знаю, как назвать мое состояние, но, ощутив неимоверную в себе силу, я с непоколебимой уверенностью иду вперед, к своей цели. Верю в себя, свои силы, в возможность осуществить задуманное. Ради тебя, при твоей поддержке я сумею постоянно расти, двигаться к тем самым жизненным вершинам, которые мы наметили с тобой в Оренбурге.

P. S. Как северяночка? Хорошо ли она говорит? Я накупил ей много книг, как обычно делала моя мама, возвращаясь из города».

15 февраля. Завершилась основная программа медицинских обследований. Говорить об окончательных результатах было еще рано, но основной состав группы всетаки наметился. Правда, отсев мог быть еще в барокамере, на центрифуге и других испытаниях.

Наметилось сближение медиков и летчиков.

Началось профессиональное родство. Напряжение и недоверие сменялось дружеской уступчивостью. Врачи

стали добрее, внимательнее, улыбчивее. Активные участники проводимых Академией наук СССР экспериментов, они теперь могли сказать, что это были не только медицинские исследования, но и морально-нравственные экзамены, которые их подопечные с честью выдержали.

25 февраля. Объявили дальнейшую программу медицинской комиссии. Полное ее завершение — третьего марта. Седьмого — встреча с Главнокомандующим ВВС.

С этого дня отсевов не было. Сформировался первый отряд советских космонавтов, большинство из них были коммунистами, пять — комсомольцами. Все космонавты летали на современных реактивных самолетах МИГ-15, МИГ-17, а капитан Попович — на сверхзвуковом истребителе МИГ-19.

27 февраля. Кандидаты в космонавты покидали госпиталь. Грустно было расставаться. Последние шутки, но тоже грустные, иногда не совсем кстати.

Герман Титов рассказал, как однажды сын великого Эйнштейна спросил отца, почему он так знаменит.

Гениальный Эйнштейн ответил, что точно не знает, но предполагает: что первым заметил изогнутость прямой...

Послал телеграмму Вале о возвращении из командировки.

9 марта. Вылетел в свой родной гарнизон в Заполярье. В самолете произошел курьезный случай. К Юрию подошел мальчик и попросил что-нибудь подарить. Юрий засмеялся и дал малышу шоколадку. Тот не унимался.

— Что же тебе еще подарить? — озадаченно рылся в карманах Гагарин.

— Что-нибудь хорошее,— щебетал мальчик.— Все знаменитые дяди мне что-нибудь дают.

— Знаменитые?

— Да, знаменитые. Вы тоже будете знаменитым.

В салоне самолета засмеялись. Кто-то из пассажиров, очарованный настойчивостью малыша, направил на него фотоаппарат. Через год, увидев в газете портрет первого космонавта планеты, случайный попутчик отыскал пленку, напечатал фото и послал майору Гагарину.

Вечером Юрий был дома. В тот день ему исполнилось двадцать шесть лет.

10 марта. Доложил командиру полка о своем новом назначении. Начал готовиться к отъезду в Москву. Распрощался с друзьями.

Сообщил в Гжатск и Оренбург об изменении адреса.

11 марта. Вместе с семьей выехал к новому месту службы. В приказе по части говорилось: «Старший лейтенант Гагарин Юрий Алексеевич откомандировывается в связи с назначением на новую должность...»

14 марта. В Центре подготовки космонавтов начались занятия. Первые «вводные» часы провел Николай Петрович Каманин, завершивший свое выступление словами: «Первый полет в космическое пространство может совершить человек, олицетворяющий высшее духовное достижение своего народа, обладающий чувством огромной ответственности, глубоко сознающий свою научную и патриотическую миссию, в совершенстве подготовившийся в объеме программы».

Потом родилась еще одна крылатая фраза: «К полету готовят тысячи — в космос полетит один».

Лекции читали видные ученые, инженеры. По словам Н. П. Каманина, «преподаватели представляли собой лучшие силы высших учебных заведений и научных учреждений».

Каждому космонавту надлежало уяснить научную систему взглядов на строение Вселенной.

Гагарин очень уставал. Занятия! Занятия! Занятия! На Севере он слыл знатоком Циолковского, но здесь, в Центре, быстро понял мизерность собственных знаний.

«Работа космонавта,— писал потом летчик-космонавт СССР Виталий Севастьянов,— требует прежде всего постоянного напряжения — физического, нервного, интеллектуального. Более того, очень здесь действует система нарастающих трудностей. И характер космонавта формируется теми психологическими длительными испытаниями, которые он должен пройти».

15 марта. Появилось расписание занятий. Они предусматривали лекции по марксистско-ленинской науке, астрономии, геофизике, космической медицине, посещение заводов, конструкторских бюро, институтов. Значительное время отводилось физической подготовке, парашютному спорту, полетам на реактивных самолетах, вертолетах, тренажам в модели космического корабля.

Преподаватели, несмотря на их большие знания, не возвышались над слушателями, не стремились внедрить школьную систему: слушай — отвечай. В космической науке было еще много неясного, непонятного, необычного. Между преподавателем и слушателем не было барье-

ра. Все жили едиными заботами познания мира, постижения тайн Вселенной.

17 марта. На лекции преподаватель напомнил, что многие тайны, загадки, непознанные явления природы человечество хочет познать с помощью космонавтики, науки, которая вбирает в себя самые передовые достижения мировой цивилизации. Слушателям объявили, что они будут изучать карту неба, состояние планет, теорию относительности, древние мифы, современные гипотезы, перспективные концепции.

С этого дня Юрий Гагарин возобновил записи в своем дневнике. Он считал, что начинался новый этап в его жизни, напряженный и ответственный.

18 марта. Евгений Анатольевич Карпов объявил, что с будущей недели вводится новое расписание — все совершенствуется — три дня теоретических, три дня спортивных. «...Трудности неизбежны,— сказал Карпов,— без них нельзя подготовиться. Возможно, для других поколений космонавтов будет другая, облегченная программа, но вы должны пройти эту...»

Будущих космонавтов влекла к себе Москва. Всем хотелось ее посмотреть, побывать в театрах, в музеях, но времени было в обрез. «Потом,— сурово сказал Карпов.— Все успеем. Кстати, это входит в программу подготовки».

22 марта. На занятия к космонавтам приехал один из пионеров советского ракетостроения профессор Михаил Клавдиевич Тихонравов. Космонавты знали, что он работал в ГИРДе, является конструктором первой советской жидкостной ракеты «ГИРД-09», знаком с С. П. Королевым и В. П. Глушко.

Михаил Клавдиевич открыл курс «Механика космического полета».

С приездом Тихонравова началась серия встреч с выдающимися советскими учеными, создателями космических кораблей.

С космонавтами будут заниматься выдающиеся известные авиаконструкторы, ученые, талантливые инженеры, храбрые летчики-испытатели, ветераны авиации. Наставниками космонавтов станут Герои Советского Союза.

23 марта. Все слушатели вновь подверглись строгому медицинскому осмотру. Медики не оставляли без внимания космонавтов. Казалось, они стремились все двадцать четыре часа наблюдать за своими подопечными. Через

несколько лет летчик-космонавт СССР Алексей Леонов, вспоминая, скажет:

«...медицинские барьеры было брать все труднее — врачи становились все придирчивее и придирчивее. И тут уже в нас заговорило профессиональное самолюбие: разве может истинный летчик уронить себя в глазах медиков, которые любой ценой хотят заставить тебя совершить вынужденную посадку? Чтобы удержаться на высоте, нужно было, как говорится, пройти огонь, воду и медные трубы.

И мы их прошли».

24 марта. Начались лекции по новому предмету. Информация, получаемая ежедневно космонавтами, была так велика, что иногда вызывала у них паническое чувство невозможности усвоить ее. Лекционный язык был сложен, малопонятен, перегружен научной терминологией. Плазма, пульсары, квазары, «Черные дыры», Белые карлики, реликтовое излучение... Никто из космонавтов не жаловался: терпели, привыкали, постигали.

В дневнике Юрий Гагарин запишет:

«Больше всего я сейчас ощущаю нехватку знаний, свою слабую начитанность, недостаточную информированность. Нужны знания. Необходимо учиться! И опять читать! Кажется, композитор Танеев говорил: «Ни одно занятие не представляет такой бесполезной траты времени, как чтение без определенной системы».

«Железо ржавеет, не находя себе применения, стоячая вода гниет,— писал гениальный старец Леонардо да Винчи,— а ум человека, не находя себе применения, чахнет! Запомни: чахнет!

Нужна работа ума: ежеминутная, каждодневная, все возрастающая, нужно оттачивать и шлифовать свой ум об умы других, как учил великий француз Монтень».

3 апреля. Состоялось первое партийное собрание отряда космонавтов. Говорили об учебе, об освоении сложной теоретической программы подготовки, о материальной учебной базе, об улучшении досуга.

13 апреля. Слушатели курсов по подготовке космонавтов вылетели в Поволжье на специальные занятия по парашютной подготовке. Распорядок жесткий: подъем, зарядка, теоретические занятия, показательные прыжки, самостоятельные пробные прыжки.

— Вы должны сделать сорок прыжков,— объявили им.

— За двадцать дней?

— Да, за двадцать...

14 апреля. На аэродроме Никитин приготовил своим подчиненным сюрприз: прыжки мастеров спорта, парашютистов высшей квалификации. Первым прыгал Никитин, затем Максимов, Ищенко и Буханов. Это была программа сложных прыжков, со спуском на воду, строения, в лес, позволяющих проявить высшее мастерство. Спортсмены показывали, как надо управлять собственным телом, как нужно выходить из трудных положений, наглядно демонстрировали наиболее эффективные способы прыжков.

Слушателей потрясло мастерство парашютистов, а некоторых ввергло в уныние. Заметив это, Никитин сказал, что они еще будут просить у него дополнительные прыжки. До этого, правда, было еще далеко.

15 апреля. Никитин утром объявил: праздники кончились, началась работа. Времени на раскачку не оставалось: прыжки. Прыжки — каждый день прыжки в любую погоду. Никитин был новатором, творцом уникальной методики по подготовке мастеров парашютного спорта. Итак, прыжки!

Погода была неустойчивой, солнечных дней было мало, земля — утром мерзлая, как камень, днем — непролазная грязь. Вот рассказ помощника Никитина: «Помню утро: нудный тихий дождь, земли не видно... Собрались под крылом самолета, соображаем, как быть... Смотрю на умоляющие глаза Леонова и Волынова — им лишь бы прыгать! Отчаянные ребята.

Полетели. А шли в сплошном дожде, аж темно в самолете. Нашли в тучах «дырку» и в нее выпрыгнули. Спускаться неприятно: стропы еще видны, а купола парашюта — нет. Кричим друг другу с тем, чтобы разойтись в тумане, не схлестнуться парашютными системами...»

16 апреля. По субботам обязательное подведение итогов за неделю.

7 мая. Пришло известие: утверждено Положение о Центре подготовки космонавтов.

«Главное направление в нашей работе,— писал Николай Петрович Каманин,— организация группы космонавтов и создание Центра их подготовки. Не было его, и вот он появился, получив звучное название — Звездный городок.

...Когда начинали, здесь шумел лишь ветер в верхушках берез, елей и сосен. Обычный подмосковный лесной массив с его опушками, лесными дорогами и даже с участками любителей-садоводов. Вдали от шумных магистралей, от промышленных предприятий и городов... наполненный свежим воздухом, запахами подмосковного леса, солнечный и тихий...»

15 мая. Завершив программу инструкторских прыжков, возвратились в Москву. Прав был Никитин: теперь, ощутив красоту и силу этого воздушного спорта, многие просили дополнительные прыжки. Никитин назвал фамилии тех, кто успешно сдал теоретический зачет и выполнил контрольный прыжок на звание «Инструктор парашютной подготовки».

В полдень узнали о запуске в космос корабля-спутника весом более четырех с половиной тонн. Этот запуск явился отработкой всех систем, обеспечивающих безопасный полет человека. Теперь следовало ждать каких-то решительных известий. И они действительно последовали.

16 мая. Стало известно, что программа пополнилась новыми предметами: радиотехника, электроника, автоматика и телемеханика.

Время уплотнялось, выходные дни становились рабочими. Усложнилась система тренировок. Отныне плавание, хоккей, городки, волейбол и другие виды спорта вменялись как обязательные. «Некоторые из элементов тех тренировок,— скажет позднее летчик-космонавт СССР Евгений Хрунов,— потом отпали как малоизученные или вовсе ненужные. Но тогда мы не знали, что является главным, а что второстепенным. И потому нас готовили ко всем вероятным и маловероятным неожиданным встречам, ситуациям, готовили к необычному — готовили к космосу».

17 мая. С этого дня возрастала нагрузка, увеличивалось время, отпущенное на теоретические дисциплины. Преподаватели ошеломляли слушателей новизной материала, проблем, гипотез и предположений.

Так, специфические сообщения по механике космического полета Виталий Севастьянов сумел превратить в интересные и глубоко содержательные занятия по физике, по теории двигателя, с замысловатыми шарадами и увлекательными решениями.

«Зачем мы идем в космос? — спрашивал он. И отве-

чал: — Нас волнуют не только научные, прагматические задачи, но и эстетические. Глаза, объяв пространство Вселенной, не нашли в нем красоты, творения рук человеческих, и они устремляются дальше к Звездам...

Вокруг нас такой огромный, практически бесконечный мир, интересное и непознанное пространство, полное звуков, торопливого движения атомов, неугасимого свечения, нового вида состояния — плазмы... Но мы практически очень мало знаем о нем...»

19 мая. Преподаватели ослепляют слушателей блеском эрудиции, широтой познания науки.

Человечеству известны имена более пяти тысяч астрономов, пытавшихся сосчитать звезды, составить каталоги. Эту работу начали древние греки и римляне, ее продолжают и сейчас. Сколько звезд во Вселенной? Миллиард, десять миллиардов, сто?.. Сколько планет? В Солнечной системе — девять.

Но где-то есть другие планеты, и на них есть жизнь, существуют цивилизации, и даже, может быть, более развитые, чем на Земле.

Многие тогда не поверили преподавателю, но в 1979 году американскими учеными будет найден метеорит со следами хорошо сохранившихся свидетельств жизни.

Что же это за планета со столь загадочными свидетельствами жизни? Ученые назвали ее Фаэтон. Она погибла. Вероятно, произошел взрыв, планета раскололась. Предполагают, что взрыв произошел неожиданно, и никто из разумных существ спастись не сумел.

Сенсация для читателей, тема для исследователя космоса.

21 мая. После напряженных занятий организован культпоход в театр.

28 мая. На итоговом занятии обсуждали результаты парашютных прыжков. Теперь можно было тщательно проанализировать возникавшие трудности, непредвиденные обстоятельства. У Германа Титова во время одного из прыжков перехлестнулись стропы, купол обвис, не наполнившись воздухом. Титов воспользовался запасным парашютом.

Павел Попович прыгал с поврежденным плечевым суставом, боль в котором затрудняла управление телом в полете.

Павел Беляев на прыжках с парашютом сломал ногу...

«Все помнили,— вспоминал летчик-космонавт СССР Георгий Шонин,— что первый человек, который пойдет в космос, должен быть не просто безрассудно храбр. Он должен иметь крепкую волю, быть хладнокровным, уметь владеть собой в самых неожиданных и сложных ситуациях, быть способным принять правильное решение в условиях острого дефицита времени. Развитию всех этих качеств во многом способствовала программа парашютной подготовки».

29 мая. Юра ездил в Гжатск, был у родителей, встречался с Валентином.

На вопрос о новой работе ответил уклончиво: много прыгаю, летаю, бегаю. А что он мог сказать?.. Он был еще летчиком. Космического корабля в глаза не видел. Несмотря на обнадеживающие запуски космических кораблей, полет человека в космическое пространство представлялся ему делом не таким уж близким.

31 мая. Учитывая сжатые сроки подготовки космонавтов, из отряда была выделена ударная шестерка, старшиной которой назначался старший лейтенант Гагарин. На лекциях пока по-прежнему присутствовал весь отряд космонавтов, но тренажная аппаратура предпочтительно отдавалась этим шестерым избранникам. Что будет дальше, никто не знал. Многое прояснится при первой встрече с Главным конструктором.

3 июня. Евгений Анатольевич Карпов беседовал с ударной шестеркой, разбирал успехи и просчеты каждого.

— Очень трудная программа,— сказал он.— Знаю, не каждому она по плечу. Но ведь вы... вы лучшие из кандидатов. Возможно, еще не все осознали сам факт — скорый полет, но верю, пройдет немного времени, и историки, исследователи будут изучать наше время как эпоху. Вы должны гордиться, вы первые...

Высокообразованный врач, до инженерного уровня познавший космическую технику, ученый и новатор, Карпов был первым наставником космонавтов, не утеряв своего лидирующего положения и в последующие годы. Он всегда вносил в работу много нового. Прикрепил, например, к группе кинооператоров, психологов, художников. Через несколько месяцев руководители Центра подготовки космонавтов, просмотрев пленку, обратят

внимание на роль Гагарина. Не обладая никакой административной властью, он стал нравственным центром коллектива.

7 июня. В своем дневнике Юрий Алексеевич записал: «Как удивительно прекрасен мир, как необозримо богат и разнообразен он. Постигая его, углубляясь в таинства сотворения, начинаешь понимать, сколь ничтожны наши знания о нем.

Да, пока еще никто не познал до конца мир, но, объединив свои усилия, человечество может приблизиться к желаемой цели. Изучая Солнце, наши соседние планеты, мы получили ключ к познанию истории образования Земли и других планет Солнечной системы, к разгадке причин возникновения жизни.

Современному миру известно восемьдесят восемь созвездий, многие из них были известны еще в древности, упоминались в Библии...»

И Юрий Гагарин, проявляя упорство и настойчивость, изучал небо, созвездия и их взаимосвязь с Солнечной системой.

10 июня. Преподаватели говорят о кометах, астероидах, метеоритах. Научные теории отличает стройность, но они еще недостаточно проверены. Космонавтов пока многое просят прин гь на веру, априори, так сказать, на слово, но и сами ученые стремятся найти в будущих исследователях космоса своих активных помощников.

Гениальный Альберт Эйнштейн говорил, что фантазия важнее знаний. Истоками многих открытий были — догадка, предположение, фантазия, а то и сновидение.

17 июня. «Астрономией следует заниматься больше,— сказал преподаватель,— это лучший способ продлить свою жизнь...». В каждой шутке есть доля правды, была она и в этой. Многие известные астрономы дожили до глубокой старости. Фонтенель прожил сто лет, Кассини — девяносто семь, Сабин — девяносто четыре... Статистика, конечно, несерьезна, но астрономией действительно стоит заняться серьезнее.

18 июня. Главный конструктор приглашает к себе космонавтов. Авторитет Сергея Павловича Королева был чрезвычайно велик, и встреча с таким человеком для слушателей, конечно, была большой честью.

Усадив всех за длиниый стол, Сергей Павлович обратился к прнсутствующим:

— Прежде всего рад приветствовать вас, главных нспытателей нашей пилотнруемой продукции. Да, мы дожили до того времеин, когда полет человека в космическое простраиство не мечта, не фантазня, а реальиость, реальность завтрашиего дня. Кто-то нз вас будет первым, пока ие иадолго, и полетит только иа трехсоткилометровую орбнту. Готовьтесь. Машнна уже есть...

Главный конструктор пригласнл всех посмотреть иа космический корабль. Прошлн в цех.

Сергей Павлович показывал на большой круглый шар и называл его космнческим кораблем. У шара-то и крыльев нет, хвостового оперения и кабину определить иельзя. Словом, этот предмет лишен прнвычных форм летательиого аппарата-самолета. Стоит на подставке белый шар, н сразу ие догадаешься, что это такое.

А Главный конструктор спрашивал:

— Может быть, кто-ннбудь хочет посмотреть виутрн?

— Разрешнте мне? — сказал старший лейтеиаит Юрий Гагарни. Сергей Павлович виимательиым взглядом посмотрел на невысокого, худенького офнцера и кнвиул: дескать, давай!

Гагарнн стремительио подошел к кораблю, потрогал рукой обшнвку, взялся за поручень и хотел подияться вверх к открытому люку, но неожидаино остаиовнлся иа стремяике. Потом медленно опустнлся на пол, на растяиутый брезент, н снял черные форменные ботинки.

В космнческий корабль, как в новый дом, по иародиому обычаю входнл без обувн.

Сергей Павлович Королев, увидев космонавта без ботннок, заметил: «Какое уважительное отиошенне к труду».

29 июня. Пока никто ие говорнл о сроках полета человека в космическое пространство, не было устаиовлеио орнентировочных дат, а учебиая иагрузка все увелнчивалась.

Отдохиув, поздно вечером засел за коиспект. Он писал, что бурно развивающаяся космонавтика затронула практнческн все сферы человеческой деятельности, расширнв ее проиикновенне в науку, культуру, даже философню.

1 июля. Началнсь экспернменты на вибростенде, центрифуге, в термокамере, сурдокамере. Все чаще слуша-

телей приглашали ученые, конструкторы, инженеры, показывали детали ракет, скафандры и другие космические атрибуты.

Несмотря на большую занятость, Сергей Павлович стремился каждый раз, когда космонавты приезжали на его предприятие, встретиться с ними и побеседовать.

Однажды он сказал:

— У нас все готово к полету, но надо все проверить, опробовать, убедиться в надежности, безопасности для жизни. Если вы мне скажете, что ради полета в космос готовы пожертвовать жизнью, я перестану вас уважать. Жизнь — самое важное благо, и за нее надо бороться, идти на все, кроме подлости...

9 июля. После занятий, как было установлено, выехали за город на речку. Со слушателями выехали ученые, медики, преподаватели, руководители Центра подготовки космонавтов. Купались, играли в волейбол, пробовали рыбачить, загорали, говорили о новой профессии «космонавт». Что это за профессия? И вообще существует она или нет? Может быть, она будет тогда, когда человек побывает в космосе? Наверное, профессия эта будет престижной. «Престижность профессии космонавта,— скажет летчик-космонавт СССР Виктор Горбатко,— определяется тем, что каждый полет — пока еще сложное, ответственное и в общем-то опасное дело. Но, конечно, рано или поздно профессия космонавтов станет столь же обыденной, как сегодня профессия летчика...».

Но до этого было еще очень далеко. Боясь тяжелых последствий, некоторые ученые даже предлагают отказаться от полета человека, заменить его автоматами.

Однако чрезвычайно трудно, а может быть, и просто невозможно создать автомат, который полностью заменил бы человека. К примеру, вряд ли можно наделить какое-то автоматическое устройство человеческой интуицией. А, кроме того, человек каким-то, совершенно непонятным образом может находить связи, порою самые причудливые и неожиданные, между процессами и явлениями, на первый взгляд совершенно далекими друг от друга. С другой стороны, человек — слабое существо. Он плохо переносит перегрузки, чувствительность некоторых его органов меньше, чем у современных автоматов. Одной из главных черт будущего развития космических систем станет оптимальное сочетание лучших качеств человека и машины.

Если же говорить о полетах человека в дальний космос — то, очевидно, для этого нужно будет создать промежуточную монтажную орбиту, на которой будет собираться и испытываться огромный корабль. А это значит, что, помимо массы технических проблем, возникнет и чисто научная — проблема изучения деятельности человека в открытом космосе.

13 июля. Космонавтам объявили, что создан тренажный комплекс космического корабля, на котором они будут отрабатывать все элементы полета и посадки. Создать такую тренажную аппаратуру было, конечно, сложно. Достаточно сказать, что на тренажере было установлено триста приборов, двести сорок электронных ламп, шесть тысяч триста полупроводниковых транзисторов и семьсот шестьдесят электромагнитных реле. На этом тренажном комплексе, полностью или почти полностью имитирующем полет космического корабля «Восток», начались тренировки.

16 июля. Валя пошла работать по своей специальности, Лену определили в детские ясли. Юрий Алексеевич все дневное и вечернее время посвящал работе.

«Заняты мы были по горло,— писал он позднее.— Газеты обычно приходилось читать дома, вечерами».

Начались тренировки на центрифуге. Требовательный и серьезный ученый Аделя Ровгатовна Котовская установила строжайшую дисциплину: тщательный медицинский осмотр испытателя — температура, пульс, дыхание, кардиограмма. Если допущен, сестры устанавливают датчики и усаживают в кабину. Команды те же, что на космодроме:

— Старт!

Принимались все меры предосторожности. Однако в один из дней, осмотрев испытателя после тренировки, Котовская обнаружила у него на спине множественные точечные кровоизлияния. Тренировки были приостановлены. Начались эксперименты с животными.

А когда тренировки возобновились, испытатель — его звали Анатолий — снова получил точечные кровоизлияния. Его тут же отстранили от работы. Гагарин обратился к Котовской:

— Пожалуйста, верните Анатолия на тренировки.

— Это невозможно.

— Он лучший среди нас. Поймите, он будет первым космонавтом.

Юрий боролся за человека, который действительно мог стать первым космонавтом планеты.

24 июля. Во время купания сломал шейный позвонок Валентин. Он был немедленно доставлен в госпиталь, где в неподвижном состоянии пролежал больше месяца. Благодаря усилиям врачей Валентин выздоровел, но из отряда пришлось уйти.

«Это была первая,— вспоминает летчик-космонавт СССР Георгий Шонин,— но, к сожалению, не последняя потеря. По различным причинам и в самое разное время из отряда ушли Марс и второй Валентин, Анатолий и Иван, Григорий и Дмитрий и третий Валентин-младший.

Да, труден, тернист путь в космос...

28 июля. Подошла очередь Гагарина на эксперимент в сурдокамере.

Он хорошо знал условия, в которых будет находиться десять или более суток. Валерий Быковский первым прошел это испытание. Когда он вышел, его спросили: «Ну как?» «Ничего, отсидел»,— ответил он.

Теперь должен «отсидеть» Гагарин. Глухая тишина, неживая, мертвая атмосфера. Этот эксперимент проводился под тщательным круглосуточным наблюдением врачей. Жить в ограниченном пространстве, в сплошной тишине неуютно, но это необходимо. Он составляет четкий распорядок: работать и работать. Читает, рисует, записывает свои размышления, идеи. На ключе отстукивает радиосообщения: «Живу отлично! Настроение бодрое. Ничего особенного не чувствую. Работаю».

Иногда появлялось гнетущее чувство одиночества, беспомощности, слабости. Порой был готов передать: откройте, выпустите. Поднимал руку, чтобы сообщить это единственное убийственное слово, но не сообщал.

Он думал о прошлом, о будущем, о непреоборимом стремлении человечества проникнуть в космос, о литературе, которая будила творческую мысль людей, думал об астрономии, науке, которая помогла человеку обрести новые высоты, думал о звездочете Улугбеке. В пятнадцатом веке Улугбек, правитель Самарканда, построил обсерваторию и вел наблюдения за Солнцем, Луной и другими планетами небесного свода, он составил каталог, в котором указал самые точные координаты 1018 звезд. По своей научной ценности эта работа не имела себе равной. Улугбек исчислил длину звездного года...

19 августа. В Советском Союзе осуществлен запуск корабля-спутника, на борту которого находились собаки Белка и Стрелка, белые мыши, растения и насекомые. Ученые предполагали провести генетические исследования, определить степень влияния космоса на организм летавших. Главной же задачей эксперимента была отработка систем, обеспечивающих жизнедеятельность человека, безопасность его полета.

Юрий Гагарин в своем дневнике записывает восторженную хвалу ученым, осуществившим такой запуск и практически подготовившим полет человека в космическое пространство.

21 августа. Воскресный день Юрий провел дома, помогал Вале, читал сказки Лене, ходил в магазин.

— Твой выходной день для нас праздник,— сказала Валя.

— Для меня тоже.

23 августа. Началась аттестация космонавтов. О Гагарине писали: «...любит зрелище с активным действием, где превалирует героика, воля к победе, дух соревнования. В спортивных играх занимает место инициатора, вожака, капитана команды. Как правило, здесь играют роль его воля к победе, выносливость, целеустремленность, ощущение коллектива. Любимое слово — «работать».

На собраниях вносит дельные предложения. Постоянно уверен в себе, в своих силах. Уверенность всегда устойчива. Его очень трудно, по существу, невозможно вывести из состояния равновесия. Настроение обычно немного приподнятое, вероятно, потому, что у него юмором, смехом до краев полна голова. Вместе с тем трезво-рассудителен. Наделен беспредельным самообладанием. Тренировки переносит легко: работает результативно. Развит весьма гармонично.

Чистосердечен. Чист душой и телом. Вежлив, тактичен, аккуратен до пунктуальности. Любит повторять: «Как учили!» Скромен. Смущается, когда «пересолит» в своих шутках.

Интеллектуальное развитие у Юрия высокое. Прекрасная память. Выделяется среди товарищей широким объемом активного внимания, сообразительностью, быстрой реакцией. Усидчив. Тщательно готовится к занятиям и тренировкам. Уверенно манипулирует формулами небесной механики и высшей математики.

Не стесняется отстаивать точку зрения, которую считает правильной. Похоже, что знает жизнь больше, нежели его некоторые друзья. Отношения с женой нежные, товарищеские».

30 августа. Советское правительство утвердило «Положение о космонавтах СССР».

Итак, новая профессия существует, а ныне получила права гражданственности. Сергей Павлович Королев поздравил космонавтов с этим важным документом Советского правительства, сказал, что нам очень помогают, не жалеют средств, буквально во всем идут навстречу... Не забывайте, однако, что все это аванс, за который нам отчитываться хорошими делами перед своим народом...

Сергей Павлович был прав. Центральный Комитет партии, секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев, ведающий этим направлением, делали все, чтобы большие задачи по освоению космического пространства были успешно выполнены.

Юрий Алексеевич хорошо помнил слова Главного маршала авиации К. А. Вершинина, сказанные им в напутствие: «Пришло время готовить людей... Много интересного и нового ждет вас, но много и трудного. Дело это необычное, и вам придется часто идти целиной, непроторенными путями, как говорили древние, через тернии к звездам... Партия и правительство придают космическим исследованиям первостепенное значение».

4 сентября. Появилась возможность отвлечься, съездить в Гжатск, навестить родителей, братьев. Как всегда, Юрий привез всем подарки. Вместе с ним в дом Гагариных приходила радость, веселый шум, задорный смех.

Дома заметили в Юре перемены, усталая улыбка, но серьезные глаза. Чем объяснить эти перемены, никто не знал: чем Юрий живет эти месяцы работы в Подмосковье, он не говорил, а лишнее у военного человека спрашивать нельзя. А Юрий Алексеевич был под впечатлением не только своих необычных занятий, но и встреч с людьми, жизненное кредо, широта образования, культура и интеллект которых порой потрясали его.

7 сентября. В Академии наук СССР началась работа по выработке плана-задания на первый полет. Все жили ожиданием нового. Каждый день учебы, тренировок, занятий требовал полной отдачи, по силе и напряженности психологической нагрузки равнялся неделям, а то и

месяцам обычной гарнизонной жизни. Никто не торопил жизнь, не подталкивал событий, не ускорял процессы, но жизнь, с ураганной силой пущенная историей, двигалась к своему апогею.

27 сентября. Сформировался штат Центра подготовки космонавтов. Юрий Алексеевич видел, с какой большой нагрузкой работают руководители Центра, думал об их подвижнической и неутомимой деятельности. Еще встречались люди, которые не понимали значения космических исследований, не верили в реальность начатой работы, а жизнь, процессы создания новой техники исследований ставили на повестку дня новые проблемы. Через несколько месяцев Гагарин сам окунется в работу по созданию Центра подготовки и многое успеет сделать.

4 октября. Годовщина запуска первого в мире искусственного спутника Земли. Три года назад мир облетело это ошеломляющее известие. Три года, а как много сделано, и как много предстоит сделать! В Центре подготовки космонавтов эту годовщину отметили торжественно.

«Изучение Вселенной не самоцель,— сказал Сергей Павлович.— Нет познания ради искусства познания. Мы проникнем в космос, чтобы лучше изучить прошлое нашей планеты, предвидеть ее будущее. Мы хотим поставить ресурсы космоса на службу человеку, проникнуть на другие небесные тела и, если обстоятельства того потребуют, заселить все околосолнечное пространство».

1 декабря. В Советском Союзе осуществлен запуск корабля-спутника, на борту которого находились собаки Пчелка и Мушка и другие биологические объекты. Предполагалось провести измерение доз космического облучения.

7 декабря. «Горьковатый осадок, вызванный гибелью Пчелки и Мушки,— писал Юрий Алексеевич Гагарин,— в котором мы боялись признаться самим себе...» Глубоко переживали неудачу врачи, авторы этого эксперимента.

Теоретический курс заканчивался, и основное учебное время отводилось «обживанию космического корабля».

Тренировки продолжались в ускоренном темпе.

27 декабря. Вопрос о полете человека в космическое пространство стал реальным. На стихийно возникшем совещании членов отряда возник вопрос: кто первый?

«Лететь, наверное, Юрию»,— было коллективное мнение.

Летчик-космонавт СССР Андриян Нnколаев вспоминает, что, когда они сказали об этом Гагарину, он и думать не хотел, что стартовать первым придется именно ему. Но они-то в этом не сомневались и потому настаивали на своем и требовали от него прямого ответа: готов ли он выдержать все, что его ожидает в связи с этим.

«Взволнованный, растроганный до глубины души, Юрий обнял за плечи меня и Германа — он сидел между нами — и сказал:

— Ну что вы, ребята... Вот вам мое сердце. Оно всегда останется таким же».

1961 год

17 января. Начались экзамены в отряде космонавтов.

25 января. На основании результатов сданных экзаменов было присвоено звание «космонавт» первой шестерке из отряда космонавтов.

В эти дни много говорили о будущих полетах, фантазировали, мечтали. С. П. Королев предложил провести вечер у него дома. «А то другого времени не будет»,— сказал он. В этот день с некоторым опозданием Сергей Павлович отмечал день своего рождения.

«Завидую вам, молодежь! — говорил он им.— Сколько интереснейших дел предстоит выполнить непосредственно вам!»

20 февраля. Космонавты начали изучение и примерку скафандров. Юрий шутил: «Скафандр — это космический корабль в миниатюре, земля для персонального пользования».

24 февраля. С отрядом космонавтов беседовал Николай Петрович Каманин. Говорили о близких и далеких задачах, о завершении тренировок. Каманин разрешил сообщить женам, своим близким родственникам о том, что один из отряда полетит скоро в космос. «Положение драматизировать не надо,— напомнил Николай Петрович,— но дело новое, требующее максимума напряженности...».

7 марта. В семье Гагариных родилась вторая девочка, ее назвали Галей.

18 марта. Состоялось партийное собрание «Как я го-

тов выполнить приказ Родины». Выступая на этом собрании, Юрий Алексеевич сказал: «Подходит к концу наша подготовка, приближается день старта. Этот полет будет началом нового этапа нашей работы... я могу заверить, что не пожалею ни сил, ни труда и не посчитаюсь ни с чем, чтобы выполнить задание партии и правительства».

24 марта. Группа космонавтов во главе с Н. П. Каманиным вылетела в Байконур. Это первое посещение Байконура.

«С каким-то смешанным чувством благоговения и восторга,— позднее писал Юрий Алексеевич,— смотрел я на гигантское сооружение, подобно башне возвышающееся на космодроме».

30 марта. Юрий Алексеевич и еще несколько будущих космонавтов побывали в Москве, на Красной площади, в Мавзолее В. И. Ленина. Это был зов души. Позднее такие посещения станут традицией космонавтов.

3 апреля. Вторая группа отряда космонавтов начала сдавать экзамены.

В 15.00 часов Н. П. Каманин приехал в Звездный и объявил о решении Советского правительства послать человека в космический полет.

В 16.00 С. П. Королев сообщил о своем вылете в Байконур.

4 апреля. Были заготовлены космические документы Гагарину и Титову, удостоверяющие их личности как граждан СССР.

5 апреля. Первая группа космонавтов вылетела в Байконур.

Ясная, солнечная погода сопровождала самолет до самого космодрома. Здесь весна была в полном разгаре, тепло, бурно поднялись, усеяв всю округу, тюльпаны. Природа, словно хороший художник, подобрала яркие тона, создав веселое разноцветье. Прервав разговоры, все устремились к иллюминаторам и, увидав гигантский ковер живых цветов, замерли, пораженные великолепным зрелищем.

Последние два месяца были напряжены до предела, занятия в цехах предприятий, полеты, неоднократные встречи и долгие интересные беседы с Главным конструктором.

6 апреля. На совещании обсуждаются вопросы готовности к полету, тщательно взвешиваются малейшие

детали, шероховатости работы системы, вырабатывается задание на одновитковый полет.

Повсеместно возникает вопрос: кто первый?

Космонавты тренируются, обживают корабль, отрабатывают ручной спуск, хотя этот метод возвращения на землю считается аварийным.

Встретив начальника Центра подготовки космонавтов Евгения Анатольевича Карпова, Сергей Павлович сказал:

— Не разрешайте слишком усердствовать ни тем, кто учит, ни тем, кто учится. Вы, медики, ратуете за то, чтобы в полет летчик уходил в наилучшей форме.

Во второй половине дня начали примерку скафандра. Первыми облачаются в космические одежды Юрий Гагарин и Герман Титов. Каманин и Карпов делают все, чтобы снять напряжение, волнение, беспокойство у космонавтов.

Ужинали в двадцать часов, организованно, по-деловому обсуждали результаты тренировок. Таким образом сокращают число совещаний.

7 апреля. После завтрака — занятие по ручному спуску, отработка действий после приземления. Составили большую и подробную инструкцию, но каждый понимает, что все предусмотреть нельзя, как и нельзя всему научить. Все шесть космонавтов работают по единой программе, пока никому послаблений, никому поблажки, готовность к полету всем. «Все могло случиться,— говорил Юрий Алексеевич.— Достаточно было соринке попасть в глаз первого кандидата для полета в космос, или температура у него повысится на полградуса, или пульсу увеличиться на пять ударов — и его надо было заменять другим подготовленным человеком».

Перед обедом два часа занимались спортом. В пятнадцать часов космонавтам разрешили послеобеденный отдых.

8 апреля. Все космонавты на тренировке в монтажно-испытательном корпусе. К Гагарину подходят инженеры, техники, лаборанты и просят автограф.

— С чего это вы, братцы? — недоумевает Юрий Алексеевич.— Какие автографы?

— Нужно дать,— говорит один из руководителей.

— При условии, что все подпишут,— соглашается Гагарин и смотрит на Андрияна Николаева.

— Подпиши, Юра,— говорит Андриян, и Гагарин, конфузливо опустив глаза, послушно подписывает.

...Много часов подряд заседала Государственная комиссия по запуску космического корабля «Восток» с человеком на борту.

В зале заседания ученые, инженеры, конструкторы.

Комиссия утверждает задание на полет, рассматривает вопросы, связанные с поиском и доставкой космонавта после приземления. Вопрос о кандидате на первый полет рассматривался одним из последних. Присутствующие хорошо знали, что этот вопрос самый трудный. Кто первый?

На первый полет подготовлены: Павел Попович, Герман Титов, Андриян Николаев... Все подготовлены, но пока полететь может только один и только тот, который при всех равных качествах имеет еще одно достоинство — он может быть первым.

Комиссия утверждает Юрия Гагарина на первый в мире полет в космическое пространство.

Члены Государственной комиссии пришли в монтажно-испытательный корпус для ознакомления с ходом тренировок космонавтов.

Сергей Павлович Королев, не разглашая только что принятого решения, стал неторопливо и скрупулезно разъяснять Гагарину работу систем, убеждая собеседника в их надежности. Юрий кивал, соглашался с доводами Главного, с некоторым недоумением смотрел на Сергея Павловича, пытаясь понять причину бурного словоизлияния, незаметно втягивался в разговор. Неожиданно Сергей Павлович замолк и посмотрел на космонавта:

— Что же получается? Я подбадриваю его, а он убеждает меня в еще большей надежности корабля...

— Мы, Сергей Павлович, подбадриваем друг друга,— сказал Гагарин.

Королев распорядился, чтобы командира корабля и его дублера на предстартовый день и предстартовую ночь разместили в отдельном домике, недалеко от старта.

Клавдия Акимовна — хозяйка домика, где предстоит провести командиру «Востока» и его дублеру сутки перед стартом,— спросила Сергея Павловича Королева.

— На какой койке будет спать Гагарин?

— Гагарин? — удивился Королев.— А почему вы решили, что в этом домике должен спать он?

— Не знаю. Просто думаю, что первым нашим чело-

веком в космосе должен быть такой, как Гагарин. Я мать летчика...

— А зачем вам, Клавдия Акимовна, это надо?

— Поставлю у его кровати тюльпаны...

«Почему же Клавдия Акимовна знает, что первым должен быть Гагарин, а мы...» — подумал Сергей Павлович.

9 апреля. Николай Петрович Каманин решает рассказать Гагарину и Титову о решении Государственной комиссии.

Он пригласил к себе Юрия Гагарина и Германа Титова, побеседовал о ходе подготовки и сказал просто, как можно более ровным голосом:

— Комиссия решила: летит Гагарин. Запасным готовить Титова.

Гагарин сразу расцвел улыбкой, не в силах сдержать радости. По лицу Титова пробежала тень сожаления. Но это только на какое-то мгновение. Герман с улыбкой крепко пожал руку Юрию, а тот не преминул подбодрить товарища:

— Скоро, Герман, и твой старт.

10 апреля. Торжественное заседание госкомиссии.

«Герман Титов сидел ко мне в профиль,— писал позднее Юрий Алексеевич,— и я невольно любовался правильными чертами красивого задумчивого лица, его высоким лбом, над которым слегка вились мягкие каштановые волосы. Он был тренирован так же, как и я, и, наверное, способен на большее. Может быть, его не послали в первый полет, приберегая для второго, более сложного».

...Присутствующие на космодроме жили в волнующем ожидании исторического часа.

«Он готовился совершить подвиг, — вспоминает летчик-космонавт СССР Евгений Хрунов, — потому, что его полет нельзя было расценить иначе. Он летел туда, где еще никогда не был человек, он летел в враждебную для человека среду, в мир вакуума и безмолвия, в царство убийственного для всего живого ультрафиолетового излучения и частиц высоких энергий, источниками которых являются Солнце и далекие глубины космоса. Он должен был лететь со скоростью, с которой еще никогда не летал человек. Все было впервые. И никто не мог дать полной гарантии в том, что он обязательно возвратится на родную Землю».

Гагарин оберегается от суеты, лишних контактов, необязательных бесед, — словом, от всего того, что мешало бы ему сосредоточиться, думать о полете.

В середине дня Гагарин и Титов прибыли на стартовую площадку, провели тренаж в кабине космического корабля. «Было очень любопытно наблюдать за Гагариным со стороны, — говорил профессор Б. Викторов. — Чувствовалось, как радостно он настроен, как приятно ему, что он летит первым. Но это не мешало Гагарину быть серьезным, спокойным, сосредоточенным.

Я смотрел на него и умом понимал, что завтра этот парень взбудоражит весь мир».

Юрия Гагарина и Германа Титова оставляют одних. Стратегический медико-психологический план вступает в силу. Герман читает Юрию стихи, рассказывает сибирские байки, авиационные хохмы. С ними врач, но он сторонний наблюдатель. Космонавты играют в бильярд, слушают записи русских мелодий, говорят о детстве, школе, военном училище...

Сергей Павлович навестил космонавтов вечером, внимательно осмотрел комнату, задал несколько вопросов, посидел минуту в задумчивости, то ли собираясь с мыслями, то ли отдыхая, в чем он очень нуждался в эти дни. Пожелал космонавтам спокойной ночи, не имея сам на это право, и медленно, тяжело ступая, удалился.

Последняя ночь перед стартом!

12 АПРЕЛЯ 1961 ГОДА. На какое-то мгновение Королеву показалось, что он первым пришел в этот дом, посмотрел на спящих Юрия Гагарина и Германа Титова, вышел на крыльцо. И вдруг увидел осторожно удаляющегося Евгения Анатольевича Карпова.

3 часа 00 минут. Сергей Павлович Королев отошел на несколько шагов и как бы издалека посмотрел на стартовую площадку, на гигантское тело ракеты. Она выглядела эффектно в оцеплении ферм, подсвеченная мощными прожекторами. В усталой отрешенности Главный смотрел на творение рук своих, на детище всей своей жизни. Кажется, все готово! Каким будет утро космической эры? Неужто завтра! Нет, уже сегодня!

«Пока это дело неблагодарное, рискованное и безмерно трудное, — писал К. Э. Циолковский. — Оно потребует не только огромного напряжения сил и гениальных дарований, но и многих жертв.

...Звездоплавание нельзя и сравнить с летанием в

воздухе. Последнее — игрушка в сравнении с первым».

Но ни самому Циолковскому, ни его ученикам не довелось порвать с воздухоплаванием.

5 часов 30 минут. Евгений Анатольевич Карпов решительно вошел в спальню и потряс Гагарина за плечо.

— Юра, пора вставать...

Гагарин встал. Поднялся и Герман Титов и тотчас же запел шутливую песенку о ландышах — неистребимая потребность в музыке. Это была победа психологов: музыка стала потребностью. Доктор был удовлетворен — его подопечные бодры, здоровы. Предполетная программа выполнялась пунктуально.

6 часов 30 минут. Космонавты, сопровождаемые медиками, вышли из домика — их встретил Сергей Павлович. Главный выглядел усталым и озабоченным, — видимо, сказывалась бессонная ночь. Позже Гагарин скажет об этой встрече:

— Он дал мне несколько рекомендаций и советов, которых я еще никогда не слышал и которые могли пригодиться в полете. Мне показалось, что, увидев нас и поговорив с нами, он стал несколько бодрее...

6 часов 50 минут. Гагарин прибыл на стартовую площадку, вышел из автобуса. Многие присутствующие знали его лично, всех охватило волнение.

После доклада Председателю Государственной комиссии Юрий сделал заявление для радио и печати.

Он сказал:

«...Через несколько минут могучий космический корабль унесет меня в далекие просторы Вселенной. Что можно сказать вам в эти последние минуты перед стартом? Вся моя жизнь кажется мне сейчас одним прекрасным мгновением. Все, что прожито, что сделано прежде, было прожито и сделано ради этой минуты...

Первым совершить то, о чем мечтали поколения людей, первым проложить дорогу человечеству в космос... Назовите мне большую по сложности задачу, чем та, что выпала мне. Это ответственность не перед одним, не перед десятками людей, не перед коллективом. Это ответственность перед всем советским народом, перед всем человечеством, перед его настоящим и будущим. И если, тем не менее, я решаюсь на этот полет, то только потому, что я коммунист, что имею за спиной образцы беспримерного героизма моих соотечественников — советских людей».

8 часов 30 минут. 30-минутная готовность. Титову объявлено, что он может снять скафандр и ехать на пункт наблюдения, где уже собрались все специалисты. Не прекращаются переговоры по радио. Юрий Алексеевич, с одной стороны, Сергей Павлович Королев, Николай Петрович Каманин, Павел Романович Попович — с другой.

8 часов 32 минуты. Попович: — Вашим здоровьем интересовались из Москвы. Передали, что вы себя хорошо чувствуете и, значит, готовы к дальнейшим делам.

Гагарин: — Доложили правильно. Самочувствие хорошее, настроение бодрое, к дальнейшей работе готов.

9 часов 07 минут. Сергей Павлович информирует космонавта о действиях Земли.

Королев: — Дается зажигание, «Кедр».

Гагарин («Кедр»): — Понял: дается зажигание.

Королев: — Предварительная ступень... Промежуточная... Главная... Подъем!

Гагарин: — Поехали!.. Шум в кабине слабо слышен. Все проходит нормально, самочувствие хорошее, настроение бодрое, все нормально.

Королев: — Мы все желаем вам доброго полета...

Гагарин: — До свидания, до скорой встречи, дорогие друзья!

Неожиданно в бункер врывается голос Гагарина:

— Сброс головного обтекателя... Вижу Землю... Красота-то какая!..

Только в эту минуту многие из присутствующих осознали: Человек в космосе!

«...Отчетливо вырисовываются горные хребты, крупные тени, большие лесные массивы, пятна островов, береговая кромка морей. Я видел Солнце, облака и легкие тени их на далекой и милой Земле», — записал в бортжурнал «Востока» Юрий Гагарин.

9 часов 26 минут. Гагарин: — Полет проходит успешно. Чувство невесомости нормальное. Самочувствие хорошее. Все приборы, все системы работают хорошо. Красота!..

В редакциях всех газет мира начался бум — надо было успеть переверстать выходящие номера. «Новость века» должна была как можно быстрее дойти до читателя.

«Советский Союз, впервые запустивший в 1957 году искусственный спутник Земли, первым достигший Луны

в 1959 году, наконец, первым в прошлом году вернувший на Землю животных из космоса, только что дал миру своего Христофора Колумба космического пространства».

Так комментировало новость агентство Франс Пресс.

От французов не отставали американцы, итальянцы, англичане...

Юрий Гагарин стал близким для всех народов земного шара. Но больше всего волновалась и переживала за него, конечно же, Родина.

10 часов 55 минут. Обгоревший металлический шар стукнулся о вспаханную почву — поле колхоза «Ленинский путь», в тридцати километрах юго-западнее города Энгельса, неподалеку от деревни Смеловки.

Первой увидела Юрия Гагарина Анна Акимовна Тахтарова. «Оторопь меня взяла — очень уж странно тот человек был одет, не по-нашему, и появился-то он неожиданно — с ясного неба, словно снег на голову. Потом гляжу: человек улыбается. И до того душевная у него улыбка, что весь мой страх как рукой сняло... — рассказывала она. — Забеспокоилась я, может, голоден, думаю, хотела молочком попоить. Отвечает так вежливо, а улыбку свою не прячет: что сыт, дескать, беспокоиться не надо, вот хорошо бы позвонить. Оглядела я округу, а к нам уже едут, бегут люди, поди видели, как он с неба валился».

10 часов 59 минут. К месту приземления прибыла еще группа людей — специалистов-изыскателей.

На месте приземления установили столбик с надписью: «Не трогать! 12.4.61 г. 10 часов 55 минут московского времени».

11 часов 06 минут. На машине Юрий Алексеевич Гагарин отправился в расположение летнего лагеря специалистов и тут же позвонил в Москву, доложив о благополучном приземлении.

13 часов 20 минут. Валентина шлет записку мужу:

«Милый Юра! Мы с Галочкой и Аленой поздравляем тебя. Мы очень рады, счастливы, что ты благополучно возвратился из космоса. Ждем тебя скорее домой. Крепко целуем, обнимаем тебя, родной наш космонавт!

Твоя *Валя*».

Услышав сообщение ТАСС, Зоя Гагарина опешила: в космическом полете Юрий Гагарин, ее брат!

— Мама, — закричала она, вбегая в дом, — включи радио, про Юру передают!

Анна Тимофеевна испуганно обернулась, едва не уронив чугунок иа пол.

— Разбился?

— Да нет, в космосе он!

— Что же он наделал? У него же две малюткн, доченькн такие... — И заплакала.

14 часов 30 минут. По радно передано обращенне Центрального Комитета КПСС, Презндиума Верховного Совета СССР и Правительства Советского Союза к Коммунистнческой партии и народам Советского Союза! К народам и правительствам всех стран! Ко всему прогрессивному человечеству!

«Свершилось великое событие. Впервые в нсторин человек осуществнл полет в космос.

...Это — беспрнмерная победа человека над снлами природы, величайшее завоеванне иаукн н техникн, торжество человеческого разума. Положено начало полетам человека в космнческое пространство.

В этом подвиге, который войдет в века, воплощены геннй советского иарода, могучая сила социалнзма».

После нсторического полета Юрия Гагарнна академик Королев сказал:

«Главное сделаио. Путь открыт. Вслед за первым шагом последуют и остальные...»

За первыми позывиыми человека из космоса открылась иовая страиица иауки, иовая отрасль знания, новая сфера практической деятельиостн людей. От 108-мннутиого рейса по круговой орбите мы перешли к миогомесячиым полетам. Не ради формальиого увеличения сроков, ие в погоне за рекордами, а с твердым убежденнем, что этому предстоит дальнейшее развитие, блестящее будущее.

13 апреля.

7 часов 00 миут. Юрий Алексеевич проснулся н долго, безмятежно лежал, не выдавая своего пробуждення, попытался осмыслнть прожитый день.

Это сои? Прн подготовке к полету было продумаио, отрепетировано, кажется, все... Все, что касается полета. А это был уже ие полет, это был и ие сон. Почему люди в каком-то едииом вдохновенном порыве, неукротнмом энтузиазме воспрнняли полет в космос?..

8 часов 30 минут. Завтрак. По просьбе космонавта

земной, обыкновенный завтрак. Юрий ест молча, сосредоточенно думает, как построить свое сообщение: дать оценку работы аппаратуры — это безусловно интересует конструкторов. Рассказать о своих впечатлениях, ощущениях. Поведать о новизне восприятия полета: невесомости, гигантском обзоре, о нашей маленькой планете Земля.

От него, Гагарина, ждут информации ученые, конструкторы, все советские люди! От него ждут новых сообщений все народы планеты Земля.

«Есть вещи, — говорил Сергей Павлович Королев накануне старта, — которые мы еще не знаем. Что такое невесомость? Физический смысл понятен, а действия, последствия...»

Он, Гагарин, настроен оптимистично. В космосе можно жить, в космосе можно работать. Корабль надежен, обеспечивает безопасность полета...

10 часов 00 минут. Собрались члены Государственной комиссии, ученые, конструкторы, секретари обкома партии.

Майор Гагарин докладывал два часа. Зная присутствующих, он старался удовлетворить интересы всех институтов и организаций. И, кажется, это ему удалось.

С. П. Королев подвел итоги первого сообщения.

— Хочу еще раз поздравить вас с огромной общечеловеческой победой, — сказал Сергей Павлович. — Это действительно большая победа советской и мировой науки. С полетом Юрия Алексеевича люди стали сильнее, мудрее, добрее. Все достижения советской космической науки наша партия и Советское правительство посвящают мирным целям человечества. И никогда мы, ученые и космонавты, не нарушим этого святого правила нашей власти. Еще в 1905 году Константин Эдуардович Циолковский, отвечая на вопросы редактора «Иллюстрированных биржевых ведомостей», говорил: «Я не работал никогда над тем, чтобы усовершенствовать способы ведения войны... Работая над реактивными приборами, я имел мирные и высокие цели: завоевать Вселенную для блага человечества, завоевать пространство и энергию, испускаемую Солнцем».

Газета «Правда» поместила интервью с профессором из ФРГ Германом Обертом, которого на Западе называют «отцом немецкой ракетной техники».

«Я очень рад, — сказал ученый, — что сбылись мои

предсказания относительно возможности полетов человека в космическое пространство. Я сделал такое предсказание в 1923 году.

— Но тогда вы не предполагали, что первым космонавтом будет русский?

— Нет,— ответил Оберт.— Я думал, что им будет немец.

— А когда вы пришли к убеждению, что это будет советский человек?

— 4 октября 1957 года, когда Советский Союз успешно вывел на орбиту первый спутник Земли...»

Во второй половине дня в Куйбышев прибыли специальные корреспонденты «Комсомольской правды» Василий Песков, Павел Барашев. Узнав об их приезде, Гагарин тотчас направился к ним.

По скрипучей деревянной лесенке сбежал невысокого роста майор. Он был один, и в первый момент корреспонденты решили, что это посыльный — еще раз сказать, чтобы они подождали. Но майор протянул руку.

— Здравствуйте. Это вы из «Комсомолки»?

Батюшки, да это же он! Ну, конечно, это Гагарин...

Он сразу же оценил ситуацию и так хорошо, так дружески улыбнулся, что они сказали:

— Юра...

Они просто иначе и не могли его назвать.

Куда улетели из головы старательно заготовленные «глубокие и серьезные» вопросы? О чем же спросить? О самочувствии? О здоровье? Но подтянутый вид и эта улыбка исключали подобные вопросы.

Достали из сумки последние газеты...

Это был хороший подарок.

Гагарин внимательно, с задумчивой улыбкой рассматривал напечатанные снимки жены и старшей из своих дочерей. Просто сказал: «Спасибо...»

14 апреля.

— Вылетаем сразу после завтрака,— сообщил Николай Петрович Каманин.

9 часов 00 минут. За завтраком Н. П. Каманин сообщил, что звонил Леонид Ильич Брежнев, очень беспокоился за их прилет в Москву — метеослужба дает плохой прогноз. Погода, разумеется, не помешает радушной встрече, но голубое небо лучше, значительно приветливее. Юрий Алексеевич знал, что и вчера Леонид Ильич звонил дважды, интересовался здоровьем Гагарина, просил

не утомлять его расспросами, дать время сосредоточиться, обдумать ответы.

9 часов 52 минуты. Юрий Алексеевич вышел на берег реки, погрузившись в размышления, шел по-над Волгой. Тихое безветренное утро, голый кустарник и необъятная широта русского простора. Весна бурно врывалась в размеренную жизнь величавой реки: шумели ручьи, меняли цвет луга, бурел, исчезал лед.

Позже Герман Титов скажет:

«Снег уже стаял. Подсыхала земля, кое-где пробивалась молодая ярко-зеленая травка, из почек проклевывались клейкие листочки. Ольха оделась темно-красными сережками. От вскрывшейся Волги тянуло холодом. В ветвях хлопотали грачи, поправляя старые гнезда. Свистели скворцы. И все это сливалось в многоголосую, берущую за сердце песнь во славу весны. Родная русская природа удивительно гармонировала с нашим радостным настроением».

13 часов 41 минута. Аэропорт Внуково. Юрий Алексеевич и Валентина Ивановна Гагарины садятся в открытый голубой ЗИЛ-111. Кортеж правительственных машин направляется в Москву, на Красную площадь.

Через несколько дней в газете «Правда» Юрий Алексеевич писал: «Наверное, ни один человек в мире не переживал то, что пришлось в этот праздничный день пережить мне».

«Личность Юрия Гагарина,— писала Лидия Обухова,— потому так легко ложится в легенду, что она уже спервоначалу являла черты ясности и удивительной «всеобщности». Он был человеком из толпы, который не столько поднялся над другими, сколько вместе с собой поднял на пьедестал всю свою эпоху, эпоху масс и коллективных усилий. Он сделался героем времени не в силу исключительных индивидуальных черт, а, напротив, благодаря множественности, повторяемости своего характера, своей судьбы, своих идеалов и устремлений».

В тот вечер присутствовавший на приеме в Кремле Сергей Павлович Королев по-отечески, тепло и радушно поздравил Юрия Алексеевича:

— Гагарин показал, на что способен человек. На самое большое... Он открыл людям Земли дорогу в неизведанный мир. Но только ли это? Думается, Гагарин сделал нечто большее — он дал людям веру в их собствен-

ные силы, в их возможности, дал силу идти увереннее, смелее. Это — прометеево деяние...

17 апреля. Первую половину дня Юрий Алексеевич провел в Звездном, в кругу своих родных. У него попрежнему гостили родители, сестра, братья. Сюда, в Звездный, стремясь повидать космонавта, поговорить с ним, взять автограф, стремились проникнуть многие корреспонденты. Гагарин не отказывал никому.

В этот день Ю. А. Гагарин дал автограф филателисту Е. Сашенкову на серии почтовых гравюр «Первый в истории космический полет, совершенный 12 апреля 1961 года советским гражданином Юрием Алексеевичем Гагариным на корабле-спутнике «Восток». Министерство связи СССР выпустило в свет серию почтовых марок «Человек Страны Советов в космосе». 17 апреля поступила в обращение марка с портретом Юрия Гагарина. Через несколько лет журналист Евгений Сашенков — действительный член географического общества СССР — выпустит книгу «Почтовые дороги космонавтов». В ней будет помещено предисловие Юрия Алексеевича Гагарина:

«С того времени, как небольшая часть околоземного пространства была заключена вместе с первым изображением искусственного спутника в прямоугольник марки, берет начало «космическая орбита» знака почтовой оплаты — того самого, что по привычке служил обычно самым земным целям. И вот появляется книга, которая пропагандирует неведомую прежде космическую функцию почтовой марки. Повествуя об обыденном и необычном, воссоздавая широкое полотно «космофилателии», эта книга исподволь подготавливает человека к мысли о том, что когда-нибудь и Вселенная станет обычным почтовым маршрутом...»

В эти дни в Ленинграде Вера Кетлинская опубликовала такие строки:

«Нельзя сопоставлять подвиги: каждый прекрасен, у каждого свое бесценное зерно, своя красота, свое неповторимое величие. В истории человечества светлые подвиги пылают яркими факелами, показывая всем людям самое лучшее и высокое, на что способен Человек. И каждый подвиг, как бы он ни был индивидуален, всегда отражает и время и душу народа, выдвинувшего героя».

Американский художник Рокуэлл Кент в поздравительном письме писал: «Советские друзья, ваш Юрий не

только ваш. Он принадлежит всему человечеству. И ворота в космос, которые он открыл, распахнуты для всех нас.

...Пусть человечество чтит день полета Юрия как день всеобщего мира. Пусть празднуют его по всей земле...

Пусть это будет день, когда на каждой городской площадке и повсюду, где собираются люди, лица стариков и молодых засветятся такой же радостью, какой светятся лица на лежавших передо мной фотоснимках, сделанных в ликующей Москве».

26 апреля. Закончилось медицинское обследование, медики довольны его самочувствием.

Н. П. Каманин сообщил Юрию, что на днях они вылетают в Чехословакию по приглашению ЦК КПЧ.

27 апреля. В Студии военных художников имени М. Б. Грекова состоялась встреча с Юрием Гагариным. Космонавт рассказал о полете, о важности исследования космического пространства, позировал художникам. Над портретом космонавта начали работу Н. Жуков, П. Мальцев, М. Самсонов, Н. Бунт, П. Кривоногов, Г. Постников и другие.

28 апреля. Гагарин вылетел в Прагу.

2 мая. Юрий Алексеевич отвечал на письма, поступившие в его адрес. Писем много, несколько тысяч. Письма-исповеди, письма-просьбы, письма-восхищения. Ответить на все письма просто невозможно. Позднее, когда будет создана Почта космонавтов, подсчитают, что около 200 тысяч писем поступило в адрес Ю. А. Гагарина.

«Почта Гагарина, — утверждает летчик-космонавт СССР Алексей Леонов, — это ворох писем ежедневно, без преувеличения — мешок. На каждое письмо он отвечал лично. Он не сумел ответить лишь на восемь писем из сотни тысяч».

В архиве Гагариных хранится письмо, которое Юрий Алексеевич хранил особенно бережно:

«Дорогой Юрий Алексеевич! Много Вы получаете писем, но я уверен, что у Вас еще нет письма, написанного человеком, у которого отсутствуют руки. У меня нет обоих кистей рук. К тому же у меня нет и ног. Всего я имею на теле 14 ран. Свою инвалидность я получил, защищая Родину от фашизма. В 1942 году зимой на полях Сталинградской области я в последний раз пошел в бой

на своих ногах, держа винтовку в руках, которые у меня тогда еще были. И вот сейчас я инвалид, но это письмо пишу сам, без чьей-либо помощи, пишу Вам, человеку, открывшему новую эру полетов в космос. Спасибо Вам, Юрий Алексеевич, Вы прославили нашу Отчизну навечно. Такое не забывается... Коротко о себе. За время своей инвалидности я был депутатом райсовета в Перми, работал в собесе. Своим трудом приносил пользу 12 лет. В 1957 году я получил персональную пенсию, но работать продолжаю. А. И. Пусторезов, г. Пермь».

В гости к Гагариным приехал военный летчик однополчанин Николай Репин. Они вместе окончили военное училище, одновременно поехали служить на Север.

Вспомнили свою песню, рожденную в училище, ставшую своеобразным курсантским гимном:

Люблю свой МИГ — машину боевую...

4 мая. В Центральном театре Советской Армии состоялась встреча представителей частей Московского гарнизона с первым космонавтом Юрием Гагариным.

Во второй половине дня космонавт был гостем московских писателей. Его радушно принимал Константин Александрович Федин.

— Вам, дорогой Юрий Алексеевич, надо писать, — советовал своему земляку Федин. — Мы, чтобы увлечь читателя, все выдумываем, держим их интригой новизны. А Вам ничего выдумывать не надо. Вы знаете то, чего не знает никто. Вы владеете бесценным материалом...

15 мая. Вся группа космонавтов в сопровождении своих наставников специальным самолетом вылетела в Сочи. Организаторы этого отпуска предполагали, что космонавты отдохнут, укрепят свое здоровье, в свободной обстановке обменяются с Гагариным мнениями о проведенном космическом полете.

17 мая. В Сочи прилетел Сергей Павлович Королев. Он разместился в соседнем санатории. В тот же день вечером он принимал у себя космонавтов, читал стихи, просил Поповича и Гагарина спеть...

— Мы на отдыхе, никаких производственных совещаний, — сказал Главный.

22 мая. Юрий Гагарин начал позировать прилетевшему в Сочи известному скульптору Григорию Постникову. Юрий охотно помогал ему советами, терпеливо

сидел в позе, удобной для скульптора, подчинялся его творческому вдохновению.

На фотографии, которую Юрий Алексеевич подарил Постникову, он написал: «Григорию Николаевичу Постникову — космонавту в искусстве».

В этот же день Юрий Гагарин самолетом ИЛ-14 вылетел в Софию.

В один из дней визита Гагарин побывал у памятника «Алеша».

«Я глядел на него, как на живого, — писал он позднее, — и мне казалось, что свежий ветер, летящий с Балканских гор, шевелит его молодые, слегка тронутые сединой пряди волос, выбивающиеся из-под фронтовой пилотки. И до чего же велика обобщающая сила искусства! Я вглядывался в улыбающееся лицо «Алеши» и узнавал в нем волевые черты многих советских людей...»

27 мая. Юрий Гагарин вернулся в аэропорт Адлер.

1 июня. Юрия Гагарина пригласил к себе в мастерскую известный советский художник Анатолий Никифорович Яр-Кравченко. В годы Великой Отечественной войны он был воздушным стрелком на самолете ПЕ-2, совершил много боевых вылетов, увлекшись рисованием, создал целую галерею портретов известных летчиков.

Художник начал работать над портретом Гагарина.

13 июня. По приглашению Калужского обкома и облисполкома Юрий Алексеевич вылетел в родной город Константина Эдуардовича Циолковского.

«С волнением подъезжал я, — рассказывал Гагарин, — к раскинувшемуся на взгорье городу, утопавшему в свежей зелени садов, только что омытых шумным грозовым ливнем».

Космонавт побывал на могиле основоположника теоретической космонавтики, возложил цветы, встретился с родственниками великого ученого, осмотрел дом-музей. Юрию Алексеевичу рассказали, что большое влияние на жизнь Константина Эдуардовича оказала встреча и знакомство с философом Н. Ф. Федоровым, незаконнорожденным сыном князя Гагарина.

— Как много на Руси было Гагариных! — воскликнул космонавт. — Недавно мне прислали из Лондона письмо однофамильцы Григорий и Анна Гагарины. Они пишут, что воздают должное советским ученым и руководителям, достижения которых радуют их, русских, живущих

на чужбине. Есть у меня на Оренбуржье в поселке Калиновка полный тезка — Гагарин Юрий Алексеевич.

В Калуге решено открыть Музей космонавтики им. К. Э. Циолковского, в этот день первый камень заложил Гагарин.

На митинге, состоявшемся на площади имени В. И. Ленина, Юрий Алексеевич выступил с речью, решением местных органов Ю. А. Гагарин был объявлен почетным гражданином города.

На месте будущего музея была установлена плита, на которой высечены слова:

«Здесь будет сооружен музей К. Э. Циолковского. Первый камень будущего музея заложен 13 июня 1961 года летчиком-космонавтом, Героем Советского Союза, почетным гражданином города Калуги Ю. А. Гагариным».

17 июня. Гагарин на автомобиле «Волга», подаренном ему Советским правительством, в сопровождении еще нескольких автомашин выехал в свой родной город Гжатск.

«И вот они, милые моему сердцу раздольные края. Глубокая и прохладная река Гжать, опушенная метелками камыша, рощи и перелески, полевые дороги среди цветущей ржи и льна, смугло-золотистые вальдшнепы и цоканье соловьев», — напишет через несколько дней Гагарин.

Не доезжая до своего дома, Юрий Алексеевич увидел знакомых женщин, остановил машину, вышел из нее и бросился обнимать соседку. «Я думала, Юра, ты проедешь мимо, не узнаешь меня, старуху»,— сказала женщина.

В городе знали о приезде Юрия, он звонил домой, матери, и теперь в этот солнечный погожий день его вышли встречать все жители Гжатска. Друзья детства предполагали встретить Юрия у въезда и внести в город на руках. А он, словно зная об этом, упредил их и приехал раньше.

Три дня, проведенные в родном городе, вернули в памяти детские годы, тяжелые месяцы оккупации, дни учебы в школе.

20 июня. Начал работу над книгой. Находясь после полета у медиков на стационарном обследовании, он получил много писем от советских и зарубежных авторов, которые просили более подробно рассказать его о своей

жизни. Но как ответить на все письма, как удовлетворить любознательность тысяч адресатов?

А письма между тем шли и шли, число их увеличивалось с неимоверной скоростью, гора росла не по дням, а по часам.

Племянница Жюля Верна Кристина Аллот де ла Тюйе прислала Юрию Алексеевичу Гагарину письмо:

«Мосье, я племянница Жюля Верна и в этом качестве хочу высказать Вам восхищение Вашим подвигом. Вы осуществили мечту Жюля Верна. Если бы он был жив, он, конечно, находился бы сейчас возле Вас, разделяя радость вашей страны. Браво! От всего сердца желаю Вам всего счастья, какое только возможно».

Юрий Алексеевич получил письмо из Франции. Незнакомый корреспондент писал: «Прошу принять от меня в подарок вещь, которой я больше всего дорожу. Это медаль, которой я награжден за участие во французском движении Сопротивления против нашего общего врага...»

«Когда все пионеры вступят в комсомол, — писали пионеры 124-й школы города Омска, — в этот торжественный день мы должны подарить Ваше имя, согласно традициям нашей дружины, вновь вступившим пионерам.

Нам очень хотелось бы получить от Вас письмо...»

Ребята получат такое письмо. Но как ответить сразу всем? И он находит «ход».

Гагарин садится за книгу.

Вот когда пригодился дневник, даже редкие записи помогают восстановить прошлое.

23 июня. Юрий Алексеевич возобновил тренировки, вернулся к прежнему напряженному ритму работы, готовил космонавта-2 к полету, готовил новые инструкции, отвечал на многочисленные письма, встречался с рабочими, колхозниками, студентами, школьниками. Ездил он много, выступал с большим желанием и никогда не жаловался.

24 июня. После очередной встречи, где Гагарина просили рассказать о Центре подготовки космонавтов, у него появилась мысль о создании музея в Звездном.

«Давайте, — обратился Юрий Алексеевич к коммунистам, — создадим свой музей. Это будет своеобразным отчетом о нашей работе, да и вообще нужен ведь музей для нас, для истории, для молодого пополнения».

Первым экспонатом музея стала фигура литейщика, которую Гагарину подарили в Чехословакии.

Ныне в музее около десяти тысяч экспонатов. Прежде это были в основном подарки, которые получали космонавты. Сейчас в нем сосредоточены экспонаты по истории отечественной космонавтики, тренажеры, кресла, костюмы.

Здесь же реликвии покорителей космоса, фотографии и альбомы, сувениры, картины и личные вещи, принадлежащие героям космоса или побывавшие вместе с ними в полете. Планшет Юрия Алексеевича Гагарина. Коробка карандашей Алексея Леонова, которыми он рисовал в полете космические пейзажи.

Год от года наши космические достижения ширились, росли, надо было отразить это в деятельности музея. И вот музей переезжает в Дом культуры и размещается уже в нескольких комнатах. Материалы музея сгруппированы и систематизированы, изложены хронологически и научно-документально. Они рассказывают о героических и самоотверженных действиях всех космонавтов Центра подготовки. Музей постоянно пополняется новыми экспонатами.

В 1967 году музей распахнул двери для посетителей.

В музей перенесли теперь и обстановку рабочего кабинета Юрия Гагарина. Все сохраняется в неприкосновенности.

В кабинете — бюст Циолковского, глобус Луны, книжный шкаф, в котором собраны книги с дарственными посвящениями Ю. А. Гагарину, книги на многих языках мира. Юрий Алексеевич знал каждую из них и мог подолгу рассказывать об их авторах. На столе текст речи, с которой Гагарин собирался выступить на торжественном заседании, посвященном 100-летию со дня рождения А. М. Горького.

В шкафу шинель, фуражка. На стене остановленные часы.

В одном из залов музея находятся партийный билет В. М. Комарова, значки Звездного городка и медали, отчеканенные в честь космонавтов.

В другом зале — картины, портреты, альбомы, фотографии космонавтов. В витрине часы — подарок Звездному городку от американского космонавта Фрэнка Бормана. Часы эти дважды побывали с ним в космосе.

25 июня. Юрий Алексеевич провел в кругу семьи. Помогал жене по дому, играл с дочками. Ходили в лес,

лежали на лужайке, слушали сказки, которые с большим мастерством рассказывал Юрий Алексеевич.

Предстояла новая командировка — поездка в Финляндию. До отъезда надо было успеть написать несколько статей, обещанных газетам и журналам.

— Юра, прости, но я сейчас помочь тебе не могу, — сказала Валентина Ивановна, — Галина на руках, да и Аленка еще требует внимания...

10 июля. В ходе подготовки к Всемирному форуму молодежи в Москве была организована пресс-конференция, посвященная первому в мире полету человека в космическое пространство.

Присутствовавшему на ней Ю. А. Гагарину были заданы вопросы. Отвечая на них, он сказал:

«В первую очередь молодежь заинтересована в завтрашнем дне. Ведь именно молодежь будет решать завтра судьбу мира.

...Пусть космические корабли понесут научные экспедиции к далеким планетам. Но пусть не понесут они никогда смертельный груз».

11 июля. Исполнительный комитет профсоюза литейщиков Великобритании пригласил Юрия Алексеевича в свою страну. Программа предусматривала посещение Лондона и Манчестера.

Английская пресса с присущей ей дотошностью начала обсуждение вопроса о встрече первого космонавта планеты. «Сегодня,— писала газета «Дейли миррор»,— майор Юрий Гагарин прибывает в Лондон. Гагарин — храбрый человек. Он символ величайшей победы науки, которая когда-либо была достигнута. ...Вчера после сомнений в том, какой должна быть процедура встречи, британское правительство, наконец, решило, кто будет приветствовать героя с мировым именем, кого мы пошлем приветствовать от имени всего британского народа Гагарина, когда он сойдет с самолета. Его встретит не премьер-министр Макмиллан, не министр иностранных дел лорд Хьюм, не министр по вопросам науки лорд Хейлшем, а Френсис Ф. Тэрнбулл (секретарь канцелярии министра). Объяснения, которые дают этому, заключаются в том, что Юрий Гагарин не глава государства. Но никто не считал, что Гагарин является главой государства. Однако остается фактом, что он совершил подвиг, перед которым меркнет все, что когда-либо сделали Макмиллан или кто-нибудь из его министров.

Английскому народу нет ннкакого дела до протокола, он прндает большее значенне первому человеку, завоевавшему космос, и хочет, чтобы этого человека должным образом встретили от его имени. Первый космонавт мира заслуживает, чтобы его с честью встретила вся страна».

Англнйскнй общественный деятель К. Знллнакус пнсал: «Тем, кто считает, что в нашей стране живут сдержанные, холодные, не склонные выставлять свон чувства напоказ людн, нужно было бы побывать у нас, когда Англию посетил Юрий Гагарин. Вслед за Юлием Цезарем он мог бы сказать: «Пришел, увндел, победил».

«Пять дней, — пнсал Юрнй Алексеевич, — проведенных в Англин, признаться, значительно изменилн мое представление о британском народе...»

Несмотря на дождлнвую погоду, тысячн лондонцев вышли на улнцу приветствовать первого космонавта.

«Лондонцы встречалн Юрня Гагарина с такой теплотой и сердечностью,— писал Нниколай Петровнч Каманнн, — с таким темпераментом, что опровергали все прнвычные представления об англнйской сдержанностн и хладнокровни».

По всему маршруту двнжения Юрия Гагарина стояли людн: рабочне, студенты, дети, женщины, старикн.

На машине, которая на днн пребывання Гагарина в Англнн была закреплена за ннм, был необычный номер «ЮГ-1» (Юрнй Гагарин — первый)...

Все английскне газеты пнсали о внзите в нх страну первого космонавта планеты.

«В Эрлс-Корт он показал себя дипломатом н романтиком,— пнсала газета «Ивнннг стандарт»,— равно как и астронавтом... Разумеется, как всегда на пресс-конференциях... былн затасканные пропагандистские вопросы. Но он разделался с ними так же чисто, как н нажнмал на нужные кнопкн во время своего нсторического полета. Этот его тур был трнумфом. Триумф для Гагарина-человека, так же как н для Гагарнна-астронавта».

13 июля. Юрий Гагарнн прнбыл в Манчестер — рабочнй центр Брнтаннн. Приветствуя космонавта, президент профсоюза литейщиков Фред Холлннгсуорт говорил о необходнмостн дружбы между рабочнми двух стран, вручнл грамоту, подтверждавшую нзбранне кос-

монавта почетным членом профсоюза, приколол к груди космонавта медаль, на которой были выбиты слова: «Вместе мы отольем лучший мир».

На митинге, устроенном рабочими Манчестера, выступил Гагарин. Он сказал: «Наступит время, когда на межпланетных станциях и кораблях космонавты различных стран будут встречаться как друзья и коллеги. В космосе всем хватит места: и русским, и американцам, и англичанам».

14 июля. Вернувшись в Лондон, Юрий Гагарин узнал об изменении программы: состоится встреча с премьер-министром Великобритании Гарольдом Макмилланом.

15 июля. Юрий Гагарин был приглашен к королеве Елизавете II на завтрак.

«Популярность посланца СССР, — писал английский публицист Пэт Слоун, — была поистине необычна. Толпы англичан стекались повсюду, где бы он ни находился, чтобы лично приветствовать космонавта.

Энтузиазм был настолько велик, что вопреки своим первоначальным намерениям премьер-министр принял Юрия Гагарина в своей резиденции, а королева устроила завтрак в его честь. Впрочем, по-настоящему королевскую встречу герою оказали, конечно, простые люди страны».

16 июля. Юрий Гагарин возвратился на родину из Англии. Встретив в Звездном городке своих товарищей, он рассказал подробно о поездке. Почему-то зашел разговор о традициях. И Юрий Алексеевич посетовал на то, что еще мало у них в коллективе, в Звездном, такого, что могло бы воспитывать людей в процессе общения, что давало бы возможность отвлечься, коллективно отдохнуть. И вспомнили о бассейне.

Так родился праздник «Нептун».

Родился неожиданно, но приобрел популярность совсем не случайно, ибо был все же связан с программой подготовки к космическому полету.

18 июля. Министр культуры СССР Е. А. Фурцева пригласила Ю. А. Гагарина на Московский международный кинофестиваль. Выдающиеся деятели мировой кинематографии сердечно приветствовали Юрия Гагарина, задавали вопросы.

— Какое впечатление у вас от популярности? — спросила его знаменитая Джина Лоллобриджида.

— Тяжелое. По тяжести оно, очевидно, близкое весу земного шара.

Вечером встретился с Сергеем Павловичем Королевым, рассказал ему о поездке в Англию, об огромном интересе к нашей стране, о непостижимой чопорности и одновременно удивительной простоте англичан. Пожаловался, что постоянные командировки отнимают слишком много времени.

— Не переживай, — Сергей Павлович нежно посмотрел на Гагарина. — Я хорошо знаю, душой и мыслями ты здесь, с нами. Но поездки нужны, и они, может быть, играют не меньшую роль, чем наши новые запуски... Ты открыл дорогу в космос, ты должен проложить путь к сердцам честных людей мира...

20 июля. По приглашению руководителей Польской Народной Республики Юрий Гагарин вылетел в Варшаву. Визит этот был кратковременным, но очень насыщенным.

23 июля. Майор Гагарин по приглашению руководителей партии и государства вылетел с дружеским визитом на Кубу. Во время посадки самолета на Гавану обрушился тропический ливень, образовались огромные потоки, люди оказались чуть ли не по колено в воде. Однако никто не ушел, никто не покинул своего места. Гагарина встречал дипломатический корпус. В аэропорт прибыли руководители кубинской революции. На митинге-встрече Гагарина собралось более полумиллиона человек. Совет Министров Кубы наградил Ю. А. Гагарина недавно учрежденным орденом «Плая-Хирон». Советский космонавт стал первым кавалером этого ордена.

Фидель Кастро и Юрий Гагарин обменялись фуражками.

В Советское посольство в адрес Юрия Гагарина поступили тысячи писем и телеграмм, памятные подарки, сувениры, дружественные адреса.

На площади у памятника Хосе Марти состоялся митинг, приуроченный к годовщине штурма казарм Монкадо 24 июля. В этот день кубинские революционеры совершили героическое нападение на казарму Монкадо — один из оплотов кровавого режима диктатора Батисты. Именно в этот день было поднято знамя народного восстания. На митинге с большой речью выступил Юрий Гагарин.

25 июля. Юрий Гагарин и сотрудники Советского по-

сольства возложили венок к памятнику национальному герою Кубы — Хосе Марти. По просьбе кубинских товарищей советский космонавт посетил госпиталь, в котором находились раненые участники апрельских боев в районе Плая-Хирон.

В Гаванском университете Юрий Гагарин прочитал лекцию, ответил на многочисленные вопросы. С профсоюзным активом беседовал несколько часов, встретился с активистами Общества кубино-советской дружбы, говорил о большом политическом значении деятельности общества, не зная, что очень скоро он будет возглавлять в СССР аналогичное общество.

27 июля. Кубинские товарищи знакомили Гагарина со своей столицей.

Несколько часов Юрий Гагарин и его спутники провели на берегу океана.

На прощальном банкете руководители кубинской революции дали высокую оценку визита советского космонавта на Кубу, выразили пожелание ознакомиться с опытом подготовки советских космонавтов.

— Мы готовы, — сказал Гагарин.

— И мы тоже, — ответил Фидель Кастро.

28 июля. Юрий Алексеевич прибыл в Бразилию. В Рио-де-Жанейро он познакомился с известным бразильским писателем, лауреатом международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Жоржи Амаду. Посетил города Сан-Пауло, Бразилиа. Клуб бразильских журналистов в честь первого космонавта устроил прием, сервировав столы «космическими блюдами». Гостя угощали салатом «Восток», подавали жаркое «Гагарин», мороженое «Юрий».

В президентском дворце майору Гагарину был вручен орден «За заслуги в области воздухоплавания». Этот орден вручался авиаторам страны за высшие достижения в авиации.

5 августа. По приглашению американского промышленника и финансиста, лауреата международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Сайруса Итона майор Юрий Гагарин прилетел в Канаду.

На аэродроме Галифакс Гагарина встретили радушный хозяин и его семья. По просьбе журналистов в аэропорту состоялась пресс-конференция.

В это же время в Галифаксе ожидали прилета американского астронавта Алана Шепарда. Встреча двух

первых космонавтов планеты — явление незаурядное.

Гагарин ждал этой встречи с большим нетерпением. Однако по неизвестной причине визит американского астронавта в Канаду не состоялся.

Не изменяя свой привычке, Юрий Гагарин послал жене телеграмму. Он очень скучал по своим родным и, если представлялась возможность, посылал им весточку.

На митинге после Сайруса Итона выступил Гагарин.

Затем состоялась пресс-конференция. Ночью стало известно о запуске в СССР нового космического корабля с человеком на борту.

Нарушив общепринятый этикет, Юрий Гагарин попросил прервать пребывание в Канаде и вылетел срочно на Родину. Юрий Алексеевич направил телеграмму Герману Титову: «Дорогой Герман! Всем сердцем с тобой. Обнимаю тебя, дружище. Крепко целую. С волнением слежу за твоим полетом. Уверен в успехе завершения твоего полета, который еще раз прославит нашу великую Родину, наш советский народ. До скорого свидания. Юрий Гагарин».

В одном из журналов в эти дни был напечатан шутливый рассказ писателя Анатолия Варфоломеева.

«Мы были в Оломоуце, когда нас буквально вытащили из сталактитовой пещеры и объявили:

— В космосе второй Гагарин!

Мы спокойно ответили:

— Ну и что же, мы знали, что Гагарин полетит еще раз.

Они не удивились нашей находчивости, сочли это за шутку и неуверенно проговорили:

— Но фамилия его, кажется, Титов.

Этот день стал праздником. Необычайно оживленным и веселым. По радио неслись приветствия Титову, лилась из репродукторов музыка. Чаще других исполнялась песня, в которой чехословацкие девушки снова приглашали Гагарина в свою страну.

Вечером на улицах начались гуляния. Наши друзья воздавали должное второму космонавту и стране, вырастившей такого героя. Имя Титова вмиг стало популярным.

На одной из площадей мы остановили девочку и спросили:

— Ты знаешь, кто такой Титов?

— Знаю! — бойко ответила она по-русски.

— Кто же?

— Гагарин!

Да, они были правы: это был Гагарин, второй советский Гагарин, ибо имя Гагарина стало символом мировой космонавтики, образцом мужественности и бесстрашия.

7 августа. Рано утром Юрий Гагарин вылетел на Родину. Самолет сделал посадку во Внуково, дозаправился и тут же стартовал в Куйбышев. С космонавтом-2 Юрий Гагарин встретился в том же домике, в котором еще недавно пребывал сам.

«Сухощавый, гибкий, сильный и необыкновенно ловкий, — вспоминал Юрий Гагарин, — несмотря на все тяготы суточного пребывания на орбите, дышал здоровьем, и только в красивых, выразительных глазах его чувствовалась усталость, которую не могла погасить даже улыбка».

Герман Титов рассказал о полете, о самочувствии, поделился некоторыми своими наблюдениями.

Новые достижения в космосе вызвали у Юрия Гагарина огромную радость.

Прошло уже то время, подумал он, когда космонавты летали лишь для того, чтобы выяснить поведение человеческого организма в условиях космоса. Главное — возможность работы в невесомости... Теперь на повестке дня более важные, более серьезные задачи, связанные с полетами к другим планетам Солнечной системы, с созданием больших станций, длительное время действующих в космическом пространстве.

Надо учиться жить в космосе.

10 августа. В Центре подготовки космонавтов подводили итоги полета в космическое пространство Германа Титова. Сообщение, сделанное космонавтом-2, на всех произвело впечатление своей продуманностью, смелостью, оригинальностью. Это было глубокое научное сообщение с убедительными аргументами, смелыми выводами.

Его похвалили. Герман Степанович по-своему отреагировал на комплимент:

— Большую помощь в написании доклада, — сказал он, — мне оказал Юрий Алексеевич...

14 августа. Чехословацкий журналист Милан Цодр писал:

«Со времени своей первой поездки к нам, в Чехосло-

вакию, Гагарин объездил уже полмира. Его чествовали президенты и короли. Ему вручались самые высокие награды. Простые люди засыпали его цветами. Его приветствовали, пожалуй, на всех языках мира. И все-таки он почти не изменился. Разве что держаться стал чуть солидиее. Но когда он улыбается, видишь все ту же гагаринскую улыбку».

16 августа. Юрий Гагарин н Герман Титов побывали на предприятни Сергея Павловича Королева. Поздравили Главиого с успешным осуществлением полета «Востока-2».

19 августа. По приглашению ЦК ВСРП и правительства Гагарин вылетел с визитом в Венгерскую Народную Республику. Впервые в зарубежной поездке участвовали жена Валентина Ивановна и дочь Галя.

16 сентября. Юрий Гагарин н Герман Титов с семьями выехали на отдых в Крым.

Стояла благоприятная пора золотой осени. Хотелось побыть в тишнне, осмыслить прожитое. За последние полгода произошло так много событий. Надо было подумать о будущих полетах, подготовить свои предложения.

Неукротимая одержимость Сергея Павловича не знала граииц, не считаясь нн с какимн трудностями, Главный конструктор непоколебимо шел вперед к новым, еще более грандиозым штурмам космоса. Он говорил о комплексном исследовании Вселенной, о групповых полетах кораблей, о многочислениых экипажах, о создании орбитальиых станций длительного пользования. В эти дни Юрий Гагарнн много читает. В местиой библиотеке узиает об уиикальных кингах, оставлеииых здесь А. М. Горьким — великим пролетарскнм писателем.

В свое время Алексей Максимович жил здесь в Форосе. Он заочно подружился с Констаитнном Эдуардовичем Циолковским, вступил с ним в переписку. В 1932 году Циолковский становится постоянным корреспоидентом Горького.

Гагарнн с большим увлечением прочитал все это. Ои тогда ие зиал, что через несколько лет ему поручат выступить на вечере, посвящеииом памяти Горького, и он вновь перечитает эти кинги.

29 ноября. Начался визит Юрия Алексеевича в Индию. Ои посетил города Дели, Лакиау, Бомбей, Хайдарабад, Калькутту.

30 ноября. Факультет физики крупнейшего университета Индии в городе Лакнау избрал Юрия Алексеевича пожизненно членом Клуба исследователей космоса. В Бомбее, который называют океанскими воротами страны, Юрий Алексеевич встретился с известным индийским писателем и общественным деятелем Ходжой Ахмад Аббасом.

«Каждый герой символичен и индивидуален, — писал Х. А. Аббас. — Его личность имеет внутреннюю связь с коллективными чертами народа и общественной средой, которая воспитала его. Только американский динамизм и неудержимая американская реклама могли породить легенду о Линдберге... Любители спорта в Англии делают героями победителей теннисных соревнований, футболистов и жокеев, тогда как в романтической Южной Америке превозносят поэтов и тореадоров. Гагарин чисто советское явление».

1 декабря. По просьбе журналистов состоялась пресс-конференция. Вопросов много. И, конечно, среди них: а как там, в этом далеком мире космоса?

Как много можно об этом говорить! И Юрий Алексеевич рассказывает, основываясь не только на своих наблюдениях, а опираясь на научные данные:

— Человек живет на дне воздушного океана. Ученые утверждают, что среди планет Солнечной системы жизнь есть только на Земле.

Нашим космонавтам, возможно, придется посетить мертвый мир далеких планет. Какая это будет планета: Марс, Венера, Юпитер?..

31 декабря. Юрий Алексеевич и Валентина Ивановна были на новогоднем приеме в Кремле, мечтательно и взволнованно смотрели на мерцающие огни новогодней елки, вспоминали прошлое, с большими надеждами думали о будущем. Танцевали, пели, гуляли по заснеженной Москве, обнявшись, долго стояли в Александровском саду.

— Мне очень хорошо с тобой.

— И мне...

1962 год

20 января. Начались экзамены за первый семестр в ВВИА имени профессора Н. Е. Жуковского. Юрий Гагарин и его товарищи ежедневно бывают в академии, в

ее научной библиотеке. Набив портфель книгами, возвращаются в Звездный, занимаются до глубокой ночи.

29 января. По приглашению руководства Вооруженных Сил Объединенной Арабской Республики Юрий Алексеевич вылетел в Каир. Указом президента Египта Гагарин награжден высшим орденом страны «Ожерелье Нила». В знак особого уважения ему были вручены на вечное хранение золотые ключи от ворот городов Каира и Александрии.

На приеме у Главнокомандующего ВВС, устроенном в его честь, Юрий Алексеевич произнес речь, закончив ее словами:

— Предлагаю тост за мир, за прогресс, за процветание всех наций. Давайте через несколько лет, когда будет достигнуто соглашение о полном разоружении, соберемся вновь, допустим, в Москве, Вашингтоне или Париже и сфотографируемся. Но уже в штатском... Ведь нам, военным, лучше известны все тяжелые последствия войны.

16 февраля. Юрий Алексеевич возвратился на Родину. После двухнедельной поездки по странам Африки был в Греции, на Кипре.

1 марта. В конструкторском бюро С. П. Королева состоялось совещание создателей космической техники и космонавтов, посвященное программе очередных пилотируемых полетов.

— На повестке дня полеты «Востока-3» и «Востока-4»,— сказал Сергей Павлович.— Прекрасный опыт присутствующих здесь Юрия Алексеевича и Германа Степановича позволяет перейти к групповым полетам в космос...

14 марта. Юрий Гагарин присутствовал на первом занятии женской группы отряда космонавтов. Группа небольшая, формировалась она в основном из спортсменок ДОСААФ — самоотверженных и мужественных девушек, имеющих летную или парашютную подготовку.

16 марта. Юрий Алексеевич выступил на XV Московской городской комсомольской конференции. «Выполняя сложную и очень ответственную работу по подготовке космических полетов,— сказал он,— наши космонавты упорно учатся. Учатся потому, что чувствуют — тех знаний, которые у нас имеются, в будущем будет недостаточно».

12 ноября. «За прошедший год мне довелось побывать

в 17 странах мира, я видел сотни тысяч улыбающихся глаз, сотни тысяч рук, и всюду я слышал слова дружбы и теплоты. И я прекрасно понимал, что эти слова относятся не ко мне лично, а ко всему нашему народу. Мы обязаны своими успехами родной Коммунистической партии, которая проявляет постоянную заботу о развитии науки. У нас много людей, готовых подняться в космос, много потому, что мы понимаем благородные цели космических исследований. Советские люди сделали мечту и сказку былью...»

1963 год

1 января.

— Хочу летать,— сказал Гагарин.

— Это что, требование? — шутливо спросил его Королев.

— Нет, Сергей Павлович, зов моей души.

Королев нежно, по-отечески обнял Гагарина. Уж кто-кто, а он, истый авиатор, сам не раз пробовавший крылья своих творений, и сейчас чувствует эту ноющую в душе тягу к небу. Да, Гагарин должен вернуться к полетам. В космос, в околоземное воздушное пространство, на самолетах.

Он когда-то сказал: «В Гагарине счастливо сочетаются аналитический ум и исключительное трудолюбие. Я думаю, что если он получит надежное образование, то мы услышим его имя среди самых громких имен наших ученых». По совету Королева Гагарин поступил в академию. Но жажды летать, видно, не утратил...

— Правильно,— сказал Королев,— космонавты не должны терять связи с самолетами.

Поэтому обратились к командованию ВВС с такой просьбой.

5 января. Главнокомандующий ВВС Главный маршал авиации К. А. Вершинин поддержал ходатайство Ю. А. Гагарина, определил программу его летной подготовки на текущий год.

7 февраля. Печать всего мира продолжает публиковать материалы о достижениях СССР в исследовании космического пространства. Значительное место в них уделяется первому космонавту планеты Юрию Гагарину.

Одна из зарубежных газет писала: «Полет человека в космос при любых условиях должен был стать триумфом

человеческого гения, но полет Юрия Гагарина, космонавта с улыбкой Джоконды, стал торжеством человеческого сердца с его огромной жаждой прекрасного. И эта жажда всего человечества была щедро утолена подвигом и самой личностью Гагарина, его простотой, скромностью, обаянием».

8 мая. Газета «Комсомольская правда» опубликовала статью Ю. А. Гагарина «Поэзия звездных высот». «Поэзия нам необходима, как воздух в кабине космолета,— писал Юрий Алексеевич.— Ведь именно на примерах подвигов лучших сынов своих учила нас Родина-мать мужеству, целеустремленности, упорству и ясности цели. А как приходила к нам эта учеба? Через книги, через литературу, через искусство.

Я вспоминаю книги Островского и Толстого, Горького и Пушкина, Маяковского и Шолохова и говорю: спасибо вам, мои любимые писатели, первооткрыватели и учителя, наставники и товарищи! Спасибо вам за все: за вдохновение, за школу, за уроки жизни!»

Июнь. Юрий Алексеевич Гагарин вылетел на космодром, чтобы принять личное участие в подготовке нового полета в космическое пространство.

16 июня. Юрий Алексеевич напутствовал в космос первую в мире женщину-космонавта Валентину Терешкову. Отвечая на вопросы корреспондентов, он, в частности, сказал: «Дело, которым мы занимаемся, очень трудное, серьезное и большое. Нужна очень обстоятельная, глубокая подготовка. Валя много занималась спортом, теорией, и это дало свои результаты. Она очень хорошо знает системы космического корабля, отлично знает ракету-носитель, вопросы управления космическим аппаратом. Короче говоря, это полноправный пилот, настоящий пилот космического корабля в космическом пространстве».

7 сентября. Гагарин по приглашению ЮНЕСКО вылетел в Париж, где он выступил с речью о советской программе освоения космического пространства.

«Мой полет, как и полеты моих друзей, советских космонавтов,— сказал он,— был полетом мирного освоения космического пространства».

4 октября. В печати была опубликована статья Ю. Гагарина под рубрикой «О чем не писали и не могли писать «Известия» в октябре 1922».

В ней Юрий Алексеевич писал: «Меня всегда поража-

ет всеобъемлющий и разносторонний гений Ленина. Удивительна была способность Владимира Ильича угадывать великое будущее новых, едва оформившихся идей, теорий, направлений технического прогресса. Так было с физикой атомного ядра и подземной газификацией угля, с конвейерной системой производства и развитием радиовещания. Мы по праву гордимся тем, что космонавтика стоит в ряду этих проблем, отмеченных вниманием Ильича».

Ноябрь. «Энциклопедии 5000 года,— писал румынский писатель Джео Богза,— где уже не будет места для многих и многих знаменитостей истории, будут несомненно помещать фотографии Юрия Гагарина...»

8 декабря. Ю. А. Гагарину присвоено воинское звание — полковник.

20 декабря. Юрий Алексеевич назначен заместителем начальника Центра подготовки космонавтов.

26 декабря. Накопилось много писем, не прочитанных, не разобранных. Конвертов от неизвестных адресатов. Возрос поток депутатской почты. Люди ждут ответа, и они его получат. Получил ответ и один рабочий коллектив, обсуждавший неблаговидный проступок своего товарища. Молодой рабочий не радовал коллектив, к делу относился спустя рукава. Его и уговаривали — обещал исправиться, и ругали — клялся, что больше не будет лодырничать. А сам работал все хуже. Терпение рабочих истощилось. Вызвали станочника на товарищеский суд. Что делать с ним? Кто-то предложил выгнать его из коллектива, поставить на этом точку. Тогда поднялся токарь: «Предлагаю отобрать у него фамилию. Позорит он ее!»

Парень побледнел. И не ждал, что услышит такое. Впервые в жизни по-настоящему понял, до чего докатился. Фамилия его была — Гагарин.

Юрий Алексеевич получал так много писем, что только на прочтение их требовалось очень много времени. Но среди потока своей почты он всегда отыскивал письма Гагариных.

Журнал «Молодой коммунист» опубликовал статью Ю. А. Гагарина «Дважды воскресший», в которой он рассказал о подвиге летчика-испытателя Георгия Мосолова. «В каждом виде человеческой деятельности, а значит, в каждой профессии и в жизни каждого человека,—

писал он,— бывает высота, которую могут назвать подвигом. Человек, победивший эту высоту, становится героем».

1964 год

Август. Подготовка к новому полету в космическое пространство идет полным ходом. Юрий Алексеевич неотлучно находится с экипажем, помогает. Ведь полет сложный, трудный, непривычный...

Накануне С. П. Королев говорил: «Полет Гагарина — первая серьезная проба, полет Титова — глубокая проба, полет Николаева и Поповича — еще один шаг вперед. Полет Быковского и Терешковой — новый шаг вперед не только по длительности, но и по научно-техническим задачам... Полет женщины в космос свидетельствует не только о мужестве человека, но и о высокой технике. Теперь совершенно ясно: подготовка космонавтов является проблемой решенной. Мы можем готовить космонавтов столько, сколько нужно...»

7 сентября. Юрий Гагарин работает над предложениями по космическому праву. За годы, прошедшие после запуска первого искусственного спутника Земли, полеты в космическое пространство стали планомерными. Появилась необходимость в заключении соглашения о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела.

Советский Союз примет активное участие в создании целого кодекса о космосе, внесет предложения по соглашению о спасании космонавтов, об ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами, и другие.

12 октября. Начался полет орбитального космического корабля «Восход». Как всегда, Гагарин на Байконуре.

13 октября. На митинге, посвященном этому полету, Юрий Алексеевич произнес речь:

«Понимаем ли мы сегодня, что подошло время практического осуществления фантастических проектов, создания внеземных научных станций, обсерваторий, космических путешествий человека к Луне, Венере, Марсу и другим планетам Солнечной системы. Все мы испытатели, каждому предстоит в чем-то быть первым. Новый корабль, новое оборудование, новая программа исследований... Каждый проводит свою «пробу», каждый что-то

делает первый раз. Делает не ради славы, не гонимый ветрами романтики. Делает ради дела».

16 ноября. Обобщая итоги года по исследованию космического пространства, Юрий Алексеевич Гагарин записал в своей рабочей тетради:

«Романтики в профессии космонавта с избытком. Но теперь все уже знают, что дорога в космос не усыпана розами. И те, кто пошел по этой дороге,— не фанатики, не роботы, не винтики и колесики космического механизма, это упорные, смелые люди. В каждом из них есть что-то свое, неповторимое».

1965 год

Январь. Мысль о новом космическом полете прочно и окончательно пленила его, нужно летать...

4 января. Юрий Гагарин вместе с Валентиной Ивановной выехали в Саратов на традиционную встречу выпускников техникума. Техникуму исполнялось 25 лет.

5 января. Саратовцы радушно встретили космонавта и предложили «плотную» программу его пребывания в городе. Юрия Алексеевича несколько обескуражила такая насыщенность мероприятиями. Но сопротивляться не стал, отхлопотал для себя лишь несколько вольностей: походить по набережной Волги, побывать на Мичуринской улице, в доме, в котором некогда жил в общежитии.

Посетив техникум, Юрий Алексеевич встретился с бывшими однокурсниками, преподавателями. Узнав о болезни Николая Ивановича Москвина — учителя физики,— Юрий Алексеевич послал ему записку: «Дорогой Николай Иванович! Сердечное спасибо Вам за науку и знания. Все мы гордимся тем, что прочные, хорошие знания получили именно от Вас».

6 июля. По просьбе одного журнала Юрий Гагарин готовит статью. Собрал необходимый материал, составил план, сделал некоторые наброски. Вот строки из этих записей:

«К. Э. Циолковский в своих трудах стремился увидеть близкое и далекое космонавтики. Определив выход человечества в космос с помощью ракеты, он доказал жизненную необходимость освоения космического пространства. Земля, писал он, колыбель разума, но нельзя вечно жить в колыбели. Более того, Земля — лишь одна из

планет, где возможна жизнь. Выход в космос — материальная основа воспроизводства будущего человечества. Сейчас люди слабы, а через миллионы лет их могущество настолько увеличится, что люди изменят не только поверхность Земли, но и ее океаны, атмосферу, растения и самих себя. Люди научатся управлять климатом, они будут распоряжаться в пределах Солнечной системы, как на самой Земле. В поисках света и пространства отправятся за пределы Солнечной системы, достигнут иных Солнц и воспользуются их энергией взамен своего угасающего светила. Люди также воспользуются и материалами планет и астероидов, чтобы строить там свои внеземные сооружения. В случае охлаждения Земли люди будущего, спасая свою колыбель, отбуксируют родную планету на другую орбиту — поближе к Солнцу, или же силой реактивных двигателей переведут ее в другую Галактику. Логическим завершением освоения космоса К. Э. Циолковский считал возможность бесконечного развития, бессмертия человеческого рода. Великий гуманист, оптимистически видевший будущее, выдвигал при этом одно непременное условие, необходимое для осуществления грандиозных планов,— космос должен быть ареной мира, местом содружества людей. В противном случае — гибель, всеобщий крах.

Минувшие годы развития космонавтики показали, что многое из того, что предсказывал великий ученый, уже осуществилось или переходит от фантазии к вполне реальным расчетам и проектам, а остальное ждет своего осуществления».

Сентябрь. Состоялся партийный актив Центра подготовки космонавтов. Обсудили задачи коммунистов Центра в свете решений сентябрьского Пленума ЦК КПСС. В прениях выступил Юрий Гагарин. Он говорил о более эффективном использовании тренажной аппаратуры, создании новой, расширенной материально-технической базы Центра, широком введении в систему тренировок счетно-решающих машин.

Декабрь. Выступил с речью на VIII пленуме ЦК ВЛКСМ, на котором рассматривался вопрос улучшения военно-патриотического воспитания советской молодежи. Юрий Алексеевич говорил о бережном отношении к геройке прошлого, усилении внимания к участникам войны, расширении тематики публикаций о нравственной красоте человека.

5 января. С. П. Королев, почувствовав недомогание, по настоянию врачей лег в больницу. Прощаясь с товарищами, он шутил: «Агрегатики подызносились, кое-что заменим и тут же вернусь».

10 января. Гагарин приехал в больницу к Королеву. Сергей Павлович, обрадованный приездом Юрия, был весел, много шутил, говорил о будущих планах и о том, что он не на излечении здесь, а на профилактике.

Там, в больнице, Королев завершал работу над статьей «Шаги в будущее», последней в своей жизни. Статья вышла уже без него, за его подлинной фамилией. Впервые за много лет. Обладая неистребимым энтузиазмом, глубоко веря в безграничные возможности космонавтики, он писал: «То, что казалось необычным на протяжении веков, что еще вчера было лишь дерзновенной мечтой, сегодня становится реальной задачей, а завтра — свершением.

Нет преград человеческой мысли!»

14 января. Сергей Павлович умер. Не стало Главного конструктора ракетно-космических систем, дважды Героя Социалистического Труда, академика, первым воплотившего практически дерзновенные мечты великого Циолковского.

18 января. Ю. А. Гагарин проводил в последний путь своего великого наставника.

25 января. Отвечая на вопросы корреспондента «Известий», Юрий Алексеевич сказал: «Пишется много статей и очерков о космических полетах. И пишут все обо мне. Читаешь такой материал, и неудобно становится. Неудобно потому, что я выгляжу каким-то сверхидеальным человеком. Все у меня обязательно хорошо получалось. А у меня, как и у других людей, много ошибок».

Строгость к себе, непримиримость к своим недостаткам — заметная черта в жизни Гагарина.

Март. Юрия Гагарина избрали делегатом XXIII съезда КПСС, участвовал в его работе. Избран в президиум съезда. Делегатами съезда были также Герман Титов, Андриян Николаев, Павел Попович, Валерий Быковский, Валентина Николаева-Терешкова, Владимир Комаров, Павел Беляев, Алексей Леонов.

Апрель. В Центре подготовки космонавтов состоялся партийный актив, обсудивший итоги работы XXIII съез-

да КПСС. С обстоятельным докладом выступил на нем Юрий Алексеевич Гагарин. Он говорил о расширении программы подготовки космонавтов, о качественном обслуживании новой тренажной аппаратуры, о тех больших задачах космических исследований, которые поставил съезд партии перед наукой.

Юрий Алексеевич написал ряд предисловий к книгам. Представляя книгу Бориса Лукьянова, он писал, что путь космонавта — это не легкое, победное шествие к славе, как, может быть, некоторые думают. Много труда надо положить, много пота пролить, изведать не только радости, но и огорчения, прежде чем разрешат сесть в кабину космического корабля. И не ради славы советские космонавты штурмуют космос. Ими движет беспредельная любовь и преданность Родине, партии, народу, желание помочь советским ученым раскрыть тайны Вселенной...

Июнь. Гагарин приступил к тренировкам по программе полета нового космического корабля «Союз».

1967 год

3 января. Юрий Алексеевич Гагарин утвержден дублером В. М. Комарова — командира нового космического корабля «Союз-1». Начались активные тренировки, которые шли параллельно с доработкой корабля, его проверками, постоянным обновлением бортовых систем, отдельных агрегатов, непрерывным конструктивным обновлением.

И Комаров и Гагарин занимаются по 12—14 часов в сутки. Не желая отставать от доработчиков, космонавты тренировались и по выходным дням.

Основной и дублирующий составы работали слаженно, в полном единодушии.

19 января. На летающей лаборатории ТУ-104 отрабатывали действия в состоянии невесомости.

29 января. В Звездный пришло печальное известие: на земле, в кабине корабля во время тренировки, погибли три американских астронавта — Вирджил Гриссом, Эдвард Уайт и Роджер Чаффи.

В иностранной прессе публикуются версии возможной причины возникновения пожара, в пламени которого сгорели отважные исследователи.

Гриссом первый из планетян трижды побывал в кос-

мосе. Уайт — первым из американских астронавтов, вслед за Алексеем Леоновым, вышел в открытый космос.

Юрий Гагарин послал астронавтам США телеграмму соболезнования.

2 февраля. Готовя новую статью, Юрий Гагарин писал: «С каждым годом советский народ, пионер освоения космоса, будет проникать в него все дальше и глубже. И я верю, что и мне доведется вместе с моими товарищами космонавтами совершить еще не один полет и с каждым разом все выше и дальше от родной Земли».

18 марта. Началась комплексная тренировка экипажей на новом корабле.

30 марта. Специальная комиссия, составленная из высококвалифицированных специалистов, приняла экзамены у экипажей. Высокую готовность к полету показал Юрий Гагарин.

По всем проверяемым дисциплинам, а также по управлению кораблем на тренажере он получает высший балл — 5. Оказавшись во время тренировки в сложнейшей нештатной ситуации, проявил изобретательность и мастерство. В «полете» к тому же вышел из строя важный навигационный прибор — «Глобус». Потеряны власть над кораблем, контроль за его перемещением в пространстве. Беспомощное живое существо во Вселенной? Нет. Гагарин умело применяет полетную карту и секундомер — предметы, которыми не раз пользовался, пилотируя реактивные истребители. Счисление пути восстановлено, а вслед за этим — и ориентировка на «местности». Он мог вести свой корабль с высокой точностью на посадку, что он и сделал...

23 апреля. Старт космического корабля «Союз-1». На орбите Герой Советского Союза летчик-космонавт СССР Владимир Комаров.

Это был его второй старт на околоземную орбиту.

24 апреля. При возвращении на Землю Владимир Михайлович Комаров погиб. ТАСС сообщал:

«После осуществления всех операций, связанных с переходом на режим посадки, корабль благополучно прошел наиболее трудный и ответственный участок торможения в плотных слоях атмосферы и полностью погасил первую космическую скорость.

Однако при открытии основного купола парашюта на семикилометровой высоте, по предварительным данным,

в результате скручивания строп парашюта космический корабль снижался с большой скоростью, что явилось причиной гибели Владимира Михайловича Комарова...»

17 мая. На вопрос журналистов о возможной задержке космических исследований в связи с гибелью корабля «Союз» Гагарин ответил: «Полеты в космос остановить нельзя. Это не занятие одного какого-то человека или даже группы людей».

Возвращаясь к памяти своего друга, он сказал: «Комаров... показал нам, как крута дорога в космос. Его полет и его гибель учат нас мужеству...

Мы думаем о времени новых стартов. О новых полетах на новых кораблях. Мы научим летать «Союз». В этом вижу я наш долг, долг друзей перед памятью Володи. Это отличный, умный корабль. Он будет летать... Мы сядем в кабины новых кораблей и выйдем на новые орбиты».

Июль. Вылетел в город Комсомольск-на-Амуре, чтобы принять участие в работе Всесоюзного слета молодых передовиков производства. На слете выступил с речью.

«Время от времени,— говорил Юрий Алексеевич,— приходится и теперь еще сталкиваться с так называемой теорией дегероизации, с теми, кто считает, что вроде бы миновали времена героики трудовых будней.

Очевидно, люди, которые рассуждают так, неправильно понимают, что такое героизм, что такое героика. Они считают, что героизм — это какой-то порыв, момент, когда человек выкладывает все свои силы.

По-моему, героизм — совершенно другое. Это повседневный творческий труд, когда человек и не думает, что совершает подвиг. Разве думали первые люди, когда пришли на строительство Комсомольска, что они станут героями, что о них будут говорить в течение многих десятилетий, что их свершения будут расцениваться нашим народом как героический подвиг?

Разве думали наши космонавты, что они получат Звезду Героя Советского Союза?

Смею вас заверить, об этом никто не думал. Для нас это был труд, работа, большая и серьезная».

13 июля. По приглашению М. А. Шолохова Ю. А. Гагарин вместе с группой молодых писателей выехал в Вешенскую. Здесь состоялись дружеские беседы выдающегося писателя и первого летчика-космонавта СССР.

3 декабря. Юрий Алексеевич принимал прозаика Ана-

толия Варфоломеева. В Звездном по воскресеньям не так суетно, особенно в лесу у дома. Было тихо, шел снег.

В коротком пальто, запустив руки в карманы, Гагарин медленно шагал впереди.

— Знаешь,— сказал он вдруг,— немного времени отведено нам на жизнь. Сейчас с удовольствием снова раскрыл бы заветные страницы. Люблю Толстого, Тургенева, Паустовского. Старикой отдает несравненно, но у них — жизнь, а не просто динамика событий. Эх, и мало удается,— на одном выдохе закончил Гагарин,— очень много работы. Я ведь хочу еще разок слетать в космос, ох как хочу!

К новым полетам Юрий готовился тщательно, вновь прошел все контрольные испытания и всего себя целиком отдавал будущему рейсу в космос. Программа подготовки была, как и прежде, сложной и трудоемкой.

Слушать космонавта было необычайно интересно. Судил он обо всем самобытно, без всякого дилетантства, Варфоломеев, спохватившись, полез за авторучкой.

— Писать? — спросил Гагарин.— Не надо. Пожалуйста, не надо. Мы ведь просто так разговариваем.

Перешли на разговор о профессиях, об увлеченности людей.

— Космонавт,— сказал Юрий Алексеевич,— это уже профессия, быть может, и не самая тяжелая из всех существующих, но, бесспорно, требующая большого упорства, выдержки, воли, хладнокровия и мужества, безукоризненного знания целого ряда наук — без всего этого профессия космонавта немыслима.

— Однако наука доказывает, что космонавт — профессия древняя,— пошутил писатель.

— Меня этим не обидишь,— парировал Гагарин.— Я ведь знаю, к чему ты клонишь. Определенно будешь доказывать, что на Земле были пришельцы других миров. Если это так, я охотно уступлю первенство. Но я не уверен, что обитатели иных миров посещали нашу Землю. Скорее всего, человеческая мечта, дерзновенный поиск рождали полуреальные фантазии. Почему-то удивительно много общего у тех, кто прилетел к нам, и у тех, кто жил здесь. Мечты земных людей были реальны, история Файюмского оазиса...

И он стал рассказывать об удивительной тайне африканского континента.

5 декабря. Юрий Алексеевич приехал в родной город, своему земляку Семену Дмитриевичу Казакову он сказал: «Хочу, чтобы Гжатск наш помолодел, чтобы стал чистым, зеленым, цветы по всем улицам. Предприятия новые построить бы, техникумы открыть — молодежи много тогда будет. Прекрасный город может получиться».

1968 год

17 февраля. Юрий Алексеевич защищал в Военно-Воздушной инженерной академии имени профессора Н. Е. Жуковского дипломный проект на актуальную тему.

Государственная экзаменационная комиссия присвоила полковнику Ю. А. Гагарину квалификацию «Летчик-инженер-космонавт».

20 февраля. Завершил работу над статьей «Ступени во Вселенную» для сборника АПН «В 2017 году».

«О том, что ждет человека на Венере, написана уже добрая сотня романов — и все по-разному. Мне не хочется делать сто первой догадки,— писал он.— Я лишь верю в то, что упорством и талантом человек сумеет изменить природные условия Венеры так, чтобы появилась возможность сделать эту загадочную планету обитаемой».

Когда этот сборник увидит свет, **Ю. А. Гагарина** уже не будет в живых.

1 марта. Юрий Алексеевич проснулся рано. Прошел в комнату дочерей, поцеловал их и направился в кабинет. Открыл штору, долго смотрел в окно, на возвышавшиеся над лесом корпуса служебных зданий. Как поднялся, вырос Звездный. Буквально на глазах. Однако заторопился. Предстоял трудный день: Валентина ложилась в больницу, а сам он улетал на космодром.

Собрал книги со стола, расставил на стеллажах. Без книг он не мог жить. Часто писал сам. Преимущественно это были раздумья над прожитым, стремление заглянуть в будущее. Теперь много дней он не сможет сесть за письменный стол.

6 марта. Все отделы и службы космодрома анализируют данные, поступающие со спутника. Идет подготовка к запуску очередных систем.

Наконец-то у него появилось «окно» — свободное время. Уединяется, садится за верстку привезенной с со-

бой книги «Психология и космос», написанной совместно с Владимиром Лебедевым. Это, пожалуй, первая книга, соединившая в себе раздумья космонавта и ученого. Гагарин вчитывается в верстку, сверяет фактический материал, вносит поправки, дополнения.

10 марта. Вылет в Москву! В самолете Юрий Алексеевич садится у борта и почти неотрывно смотрит в иллюминатор. Его мысли устремлены в будущее. Новые пуски дали хорошие результаты. Итоги командировки будут обсуждаться с генералом Н. П. Каманиным, и он внесет свои предложения.

Дома Юрия сегодня не ждали. Пока готовили ужин, Юрий Алексеевич позвонил Валентине. Хотел немедленно поехать к ней в больницу, но она убедила его побыть сегодня с детьми. После ужина читал девочкам книжки, разбирал почту.

Вечером в дневнике Гагарин записал: «Нет у меня сильнее влечения, чем желание летать. Летчик должен летать. Всегда летать».

13 марта. Летный день, на одном из аэродромов ВВС после построения Юрий Алексеевич идет к самолету — двухместный учебно-тренировочный реактивный истребитель, бортовой номер — 18. Короткий тренаж в кабине. Погода благоприятствует, и он летит по кругу, затем совершает полет с инструктором в закрытой кабине.

Сегодняшним днем он как-никак налетал 1 час 52 минуты. Читает в боевом листке: «Гагарин на пути к звездам!» Смеется, подтрунивает над собой. А все же доволен. Перерыв в полетах, кажется, не очень отразился на летной подготовке.

Вечером звонит в больницу Валентине: «Снова летаю!»

17 марта. Празднично одетые Юрий, Лена и Галя сели в машину и поехали к Валентине. Взяли с собой цветы, сладости, фрукты. Юрий рассказал жене новости, и, конечно, зашел разговор о полетах. Валентина одобрила его настойчивость. Она хорошо понимала состояние мужа и знала, что летные тренировки непременно должны предшествовать полетам в космос.

Разве может он не летать!

Возвратились домой к вечеру. Девочки рады были встрече с мамой. Сели за свои дела. А он взялся за дневник. Записал разговор с женой, события, которыми были так богаты все эти дни. Дневник он вел не для памяти.

Схватывал интересные строки, свои размышления, впечатления о новых делах, знакомствах. Не раз пристрастно судил о собственном поведении, давал строгую оценку своим поступкам. Записи, к сожалению, вел непоследовательно, урывками. Частые командировки, зарубежные поездки, служебная занятость не давали возможности ежедневно заполнять дневник.

19 марта. Снова полеты. Опять по кругу, а затем контрольный по маршруту, в пилотажную зону на отработку техники пилотирования.

В ожидании очередного вылета подошел к подполковнику Гришину.

— Как дела, комиссар? — улыбнулся.— У нас прекрасная наглядная агитация на полетах, а все говорите, что нет хорошего художника.

— На полеты, Юрий Алексеевич, берем всегда самое лучшее.

Вечером читал роман Джозефа Хеллера «Уловка-22». Очень смеялся. На листке написал: «Роман превосходный. Ребятам надо почитать. Обязательно. Что у нас? Геннадий Семенихин закончил роман «Космонавты живут на Земле». Хорошо бы перенести его на сцену».

22 марта. Еще один летный день. Гагарин летает с подполковником Александром Устенко, опытным летчиком, много лет испытывавшим самолеты. Ученик полковника Серегина, и очень этим гордится. Зная, что Гагарину скоро будет разрешен самостоятельный полет, особенно придирчиво проверяет его. Однако Юрий Алексеевич отпилотировал безупречно.

23 марта. Гагарин едет к генерал-полковнику авиации Н. П. Каманину.

— Очень высокий темп взяли, Юрий Алексеевич,— говорит генерал.

— На то мы и космонавты, чтобы выдержать перегрузки,— пытался отшутиться Юрий Алексеевич.

— Так-то оно так,— раздумчиво произнес Каманин.

Генерал хорошо знал волю и одержимость Гагарина. Он не собирался отговаривать Юрия от полетов. Окажись на его месте сам, никогда бы не перестал летать. Но темп...

Юрий Алексеевич едет в больницу. Беседует с врачами о самочувствии Валентины. Заезжает к Евгению Анатольевичу Карпову. Гагарин дружит с этим образован-

ным человеком. Ведь все они вместе начинали: и космонавты, и ученые, и медики были тогда первыми.

На сей раз к Евгению Анатольевичу вопрос особый, глубоко личный: как помочь Валентине?

Вечер провел с детьми. Спать лег рано. Завтра снова полеты.

27 марта. В этом весеннем дне не было ничего предостерегающего. Обычное мартовское утро. Ночной морозец сковал землю, затвердил снег, придав ему пепельносерый цвет. Ветер очистил небо, разогнав тучи, и мягкая голубизна, окутывая землю, лилась могучим и бесшумным потоком.

6 часов 10 минут. Юрий Алексеевич подошел к окну, отбросил шторы. Минуту с грустной сосредоточенностью смотрел в окно, сделал несколько движений, давая телу нагрузку, физическое напряжение. Услышав шаги, торопливо лег в кровать, принял небрежно-сонную позу.

В комнату осторожно вошла Лена.

— Я знала, что ты не спишь, папа.

Началась десятиминутная разминка. Лена спрашивала — папа отвечал.

6 часов 30 минут. Юрий Алексеевич завершил обычный комплекс физических упражнений, принял душ, побрился, оделся, прошел в кабинет.

Просматривая почту, писал ответы, сделал наброски рабочего плана на несколько дней. Включил приемник, несколько минут работал под музыку.

Энергичный, собранно-деловой вышел из кабинета, направился на кухню, поцеловал девочек. Поздоровался с Марией Ивановной Калашниковой, сестрой Валентины, сказал: «На завтрак пойду в столовую». Попрощался. Надев шинель, подошел к телефону, позвонил дежурному: «Я на полетах».

Вышел на лестничную площадку, подошел к лифту, увидев движущуюся кабину, крикнул: «Остановите, пожалуйста, на шестом». Лифт остановился.

Увидев подполковника Георгия Добровольского, Юрий Алексеевич весело произнес:

— А, автомобилист Добровольский,— куда так рано спешим?

— В ГАИ, Юрий Алексеевич,— доложил Добровольский.— Сегодня сдаю на водительские права.

— Любишь кататься — сдавай зачеты.— Неистощимый на выдумку, словесный каламбур и дружескую под-

иачку, Гагарии добавил: — Сдавай только по-иастоящему, а не как вчера в гараж въезжал...

— В любом деле нужиа практика,— парировал Добровольский.

Лифт остановился на первом этаже. Секундой раиьше на другом лифте спустились жеиы космоиавтов.

— Красивые у иас жеищины, Жора! — восхищенно сказал им вслед Юрий Алексеевич.— Как изящио идут!

Тамара Волынова обернулась:

— Еще бы, перед такими мальчиками иначе ходить иельзя.

— Привет.

— Привет.

У опушки соснового леса Виталий Жолобов в гордом одииочестве делал физзарядку. Жил ои по особому распорядку.

Неожидаино Юрий Алексеевич остановился.

— Фу ты черт!

— Что случилось?

— Забыл пропуск на аэродром.

Георгий Добровольский заулыбался.

— Ну и что? Вас же все знают, Юрий Алексеевич.

— Ну иет, так иельзя.

Несколько метров ои еще продолжал идти, раздумывая иад случившимся.

— Нет, вернусь. А ты иди, Жора. Да будь осторожеи, автомобиль это тебе ие самолет.

Юрий Алексеевич вошел в летную столовую, весело и ласково поздоровался с заведующей, официантками, сел иа свое место.

Гагарии подиялся в автобус. Офицеры, подчиияясь едииому чувству воинской этики, встали, приветствуя комаидира. Гагарии с каждым поздоровался.

— Все в сборе?

Ои сам проверил присутствующих и распорядился:

— Поехали!

Говорили о полетах, о метеорологической обстаиовке, об автолюбительстве.

В гардеробной «высотки» Юрий Алексеевич облачился в летный костюм, первым направился на медосмотр к врачу И. Чекирде. Увидев Алексея Губарева, спросил:

— Что, Леша, уже пошел на самолет?

— Так точно, товарищ полковник. Сегодня я на ИЛ-14 обеспечиваю ваши полеты, слежу за погодой...

— Хорошо, обеспечивай! Ты только не паникуй, давай погоду такую, какая есть на самом деле.

— Слушаюсь!

Юрий Алексеевич представился доктору.

— Как спали, Юрий Алексеевич?

— Как убитый, почти 9 часов. Судя по всему, и доктор сегодня не страдал бессонницей.

— Не страдал, Юрий Алексеевич,— засмеялся Чекирда, приступая к предполетному медицинскому осмотру Гагарина.

Затем Гагарин прибыл в класс на предполетную подготовку, сел за второй стол среднего ряда. К нему тотчас подошел летчик-инструктор капитан Хмель. Вместе они уточнили задание, условия полетов. Инструктор напутствовал Гагарина на хорошую проверку в полетах с полковником Серегиным.

Юрий Алексеевич с нетерпением ждал сегодняшнего дня, придавая огромное значение своему первому самостоятельному вылету после большого перерыва. У самолета к нему подошел один из летчиков. Офицер давно уже собирался взять у Гагарина автограф. В руках у него была книга «Дорога в космос».

— На память? С удовольствием, но только после самостоятельного вылета,— Юрий Алексеевич возвратил книгу.

Поднявшись по стремянке, Гагарин ловко нырнул ногами в кабину. За ним поднялся полковник Серегин. Стоя на стремянке и оживленно жестикулируя руками, он давал последние наставления проверяемому. Занял свое место позади Гагарина.

Техник самолета поправил на летчиках парашютные ремни, проверил замки катапультного кресла. Перегнувшись через борт кабины, включил бортовое электропитание.

Юрий Алексеевич запустил двигатель, хорошо погонял его на всех рабочих режимах и, получив по радио разрешение выруливать, повел крылатую машину на взлетную полосу.

Через минуту-другую МИГ, пилотируемый Гагариным, стремительно скользнув по бетонке, скрылся в зааэродромной небесной дали, взяв курс в пилотажную зону.

Неожиданно прервалась связь с экипажем...

10 часов 40 минут. Поступила команда: «Всем самолетам, подготовленным к вылету, выключить двигатели».

От того, что и как говорил руководитель полетов, веяло роковым исходом.

Вскоре по громкоговорящей связи объявили: всем летчикам явиться в штаб. Часы показывали 11 часов 09 минут...

В этот час, в эту минуту в небе над совхозом в Носовелово, что под Киржачом, разыгралась трагедия, ставшая печалью всей Земли. И было это так. Бывший школьный учитель совхоза, пенсионер Николай Иванович Шальнов, воспользовавшись весенним покоем мартовского дня, возился по дому с мелким ремонтом. Вдруг до его слуха донесся нестойкий гул самолета. Сломленный звук его то приближался, становясь густым и сильным, то удалялся, сливаясь в равномерное гудение жука. Старик сердцем почуял неладное, задрав голову, поискал взглядом причину. В тот же миг показался выскочивший из облаков истребитель. С самолетом явно творилось что-то неладное, вот-вот он мог врезаться в землю. И не помочь, не остановить беду! Однако самолет вроде бы вновь обрел крылья, даже поднял нос, стремясь опять к высоте, но не справился с этим и с диким ревом, сминая верхушки берез, врезался в лесную чащобу. На всю округу грохнул взрыв.

Спустя несколько минут в кабинет директора совхоза Иванова ворвались люди.

— Самолет упал!

— Где?

— За селом, в лес...

— Бегом, товарищи, за трактором...

Директору уже звонили из Киржача. Но он не знал, что это за самолет и кто был его пилотом.

Над деревней появились вертолеты. Они вели поиск. Район катастрофы вскоре был оцеплен. Началось фото-

графирование, тщательное обследование места падения самолета, его обломков.

Несколько недель ушло на изучение причин катастрофы. В эту работу были вовлечены многие опытные специалисты, лаборатории, институты. Рождались и исчезали версии. Но ни одной из них нельзя было объяснить случившееся...

Именем Юрия Гагарина названы ныне многие города, села, проспекты и площади, улицы и переулки, корабли, совхозы и колхозы. Его имя иосят Военно-Воздушная Краснознаменная академия, пионерские дружины и производственные бригады, Саратовский индустриальный техникум и Люберецкое профессионально-техническое училище...

В честь первого космонавта Вселенной учреждены медали, премии, призы, открыты музеи, мемориальные комнаты, подняты на пьедестал самолеты.

Юрий Гагарин стал олицетворением иовой эпохи, героической профессии, беззаветной преданности делу, своему государству.

Таким его знали люди, таким он останется в памяти благодарных потомков.

Джубан МУЛДАГАЛИЕВ

СТУПЕНИ БАЙКОНУРА

ИЗ ПОЭМЫ

Бывает так в какой-то миг:
Ты встал и — головой высокой
Небес коснулся голубых,
А лег — ступнями ног своих
Уперся в горизонт далекий.

В какой-то миг бывает так,
Что говоришь с цветущим садом.
И, словно в космос
Взмыл сквозь мрак,
Ты ощущаешь, что ни шаг,
И невесомость, и прохладу.

Бывает миг — что благодать:
Устав то охать, то вздыхать,
Забыв про волосы седые,
Ты необъятное объять
Готов, как в годы молодые.

Бывает так порой иной:
Ты видишь только свет дневной,
Ты слышишь смех, а не рыданья.
И ощущаешь вечный зной,
Не чувствуя похолоданья.

Бывает так в какой-то миг,
Что прошлое напоминает:
Твой век не хуже всех других
И не короче всех других.
Бывает. Всякое бывает.

Мечты поэта вдаль рвались,
Простого счастья не приемля.
И сердце устремлялось ввысь,
Чтобы стихами пасть на землю.

То размышления в тиши,
То настроенья перепады.
Нет, нынче не влекли души
Ни степи, ни лесов прохлада.

Стихи поэта недосуг,
Похоже, слушать нынче людям.
Лишь о Гагарине вокруг
Уж сутки говорят и судят.

Всем интересен только он.
Цветы, цветы со всех сторон.
К Гагарину и к Байконуру
Мир вдохновенно обращен.

И, вслушиваясь в гул эфира,
Не в силах Исакул уснуть,
Как будто это им над миром
Сквозь космос был проложен путь.

Как будто в этот день весенний
Герою он — отец и брат,
Как будто фразы поздравлений
К нему трепещуще летят.

На стенах фото: внуки, дети,
Он сам еще в расцвете лет.
А рядом с ним улыбкой светит
Простой гагаринский портрет.

Сюда с газетной он страницы
Откочевал, как на века.
И стал большой земли частицей,
Стал утешеньем старика.

Какую предвкушал беседу
И что старик припомнить смог?
А в это время внук на деда
Глядел через крутой порог.

Глядел с надеждою в глазах:
Ведь совершал он первый шаг.
Через порог упал ребенок,
Не удержавшись на ногах...

Споткнулся о попону он,
Но не заплакал, огорчен.
Во взгляде у внучонка
Гордость —
Самим собой доволен он.

Рванулся было дед к нему,
Да отступился потому,
Что вспомнил:
Малышу по жизни
Шагать придется самому.

Внук встал и сделал шаг.
Один.
Качнулся. Снова шаг один.
Казалось, понимал ребенок,
Что ползанье — не для мужчин.

Дед отступил назад, к стене,
Маня: «Иди, иди ко мне!»
То шлепаясь, то вновь вставая,
Внук рад был этому вполне.

Ходьбы нехитрую науку
Они освоили вдвоем.
Дед, нежно улыбаясь внуку,
При этом думал о своем.

Стать человеком — вот призванье!
Споткнулся?
Распрямись опять,
Чтобы осилить испытанья
И тайны мира разгадать.

И не юли — встречай открыто
Любую весть, любой итог,
Ведь настоящего джигита
Удар судьбы не свалит с ног.

Иди — и завтра, коль не ныне,
Находку обнаружишь вдруг.
Дорога — вот твоя рабыня,
Дни — вот десятки верных слуг.

Ползи, когда навстречу пули,
Ползи, но только лишь вперед...
Ползи — в тебе не потому ли
Буран бушует и ревет.

Пусть пули рядом роют снег,
Дрожать в укрытье — не для всех.
Недвижно ждать судьбы
преступно —
Встает в атаку человек.

Идущий — словно бы крупней,
Бьют по идущему верней.
Но, где бы ни ждала победа,
Атака приводила к ней.

«В атаку!»
И в неровном гуле
Мы шли вперед за рядом ряд.
А тот, кого срезали пули,
Бросал вокруг последний взгляд.

Я веку жизни на коленях
Лишь день — но стоя — предпочту.
Ведь нет прекрасней устремленья,
Чем устремленье в высоту.

«Уж если падать, так с верблюда!» —
Недаром говорит народ.
Приземлены теперь повсюду
Былые символы высот.

Теперь, мол,
Коль уж та дорога

Коснулась запредельных круч,
Как от окна и до порога,
Два шага — от земли до туч.

И в этом времени примета.
И только сокол — он не где-то,
А на вершине вьет гнездо.
Жаль уходить из жизни этой!..

Я вспомнил сокола недаром.
Так поезд за шальную прыть
Мы любим сравнивать с тулпаром[1].
Но с чем же мне «Восток» сравнить?

Прорыв в космические дали.
Но разве высчитаем мы,
Какие светлые умы
Корабль этот создавали?

Увы, не только жизнь героя
И срывов, и удач полна.
Корабль...
Приручить порою
Непросто даже скакуна.

Он, норовистый и строптивый,
Не хочет сдаться без борьбы:
То вдруг седло собьется к гриве,
То сам взовьется на дыбы...

Внучонок потянулся к деду,
Он на руках у старика,
Засунул в рот себе конфету —
И вспухла детская щека.

Потом за бороду до боли
Стал дергать старого рукой.
И усмехался тот, доволен:
— Гляди, отчаянный какой!

Гляди, какой проворный парень —
Наставшим временам под стать.

---

[1] Крылатый конь.

Эх, если бы джигит Гагарин
Зашел с внучонка путы снять! [1]

Задирист мальчуган по духу,
В нем степняков гуляет кровь! —
Старик вздохнул, погладил внука
И в думы погрузился вновь.

Сказал:
— Недавняя судьба
Нас не ласкала и не грела.
Конь да скрипучая арба
Казались нам мечты пределом...

Но, Исаке, постой: едва
Ты эти произнес слова,
Как сам уже готов поэту
На речь свою вручить права.

Все так. Недавняя судьба.
И в революции участье.
Мы, как соленый пот
Со лба,
Смахнули прочь следы напастей.

Но неспроста, нет, неспроста,
Пройдя сквозь тело и сквозь кости,
И темнота, и нищета
Сидели в нас, как будто гвозди.

И мы не зря, нет, мы не зря,
Дыша раскрепощенной новью,
В призывном свете Октября
Их выдирали с мясом, с кровью.

Октябрь с народа томагу [2]
Снял — и открылось поднебесье.

---

[1] Старинный казахский обряд, по которому ноги только что начавшего ходить ребенка обременяли легкими путами, чтобы их снял отважный человек: малыш, мол, с годами станет таким же смелым и сильным.

[2] Кожаный колпачок, надеваемый на голову беркута.

Октябрь путы на скаку
Сумел сорвать с казахской песни.

Я троны сокрушил, народ,
Чтоб сам ты царствовал, сказал он.
Я посадил сады — и вот
Ты сам в них трудишься, сказал он.

Ты сам мираб[1],
Где в забытьи
Журчат степные воды нежно.
Да вырастут леса твои,
Да сбудутся твои надежды!

Сам выбирай свои пути,
Люби и радуйся, сказал он.
Спеши познать,
Спеши пройти,
Спеши других увлечь, сказал он.

Да, Исакул, Октябрь наш,
Хоть ты в учебе видел муки,
Дал и тетрадь, и карандаш
Тебе в мозолистые руки.

Пиши в ночи,
А вспыхнет день
(Тогда рабочих не хватало),
Клади тетрадь, бери кетмень,
Веди Турксиб за перевалы.

А вновь нахлынет темнота —
Ты вновь над азбукой с друзьями,
Ты, как малыш, тянул:
«А-та!» —
Растрескавшимися губами.

Те буквы потруднее шпал
Давались вам.
Но в зной и стужу,
Огромный, злой и неуклюжий,
Ты свой ликбез одолевал.

[1] Человек, ведавший отпуском воды в арыки.

Лишь десять месяцев прошло,
А перемен вокруг так много:
Из края в край в степи светло,
Из края в край идет дорога.

Из края в край открыта даль.
А вместо прежних робких вздохов
Звучит:
«Моя ты, магистраль!
Моя ты, дерзкая эпоха!»

Того, чей зад не знал арбы,
Кто и аллаха не боялся,
И «черный конь»,
И «сокол красный»[1]
Уносят к новым дням судьбы.

Письмо познали миллионы,
На стройки встали миллионы.
Так эпохальный поворот
Степь совершила просветленно.

Так вместе двинулись вперед
Хозяйство, мудрость и культура.
Так лишь наметился подход —
Подход к ступеням Байконура.

Он был нелегок и непрост.
Но ты во имя этой цели
Ходил в атаки в полный рост —
И вражьи души цепенели.

Тогда —
Всех стран и всех племен —
Погибло много Исакулов.
Идут дорогою времен
Сыны тех самых Исакулов.

Хоть мы недавнюю судьбу
Припомнили, как будто детство,
В морщинки у себя на лбу
Порой нам некогда вглядеться.

---

[1] «Черным конем» казахи называли поезд, а «красным соколом» — аэроплан.

А то б мы прочитали в иих,
Что счастья наступили сроки,
День счастья — словно краткий миг,
День горя — словно год жестокий.

Но дни считают от тоски,
Считавшим кирпичи да шпалы
Все было недосуг, усталым,
Взглянуть иам иа свои виски.

Поверить трудно, Исаке,
Что станут горы слоем пыли.
Узнать нам трудно, Исаке,
Тех девушек, что мы любили.

У многих внуки полнят дом,
И жизнь их стала райским садом.
Других разыщем мы потом —
Лишь не ушли бы дальше ада.

Все так. Недавняя судьба.
И мы с тобой ее частицы.
Как караваиная тропа,
Все длится наша жизнь и длится.

Восходят новые умы,
Дела свершаются на свете.
«Гагарин!» — произносим мы,
Желая взлета нашим детям.

В чем суть ракеты?
Только в том,
Чтоб беззаветно и открыто
Сгореть в простраистве мировом,
Корабль направив иа орбиту?

Ракеты суть —
Не во плоти,
А в скорости, подобной свету.
Что проку в старческом пути —
Мне превратиться бы в ракету.

Мие далью стать бы, высотой.
Пусть все мы обретем бесстрашье,

Пусть стройностью и красотой
Полет
Сердца наполнит наши!

От главных дел не в стороне,
Сгорая, мы стремились в дали.
Мы, словно топливо, стране
Космическую скорость дали.

И наша степь, в сады одета,
Вбирает времени приметы,
Под вечер провожая день,
Чтоб встретить вновь его
с рассветом.

Да, пробудившись ранней ранью,
Предался ты воспоминаньям.
Так вот что, Исакул, в тот день
Тревожило твое сознанье!

Дожди. Морозы. Снегопады.
Со старым нынешнее рядом.
Твои соседи и родня
Беседе этой были рады.

Куда взошла ее тропа?
Что в слове открывалось глазу?
Ты все у одного столба
Кружил, что конь у коновязи.

Наш Байконур
Был тем столбом.
И ветерок иным казался,
И пах простор не по-казахски
В любом другом краю. В любом.

И неспроста с любой тропинки
Сюда ты возвращался в срок,
Как тот скакун, что ни травинки
Здесь из-под снега не извлек.

Степь!
Нынче время приказало
Ей стать космическим вокзалом

И стартовой площадкой.
Что ж!
Все верно — сделано немало.

Пока звучат в эфире песни
И за вестями мчатся вести,
Уходит память в старину,
Где с честью сплетено бесчестье.

Вразрез с хорошим настроеньем
Вдруг всплыло мрачное виденье,
Как будто некто в дом вошел,
Не постучав, без разрешенья.

Как будто некто пир великий
Нарушил похоронным вскриком.
Как будто с возгласом «ойбай!»
Явился некто — погляди-ка.

«Я дед Коркут! — смущая слух,
Сказал он голосом кобыза.—
Меня былое, как паук,
Душило и тянуло книзу.

Ползком я отправлялся в путь,
Ползком я приходил к порогу.
Не мог я спину разогнуть,
Иную отыскать дорогу.

Тот, кто для счастья был рожден,
Жил в нищете, теряя силы,
А кто был для любви рожден,
Тот жил всего лишь для могилы.

Кто мог взлететь?
И где она —
Для соколиных крыл дорога?
Поэтов гасли имена
Не дальше отчего порога.

И замирал младенцев смех,
Как от губительной болезни.
И скорбь была в сердцах у всех,
Скорбь, а не солнечные песни.

Я ие считал летящих лет:
Сто лет я или двести лет,
Как одинокий внук курая,
Собой тревожу белый свет?

Как по воде сухой тростиик,
Я плыл и плыл за мигом миг.
Судьба надежду мне вручила,
Отияв надежды у других.

Я шел, одних кукушек видя,
Шел не по этим лишь местам.
Я шел, полынь одну лишь видя,
Брел по степи и тут и там.
Я шел, всего лишь небо видя.
Неужто я, создатель мой,
Шел, только росы летом видя,
Шел, лишь сиега зимою видя,
Так, словио был полуслепой?

Сон не был для меия желанным.
Печали в сердце затая,
Я мир земли обетованиой
Искал на вериом Желмая[1].

Встречал иссохшие озера —
Как будто впрямь глаза мои,
И выгоревшие просторы —
Как щеки серые мои.

И родники, что закипали,
Как будто в жилах кровь моя.
И те овраги, что петляли
Пустые, как душа моя.

И горы, что слегка осели,
Как сам я телом за года.
И те сады, что поредели,
Как старческая борода.

И понял я, что Жеруюк[2] —
Одна мечта, пустой лишь звук.

[1] Легендарный крылатый верблюд.
[2] Земля обетованная.

Жизнь голодала.
Смерть бессонно
Вершила сытый пир вокруг.

Могилы рыла: мол, не тут,
Так рядом лечь тебе, Коркут.
Стенали надо мной молитвы,
Хоть был пока что жив Коркут.

Пал по дороге Желмая.
Пешком в родимые края,
Чтоб жить и умереть в печали,
Вернулся без надежды я.

Там в стонах горьких и глухих
И мой кобыз из мига в миг
Рыдал, мечтая о высотах,
Которых сам я не достиг.

Бороться?
Но кому я мог
Стать утешением в страданьях?
За песни выдавал я вздох
И за мелодию — рыданья.

Живи хоть сто,
Хоть тыщу лет,
Нигде на свете правды нет.
Мне люди с жалостью внимали
И с жалостью глядели вслед.

Для поколений для иных
Теперь я — как пример бессилья.
«Как мел, ты бел и слаб, старик!» —
В лицо свистят мне ваши крылья...»

Черкнув бородкой по земле,
Исчез Коркут — герой преданий.
Исчез в минувшем, как во мгле
Безрадостных воспоминаний.

Что ж, Исакул, ты приуныл
От прозвучавших откровений?
Бродивший по простору гений
И счастья был лишен, и сил.

Здесь много лет тому назад
Об этом думали и спорили.
В степи спасибо говорят
Коркуту и его истории.

Кто остановит бег минут?
Но в дерзостное время наше
Ты, Исакул, и дед Коркут —
Одних весов две разных чаши.

Да, годы долгие подряд
Здесь о Коркуте говорили.
О нем поныне говорят,
Степные воскрешая были.

Пойдем-ка, Исакул, гулять.
И пусть вокруг простор весенний
Сегодня выглядит под стать
Твоим словам и настроенью.

Хоть луг апрельский не просох,
Нет на равнине грязи грубой.
Смотри, целует ветерок
Тюльпанов сомкнутые губы.

Целует.
Ну, а мы с тобой
Вдыхаем аромат на пару.
Насытясь сочною травой,
Бредут задумчиво отары.

И, как сквозь темное стекло,
На солнце мы глядим сквозь тучи.
Пригладь усы, вздохни тепло,
Припомни вдруг забавный случай.

Давай на Байконур зайдем.
Ввел словно заново меня ты
В наш край байги,
В наш край крылатый,
В наш край, где дремлет
космодром.

А там на скалы поднялись
Не сказочные великаны —
Ракетами в немую высь —
Глядятся трубы Джезказгана.

Хлеба. Несметные стада.
И снова, снова высота,
Где пирамидою Хеопса
Твой уголек, Караганда!

Наш Байконур!
Им в забытьи
Волна Арала дышит хмуро.
В прозрачных струях Сырдарьи
Живет дыханье Байконура.

Где солнцем травы сожжены,
Где сам Коркут бродил нелепо,
Наш Байконур — ладонь страны,
С которой мы взмываем к небу.

Как на байге ретивый конь,
И сам он скачет полем чистым.
Наш Байконур — сердец огонь,
Наш Байконур — полет Отчизны.

С чем можно было бы сравнить
Родную степь в потоках света?!
С чем можно было бы сравнить
И жизнь мою, и время это?!

Перевод с казахского
Владимира САВЕЛЬЕВА.

Геннадий СЕМЕНИХИН

КОСМОНАВТЫ ЖИВУТ НА ЗЕМЛЕ

ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА

За недолгие дии своей первой запоздалой любви Алексей убедился, что Лидня всегда стеснялась и красиела, если ои заставал ее за какой-лнбо домашией работой. Оиа иемедленно убегала в другую комиату, чтобы поскорее прнвести себя в порядок. Через минуты две-три выходила к иему, уже поправив прическу, иногда даже успевала переодеться. Сегодня Лидня его никак не ожндала и выбежала на звонок в стареньком выцветшем халатике и клеенчатом фартуке. На ее покрасневших, иатруженных руках пузырилась мыльиая пена. Дверь иа кухню была открыта, н Алексей увидел цииковое корыто, а на табуретке — стопку мокрых Наташкиных трусннков и маек. Лндня смущенно отступила в глубь корндора.

— Алеша?! — произнесла она удивленно.— Но ведь ты же сегодня не собнрался приходнть?

— Где Наташка? — спросил он с преувеличенной веселостью.

— Давно спит. Десять вечера же...

— А я вот ей конфеты прниес,— вздохнул Алексей н посмотрел на красную коробку, которую держал в руках.

— Только ей? — улыбчиво спросила Лндня.

— Нет. И тебе, конечно. Я же теперь знаю, какая ты сладкоежка.

Она спнной плотно прнжалась к давно не беленной стеие, словно вросла в нее. Сохли капельки влагн на ее руках. Она протянула их Алексею н посмотрела на него

каким-то пугливым, незнакомым ему взглядом Синие ее глаза наполнились тревогой и печалью. Оии говорили больше, чем тот вопрос, который она задала ему следом:

— Ты уезжаешь?

Алексей удивлению отступил.

— Откуда ты взяла? Кто тебе сказал?

— Никто,— призналась Лидия тихо,— но как только ты переступил порог, я сразу поияла: ты пришел проститься.

— Ничего особенного, Лидочка,— пробормотал Алексей,— я совсем ненадолго.

Он мучительно подыскивал слова, которыми можно было все ей объяснить, и не находил. Он уже понял, что оиа, привыкшая в жизни к потерям, тонко и точию угадывает его состояиие.

— Я вернусь,— сказал он,— и вот увидишь, что скоро. Только я точно ие могу назвать дня.

— Не надо. Я знаю, что ты вернешься,— она шагнула ближе, прижалась к иему. Холодные руки сомкиулись за его шеей. Глаза были вопросительными и странно тревожными, будто Лидия хотела что-то вспомнить и ие могла.

— Кто ты, Алеша? — спросила она холодными губами.— Ну почему я о тебе ничего не знаю? Чем ты будешь заииматься, когда отсюда уедешь? Скажи хоть немиого, чтобы в разлуке мы с Наташкой меньше за тебя волиовались. Ты опять будешь прыгать с парашютом там, куда едешь?

— Нет,— ответил Горелов и плохо выбритыми губами поцеловал ее в щеку.

— Может, учиться в академии? — спросила она с надеждой и обрадованно заблестевшими глазами. Кто же из женщин ие обрадуется утвердительному ответу на такой вопрос. Ведь для близкого человека, если он носит голубые погоиы, учеба в академии — самый безопасный период жизни. Лидия напряжеиио ждала ответа.

— Нет, и ие учиться,— прозвучал резкий голос Алексея.

— Так что же?

— Буду готовиться к полету.

— К полету? — протяиула она недоверчиво.— Но ведь сейчас, даже в тех случаях, если иадо лететь на Дальиий Восток, летчики готовятся к этому всего иесколько часов.

Они стояли у порога Наташкиной комнаты. Сквозь открытую дверь виднелся синий от лунного сияния квадрат окна и табунок звезд вокруг луны в ночном далеком небе.

— Я должен готовиться к очень далекому полету,— добрым, дрогнувшим от ласки голосом произнес Алексей, как будто он, как маленькой детсадовской девочке, втолковывал Лидии несложную истину и не мог втолковать.— К такому полету готовятся годы. Понимаешь?

— Ничего не понимаю, Алеша,— сконфуженно призналась она.— Что за далекий полет? Куда и зачем?

— Я полечу туда,— сказал он, указывая на синий квадрат окна, заполненный звездами и желтой луной. Она лицом прижалась к его шершавой щеке, стыдящимся шепотом спросила:

— Ты почему не побрился?

— К тебе спешил.

— До утра останешься?

— Да.

— Поцелуй меня в глаза, если останешься, я их закрою.

Потом она открыла глаза и снова спросила:

— Куда ты собираешься лететь?

— Туда,— повторил Алексей упрямо и кивком снова указал на квадрат окна.

— Ничего не понимаю, луна и звезды...

— Первое,— скупо проговорил Горелов.

Она оттолкнулась от него ладонями, пораженная внезапной догадкой.

— Луна? — переспросила она тревожным шепотом.— Ты полетишь к Луне?

— К Луне,— сухо отозвался Алексей.

Тени мчались целыми косяками по ее лицу: тревожные, вопросительные, возбужденно-радостные, горькие. Она еще не верила до конца, она еще надеялась, что он шутит, но сознание ей подсказывало: да! да! Этот парень с добрым, но уже несколько резковатым лицом, парень, ставший ее любимым, говорит всерьез. Глаза ее в упор смотрели на крепкую загорелую шею Алексея и спокойно пульсировавшие на ней мраморные жилки. Потом она подняла их и увидела его лицо, суровое, застывшее от напряжения. И она еще раз подумала, что, когда у человека такое лицо, он не шутит. И все-таки всему наперекор промолвила:

— Алешенька, это ты нарочно. Ну, признайся, скажи.

— Нет,— ответил он с грустной улыбкой,— это так и есть.

— Значит, ты космонавт?

— Можешь даже считать меня лунатиком,— засмеялся он.

Лидия вдруг опустила руки, с горечью воскликнула:

— Ой, что же я наделала!

Ему подумалось, что она уронила какую-то дорогую вещь, за сохранность которой очень беспокоилась. Он даже посмотрел на пол, отыскивая место ее падения. Но пол был чистым, а Лидия повторила:

— Ой, что мы с тобой натворили, Алешка!

— Успокойся,— остановил он,— кажется, все цело.

— Глупый,— зашептала Лидия,— если бы моя жизнь оставалась такой же, как до встречи с тобой!

— Что ты хочешь этим сказать?

— Если бы я знала, что ты космонавт, я бы ни за что так не поступила.

— Вот как! — горько усмехнулся Горелов.— А я думал, ты меня по-настоящему любишь!

— Глупый! Неужели ты можешь сомневаться в этом?

— Кажется, нет.

— Но то, что ты космонавт, все меняет.

— Почему же, Лида?

Она нервно засмеялась:

— А ты подумай. Когда ты станешь известным, тебя начнут преследовать тысячи женщин и девушек: русских, американских, африканских, беленьких, голубеньких, черненьких. А что я рядом с тобой? Не совсем состарившаяся вдовушка, да?

Алексей прижал ее к себе.

— О да! О да! — передразнил он.— До чего же вы проницательны, моя милая. После полета я тотчас же уеду в одно из очередных заграничных турне и женюсь на беленькой миллионерше. Ты возражаешь? Согласен, согласен — не надо потакать империализму. Советский летчик-космонавт Алексей Горелов не имеет права жениться на беленькой миллионерше. Нет, я лучше женюсь на черной мулатке из Алабамы. Опять не так? Ну на чилийской танцовщице. Тоже не согласна? Так чего же вы хотите, моя дорогая? Чтобы я предпочел вас? Хоро-

шо. Уж так и быть. Алексей Горелов становится одим коленом на только что вымытый вами пол и просит вашей руки.

— Перестань,— засмеялась Лидия и повисла у иего иа шее,— глупый, любимый, перестань!

Ее ухо, мягкое и теплое, щекотало ему губы, и он, поцеловав розовую мочку, зашептал:

— Чудачка! Для чего мне беленькая миллионерша, голубенькие и черненькие? Ты у меня была и будешь одна. Понимаешь? Хочешь, я завтра всем объявлю, что ты моя жена?

— Ни в коем случае,— возразила Лидия,— я не хочу тебя сейчас ни в чем сковывать... Вот когда вернешься из полета и обрушится на тебя слава, сам решишь, стоит иа мне жениться или нет.

— А если я...— иачал было Алексей, ио она не дала договорить, ладонью закрыла ему рот.

— Нет! Никогда ие произноси этого слова. Я зиаю, что эта желтая глыба ие отнимет тебя у меня.— И Лидия погрозила кулаком диску луны, видневшемуся в раскрытом окне.

В подмосковном городке космонавтов прилетевшего из Степиовска Алексея Горелова поразила иеобычная тишииа. Зыбкий зиойный воздух пропитан едва уловимым запахом сосеи и елей. На асфальтированных дорожках у магазина и профилактория — ни человека. Время летиих отпусков опустошило миогие квартнры. Обычно здесь обитали прославлеииые космоиавты и те, кому еще предстояло лететь в космос.

Давно ие видавшее хозяиив жилье встретнло Алексея душным пыльным застоем. Он разделся и в одних трусах долго и старательио иаводил порядок: протирал подоконники, стекла книжного шкафа, выбивал пыль из занавесей. Затем, приияв душ и выбрнвшнсь, направился к руководству.

Коридор с цементным полом хранил прохладную тишину. Почти все лаборатории были опечатаны. Полковиик Иванников и майор Кольский уехали с утра по каким-то хозяйствеиным иадобностям, а генерал Мочалов уже третьи сутки иаходится иа космодроме и возвратится лишь к исходу следующего дня. Об этом Горелову сообщил дежуривший капитаи Фролов, тот самый долговязый Федя, без которого ие обходилась ни одна тренировка в термокамере. Видимо, ои уже кое-что знал о

ближайшем будущем Горелова и был с ним предупредителен и разговорчив.

— Вы подзагорели, Алексей Павлович. Да и возмужали как!

— Хотите сказать — постарел? — усмехнулся Горелов.

— Что вы, что вы! Мне бы вашу старость. Именно возмужали. Ни дать ни взять — настоящий космонавт. Генерала Мочалова нет, но вам он оставил распоряжение. Вот здесь в дежурном журнале у меня записано...— Под крепкими Федиными пальцами зашелестели переворачиваемые страницы, и он прочел: — «Капитану Горелову А. П. передать, чтобы по прибытии немедленно позвонил по телефону...» Знаете кому?

— Знаю, знаю,— перебил Горелов, увидавший номер телефона.— Станиславу Леонидовичу из генеральского кабинета позвоню.

Он зашел в пустой вместительный кабинет Мочалова, с жадным любопытством огляделся по сторонам. Все как было. Два стола под зеленым сукном, составленные буквой Т. На стенах портреты первых космонавтов, массивный чернильный прибор из белого мрамора на письменном столе, а рядом бронзовая моделька космического корабля. Все и не все. Большой глобус Луны теперь тоже был водворен на письменный стол. Горелов, волнуясь, прочел над пестрым лунным рельефом знакомые названия: Океан Бурь, Море Спокойствия. Над большими кратерами появились мелкие цифры. Очевидно, часто за последние дни обращался генерал к этому глобусу.

Алексей снял трубку белого телефона, набрал номер и тотчас услышал знакомый бас:

— О! Алексей Павлович! Здравствуйте, дорогой скиталец. Ну и легки же вы на помине. Теперь ни одного дня не обходится без того, чтобы мы вашей фамилии не произносили. Сейчас в моем кабинете целый консилиум идет. Ваш персональный скафандр усовершенствуем. Вы из городка звоните? Берите немедленно машину и отправляйтесь, милейший, ко мне. Нет, не сюда, а прямехонько на московскую квартиру.

Горелов повесил трубку и вышел к дежурному.

— Вот какое дело, Федя. Без полковника Иванникова машину до Москвы мы добыть сможем?

— О-ля-ля! — присвистнул Фролов.— Да разве вы ничего не знаете? Есть распоряжение закрепить за вами

и за майором Костровым персональные машины. Номер вашей «Волги» 16-13.

— Смотри ты, какая электронная память!

— Так ведь тринадцать на конце. Чертова дюжина. Не боитесь?

— Ерунда,— засмеялся Алексей.— Для меня тринадцать — самое любимое число. Я, мой милый, обитаю в квартире под номером тринадцать, на самолете реактивном первый раз в жизни тринадцатого вылетал.

— Вот будет работы журналистам, когда об этом узнают,— предположил Федя,— особенно Рогову.

— Рогов такими мелочами не интересуется,— не согласился Горелов.

По первому же звонку к подъезду примчалась черная «Волга». Выскочил из машины черноглазый шофер с узким смуглым лицом и лихо стукнул каблуками кирзовых сапог:

— Товарищ капитан, прибыл в ваше распоряжение.

— Зови меня просто Алексеем Павловичем.

— Есть, звать Алексеем Павловичем,— вращая большими белками, ответил он лихо.

— А тебя как?

— Вано зовите, товарищ капитан... виноват, Алексей Павлович. Я из Зестафони...

«Волга» помчалась по широкой асфальтированной дороге, оставляя позади подмосковные леса и затерявшийся в них городок космонавтов. Вано включил радиоприемник, и вальс Штрауса наполнил кабину. Откинувшись на мягкую спинку сиденья, Алексей думал, что, раз окружают таким вниманием, значит, сроки полета приблизились и не за горами старт. А может, она уже и началась, предстартовая горячка, та, которая звено за звеном охватывает весь огромный аппарат, связанный с запуском небольшого экипажа, а то и одного человека.

Серая лента шоссе разворачивалась впереди, приближая панораму столичного пригорода. Горелов вспомнил вдруг о Лидии Степановне. Еще и суток не прошло после расставания, а уже тоскует он по ее голосу, по ее синим преданным глазам.

«Волга» въехала на московскую улицу. Того, кто хоть ненадолго покидал столицу, всегда волнует радость возвращения. У Алексея ее удваивало сознание близкой разлуки. Минут недели — и он уйдет в заветный полет, оста-

вив все свои привязанности на земле. А любовь к Москве — одна из этих привязанностей. Ему, парню из тихого Верхневолжска, выросшему на берегах раздольной Волги, Москва давно сделалась родной и необходимой. Он грустил, если неделю-другую не удавалось побродить по ее улицам и площадям, прокатиться в метро, побывать в театре или на одной из художественных выставок. Взгляд отыскивал сейчас перемены. Месяц назад, когда он уезжал в Степновск, вот здесь, на окраинной улице, еще были строительные краны. А теперь вырос целый городок светло-голубых, цвета морской волны зданий. В квартирах окна уже занавешены — появились новоселы. А вот новенькое кафе с декоративными орнаментами, все из стекла и железобетона. Его тоже не было.

«Волга» пересекла центр и выехала на Ленинский проспект. Горелов легко отыскал в новом районе восьмиэтажный дом, остановил машину у подъезда с аркой. Сказал водителю:

— Жди меня до победного конца, друг Ваня.

На четвертом этаже ему открыла дверь миловидная темноглазая женщина. Была она в легком темно-коричневом платье, в руке держала портфель.

— Здравствуйте, Алексей Павлович,— обратилась она к нему приветливо, как к давнему знакомому.— По всем описаниям вы и есть тот самый Горелов, ради которого я должна задержаться на полчаса?

— Станислав Леонидович точен в своих портретных характеристиках,— улыбнулся Алексей.

— Зато он не слишком точен в своих поступках. Назначил вам встречу на час дня, а две минуты назад позвонил и торжественно известил, что задержится еще на двадцать минут.

— О, не судите его так строго,— заступился Горелов,— он у вас такой занятой...

Темные глаза женщины сузились:

— Смотрите! А я и не предполагала, что у моего мужа может оказаться такой надежный адвокат в лице космонавта Горелова... Однако вы меня должны простить, Алексей Павлович. Спешу на заседание ученого совета. Муж попросил вас ожидать его в кабинете и, если будет скучно, просмотреть папку, оставленную на письменном столе.

Она проводила Горелова в кабинет и ушла.

Алексей с интересом огляделся. Считается, что о характере, наклонностях и увлечениях человека в какой-то мере говорит и его жилище. У человека веселого, но незадачливого вы обнаружите на стенах портреты кинозвезд и балерин в пикантных позах, а недостаток книг на полках будет возмещаться стопками патефонных пластинок. Попробуйте навестить седого рабочего, отдавшего своему заводу лучшие свои годы, и дома у него, какой бы ни была квартира — большой или тесноватой,— где-то в темноватом уголке вы обязательно увидите слесарные тиски. У альпиниста вам бросится в глаза повешенный на стену ледоруб и фотографии покоренной вершины, покрытой синеватой снежной папахой. У отставного летчика уже в прихожей под вешалкой вы споткнетесь о старые унты, а у землемера в углу, возможно, будет стоять подставка от теодолита с острыми ножками.

Кабинет Станислава Леонидовича говорил о высокой организованности и самых разнообразных увлечениях хозяина. Большой широкий письменный стол на высоких старомодных резных ножках был чист: ни пылинки на поверхности, ни окурка в пепельнице. Запечатанная пачка гаванских сигар и открытая «Северной Пальмиры» живописно лежали рядом с бронзовым чернильным прибором. Ровные стопки книг и папок с чертежами, раздвиутая логарифмическая линейка и коробка цветных карандашей. Два пластмассовых человечка, белый и оранжевый, один в легком, другой в массивном скафандрах. Алексей поднял глаза на стены и улыбнулся. Если стол был средоточием технических замыслов и работ конструктора, то стены, вернее, простенки между книжными иавесными полками отражали увлечения и привязанности хозяина. Шкура медведя и подвешенное над нею ружье. Несколько пейзажей. Два из них, это Горелов определил сразу, принадлежали кисти великого Айвазовского, авторами остальных были Дубовской и Лагорио. И на всех пейзажах — вода: то черно-голубая, пенящаяся, всесокрушающая, то нежная и светлая, озаренная розовым солнцем. Скалы, паруса, лодки. Значит, очень любит конструктор водную ширь, если в минуты усталости, отрываясь от чертежей и расчетов, отдыхает, созерцая ее. Портреты Байрона, Пушкина и Гейне говорили о том, что музыка стиха ему тоже не чужда. Очень маленькое пианино с круглым стульчиком уютно помести-

лось в дальней части кабинета, нисколько не нарушая его деловитости.

Горелов приблизился к столу, остановился перед раскрытой папкой чертежей и технических описаний. Взяться за нее не успел, как, бесшумно отворив дверь, в кабинет вошел сам Станислав Леонидович. Был он в приподнятом настроении то ли от встречи с Гореловым, то ли по другой причине. Вольно расстегнутая нейлоновая рубашка и светлые брюки молодили его. Черные волосы аккуратно разделены пробором, в глубоко посаженных глазах — откровенная усмешка. Бас, так не вязавшийся с его высокой тонкой узкоплечей фигурой, сразу заполнил комнату.

— Батенька вы мой! — зарокотал Станислав Леонидович, бросаясь к Горелову и тиская его в объятиях.— Дайте-ка я ва́с получше разгляжу. А поворотись-ка, сын, как говаривал, бывалоча, Тарас Бульба, повинуясь волшебнику Гоголю, коего сейчас, возможно, и в Союз писателей бы не приняли за старомодность.

Станислав Леонидович шутливо оттолкнул от себя Горелова, покачал головой. Несмотря на веселость, лицо конструктора было осунувшимся, в глазницах лежали тени усталости.

— Экий вы бронзовый! — похвалил Станислав Леонидович.— Совсем как эмир бухарский. Значит, на пользу пошло пребывание в Степновске? А ну-ка, согните руку. Эка твердость в бицепсах! Рад за вас, дорогой мой Алексей Павлович, весьма рад. Вы в ожидании не заскучали?

— Вроде бы нет, Станислав Леонидович.

— Окончательный вариант скафандра, представленный на утверждение, видели?

— Не успел.

— Как так? А чем же вы тогда, позволю себе спросить, занимались?

— Кабинет ваш осматривал, Станислав Леонидович,— признался космонавт.

Конструктор слегка попятился, привстал на цыпочки и наклонил набок голову, словно к чему-то прислушиваясь.

— Ну и как же вы его нашли?

— Занятным. Сколько же у вас увлечений: и живопись, и музыка, и охота, и поэзия!

Станислав Леонидович отмахнулся:

— Бросьте, бросьте, батенька мой. Разве это можно выдавать за разносторонность увлечений хозяина? Если копнуться поглубже, сразу станет ясно, что, кроме точных наук, хозяин этого кабинета ни во что не проник.

— Не прибедняйтесь, Станислав Леонидович.

Конструктор сел в глубокое официально-черное кресло, глазами пригласил космонавта садиться в другое, напротив.

— И не собираюсь,— возразил он,— то, что я вам сказал,— сущая правда. О какой разносторонности можно вести речь применительно к нашему поколению? Мы очень односторонни. Суровая эпоха часто лишала нас этой возможности. Согласитесь, Алексей Павлович, что в первые годы Советской власти юноше, да еще где-нибудь в глухомани, трудно было дотянуться до этой же, скажем, музыки, до эстетики. Я хоть немного преуспел. Рос в семье врача, старого интеллигента. Помню, как отец брался за голову и ужасался, когда наш учитель в начальной школе Захар Юхимович Криворучко объявил нам, что Пушкин и Лермонтов тоже классовые враги, потому что они были-де царскими офицерами и писали, как он выразился, «свою поэзию про одних помещиков, их дочерей и офицеров». Отец ужасался, а мы целым табуном бегали за нашим Захаром Юхимовичем, потому что в нашем маленьком заштатном Белоцерковске один только он носил боевой орден Красного Знамени и такие истории про рубку с врангелевцами и петлюровцами рассказывал, что в ту пору для нас они были куда интереснее «Евгения Онегина» или «Демона». Да и жилось нелегко. Я, например, на рабфак и зимой и летом в одних парусиновых туфлях хаживал. Знаете, были такие, самые дешевые студенческие? Впрочем, откуда вам знать,— рассмеялся Станислав Леонидович.— Летом были они у нас белыми, как им и полагалось, а на зиму мы их тушью обрабатывали, отчего туфли приобретали соответствующий времени года цвет. Жили впроголодь, но дружно и весело. И гранит науки, надо сказать, нашим зубам поддавался. Все же росли-то мы без хороших манер, без лоска. А выросли, да еще какими, раз фашистскую Германию разбили, а теперь космические корабли запускаем! — Станислав Леонидович потянулся к пачке сигарет, вытащил одну, размял в тонких пальцах.— Вы, конечно, ни-ни? — покосился он на гостя.

— Ни-ни,— подтвердил Алексей.

— А я вот за последнее время норму потреблеиия, что называется, удвоил. Тяжелые денечки были пережиты. Так вот по поводу разносторонности человеческих увлечений. Знаете что, дорогой мой друг. Чем больше я над этим задумываюсь, тем тверже прихожу к одной истине. Человек несет в жизнь огромный интеллектуальный заряд. Однако в девятнадцатом веке его интеллектуальная устремленность была гораздо шире, чем в двадцатом. Чего мотаете головой. Не согласны?

— Не согласен! — запротестовал Горелов решительно.— Вы, Станислав Леонидович, погрешили против правды жизни и себя в том числе.

— Ах я какой ретроград! — басовито захохотал конструктор.

— Конечно,— загорячился Горелов.— Как же можно брать за образец девятнадцатый век! Ведь самый прогрессивиый человек прошлого столетия понятия не имел ни о радиолокаторе, ни о телевизоре, ии тем более об электронной машине. Мы так шагнули вперед, что, если бы на минуту встал из своего склепа житель прошлого века, он бы глазам своим не поверил. А потом, не надо забывать — теперь наука и искусство доступны миллионам...

Конструктор сквозь облако табачного дыма хитровато смотрел на Алексея:

— Насчет миллионов верно. И все же я положу вас на обе лопатки, милейший, в другом. Назовите мне хотя бы одного ученого, который был бы одновременно выдающимся художником и поэтом, как Михайло Ломоносов, или композитором, который наряду с созданием оперной музыки и ораторий открывал бы химические новшества, как это делал почтенный Бородин. Ройтесь, ройтесь в своей памяти, не стесняйтесь.

— Великих не назову, а увлекающиеся есть,— замялся Алексей.

Конструктор с улыбкой победителя вынул изо рта сигарету, сбил с нее пепел.

— То-то и оно. В наши дни техника и точные иауки развиваются настолько бурно, что они могут подмять под себя все гуманитарное. А человек, работающий в своей области, иастолько унифицирован, что за рамками своей узкой профессии нередко оказывается дилетантом. За доводами далеко ходить ие иадо. Я, иапример, кроме своих скафандров и систем корабля все остальное знаю

весьма приблизительно. Нельзя объять необъятное, и человек, совершающий великие открытия, иной раз попросту не имеет времени, чтобы ознакомиться с мифологией, Вольтером, сесть за пианино. По-моему, я не сделаю крамольного открытия, если скажу, что оперу и театр решительно вытесняют радио, телевидение, кино. И вы все реже и реже встречаете людей, которые восклицают: «Ах какой был вчера Хозе!» или «Ах какая вчера в «Грозе» была Катерина!».

— Да, Шаляпиных и Собиновых что-то нет,— прищурился Алексей, но конструктор перед самым его лицом назидательно поднял палец.

— Нет, дорогой мой, не хитрите. Дело не в голосах, а в дыхании века, врывающемся к нам с антенн, с широкоэкранных кинотеатров, телевизионных установок. Вот и начинаем мы порой забывать древних философов, классиков прошлых веков, перестаем прислушиваться к музыке слова. Однако, дорогой мой,— спохватился Станислав Леонидович,— мы забрались в такие дебри! Вы меня все же поняли?

Алексей пошевелился в удобном кресле.

— Разумеется. Вы хотите, чтобы человек будущего при всей его технической эрудиции не терял бы и эмоциональности. Одним словом, чтобы голова у него была классического образца, как у всех предков, а не кубышкой, напичканной формулами, как у сказочных марсиан.

— Представьте, именно так,— весело подтвердил конструктор.— Не надо нам превращаться в роботов. Человеческий мозг — это же чудо Вселенной, и его не заменит ни одна электронная машина. И мы обязаны воспитывать человека эмоционально, эстетически, что ли...

— Только не так, как это иногда делают в нашем отряде. Андрей Субботин здорово однажды Иванникова подстерег,— вспомнил Горелов.— Заходит к нему в кабинет и застает нашего добрейшего полковника за составлением расписания. Склонился над листом ватмана и шепчет вполголоса: «Чем же я космонавтов в субботу на двух последних часах займу? А, ладно, запишем — эстетическое воспитание. Отправлю их в Москву, пускай Иосифа Кобзона или Майю Кристалинскую слушают».

— Весьма, я вам скажу, оригинальное решение,— захохотал конструктор и кулаком смахнул с правого глаза слезу. Потом пересел за письменный стол, достал из ящика пенсне, которое надевал лишь в редких случаях, когда

надо было чертнть или читать мелкие надпнси. Глаза нз-под стекол блеснули на Горелова требовательно: — Подойдите поближе, Алексей Павлович.

Горелов остановился за его согнутой спнной, наклоннлся над схемой нового скафандра.

— Тот, в котором вы меня мучили в термобарокамере?

— Тот, в котором будете совершать облет Луны,— сухо заметил Станнслав Леонидовнч.

Рассматривая схему, Горелов сразу понял, что новый варнант лунного скафандра значнтельно отлнчается от предыдущих. Тонкнм сухим чертежным пером воднл конструктор по линиям чертежа и, как уставшнй от зноя шмель, басовито гудел:

— Это совсем не копия, дорогой Алексей Павлович. Здесь многое модернизировано. Вот видите стенкн. Они сталн гораздо тоньше и прочнее, потому что отлиты из нового, самого прочного сплава. Он и легче и надежнее. Это позволило нам увеличнть запас кислорода и уменьшнть общнй вес скафандра на пять килограммов. Полегче теперь вся одежонка веснт. Выходить в открытый космос вам не прндется. Такое не планируется. Но лишний запас кислорода, он и в кабнне не помеха... на всякий случай.

Горелов прищурился. Серые глаза его стали маленькнмн треугольннками. Сдержанным, деланно-равнодушным голосом спросил:

— Это на какой же такой всякий случай?

— На тот, к которому космонавт всегда должен быть готов. На аварийный.

Длннная черная машина Станислава Леонидовича скользнла по прямому шоссе, прорубленному в глухнх сосновых лесах, вдали от железных дорог и магистральных автомобнльных путей. Здесь, среди темной зелени елей н сосен, кое-где забеленной стволами березовых рощнц, виднелнсь корпуса завода, нзготовнвшего новый, еще ннкому нз не прнчастных к его созданию не известный космнческий корабль «Заря».

Узнав в подъехавшей машнне за рулем конструктора, дежурный на проходной нажал на кнопку, н бесшумно раздвинулнсь половинки тяжелых железных ворот. Станнслав Леоннднвнч переключил скорость, машина

плавно въехала на территорию завода. У большого, остекленного сверху корпуса, чем-то похожего на гигантский самолетный ангар, конструктор затормозил, и они оба вышли из машины. К ним подошел человек средних лет с непокрытой светловолосой головой, облаченный в легкий черный комбинезон.

— Все готово, Станислав Леонидович,— сказал он вместо приветствия.

Конструктор обернулся к Горелову:

— Прошу любить и жаловать, Алексей Павлович. Это и есть инженер Михаил Гурьевич Зотов, о котором вам говорил. А теперь к делу, дорогие друзья, к делу без дальних слов. С конструкцией «Зари» Алексей Павлович уже знаком. Но сегодня мы рушим в прах все каноны методики и без всякой профилактики сажаем Горелова на очередной ознакомительный тренаж. Я только вас попрошу, Михаил Гурьевич, затратить часочка три-четыре на комментарии. В особенности остановитесь на тех усовершенствованиях пилотской кабины, которые Горелову неизвестны. А потом — сразу тренаж с полной нагрузкой. Это ничего, что он у нас с дороги. Космонавт, готовящийся стартовать к Луне, должен стыдиться усталости, если она даже и появилась.

— Да откуда вы это взяли? — обиделся Алексей.

Станислав Леонидович прищурился:

— А что? Нет? Тогда вперед!

С бьющимся сердцем перешагнул Алексей порог небольшой калиточки, через которую в заводской ангар проникали немногие. Последний, ему еще незнакомый вариант «Зари» был принят Главной экспертной комиссией всего несколько дней назад. Издали корабль ничем не поразил Алексея: белый, чуть сплюснутый вверху шар, с открытой настежь тяжелой боковой дверью, к которой была приставлена стремянка.

Он проходил тренажи и на кораблях системы «Восток», видел и первый «Восход». И чем глубже изучал он их конструкции, тем все отчетливей становилась мысль, что все-таки первые космические аппараты не открывали перед летчиками широких возможностей для пилотажа. Тщательно их изучив, он мечтал об иных кораблях, таких, что позволили бы самостоятельно менять высоты орбит, маневрировать в космосе с той свободой, какая позволнтельна для реактивного истребителя. Потом появился первый вариант «Зари», и он убедился, что это близко.

А сейчас перед ним тот самый корабль, на котором ему предстоит в скором времени совершить облет Луны. И Алексей с напряженным вниманием рассматривал сейчас этот белый, сплюснутый вверху шар. Звенящий твердый металл, из которого была отлита кабина «Зари», слепил глаза, невольно будил представления о больших скоростях и высотах.

— Любуетесь, Алексей Павлович? — доброжелательно спросил Зотов, перехвативший взгляд космонавта.

— Любуюсь? — пылко переспросил Горелов.— Да нет, слово «любуюсь» едва ли способно вместить все чувства, вызванные одним видом «Зари».

— Да-а,— протянул, соглашаясь, Зотов,— а когда эта кабина будет соединена с ракетой-носителем, она во много крат внушительнее будет выглядеть.

— То есть на пусковой вышке?

— Считайте, что так.— Зотов весело посмотрел на него.— Ну это еще впереди, Алексей Павлович. А пока что мы с вами проведем наземное, так сказать, ознакомление с последним вариантом космического корабля, допущенного к такому весьма ответственному путешествию, как облет нашей ночной богини. Фантастично выглядит корабль, не правда ли?

— Да, если бы воскрес старик Жюль Верн, он бы немало подивился.

— Оставим старика в покое,— улыбнулся Зотов,— вернемся в двадцатый век. Я хочу предварительно рассказать вам о некоторых усовершенствованиях данного экземпляра...

— Я вижу, что вы уже нашли общий язык,— улыбнулся Станислав Леонидович.— Это дает мне право откланяться и оставить Алексея Павловича на ваше попечение, Михаил Гурьевич. Желаю успеха. Через три дня вас примет Тимофей Тимофеевич. А потом будем продолжать детальное изучение всех систем.

Конструктор ушел. Зашумел мотор, и длинная черная машина скользнула в сторону административного корпуса.

Зотов молчаливым жестом пригласил Горелова следовать за ним. Алексей приблизился к люку кабины пилота. От цементного пола шел жар. В узком овальном проеме входного люка Горелов увидел горизонтально поставленное кресло и спадавшие на пол лямки привязных ремней.

— Вы сейчас без скафандра войдете,— предложил инженер.— Проведем первое обзорное знакомство, а после обеда вас по всем правилам облачим в космическую робу и начнем тренаж.

Горелов положил ладони на поручни низкого кресла, чуть-чуть подтянулся, ощущая на мускулистых руках вес собственного тела, и очутился на месте пилота. В кабине было еще жарче, чем в ангаре. Зотов вошел за ним следом и захлопнул герметический люк.

— Мягко выражаясь, здесь дьявольская жара? — осведомился он.

— Я бы предпочел выразиться пожестче,— буркнул Горелов.— Эта парилка куда хуже термокамеры. Со всех сторон разогревшийся металл, и никакой тебе пощады.

— Можно вашему горю помочь,— протяжно сказал инженер.— Станислав Леонидович позаботился. Нажмите на левой панели кнопку вентилятора.

Холодный ветерок потоком хлынул в кабину, взъерошил Горелову курчавые волосы, проник за шиворот. Минуты через две стало даже холодно. Пришлось вентилятор выключить, потому что термометр показывал всего двенадцать градусов тепла. Горелов с жадным любопытством осматривал кабину «Зари». Многое было знакомым, напоминавшим уже изученную им схему, но многое поражало своей новизной. Система пилотажного управления была на «Заре» куда проще и удобнее. Желтые пластмассовые ручки казались воздушными. Он перевел взгляд на переднюю приборную доску, увидел на ней три прорезанных круга. В одном — прибор, именовавшийся на всех предыдущих космических кораблях коротким и ясным словом: взор. Летит корабль, и на этом приборе летчик-космонавт со всеми подробностями видит, как проектируется внизу Земля с горными хребтами, морями и реками, белыми ледяными скалами Арктики, огнями больших городов. Определением своего истинного нахождения по этому прибору Алексей много занимался на предыдущих тренировках. Знал он прекрасно и второй прибор — глобус, вмонтированный в другое отверстие. Где бы ни находился корабль во время орбитального полета, тонкое перекрестие всегда указывало точку истинного местонахождения, и от нее можно было заранее рассчитать, где очутится корабль через двадцать, тридцать, сорок минут. А вот третий прибор не был ему знаком совершенно. В таком же углублении виднелась на панели вы-

пуклость еще одного глобуса. В отличие от первого, разрисованного светло-голубыми, зелеными и коричневыми тонами, был он черно-синим. Лишь кое-где выделялись более светлые овалы, спирали и кружочки. И Алексей почувствовал всю волнующую торжественность первого знакомства. Это был глобус, по которому ему предстояло пройти в космосе огромное пространство, контрольный глобус Луны.

Далеко от родной Земли, на расстоянии почти четыреста тысяч километров, «Заря» встанет на окололунную, или, как ее именовали в ученом мире, селеноцентрическую, орбиту и заговорит оттуда с Землей его, Алешки Горелова, голосом. Это будет! А пока макет пилотской кабины спокойно стоит в цехе и глядит молчаливо ему в глаза рядами белых, черных и красных кнопок, стрелками приборов, перекрестиями, под которыми замерли изображения Земли и Луны.

— Эта наша кабина — тренажер,— прогудел за его спиной голос инженера Зотова.— Другая точно такая же кабина на днях ушла с космодрома к Луне. В пилотском ее кресле манекен, по весу и габаритам точно такой же, как вы. Ему даже нос ухитрились придумать вздернутый, Алексей Павлович.

— Острякн,— одобрил Горелов, никогда не сердившийся на шутки по своему адресу.— А это что за прибор? — указал он на матовый небольшой экран в переднем углу кабины. На экране виднелась едва заметная, пунктиром нанесенная сетка, внизу — с десяток мелких-мелких кнопок.

— Это экран вашего локатора,— пояснил инженер.— Любая летящая вам навстречу цель отразится на нем, когда она будет от вас за несколько тысяч километров.

— Какими же вы целями меня стращаете, Михаил Гурьевич? — повел плечом Горелов.— Метеоритами, что ли?

— Не только. Вы же прекрасно знаете, сколько железа набросало в космос человечество за последний десяток лет.

— Знаю, как же не знать.

— Так вот. Одни из них давно уже прекратили существование, сгорев в плотных слоях атмосферы, а другие все еще крутятся, постоянно меняя орбиты. Вероятность столкновения с ними практически невелика, но все-таки... Вы знаете, такие прецеденты уже бывали с авто-

матическими спутниками, так что лучше уж заранее нам застраховаться от неприятного сюрприза.

— Одним словом, товарищ инженер, береженого бог бережет,— вставил Горелов.

— И главный конструктор этого корабля Тимофей Тимофеевич,— подхватил Зотов,— а он повыше бога.

— Красивый прибор,— одобрил Алексей и пощипал пальцами гладко выбритый подбородок.— Ничего не скажешь.

Чуть прищуренные его глаза скользили по знакомым и малознакомым тумблерам, пультам и рычагам. Кабина «Зари», пока он не облачался в скафандр, казалась очень просторной. Но он-то хорошо знал, что габариты ее немедленно сократятся, едва только он привинтит гермошлем к новой «одсжонке» Станислава Леонидовича и займет место в этом же самом, пока что таком удобном кресле. Алексей нажал кнопку рядом с иллюминатором. Раздвинулись розовые шторки, и в круглом окошке, затянутом жароустойчивым стеклом, способным выдержать самые баснословные температуры, он увидел мирную картину: цементный пол, косо уходивший влево к пульту, с которого он скоро будет получать тренировочные команды, чьи-то ноги в запыленных сапогах, пучки желтых и синих проводов, протянувшиеся к кабине «Зари». Было тихо и мирно в огромном светлом ангаре. Летнее солнце заглядывало сюда сквозь остекленную крышу, словно и оно интересовалось тем, как готовится человек приблизиться к опекаемому им ночному светилу.

Алексей подумал, что пройдут недели, может, месяц с небольшим, и точно в такой же кабине умчится он на тысячи километров от Земли в гудящую неисчерпаемую глубину космоса. А пока что — мирные кнопки и поблескивающие чашечки приборов, серый пол, видный в иллюминаторе, даже ромашка, пробившаяся среди двух цементных плит, и голос Михаила Гурьевича за спиной:

— Продолжаем обзорное знакомство, Алексей Павлович...

Поздно вечером, облаченный в светло-голубой звеняще-твердый и очень легкий скафандр, так хорошо подогнанный по его фигуре, Горелов снова залез в кабину «Зари», и овальный люк надолго захлопнулся за ним. В кресле сразу стало теснее, и движения его уже не были такими свободными, когда он пристегивался, приводил в действие приборы, готовясь к тренировке. Потом возник

быстро нарастающий шум, и в пультовой его окликнул инженер Зотов:

— Доложите готовность.

— Летчик-космонавт Горелов к полету готов.

Нарастающий шум усыплял Алексея, тяжелил тело и сознание. Сквозь паузы инженер передавал исходные. Стучал неприятно хронометр, сливаясь с голосом Михаила Гурьевича.

— Шесть... пять... четыре... три... два... одна... пуск!

И Алексей Горелов отправился в свое первое наземное путешествие на новом тренажере «Заря» сроком на трое суток. Без подготовки, без предварительного отдыха. «Видимо, потребовалось еще раз испытать мою человеческую упругость,— подумал он.— Что ж, посмотрим!»

В последние годы не происходило ни одного значительного космического запуска, в котором бы не принимал участие Тимофей Тимофеевич. Обитатели пусковых площадок, конструкторы, инженеры, журналисты не могли бы представить космодрома без его внушительной фигуры в широкой светло-серой блузе, легких, такого же цвета, брюках и каких-нибудь сверхмодных мокасинах, позволявших легко совершать многочисленные переходы по пыльным стежкам-дорожкам. Впрочем, глухой осенью или зимой, в лютые ветреные морозы, какими любила природа награждать этот край, Тимофея Тимофеевича можно было увидеть и в ином наряде: в меховом комбинезоне и старомодных уже для авиации унтах, в какой-нибудь кожаной куртке и забродских сапогах, если была грязь или сек землю косой неприветливый дождь. Был он широк в кости, высок ростом и несколько грузноват. Редеющие волосы зачесывал назад и гордился, что они еще высоки, хотя и обнажают уже предательские забеги большого лба. Широкое, смуглое, всегда выбритое лицо было грубовато, а полные губы несколько сурово сжаты, отчего в углах его рта постоянно лежали складки. У него были крепкие зубы, только два из них были повреждены — на посадке, когда в юности пытался стать летчиком. Жесткий, тяжелый подбородок усиливал впечатление суровости. А вот большие, чуть навыкате глаза жили своей самостоятельной жизнью на лице и вовсе не производили впечатления суровости. Где-то в их глубине пылали незатухающий огонек любознательности и добрая усмешка. Словно смотрел Тимофей Тимофеевич на чело-

века и снисходительно про себя думал: «Ладно, друг, я же тебя очень и очень хорошо понимаю». Был он в прошлом одним из помощников академика Королева, а в последние годы так далеко шагнул вперед, что во всем мире гремела о нем слава. Западные журналисты в хвалебных статьях иногда только путали его фамилию. Да и не нужна им была точная его фамилия, если разобраться. Однажды на большом ответственном собрании кто-то с пафосом брякнул в адрес Тимофея Тимофеевича: «Наш главный конструктор». Но тот встал, хотя и вежливо, но довольно веско поправил:

— Что вы, товарищи! Даже Королев решительно возражал, когда его Главным конструктором величали. А ведь с ним целая эра нашей космонавтики связана. Так что я прошу...

И надолго перестали называть его главным. Только в последнее время, после того как была создана под его руководством «Заря», поразившая всех, кто сведущ был из научно-технического мира, своей кажущейся простотой, надежностью и прочностью всех систем и убедительной готовностью к дальнему старту, стали твердо звать Тимофея Тимофеевича главным конструктором «Зари», и это прижилось.

По космодрому о Тимофее Тимофеевиче ходили десятки самых разных легенд. Того, кто привык представлять выдающегося ученого и изобретателя тихим, замкнутым, вечно углубленным в себя человеком, Тимофей Тимофеевич определенно бы разочаровал. Не было ни в его внешности, ни в грубоватой манере держаться с людьми ничего такого, что бы обнаруживало в нем большого ученого. Это был прежде всего человек, наделенный огромной подвижностью и энергией, успевающий за день на автомобиле и пешком исколесить большие расстояния, принять у себя в рабочем кабинете десятки людей и в эти же самые часы, среди хаотического, на первый взгляд, нагромождения поездок, встреч и разговоров, обдумать вдруг такую конструктивную новинку, что ближайшие его помощники только руками разводили. И мысль, им поданная, сняла, обрастала деталями, будто подвергаясь ювелирной шлифовке, а потом обращалась в новое открытие, удивлявшее всех своей простотой и дерзостью.

Однажды, когда был еще в живых Королев, перед запуском очередной космической станции приехали на космодром два видных профессора. Были они авторами

ряда интересных работ по небесной механике, вели кафедры в высших учебных заведениях. На космодром их привело огромнейшее желание побывать на одном из запусков. Вот и были они приглашены в числе консультантов. Королева в кабинете они не обнаружили и пошли разыскивать на территории космодрома. Идут и видят — на дне большого котлована среди прорабов и бетонщиков шумит высокий плотный человек в черной кожанке и забрызганных грязью сапогах.

— Эй, товарищи! — кричат они.— Не скажете ли, где сейчас можно найти Сергея Павловича?

— Не знаю! — не совсем дружелюбно отвечает им человек в кожанке.

Ученые остановились у обреза котлована, продолжая начатый ранее разговор о предстоящем запуске очередного лунника. Они шумно гадали, под каким углом будет находиться траектория полета станции к Земле, когда, повинуясь последней ступени ракеты, возьмет курс к другой планете. Дело дошло даже до спора. Тимофей Тимофеевич в эту минуту отчитывал строителей, которые, по его мнению, очень медленно закладывали фундамент для новой лаборатории. Он говорил им какие-то жесткие и не совсем деликатные слова, но одним ухом следил и за разговором ученых, кривя в усмешке губы. А наверху котлована дебаты разгорались:

— Позвольте вам заметить, почтеннейший, что не может в эти минуты склонение равняться семидесяти пяти градусам,— шумел один.

— А я утверждаю, может! — упорствовал второй.— Семьдесят пять плюс-минус два градуса.

И когда спор достиг своего апогея, со дна котлована раздался густой басовитый голос:

— Вздор, почтеннейшие. При таком наклонении космическая станция не на планете окажется, а этак тысяч на тридцать километров от нее. Одним словом, черт-те куда пройдет!

— Смотрите, какой у нас оппонент появился,— усмехнулся один из спорящих.

— Да-с, оригинал,— подтвердил второй и дребезжащим тенорком крикнул в котлован: — Так, быть может, вы нас осчастливите и скажете, каким должен быть точный угол наклонения?

— Скажу,— прогудел бас,— шестьдесят девять целых и тридцать пять сотых градуса.

— Смотрите! — менее насмешливо воскликнул ученый,— а ведь в этой цифре есть какой-то резон.

— Да, да. Давайте возвратимся в гостиницу и проверим расчеты,— продолжил его коллега.

Ученые удалились, а примерио через час вновь появились у котлована. Рослый человек в кожанке стоял уже на поверхности, по-хозяйски крепко расставив ноги. Казалось, каблуки его забрызганных грязью сапог вросли в землю.

— Товарищ! — закричал издали один из ученых мужей.— А ведь вы совершенно правы, как говорится, и по форме, и по содержанию. Поразительный экспромт. Именно шестьдесят девять целых и тридцать пять сотых. Ни больше, ни меньше!

— Я и сам знаю, что прав,— без улыбки согласился незнакомец.

Ученые удивленно попятились.

— Да, но как вы могли с такой точностью предположить?

— А я и не собирался предполагать,— перебил тот, любуясь их замешательством.— Зачем же предполагать? На предположениях в наш век даже от Земли не оторвешься, а не только на планету выбранную не попадешь. Я точно подсчитал.

— В уме?

— Да. В уме.

Ученые всплеснули руками:

— Удивительно! Простите, вы инженер?

— Да вроде бы, некоторым образом.

— А не будете ли вы столь любезны назвать свою фамилию?

— Отчего же, почтеннейшие, это можно.— И Тимофей Тимофеевич назвался...

Тимофей Тимофеевич всегда был тем интересен, что мыслил зримыми конкретными образами. Но это не мешало ему заниматься одновременно сложнейшими аналитическими вычислениями. Был он человеком далеко не всегда учтивым, а если сказать точнее, часто крутым и властолюбивым. И когда принимал твердое решение, то никакие авторитеты не могли его уже остановить своим противодействием. Оно только разжигало самолюбие, наполняло одержимым желанием идти наперекор, отстаивая и утверждая собственную точку зрения.

Два последних корабля уходили в космос под руко-

водством Тимофея Тимофеевича. За месяц до первого запуска шло заседание комиссии под председательством конструктора, за которым оставалось решающее слово. На повестке дня всего один вопрос: утверждение состава экипажа. Корабль трехместный, рассчитанный на пилота, ученого и врача. За длинным столом, приставленным к рабочему столу конструктора, как традиционная часть буквы Т,— академики, врачи, инженеры, генералы. Выступает седой генерал с багровым обветренным лицом. Говорит долго и доказательно. По его мнению, в качестве пилота надо послать офицера, ему известного, волевого, образованного технически, физически прекрасно подготовленного. Тимофей Тимофеевич, дремотно полузакрыв глаза, возвышается над своим столом, постукивает о его поверхность тупым концом неочиненного красно-синего карандаша:

— Так, так, весомо аргументируете... весомо.

Потом член-корреспондент Академии наук рекомендует на место ученого своего кандидата в экипаж космического корабля, а заслуженный деятель медицины — своего врача. И снова сонным приглушенным голосом произнес Тимофей Тимофеевич слово «весомо». Долго шло обсуждение, а когда призатихло, Тимофей Тимофеевич громче обычного постучал карандашом о стол, требуя тишины. Сонная дрема немедленно слетела с него, будто ее и не было. Глаза дерзко, вызывающе скользнули по лицам.

— Все, что ли, товарищи? Я вас очень внимательно выслушал. Многими интересными наблюдениями поделились вы о кандидатах, которых рекомендовали. Меткие характеристики, психологическая глубина — все было в ваших речах. А теперь послушайте мое мнение, —и он назвал совершенно иные фамилии. А в подтверждение привел такие аргументы, что все только ахнули да руками развели. А Тимофей Тимофеевич встал и, не скрывая довольной улыбки, предложил:

— Ну а теперь, пользуясь своим правом председательствующего, ставлю вопрос на голосование.

И все без исключения проголосовали за эти кандидатуры.

В тот же вечер космонавт, полагавший, что будет утвержден обязательно командиром экипажа на очередной полет, узнал, что полетит его дублер, а он останется на земле. Красивый самолюбивый парень был сражен этим

известием и вечером, с горя, что называется, хватил лишнего. Не так уж много и выпил, но нервы расшатались, и он не выдержал дозы, опьянел. Вечером, когда южные сумерки уже окутали землю, неровной ковыляющей походкой возвращался из столовой в гостиницу и на свою беду повстречался с авиационным генералом.

— Это вы! — свирепо воскликнул тот.— В таком виде? А еще космонавт! Да разве можно офицера с таким моральным обликом даже близко подпускать к кабине космического корабля!

— То... товарищ генерал. Да я немного... я совершенно случайно...— взмолился было космонавт, но генерал оборвал его резким жестом:

— Что! Да я и слушать вас не хочу. Вон с космодрома! Чтобы завтра ноги вашей здесь не было, капитан!

И ушел. А капитан остался. Звездное небо над космодромом с овчинку ему показалось после такой встречи. Хмель как рукою сняло. Медленной разбитой походкой побрел домой. Путь в гостиницу лежал мимо главного административного корпуса. В окнах кабинета конструктора горел неяркий голубоватый свет. Все знали, что, если Тимофей Тимофеевич оставался поработать в ночные часы, он гасил яркое верхнее освещение и оставлял на своем столе лишь одну лампу под светло-голубым абажуром. Это были часы, когда Тимофей Тимофеевич никого не принимал. Он уходил в совершенно иной мир, напрочь оторванный от деловой сутолоки и организационных забот рабочего дня, в мир творчества. Он и сам становился иным: мягким, задумчивым, лишенным напускной суровости. Ни один глазок не зажигался в такое время на коммутаторе, что стоял за его спиной. Только настольный телефон ВЧ, именуемый «белой головкой», мог нарушить кабинетную тишину. После очередного разговора с Москвой Тимофей Тимофеевич долго не мог сосредоточиться, ворчал и морщился.

Капитан остановился у главного корпуса и махнул рукой, как человек, принявший твердое бесповоротное решение. Он быстро взбежал по ступеням широкой лестницы, промчался через приемную конструктора на глазах у остолбеневшей секретарши, не ожидавшей столь дерзкой выходки, и скрылся за двойной дверью кабинета. На скрип двери Тимофей Тимофеевич поднял седеющую голову и пораженными глазами встретил неожиданного пришельца.

— Это ты? — произнес он почти нараспев голосом, не предвещавшим ничего доброго. Тимофей Тимофеевич переходил на «ты» только с теми подчиненными, которых он уважал и наперед знал, что они не обидятся на такую его фамильярность. Этого он даже любил. Любил за то, что, сын солдатской вдовы, он в четырнадцать лет пошел на завод, чтобы помочь матери вытянуть еще четверых своих сестер и братьев, за редкое упорство, с каким этот юноша готовился к космическому полету.

— Кто тебя пустил? — строго поинтересовался конструктор.— Что-нибудь случилось?

— Случилось, Тимофей Тимофеевич. Ночью я должен собрать чемодан и с утренним самолетом покинуть космодром.

— Подожди, подожди, Миша... Что такое? До сих пор мне казалось, что на своей территории судьбы людей вершу я. Кто тебе это приказал?

— Генерал Галимов.

— Почему?

— Да я...— смешался космонавт.

— Только начистоту, Миша. Говори, как было, потому что у меня нет времени подвергать тебя психологическим опытам. Работа стоит,— кивнул он на стол.

Капитан поднял на конструктора наполненные болью, но уже сухие глаза, клятвенно прижал к груди руки:

— Я перед вами как на духу, Тимофей Тимофеевич.

— Ну, валяй,— недоверчиво протянул конструктор,— только прими во внимание, что я очень мало похож на духовника, а ты еще меньше на кающегося грешника.

— Пожалуй, я похож,— сказал космонавт.— Часа три назад я узнал, что исключен из состава экипажа. За ужином выпил, попался на глаза генералу Галимову и услышал приказ: «Чтобы и ноги вашей не было на космодроме».

— Да,— неопределенно развел руками конструктор,— от вас и на самом деле не розами пахнет. Это очень плохо, что вы нарушили бытовой режим космонавта. Я, например, полагаю, что спиртные напитки надо пить в минуты радостей, а не отчаяния. Да и не имеете вы права предаваться отчаянию. А ну-ка, присядем на диван, Миша. Только, бога ради, не дышите мне в лицо, ибо у меня в кабинете нет закуски.

Упругим размашистым шагом Тимофей Тимофеевич

подошел к дивану, сел на уголок и указал капитану место подальше от себя.

— Ишь ты какой, Миша. Шел, шел по жизни правильно и — споткнулся.

— Так я же редко к этой влаге прикасаюсь. Сами знаете, Тимофей Тимофеевич.

— Да я не об этом,— отмахнулся конструктор.— Что ты стакан водки выпил — это еще ладно. Но вот что ты руки опустил — уже никуда не годится. Какой же из тебя космонавт после этого? Если надвигается испытание, нервы у тебя должны быть каменными. А ты! Кто тебе сказал, что тебя навсегда исключили из рядов космонавтов?

— Никто.

— Вот то-то и оно,— проворчал Тимофей Тимофеевич.— Думать надо, эпикуреец. Я тебе лучше хотел сделать, поэтому и не включил на очередной полет. Следующий полет будет серьезнее, тяжелее и побольше силенки от пилота потребует.

— Но я-то не знал! — горько вздохнул капитан.

— А если не знал, так надо было к бутылке прибегать? — без особой суровости в голосе отчитывал Тимофей Тимофеевич.— «Пить буду я, пить буду я!» Так, что ли? Плохой из тебя гусар, Миша. Уж если напился, так уж натворил бы хоть что-нибудь, дерзость какую-нибудь, что ли, генералу Галимову сказал бы, чтобы было тебя за что...

— Так ведь меня же он и так не помиловал.

— Помолчи! — оборвал конструктор.— Ты можешь мне ответить на вопрос, что такое минута в жизни человека? Без цитат, конечно, из классиков древней и современной философии. Нет? Значит, еще помолчи.

Капитан еще дальше отодвинулся от грозного в своей непонятности Тимофея Тимофеевича, почти врос в спинку дивана. Он давно знал — любил Тимофей Тимофеевич говорить намеками, не расшифровывая своих мыслей. Забежит иногда к инженерам, готовящим расчеты на самый сложный запуск, и скажет одно какое-нибудь слово. «Луч», например. И убежит. А вечером повстречает одного из них, своего самого любимого и доверенного. «Решили поставленную задачу?» Тот ему иной раз в ответ: «Да нет, Тимофей Тимофеевич. Вы как-то непонятно выразились утром».— «Ах непонятно! А вы мне, простите, кем доводитесь? Инженером по солнечной ориентации

спутников и кораблей или приготовишкой? Ах вы, эпикуреец ленивый!»

Но зато, если улавливали подчиненные мысль конструктора с полуслова и к его новому визиту успевали решить задачу, ликовал Тимофей Тимофеевич беспредельно: «Гераклы мои дорогие! Прометеи! Да как же вы так быстро смогли? Ведь я же еще и сам, если по секрету сказать, к окончательному убеждению не пришел. Спасибо вам. Вот будет кому продолжать космонавтику после моей смерти».

Очень хорошо знал провинившийся космонавт эту особенность конструктора, поэтому и не решался пуститься в какие-либо рассуждения по поводу того, что такое минута в жизни человека, опасаясь попасть впросак.

А Тимофей Тимофеевич о нем уже забыл. Широкими грубыми ладонями он сверху вниз провел по своим полным щекам, сгоняя сонную одурь. Шли минуты. Невидящими глазами смотрел конструктор в огромный квадрат окна, осененный Луной и звездным сиянием. Звезды всегда напоминали ему, что он еще большой должник перед человечеством, и воспринимал он их только профессионально.

— Минута в жизни,— сказал Тимофей Тимофеевич,— крутая мера.

И опять задумался о великом значении минуты. Минута на поле боя, в полете бомбардировщика к цели или при запуске космического объекта, она огромна и порою поистине драматична. Но минута в человеческих отношениях иногда бывает куда жестче и губительнее. Вот упал духом на короткое время этот парнишка, что, в сущности, в сыновья ему годится, выпил раз за долгое и долгое время и попался на глаза службисту, для которого превыше всего параграф. И не подумал этот начальник о том, что люди, писавшие параграф, прежде всего исходили из человечности. Стакан водки, выпитый капитаном на космодроме в условиях строгого бытового режима, уже возведен в кошмарное преступление. Только наказать! Строго и беспощадно! Но если бы не было этой встречи и этой минуты? Дошел бы спокойно капитан до гостиницы, перенес бы не только кратковременный хмель, но и огорчение, порожденное отстранением от полета. И все бы дальше пошло, как и полагается. «Но ведь минута-то была,— упрямо остановил самого себя Тимофей Тимофеевич.— Была минута, кардинально изменившая отно-

шения двух неодинаковых величин А и Б. Величина А — это наделенный властью начальник, а величина Б — бесправный после совершенного проступка рядовой космонавт. Величина А всегда в состоянии, грубо говоря, сломать хребет величине Б, привлекая при этом на помощь закон о причине и следствии».

Тимофей Тимофеевич горько про себя усмехнулся, подумав о том, как легко будет генералу Галимову доказать виновность капитана. И тогда пойдет писать губерния. Вон с космодрома! На партийное бюро. На партийную комиссию. В отдел кадров. А там и приказ об отчислении из отряда космонавтов. И новый приказ: в самый дальний авиационный гарнизон на прежнюю должность старшего летчика, с которой семь лет назад этот честный молодой парень был взят в космонавты. «Впрочем, мне могут возразить,— опять перебил себя Тимофей Тимофеевич,— мне могут сказать, что должность старшего летчика — это тоже нелегкая и почетная должность и ее исполняют сотни таких же молодых людей, ибо не всем же быть космонавтами. Да, но это когда не ломают человеку хребет. Хотел бы я видеть хотя бы одного профессора, бывшего грузчика, которого бы лишили кафедры и снова заставили бы грузить мешки, презрев все им достигнутое. Возвращение к прошлому часто бывает трагедией. Кто же нам дает право решать судьбу человека в одну минуту, не взвешивая всего хорошего и плохого, что им было совершено доселе?»

Одна минута в человеческой жизни, как много она значит. За одну минуту проигрывались и выигрывались великие сражения в зависимости от принятого полководцем решения, рушились города и вспыхивали революции, спасались и уничтожались люди. «Но для чего я об этом сейчас вспоминаю? — спросил себя Тимофей Тимофеевич и сразу жестко осек: — Ах ты, старый склеротик! Это же ради него, этого парнишки в капитанской форме, что сидит и ждет своей участи. Что я ему скажу? Конечно, он нарушитель, и генерал Галимов должен был призвать его к порядку. Но молниеносно принимать суровое решение, зачеркивая все хорошее, что есть уже за плечами у этого парня, гнать его с моего космодрома... Нет, это уже слишком! Такого капитан не заслужил». На мгновение конструктор представил высокого багроволицего генерала Галимова, его подчеркнуто прямую походку, идеально выбритый, углом срезанный подбородок, брезгливо кри-

вившиеся тонкие губы и жесткий металлический голос, каким тот отчитывал не угодивших ему в чем-либо подчиненных. Что же дало ему право в одну минуту решать судьбу человека? Устав? Нарушенные законы армейской службы, жесткие и неумолимые? Нет. Избыток власти — и только.

Тимофей Тимофеевич подавил в себе вспышку гнева и хмуро посмотрел на капитана из-под лохматых бровей.

— Иди в гостиницу, Миша. Отдыхай иди. Слышишь!

Капитан поднял растерянные глаза:

— В гостиницу? Но что я доложу генералу Галимову, Тимофей Тимофеевич?

Конструктор встал с дивана, резко выпрямился.

— Скажи ему, что здесь, на космодроме, ты выполняешь мою программу и, кроме меня, никто твоей судьбы решать не может.— Шагнул к письменному столу и, властно сжав большие загорелые руки в кулаки, договорил: — А сейчас иди! Ты и так отнял у меня слишком много времени. Убирайся с моих глаз, эпикуреец, пока я добрый. У меня работы до утра.

Встреча Горелова с Тимофеем Тимофеевичем произошла до крайности просто.

После трехсуточного пребывания в корабле «Заря» Алексей покидал ангар. В ушах его звучали имитационные шумы, которыми сопровождались тренировка, команды, подаваемые с пульта управления, и собственные доклады с «окололунной» орбиты, из радиационного пояса и района приземления. Тело оцепенело от скафандра, утомленный взгляд противился нормальному дневному свету. Все еще виднелись панель кабины и приборы, залитые ровным, успокаивающим светом. На цементном полу было приятно выпрямить затекшие ноги, ощутить облегчение после того, как техники сняли скафандр.

Был ненастный день. В остекленную крышу ангара лезло грозовое небо, разрываемое молниями. Потоки ливневого дождя хлестали в стекла. Михаил Гурьевич Зотов, руководивший тренажем, и два незнакомых медика коротали время за каким-то веселым разговором, дожидались той минуты, когда Горелов, окончательно освободившийся от космической одежды, поступит в их распоряжение.

Несмотря на усталость, Алексея не покидало хорошее настроение. Он понимал, что эта тренировка окончатель-

но закрепляла его место в программе предстоящего запуска.

Скрипнула калитка, и под остекленную крышу, спасаясь от дождя, вошли двое штатских. Один держал большую бутыль с жидкостью. Не успели они отойти в сторонку, чтобы отряхнуться от дождя, как в ту же калитку вошел еще один человек, широколицый, грузный, уже немолодой на вид. На кустистых бровях блестели дождевые капли. Был он в старомодном кожаном реглане, какие в тридцатых годах носили летчики. Большие, чуть навыкате глаза скользнули по цементному полу, остановились на возвышавшейся над ним кабине «Зари», потом быстро, ни на ком не задерживаясь, промчались по лицам присутствующих и внезапно оживились.

— Орешников! — окликнул он одного из только что вошедших.— Это что? Технический сырец или спиритус вини? — и кивнул на бутыль.

Тот, что внес бутыль, весело улыбнулся:

— Медицинский. Самый что ни на есть чистейший спиритус вини.

— Браво! — прогудел человек в реглане.— А я как раз пять верст по дождю отмахал. Того и гляди, инфлюэнцу подцепишь. Как думаешь, Орешников, могу я инфлюэнцией заболеть, если под этаким ливнем пробыл?

— Запросто можете,— тотчас же согласился собеседник.

— Вот и я так думаю,— засмеялся человек в реглане.— А если граммов семьдесят пять чистенького выпью, а? Тогда и всякой инфлюэнце конец. Так ведь, эпикурейцы?

— Разумеется,— вразброд ответили присутствующие.

— Мензурка найдется?

— Найдется.

— Тогда налейте мне мои семьдесят пять. Но ни одним граммом больше.

Он взял маленькую конусообразную стеклянную посудину, посмотрел на свет и, крякнув, лихо выпил.

Алексей, наблюдавший эту сцену, сказал инженеру Зотову:

— Как у вас все просто. Промок, выпил. У нас бы генерал Мочалов не помиловал за такую вольность.

Человек в реглане обернулся и охватил всю его фигуру выпуклыми привязчивыми глазами. Потом стащил

с седеющей головы берет из водонепроницаемой ткани, так не шедший к старомодной кожанке. Тяжелый подбородок насмешливо дрогнул:

— Между прочим, Сергей Степанович Мочалов правильно поступает. Сам военный человек и военных людей воспитывает. Если бы он получше еще им хорошие манеры прививал, совсем бы было превосходно. Да в чужой монастырь со своим уставом соваться еще бы не советовал...

Последнюю фразу человек в реглане произнес не зло, а, скорее, насмешливо, но от этого его слова еще больнее хлестнули Алексея, уже понявшего, что он допустил бестактность.

— Извините,— произнес он, краснея,— я не хотел так громко. Это после долгого пребывания в скафандре голос осел.

Человек в реглане, продолжавший его бесцеремонно разглядывать, заметил добрее:

— Даже шепотом не надо аппетит портить старшим, космонавт Горелов. Ну, давайте знакомиться, что ли.— Он протянул широкую сильную ладонь с узловатыми венами.— Главный конструктор аппарата, который вы сейчас изволите, мой друг, штудировать. Тимофей Тимофеевич.

Алексей, ища поддержки, посмотрел на окружающих, смущенно пожал протянутую руку:

— Капитан Горелов.

Он уже давно привык к неожиданным знакомствам и встречам, к тому, что люди, работавшие в космонавтике, нередко даже заочно знали его по фотографиям, личному делу, медицинским отчетам и после первого же рукопожатия начинали с ним держаться как со старым знакомым. Но он никогда бы и подумать не мог, что знакомство с главным конструктором «Зари» начнется с такой неловкости. «И дернуло же меня сказать ему под руку! — корил себя Алексей.— Пил бы уж старик спокойно свои целебные семьдесят пять граммов спиртуса вини. Так нет же, о порядке в чужом доме заговорил». Конструктор, усмехаясь, любовался замешательством космонавта. Потом отряхнул берет и снова водрузил на голову.

— Ну ладно, ладно,— изрек он миролюбиво.— Сейчас вы поступите в распоряжение служителей Гиппократа. Когда он у вас освободится? — обратился он к од-

ному из врачей уже совсем другим, сухим и требовательным тоном.

— К двадцати ноль-ноль, Тимофей Тимофеевич.

— Значит, ровно в двадцать один час, как выражаются люди военные, или в девять вечера, как предпочитаем говорить мы, штатские, жду вас в своем кабинете.

— Слушаюсь, Тимофей Тимофеевич.

— Вот и хорошо.— Он поглядел на Алексея, еще раз усмехнулся и, ни слова больше не говоря, повернулся к нему спиной. Уже с порога проворчал: — А насчет семидесяти пяти граммов от инфлюэнцы, тут уж вы меня, батенька, простите. Я ведь тоже в какой-то мере эпикуреец.

Ровно в девять Горелов переступил порог кабинета главного конструктора. Впрочем, огромный зал, отведенный на заводе космических кораблей Тимофею Тимофеевичу, меньше всего походил на кабинет. Это было нечто среднее между лабораторией и музеем. Большой книжный шкаф вмещал в себя сотни томов справочной литературы. В глаза посетителю бросались прежде всего маленький, теряющийся в конце зала письменный столик и другой стол, заваленный рулонами чертежей, сохраняющий свежие следы упорной работы. В одном углу стояла распахнутая пилотская кабина космического корабля, в другом — отдельные детали: макет приборной доски, схема терморегуляторной установки. На зеленом сукне письменного стола гордо возвышался темно-синий глобус Луны, такой громадный, что плечистый Тимофей Тимофеевич казался на его фоне чуть ли не карликом. При появлении Горелова он не встал, а только поднял вверх тяжелый подбородок. Сурово поджатые губы не дрогнули. Выпуклые глаза глядели несколько строго, и от этого Алексею стало не по себе. Конструктор нажал на столе кнопку, вошедшей в кабинет немолодой секретарше сухо сказал:

— По телефону ни с кем не соединять, в кабинет никого не впускать.

— Хорошо, Тимофей Тимофеевич,— тихо ответила секретарша.

Главный конструктор выключил мягкий зеленый свет настольной лампы. На мгновение стало темно, а потом бра запылали на стенах, заливая паркетный пол и шторы на окнах багровым закатным сиянием. Алексей невольно зажмурился.

— Неприятно, Горелов? — осведомился Тимофей Тимофеевич.— Согласен. Редко кто выдерживает. Резок. Раздражающе резок. А я терплю. Даже успокаивающим его считаю после долгой работы при зеленом или голубом. Знаете, это как чашка черного кофе, позволяющая бороться с сонливостью. Свет — великая вещь, капитан. Я в этом смысле эстет или, скорее, гурман. Считайте, как хотите. Твердо верю, что правильно выбранный свет либо погашает, либо увеличивает работоспособность человека ночью. Читаю при зеленом, расчеты делаю при голубом — он повышает аналитическую возможность ума. Черчу при белом. Если является посетитель, обязательно зажигаю эти багряные бра, чтобы внутренне переключиться на беседу с ним, его хорошенько рассмотреть, да и в тупик поставить немножечко, как это сейчас сделал с вами. Человеку с непривычки от подобного навязчивого света хочется отмахнуться. Все его мысли на какие-то мгновения заняты этим. А я его рассматриваю, пока он отвлекся, и первое впечатление стараюсь составить.

— Вы... хитрый,— улыбнулся Горелов.

— Хитрый? — живо переспросил конструктор.— Конечно, хитрый. Без хитрости не проживешь на нашей планете, да и штук вот этих в космос не запустишь,— указал он на детали космического корабля.— Ну, а когда в вечерние часы приходится собирать какое-нибудь большое совещание, кабинет мой всеми огнями пылает: и верхние люстры, вмонтированные в потолок, светятся, и бра горят, и настольная лампа сияет. И свет от всего этого, представьте себе,— дневной, веселый, солнечный. И опять-таки я каждого из сидящих вижу. Логично? Но так бывает, если совещание оптимистическое, чем-то радующее, если речь на нем идет о победах, а не о поражениях. Что же касается поражений, от которых мы тоже, к сожалению, не застрахованы, то на этот случай я выбираю свет, придающий кабинету мрачность. Пусть сидят люди и в ожидании разноса думают о своих ошибках, анализируют и синтезируют случившееся.

Конструктор переключил освещение. Бра погасли, и кабинет затопил яркий дневной верхний свет. Горелов невольно улыбнулся.

— Очевидно, разнос мне сегодня не угрожает?

— Смотрите, какой вы самоуверенный,— сохраняя серьезность, отметил Тимофей Тимофеевич.— Однако мне недолго сменить декорацию. Вы в моих руках.

Алексей, не отвечая, продолжал разглядывать кабину «Зари». Главный одобрительно наклонил седеющую голову:

— Нравится?

— Еще бы! Трое суток просидел в пилотском кресле и налюбоваться не мог. До чего легка, удобна и продуманна! По сравнению с ней вот эта штука допотопной кажется,— кивнул он на скромно поблескивающие в другом углу детали кабины «Востока».

Лохматые брови сердито зашевелились над коричневыми глазами конструктора.

— Бросьте, бросьте,— осадил он сурово своего собеседника.— Никому не позволю хаять «Восток». Перед «Востоком» каждый космонавт на колени должен становиться. Я далек от суеверия, но это так. Если бы не было «Востока», не было бы и «Зари», и тех кораблей, которые сейчас в муках вынашиваются конструкторами, частично уже проектируются, а в недалеком будущем уйдут на огромные расстояния от Земли. Все мы создаем новое и подчас совершенное, но мы не создаем эпохи, а только ее продолжаем. А вот Сергей Павлович Королев был создателем эпохи, ее первооткрывателем. Так что прошу по адресу «Востока» выражаться понежнее.

Конструктор на минуту умолк. Яркий верхний свет убаюкивал, уносил в прошлое. И вспомнил Тимофей Тимофеевич, как много лет назад в плохо оборудованной, почти кустарной лаборатории, где монтировались первые ракетные двигатели, подошел к нему средних лет подвижный, с умными светящимися глазами человек, властно спросил:

— Значит, хотите, чтобы я вас рекомендовал в нашу группу?

— Мечтаю об этом, Сергей Павлович.

— Имейте в виду, легкой жизни у вас не будет.

— Я не ищу ее, Сергей Павлович. По-моему, в принципе человеку не стоило рождаться, если он воспринимает свое существование как погоню за легкой жизнью.

— Да, да,— задумчиво согласился тогда Королев.— Характеристики у вас одна другой лучше... Идемте познакомлю с нашим хозяйством.

И он показал лабораторию до каждого станка и стендового устройства включительно. Сам увлекся, рассказывая о недалеком, на его взгляд, будущем ракет. Он был полон веры в свою идею, этот инженер группы реак-

тивного движения. Вытирая ветошью испачканные машинным маслом руки, виновато заметил:

— Между прочим, заработки у нас не очень.

— Я согласен и на «не очень», лишь бы с вами,— рассмеялся в ответ молодой, полный энергии Тимофей Тимофеевич. И пошел по жизни рука об руку со своим учителем и наставником. То, о чем говорил Королев в тридцать шестом, осуществилось в шестьдесят первом, когда взлетел Гагарин. «Наш ГИРД называли раньше группой инженеров, работающих даром,— вспомнил Тимофей Тимофеевич.— Надо было бы теперь вернуться к истории ее возникновения и внести поправку. Все-таки это была группа инженеров, работавших для истории не даром. Так точнее. А в космонавтике невозможно без точности».

Конструктор поднял глаза на Горелова, возвращаясь к действительности, повторил свою мысль:

— Нельзя так говорить о своих родителях. Мы не какие-нибудь родства не помнящие, молодой человек. Да-с!

— Я не буду больше,— покорно согласился Алексей, но тут же упрямо прибавил: — А «Заря» — это все-таки чудо.

Тимофей Тимофеевич, тронутый похвалой, гордо отбросил назад голову, ладонями уперся в зеленое сукно стола.

— Значит, хотите лететь на «Заре», Горелов?

Спросил строго, испытующе, глаза под лохматыми бровями остались непроницаемыми.

— Хочу,— тихо, почти торжественно подтвердил космонавт.

— А если я возьму и не посажу вас? — прищурился Тимофей Тимофеевич.

— То есть как? — растерялся Алексей.

— Да очень просто,— чуть не расхохотался конструктор.— Вас в дублеры, а на ваше место кого-нибудь еще. Субботина, Локтева, Карпова. Разве у меня выбор маленький? Тогда что будешь делать, эпикуреец?

— Еще год буду ждать.

— Ну, а если и на новый год не посажу.

— Второй год буду ждать.

— А если и на втором году не получится?

— Третьего буду дожидаться, Тимофей Тимофеевич! — пылко воскликнул Горелов.— Потому что космонавтика давно стала целью моей жизни.

— Не пышно ли сказано?

— Нет, Тимофей Тимофеевич. Я собрался в космос не за славой и почестями. Я иду в космос, как в бой за новое!

— Гм... Может, и несколько патетически, но верно.

Конструктор вышел из-за стола и, подойдя к Алексею, положил ему на плечи тяжелые руки. Тому было неловко сидеть, после того как главный поднялся, и он стал подниматься, не снимая этих тяжелых рук. Конструктор не удерживал его в кресле. Они стояли друг против друга, смотрели глаза в глаза.

— Согласен... Это уже речь не мальчика, а мужа,— одобрительно отозвался конструктор,— подобное и хотелось услышать. Я же с вами пока что только по дубликату личного дела да чужим отзывам знаком. Садитесь, Алеша, и позвольте мне отныне именовать вас так?

У Горелова словно гора свалилась с плеч. Он понял, что минута первого знакомства, минута иногда обманчивая и неверная, уже осталась позади, и этот с виду хмурый, углубленный в свои дела и мысли человек почему-то остался им доволен, его понял, и ледяная стенка, возникавшая было меж ними, уже лопнула, превратилась в теплый ручеек. Тимофей Тимофеевич снова обошел стол. Погас яркий верхний свет, ему на смену блеснул луч из-под зеленого абажура, уютной полоской лег на сукно. Конструктор глядел на Алексея и думал. Уже многих посылал он в космос. Одни из них оставались такими же, какими он их знал до полета: сдержанными, волевыми, скромными. У других пробуждалась склонность к рисовке, стремление, рассказывая о своем пребывании в космосе, осложнять трудности полета. Третьи, к счастью, совсем немногие, начинали важничать и тучнеть.

Таких было мало, и, думая о них, Тимофей Тимофеевич никогда не раскаивался, что предоставлял им место в кабине летчика-космонавта. Не раскаивался потому, что они тоже были героями и только потом, после совершенного полета, не выдерживали более трудного испытания славой.

Ощупывая внимательным взглядом этого молодого курчавого парня, конструктор думал, каким он станет, когда вернется на Землю из первого такого сложного и опасного полета, к какой категории примкнет: первой, второй, третьей. «Лишь бы не к третьей»,— подумал конструктор и отбросил назад редеющие волосы.

— Так что же, волжский житель,— ободряюще прищурился он,— выходит, старику и попугать вас не удалось?

— Удалось, Тимофей Тимофеевич,— весело ответил Горелов,— даже ноги стали холодеть. Ни на одной из тренировок такого страха не испытал.

— Значит, все-таки были страхи на тренировках? — быстро спросил конструктор, совсем как следователь, поймавший на чем-то подозреваемого. У Алексея ни один мускул не дрогнул на лице.

— Конечно, были. Самой разной величины. Но такого сильного страха, как пять минут назад, не испытывал. Шутка ли, потерять место в корабле.

— Вот и правильно,— кивнул головой Тимофей Тимофеевич.— Никогда не верю в человека, хвастающегося, что совсем не испытывал страха. Это или деревяшка, или неисправимый позер, потому что страх — такое же естественное чувство, как и все другие. Победить его человек может, освободиться — никогда. Это противоестественно. Между прочим, дорогой Алеша, вы знаете, сколько раз придется вам побеждать страх в том полете, для которого вы отобраны?

Горелов заерзал в кресле, натянуто улыбнулся.

— По-моему, от первой и до последней минуты.

Конструктор включил маленький вентилятор, хотя в этом не было никакой необходимости — в огромном его кабинете и без того было прохладно.

— Разумный ответ, Алеша. Простой и разумный. Действительно, от первой и до последней минуты вы будете бороться с нервным возбуждением, напряжением, а иногда и со страхом. Выходя на орбиту, «Заря» будет пробивать всего лишь плотные слои атмосферы, чтобы устремиться в далекий полет, а вы уже лишитесь того, что именуется идеальным спокойствием, Алеша. Вы оповестите нас, что успешно переносите перегрузки и располагаете отличным самочувствием, а сердечко не однажды успеет за это время ёкнуть. Потом барьер невесомости, переход от обычного состояния к иному, еще не изведанному вашим организмом, потом старт с промежуточной околоземной орбиты к селеноцентрической, проход радиационных поясов, сам процесс приближения к Луне, возможная встреча с метеоритами. Перед вашими глазами все время будет маячить счетчик Гейгера, показывающий, сколько рентгенов вы приняли. Иногда

показания этого счетчика будут вселять тревогу. Вас уже ознакомили с последним вариантом «Зари»?

— Ознакомили, Тимофей Тимофеевич,— кивнул курчавой головой Горелов.

— Стало быть, знаете, что для посадки оборудованы две системы: одна для мягкой, вторая для катапультирования и приземления самостоятельного, раздельного с кораблем. Корабль сам по себе, вы — сами по себе.— Голос конструктора стал звучать глуше: вероятно, усталость подтачивала этого намаявшегося за день пожилого человека. Да и синие мешки, набрякшие под глазами, почернели. Неожиданно ровный голос Тимофея Тимофеевича прервался, и он с минуту молчал. Встревоженный Горелов и подумать не мог, что жесткий безжалостный спазм сдавил сердце конструктора, будто спрашивая: живота или смерти? «Ладно, живота»,— отмахнулся Тимофей Тимофеевич. Никому, кроме личного врача, не говорил он о надвигающейся опасности, а с того взял слово, что будет молчать о его болезни. Таблетки валидола глотал лишь в самых крайних случаях, когда никого не было рядом, и считал это делом абсолютно зряшным.

Спазм прошел. На бледном лице проступили мелкие бисеринки пота, но глаза сразу оттаяли, повеселели. Кто его знает, может, и еще одна схватка со смертью была выиграна. А сколько их впереди! «Ерунда! — успокоил себя конструктор.— Лишь бы выходить победителем после каждой и лишь бы корабли, его разумом одухотворенные, уходили ввысь по своим космическим маршрутам». Снова посмотрел на спокойное лицо капитана, одобрительно подумал: «Внушительно держится парень. Скромно, без рисовки».

— Так о чем это, бишь, я? — продолжал конструктор вслух.— О системах посадки? Да. Мягкая посадка гораздо проще и комфортабельнее. Все мы немного эпикурейцы и привыкли к приятным ощущениям. Признаюсь, Алеша, что, когда дебатировался этот вопрос, у меня появилось много решительных оппонентов. В чем только они меня не обвиняли: и в консерватизме, и в рутинерстве. Ссылались на то, что катапультное устройство увеличивает вес «Зари», что летчику-космонавту, уставшему от длительного полета, придется в этом случае ощущать дополнительные перегрузки. Я терпеливо выслушал все эти весьма резонные доводы и согласился с

ними. Но,— Тимофей Тимофеевич весело улыбнулся, и глуховатый смешок слетел с его губ,— оставил все по-своему. Скажете, Алеша, упрямый старик? Нет, и тысячу раз нет. Было одно обстоятельство, которое в моих глазах оправдывало подобное рутинерство. Знаете, как оно именуется? Жизнеобеспечение космонавта, желание перестраховаться за его жизнь. Вы идете в трудный и опасный полет, Алеша...

— Но ведь манекен, мой безмолвный двойник, уже успел в такой полет сходить и вернуться на Землю,— вставил Горелов.

— Откуда узнали? — покосился на него Тимофей Тимофеевич.

— Инженер Зотов успел шепнуть полчаса назад, когда я к вам собирался.

— Неисправим Михал Гурьевич,— с напускной сердитостью проворчал конструктор.— Всегда поперед батьки в пекло лезет. Хотел вам первым приятную новость сообщить, а он... Да, это полностью соответствует действительности. Манекен сходил. Ему даже курносый нос удосужились мои шутники приспособить, чтобы довести сходство до максимума. Кстати, по рекомендации того же Зотова. Но ведь это же — манекен, лишенный слуха, зрения, дара речи, нервной системы и серого мозгового вещества. А вы всем этим, мой дорогой друг, обладаете, потому что вы — че-ло-век! Манекен, к сожалению, лишен возможности рассказать нам, как ему было на окололунной орбите и что он перечувствовал и пережил на маршруте Земля — Луна.

Конструктор снова поднялся из-за стола. За его креслом черными шторами была закрыта довольно большая часть стены.

— Подойдите поближе и станьте со мною рядом,— торжественно пригласил он. Горелов послушно приблизился. Тимофей Тимофеевич нажал на стене кнопку, шторы раздвинулись, и Алексей увидел большой чертеж. У него перехватило дыхание. Крупными буквами над строгими линиями чертежа было написано: «Схема облета Луны на космическом корабле «Заря».

Мягко лился уютный зеленый свет из-под стеклянного абажура настольной лампы. За окном темная звездная ночь. В огромном кабинете идеальная тишина. Он стоит у схемы предстоящего полета рядом с создателем нового космического корабля, способного доставить человека в

малоизвестное окололунное пространство. И этим человеком будет он, простой волжский парень Алеша Горелов, сын солдатской вдовы Алены Дмитриевны. В комнате ему вдруг стало спокойно и уютно. И Тимофей Тимофеевич, глуховато покашливающий в кулак, большой, широкоплечий, заметно уставший, кажется таким обыденно простым, что не верится, будто он причастен к запуску сложного металлического сооружения, именуемого «Зарей». «Спокойно и мирно,— подумал Алексей.— А через несколько недель...» И он представил себя в кабине «Зари», в кресле пилота, и хвост пламени, сопровождающий старт космического корабля от пусковой вышки.

— Подойдите поближе,— раздался усталый голос.

Конструктор взял с чертежного стола указку, повел ею по тонким линиям чертежа, словно приглашая этим за собой и космонавта. Речь Тимофея Тимофеевича текла легко и свободно. Он называл цифры, параметры, давал характеристики поведения корабля на разных высотах, рассказывал, какой будет космическая ночь, когда «Заря» удалится от Земли почти на четыреста тысяч километров. Он увлекся и, казалось, забыл о слушателе. Мысль Алексея с трудом поспевала за его речью. И все же Горелов уяснял смысл сказанного. И чем глубже уяснял, тем более величественным казалось задуманное. Черная многоступенчатая ракета вынесет его на околоземную орбиту. Где-то в расчетной точке, ее и назвать-то можно будет лишь накануне пуска, он должен освободиться от сгоревшей ступени и засечь по приборам запуск новой. Именно тогда «Заря» рванется к Луне. Она будет удаляться от Земли, пока не сблизится с ночным светилом на двести — сто километров. Потом «Заря» впишется в окололунную орбиту и по заданной программе сделает несколько витков. А после... после будут запущены дополнительные двигатели, и по такой же траектории она вновь вернется к Земле и посадит его, Алексея Горелова, где-нибудь в казахстанских степях. Очень стройной была разработанная учеными и конструкторами схема. И все же она будила неясную тревогу, когда попытался представить себе Горелов вместо черной тонкой линии чертежа необъятные, пугающие дали космоса.

Конструктор положил указку на зеленое сукно письменного стола.

— Что скажешь, Алеша? Грандиозно, не правда ли?

— Дух захватывает, Тимофей Тимофеевич.

— Однако, дорогой Алексей, каким бы будущий полет заманчивым и дерзким ни рисовался, вглядываясь в этот чертеж, вы должны постоянно помнить о реальных трудностях, с какими встретитесь. Они огромны.

— Так ведь я же космонавт,— улыбнулся спокойно Горелов, и его глаза из-под выгоревших бровей, не дрогнув, взглянули на конструктора. «Совсем как равный со мною держится»,— подумал Тимофей Тимофеевич, не любивший, чтобы люди, готовящиеся к полету, перед ним заискивали. Тимофей Тимофеевич покачал головой:

— До старта уже остается мало времени, и с завтрашнего дня вас ожидает тяжелая работа. Будете углублять свое знакомство с конструкцией «Зари».— Тимофей Тимофеевич кивком пригласил Горелова садиться и, вытянув перед собой длинные руки, долго рассматривал на них вздувшиеся вены.— Точного дня старта назвать пока не могу. Предстоят еще детальные исследования космоса в этом районе. Солнечную активность надо будет поточнее определить, о метеоритной деятельности подумать. Все это наши завтрашние заботы, Алеша. А сейчас вам и о другом небесполезно узнать. Эту информацию сообщаем только вам. Вы будете стартовать, мой дорогой, не первым. На космодроме, не считая «Зари», два готовых к запуску корабля — «Молния» и «Аврора». Один из них, трехместная «Аврора», уйдет в космос до вашего старта. Командиром его рекомендуется Костров, вторым пилотом — Сергей Иванович Ножиков. Вопрос о третьем члене экипажа решит в ближайшие три дня генерал Мочалов. Полетит девушка: Светлова или Бережкова — сказать пока трудно, она выполнит задание, к которому уже давно готовилась, вместе с Ножиковым на большой высоте выйдет в открытый космос. Это очень важно осуществить перед вашим стартом — выход в открытый космос на такой высоте. Это будет, скорее, не полет, а выстрел в бездонный космос, вызов неизвестности. Экипаж пройдет сквозь все радиационные пояса. Для вас Костров выполнит роль лоцмана... А после этого совершенно неожиданно для любителей сенсаций мы запустим вас. Дублером я предлагаю Андрея Субботина. Это вас устраивает?

— Еще бы! — одобрил Горелов.

Тимофей Тимофеевич пытливо на него посмотрел:

— А почему «еще бы»? Разве Андрей Субботин самый близкий ваш друг?

— Нет,— запнулся Горелов.— Но и не далекий Один из самых близких.

— А кто же у вас самый близкий?

Алексей растерялся. В отряде генерала Мочалова он любил всех и все любили его. Но он обязан был выделить лучшего друга, отвечая на вопрос главного конструктора. Вскинул голову и произнес:

— Володька Добрынин.

Тимофей Тимофеевич недоуменно пожал плечами:

— Добрынин? Что-то не припоминаю...

— Он не космонавт,— весело уточнил Горелов.

— А кто же?

— Сосед по парте. В верхневолжской средней школе вместе учились.

Конструктор прощающе улыбнулся:

— Вот видите, как сложно назвать близкого друга. Я бы мог произнести тысячу банальных слов о том, что самый близкий друг — это коллектив, и, если коллектив уважает человека, то человек этот всяких похвал достоин. Ерунда, Алеша. Все не так. В молодости лучшего друга легче искать, чем в средние годы, не говоря уже о старости. Жестокий закон диалектики. С годами мы все меньше и меньше становимся простодушными, обремеияемся жизненным опытом, приобретаем в какой-то степени индивидуализм. Желание любить всякого, кто с первого взгляда пришелся тебе по сердцу, сменяется скептицизмом. Мы становимся суше и строже. А сухость и строгость — дар мозга, но не сердца. Ни одна философская концепция не в состоянии это объяснить. А жаль. К старости надо быть добрее, щедрее душой и все отдавать людям. Да-с.— Он глубоко вздохнул.— Однако мы слишком отклонились. Значит, вы довольны, что дублером я беру Андрея Субботина? Мне тоже он нравится. Шумливый и задиристый с виду, а присмотришься — и убедишься, как он настойчив и серьезен. Вот я и объяснил в общих чертах предстоящее задание. А теперь за работу. Желаю тебе успеха, Алеша.

Он снова назвал его на «ты», и Горелов еще раз воспринял это как добрый знак.

Алексей вышел из раздевалки в одних голубых плавках, туго обтягивающих бедра, и распахнул дверь плавательного бассейна. На четырех дорожках, разделенных

легкими пенопластовыми поясами, вода была ровной и прозрачной. Солнце, пробивающееся сквозь стеклянную крышу, делало ее чуть зеленоватой. Космонавты в ожидании начальника физподготовки Баринова сидели на трибуне и слушали Андрея Субботина, только что возвратившегося из отпуска. Андрей побывал в родной Сибири и сейчас, обхватив колени загорелыми сильными руками, рассказывал что-то до того интересное, что Горелов не увидел ни одного равнодушного лица. Даже непроницаемый Игорь Дремов оглушительно хохотал.

— Здравствуй, Андрей,— подходя к скамейке, поприветствовал товарища Горелов. Субботин поднял голову, критически его осмотрел. Веснушки вздрогнули у него на лице.

— Здравствуй, «лунник», если не шутишь.

— Как погостил у своих? — воспользовавшись паузой, спросил Горелов.

— Спасибо, не жалуюсь.

— Батька жив, здоров?

— Живой, Алешка,— мягко улыбнулся Субботин.— Чего ему сделается! Кость крепкая. До восьмидесяти грозится, как минимум, дотянуть. И еще, знаете, ребята, что сказал? Пока тебя в космос не запустят, обязательно буду на белом свете дожидаться. Только ты, говорит, не летай по одной орбите. Хватит над своей планетой кружить да горючее жечь. Повыше надо. Видите, как он на космонавтику смотрит.

Ножиков потрогал шрамы, оставшиеся на левом боку после автомобильной катастрофы, одобрительно качнул головой:

— Довольно прогрессивный взгляд.

— У него на все такой взгляд. Говорит, в гору движемся. Старикам пенсия, на трудодень рубль пошел, зерна и овощей побольше стало. И тут же спросил: «А знаешь, Андрюха, бисов ты сын, почему улучшения наступили? Потому, что кукурузу сеять перестали». И целую историю в подтверждение привел. Сибирь-то наша, она суровая и студеная. Не все на ее земле вызревает. Ну, а раньше, что ни год, то обширный план по кукурузе спускали. Из области в район, из района в колхоз. Как наши седобородые старики ни доказывали, что сибирский климат не по кукурузе, планы лишь увеличивались. А она у нас всего сантиметров на двадцать поднимется,

а тут бац — заморозок, и все пропало. Приехал к нам как-то один руководящий товарищ совещание по внедрению кукурузы проводить. А у нас секретарь райкома был молодой, смелый, горячий. Взял да и выступил с критикой кукурузной проблемы применительно к сибирским условиям, доказательно, с цифрами и фактами, с анализом затраченных впустую труда и средств. Говорят, даже этот руководящий товарищ ему поаплодировал. Скупо, но поаплодировал. По залу веселый шумок прокатился. Только поехал мой батька через две недели в район на совещание передовиков, в зал вошел и видит: графин и скатерть на столе президиума те же, а секретарь райкома новый. Батька дотошливый. Тотчас же к соседу: а где, мол, наш старый? А тот только руками развел: понимать, дескать, надо.— Субботин усмехнулся и закончил: — Теперь-то в нашем районе кукурузу не сеют.

Костров поправил на лбу челочку и потрепал по плечу рассказчика:

— Постой, Андрюша. Прошлое прошлым. Ты лучше расскажи, как отдыхалось?

— Отдыхалось... Да разве мой батька, этот скаженный старик, даст отдохнуть! Ножиков, ты зажми уши, как партийный секретарь, потому что я в нарушении бытового режима каяться буду. В первый вечер, крути не крути, выпить пришлось. Песни пели.

— Какие песни? «Шумел камыш», что ли?

Субботин скосил на него зеленоватые глаза:

— Ой, как культуры тебе не хватает, малютка! Слова сказать товарищу не даешь. Песни всякие были, кроме арии доктора Фауста, конечно. Она на нашей сибирской земле еще не привилась. Так вот попели мы и разошлись. Я в скирду ночевать забрался. Наконец-то, думаю, на свежем воздухе отосплюсь и никто утром не будет на физзарядку выгонять. Да не тут-то было. Не успело развиднеться, батька меня за шиворот поднял: «Вставай, бисов сын. Ты в родной дом, а не на курорт приехал!» Гляжу, у него две косы. «Умывайся,— командует,— пойдем пшеницу на Лысом бугре косить. Там круто, комбайн не проходит». Оказывается, собрал он человек пятнадцать пенсионеров, таких же, как и сам, и меня к ним прихватил. А уж попреков от него наслушался, пока работал. И косу я держу не так, как надо, и нагнуться лишний раз не соизволю. Никто еще меня в жизни так не

критиковал, как батька в тот день. «Какой же ты космонавт? К далеким мирам лететь собираешься, а Лысого бугра выкосить не можешь». Только бугор этот самый Лысый я все же одолел, ребята. И вечером батька другое уже говорил обо мне. Но это все прелюдия. Сейчас я перейду к основному рассказу, и вы убедитесь, что самое главное не то, как меня встречали, а как провожали.

— Салютом наций из берданки, что ли? — подал голос Дремов, но Субботин строго поднял руку.

— Подожди, подожди. События развертывались следующим образом. Кроме батьки и братьев, в нашем селе меня все воспринимают как военного летчика. Члены моей семьи государственную тайну блюсти умеют, о том, что я космонавт, ни гу гу. Так вот. Перед самым отъездом меня заставили рассказать допризывникам о боевой авиации. А потом председатель колхоза в честь моего отъезда охоту на уток организовал. Решили к вечерней зорьке на озеро поспеть да там же после охоты и заночевать. Мужиков на охоту с десяток собралось. Батька годами стар, дома остался. В ту пору в нашем районе лилипуты гастролировали. Двое за нами увязались. Оба этакие важные, розовощекие. А веселья в них! Анекдотами даже нашего мрачноватого Игоря сумели бы заморить,— покосился он на Дремова.— Звать одного из них Петр Семеныч, а другого — Семен Петрович. У того и у другого — по ружьишку. Им на заказ персональные короткоствольные сделали. Перед выходом мы вспомнили, что озерцо это топкое, к нему через камыши пробираться надо. А лилипутики маленькие, не ровен час оскользнется какой. Долго ли до беды. Вот и решили, что Петр Семеныч пойдет под наблюдением самого председателя колхоза, а над Семеном Петровичем Тарасик шефство возьмет.

— А это что еще за личность в твоем рассказе? — удивился Ножиков.

— Тарасика нашего не знаешь! — возмутился Субботин.— Да его знает вся Сибирь. Это же такая колоритная личность! Тарасику сейчас за пятьдесят, рост два метра, в плечах косая сажень. Подковы запросто гнет. На войне был в артиллерийском расчете, так, говорят, будто «сорокапятку» один из болота вытаскивал. А когда с фронта вернулся, батька мой ему на сходке прозвище дал. «До Тараса Бульбы,— говорит,— ты немного не дотянул, но мы тебя всем селом любим. Поэтому не Тара-

сом, а Тарасиком будем звать». Вот идут с этим самым лилипутом, утка из камышей — фрр. Семен Петрович из своего ружьеца — бах, она и заштопорила вниз. Лилипут на радостях за ней да с кочки сорвался и — в воду. Там, где Тарасику по колено, ему — с головкой. Оборотился Тарасик — нет лилипута. Он на воду глядь — по ней пузыри. Еле успел своего подопечного за шиворот вытащить. В грязи весь Семен Петрович, ругается, плюется. Но и это не самое главное. Уток мы настреляли, рыбы наловили. Ужин получился на славу. Что уха, что дичь. Ну, хлебнули по маленькой для профилактики, чтобы простуду какую не подцепить. Взрослые ничего, а вот лилипутиков наших подразморило. Тарасиков подопечный сразу задремал. А Петр Семеныч по малой нужде отлучился да и не пришел. Ужинали мы на лесной опушке, озеро и камыши остались позади. Поэтому за лилипута не беспокоились. Решили: облюбовал себе где-то поблизости удобное местечко и прикорнул. Мы тоже заснули. Сибирское лето иной раз коварным бывает. Проснулся под утро председатель от холода. Надрал коры, костер по всем правилам распалил. И вдруг увидел, что чуть подальше стог сена чернеет. «Эх, сенца бы в костер,— подумал председатель.— Сразу бы все отогрелись. Надо Тарасика разбудить, он добрую охапку принесет». Тарасик спросонья не сразу взял в толк, чего от него требуют, а потом одобрил замысел, потому что и сам основательно продрог. Сапоги натянул — и бегом к стогу. Несет, отдувается. Охапка огромная в его руках. К костру подошел, шаг замедлил и говорит председателю: «Эх, Егорыч, видно, года мои на излете. Всего с полверсты охапку протащил, а весь от пота взмок». Тарасик охапку сена в огонь — бух, да так и обмер. Из сена-то лилипут Петр Семеныч вывалился.

Космонавты так и прыснули со смеху.

— Ну и блондин! — воскликнул Дремов.— С тобой не заскучаешь. Куда ни повернешься, везде происшествие сотворишь.

— Да разве ж это я! — отнекивался Субботин.— Это же Тарасик учудил. Земляк.

— Расскажи еще что-нибудь! — попросил Костров.

Субботин быстро поднялся.

— Нет, ребята, хватит. Продолжение, как говорится, следует.— Предвкушая плавание, он забарабанил твердыми пальцами по груди.

Горелов подошел к Субботнну вплотную.

— Андрей, нам надо поговорить.

Тот удивленно расширнл глаза, взъерошнл свон белесые волосы, которые, как их ни прнчесывай, все равно не в состоянин закрыть лысеющую макушку.

Они отошлн в сторону.

— Я тебя слушаю.— Голос Субботнна прозвучал не сухо н не насмешливо. Какое-то скрытое волненне, смущенность и тревогу уловил в нем Алексей. И, решив ндтн напрямик, спроснл:

— Андрей, ты уже знаешь?

— О чем?

— О будущем старте.

— О том, что могу оказаться твоим дублером?

— Да.

— Знаю.

Их взгляды встретнлись. Горелов уднвнлся — лнцо товарнща стало совсем иным, незнакомым, будто с другнм Субботнным разговарнвает он. Всегда вздрагивающие в усмешке губы Андрея замерлн. Не было задиристых огоньков в глазах под редкимн светлымн бровямн. Нет, это было совсем иное лицо. Не пересмешника-острослова, а серьезного, даже чуть строгого человека. Никогда раньше не мог подумать Алексей, что у его товарнща могут быть такнмн задумчивыми глаза. «Каким же я все время был слепым,— упрекнул он себя с огорчением.— Ты считал, что Андрей Субботнн — веселый бесшабашный парень. И ни разу тебе в голову не прншло, что своей насмешливостью он, как щитом, прнкрывает настоящего Субботнна, пытлнвого н скромного. А вот Тнмофей Тнмофеевнч, общавшнйся с ннм так мало, сразу угадал в нем нменно этого Субботнна».

— От кого ты знаешь об этом, Андрей? — тнхо спроснл Горелов.

— От нашего генерала Сергея Степановнча... Только это строго между нами.

— Да, Андрей,— улыбнулся Горелов.— С грнфом «сов. секретно».— Помедлнл н уточннл: — Характер задання тоже знаешь?

— Да.

— И кто будет запущен в космос до «Зарн»?

— Тоже.

— Скажи по-честному, ты обижен, что попал в дублеры, тогда как я...

— Алешка! — прервал Субботин, и губы его дрогнули.— Как ты смеешь, дружище? Я очень за тебя н за себя рад. Я верю, что ты все-все сделаешь хорошо. Это принимай как оценку дублера.— Он схватил сильными руками Алексея за плечи, резко встряхнул. Горелов не остался в долгу. Тоже потряс Субботина. Издалн могло показаться, что оин меряются силою. Нежности в этом никто не заподозрил бы.

В семь утра Горелову позвонилн.

Он отложил в сторону гантели, снял телефонную трубку:

— Вставайте, мой друг, вас ждут велнкие дела,— пошутил генерал Мочалов.

— Почему так торжественно, Сергей Степанович?

— На ваше нмя получена телеграмма. Встречайте мамашу в двенадцать дня на Леиинградском вокзале. Вагон шесть.

— Как же так? — растерялся Горелов.— У меня в десять тридцать тренаж на корабле «Заря». Времени только позавтракать осталось. Может, кого нз друзей попрошу ее встретить? — неуверенно предположнл Горелов. В трубке послышалось шумное дыханне генерала. Алексей давно уже знал: Мочалов так дышнт, когда серднтся.

— Да-а,— сказал наконец генерал,— у каждого нз нас мать лишь одна бывает. А вы свой долг на кого-то переложнть рады. Был бы на моем месте ваш старый комдив Кузьма Петровнч Ефнмков, давно бы уже сделал заключенне, что вы «не на уровне».

— Так ведь тренаж на корабле, товарищ генерал.

— Отменяю тренаж,— веско заключнл Мочалов.— Проведете сегодня весь день с матерью. Больше до старта такой возможностн не предвндится...

После завтрака Горелов выехал нз городка в Москву. День обещал быть жарким, над лесом уже дрожало струйное марево.

Пока ехали, Алексей все думал н думал о матери. Почтн год онн не вмделнсь. Да и вообще с той поры, как был он зачислен в отряд генерала Мочалова, раза трн приезжал он в Верхневолжск н однажды, в прошлом году, погостнла у иего Алена Дмитриевна. Алексей не сдержал легкого доброго смешка, вспомнив этот визит. Даже шофер на него покоснлся, недоумевая, что бы так могло развеселить капитана? А внзит н на самом деле сложнл-

ся любопытно. Ни разу не сказал Алексей матери во время своих коротких наездов в Верхневолжск о том, что он служит теперь в отряде космонавтов. Однажды, растапливая печь, Алена Дмитриевна с доброй проницательной улыбкой поинтересовалась:

— Как у тебя служба идет, сынок, в твоей секретной части? Лучше или хуже, чем в летчиках?

— Лучше, мама,— подтвердил он.

— И летать приходится меньше?

— Гораздо меньше, мама.

— Вот и хорошо это,— согласилась Алена Дмитриевна и прекратила расспросы.

Потом она собралась к нему и приехала в городок посмотреть на все своими глазами. В фанерном чемодане привезла гостинцы: пол-окорока и раннюю анисовку. С некоторым удивлением обошла его просторные комнаты, скосила взгляд на полированный стол с белым телефоном и на пластмассовый широкоэкранный телевизор, на позолоченные и посеребренные тиснением корешки книг в шкафу.

— Ты один или с товарищем каким здесь живешь?

— Один, мама.

— Не больно ли шикарно, Алешка?

— Не знаю,— засмеялся он.— Начальство так приказывает.

— Начальству виднее,— степенно согласилась Алена Дмитриевна.

Не успели они накрыть на стол, зазвонил телефон. Алексея срочно вызывали.

Он поцеловал мать в щеку:

— Извини, мама, скоро вернусь.

— Ну, иди, иди, сынок. Служба, ничего не поделаешь,— напутствовала Алена Дмитриевна.

Он возвратился довольно скоро и был удивлен переменой, происшедшей в матери. Глаза были тревожными и озабоченными, она долго не сводила с него взгляда.

— В чем дело, мама? Что тут произошло?

Алена Дмитриевна села за стол, стала задумчиво протирать тарелку за тарелкой, хотя они и без того были чистыми.

— Я тут без тебя два раза выходила на звонок, Алешенька.

— Ну и что же?

— Первый раз дверь открыла — Гагарин на пороге

стоит. Он хоть и без орденов, но я его сразу признала. Все-таки и золотая звездочка на кителе, и значок космонавта. Не успела ему сказать, что тебя нет, следом — Титов. Улыбается и вежливо-вежливо спрашивает, где, мол, Алексей Павлович. Отвечаю — нет. Он сощурился и сказал: «А вы его мама? Очень приятно познакомиться». И руку мне пожал. Скажи, сынок, они просто твои знакомые или...

— «Или», мама! Честное слово, «или»,— хохоча перебил ее Алексей.

Алена Дмитриевна растерянно развела руками:

— Стало быть, и ты космонавт?

— И я, мама.

Она грустно и озадаченно покачала поседевшей головой:

— Ой, Алешка, сынок ненаглядный, хоть бы ты никогда не летал в этот самый космос.

— Да отчего же? — удивился Горелов, но мать сухо его остановила:

— Нет, ты мне скажи, может так случиться, что ты готовишься, готовишься к полету и не полетишь?

— Конечно, может.

— Вот и хорошо, если бы так случилось,— строго подытожила она.— Не хочу, чтобы ты Землю под ногами терял даже на считанные дни. К ней потом прирастать трудно.

— Мама, да почему? — весело поинтересовался Алексей.

Она подняла сухую узловатую ладонь:

— Потом тебе объясню. Когда взаправду лететь соберешься.

«Чудная мама,— подумал сейчас, мчась в машине на вокзал, Горелов.— Эти внезапные переходы от нежности к строгости — пойди разберись в них».

Вдруг он вспомнил о Лидии и с тревогой подумал: «Мама вынесет мне приговор». Письма Лидии, то короткие, то длинные, завершавшиеся Наташкиными каракулями, приходили из Степновска чуть ли не каждый день. От них Горелов свежел душой, словно обдуваемый весенним ветром, легко носился по гарнизону, выполняя свои сложные обязанности космонавта, готовящегося к старту. Когда оставался один, перечитывал их, переживая все, что переживали до него целые поколения влюбленных молодых людей. Но было в его любви одно не со-

всем обычное обстоятельство. Далеко не каждый из любивших впервые собирался связать свою жизнь с женщиной и сразу сделаться отчимом. Его первая любовь была значительно сложнее. Чего же боялся Алексей? Неужели того, что он не сможет принять Наташку, как свою родную дочь? Нет, совсем нет! К этой светловолосой девчонке с синими льдинками глаз он сразу привязался, как к родной, и она потянулась к нему всем сердечком. Может, тень прошлого и мысли о том, что не ему, а другому подарила Лидия первые свои ласки? И тоже нет. Разве она виновата и тем более тот, другой, давно уже ставший жертвой радиации? Больше всего боялся сейчас Алексей матери, ее последнего материнского слова. Он ей написал, что полюбил женщину и собирается связать с нею жизнь, удочерив ее ребенка, ее Наташку. Сообщил об этом матери очень кратко. В ответ не получил ни слова. Ни одобрительного, ни порицательного. Приходили одно за другим из родного Верхневолжска письма с обычными ласковыми концовками, в которых просила Алена Дмитриевна сына беречь себя, не спать при сквозняках и одеваться потеплее в морозы, вовремя ложиться и встречать на ногах солнце, но о Лидии не было в них и намека. Будто не существовало и Лидии, и их любви.

За окном машины уже проносились окраины столицы. «Волга», вздрагивая, замирала у перекрестков под светофорами. На перрон Ленинградского вокзала Горелов вбежал в ту минуту, когда зеленый электровоз уже подтягивал к тупику длинный состав. Он быстро вскочил в шестой вагон и обнял в купе заплакавшую от радости мать. Несмотря на жаркий день, был на Алене Дмитриевне утепленный синий плащ и белые вязаные носки.

— Задохнешься, мама,— ласково усмехнулся сын,— сегодня по сводке тридцать два предполагается.

— Пар костей не ломит,— ответила она.

Алексей скользнул глазами по новенькому коричневому чемодану.

— Ого, мама! Да ты на этот раз без деревянного сундучка. Чемоданчик-то модерновый.

— Чего ж хотел, Алешенька? Век ведь ноне такой. Нейлон, перлон, стеклянные дома. У меня сейчас девчата, студентки из техникума живут. Пустила, чтоб не так скучно было. У них только и разговоров, что про этот перлон да нейлон. Вот и я отставать не хочу от века.

— Молодчина, мама!

Пока они шли по перрону к выходу на привокзальную площадь, он искоса рассматривал мать. Она стала сутулее, чем в прошлый свой приезд, а острые похудевшие плечи опустились, не были гордо выпрямленными, как раньше, на обветренных щеках появилось много новых морщинок. А глаза были прежние: черные, добрые, с затаенной грустинкой. Мягкая, будто прощающая что-то такое, что не следовало бы сразу прощать, улыбка теплилась на сухих губах.

Они приехали в городок в обеденные часы. Алексей позвонил в столовую, попросил принести два обеда. Сейчас его в городке баловали, любая официантка считала чуть ли не за честь выполнить такое поручение. Мать, распаковывая чемодан, неодобрительно усмехнулась:

— Глядите-ка, люди добрые, уже и обеды на дом требует. Ни дать ни взять генерал какой! Да я бы лучше сама сходила за тем обедом... А судочки, в каких еду принесут, они, часом не серебряные? Это же стыдно, чтобы мне, колхознице, в судочках обед приносили.

— Не ворчи, мама,— остановил ее Алексей.— Ты же такой редкий гость. Хочешь, и генерал у нас будет сейчас за столом? Наш командир, Сергей Степанович. За-ме-чательный мужик!

— Вот еще,— отмахнулась Алена Дмитриевна.— А Министра обороны случайно позвать не сможешь?

Она выкладывала на стол свои крестьянские дары, без которых не мыслила поездку к сыну. Алексей хватал их в руки и не скрывал восторга:

— Ну и прелесть ты у меня, мама! Мед-то какой свеженький да на цвет яркий. А сальце-то, сальце в четыре пальца толщиной. Огурчики, наверное, прямо с грядки? И, конечно же, анисовки. Небось с той яблоньки, что под моим окном?

— С нее, сынок,— вздохнула мать.— Еще не забыл, в каком году она посажена?

— Нет, мама.

— В том самом, когда ты родился. Это я своими руками ее посадила по просьбе Павлика, отца твоего. Он так и отписал с фронта: посади, Аленушка, яблоньку в честь моего Алешки, и пусть она растет с ним наравне.

Мать подошла к стене, на которой висела дорогая ее сердцу картина. Высокий обрыв над бурным течением Днепра, одинокая солдатская могилка и две скорбные

фигурки у нее: женщина, согбенная от горя, и мальчик в стоптанных башмаках. Это были они — вся семья Гореловых: он, мать и отец. Только отец ничего уже не мог сказать из-под могильного камня. «Дуб над Крутояром» называлась эта картина. С гордостью считал космонавт Горелов, когда-то мечтавший стать художником, что это единственная работа, за которую ему ни перед кем не стыдно.

— Чудесно как, сыночек,— прошептала Алена Дмитриевна,— даже плакать хочется.— Затем мать подошла к мольберту, стоявшему в самом светлом углу, долго и внимательно рассматривала неоконченный портрет женщины с высокой прической и задумчивыми синими глазами, смотревшими на нее с добрым участием. Опустила взгляд на валявшиеся в беспорядке краски и кисти.

— Красивая... Она, что ли?

Алексей лизнул языком внезапно пересохшие губы. Вот и начался разговор, которого он ждал и побаивался.

— Она, мама.

Алена Дмитриевна ладонями поправила на висках волосы и устремила взгляд в раскрытое окно на звеневшую под ленивым горячим ветром листву. Спросила:

— Она, как же, Алешенька, сама мужу отставку дала или он ее вместе с дочкой кинул?

Горелов не совсем приветливо спросил:

— А разве я тебе об этом не писал?

— Нет, Алешенька. Не соизволил,— строго отрезала мать.

— Странно,— пожал он плечами,— а мне казалось...

Она перебила его:

— Что же произошло у ней с мужем и где он теперь проживает, там или где?

— Его нет, мама.

— Знаю, что нет,— спокойно, по-прежнему сурово выговорила она.— Был бы с нею, такого, думаю, у тебя не получилось бы. Не стал бы мой сын ломать чужую семью.

— Его совсем нет, мама,— негромко пояснил Алексей.— Он погиб...

Алена Дмитриевна бросила недоверчивый взгляд на сына, перевела глаза на портрет женщины, потом снова на него.

— Бедная,— произнесла она.— И ты ее сильно любишь, Алеша?

— Другой не надо,— подтвердил он спокойно, не отводя глаз.

— А дочка, сиротинушка, как же? Ты уверен, что сможешь ей стать заместо родного отца? Это не легко. Ой, как нелегко, сынок. Сам ведь помнишь, как тебе плохо было, когда вышла я замуж за агронома... за Никиту Петровича этого. Так вы с ним и не подружились.

— Я в то время помешал тебе, мама. Прости,— грустно признался Горелов и опустил курчавую голову.— Был глупым, горячим и очень любил своего отца. Мне тогда казалось невероятным, как это ты можешь выйти замуж за такого потертого жизнью скрягу. Где он сейчас?

Алена Дмитриевна горько вздохнула:

— Бог ему судья, сыночек. Скончался в прошлом году от... от инфаркта. Не надо о покойном. Ты вот сейчас верно сказал, что ребенку трудно представить, как это так вдруг да появится у него новый отец. А что, если и Наташка так?

Горелов резко встряхнул головой, освобождаясь от неприятных воспоминаний. Глаза его повеселели, лицо прояснело от улыбки.

— Наташка? — переспросил он бодро.— Да что ты, мама, что ты, милая! Да если бы ты знала, как мы с нею друг к другу привязались. Когда она болела и капризничала, так в кровать с моей летной фуражкой ложилась. Это — чтобы я не уходил от них. Понимаешь? Она же совсем малюсенькая была, когда отца не стало.

Мать приподнялась на цыпочки и запустила сухую натруженную руку в его вьющиеся волосы, перебирала их, пока не устала стоять. Потом села и с теплинкой в голосе произнесла:

— Перерос ты меня, Алешка. Давно перерос. А как был с душой нараспашку, так и остался. Значит, здорово сердечко защемило?

Он зажмурился, головой ткнулся в ее плечо. Мать целовала пахнущие ветром и солнцем щеки и волосы сына.

— Хочешь знать мое слово? — вдруг спросила она.

Горелов выпрямился, сильными руками схватил ее, отрывая от пола, и закружил по комнате. Предчувствуя победу, он весело и громко повторял:

— Хочу, мама, обязательно хочу!

— Да отпусти ты меня! — взмолилась Алена Дмитриевна и, как только сын выполнил просьбу, села на диван, тяжело отдышалась.

— Видишь, старая стала. Дышу тяжко, будто не ты меня, а я тебя по комнате кружила. А ведь давно ли колыбельные тебе пела. Вымахал.

— Мама, слово скажи, как можно скорей скажи! — просил он.

— Разбойник,— сдавленно засмеялась Алена Дмитриевна,— ведь все по моим глазам уже угадал. Люби ее, если веришь в свое счастье. Вот тебе мое слово!

— Спасибо, мама,— Алексей торжественно опустился перед ней на колени и поцеловал изрезанную складками руку.

Потом из книжного шкафа Алексей достал бутылку с яркой этикеткой, замаскированную томиками Куприна, они молча и торжественно сели за стол.

— Это французский коньяк, мама. В самом Париже куплен. Алеша Леонов подарил эту бутылочку. Может, выпьешь?

Он вопросительно взглянул на мать, ожидая, что она сделает отрицательный жест. Но глаза ее заблестели, и с какой-то отчаянной решимостью она махнула рукой:

— Была не была, Алешенька. Давай сегодня по две маленьких рюмочки выпьем! Одной твоего отца помянем, другую за твою невесту. Не хотела я, сынок, ой, как не хотела, чтобы ты на вдовушке женился. Но сердцу разве прикажешь? Если ей веришь, если любовь настоящая, большая пришла, ни на кого не смотри!

— Я тоже так думаю, мама. Тогда и третью маленькую рюмочку придется сегодня нам выпить. Как видишь, настоящее пиршество получается.

— А третью за что же?

— За...— он не успел договорить, белый телефон захлебнулся длинным звонком. Горелов отошел от накрытого стола, снял трубку. Мать следила за ним недовольным взглядом, легко укладывающимся в слова: вот приехала, а с сыном и поговорить спокойно не дают!

— Это я,— сказал Горелов в белую трубку.— Слушаю тебя, Костров. У меня гость. Самый дорогой гость... мама.

Легкая рубашка с матерчатыми погонами была вольно расстегнута на Алексее, обнажала сильную, покрытую золотыми волосками грудь. Слышимость была настолько прекрасной, что многое из сказанного на другом конце провода разобрала и Алена Дмитриевна. Но она не сразу поняла, отчего так изменилось, сделалось торжественным и взволнованным посмуглевшее за лето лицо сына.

— Я тебя поздравляю, старик,— доносился из трубки голос невидимого Кострова.— Просто великолепно, что мать навестила тебя именно в эти дни. А я позвонил, чтобы попрощаться.

— Как? Ты уже?

— Уже, Алеша. И я, и Сережа Ножиков, и Женя Светлова.

— Почему не предупредил?

— Не имел на то полномочий. А сейчас со мной попрощаться ты уже не успеешь. У подъезда стоит машина. Да и не надо, Алеша. Дальние проводы — лишние слезы. Так во все века и эпохи говорено.— Сквозь приподнятый голос Кострова пробивалось волнение, и Горелов подумал, что сейчас, когда Костров произносит эти слова, на него безмолвно глядит черноглазая встревоженная жена Вера и восхищенные дети и что слова о дальних проводах и лишних слезах он говорит, чтобы их успокоить и подбодрить.

— Счастливого пути тебе, Володя,— заволновался неожиданно и Горелов.— Женьке и Сереже Ножикову по большому привету. По самому большому, дружище.

— Ладно, на космодроме свидимся,— коротко заключил Костров.— Маме своей от всей нашей семьи поклонись. До встречи!

Запели неуютные гудки. Алексей медленно положил на рычаг странно отяжелевшую трубку. На мгновение он забыл и о матери, не сводившей с него вопросительных глаз, и о комнате, в которой они находились. Знойный ветер далекого космодрома, казалось, ворвался в его квартиру, пьяняще ударил в лицо. Восторженными остановившимися глазами глядел он на синеющую линию соснового леса, подпиравшую голубой горизонт.

— Отчего ты так загрустил, Алеша? — не сразу дошел до него тихий голос матери. Горелов сбросил с себя оцепенение.

— Грусть — не то слово, мама. Я сейчас счастливый. Я очень счастливый.

— За кого? За своих товарищей?

— И за них, и за себя. Понимаешь, мама. Самое большое у человека счастье — это когда он стоит на пороге своей собственной мечты.

— А за что мы выпьем третью рюмку? — напомнила мать.

— За мой полет, мама,— широко улыбнулся сын и

смахиул с большого лба мелкие капельки пота. Алеиа Дмитрневиа порывисто встала. В черных глазах промчались одновременно и гордая радость за сыиа, и озабоченность, н даже нспуг. И тотчас же она медленно осела на стул, тяжело дыша, приказала:

— Налей по первой, сынок.

— Слушаюсь, товарищ мама,— оживился Горелов, и темно-коричневая жидкость полилась в малеикие рюмки.

— Это за Павла. За нашего отца. Будь его достоии, Алеша. Он хоть в космос н не летал, но сделал для родной земли не меньше, чем кто другой. Ои жизнь за нашу Советскую власть отдал. Не чокайся со миою, Алеша. За память о мертвых не чокаются.— Горелов смущеино отдернул руку с протянутой рюмкой:

— Простн, забыл. Мие только раз пришлось хоронить разбившегося друга. Да и то заболел и не попал иа поминки.

Мать выпила н с хрустом разгрызла свежий огурец, пахнущий волжской землей н солнцем.

— Налей по второй,— потребовала она н негромко продолжала:

— Этой второй давай мы чокнемся. Я ее за твою Лидию хочу выпнть. Чтобы жилось тебе с нею так ясно и счастливо, как мы с покойным твоим отцом жили. Только не год, как у нас, а до глубокой старости. Любовь в жизии — это очень дорогое. Берегите ее с Лндой.

Потом они елн борщ. Алеша знал, что мать его ие признает иного первого блюда, и поэтому заказал его на обед. Перед вторым ои в третий раз наполнил рюмки.

— А теперь мне что-нибудь пожелай, мама. Одиому мие.

Она достала облезлый футляр с очками н долго рассматривала сына сквозь стекла. Она и без очков видела хорошо. Алексей понял, зачем оиа надела их, когда увидел скупую слезу, замерцавшую на морщинистой щеке.

— Счастья, сыночек... одного только счастья,— начала она как-то жалостливо, но голос сразу выпрямился: — И уж если тебе нензбежно в космос лететь приказывают, так чтобы на Землю в срок намечеиный ты прибыл. Здоровый и невредимый. Еслн сможешь, скажн, далеко ли полетишь. На тыщу километров иль дальше?

Тугими непослушиыми пальцами Алексей скатал хлебиый шарик, как это делал когда-то в детстве, с инграниой беззаботностью сунул его в рот.

— Тебе под большим секретом скажу: к Луне, мама.

— К Луне? — Она прижала к груди сухонькие ладони и даже потемнела в лице.— Так... далеко?

— Да, мама.

— Сыночек! Ты же станешь одной маленькой песчинкой среди звезд!

— Очевидно, стану.

— Сколько до нее, до Луны-то, будет?

— Около четырехсот тысяч километров,— засмеялся Алексей.

— Господи, как страшно! — приглушенно воскликнула Алена Дмитриевна и даже перекрестилась, хотя никогда не ходила в церковь.— Это правда?

— Я же сказал, мама. Под самым большим секретом сказал.

Алена Дмитриевна встала из-за стола, потому что кусок уже не шел ей в рот, и беспокойными шагами заходила по комнате.

— Алеша, сынок... почему же тебя так далеко? Ну, летал бы, как все другие космонавты, на пятьсот, ну на тысячу верст, в крайнем случае, чтобы всегда под боком она была, Земля-матушка.

— Не могу,— улыбнулся Алексей.— Какое задание доверят, такое и выполню. А о таком я давно мечтал.

Мать еще говорила, ужасалась, но Алексей уже видел, как испуг и растерянность гаснут в ее взгляде, уступая место откровенному восхищению. Да и какая бы русская мать не совладала с волнением и тревогой и не стала бы восхищенно смотреть на родного сына, узнав, что ему первому из всего отряда космонавтов доверяют лететь к Луне.

— Что еще ты мне пожелаешь? — спросил Алексей.

Лицо матери стало строгим. Она остановилась посередине комнаты.

— Пожелаю, сынок. Обязательно пожелаю. Я знаю, что корабль, на котором ты полетишь, умные головы придумали. И назад ты на нем возвратишься, раз тебя запускают. Так вот, когда вернешься, не отрывайся от Земли, всегда помни, что это она тебя сделала человеком.

— А разве есть космонавты, забывшие об этом?

— Всякое случается, сынок,— ответила она уклончиво и повторила свою любимую фразу: — Доброе сердце у тебя, сынок. Смотри не попорть его, сбереги для людей.— Подумала и прибавила: — А особенно остерегайся

похвал и почестей. Другому они так голову кружат, что он замечать простых людей перестает.

— Что ты, мама! — испуганно огляделся Алексей по сторонам, словно кто-то чужой и нежелательный мог их в эту минуту подслушать.— Да разве со мной такое может случиться! Стыд и позор был бы!

В конце месяца Горелова вызвал генерал Мочалов и приказал собираться на космодром. Это была минута, на первый взгляд лишенная неожиданности, и все же он вздрогнул от волнения.

Вглядываясь в посеревшее лицо генерала, Горелов заметил:

— Устали вы, Сергей Степанович. Достается в эти дни. Вот и синие дужки под глазами залегли.

— Ладно, ладно,— мягко остановил командир отряда и положил ладонь на прохладный глобус Луны.— Не мне же, а вам выходить на окололунную орбиту. Проживу и с дужками. К тому же не люблю, когда меня начинают жалеть. Вы-то как?

— Вам лучше знать,— слукавил Горелов.— Космические наши эскулапы вам чаще о моем здоровье рапортуют.

Мочалов подумал, припоминая, и облегченно улыбнулся:

— Как будто злых доносов за последнее время не поступало. Да и ваш дублер Субботин в отличной форме. Одна беда, ваше настроение пока что никакие самописцы не фиксируют. Вы не находите?

— Нет,— решительно возразил космонавт.— По-моему, станет попросту скучно жить на свете, если появятся самописцы, способные фиксировать настроение и чувства человека. Даже начальника своего мысленно обругать воздержишься, если он тебе насолил. Придешь домой, а жена тебе раз под бок. Датчики на теле укрепит, штепсель — в розетку. А потом все это — на экран какой-нибудь. Поползут строчки, а она по ним станет выводы делать, любишь ее или не любишь, о ней думал или о другой. Чего же хорошего?

Мочалов оживился и крутанул глобус. Под его указательным пальцем проплыли Море дождей и кромка Моря Ясности. На каком-то тупоголовом кратере палец неподвижно застыл. Глаза генерала молодо и задорно посмот-

рели на собеседника из-под густых с проседью бровей:

— Да вам ведь, Алексей Павлович, это еще не грозит. Вы же человек от супружеского контроля свободный.

— Уже грозит, Сергей Степанович,— весело подтвердил Горелов и поднял на командира посветлевшие счастливые глаза. После того как их отношения с Лидией для многих в отряде перестали быть тайной, он радовался каждому вопросу и каждой шутке, хотя бы косвенно их затрагивавшей. Мочалов это прекрасно улавливал.

— Как, разве уже состоялась свадьба? — с притворной строгостью воскликнул он.— Космонавт Горелов женится, а командир отряда ничего не знает? Хо-ро-шо!

— Свадьба еще не состоялась, но это не имеет значения,— признался Горелов.— Все равно мы уже муж и жена. А что касается свадьбы, так она — после моего возвращения с орбиты. И вам не миновать, Сергей Степанович, роли посаженого отца. Какая же свадьба может обойтись без генерала в наш двадцатый атомно-космический век!

— Что же, Алексей Павлович, не откажусь от такой должности. А сейчас какие-нибудь личные просьбы есть?

— Есть, товарищ генерал.

— Я вас слушаю.

Алексей пошевелился в мягком кресле.

— Город Степновск...— медленно заговорил он и, сцепив руки, положил их себе на колени.

Мочалов весело подхватил:

— ...Находится в каких-то трехстах километрах от маршрута Москва — космодром. Вы это хотели сказать?

— С вами страшно,— пошутил Алексей,— вы не начальник, а счетно-решающее устройство.

— Спасибо за комплимент,— покосился на него Мочалов,— но как бы там ни было, а эту возможность я предусмотрел. Вы полетите на космодром спецрейсом. Кроме экипажа, вас и технического оборудования, на борту машины не будет ни одного человека. В полетном листе промежуточный аэродром Степновск уже обозначен. Об одном попрошу вас, Алексей Павлович,— генерал строго поднял вверх указательный палец.— Посадка в Степновске запланирована. Но я очень вас прошу, будьте предельно точным. На пребывание в Степновске вам отводится два часа. Только два. Больше не могу.

Двигатели гудели негромко, навевая сон. Они словно боялись потревожить плотную тишину темной ночи, опустившейся на города, леса и реки. Давно остались позади и затянулись непроницаемым пологом неба густые и яркие огни столицы. Ночь на всем пути встречала самолет, устремлявшийся на юго-восток. Звезды и облака громоздились в отполированном стекле иллюминатора. Откинувшись на мягкую спинку кресла, Горелов позевывал, смотрел на так хорошо ему известную картину ночного неба на высоте восьми тысяч метров. Она не вызывала сейчас волнения. Ни яркие выхлопы из патрубков, ни причудливые сплетения огней на земле, ни величественная, наполненная черным мраком пустота неба,— ничто не занимало его. В нем умер сейчас художник, искатель ярких, неповторимых красок, и остался один космонавт. Думал Алексей о предстоящем, как никогда, близком полете в лунное пространство. Долгое время, пока он изучал формулы Кеплера и вычерчивал многочисленные кривые, основанные на строгих законах небесной механики, был он далек от мысли, что полетит к Луне. Даже когда перевели его на специальную программу теоретических занятий и тренажей, полет этот казался ему делом весьма далеким и лично для него несбыточным. Но как только стал он изучать кабину нового космического корабля «Заря» и особенности полета по траектории к Луне с последующим переходом на селеноцентрическую орбиту, фантастика напрочь отступила и он увидел явь. Это была явь, родившаяся из дерзких предположений и настойчивых поисков, ставшая детищем ученых и конструкторов, вобравшая в себя все лучшее, что было в электронике, атомной физике, кибернетике, астрономии, небесной механике и многих других науках.

Он, Горелов, вовсе не был великим ученым, да никогда и не собирался им становиться. Он получал эту явь в образе готовых формул, расчетов, приборов и, наконец, космического корабля «Заря». А сев в пилотское кресло корабля, Горелов со всей очевидностью понял: да, ему придется туда лететь, вторгаться в безмолвное черное пространство, такое далекое от Земли. Что там? «Белое безмолвие» Джека Лондона? — мысленно усмехнулся Алеша.— Вот это будет безмолвие так безмолвие. Только оно не белое, а черное. И он пронесется по нему единой маленькой пылинкой, удалившейся от Земли почти на четыреста тысяч километров.

Кто из его друзей был на такой орбите? Ни один. Все они стартовали и финишировали, испытывая на орбитах невесомость, выходя в открытый космос и возвращаясь из него в пилотскую кабину. Они уносили с собой из космоса много пережитого и увиденного, оживляющего умные изыскания ученых. Но никто из них не приближался к Луне. Это выпало на долю курносого верхневолжского паренька Алексея Горелова, на его долю. И он был твердо уверен сейчас в одном: он не знал, гладко или трудно сложится этот полет, будет успешным, достигающим цели, или нет, но «SOS» никогда не поступит на Землю с борта «Зари». Он все сделает, чтобы пойти дальше и выше по звездной дороге, не признающей страха и растерянности слабых, одобряющей ясность рассудка и крепость нервов.

...Самолет уже шел на посадку. Горелов удивился, до чего быстро промелькнуло время. Над Степновском властвовала ночь, но белое зеркало Иртыша все же просматривалось кое-где на изгибах при желтом лунном свете. Веселые зеленые и красные аэродромные огоньки настойчиво лезли в глаза, колеса лайнера гулко стучали по бетону. Быстро отрулив на положенное место, самолет замер.

Подали трап, а потом подъехала к самолету черная и оттого почти невидимая в сумерках «Волга». Желтый луч света вырвал из мрака белое туловище лайнера и закопченные капоты двигателей. Свет погас, хлопнула дверца.

— Вы за мной? — окликнул Горелов шофера, и тот безмолвно кивнул головой.

Разбрызгивая желтый свет, помчалась «Волга» от аэродрома к Степновску по такой знакомой Алексею дороге. Он вспомнил, как отправлялись они с тяжелыми парашютными ранцами по этой дороге на прыжки, как усталые возвращались с аэродрома домой и как уходили потом с полотенцами через плечо на Иртыш.

Степновск возник за пригорком в сетке густых веселых огней. Несмотря на поздний час, гремела музыка на танцевальной площадке и хриплые, искаженные расстоянием доносились голоса актеров из какого-то кинофильма. На большом белом экране мелькали тени. «Волга» остановилась у знакомого подъезда, и Горелов отпустил шофера, приказав ему подъехать через два часа.

— Может, вам помочь поднести вещи? — раздался вслед неуверенный голос из темноты.

— Сам,— сдержанно отказался Горелов.— Поезжайте.

Он подошел к раскрытой двери подъезда, увидел знакомую лестницу с деревянными ступеньками и деревянными перилами. Вспомнил, как совсем недавно, по-воровски оглядываясь, поднимался по ним. Нет, он не сомневался в своей любви. Просто опасался, как бы не пополз по Степновску ненужный стоустый слушок, оскорбительный для Лидии, и, кажется, своего добился — слушок не пополз. А теперь он шагнул в парадное спокойно и уверенно, как к себе домой. Едва лишь заскрипели под ногами ступеньки, распахнулась на первом этаже дверь, и любознательный женский взгляд вопросительно скользнул ему вдогонку.

— Я не к вам,— весело отрезал Горелов,— и не заблудился к тому же.

Дверь стыдливо захлопнулась. Но на втором этаже, у ее квартиры, он понял, что волнуется, и замер, переводя дыхание. Нет, никакая сурдокамера не была в состоянии отучить его волноваться. Он был сейчас просто влюбленным, у него дрожали руки и мог прерываться голос. Он позвонил и долго слушал подъездную тишину. А потом шаги. Шаги, родившиеся в этой тишине и прозвучавшие, как ему показалось, очень громко.

— Кто это? — спросила Лидия недовольным голосом потревоженного в поздний час человека. Он растерянно промолчал, и тогда Лидия, уже совсем сердито, окликнула: — Да отвечайте же, кто там? Вы что, не нашли лучшего времени для шуток?

— Не нашел, Лидонька, честное слово, не нашел,— громко ответил он, едва сдерживая дыхание, способное изменить голос.

— Алешка, ты! Ой! — Она заметалась за дверью, сбрасывая цепочку. Защелкали ключи в замках. Он успел подсчитать: один, второй, третий, и насмешливо вздрогнувшим голосом выкрикнуть:

— Крепко же ты запираешься!

Дверь распахнулась, и Лидия выросла на пороге. Была она в ситцевом простеньком цветастом халате с короткими рукавами. На голых руках он увидел веснушки и мелкие пупырышки, словно ей было зябко. А потом эти руки взмахнули, как два больших крыла, обхватили его за шею и оказались очень горячими.

— Сумасшедшая, подождн! — прошептал он счастлнво.— Торт ие помин.

— Какой еще торт? — засмеялась Лндия.

— Фигурный. С шоколадным оленем н какимн-то вензелями. Я его в самом лучшем кондитерском магазние на улице Горького купнл. Только не тебе, а Наташке.

Женщииа отступила в глубь корндора, тихо сказала:

— Наташка уже спит. Не будем ее будить. Лучше завтра... утром.

— Завтра меня не будет,— угрюмо прнзиался Горелов.

— Не будет? — огорчеино попятнлась Лндия.— Боже мой, а как я ждала! Прнехал, чтобы подарить Наташке торт, н сразу нсчезнешь? Но почему?

Алексей поцеловал ее ладонь.

— Ты вся земная. От твонх рук парным молоком пахнет,— прошептал он.

— Тебе нравнтся? — тнхо засмеялась Лндия.— Раздевайся,— и погасила свет.— Не говори сейчас нн о чем,— зашептала она в темноте, ища его губы.— Ради бога, ие говорн. Я знаю, что ты меня чем-то огорчншь.

Потом оии сндели за малеиькнм столом, и Лндня угощала его холодным круто заваренным кок-чаем. Онн долго молчали.

— Почему тебя завтра не будет? — спроснла она наконец.

— Через два часа я должен уехать на аэродром и улететь.

— Надолго?

Ои позвеиел ложечкой в пиалке н усмехиулся:

— Нет. Еслн все благополучно сложится, я скоро вернусь.

— Куда ты летишь? — повторнла она.

— На космодром.

— Уже? — н Лндня вдруг заплакала. Снине большие ее глаза заблестелн, оиа уроннла голову на стол. Алексей бросился к ней, откииул назад светлые пышные волосы, стал целовать мокрые от слез глаза и щекн.

— Ну, перестань, ну не надо,— утешал он ее, как малеиькую,— будешь себя хорошо вести, позволю тебе половииу шоколадного олеия от Наташкииого торта взять.

— Пришло это? — всхлипнула Лндня.

— Это,— подтвердил ои.

— Боже мой!

— Ты уже в четвертый или пятый раз поминаешь бога.

Вздрагивающие плечи Лидии замерли и выпрямились.

— Алешка,— сказала она грустным, выстраданным голосом,— какой бы я стала счастливой, если бы ты не был космонавтом!

— Сейчас об этом говорить поздно,— усмехнулся он.— Моя биография — давно размененная монета. Все выбрано и учтено.

Тыльной стороной ладони она смахнула слезу.

— Вот видишь... ты даже сам жалеешь.

— Жалею? — повысил голос Горелов.— Что ты, Лидонька! Что ты, дорогая! Да если бы мне возвратили годы и спросили, кем я хочу быть, я бы, не задумываясь, ответил: космонавтом. Ты, родная, и не представляешь, сколько интересного и необычного меня ждет.

— Все-таки... к Луне? — вздохнула она жалобно.

— К Луне! — подхватил Алексей с пафосом.— Веками она светила миру. Холодная, беззвучная. Символ покоя, маяк влюбленных. Шутка сказать, среди одних астрономов сколько персон заслужило право называться кандидатами и докторами наук за то, что ее изучали в телескопы за сотни тысяч километров. А мне доверено к ней подойти на самое близкое расстояние. Я, верхневолжский парень, Алешка Горелов, промчусь над Луной, доставлю ее фотографии собственноручной работы. Почему ты не радуешься? Или ты не веришь, что я вернусь?

— Что ты! — испуганно воскликнула она.— Да как тебе в голову могло прийти такое? Нет, нет! — подняла на него успокоившиеся глаза.— Больше не буду плакать,— поклялась она.— Давай помолчим! — Лидия положила голову ему на плечо и счастливо зажмурилась.— Страшно подумать. Миллионы любящих женщин провожали своих мужей. Кто на войну, кто в дальние странствия... А я — к Луне.

Потом они долго стояли рядом и молча смотрели в опрокинувшееся над Степновском предутреннее небо. Мысленно, с профессиональной точностью он прочерчивал в этом небе гиперболическую кривую, по которой пилотируемая им «Заря» уйдет к Луне. Женщина молчала, угадывая его мысли. Потом он поглядел на светящийся циферблат часов и вздохнул:

— Мне пора. Только ты не ходи провожать к машине. Лучше здесь попрощаемся. Ладно?

— Хорошо. Я не пойду,— послушно согласилась Лидия, и подбородок у нее задрожал.— Я не пойду,— повторила она, борясь с подступающими рыданиями.

В большом кабинете главного конструктора «Зари» было довольно прохладно. За приоткрытыми окнами бесновалась полуденная жара, но конденсационная установка работала безупречно, и столбик термометра показывал всего лишь двадцать четыре. На широком письменном столе лежал развернутый чертеж. Запотевшая от холода бутылка боржоми и два стакана стояли на фаянсовом блюде, щедро разрисованном розовыми лепестками. Тимофей Тимофеевич в широкой белой блузе сидел напротив Горелова в своем кресле, веселыми выпуклыми глазами молча наблюдал за ним.

Если говорить откровенно, многие космонавты не без робости перешагивали порог этого кабинета, зная крутой нрав конструктора, не терпевшего тех, кто не блистал находчивостью, путался и краснел под градом самых неожиданных вопросов, становился в тупик. К Горелову он относился доброжелательно, и Алексей это знал. Никакой робости он не ощущал перед конструктором. Он сидел свободно, даже несколько вольно — демонстративно вытянул под столом ноги. Загорелые руки были спокойно сцеплены на столе, и от них, крепких, покрытых золотистым пушком, также веяло уверенностью. Тимофей Тимофеевич все это уловил. Губы его насмешливо дрогнули.

— Боржоми со льдом хочешь, Алексей Павлович?

— Не откажусь,— кивнул космонавт.

— А не боишься ангины? Она плохая попутчица в твоем, не скрою, довольно сложном путешествии.

— У меня горло луженое.

— Тогда пей.

Забулькала вода, стенки стакана покрылись веселыми пузырьками. Боржоми на самом деле оказался таким холодным, что сжало горло. Алексей выпил его с наслаждением, маленькими глоточками. Бесшумно поставил стакан на фаянсовое блюдо. Тимофей Тимофеевич пристально рассматривал космонавта. О каждом из космонавтов он составлял собственное мнение, которое далеко не всегда и не всем высказывал. Каждого он утверждал на полет. Были случаи, когда, утверждая, задумывался, взвешивал сильное и слабое, что таилось в человеке, иной раз вздыхал про себя, жестковато думал: «Все же я либерал.

Ох, какой неисправимый либерал! Старческая доброта подкралась. Его бы еще годик подержать в дублерах, а я посылаю...»

А когда человек, внушавший небольшие сомнения, блестяще выполнял задание, так же беспощадно говорил о нем Тимофей Тимофеевич самому себе: «Молодчина! Орел! И не стыдно мне было усомниться в его возможностях накануне старта! Это старческий скептицизм подкрадывается. Одергивай себя почаще, Тимофей Тимофеевич».

Горелов, по мнению главного конструктора «Зари», входил в ту категорию космонавтов, которая не порождала сомнений. Не столь уж давно он с некоторым недоверием выслушивал восхищенные рассказы одного из своих заместителей, Станислава Леонидовича, о физических данных и добром нраве этого верхневолжского парня, пожимая плечами, говорил: «Ну, ну, посмотрим еще, что стоит данный эпикуреец». Познакомившись с Гореловым, он сразу же признал верность предварительных характеристик. Как-то странно обезоруживал его этот парень своей добротой, сдержанностью и удивительно располагающим сероглазым лицом.

— Как долетелось? — спросил Тимофей Тимофеевич, и Горелов, прибегая к летному жаргону, ответил:

— Спасибо, на четырех движках.

— А настроение?

— Бодрое, Тимофей Тимофеевич. Околоотличное, можно сказать.

— Кистью балуешься?

— Какое там! — беспечно отмахнулся Горелов.— Уже две недели, как в руки не брал. Никак портрет один не могу завершить.

— Чей же, если не секрет?

— Так... женщины одной знакомой,— уклонился Горелов, но под мохнатыми бровями блеснули веселым огнем глаза главного конструктора.

— Слыхал, ты жениться собрался?

— Это верно,— смутился Алексей.

— И скоро ли?

— Как только вернусь и пройду все медицинские карантины.

— Правильно поступишь,— шумно вздохнул главный.— Ничего хорошего в судьбе запоздалого холостяка не нахожу. Зря этим иные бравируют. А вот что кистью

не балуешься, это плохо. Прямо тебе скажу — плохо. Ты этот недостаток должен исправить.

— Зачем, Тимофей Тимофеевич? В мои годы надо иногда и критически на себя поглядывать. Я уже давно понял, что ни Тенирса, ни Репина не получится из меня...

— Вздор! — оборвал его главный конструктор и накрыл чертеж широкой ладонью, сплетенной синими венами.— Из тебя, Горелов, еще может получиться художник настоящий.

— А я думал, космонавт,— обиженно протянул Алексей.

Тимофей Тимофеевич наклонил лобастую голову и рассмеялся:

— Ревнив же ты, Алешенька, и легко раним. Космонавтом ты уже прочно стал в тот день, когда было принято решение готовить тебя к старту. А вот кисть не бросай. Очень тебя прошу, не бросай. Ведь полет к Луне, который ты на «Заре» предпримешь, в память твою навек врежется. Шутка ли сказать,— поднял правую руку конструктор.— Ты пройдешь по звездной целине к другому небесному телу, снизишься над ним до пятидесяти километров. Ты увидишь такие краски, какие не видели ни Куинджи, ни Рокуэлл Кент, ни Гойя, ни Репин. Об этих красках всего словами не расскажешь, будь хоть ты Гоголем или Буниным. А вот на полотне... какие чудесные пейзажи ты сможешь нам подарить. Пусть в них не будет мастерства Левитана или Куинджи, но в них будет правда, и она сослужит пользу ученым, конструкторам, космонавтам. Я уже не говорю о широкой публике.

— А я считал, что в наши дни нельзя раздваиваться, что надо выбирать одно,— упрямо повторил Горелов.— А уж если выбрал, то всего без остатка посвящай себя этой профессии.

Тимофей Тимофеевич взял за дужку роговые очки и повертел их перед собой. Алексей насчитал три оборота.

— Ты что же, ратуешь за электронного человека? — осведомился сердито главный конструктор.— А ты подумал, какой бы ужас свалился на человечество, если бы все мы превратились в электронных людей, напичканных формулами и цифрами, привыкших к программированию? Повернул ручку счетно-решающего устройства: р-раз — и вот тебе готовый ответ — ты, Алексей Павлович Горелов, такого-то года и такого-то месяца женишься на такой-то. Еще одну ленту привел в движение, но-

вый ответ получай: ты в таком-то году совершишь такой-то полет, а в таком-то родится у тебя сын или дочь, либо и то и то сразу. В третий раз ручку повернешь, а машина тебе сухо и страшно объявит: ты умрешь в таком-то году и будешь похоронен на таком-то кладбище. Дети твои проживут на Земле до такого-то года, а потом переселятся на Марс. Ерунда все это, Алеша! Оставим эти забавы на долю фантастов, грамотных и неграмотных. Мы никогда не скатимся в подобное болото цивилизации. К черту! Нам не нужны электронные человечки, которые будут питаться пилюлями и жить на кнопках. В том и прелесть чудесной, природой созданной конструкции, именуемой человеком, что она живая и все живое ей свойственно. Какими бы формулами и сложнейшими расчетами ни была напичкана моя голова, я хочу прежде всего жить и чувствовать. Каждый из нас немножечко эпикуреец. И я в этом смысле не исключение. Люблю, когда обо мне говорят хорошо, и волнуюсь, когда говорят плохо. Мне больно, если вижу, что моему другу тяжело или у меня не клеится какой-то расчет, не так завершена сложная техническая комбинация. Я наслаждаюсь небом или лесом, кричу от радости, вытаскивая из реки какого-нибудь паршивца подлещика, даже этой бутылкой ледяного боржоми, как бы это ни было банально, наслаждаюсь. С человека на Земле многое спрашивается, но ему многое и дано. Человек недолгий пришелец на нашей Земле. Однако важно не то, когда он пришел и когда ушел, а что он после себя оставил.

Вот ты сидишь передо мной, чудесное произведение природы,— самое высшее, можно сказать.

— Такое уж и чудесное, Тимофей Тимофеевич? — усмехнулся Горелов.— После ваших слов хоть бы в зеркало посмотреться, нет ли за спиной выросших крылышек.

— Крылышек не ищи,— остановил его конструктор и потянулся к бутылке боржоми,— а меня слушай внимательно. Первое впечатление о тебе — обычный простоватый парень. Немногословный, твердый, знающий, за что надо бороться в жизни. А если тебя копнуть поглубже? Какими огромными знаниями ты обладаешь! В отсеках твоего мозга, на каких-то невидимых полочках — и математика, и космическая навигация, и астрофизика. Какой-то центр, тонкий и нам недоступный, управляет твоей рукой, когда ты рисуешь, и оттого, что ты добрый и щедрый, у тебя получаются добрые сюжеты. Такой ли ты

простой, если, зная, что скоро прогремишь на весь мир и сотни девушек сочли бы за счастье стать твоей невестой, женишься без какого-либо расчета, по любви и рад удочерить ребенка, отец которого погиб.

— Вы и это знаете? — смутился Алексей.

— Я все должен знать о человеке, допущенном к облету Луны,— мягко заметил Тимофей Тимофеевич.— Впрочем, насколько мне известно, вы сами не делаете из этого секрета.

Горелов, опираясь ладонями о подлокотники, поднялся в кресле.

— Не делаю. Честное слово, не делаю, Тимофей Тимофеевич. Она такая, что лучше не встретишь. Наверное, потому и портрет ее дается мне очень трудно. Я хотел еще до полета свадьбу отпраздновать, но она наотрез отказалась.

— И правильно сделала,— одобрил главный конструктор.

— Я вас понимаю,— закивал Алексей, и кудряшки всколыхнулись на его голове.— В этом случае в ней заговорила женская гордость. Она мне что-то вроде испытания предложила. Пусть вернется из полета, пусть о нем зашумят, и, если у него голова не закружится от славы, а любовь не ослабеет, тогда я и стану его женой.

— Ей нужен муж, а не космонавт,— глотая боржоми, заметил конструктор.— Довольно естественный ход рассуждений.

На лице у главного конструктора появилась улыбка. Сейчас он видел перед собой не летчика-космонавта, обремененного сложными думами о трудном предстоящем полете, а просто влюбленного человека, грустящего в разлуке и теплеющего от дорогих ему воспоминаний. И еще подумал Тимофей Тимофеевич, что сидит перед ним молодой человек, никогда не видевший отца, не знавший скупой, но такой нужной в жизни мужской ласки. Не потому ли так спокойно и просто говорит он о самом заветном?

Алексей поправил расстегнутый ворот офицерской рубашки, нерешительно поднял на собеседника глаза:

— Она у меня чудесная, Тимофей Тимофеевич. Я после полета обязательно вас в гости позову.

— Почту за честь,— серьезно согласился главный конструктор. Потом он встал и, полуобняв за плечи Алексея, подвел его к одной из схем, висевших на стене.

— Завтра в восемь иоль-ноль стартует «Аврора». Ваши друзья сейчас отдыхают в профилактории. Вечером вы их сможете навестить. На пуск особенно не приглашаю,— произнес он, нахмурившись.

Горелов удивленно выпрямился.

— Почему? До сих пор все космонавты и дублеры присутствовали на запусках... в том числе и те, которым на другой день предстояло стартовать.

Конструктор потер переносицу.

— Это действительно было, но вы, Алеша, исключение из правил,— сухо остановил он Горелова, давая понять, что иастало время, когда говорить должен только он, а собеседник лишь слушать и запоминать.— Вы исключение из правил потому, что идете на такое большое, сложное,— он помолчал и наклонил голову набок,— не хочу говорить опасное, и еще раз повторяю — сложное дело. Сейчас вам иадо отдыхать и как можно меиьше поддаваться эмоциям. С экипажем Кострова все ясно. В успехе его старта и финиша я ни на йоту не сомневаюсь. Костров, Ножиков и Светлова поднимутся иа огромную высоту. Двое выйдут в открытый космос на этой высоте: Ножиков и Светлова. Об этом эксперименте тотчас же зашумит на всех континентах пресса.

Но оставим восторги для тех, кому они предназначены. Мы преследуем более важную цель. Нам надо узнать о возможности вести работы на огромной высоте в открытом космосе, а точнее, обо всем том, что необходимо для стыковки.

Горелов моргнул одними ресницами.

— Когда-то о стыковке писали очень много интересного и несбыточного,— усмехнулся ои,— теоретики убеждали, что старт к Луне и другим планетам возможен только с орбитальных станций, что будут строиться целые орбитальные города с гостиницами и космодромами. Я и раньше мало верил, что все это скоро осуществимо. Когда люди окунулись в открытый космос, сразу убедились, как все это сложно. И вот результат. Старты в окололунное пространство осуществляются с Земли...

— Да. Это так, Алеша,— подтвердил главный конструктор, с интересом вслушивавшийся в его слова.

— И, тем не менее, стыковка — великое дело, Тимофей Тимофеевич, а то, что сейчас подготовлено, превосходит все ожидания. Если на огромной высоте можно соединить два корабля, значит, в свое время космический

корабль, следующий по окололунной орбите, сможет забрать кабину с космоиавтом, после того как оиа отделится от лунной поверхности и станет на ту же орбиту...

— Но есть еще и второй вариант,— прервал его коиструктор. Горелов встретился в упор с выпуклыми изучающими глазами.— Есть еще одио благородиое назначение стыковки...

— Тимофей Тимофеевич, я вас понял,— подхватил Алексей.— Стыковка доказывает, что можно будет спасти любого космонавта, находящегося иа корабле, терпящем бедствие. Другой корабль выйдет на ту же орбиту, сблизится с попавшим в беду кораблем и возьмет иа борт оттуда человека.

В августе беспощадны среднеазиатские ветры. Иногда по четыре и пять дней подряд носятся они над городами, пустынями и степями, опаляя людей и землю иевыносимым зноем, иссушая воду в мелких арыках, поднимая тучи скрипучего иа зубах песка. Даже небо, голубое и неподвижно-ленивое, кажется, прокалеио этими ветрами: редко сеет оно облегчающие дожди, все чаще и чаще дает власть палящему солнцу, преследующему все живое. Солнце это одииаково иемилосердно и иад белыми зданиями городка, и над пусковыми вышками, остро возвышающимися иад иеобъятиой равниной, и иад далеким от космодрома веселым Степиовском, уютно прилепившимся к излучиие Иртыша.

В этот день большой степновский аэродром тоже, как могло показаться, вымер от зноя. Ни одии самолет не взлетел и ие садился на широкую бетонку, не гудели опробуемые на стояиках двигатели. Пришел приказ все полеты запретить до тринадцати иоль-иоль, и, пожалуй, только один геиерал Саврасов зиал, с чем это связаио.

Часть летчиков и техников была отпущеиа до обеда с аэродрома, и оии с удовольствием отправились купаться. На улицах городка появлялись лишь редкие прохожие и проносились редкие машины.

Лидия на всех окиах опустила заиавески, ио и это плохо помогало — в комнатах было душио. Наташка в одних трусиках возилась в своем уголке. Играла оиа уже не в куклы, а в иастольное лото, взяв себе в компаньоны плюшевого медведя. Лидия в полосатом шелковом халате гладила ее белые баитики и школьную форму.

Вдруг Наташка бросила лото и подбежала к окошку.

— Ой, мама, кажется, дядя Алеша в наш подъезд вошел!

Лидия побледнела и на мгновение отняла утюг от белоснежного фартука дочери.

— Успокойся, он не может сейчас прийти,— ответила она недовольно.

— Почему, мама? — удивилась Наташка.— Он же всегда приходит неожиданно. И тогда, последний раз, когда я спала. Почему он меня не разбудил? Торт принес, игрушки принес, а меня не разбудил.

— Он очень торопился, маленькая,— певучим голосом пояснила Лидия,— его ожидало большое дело.

— Большое, как я? — засмеялась Наташка.

— Нет, доча,— грустно улыбнулась и Лидия.— Гораздо большее, чем ты и я.

— Большое-пребольшое?

— Вот именно.

Наташка разочарованно отошла от окна и прищурила синие глазенки. Когда она бывала не в духе, дергала правую косичку. И сейчас потеребила ее в задумчивости.

— Мама, а ты почему всегда краснеешь, когда дядя Алеша к нам приходит?

Лидия выключила утюг, уместила его в железном гнезде-подставке и укоризненно покачала головой:

— Это тебе так показалось, девочка.

— Показалось! — вскричала Наташка.— Зачем же ты говоришь неправду! Нет, ты всегда краснеешь, если он приходит. И сейчас покраснела... А я знаю, отчего это. Ты его любишь, мама! — выпалила она.

— Вот еще. Да откуда ты взяла? — совсем смешалась и нахмурилась мать.

— Нет, любишь, любишь,— упрямо повторила Наташка.— И я люблю дядю Алешу... А мне можно его папой называть?

Лидия собиралась рассердиться, но вдруг увидела, как быстро изменились глаза ребенка. Радость в них померкла, уступив место грусти и раздумью. Лидия схватила Наташку, прижала к груди.

— Эх ты, моя фантазерка! Ну как же ты так? Мы же не знаем еще с тобой, любит он тебя или нет.

— А я знаю. Меня он любит,— твердо сказала Наташа,— он мне сам об этом сказал. Вот... И что тебя любит — сказал.

Лидия погладила белую головку.

— Если бы все было так просто, девочка.

— Конечно, просто... любит — и все.

— Когда он появится, мы об этом у него спросим,— не улыбаясь, сказала Лидия.— А теперь иди играй, доченька. Я тебе платье должна подшить. Уже ведь и первое сентября на носу.

Что-то в эту минуту, вероятно, произошло. Несколько машин, грузовых и легковых, промчались через городок к аэродрому, по лестнице пробежало, наверное, несколько человек сразу, потому что деревянные ступеньки застонали. Чьи-то голоса послышались за открытым окном. Привыкшая к частым учебным тревогам, без которых немыслима жизнь авиационного городка, Лидия сначала не обратила на весь этот шум внимания, но на третьем этаже отчетливо хлопнула дверь, и соседка с третьего крикнула со своей лестничной площадки соседке с первого:

— Ольга Константиновна, включайте поскорее радио. Это же бесподобно!

Лидия вдруг побледнела и, чуть не натолкнувшись на Наташку, кинулась к белому прямоугольному динамику, задрожавшими руками схватила черный шнур.

— Тебе плохо, мамочка? — испуганно спросила Наташа.

— Что ты, что ты, девочка. Мне хорошо, мне очень хорошо,— шептала Лидия, не попадая вилкой в отверстия штепселя. Наконец ей удалось включить динамик. На нее, сразу же догадавшуюся, градом посыпались слова, повергающие в растерянность и радость. Их произносил диктор, чей голос многие годы был известен советским людям. Он сообщал им о гордых радостях и победах, случавшихся ежегодно в истории страны. Он был вдохновляющим и торжественным в таких случаях и становился скорбящим и гневным, если надо было извещать о чем-то грозном и горьком, как это было в суровом сорок первом году. Но всякий раз, если раздавались позывные и после долгой настораживающей паузы этот голос произносил первую, одинаковую во всех случаях фразу: «Внимание, внимание, работают все радиостанции Советского Союза», люди замирали в ожидании.

Лидия пропустила сейчас эту первую фразу: она включила динамик, когда далекий невидимый диктор уже прочитал первые фразы правительственного сообщения.

— ...августа, в восемь часов утра по московскому временн, был выведеи на орбиту пилотнруемый космический корабль «Заря», совершающий полет к Луне. В заданной точке с координатами...— легкнй шум помешал услышать Лидин цифры,— летчик-космонавт майор Алексей Павловнч Горелов включил разгонную ракетную ступеиь и вышел на траекторию полета к Луне. Как свидетельствуют телеметрические даиные и доклады по радио, скорость и направление полета выдерживаются с предельной точиостью. Космонавт Горелов успешио перенес перегрузки при выходе на орбиту и во время удаления по траектории от Земли. В двенадцать часов пятнадцать мннут по московскому времени был проведен очередной сеанс радиосвязи с кораблем «Заря». Космонавт Горелов находнлся на расстоянии в шестьдесят пять тысяч километров от Земли. Первый полет к Луне успешно продолжается.

Опустившись на диван, Лидия подперла ладонями подбородок и не замечала катившихся по щекам слез. Наташка встревоженио прильнула к ией.

— Мама, зачем ты плачешь? Ведь это же хорошо. Это же к Луне наш спутник запустили. И с человеком.

Лидия отняла от пылающих щек похолодевшие ладони и внимательно посмотрела на дочь. Странными были ее глаза, большие, сияющие — заплаканные и счастливые в одно и то же время.

— Девочка, а ты знаешь, кто управляет этим спутником?

— Нет, мама... Какой-то космонавт. Майор.

— Глупенькая, да разве ты не расслышала, когда диктор назвал его имя и отчество? Это же наш дядя Алеша. Алексей Павлович Горелов.

— Ой! — воскликнула растерявшаяся Наташка.— А ты меня не обманываешь, мама? Это взаправду дядя Алеша летит к Луне, и ему ни капелечки не страшно?

— Он же летчик-космонавт, девочка, и очень долго к этому готовился. А вот мне страшно... Очень, очень!

Она умолкла, а из белого маленького динамика снова донесся голос диктора и заполнил всю их маленькую квартиру:

— Передаем в записи первый сеанс радиосвязи с летчиком-космонавтом майором Алексеем Павловичем Гореловым...

Арон ВЕРГЕЛИС

КОСМИЧЕСКАЯ ПОЭМА

ПЕРВАЯ ПЕСНЯ

В ПУТИ

«Ни бог, ни царь и не герой...»

«Интернационал»

Как ночи и дня неизбежная смена,
Предвиденный очередной поворот
Дороги —
и небо ему по колено,
И недосягаемых высей черед.

Воспринял как должное звездные дали.
Уверен,
что, точно пророку,
ему
Всевышний по-свойски откажет едва ли
В деяниях,
превозмогающих тьму.

И, даром что небо седьмое воздето
Чуть выше доступного взору извне,
Почувствовал сразу, что именно это
Пространство
он смолоду видел во сне.

Но значит ли, что исключение, чудо
Такая судьба и не будет второй?..

Чем дальше Земля, тем яснее оттуда:
— Ни бог, ни царь и не герой...

Наверно, для Вечности произносили
Слова этой песни в минувшие дни
Отцы,—
                    и под спудом космической пыли
До будущих дней сохранились они.

Все ярче грядущие реяли флаги,
Но, чтоб во вселенской с ней встретиться мгле,
Должна была Песня труда и отваги
Всеобщею стать для землян на земле.

И вот наяву, во плоти,
                                        неподделен,
В небесном обличье,
                                        в одежде земной
В пути человек.
                              Этот путь беспределен,
И бездна легла у него за спиной.

Он, кажется, не удивляется даже —
Уверен,
            что, как Моисею,
                                        ему
Всевышний по-свойски едва ли откажет
В деяниях,
                      превозмогающих тьму.

ВТОРАЯ ПЕСНЯ

НА ЛУНЕ

«Влияние луны. Она, как видно,
Не в меру близко подошла к земле
И сводит всех с ума».

В. Шекспир. «Отелло», V, 2.

Нам сегодня не дала уснуть Луна —
Настежь в вышине отворена!

Как своей соседки по вселенной,
Человек касается Селены...
Разве душу не такого вот
Месяца таинственная сила
Бередила ночи напролет
И с ума влюбленного сводила.
А в один прекрасный День творенья
Он ступил на лунные каменья.
Небо... и земля... сотворены...
Но еще незыблема основа
Миллиардиолетней тишины...
Спору нет, вначале было Слово.

Тишина вздохнула, как болото,
Всасывающее тело чье-то.
И хотя опасность не видна,
Не хватает доброго совета,—
Он сказал спокойно: «Я — Луна»,—
Слышит: «Я — Земля!» — в ответ на это.

Возле уха самого витая,
С ним земля, сияньем залитая...
Сроду не представить ничего
Краше этой, в зелени и сини,
Матери и дочери его,
Госпожи, кормилицы, рабыни.

Будь по дому на звезде на каждой,
Не томись там голодом и жаждой —
Все едино — родина одна,
Свет ее вовеки неизменен.
Повернись, Земная сторона,
К нам страною, где родился Ленин.

Нам сегодня не дала уснуть Луна —
Настежь в вышине отворена.

ТРЕТЬЯ ПЕСНЯ

ЗЕМНЫЕ РАЗДУМЬЯ

«Земные пути...»
Самуил Галкин

Лунное Море Ясности.
Скудное лукоморье.
Нет ни воды, ни воздуха.
Черный небесный свод.
А космонавту видится,
как над пустынным взгорьем
Зарево занимается...
Это Земли восход!
На восходящий серп земной
смотрит, глазам не веря...
Как хороша Земля его!
Как на Земле жива
Каждая пядь поверхности!
Бабочки, птицы, звери,
Реки и океаны,
травы и дерева.
Выглядит озабоченной,
чувствуется усталость.
Пота и крови запахи
стали цветов слышней.
Падкие на готовое,
люди скупы на жалость,
Всё не дают передохнуть
и подлечиться ей.
Всё предъявляют ей счета,
всё выжимают соки,
Да поторапливайся давай! —
требуют от нее.
А у нее на все свои
замыслы, силы, сроки.
Лист облетает. Зреет хлеб.
Время всему свое.
А космонавту сразу все,
что на его планете
Делается, свершается,
видно издалека.

В ритме сердцебиеиия
тяиутся к солнцу дети.
Словио клубы дыхания,
движутся облака.
Если народ вздымается —
нету сильией стихии!
Целые страиы делая
радостней и светлей,
Катятся революции,
словно валы морские,—
Это и есть движеиье
к лучшему иа Земле...
Луииое Море Ясиости.
Скудное лукоморье.
Нет ни воды, ии воздуха.
Черный иебесиый свод.
А космоиавту видится,
как над пустыниым взгорьем
Зарево заиимается...
Это Земли восход!

ЧЕТВЕРТАЯ ПЕСНЯ

БОГА НЕТ

«Конечно, нужно относиться с уважением к богам, но лучше не вступать в близкие отношения с ними».

Конфуций

Радуется вся земля,
вся земля дивуется —
Космоиавтам небеса
все равио что улица!
Полегчало иа душе,
ведь сказать по совести,
Даже самый тяжкий груз
легче в иевесомости.

Только жизиь весомою
в космосе остаиется...
Слышите, работают
все радиостаиции!

...Сказывают, где-то там
возле Моря Ясиости
Кто-то то ли второпях,
то ли по халатиости
Горсть отбориого зериа
прямо в почву луииую
Из кармаиа выроиил...
Надо будет, думаю,
Обязательио о том,
вышло что из этого,
Справиться у жителя
у иноплаиетиого...

Только жизиь имеет вес.
Чем ие подтверждеиие
Этого — успешиое
в космос продвижеиье.
А кому ие по иутру,
поиапрасну сетует.
Вот в своем приходе поп
пастве проповедует:
— Боже, правый, упаси!
Козиями лукавого
В эмпиреи заиесеи
кто, как ие слуга его.
Сверху бог, а мы виизу
в сей земиой обители.
Мы подиимемся, куда
деться Вседержителю.
Нет от спутников в раю
аигелам спасеиия.
Не ииаче, иа иосу
светопреставлеиие.
Нет уж, боже, упаси,
правый, от лукавого!
Гомозились бы виизу,
кабы ие слуга его...

Жизиь весомее всего
в космосе остаиется.
Слышите, работают
все радиостаиции!

Слышите, радируют
нам из бесконечного
Космоса:
— На небеси бога не замечено.
А кому не по нутру,
попусту досадует.
Сокрушается раввин:
— Никакого сладу нет
С этими полетами,
с этими планетами.
Как еврею на Луне
жить в ладу с Заветами?
Дней четырнадцать земных
в каждом лунном. То-то мы
Стали б праздновать в один
день с двумя субботами.
И еще один вопрос
важности недюжинной,—
Как молиться на луну,
если сам уже на ней?..

А в ответ радируют
нам из бесконечного
Космоса:
— На небеси бога не замечено!

ПЯТАЯ ПЕСНЯ

«Слонялись по свету, просили милостыню».
Менделе Мойхер-Сфорим

Не обретал покоя
Нигде мой бедный дед.
Из одного в другое
Местечко брел чуть свет.

Из Чуднова в Бердичев
С котомкой за спиной,
Из Острополья в Кричев,
И летом, и зимой.

Смотря по состоянью
Здоровья,
                    в меру сил
Большие расстоянья
Порою проходил.

Уделом незавидным,
Наверное, ему
Сидеть казалось сиднем
В молельне да в дому.

Не для него хоромы,—
И лишь в какой-нибудь
Ночлежке пук соломы
Давал передохнуть...

А что сейчас на свете
Творится,— это вмиг
Воспринимают дети,
А дед бы стал в тупик.

Опасливо на небо
Смотревший искони,
Со страхом божья гнева
Он ждал бы в наши дни.

Зато дочурке снится
И видится — почти
Рукой подать — криница
У Млечного Пути.

И колыбели возле
Дружнее с каждым днем
Играют белый козлик
С ракетным кораблем.

Теряю чувство меры,
Поскольку как-никак
Совпал с началом эры
Дочурки первый шаг.

ШЕСТАЯ ПЕСНЯ

Подняли якоря и отдали швартовы,
И беспредельной быстрине наперерез
Мы на Земле отправиться готовы
В далекий путь за тридевять небес.
И вот уже Луна у нас по курсу прямо,
И разверзается, зияя за кормой,
Бездонная космическая яма,
И стая звезд летит над головой.

Кто мы такие?
— Мы сыны Страны Советов.
Мы, руку положа
Вселенной на плечо,
Другим мирам несем слова привета
И знамя, реющее горячо.

1961

Перевод *Алексея КОРОЛЕВА*

Владимир ШАТАЛОВ

ПО ЗВЕЗДНОМУ ПЕРВОПУТКУ

КРУТОЕ НЕБО

...Оии стояли у кромки летиого поля: высокий, широкоплечий мужчииа и тоиеиький мальчугаи. Молчали. Только мальчишка всякий раз, когда самолет отрывался от поля, радостио вскрикивал: «Э-эх, пошел!» — и махал вслед ему повидавшей виды кепкой. Потом поворачивался и ждал, когда, оттолкиувшись от земли, иовая машииа уйдет в иебо. Все повторялось сиачала. Мужчииа, напротив, молчал, долго смотрел за исчезающим вдали самолетом, словио хотел что-то увидеть там за курчавившимися облаками, отыскать ответ иа свой иемой вопрос. На его лице ие было той восторжеииости, которая переполияла мальчишку, а в глазах, больших, открытых, притаилась тоска о иесбывшемся и уже иедоступиом. А может быть, ои просто ушел в воспомииаиия, иакатившие иеожидаиио ревом самолетиых моторов, проиесшимся через иего и эхом былого всколыхиувшим память.

— Э-эх, пошел, пошел! — радостио кричал мальчишка, размахивая кепкой.

— Пойдем-ка и мы,— троиул его за плечо мужчииа.

— Подожди, смотри, смотри, пошел,— ие оборачиваясь, быстро говорил тот.

В его голове ие могло уложиться, как можио взять и уйти, когда вот оии — бегут, отрываются от земли и летят, летят, легкие, быстрые, сильиые. Для иего ие было в эти мииуты иичего другого более замечательиого, чем самолеты. Ему казалось: сердце, все его существо было

там, среди этих быстрокрылых машин и на поле, и на взлетной полосе, и в небе.

Мальчишка во все глаза смотрел на самолеты, чтобы не упустить ничего, ничего. В минуты такой солнечной радости он, конечно, не думал, что в его жизнь вместе с крылатыми машинами, гулким аэродромом вошло небо. Огромное, Голубое, Доброе. Трудное небо. Вошло и останется навсегда, станет частью его жизни, частью его самого.

Таким мне запомнился день, когда однажды отец сводил меня на аэродром. Правильно говорят, что в детстве небо — голубее, трава — зеленее, а солнце — ярче. Не потому ли тот наш поход с отцом так врезался в память и сохранил ощущение праздника, с того времени переполнявшее меня. Мог ли кто-то из нас двоих там, в далеком далеке у кромки летного поля, даже мечтать о времени, когда я подниму самолет в небо, а после в космическом корабле выйду на звездный первопуток. Нет, не мог. Хотя отец, пожалуй, мечтал увидеть меня пилотом. В годы гражданской войны он был механиком в воздухоплавательном отряде. И так прикипел душой к своему делу, так возгорелся мечтой о небе, что ни о чем другом и не думал. Летать — и точка. По разным причинам, о которых он никогда не рассказывал, да и я, признаться, не расспрашивал его, с мечтой о небе пришлось расстаться. Вернее, не так, от мечты он не отказался, нет. Мечту у человека не отобрать, не могут ее отнять ни годы, ни обстоятельства. Ее-то вначале исподволь, а потом и прямо передавал мне отец.

Вспоминая те времена, я всегда вижу нашу небольшую комнату в коммунальной квартире. И как доказательство любви ее обитателей к небу — большой деревянный пропеллер на стене вместо украшений. Это память отца о службе в воздухоплавательном отряде, моя гордость и предмет всегдашней зависти соседской ребятни. Кто бы еще мог похвалиться таким богатством на нашей улице? Никто.

Часто отец усаживал меня рядом и рассказывал о небе, воздушных боях, смелых пилотах. Эти рассказы могли продолжаться не один час. Таинственно, необычно звучали для меня названия аэропланов: «фарман», «блерио», «Илья Муромец»... Затаив дыхание я слушал отца, видел себя в кабине самолета, врезающегося в голубой простор.

Вообще как-то незаметно с детства повелось: отец был для меня непререкаемым авторитетом во всех мальчишечьих делах. Не по праву старшего только. По праву человека большого ума, энергичного, твердого и доброго. Никогда не видел его унылым, растерянным. Часто к нам на огонек заглядывали его друзья по работе, соседи. Я видел, как внимательно относились к его словам, как прислушивались они к его советам. Конечно, я мало понимал в их разговорах и делах, но уважение взрослых к отцу от меня не могло укрыться. Любили его и соседские ребятишки. Он много мастерил. Как только выпадала свободная минутка, брался за инструмент. Сколько радости доставляли нам его поделки. А главное, это возможность побыть с ним, поработать настоящими инструментами, сделать какую-нибудь незамысловатую вещицу своими руками. Не всегда у нас получалось гладко. Случалось, разливали краску, рассыпали гвозди, теряли инструменты. Но никогда я не видел отца несдержанным, бранчливым. Возьмет, бывало, провинившегося за плечо, повернет к себе, заглянет в глаза, да и скажет: «Оплошал, брат, не беда, с кем не бывает». А потом будто невзначай расскажет о похожем случае с собой. Посмеются вместе, вместе и исправят оплошность мальчишки. Обоим хорошо. Интересно было с отцом, ни минуты он не сидел без дела. Умел и окружающих увлечь какой-нибудь идеей. Для ее превращения в реальность не жалел ни сил, ни времени. Это был период активного освоения богатых просторов северных районов нашей страны. Нужны были новые надежные средства передвижения. Такими могли быть аэросани, которые конструировались различными коллективами. Такая группа энтузиастов обратилась к отцу за помощью, и он не задумываясь снял со стены пропеллер и отдал. Отдал за так. Мне было жаль пропеллера. Как-никак гордость. От настоящего аэроплана. Я все ждал, как отец вспомнит о нем и пожалеет. Но удивительно: он не вспоминал о пропеллере. Тогда, устав ждать, я сам напомнил ему, в душе надеясь, что отец заберет его назад. Его ответа на мои сетования сейчас не помню. Смысл его слов сводился, кажется, к тому, что для общего дела ничего жалеть нельзя, пусть и очень дорогого для тебя лично, если оно нужно всем. Гораздо позже я понял, как прав был он. Богат не тот, у кого много, а тот, кто для других ничего не жалел, щедро раздавал себя людям.

Миого теплых воспомииаиий о годах детства, юиости у меия связаиы с имеием отца, иавериое, ии одии деиь без иего ие вспомнить. Не без его влияиия, советов выбрал я себе дорогу в иебо. И ие только благодаря ему.

Время было такое, особое было время. Его стремительиость, его дыхаиие сказывалось иа всем, иа всей жизии. Наша страиа расправляла крутые плечи, подиималась во весь свой исполииский рост. Буриый рост иауки, техиики сопровождался появлеиием все иовых машии. Красиая Армия и Флот осиащались совремеииым оружием, техиикой. Нужиы люди, способиые управлять ими. Комсомол объявляет о своем решеиии взять шефство иад авиацией. Создаются аэроклубы, летные школы, училища. Яркие плакаты со стеи домов, афишиых тумб, заборов призывали юиошей и девушек в авиацию, к заиятиям парашютным и плаиериым спортом. Каждый раз, когда я проходил мимо плаката, прикреплеииого к стеие нашего дома, призывавшего: «Комсомолец, иа самолет!» — то подолгу стоял у иего. Как хотелось побыстрее вырасти, стать комсомольцем и за штурвал крылатой машииы.

По призыву Народиого комиссара обороиы, героя граждаиской войны Климеита Ефремовича Ворошилова по всей страие широкий размах получило движеиие за создаиие кружков авиамоделистов — в школах; парашютиых секций, кружков плаиеристов — иа заводах; аэроклубов — в промышлеииых цеитрах. Иавериое, ие было города, в котором ие построили бы свою парашютиую вышку. Охотников испытать себя, силу воли было предостаточио. Помию, отцу приходилось выстаивать длииииющие очереди, чтобы прыгиуть с двадцатипятиметровой высоты. Но ои терпеливо стоял, а прыгиув, был просто счастлив. Я страшио завидовал ему, мие тоже хотелось под одобрительиые возгласы шагнуть за граждеиие вышки. Но малышей, как известио, ие пускали.

Интересиое было время моего детства. Челюскииская эпопея, первые Герои Советского Союза Ляпидевский, Леваиевский, Водопьяиов, Камаиии, Молоков, Дороиии, Слепиев. Их имеиа были иа устах всех советских людей. Мы допоздиа во дворах играли в зимовщиков, в отважиых покорителей полюса, зиамеиитых летчиков, которым ие страшиы ии расстояиия, ии высоты.

Не ошибусь, если скажу, что самым популяриым среди ребятии тогда было имя Валерия Павловича Чкало-

ва. Он был нашим самым любимым героем. Как хотелось каждому из иас стать таким же, как Валерий Павлович — бесстрашным, смелым, и повести самолет на штурм иовых рекордов.

В конце тридцатых годов появились у нас специальные школы-десятилетки — артиллерийские, морские и авиационные. Это пришлось мие по душе. Но в них принимались ребята только после семи классов. Я же учился пока в пятом. Два долгих года мие необходимо ждать того счастливого момеита, когда смогу примерить новую школьиую форму с петлицами, как у настоящих летчиков — осколок неба с крылышками посредине.

В то время, пожалуй, не было мальчишки, который бы не зачитывался взахлеб книгами о подвигах, военных приключениях. Любил я и научно-фаитастическую литературу. Нравились мне киизи Жюля Вериа, Герберта Уэллса. Но особенио взволновала «Аэлита» Алексея Толстого. Иинженер Лось и красиоармеец Гусев надолго завладели моим воображением. Вместе с ними я летел к загадочной красной плаиете Марс, бродил по подземельям царицы Магр, боролся за Аэлиту. Тогда же ко мне со своими героями пришел Александр Беляев. Его ромаи «Прыжок в ничто» вытеснил постепеиио все остальные книги. Цандер — руководитель экспедиции Землян на Венеру стал моим любимым героем. Что и говорить, как мне хотелось побывать на этой планете, побродить по ее папоротниковым лесам, поохотиться на динозавров, увидеть летающих ящеров.

Космические мечты только бередили душу, разве их можио принимать всерьез, тем более, о серьезиых исследованиях в этой области мне ничего не было известно. Зато у меня оставалось иебо. Стать летчиком я мог и не сомневался в этом. Вот только надо немножко подрасти.

Вместе с ребятами мы тогда строили модели самолетов. Сколько было радости, когда какая-нибудь из них поднималась в небо. В большиистве своем летали оии плохо, а нам хотелось, чтобы летали они дальше, выше. Но все наши попытки были тщетиы. Обратился к отцу. Он иапомнил о кружке во Дворце пиоиеров. На крыльях летел в него следующим воскресеиьем. Однако записаться в кружок авиамоделизма сразу ие удалось. Прииимали только тех, кто примерно учится, занимается общественной работой. Нужна рекомендация школы.

Учился я вроде неплохо, а вот с общественной рабо-

той как-то похвалиться было нечем. В пионерском отряде такими делами у нас заправляли одни девчонки. Пришлось перестраиваться. Попасть в кружок для меня была главная задача, и ей я подчинил все. Выпускал стенгазету, собирал макулатуру, словом, делал все, лишь бы заслужить рекомендацию.

Наконец-то заветное желание сбылось. Меня приняли в кружок. Мы строили планеры, запускали их, участвовали в соревнованиях. Пусть нашим моделям было далеко до рекордов. Не в этом главное. Главное — чувство причастности к большому, любимому делу. Занятия в кружке расширяли наши знания о самолетах, теории воздухоплавания.

Шли дни, и я уже с нетерпением стал ждать осень, когда в форме с голубыми петлицами пойду в новую школу. Теперь оставалось недолго. Но вмешалась... война.

Вечером 22-го июня отец отправился к месту формирования ремонтного поезда. Прощание наше вышло коротким.

— Будь мужчиной,— сказал он,— береги маму.

Вначале мы просто не представляли всей опасности, нависшей над Родиной. О войне знали по книгам и кинофильмам. И сожалели тогда больше всего, что возраст маловат, в армию не возьмут. Считали: пройдет несколько дней, и враг будет разбит нашей непобедимой Красной Армией. Но дни летели своим чередом, а фашисты наступали. На шестой день они ворвались в Минск, на десятый захватили Псков. Война неумолимым валом катилась к Ленинграду. Этого мы никак постичь не могли. Надо и нам что-то делать для обороны. Но что? Узнали: нужны бутылки. Наполненные горючей смесью, они применялись нашими бойцами для борьбы с танками. За несколько дней мы облазили все чердаки, все закоулки, даже все помойки осмотрели. Бутылок набралось порядочно, но нам сказали искать еще. Пошли по квартирам, рыскали по всему городу, заглядывали всюду, где, по нашим расчетам, могли быть бутылки. Наши «уловы» становились все меньше. Не мы одни собирали их, все ребятишки Ленинграда занимались этим нужным делом.

Все чаще стали и над Ленинградом появляться фашистские самолеты. Мы учились тушить пожары, зажигалки и мечтали все как один о... подвиге. Но отличиться, как ни обидно, было негде. Надо ехать на фронт. Тайком

собраться, а то ведь мама не пустит. Вот отец — тот непременно поймет. Почему я считал отца на своей стороне по затее с фронтом? Скорее всего по мужской солидарности. Но и этим мечтам не суждено было сбыться. Однажды мы выехали на строительство оборонительных рубежей. До Гатчины добрались незаметно, смеялись, сыпали шутками. И только там впервые обостренно почувствовали, что такое война. Усталые, запыленные, измученные дальней дорогой, с узлами, детьми на руках брели беженцы. На машинах мимо нас, враз притихших, растерявшихся, везли раненых. Эта сторона войны для нас впервые предстала такой обнаженной откровенностью.

«Воздух!» — неожиданно донеслось до меня, и тут же грохнул оглушающий взрыв. Что было дальше, толком не запомнил. Все смешалось — крики, взрывы... Казалось, сердце оторвалось и летит куда-то в пропасть. Как бежал, как падал в канаву, не знаю. Чуть пришел в себя, как на меня навалилось еще несколько человек. Хотелось сжаться в комочек, вжаться в землю. Рядом опять взметнулся ржавый султан. Я закричал, дышать нечем.

Самолеты, отбомбившись, улетели. И сразу установилась удивительная тишина. Потом стали слышны стоны раненых. Были и убитые. Мы молча построились в колонну и двинулись дальше. Никто не проронил ни слова. Да о чем было говорить. Впервые испепеляющее дыхание войны коснулось нас. И тут мы поняли, какое это страшное бедствие, а не то, как представлялось раньше. Наверное, потому на строительстве оборонительных рубежей работали все хорошо. К вечеру выматывались так, что, едва голова касалась подушки, засыпали непробудным сном. Фронт приближался, и нас отправили назад в город.

Мама очень радовалась моему возвращению, все расспрашивала о работе, старалась накормить чем повкуснее. Ей кто-то наговорил, будто все погибли или оказались на территории, захваченной оккупантами. Теперь, радуясь моему благополучному возвращению, она не стеснялась своих слез.

Потом через несколько дней отец, забежав на часок, предложил поехать с ним. Ему удалось добиться разрешения оставить меня при части. Бойцы тепло приняли меня, называли братишкой. Особенно гордился тем, что выдали новенькое обмундирование. От поручений не от-

казывался, исправно нес службу. Понемногу изучал разные премудрости солдатской жизни. Бойцы брали меня и на поимку диверсантов. Только ни разу нам не попался ни один лазутчик.

Наш поезд перебросили на станцию Мга. Здесь уже чувствовалось дыхание фронта. Положение на рубежах обороны становилось все тревожнее. Над городом нависла угроза. На окраинах воздвигались баррикады. Подвалы превращали в доты. В эти дни поступило распоряжение эвакуировать женщин и детей, всех, кто не связан с непосредственной обороной, в глубь страны. Наверное, я не относил себя к таким, и потому извещение об отъезде здорово задело мое самолюбие, огорчило. Но за короткое время пребывания в части я успел хорошо уяснить: приказ обсуждению не подлежит, а должен немедленно выполняться.

Через месяц тяжелого пути мы наконец-то приехали в Петропавловск, где жили наши родственники, где родился и я. В этом казахстанском городке мне предстояло учиться в школе. Много раз я пытался разузнать, куда же эвакуировалась спецшкола ВВС, но все не удавалось. Однажды в газете прочитал о наборе в такую школу. Находилась она в Караганде. Послал туда запрос. На ответ особо не надеялся, такое время было. Разве до переписки с каким-то мальчишкой, влюбленным в небо. Оказалось, время не в счет, когда делом заняты преданные ему люди, щедрые душой, способные понять других. Ответ пришел. Я страшно обрадовался и огорчился, как быть с мамой. Она не захочет отпустить меня. Нет, моя мама понимала, все понимала хорошо. Как ни тяжело ей было, а нашла в себе силы, не стала удерживать возле себя. Как благодарен ей я был тогда и много лет после. Она не стесняла моей самостоятельности. И сделала очень правильно. Наверное, так и только так можно добиться чего-то в жизни. Настойчиво идти к намеченной цели, именно идти самому. А если тебя поведут к ней за руку, толку будет мало. Лишь ослабнет тяга, и привыкший ориентироваться на нее, ждать непременной поддержки споткнется на первом, даже незначительном препятствии.

Я уехал в Караганду. Беззаботное детство ушло безвозвратно.

Учиться в школе было нелегко. Помимо занятий мы ходили еще на шахтный двор, помогали по мере сил шах-

терам на разгрузке топлива. Холод. Питание, конечно, не такое, которого требовал молодой, растущий организм. Но было великое братство, настоящий коллектив. Приходила кому-то посылка из дома, дружно делили на всех. Подбрасывал немного и колхоз, куда мы ездили на уборку урожая.

И все же, несмотря на все трудности, я был доволен судьбой. Сделан еще один шаг к небу, к мечте.

Январским вечером 1944 года нас впервые распустили на каникулы. Куда поехать? Конечно, к маме. Встретив меня в тоненькой, подбитой ветрами шинельке, вытянувшегося, худого, она тихо заплакала, припав к моему плечу. И опять главной ее заботой стало — покормить меня повкуснее. Где только она ухитрялась добывать продукты. Размышляя теперь о том трудном времени, я с душевным трепетом думаю о ней. Какая щедрость души, сколь щедрое сердце. Мама, милая. Как отогрела она меня в зимнюю стужу, как не хотела отпускать.

Внимая ее настойчивым просьбам остаться, я начал было уже склоняться. Не хотелось ее огорчать, оставлять одну, вспомнил наказ отца. Что скрывать, рядом с ней было теплее, спокойнее. Но остаться — значило бы предать товарищей, отступиться от мечты. Пусть пока лишь на полшага, успокоив себя мыслью: авиация от меня не уйдет. Позже можно будет сразу поступить в летное училище. Словом, оправдательные аргументы отыскать всегда можно, это нетрудно, только шагни назад. Другим-то найдешь что объяснить, а вот как быть с собственной совестью. Ее не проведешь. Она никакие обстоятельства в расчет не берет, если спасовал.

Я уехал назад в Караганду к ребятам. Девятый класс закончил там, а в десятый пошел в Липецке. Здесь-то через полтора месяца после Победы нам вручили аттестаты о среднем специальном образовании. Потом, преодолев немало сомнений, неожиданных препятствий, я был зачислен в «теоретический батальон» Качинского училища летчиков.

Мечта о небе стала обретать все более четкие очертания, воплощаться в реальность. Наконец, после стольких лет учебы, занятий на тренажерах я, сердцем радуясь и ощущая холодок тревоги, занял место в самолете. Пока только на положении пассажира, пока только с инструктором, пусть. Теперь пойдет набор высоты, пойдет обязательно.

Мальчишка — восторженный, шумный — у кромки летного поля. Курсант с сердцем, рвущимся в волю беспокойным скворчонком от неожидаино нахлынувшей радости (до неба рукой подать, здесь все дороги ведут в небо) и пахнувшим в лицо холодком тревоги (как все сложится). Между ними годы. Годы жизни, учебы, возмужання годы. И вот он, первый полет.

Володя Ларионов — инструктор иаказал мие ничего ие трогать, а получше присмотреться к его действиям. Наверное, это было правильным. Почувствовать высоту, ни с чем ие сравнимую радость полета — вот что было главным для меия. Тогда, усаживаясь поудобнее в кресле, взволнованный предстоящей встречей с небом, я никак ие мог подумать о ждущем своей минуты испытании.

Самолет рванулся вперед, побежал быстрее, быстрее. Колеса ударили о землю раз, другой, и вдруг в кабине стало необычайно тихо, рев мотора как бы приглох. Летим! Летим! Словами трудно передать всю гамму чувств, которые я испытал в эти секунды. Хотелось петь, смеяться, кричать. Во мие ожил тот мальчишка, который пришел впервые на аэродром. «Э-эх, пошел»,— кричал он тогда. Так же хотелось закричать и мие сейчас, но сдержал себя. Неудобио перед Володей. Хотя за шумом мотора он наверияка бы ничего не разобрал, связи между нами не было. «Э-эх, пошел!..»

Мотор вдруг зашелся в кашле, чихнул раз, еще, еще и... остановился. Как учили, быстро ворошу в памяти причины остановки мотора. Ответа ие нахожу. Несколько минут назад самолет был заправлен, проверен, полностью подготовлен к вылету. Что же случилось? На миг взгляд останавливается на рукоятке бензокраиа. Почему-то она направлена вверх, а ие вниз, как положено. Но, может быть, Володя ее установил так. Помня предупреждение ничего не трогать, попробовал докрнчаться до него. Он не обериулся. Вмешиваться в управление самолетом я ие имел права. Это железный закон. Иначе беды ие миновать. Один, только один пилот выполняет полет.

Володя не заметил тогда, что злосчастная ручка бензокрана была установлена иеверно, пошел на вынужденную посадку. Только от мастерства Ларионова теперь зависел благополучный исход полета. Надо отдать ему должное. Хотя совсем недавно он сам был курсантом, опыта инструкторской работы ему еще недоставало,

машину Володя посадил нормально. Правда, поперек полосы.

Едва выбрались из кабины, как Володя спросил меня: «Не испугался?» В этом проявилось, пожалуй, его качество инструктора. Машину посадил. Она целехонька. Его уже меньше всего беспокоит, что будет дальше. Ему важно знать, что творится на душе курсанта. Не хитрое дело занести в сердце сомнение, надломить волю, сразу, едва начали расправляться крылья. Сколь непросто потом вернуть уверенность. Едва прото形ренная дорожка в небо может и вовсе не стать большой жизненной дорогой. Потому и поспешил спросить меня Володя о том, испугался я или нет.

Я ответил на это отрицательно. Не ради бравады, выглядеть перед инструктором эдаким храбрецом, нет. Просто не успел по-настоящему оценить опасность, не успел испугаться, а до самой посадки лихорадочно доискивался до причин остановки мотора.

Володя все еще недоверчиво посмотрел на меня, спросил, о чем же тогда кричал ему. Показал ему на рукоятку бензокрана. Тут уж он не сдержался: ругал себя, упрекал меня, почему не переключил кран. Но ведь трогать что-то в этом полете мне строго запрещалось.

В разгар нашей «беседы» подошел руководитель полетов. Ну и выдал он нам! А мы и без того сгорали от стыда: не заметить такой мелочи. Мелочи?! С той поры на всю жизнь я запомнил, что в полете мелочей не бывает. Чаще всего именно безобидные мелочи становятся причиной катастроф.

Так состоялось мое крещение небом. Необычно, рискованно, оставив заметный след на всю жизнь. Оно не стало препятствием на пути к заветной цели, а лишь укрепило уверенность: дорогу выбрал верную.

Шли полеты, программа усложнялась. Крепли крылья молодых. Как здесь не сказать доброе слово инструкторам, тем, кто открывал дорогу в необъятный простор. Это люди удивительные. Они могут быть почти что сверстниками курсантам, как Володя Ларионов, старше, обладать большим жизненным опытом, как Михаил Петрович Колышницын, совершенно разными по характеру, наконец. Одно у них одинаково — сердце отдано небу. Эту любовь они несут желторотым юнцам, отправляющимся в пятый океан. Инструкторы — подлинные рыцари этого океана. Не знаю даже, чем были не обязаны им. Были

они добрыми, строгими, а порой и жесткими, веселыми были. Трусами не были никогда. Летали они здорово. Всей своей личностью, каждой черточкой они воспитывали иас. Глядя, как ловко управляет инструктор самолетом, как послушна его воле машина, мы испытывали не только восторг, но и страстное желание сделать, суметь так же. Старались. Так что и волю, и уверенность в свои силы, и умение, и ...небо нам дали они — наши учителя.

— Полетишь сам,— сказал мне Володя Ларионов. Сказал беззаботно, буднично, будто я только и делал, что летал сам.

Как сам, почему сам, не получится. Кровь бросилась к лицу, словно обдало жаром.

— Не мудри, делай, как учили,— добавил он, пристально посмотрев на меня.

Сразу как-то стало легче, почувствовал себя увереннее. Даже разозлился на свою расслабленность. В последние дни Володя доверял мне машину полностью. Все было хорошо. Сам же втайне давно мечтал полететь без инструктора. Когда доверили самолет — растерялся.

Честно сказать, какие-то подробности того полета память не сохранила. Только все не верилось, что Володи нет рядом, думалось, наверное, нарочно пригнулся, и все хотелось заглянуть в переднюю кабину. Самолетом управлял как во сне. Будто не я, а кто-то другой, более решительный, умелый летчик выполнял полетное задание. После, принимая поздравления друзей, понял — летел сам.

Сказать, что радовался этому событию в моей жизни, значит не сказать ничего. Я был счастлив. Сбылось то, о чем мечтал, что виделось в мальчишеских снах, что пронес через военное лихолетье, от чего не отступился ни на шаг.

Это была лишь первая ступенька на пути к небу. Я поднялся на нее. Теперь шел к новым трудностям, к новым поворотам в судьбе с уверенностью в себе, в своих силах. После это не однажды выручало в трудные минуты, секунды, цена которых на земле и в воздухе разная.

Штурм неба продолжался. На плечах наших выпускников вспыхнули лейтенантские звездочки. Мы уже бредили новыми полетами, боевыми машинами, далекими гарнизонами. Каково же было наше удивление да и огорчение, когда шестнадцать человек, и меня тоже, оставили инструкторами в училище. Мы понимали: учить курсантов кому-то надо. Соглашались с этим. Но понять не мог-

ли, почему выбор пал на нас. Никто не понимал или не хотел понять. По правде сказать, инструкторы из нас были на первых порах неважные. Всего лишь на три года старше своих подопечных. Приходилось учиться самим и учить других.

Вначале инструкторские заботы у нас — молодых, горячих лейтенантов, особого восторга не вызвали. Собираясь вместе, мы рассуждали о таланте, о призвании учить других. Разумеется, такого таланта, таких способностей, желания ни у кого не оказывалось. Напротив, все в один голос твердили: «Надо переводиться при любой возможности в строевую часть». Продолжалось это недолго. Новая жизнь исподволь, незаметно захватывала нас. Есть в инструкторской жизни своя романтика. Только, может быть, не дающаяся сразу. Ее надо понять, уловить. Поверхностным, незаинтересованным взглядом ее не узнать.

Мы поняли романтику инструкторских будней, когда наши орлята все увереннее расправляли крылья, выходили в небо. Честное слово, радовались после первых их самостоятельных полетов больше курсантов. Они были просто захвачены полетом и не успевали ощутить всю радость от свершившегося, как когда-то мы. Зато инструктор, выпустив в полет молодого пилота, сердцем радовался за него.

Еще одна сторона инструкторской романтики. Она в особой ответственности. Ответственности за жизнь курсанта, за то, каким летчиком он станет, да и станет ли вообще. Недаром же Володя Ларионов, когда посадил самолет поперек полосы, первым делом спросил, не испугался ли я. Надлома моего боялся пуще всякой поломки в самолете. Ее устранить не так уж и трудно. А вот в душе очень сложно. Страх живуч. Поддавшись ему однажды, долго потом будешь бороться с ним. Победишь — добьешься цели, нет — труса отпразднуешь и в следующий раз.

Обвыкая в новом для нас положении, мы все же завидовали в душе тем, кто служил в строевых частях. Там были полеты, а у нас так себе, все «вывозные». Кое-кто стал выкраивать время, чтобы поработать самому в зоне над более сложными фигурами, чем учили курсантов. Или устраивали воздушные бои на границах зон, ходили на бреющем. Случалось, такие выходки заканчивались весьма печально. Это сразу действовало отрезвляюще,

заставляло думать о последствиях таких «невинных» занятий.

Все увереннее летали наши питомцы. А вместе с ними росли и мы — инструкторы. Открывали в себе таланты, способности, которые после выпуска отрицались всеми. Дело, наверное, вовсе не в таланте. И смотря как понимать его. Для меня талант прежде всего труд, плюс инициатива человека, а точнее, может быть, умение трудиться, приносить другим пользу. Весь наш талант состоял тогда именно в труде. От него никто не бегал. Нагрузки были большие, курсантов закрепляли много. Но и мы были молоды, не считали часов «от» и «до». Молодым летчикам мы передавали все лучшее, что было в нас, чему учили нас в свое время инструкторы. А еще мы знали: уважение курсантов к тебе определяется умением держаться в небе, способностью в самые критические мгновения не терять самообладания, принимать верные решения. От их пытливых глаз (знаю по себе, не понаслышке) не укроется ни один твой шаг, ни одно слово. Дрогнул, растерялся в какой-то ситуации — долго не забудется. Это мы усвоили с первых дней работы с курсантами.

У всех у нас, мальчишек довоенной поры, как и сейчас, было много общего: от любимых героев из книг до мечты о небе. Много общего было и в службе военных летчиков. Крепли крылья Родины, приходила новая техника — реактивная, ракетоносная, всепогодная, которой не страшны ни высоты, ни расстояния. Приходилось все время учиться. Особенно много дали годы учебы в Военно-воздушной академии. Теоретическую подготовку мы получили там основательную, с практикой было похуже. Потому моим ответом командиру эскадрильи, куда прибыл для прохождения дальнейшей службы, было в основном короткое «нет». В «сложняке» не летал, в составе эскадрильи бой не вел, ночью тоже, полеты не планировал... Удовлетворение от нашего разговора капитан Токарев получил «полное».

Начинать мне во многом пришлось с азов. Небо неожиданно отодвинулось, отгородилось ворохом бумаг. Дни летели, мои полеты не предвиделись. В плановой таблице своей фамилии я по-прежнему не встречал. А сердце просило высоты. Какой летчик не мечтает о полетах, стремительных атаках. Тут же «вынужденная посадка» затягивалась на неопределенное время. Не найдя ответов на мучившие меня вопросы, высказал все, что накипело,

командиру эскадрильи. На следующий день моя фамилия стояла в плановой таблице.

Этот полет для меня был чем-то сродни экзамену. Сдам его — дело пойдет. Сорвусь, кто знает, как сложатся отношения с летчиками, командирами.

Выложился: все, что умел, все, что знал,— все постарался показать. Токарев, скупой на похвалы, немногословный, сказал: «Для первого раза неплохо. Еще пару вылетов и давай самостоятельно. Хватит тебя возить».

Я приободрился, даже дышать стало свободнее.

— Видишь, семнадцатый стоит,— сказал мне однажды после очередного полета комэск.— Лети.

Не поверил, с недоумением посмотрел на Токарева.

— Прямо сейчас?!

— Что, сомневаешься?

— Нет, я готов.

— Так приглашения ждешь или как?

Самостоятельный полет. Сколько раз приходилось получать разрешение на него. И всегда необычное волнение охватывает тебя, когда слышишь добро командира. Каждый полет не похож на предыдущий, в чем-то это всякий раз шаг в неведомое. Тем более когда выходишь в самостоятельный, после перерыва, осваивая новую технику.

Нетрудно представить мое состояние после столь неожиданного решения командира. Старался успокоить себя, а волнение неведомыми мне путями прорывалось наружу в скованности движений, излишней напряженности.

— ...Взлет разрешаю,— послышался ровный голос руководителя полетов.

Самолет понесся по бетонке, все убыстряя бег, оттолкнулся от земли и унес меня в небо. Все сомнения, тревоги остались далеко внизу, у старта. Самолетом управлял спокойно, уверенно. Задание было простым, выполнил его успешно. Все элементы полета вышли, как говорят, без сучка и задоринки. Командир полка, наблюдавший за моими действиями, сдержанно отметил мою маленькую победу в воздухе. Токарев был особенно рад. Наши отношения после этого полета потеплели. Постепенно все стало на свои места. Я не был больше обузой командиру, а стал его помощником не на бумаге, а на деле.

Восхождение в небо продолжалось. Менялись должности, гарнизоны, самолеты. Неизменной оставалась любовь к полетам, небу — огромному, доброму, трудному,

крутому небу. Я сейчас не припомню, что мне давалось без труда, играючи. Чего достиг — во всем труд, помноженный на труд, помощь друзей, их поддержка, забота. Иначе не бывает. Нет дорог без крутизны. А самая крутая из них та, которая ведет в небо.

ТАМ, ЗА ОБЛАКАМИ...

В части поступали новые машины Павла Осиповича Сухого — истребители-бомбардировщики Су-7. В первую встречу он мне показался больше похожим на ракету. «В таких вот кораблях когда-то полетят за земную атмосферу»,— подумалось мне тогда. Было в этом самолете что-то космическое, от будущего.

Осваивать новую технику всегда интересно. По душе мне такая работа. В ней есть и свои трудности. К примеру, вылетать приходится сразу, без «вывозных». Как поведет себя машина в воздухе, представляешь лишь по рассказам тех, кто уже поднимал ее над землей. Но что рассказы! Они не сделают ясной картину предстоящего броска в небо. Пока не испытаешь на себе, рассказы бывалых — не рецепт от происшествий.

Апрельским солнечным утром, получив разрешение от заместителя командующего авиацией округа на самостоятельный полет на Су-7, готовился к нему. Настроение отменное. Полет как бы итожил сделанное. Больше радовала программа предстоящих скоро полетов, да еще на новой машине.

Шла обычная предполетная подготовка. Вдруг пришло сообщение ТАСС о космическом полете майора Гагарина Юрия Алексеевича. За 108 минут вокруг шарика. О таком полете мечтал Валерий Павлович Чкалов. Осуществил его мечту наш советский человек, военный летчик. Он поднялся на высоту, не доступную ни одному самолету, а какая у него скорость!..

Мы все были несказанно рады такому известию, горды тем, что дорогу к звездам проложил советский человек, наш современник. Надо ли говорить, с каким подъемом мы выполняли все полетные задания.

Научное предвидение, предположение, гипотеза, то, что еще вчера было недостижимым, сегодня обрело кровь и плоть, стало реальностью.

Любуясь его ясной улыбкой, доверчивой, приветливой, согретой сердечным теплом, не один летчик спраши-

вал себя, а смог бы он повести корабль в космос. Признаюсь, где-то далеко затеплилась у меня вдруг надежда, еще робкая, не обретшая своего голоса, о полете в космос. Но где мне с Гагариным тягаться! Он моложе на семь лет. Не видать тебе уже космоса, найдутся люди покрепче. А после полета Германа Степановича Титова я окончательно сделал для себя вывод: не ходить мне по звездным первопуткам. Там обойдутся без меня. Но слабенький, чудом не погасший огонек надежды все же уцелел в душе. И не зря.

Как-то весной 1962 года вызывает меня заместитель командующего авиацией округа и приказывает отобрать кандидатов для подготовки космонавтов. Прочел я условия предварительного отбора, и дыхание чуть не перехватило. Мои данные, как по физическому развитию, так и образовательные, профессиональные качества как раз вписывались в требования, предъявляемые к кандидатам.

— А мне разрешите вписать свою фамилию,— обратился я к генералу.

— Тебе-то зачем? — несказанно удивился он.— Должность перспективная, авторитет, что еще надо.

Не знаю, как я объяснял, что решение мое родилось еще не здесь, не сейчас, а задумано давно. Генерал в конце концов согласился.

— Ладно уж, пиши рапорт, думай до утра,— сказал, перед тем как уйти.

Окружная медицинская комиссия из всех кандидатов пропустила через свое сито двоих: Анатолия Филипченко и меня. Потом в Москве был еще более тщательный отбор. Каждый день круг кандидатов сужался. Нас осталось совсем немного: Георгий Добровольский, Лев Демин, Юрий Артюхин, Алексей Губарев, Анатолий Филипченко, Виталий Жолобов, я и еще несколько человек. Вот уж где поверишь, что верблюду легче пролезть в игольное ушко, чем, скажем, попасть в отряд космонавтов.

После медицинской была государственная комиссия. Она решала вопрос о зачислении в отряд окончательно. Мы понимали это и очень сильно волновались. Никто тогда сразу не обратил внимания на майора, появившегося в приемной. Ясная улыбка, излучающая доброту, говорила о широте души человека. Она открыла нам, кто вошел в приемную. Это был Юрий Алексеевич. Узнав его, все примолкли, не зная, как себя держать с космонавтом.

— Что, соколики, дрожите? — поняв наше смущение, сказал он по-свойски, будто давно знал каждого.

С первых слов, с первых фраз у нас установилось полное взаимопонимание, товарищеская атмосфера. Гагарин расспрашивал нас о службе, налете часов... Его интересовало буквально все. Заинтересовал Су-7. Как мог, рассказал ему об этой машине, особенностях ее пилотирования, возможностях.

Нам тоже не терпелось спросить Юрия Алексеевича о космическом корабле. Перебивать его не решались, отвечали на вопросы. Наконец кто-то не выдержал и попросил рассказать о космической технике.

— В двух словах не расскажешь,— ответил он с улыбкой.— Да вы все скоро сами увидите и узнаете.

Поговорив еще немного, он тепло попрощался с нами с уверенностью в скорой встрече. А его слова: «До встречи в Звездном» — прозвучали для нас самой лучшей музыкой.

После обстоятельной беседы с членами Государственной комиссии всех направили к месту службы с обнадеживающей фразой: «Потребуетесь, вызовем, ждите».

Ждать пришлось немало. Я уже и надеяться перестал, обращался с письмом к Главнокомандующему ВВС с просьбой не назначать меня командиром полка. С этой должности могли бы и не отпустить. Известное дело, командные кадры отдают неохотно.

Повлияло письмо или нет, я не знаю. Вскоре пришел вызов, меня приняли в отряд космонавтов.

В январе 1963 года мы приехали в Звездный городок. Хмурые ели молча расступились, и мы увидели в заснеженном лесу несколько домиков с разбегающимися тропинками да трехэтажный дом профилактория. Это нас не расстроило, хотя воображение рисовало встречу с городком, сошедшим со страниц научной фантастики. Мы знали — будущее у городка необычно. Какое новое дело начинается с дворцов и гигантских сооружений? Они будут непременно, только позже. Мы просто ощущали причастность к большому и важному делу, которое доверяла нам страна. Впереди полеты в мир таинственного безмолвия. Никто из нас не знал, как непроста, длинна дорога в космос. Шесть лет непрерывных тренировок под неусыпным оком медиков, участие в различных экспериментах, работа в Центре управления полетом, пунктах связи, на Байконуре... Все это вместили шесть долгих

лет. Накануне своего старта в космос я был дублером Георгия Тимофеевича Берегового.

Учить «Союз» летать предстояло продолжить Георгию Тимофеевичу. Он пришел в отряд космонавтов позже других, но был старше всех из нас. Удивительна судьба этого человека. Молодым летчиком он уже участвовал в Великой Отечественной войне. Штурмовик Георгия Берегового всегда находил цель. Он совершил 185 боевых вылетов. Много техники, фашистских захватчиков уничтожил. Как воевал, красноречиво свидетельствуют высокие награды и звание Героя Советского Союза.

После войны Георгий Береговой остался в строю защитников Родины. Летчик не мог не летать. Он перешел на испытательную работу. Никогда в жизни не выбирал Георгий Тимофеевич себе задачу полегче, не стремился жить, как проще. Ему было присвоено звание «Заслуженный летчик-испытатель СССР». Тоже казалось бы, что еще человеку надо. Авторитет, высокие награды, работа по душе. Но как раз и отличает настоящего человека неуспокоенность, неудовлетворенность прошлыми заслугами, какими бы большими они ни были. Не прятался за друзей Георгий Береговой на фронте, был на острие атаки. И в мирной жизни жил, работал, служил не ради славы, а был всегда на передовой, на стремнине. Думаю, вовсе не случайно именно ему было доверено испытать «Союз», произвести сближение с беспилотным кораблем до нескольких метров, используя ручное управление. Мы с Борисом Волыновым были дублерами Георгия Тимофеевича.

Борис Валентинович в отряд космонавтов прибыл вместе с Юрием Алексеевичем Гагариным. Отличный летчик, крепкий, развитый физически, он уже был дублером. Знаний и опыта ему не занимать.

Мы изучали устройство «Союза», учились работать с кинокамерой. Успешно выдержали комплексную тренировку, которую можно назвать космическим полетом в условиях земли. Умные автоматы создавали почти полную иллюзию полета. Единственное, что не мог дать тренажер, так это ощущения реальной опасности при ошибках. Знаешь: можно повторить, друзья всегда рядом, помогут, поправят. И все же комплексный тренажер — это чудесное творение рук наших ученых, инженеров, рабочих. Он помогает всесторонне проверить готовность экипажа к выполнению намеченной на полет программы. Не

зря в Звездном есть такая традиция: завершающих комплексную тренировку встречать цветами, как из космоса.

На Байконур летели в разных самолетах. Дублирование — не пустая формальность.

Несколько дней заполнили предстартовые хлопоты: обживание корабля, проверка систем, приборов, узлов. Состоялось заседание Государственной комиссии. Командиром корабля «Союз-3» был утвержден Георгий Тимофеевич, мы с Борисом Валентиновичем — дублерами.

...Автобус катил по бесприютной осенней степи. Пронизывающий ветер гнал легкие шары перекати-поля, швырял песком. Низкое, насупленное небо делало картину осенней природы еще более унылой.

Георгий Тимофеевич, повернувшись к окну, глядел вдаль, где степь смыкалась с облаками. О чем он размышлял в эти минуты? Может быть, вспоминал влюбленных в небо лейтенантов из грозового неба войны — фронтовых побратимов? Свои молодые жизни они отдали и за то, чтобы его полет состоялся. Кто знает. Может быть, он советовался с друзьями, летчиками-испытателями, вспоминал их добрые напутствия. Он и теперь по сути остался испытателем, шел в неведомое.

Меня потом часто спрашивали, волновался ли Береговой перед стартом. Что ответить на это? По его лицу, в котором слились воедино твердая уверенность, крепкая воля, внутренняя готовность к борьбе с неизвестностью, беспокойства не читалось. Но я по опыту знаю, какая буря в душе может быть скрыта за внешне подчеркнутым спокойствием.

Георгий Тимофеевич прошел испытание огненным небом Великой Отечественной, летчик-испытатель. В его жизни было столько критических ситуаций, сколько хватило бы с лихвой нескольким людям. Он никогда не терял самообладания. Сейчас, когда до старта оставались считанные часы, Георгий Тимофеевич волновался. Это чувство присуще людям. Без него скучна была бы жизнь. Но разница в том, что одни поддаются ему, а другие умеют преодолевать, не давая разрастись в страх. Береговой умел это делать.

О своем полете, подробностях старта Георгий Тимофеевич интересно рассказал в нескольких книгах, не обошли его вниманием и другие авторы. Мне повторяться об этом, видимо, не стоит.

Спустя некоторое время после выхода «Союза-3» на

орбиту мы улетали в Центр управления полетами в Евпаторию. Улетали со смешанным чувством. Радовались за товарища, гордились, что довелось быть его дублерами. Каждый из нас по своей подготовке в любой момент мог заменить товарища. Теперь он на орбите, а нам с Борисом опять ждать своего звездного часа. Он тоже не за горами, с еще более сложной программой исследований. Нам же хотелось уже сегодня, сейчас на орбиту.

Георгий Тимофеевич выполнил задачи полета и благополучно вернулся на родную землю. Мы к этому времени тоже вернулись в Звездный и приступили к подготовке своего броска в заоблачную высь.

Были запланированы интересные эксперименты, стыковка кораблей, переход космонавтов из одного «Союза» в другой. Вначале предполагался мой старт, затем в космос должен был уйти другой корабль с экипажем из трех человек. Осуществив поиск, сближение и стыковку, мы должны приступить к запланированным исследованиям. Потом корабли расходятся, возвращаются на Землю.

По этой программе кроме меня готовились: командир «Союза-5» Борис Валентинович Волынов, Алексей Станиславович Елисеев, Евгений Васильевич Хрунов и дублеры.

Готовились напряженно, хотя в Звездном легких дней просто, по-моему, не существует, кроме, разумеется, дней отдыха. И все же трудность неожиданно подкараулила нас там, где ее не ждали. Вначале у нас нередко возникали споры, порой с тренировок расходились раздосадованные, недовольные собой и окружающими. Скажу о себе. За годы летной работы, на прошлых тренировках мне большей частью приходилось работать одному. Это наложило отпечаток и на мое поведение. Все казалось, что товарищи относятся порой небрежно к выполнению операций на тренажере. Вмешивался с советами, замечаниями, старался взять их заботы на себя. Они обижались. И справедливо. Знали технику они нисколько не хуже меня, в опыте не уступали. Мы прекрасно понимали: космос не место для споров. Лететь можно только с теми ребятами, в которых уверен как в себе. В один день, за несколько часов тренировок это не приобретешь. Тут слово за временем. В дальнейшем избегать острых ситуаций, конфликтов нам помогло решение считать ошибку любого из нас за ошибку всего экипажа. Потом стали все сложные операции проводить не в одиночку, а

под взаимным контролем. Тренировки проходили с большей отдачей, повысилось, и заметно, их качество. Мне все больше нравились ребята, с которыми предстояло скоро работать на орбите. Появилась потребность в постоянном общении с ними. Разные по характеру, привычкам, наклонностям, мы удачно дополняли друг друга. Алексей Елисеев, например, талантливый инженер, знаток литературы, искусства, мастер спорта. И при этом чрезвычайно скромный человек. Вначале он мне показался каким-то замкнутым, угрюмым. Но первые впечатления зачастую обманчивы. Так вышло у меня и в отношении Алексея Елисеева. На тренировках он много шутил, тонко чувствовал юмор. А резкость у него тут же сменялась стеснительностью. С ним интересно бывало поговорить.

Завидной работоспособностью отличался у нас Евгений Хрунов. Он так был увлечен новым для него делом, что готов был сутками не отлучаться от тренажеров. Есть в нем и такая черточка — до всего дойти самому, даже затратив на это немало сил. Если он в чем-то убежден, то напрасна любая попытка изменить его мнение. При этом умел Евгений признавать свои просчеты, хотя случались они очень редко.

Готовясь к полету и после, мы добрым словом вспоминали всех, кто создал умные тренажеры, особенно комплексный. Он позволял отрабатывать на земле почти всю программу. «Почти» — составляла стыковка. Макеты «Союза-4» и «Союза-5» не могли перемещаться. Стыковку на них не отработаешь. Как быть? На помощь нам вновь пришли ученые, инженеры. Было разработано специальное устройство, имитирующее движение корабля, которое передавало изображение на экраны специального телевизора видеоконтрольной установки, экраны перископов наших тренажеров. Миниатюрные макетики кораблей могли передвигаться по команде в самых различных направлениях, как настоящие корабли в космосе.

Для проведения экспериментов, выполнения программы наши корабли оснастили стыковочными агрегатами. Один из них напоминал большую воронку, а другой был выполнен в виде длинного стержня. Задача заключалась в том, чтобы сблизить корабли и совместить их продольные оси. Затем, регулируя скорость сближения и не допуская каких-либо боковых перемещений, попасть стержнем в раструб стыковочного узла.

При всей видимой легкости сделать это далеко не просто. Если, скажем, скорость сближения будет малой, не сработают замки, стыковка не состоится. А при большой скорости можно погнуть штырь или протаранить встречный корабль.

Поначалу стыковка была для нас чем-то недоступным. Сомнение вызывала необходимость производить ее вручную. Есть умные автоматы. Когда же проделали эту операцию на тренажере не одну сотню раз, появились глазомер, сноровка, уверенность в своих действиях. Около восьмисот стыковок произвели мы на земле, чтобы потом выполнить одну в космосе.

Евгений Хрунов и Алексей Елисеев в то же время отрабатывали переход из корабля в корабль. Им пришлось много потрудиться, чтобы довести свои действия до автоматизма.

Комплексная тренировка, проведенная в конце подготовки, показала: к полету мы готовы.

...Байконур встретил неприветливыми ветрами, бросающими в лицо колючие снежинки, крепкими морозами, обжигающими лицо. Незаметно пролетели предстартовые дни. Мне здорово повезло на цифру тринадцать. Таким был мой порядковый номер. Старт наметили на 13 января, 13 часов местного времени. Да еще лететь я должен был в понедельник. Ребята постарались не упустить столь благоприятную возможность подшутить надо мной. Чертова дюжина далеко не увезет. Надо сменить хотя бы номер на счастливый. Мне же было безразлично: этот номер или другой. На подтрунивания я не обижался. Говорили все ради того, чтобы поднять мне настроение.

Последний вечер перед стартом. Собрались все в нашем номере. На столе бутылки с боржоми и «Птичье молоко». Но врачи не дали нам посидеть. Перед полетом надо хорошенько отдохнуть.

Утро следующего дня запомнил смутно. Столько было дел. Сказывалось и волнение.

Стартовая площадка. Последние напутствия. Лифт мчит меня к вершине ракеты. Потом с помощью сопровождающих устраиваюсь в кресле космонавта. Объявляется полуторачасовая готовность. Проверяю системы корабля, каналы связи. Слышится голос Анатолия Филипченко. Он контролирует мою работу.

Часовая готовность. Стараюсь действовать строго по плану, проверяю правильность по бортжурналу.

Получасовая готовность. Проверку в основном завершил. Есть несколько минут. Анатолий предложил музыку на борт. Я отказался. Вдруг захотелось побыть одному, помолчать, подумать.

Ловлю себя на мысли, что все кажется просто очередной тренировкой. Такое было не однажды. Тишина. Но ракета живет: слышится шум, постукивание, шипение. Такое на тренировках не бывает.

Пятнадцатиминутная готовность...

— Старт отменяется, переносится на завтра. Сейчас к тебе поднимутся инженеры и помогут выйти из корабля... Не волнуйся, полетишь завтра,— слышу я и не верю себе. «Отменяется, полетишь завтра, отменяется, отменя... от...» — как заезженная пластинка звучит в голове.

Это сообщение мгновенно повергает меня в смятение. Шесть долгих лет тренировок, надежд, мечтаний. «Все зря, зря... Но почему зря? Сказали, что полечу завтра, значит — полечу. Ничего страшного не произошло, так, непредвиденная задержка, бывает, задержка и все... Все, все, а если действительно все... не видать мне космоса, не...»

Осенним листопадом кружились мысли, неслись, путались. Не сразу удалось мне взять себя в руки. Какая досада! Оставалось всего пятнадцать минут до старта, всего пятнадцать. «Раскисать нельзя, полечу завтра»,— говорю себе, а на душе все же кошки скребут.

Не знаю, сколько прошло времени с тех пор, как я получил сообщение о переносе полета. Для меня оно остановилось вместе с командой отставить. Наконец послышался стук; открыли люк орбитального отсека. Специалисты, казалось, были расстроены еще больше меня. С их слов понял, что сомнения вызвали показания одного прибора. Решили не рисковать и старт перенесли. Они еще раз извинительно заверили меня в том, что завтра я обязательно уйду в космос.

— Кто же в понедельник отправляется в космос, день недаром тяжелый,— отшутился я, хотя мне было не до улыбок.

Стартовики рассмеялись, шутку приняли, а с меня будто груз свалился, чего сомневался, завтра полечу.

Внизу меня встретили Председатель Государственной комиссии, руководители полета.

— Побил рекорд точности. Приземлился там, откуда хотел взлететь,— «доложил» я бодрым голосом.

Мои товарищи переживали неудачу на старте, и мне пришлось даже их убеждать в том, что я верю в успех, мой полет все равно состоится.

В нашей комнате то и дело по разным поводам появлялись медики. Тогда я не придал этому какого-то значения. Приходят, значит, надо. Лишь позднее мне стала ясна их особая внимательность в тот нерадостный для меня вечер. Они тактично, ненавязчиво наблюдали, не сказалась ли на моей психике отмена полета. Все было в порядке. Переживал, конечно. Остановился на пороге мечты. Сколько сил, сколько дней было отдано. И вот на́ тебе. Но я все же нашел в себе силы приглушить боль, волнение. А если бы мучился, переживал этот непредвиденный срыв, завтра вместо меня полетел бы дублер. Тогда изменить ничего было бы нельзя. Такого, к счастью, не случилось. Я постарался хорошо отдохнуть. Спал спокойно, без снов.

14 января, утро. Уже знакомый круг предстартовых хлопот. Теперь чувствую себя более уверенно. Но когда объявили пятнадцатиминутную готовность, сердце беспокойно застучало: полечу или нет. Вдруг вновь отменят старт. На связь выходят руководители полета.

— Как настроение, «Амур»?

— Нормально,— отвечаю, а сердце гулко, беспокойно стучит в тишине кабины.

— Желаю счастливого пути и мягкой посадки!

Теперь уже точно полечу, наконец-то. Благодарю руководителей полета за пожелание, обещаю выполнить программу, оправдать доверие.

Пятиминутная готовность.

Стараюсь сосредоточиться, собрать всю волю в один кулак. Не знаю, в какой мере мне это удается. Во всяком случае, сердце теперь не стучит так, будто готово выпрыгнуть из груди.

Ключ на старт!

Бегут последние секунды: 7, 6, 5, 4, 3, 2, 1... Зажигание!

Откуда-то из чрева ракеты доносится нарастающий рев двигателей. Он усиливается, вытесняя все другие звуки. Ракета дрожит, напрягаясь всем своим громадным корпусом, не в силах оторваться от Земли. Но вот, я скорее догадался, чем почувствовал, она медленно страгивается с места и начинает подъем.

Свершилось. Вот оно, мгновенье, которого так долго

ждал, приближал на тренировках, экспериментах, мечтал, провожая друзей в эту трудную дорогу.

«Поезд тронулся,— пронеслось в голове.— Поехали». Это сказал Юрий Алексеевич, отправляясь впервые звездной дорогой. Теперь невольно так же подумал я. Наверное, первый полет человека в космос стал настолько близок каждому из нас, частью нас самих, так сроднился, сросся с мечтами о космосе, что даже слова Колумба Вселенной, сказанные при прощании с пристанью Земли, стали и моими словами. Мы живем Его мечтами, продолжаем сегодня Его дело. Навсегда, на века имя Его будут произносить земляне с чувством восхищения и благодарности. Он всех нас позвал в эту дорогу к звездам.

...Мне казалось: ракета поднимается слишком медленно, не отпускает Земля. Новых перегрузок по сравнению с теми, которые многократно испытывал на тренировках, не чувствовалось. Только дрожь ракеты, ее раскачивание говорит о том, что полет мой состоялся. Я лечу в космос!

Скорость нарастает. Перегрузки растут. Меня заметно вдавливает в кресло. Непрерывно докладываю на Землю показания приборов, самочувствие, ощущения.

Двигатели первой ступени отработали и отделились. Включилась вторая ступень, и мне показалось: ракета полетела еще быстрее.

В спускаемый аппарат корабля врывается солнце, заполняет радостным светом кабину. Значит, обтекатель сброшен. Очень хочется заглянуть в иллюминатор: что там за бортом. Пока на это нет времени, да и возможности. Ремни крепко удерживают меня в кресле. Еще по одному стоят справа и слева от меня. Ждут гостей, а вернее, своих хозяев.

Связь работает исправно. Меня информируют: полет проходит строго по программе, отклонений нет. Это еще больше вселяет уверенность в выполнение намеченной программы.

Вдруг в корабле становится тихо. Тишина такая плотная, что слышу собственное дыхание. Перегрузки исчезли, не слышно шума работающих двигателей; будто корабль остановился. Я знаю: это отработали двигатели второй ступени. Сейчас начнется последний этап выведения корабля на орбиту — разгон его до скорости восемь километров в секунду. Мне это известно. Но движе-

ния не чувствуется, вовсе не чувствуется. Впечатление такое: корабль остановился.

Улавливаю едва слышный, все нарастающий гул. Заработали двигатели. Стало как-то легче, повеселел. Перегрузки вновь нарастают. Такое я уже не раз испытывал на центрифуге. Провалы и нарастание перегрузок. Как тут добрым словом не вспомнить создателей тренажеров, методистов, разработавших систему тренировок.

Девять минут полета. Какие они емкие, эти девять минут. Сколько передумал, перечувствовал, пока они прошли, сколько пережил. Мне кажется, что нахожусь в полете уже не первые сутки.

Скоро включатся бортовые часы, «глобус» начнет свой неутомимый бег, наматывая на себя виток за витком мой полет, вспыхнут транспаранты. Вдруг мне становится легко, сердце будто срывается и летит неизвестно куда. А вслед за ним и я словно всплываю с кресла под потолок. Руки невольно с силой сжимают поручни. Невесомость. Нельзя сказать, будто я раньше вовсе не испытывал ничего подобного. Только невесомость в лаборатории, пусть даже летающей, надолго не создашь. Там она продолжается считанные секунды, а здесь теперь будет до завершения полета.

Автоматика выдавала команды на приведение систем корабля в полную рабочую готовность. Мне надо было строго следить за прохождением сигналов, быть готовым вмешаться в ее работу. Но этого не потребовалось, хотя во время тренировок на комплексном тренажере вводных нам давали предостаточно. На то он и тренажер. В полете никаких нарушений в работе систем быть не должно.

После очередного сеанса связи корабль вышел из зоны радиовидимости, и я был предоставлен самому себе. Осторожно освободился от привязных ремней. Легонько толкнулся и... поплыл... Подтянулся к иллюминатору. Во всем великолепии передо мной была наша Земля. Краски, необычно яркие, сочные, делали картину поистине фантастической. Облака укутали Землю, линия горизонта слегка размыта, а над ней голубая полоса. Оранжево-красное Солнце потоками расплавленного металла струилось из-за нее и растекалось в разные стороны. Такой на всю жизнь запомнилась мне Земля, увиденная впервые из космоса.

Неожиданно наступила полная темнота. Корабль за-

шел в теневую сторону Земли. Яркие колючие звезды светили ровно и холодно. Но долго любоваться открывшейся картиной я не мог. Программа составлена очень плотно. После прохождения кораблем теневой полосы мне надо будет сориентировать его на Солнце, перевести в режим «закрутки» — вращаться волчком вокруг вертикальной оси. Подобную операцию сотни раз мы отрабатывали в Звездном. Здесь я провел ее тоже безукоризненно. Корабль слушался еще лучше, чем тренажер. В конце первого витка доложил об успешном проведении этой операции. В ответ мне сообщили уточненные параметры орбиты. Высота в апогее — 225 километров, в перигее — 173 километра, наклонение орбиты — 51° 40′, период обращения — 88,35 минуты.

Через некоторое время дали разрешение на переход из спускаемого аппарата в орбитальный отсек. Выравняв давление в обоих отсеках, я открыл крышку переходного люка, медленно поплыл в орбитальный отсек. После тесноты спускаемого аппарата он показался мне удивительно просторным. Это привело меня в восторг. Я с удовольствием плавал по нему, ходил по потолку и закручивал бесконечные сальто-мортале. Да так увлекся ими, что забыл о работе. Крутанул почти без напряжения одну серию, хотел другую так же. И вдруг словно что-то толкнуло изнутри: «Тебя ведь не кувыркаться в космос послали». Бросил взгляд на часы и ахнул. Мне давно пора начать приборку отсека. «Хорош, нечего сказать,— подумал я,— хорошо, нет связи с Землей, никто не заметит моих кульбитов в отсеке корабля».

Время мое было буквально расписано по минутам. Но космос вносил кое-какие коррективы. Если забывал крепить приборы, вещицы, они уплывали от меня и приходилось их ловить по всему отсеку. А тут еще никакой сноровки передвижения в условиях невесомости. Оттолкнулся чуть сильнее — получай удар о стену. Не надо думать, что на борту корабля они безболезненны. Выручила способность человека приспосабливаться к любым условиям. Скоро я довольно сносно мог передвигаться по кораблю, правда, больше с помощью рук, чем ног. Удары все реже напоминали мне, что в невесомости масса остается неизменной. Теперь научился усилия выверять точно, резких движений старался не делать. Только все не мог привыкнуть к отсутствию понятия верха и низа. Приходилось постоянно убеждать себя в том, что верх

для меня там, где стыковочный узел, а низ — где люк перехода в спускаемый аппарат.

Наиболее сложным на первом этапе полета было для меня выполнение коррекции, все волновался за исход своих действий. Эта сложная операция мне удалась. Корабль перешел на орбиту «ожидания». Можно было и передохнуть.

Я машинально крутил ручкой настройки приемника, а в мыслях вдруг перенесся на родную Землю. Там далеко, за плотной пеленой облаков, привольно раскинулась Родина, там ждали меня. Вдруг среди шороха и треска эфира услышал свою фамилию. Это было так неожиданно. Я не поверил, прислушался и тогда понял. Мне ничего не почудилось. Передавали сообщение ТАСС о полете «Союза-4». С радостью слушал я сообщение и с поистине сердечной благодарностью думал о людях, которые создали такую чудесную технику, вручили ее мне, о тех, кто готовил меня к броску в космос. Настоящие люди, советские люди. Вспомнил родных и близких. Как нелегко им было со мной все эти годы, как нелегко теперь, когда я вышел на орбиту. Тревога не покинет их, пока не вернусь на Землю. Приободрить их, успокоить я не мог, какая жалость.

Передача сообщения закончилась. Из динамика полилась тихая мелодия. Не спеша подплыл к маленькому зеркальцу и чуть было не оттолкнулся от него к другой стене. На меня смотрел совершенно незнакомый человек с распухшим, сплюснутым лицом, покрасневшими усталыми глазами. Неужто я? Как же в таком виде предстать перед телезрителями. Надо признаться, побаливала голова. Пока занят экспериментами, исследованиями, ничего или почти ничего не замечаешь. А стоит только отвлечься от работы, как в висках застучали молоточки. Немало неприятных минут доставила мне и пища. Я проголодался и проглотил печеночный паштет, выпил какао и смородиновый сок. Пока полужидкая пастообразная масса, не имеющая веса, устремлялась в сторону пищевода, мне казалось, что вот-вот она «вырвется на свободу».

В таком состоянии первый репортаж мне дался с громадным трудом. Через силу улыбаясь, я все поглядывал на часы. Стрелки их как никогда ползли еле-еле. Когда передача закончилась, я смахнул обильный пот с лица.

Все мои трудности первого этапа полета компенси-

ровались добрым сном. Против ожиданий отдохнул я хорошо. Тошноты вовсе не ощущалось. Исчезла и головная боль. Настроение было вполне рабочим.

Сделал зарядку, от завтрака решил отказаться совсем, буду лечиться голодом. А пока есть время, понаблюдаю Землю. Из иллюминатора открывался отличный вид. Я любовался океаном, игрой красок от черной до нежно-голубой. Удивительный остров Куба. Он хорошо просматривается в ожерелье пенного прибоя, окруженный малахитом океана.

Заканчивались сутки моего полета. Корабль скоро пролетит точно над точкой старта. Как раз тогда уйдет в космос «Союз-5». С радостью слушал я трансляцию старта моих товарищей. Скоро, совсем скоро встретимся.

Погода стояла хорошая. Облака не укутывали больше Землю. Стартовая площадка хорошо видна. Мое внимание привлекла инверсионная полоса, круто уходящая ко мне и обрывающаяся на большой высоте впереди. Сообщил об этом в Центр. И тут раздался голос Бориса Волынова. Он с настойчивостью вызывал меня. Связь между кораблями была установлена. Теперь мне уже недолго ждать.

...До встречи оставалось немногим более часа. Я постарался навести порядок в корабле. Неожиданно захотелось преподнести ребятам хоть какой-то сюрприз. На тренировках мы «встречались» часто. Но как-то никогда не думали обставить эту встречу особо. Было не до этого. Теперь, поджидая товарищей, я подумал, что встреча в сущности событие мирового значения. Предстоит стыковка и переход через открытый космос. Аналогов этому еще не отмечалось в истории освоения Вселенной.

После недолгих раздумий о том, как лучше встретить ребят, взял фломастер и крупно вывел на стенке орбитального отсека: «Добро пожаловать!» Уходя, оглянулся, и лозунг мне понравился. Значит, понравится он и ребятам.

Через иллюминаторы я любовался уходящим за горизонт Солнцем. Темнота сгущалась, становилась фиолетовой, вспыхивали звезды. И тут мое внимание привлекла маленькая звездочка, которая меняла свое положение относительно других. «Они?!» — пронеслось в сознании. Звездочка приближалась, росла. Не оставалось сомнения. Они!

Они!

Подтверждая мое предположение, хотя теперь всякое сомнение и исключалось, с борта «Союза-5» сообщили, что видят меня.

Между кораблями метров 100... Теперь бы за управление и состыковаться. Можно было бы сэкономить столько горючего. Но автоматика стыковки еще не приведена в рабочее положение. И без команды с Земли этого делать нельзя. Тем более, скоро войдем в тень.

Непрерывно поддерживаем связь. Корабли, разминувшись, продолжают расходиться. Мы зажгли бортовые огни. В определенное время я включил автоматику сближения. Поиск иачался. Приборы сразу же обнаружили «Союз-5». Расстояние между нашими кораблями стало уменьшаться. Напряжение нарастает с каждым десятком метров.

300, 200, 150 метров...

Включаю систему ручного управления. Пытаюсь подавить волнение, вдруг охватившее меня. «Союз-5» наползает на мой корабль. Все время переговариваемся. Борис Волынов подтверждает — корабли сближаются с заданной скоростью. Манипулирую ручками управления. Расстояние сокращается. На табло загорается цифра — 40 метров. Связи с Центром управления все еще нет.

Уменьшаю скорость до нуля, выполняю маневр «зависание». Со стыковкой надо еще подождать: корабли ие вышли в зону прямой видимости. Наконец, «Заря» подтверждает, что видит нас на экранах телевизоров. Можно причаливать и производить стыковку. Включаю двигатели и вновь вижу, как начинает расти в своих размерах «Союз-5». Стараюсь совместить продольные оси кораблей, исключить взаимные перемещения. Борис удерживает свой корабль от разворотов. Остается примерно пять метров, «Союз-5» заполняет собой весь экран моего перископа.

Слышится скрежет металла о металл. Это штырь моего корабля ударяется о поверхность стыковочной воронки. Вспыхивают транспаранты. Захват. Начинается стягивание кораблей. На табло горит: «Есть стыковка». На орбите первая в мире экспериментальная пилотируемая космическая станция.

Все системы соединились, включилась внутренняя радиотелефонная сеть. «Добро пожаловать, «Байкалы»!» В ответ слышу бессвязные крики. Перебивая друг друга,

они спешат сказать каждый что-то свое, особенное. Но друг друга не слышат. Понять их нетрудно. Они участники такого события, которое золотой строкой ляжет в историю освоения Вселенной.

Борис Волынов дает команду Елисееву и Хрунову перейти в орбитальный отсек и подготовиться к переходу через открытый космос. Сноровки, натренированности требует облачение в скафандры. Мне оно всегда напоминало одевание доспехов, с той лишь разницей, что все плавает в воздухе. И надо так ухитриться, чтобы вплыть в скафандр. А шнуровка?! Она наиболее трудоемка. Командир «Союза-5» прошел тоже в орбитальный отсек и помог одеться ребятам, проверил, все ли у них в порядке.

Непрерывно поддерживаем связь. Я контролирую по специальной инструкции готовность и последовательность перехода космонавтов. Слышу, как Борис шутливо выговаривает Елисееву и Хрунову за то, что покидают его на произвол судьбы.

Готовлюсь к встрече товарищей. Тщательно проверил герметичность орбитального отсека и открыл люк. Опробовали управление станцией, развернули ее так, чтобы в момент перехода солнечные лучи не мешали телепередаче и киносъемке. Связка из двух кораблей чутко реагирует на команды, выполняет их четко.

Через визир наблюдаю переход космонавтов. Вот показались из люка голова, плечи, затем весь корпус космонавта. Это Евгений Хрунов. Он с помощью рук, ловко цепляясь за скобы, передвигался к моему кораблю. Благополучно добрался до стыковочного узла, осмотрелся. И вдруг его тело стало разворачивать, опрокидывать на спину. Что пережил я в это мгновение! Помочь Евгению не могу, а помощь ему нужна. Наконец он двумя руками сумел преодолеть импульс вращения. Чуть отдохнув, Евгений продолжал продвигаться к цели. Вскоре он добрался до орбитального отсека моего корабля, повернулся, пересоединил фалы. Теперь очередь Алексея.

Работать в космосе оказалось гораздо труднее, чем представлялось раньше. Корабль должен войти в теневую сторону, а сделано далеко не все. Пришлось отменить мелкие операции. Я поторопил Елисеева и Хрунова. Но вот ребята забрались в орбитальный отсек, уложили все принесенное с собой оборудование, закрыли люк. Потом открыли краны баллонов наддува. Давление выров-

нялось, я проверил герметичиость. Все в норме. Можно открыть люк...

После на Земле мы от души смеялись, просматривая пленку с нашей встречей. На экране шевелился какой-то непонятной формы клубок. Мелькали головы, руки, ноги, летали кино- и фотоаппараты, извивались фалы... Восторгу не было предела.

Вернул к действительности нас голос Бориса Волынова. Он иапомнил как бы между прочим, что дел много и время не ждет.

Возбуждение постепенно улеглось. Мы разложили по местам все прииесениое ребятами.

Самым большим подарком, сюрпризом для меия были письма жены и товарищей, а также и свежие газеты, в которых сообщалось о моем полете. Такие дорогие весточки всегда приятно почитать. Что уж говорить о космосе. Только почитать сразу их не удалось. Приближалось время расстыковки. А сделать иам предстояло еще массу всяких дел.

Перед расстыковкой мы договорились с Борисом отправить телеграмму руководителям партии и правительства об успешном завершении эксперимента. На следующий день мы, переживая глубоко волнеиие и радость, читали правительствеииую телеграмму с поздравлением и теплыми пожеланиями. Простые, задушевные слова наших руководителей вызвали желание труднться с еще большим напряжением, чтобы выполнить все иамеченное на полет.

С приходом ребят на корабль будто что изменилось в ием. Стало, что ли, уютиее. Вот когда по-иастоящему я оценил радость общения. Замечательный летчик и писатель Антуаи де Сеит-Экзюпери называл ее самым дорогим для человека. Все преходяще в мире. Остается только товарищество. И вот великую его силу я, может, впервые ощутил так полно.

Работали мы дружно. Заплаинрованные эксперименты провели успешно, стали готовиться к возвращению. Материалы исследоваиий, экспериментов перенесли в спускаемый аппарат. По настоянию ребят прихватили сверх предписанного кое-какую «контрабанду». Так, взяли с собой перчатки. Их можно будет показать конструктору. И сувенир это хороший. Вес их составляет самую малость. Я вернулся еще раз в орбитальиый отсек. Там на стене висел портрет В. И. Ленина, который после воз-

вращения мы решили передать музею Звездного городка. Взял его. К спуску готовы.

Получив «добро» Земли, ориентирую корабль на «торможение». Волынов шлет нам пожелания счастливо вернуться. Ему еще сутки вести наблюдения на орбите. Немного завидуем ему. Мы отработали так до обидного быстро.

Спуск — наиболее сложная часть полета. Сложная как в физическом, так и в эмоциональном плане. К счастью, у нас обошлось без нештатных ситуаций. Неизгладимое впечатление оставляет картина, когда металл сгорает, растекается по иллюминатору и каплями летит в сторону. Зрелище просто фантастическое. Со стороны это выглядит как пылающий факел. В факеле люди. Неповторимо.

Приземление было таким же, как и у других космонавтов. Мы быстро сложили пленки, бортжурналы, приборы в специальные мешки. Все готово для нашего выхода. Поднимаю крышку люка и выглядываю из него.

На белом поле чернеет много людей. Кроме группы поиска пришли местные жители. Тепло встречи помогло нам выдержать сильнейшие морозы. Первичное медицинское обследование здесь, прямо на площадке приземления. По выражению врача вижу: остался доволен нашим состоянием.

Все последующие события — как большой радостный сон. Пресс-конференции, встречи, приемы. Особенно памятен митинг в Кремлевском Дворце съездов, выступление товарища Леонида Ильича Брежнева. Земные нагрузки оказались после полета не менее трудными и росли с каждым днем. Тяжело ты, бремя славы.

Праздники не кончились, а мы вновь приступили к работе. Тренировки продолжались. Мы мечтали теперь о новых полетах, более сложных, интересных и приносящих больше пользы родной стране. И они не заставили себя долго ждать. 11 октября мы проводили в космос Шонина и Кубасова. На следующий день стартовали Филипченко, Волков и Горбатко. А 13 октября (везет же мне на это 13) стартовали мы с Алексеем Елисеевым. Три корабля на орбите! Управлять действиями экипажей доверили мне. Полет прошел успешно. Потом был старт в составе экипажа, почти прежнего. К нам с Алексеем Елисеевым добавили Николая Рукавишникова. Мы произвели стыковку со станцией «Салют». Тем самым впер-

вые была создана орбитальная лаборатория. После было еще много стартов моих товарищей. Побывали в космосе и представители стран социалистического содружества. Штурм космоса продолжался, продолжается...

Юрий Алексеевич Гагарин своим беспримерным полетом во всех нас заронил мечту о полете. Он завещал нам трудиться во имя Родины, во имя светлого будущего всего человечества. Мы идем по звездному первопутку и будем идти. Нас не остановят никакие трудности, не остановит смерть, вырвавшая из наших рядов замечательных товарищей. Мы только теснее, плечом к плечу будем идти и идем по крутой дороге в космос...

Николай ПАЛЬКИН

ЗВЕЗДНЫЙ ПАХАРЬ

В глубиие души я давио чувствовал желаиие сказать о Волге что-иибудь свое, ио мие это все иикак ие удавалось. Мучился я до тех пор, пока ие оказался у истока великой реки. И как только там оказался, как только со священиым трепетом вошел в светелку, испил глоток волжской воды из ее изиачального родиика, так оиа открылась передо мной вся — до самого седого Каспия.

И, как волиа за волиой, пошли одиа за другой строки вступлеиия.

К твоему истоку шел я долго
По годам, по песиям, по судьбе
Дай мие силы, дорогая Волга,
Чтобы мог пропеть я о тебе.

И пойду вослед я за тобою
С доброй мыслью от холма к холму.
Чтоб дорожиой ие болеть тоскою,
Я с собой читателя возьму.

Мы пройдем по городам и весям,
Где краса земли ие взаперти.
На весах души возьмем и взвесим
Все, что попадется иа пути.

А на пути попадались большие и малые города, и каждый со своей судьбой, со своим обликом, со своей историей. Ярославль напомнил о стихах и песнях Некрасова, Кострома показала прекрасные образцы русского деревянного зодчества, Казань помогла встретиться с Мусой Джалилем, а Куйбышев приоткрыл передо мной песенную страну Жигули.

Был на пути родной Саратов, а чуть позже за ним легендарный Мамаев курган. Пока я шел к самому устью Волги, много видел дивных мест и местечек, много повстречал славных сыновей реки русской, но чувствовал, не хватает моей поэме чего-то важного, упущено в ней такое, без чего казалась она неполной.

Наконец сердце подсказало: нет в поэме Юрия Гагарина. Говорить о Волге и не сказать о ее сыне, которому она дала крылья, а затем приняла его из космоса в свои объятия,— было бы величайшей несправедливостью. Так в поэме появилась глава «Звездный пахарь». Это лишь попытка прикоснуться в стихах к образу первого в мире космонавта, о котором будет сложена еще не одна поэма и написан не один роман.

ГЛАВЫ ИЗ ПОЭМЫ

Богата роща соловьями,
Богата Волга сыновьями.
И об одном из сыновей
Мы разговариваем с ней.

Их много, славных и достойных,
Душой и мыслью беспокойных
И повторяющих собой
Ее характер волевой.

Кого она не обнимала,
Кого к груди не прижимала,
Кого за ручку не брала,
Кого на подвиг не звала?

Того, кто век пахал и сеял,
Грузил, возил, детей лелеял,
Кто обращал руду в металл
И на лугу стога метал,

Кто печи клал в крестьянских избах,
Селил веселье на карнизах,
Кто лес тесал и лапти плел
И кто народ к победе вел.

И все они по самой сути
Неунывающие люди
Неунывающей земли
Достойно по свету прошли.

И этот сын судьбы отменной,
Душа и гордость всей вселенной,
С улыбкой, покорившей мир,
Как Волге-матушке он мил!

Своим ребяческим проворством,
Рабочей хваткой и упорством,
Своей душевной красотой,
Своей высокой простотой.

Он сразу стал всем людям другом,
Когда прорезал звездным плугом
Космическую целину.
Как благодарен мир ему!

Из нас по сути каждый — пахарь.
Один без ропота и страха
В науке борозду ведет,
Готовя жатву круглый год.

Другой в родной литературе,
Презрев критические бури,
Служа лишь истине одной,
Взрыхляет благодатный слой.

А третий силою искусства
Такие оживляет чувства,
Что люди даже в забытьи
Их принимают за свои.

Да, тем и дорог нам Гагарин,
Прославленный российский парень,
Что не для славы и похвал
Он первым космос распахал.

Он вожжи огненной науки,
Являя удаль, принял в руки
И воле подчинил своей
Те миллионы лошадей,

Что вешним днем его умчали
Туда, в неведомые дали,
Где человечества мечту
Он явью сделал на лету.

Какое самообладанье!
Какой порыв душевных сил!
От вечной тайны мирозданья
Он свежий пласт отворотил.

Пришла пора,
Свершилось чудо.
Мы скрыть восторга не могли.
Мир вопрошает:
«Он откуда?»
«А он отсюда, от земли».

От этой солнечной российской,
Такой родной, до боли близкой,
Отцовской милой стороны,
Где огороды зелены

Все в перьях лука и укропа...
За ним следила вся Европа.
  Да что Европа — целый мир
Себя открытьем озарил.

Друг другу люди ближе были,
Когда восторженно ловили
Его высокую звезду,
Забыв про распри и вражду.

И то великое мгновенье
Неслыханного единенья
Сердец, умов и добрых сил
Гагарин людям подарил.

Читатель, друг мой откровенный,
Ты вспомни день благословенный,

Тот самый день, когда орла
В объятья Волга приняла.

Взгляни на место приземленья.
Здесь, мир повергнув в изумленье,
Вот здесь, где подрастает лес,
В тот день спустился он с небес.

Как мы тогда его встречали,
Как мы «ура» ему кричали,
Ему, кто поднял в ту весну
Космическую целину.

Взгляни на небо темной ночью,
И убедишься ты воочью,
Как осыпают небосклон
Те зерна, что посеял он.

Как по своей сыновьей воле
На то гагаринское поле,
Не зная страха и преград,
Другие пахари летят.

Ведет их к звездам чувство долга,
И каждый раз родная Волга,
Храня в душе тот звездный свет,
По-матерински смотрит вслед.

Римма ГЕОРГИЕВА
Вадим ЛЕЙБОВСКИЙ

ЕГО ВНЕПЛАНОВЫЙ СТАРТ

Нет, ие собирался ои лететь иа этот раз. И ие потому, что иедавние сто семьдесят пять дией в космосе еще свежей памятью жили во всем теле и по иочам часто сиилась эта глухая бочка, густо иапичкаиная аппаратурой, каждый виитик которой зиаком ему, как собствеиные иогти. Не потому, что иаработался, безмерно устал от иевесомости, одиообразия обстаиовки — как раз иет. Уже вскоре после посадки ои сказал Лене Попову, что, мол, сейчас жаль, раио их спустили. Что там, иаверху, чем дольше иаходишься, тем лучше и скорее управляешься со всем этим сложиым хозяйством. И к Земле за эти шесть месяцев пригляделся, ориеитируешься совсем ие так, как виачале, гораздо больше, быстрее и четче распозиаешь. И если, добавил, сиова бы лететь, то все, что сделал за эти шесть месяцев, теперь, иавериое, уложил бы в четыре.

И слова такие были не бахвальством, потому что вообще надо зиать Рюмииа и потому, что сказал ои это человеку, которому очень доверял.

Не собирался ои лететь и потому, что зиал — это иереально, даже иелепо. Ну, кто отправит в космос человека, совершившего самый длительиый в истории космоиавтики полет, меиьше чем через восемь месяцев после его завершеиия? И хотя Рюмии сам пошел пешком едва ли ие сразу после приземлеиия, и вообще иа удивлеиье быстро потом восстанавливался — сам это чувствовал,

и врачи подтверждали,— ведь не готовился же к новому полету, не тренировался, не заполнял свои дни бесконечными сидениями в тренажерах, работой с бортжурналами, научными приборами и прочими делами, которыми много месяцев перед стартом живет каждый космонавт.

Как и положено, он составил обстоятельный отчет по полету, где отдельной главой явились перечень и описание всех ремонтно-профилактических работ для будущего экипажа. Как и положено, с этим экипажем и их дублерами он снова просиживал за документацией, вел тренировки, находясь рядом, «за бортом» тренажера, а потом обсуждали, разбирали, снова лезли в схемы, бортжурналы, а то и вместе — в тренажер. И так день за днем, неделя за неделей.

Как тренер, только что сам оставивший площадку, он еще был там, в космосе. Он чувствовал объект душой, кожей, кончиками пальцев. Но сам и друзьям, и в более широких кругах говорил неизменно и твердо: «Нет, в ближайшее время не собираюсь, не готовлюсь». Наташа, жена, была куда более категорична: «Нет, больше никогда, никогда!»

Но болела душа — ах, хорошо бы снова!? Он знал, что сделал свое дело, сделал добротно и честно, и теперь свой долг предстояло выполнить другим, а он им помогал. И это был его долг. Вот и все.

Утром 11 марта в приемной генерал-лейтенанта Берегового неожиданно скопилось много народа. Все недоумевали: как это так, четкий и пунктуальный начальник Центра подготовки космонавтов назначил время и не принимает.

Совещание у Берегового шло уже третий час. Вчера произошло ЧП: Валентин Лебедев, бортинженер экипажа, которому через месяц предстояло отправиться в длительный полет, упражняясь на батуте, получил тяжелую травму ноги. В полет космонавт должен идти абсолютно здоровым, это ясно. А больная нога в невесомости — дело наисерьезнейшее. Полтора часа в день упражнений на велоэргометре или «бегущей дорожке» — это и для действующего спортсмена нагрузка немалая.

В общем, на совещании стало ясно — Лебедев лететь не сможет. Как быть?

В тот день ничего не решили. На другой тоже. На третий родилось предложение, которое и в Звездном, и

в Центре управления полетом с недоумением и неверием передавалось из уст в уста,— Рюмин!

Это была правда, и теперь все только зависело от его согласия.

Он ответил: «Я готов. Но должен поговорить с женой». Дело было не просто в согласии Наташи, а в чем-то еще. Многие годы она была не только женой и другом, но еще и товарищем по работе, она знала, понимала и чувствовала его дело намного глубже и острее, чем другие жены.

Он ничего не сказал ей в тот день, но она уже все знала, и он это понимал. Утром он отправился в Звездный. На первую тренировку с новым командиром.

Далеко не первый год они уже знакомы, как-никак по одной программе готовились. И к радости Попова, что не отстранили от полета, добавлялась другая, да не меньшая — Рюмин. Уж Попов-то, как никто другой, знал истинную цену того, что и как сделал Валерий в предыдущем полете. Знал и другое — непростой человек, резкий, терпеть не может сантиментов, не прощает слабости, но более всего — профессиональных огрехов. Но это как раз и устраивало Попова. А что касается проблемы, именуемой «психологической совместимостью», то помнил Попов, как еще давно-предавно Рюмин очертил этот вопрос с обескураживающей простотой: «Я считаю, что два нормальных человека в любых условиях могут заниматься делом, не вредя ему. А если двое не ладят, то виноваты оба». И доказал это.

Шла одна из первых тренировок экипажа Попов — Рюмин, на этот раз на стыковочном тренажере. Уж сколько лет стыкуются в космосе, кажется, операция отработана, изучена, все ясно, все просто. Но жизнь нет-нет да опровергнет это.

...«Принял... понял... включаю... перехожу...» Идет участок причаливания.

— Славно мужики трудятся, славно,— шепчет инструктор,— и не поверишь, что первые дни бок о бок сидят. Ну, сейчас я им устрою, жарко станет.

И нажимает одну из кнопок: отказ системы радионаведения. И корабль, и станция как бы ослепли.

— Посмотрим, что они будут делать.

Тут же из динамика звучит голос Попова:

— Произошла потеря захвата.

Я вспоминаю, как в звенящей тишине Центра управ-

ления полетом прозвучала именно эта жуткая фраза из уст Николая Рукавишникова, летевшего вместе с болгарином Георгием Ивановым на «Салюте-6». Как ждали их тогда Ляхов и Рюмин на борту. Увы, не судьба!

Сейчас ситуация та же, но, слава богу, на тренажере.

Рюмин докладывает о расходе топлива. Ясно, что может произойти столкновение. Времени на торможение нет и тогда:

— Идем на облет станции.

— Единственно правильное решение,— говорит инструктор.

Экипаж отслеживает кораблем положение стыковочного узла. Ориентир на нем — крестовина все ближе, ближе.

Снова Рюмин докладывает о расходе топлива, все идет как положено.

— Контроль топлива беру на себя,— говорит инструктор.

У обоих космонавтов на пультах одинаковые КСУ — командно-сигнальные устройства, и здесь сейчас самое важное, чтобы оба члена экипажа не дублировали друг друга, а работали как одно целое.

Рюмин же, как и прежде, кажется не просто спокойным, но даже флегматичным. И, словно подтверждая это, инструктор говорит нам:

— Вот если, скажем, отведено думать над операцией одну минуту, будьте уверены, он раньше не ответит, свою минуту выберет.

Но уж коли критическая ситуация, острый дефицит времени и все зависит от того, как скоро ты сообразишь, что и как нужно делать, тут уж у Рюмина реакция как у тигра.

А партнера, смотрите, как чувствует. И как тактично включается. В общем, дело будет.

В этот момент один из нас почему-то вспомнил случайно услышанный рассказ о том, как еще много лет назад друг Валерия учил его водить машину, а заодно и правилам дорожного движения. Успехи ученика были столь разительно быстры, что уже через несколько дней — через три или четыре урока — Валерий отправился в ГАИ и сдал экзамены. Если б такое было возможно на космических перекрестках!

Но вот они благополучно «состыковались», выключили пульты и вышли из тренажера. И кто-то спросил

Рюмина, как, мол, тебе с новым комаидиром. Он молчал столько, чтоб не показалось, что забыл про вопрос иль не расслышал (прав таки был ииструктор). Потом медленно произнес:

— Главное, что я знаю: у иас одинаковый подход к делу в любых ситуацнях.

Так он шел в этот незапланироваииый в его личном графнке рейс. Снова он жил по предельно спрессованному времеии. Вместе с новым командиром пришлось сдавать два предполетных экзамеиа — по сближению-стыковке и комплексную треиировку — «пронгрывание» всех осиовиых этапов полета на макете орбитальной станции. И сиова авторитетнейшие умы сказали ему: «Годен».

В последиие дни перед отлетом на космодром ои умудрился объехать родных и блнзкнх — своих н Наташиных, успел заскочить к приятелю в больницу н передать обещанное дефицитное лекарство. До старта оставалось десять дней...

Описываемые события происходили в марте 1980 года. К тому времени орбитальиая станция «Салют-6» находилась в космосе более двух с половиной лет, и даже специалистам приходилось уже иапрягать память, чтобы восстановить всю ее богатую биографию. Три долговременные экспедиции: Ю. Романенко — Г. Гречко, В. Коваленок — А. Иванченков, В. Ляхов — В. Рюмин; четыре экспедиции-посещения, в том числе три интернациональные: В. Джанибеков — О. Макаров, А. Губарев — В. Ремек, П. Климук — М. Гермашевский, В. Быковский — З. Йен. Столь массового нашествия на орбитальные станции историю космонавтики до этого не знала.

96, 140, 175 суток — это все были мировые рекорды длительности пребывания в космосе человека. И установили их на борту станции «Салют-6». Это были победы техники, космической медицины и победы человеческого духа.

На станции впервые работали два стыковочных узла. Впервые к борту стали причаливать грузовики — автоматические траиспортные корабли «Прогресс», доставлявшие топливо, воду, аппаратуру, ремонтное оборудование и вообще то необходимое, что буквально вдохнуло иовую жизнь в натруженный оргаиизм орбитальной.

Когда на своем транспорте иа станцию прибывал

экипаж посещения, над Землей образовывалась система корабль — станция — корабль с четырьмя космонавтами иа борту. Это новшество обозначило очередной этап становления техники долговременных орбитальных станций.

И у самых начал их стоял инженер Валерий Рюмии. Однако об этом чуть позже. А пока следует рассказать о том, что и эту станцию «Салют-6» предстояло открывать ему, Рюмину, который бодро и уверенно шел по бетонной площадке космодрома. Шел с докладом Председателю Государственной комиссии о том, что готов выполнить почетное задание. Он сел в кабину корабля и полетел. С ним был Владимир Коваленок, для которого этот космический полет был первым в жизни. Умный, иадежный товарищ и сильный человек, к которому Рюмин прикипел всей душой, а когда позже судьба все же развела их по разным экипажам, переживал это трудио и горько, как тяжелую утрату, с которой он так и не смирился по нынешний день. Да и сам Коваленок тоже ие меньше.

А пока полет начался и шел иормально до самого главиого момеита, когда и произошел этот злосчастный «нерасчетный режим», разом перечеркнувший все. Стаиции оставили право на дальнейшую жизнь. Но войти в эту жизнь доверили другим — Романеико и Гречко.

— Все справедливо,— говорил Рюмин. И не только другим, себе тоже. Снова и снова он прокручивал в памяти детали этой несостоявшейся экспедиции, мучительно выискивал причины. Он возвращался с работы поздно и далеко-далеко за полночь, когда жена и дети давно спали, все сидел иа кухне, приканчивая сигарету за сигаретой. Часто заезжал Коваленок, но и тогда слов было мало. И никаких упреков.

Первым из них право на вторую попытку получил Коваленок. Только рядом с ним был теперь другой бортинженер.

Все выглядело как и всегда прежде. Снова рапорт Председателю Государственной комиссии, слова прощания, лифт, уносящий наверх, в корабль. Двухчасовая готовность. Те же команды. Но только вдруг перед самой командой «Пуск» во всех динамиках и наушниках в нарушение инструкций прозвучало звонкое и твердое: «Мы еще полетаем с тобой, Валера!»

— Поиял, спасибо,—почти шепотом произнес Рюмин.

Однажды он сказал:

— Любой полет все равно приводит нас обратно в конструкторское бюро. Полет — это ведь просто один из этапов работы. Все сводится к тому, чтоб и потом можно было весь накопленный опыт и полученные результаты использовать для совершенствования техники, которой мы занимаемся.

Рюмину повезло в главном: в конструкторском бюро он работал не только в талантливом, но еще н одержимом коллективе. Эти годы он сейчас вспоминает как едва ли не самые счастливые в жизнн. КБ — космодром — КБ: такова была география его личной жизни. Нередко по нескольку дней не возвращались домой или в гостиницу. «Явиться на совещание в два часа ночи? Нормально». А порождали эти совещания, как и все остальные «производственные моменты», не авральные ситуации, не тревога, вызванная грядущим визитом масштабного лица,— нет. Это было нормальное рабочее состояние коллектива, это былн дух, настрой, порожденные буйной энергией Королева, заражавшей всех.

Позже, готовясь к первому полету в космос, Рюмин запишет около ста пятидесяти рекомендаций по аппаратурному и методическому улучшению работы на борту. Из них только пять или шесть не будут приняты.

Переход его из испытательного подразделения «фирмы Королева» в отряд космонавтов был логичен и понятен всем. Даже тем, от кого он теперь уходил. Причем уходил, оставаясь. Еще долгое время после начала подготовки к полету он продолжал работать и в испытательном подразделении — предстояло завершить важный этап испытаний. Пришлось раздваиваться, точнее — удваиваться.

Как-то он упрямо доказывал, что электронная схема одного из важнейших астрономических приборов орбитальной станции может выйтн из строя от неправильного обращения, а ведь в космосе гарантия требуется и такая. Присутствовавший автор схемы упорно не соглашался. Тогда Рюмин сел за пульт тренажера и, воспроизведя полетную ситуацию, продемонстрировал ненадежность схемы — прибор вышел из строя. Пришлось автору вносить в схему существенные изменения.

Но была и осталась еще одна сфера «земной» работы космонавта Рюмнна. Та, в которой, правда, почти

всегда космонавты оставляют частичку самого себя, но каждый по-разному.

Как известно, служба наземного обеспечения полета — сложнейший и многоликий комплекс, разбросанный по всей территории нашей страны и в акватории Мирового океана. Тысячи людей в Центре управления полетом, на наземных станциях слежения и судах принимают и расшифровывают несметные потоки информации о параметрах орбиты, работе систем корабля и станции, научных измерениях, о состоянии здоровья членов экипажа. Все это обрабатывается, увязывается, выстраивается в длинные логические цепи, все это служит пищей для координации действий экипажа и всей наземной сети обеспечения полета.

В последние годы пилотируемыми полетами руководит Алексей Станиславович Елисеев. Трижды побывав в космосе, он огромный багаж теоретических знаний помножил на полетный опыт, что и обосновало назначение Елисеева на выполнение столь ответственных обязанностей.

В «пирамиде» управления космическими полетами большинство должностей дежурные, этого требуют условия работы: ни на минуту не отрывает Земля глаз от космического объекта — всё всегда под неусыпным контролем. Так что первые помощники, «правые руки» Елисеева — это сменные руководители полета.

Излишне говорить, сколь высоки профессиональные требования к СРП. Так вот, к своему первому личному космическому полету Валерий Рюмин подошел и с личным опытом работы сменным руководителем полета.

Ему очень повезло в жизни. Окунувшись молодым инженером в космическую тематику, он целиком отдал себя одному делу, одной теме, название которой: ДОС — долговременные орбитальные станции. Начав работать в космосе в 1971 году, именно они за истекшее время дали космонавтике право стать и называться практической космонавтикой. Получаемые сейчас результаты приносят все больший научный и народнохозяйственный эффект, оцениваемый сотнями миллионов рублей. Как уже говорилось, «Салют-6» явил собой новый этап развития техники орбитальных станций.

Рюмину было доверено открыть этот этап — первым войти в «Салют-6», однако судьба распорядилась иначе.

Но кто мог подумать, что после этого он еще дважды прилетит на нее?

...И пришел час его второй попытки. Командиром экипажа назначили подполковника Владимира Ляхова. До прихода в отряд служил в истребительной авиации, затем более десяти лет ждал он своего часа, изучал новую для себя технику и, наконец, завоевал право на полет, которому и надлежало стать самым длительным в истории.

Утро 25 февраля 1979 года. Накануне мела метель, и уже все думали, что старт будет «невидимым», а теперь за окном хотя снег еще и падал, но вскоре обещал успокоиться. В восемь часов к Ляхову и Рюмину пришел врач всех космических экипажей Роберт Дьяконов. Разбудил и не слишком нежно сказал:

— Мужики, у меня к вам предложение. Работенка есть суток эдак на сто семьдесят. Там, где есть какая-то сенсорная депривация, невесомость... Плоховато, правда, что все время вдвоем будете. Ну, гости, конечно, разок прилетят. Еще можно отказаться, но, я думаю, вам стоит попробовать. Если согласны, то сейчас мы вас осмотрим, потом чего-нибудь съедим и — вперед.

После завтрака Рюмин позвонил Наташе, успокоил еще раз, как мог. Подозвал к трубке семилетнего сына Вадима, назначил его, как единственного теперь мужчину, главой семьи, поговорил со старшей дочерью Викой.

Вместе с командиром они сели в автобус и вскоре подъехали туда, где им предстояло оставить свои земные одежды и облачиться в космические. Поговорили с Главным конструктором и его замами, выслушали последние напутствия.

И снова — в автобус, уже в тяжелых скафандрах отправились к стартовой площадке. Снег прошел совсем, и ракету они увидели издалека. Как-то она поведет себя на этот раз?

Последняя сигарета, все — теперь это придется забыть на полгода. Роберт Дьяконов помогает подняться по ступенькам к лифту.

Последний взгляд на заснеженную степь, хмурое земное небо. Скоро будет или только яркое солнце или только черное в звездах небо. Лифт медленно плывет к кораблю. Двухчасовая готовность.

Старт прошел штатно. Точно по расчетам баллистиков «небесная механика» вывела корабль на дальний

участок сближеиия. Сиачала земля сообщала, где стаиция и сколько их от нее отделяло. Потом ее «увидели» приборы корабля — включилась система радиоиаведения. Оставалось километра четыре, когда экипаж включил блок управления сближением. Неуправляемый полет кончился.

На экраие оптического визира Рюмии видел, как уплывает куда-то в сторону Земля, слышал иегромкие хлопки двигателей. Сейчас ои как, быть может, никто другой, как иикогда сам до этого, понимал, сколько неучтеиных факторов могут расстроить работу техиики. И сиова прахом бесчислеиные проигрываиия всех мыслимых и немыслимых ситуаций на стыковочном треиажере? Нет, ии за что!

Стаиция в самом цеитре оптического визира, пока что небольшая точка. Растет, иадвигается. Уже видиы огии, стыковочиая мишеиь. Они все вырастают в размерах, все ближе.

Оставались считаные метры, когда неожидаиио ударил мрак. Напряжеиие было столь велико, что Рюмин вначале иичего не поиял. Но скоро словно очнулся — да ведь это день смеиился ночью. Ф-фу!.. Ну, да ладно, еще немиого, еще чуть-чуть... Ну?

— Есть касаиие... есть стык... есть мехзахват! — Цеитр управления разразился аплодисмеитами. И не просто за удачную операцию — за Рюмина!

И вот он вплыл в станцию с тем, чтобы иачать работу, к которой шел, иавериое, всю жизнь. Впрочем, здесь необходимо отступление.

Незадолго до своего третьего старта в космос Рюмин иапишет: «Справедливо ли говорить о профессии «космоиавт»? Летчик-испытатель, например, два раза в иеделю обязательно летает, постояиио свои навыки реализует и поддерживает. А в жизни космоиавта был полет, два, ну, три и все. А потому, я думаю, говорить о том, что мы по профессии космонавты, можно лишь с большой оговоркой.

И иесправедливо считать сам космический полет делом всей жизни. Жизнь велика, а полет, пусть даже такой долгий, все же событие. Хотя большое и важное, но быстротечное. И пусть в ием сфокусироваиа вся жизиь, это событие, а не дело жизни. Дело моей жизии — космонавтика. Я живу и работаю, чтобы моя страна, давшая миру первый спутиик и Гагарина, имела сильиый и

развитый космический флот, который бы людям приносил пользу».

Действительно, сейчас трудно представить и допустить, что Рюмин мог бы жить и работать где-то вне космонавтики. Правда, Наташа Рюмина с этим согласилась не вполне и рассказала мне вот что:

— В наши далекие студенческие годы — а мы рано поженились и двух стипендий на жизнь не хватало — устроился Валерий преподавателем труда в школе умственно отсталых детей. Ох, и переживала я за него! Это не просто сложно, а мучительно трудно работать с такими детьми. Думала, не хватит у него терпения, нервных запасов на такое.

Но с каким увлечением он работал и как его любили эти бедные дети! Он и станки сам смастерил, и инструмент разный, и все время что-то придумывал и придумывал. И как потом дирекция школы не хотела отпускать его. Тогда-то я и обнаружила у него особый педагогический дар. И все ж не могу представить его вне этой космической круговерти, даже если б не летать ему никогда.

...Схлынувшее нервное напряжение сразу же обернулось тяжелой усталостью. Опухло, отекло лицо, кружилась голова, все время он обо что-то ударялся, с чем-то сталкивался, из рук все уплывало.

Но время не ждало, нужно было работать. Первая задача — оживить станцию. И омолодить. За полтора года полета она верой и правдой отслужила двум экипажам «долгожителей» и четырем парам «гостей», приняла семь грузовиков. Кроме того, выходы в открытый космос, стыковки, перестыковки — все это могло изрядно потрепать и утомить ее организм. Предстояло все тщательно осмотреть, проверить и приступить к ремонту.

Надо сказать, что к этим делам на борту Рюмин вез и свое особое отношение. Трудный ребенок, как водится, и самый дорогой. Рюмин чувствовал особую, тревожную радость от возможности прикосновения к своему «большому ребенку».

Работа пошла, да так, что в иллюминатор заглянуть было некогда. А потом посмотрел и вдруг увидел — весна. Миновал он ее в этом году. И лето, видать по всему, тоже. Но он был счастлив.

Еще задолго до полета он решил вести дневник. На одной из первых страниц написал:

«Идет процесс привыкаиия. Вообще все ие так, как иа Земле. Все впервые для иас. Даже сейчас пишу ие сидя, а плавая в воздухе и только чуть-чуть касаюсь иогой потолка. Все-таки иевесомость — чувство удивительиое... В Москве плюс восемь. Все течет. Самое мое любимое время. Текут ручьи. Солице. А у иас постояиио плюс двадцать».

Пустили в дело паяльник, уииверсальиый электропривод, который все может. И так оии иаловчились с иим управляться, так хвалили, что с Земли спросили, а не попробовали ли им бриться. Пройдет еще год, иа год постареют и «Салют-6» и Рюмин. И снова ему придется прозваиивать усиувшие электрические цепи, заменять блоки, разгружать грузовик, паять, латать и клеить. Но только это уже будет как бы другой Рюмии.

А пока что «Прогресс» вместе с регенераторами, иаучной аппаратурой, пленкой и пищей привез им телевизор. Самый настоящий, земной — чтоб на борту было свое нормальное телевидеиие. Когда стаицию разрабатывали и делали,— телевидеиие Земля — борт, такое и в голову иикому не приходило. Но позже оказалось — можно! Пришлось приспосабливать имеющуюся телевизиоиную систему борт — Земля для приема телесюжетов в космосе. Как Рюмин ни противился всю жизнь «приспосабливанию» чего-то земного к космическим условиям, иа этот раз только радовался. Вместе с комаидиром оии смоитировали приемиик, и вскоре состоялась первая в истории космоиавтики телепередача Земля — борт.

Летать им оставалось еще долго, и полет подтвердил, что не только для радостей человеческих нужеи иа борту телевизор. И даже ие столько для иих. Таблицы, схемы, чертежи, пояситительиые рисунки — все это значительио облегчило работу экипажу.

Ну, а то, что иазывается человеческими радостями, так в столь многотрудном деле, как полугодовой полет, жизнь без них непереносима. Увидеть близких, до которых всего-то высота орбиты три сотии километров,— и не дотяиуться. Наверное, только космонавт может понять, что значит это.

Рюмии вспомнил, как Георгий Гречко рассказывал о том, что после полета стал гораздо острее воспринимать все земное — красоту природы, шорох трав, пеиье птиц. Мыслями Валерий возвращался в подмосковную Заго-

рянку, где прошло детство. На Клязьму, теперь уже не ту, больную, заросшую осокой, не спеша несущую свои воды неведомо куда. С грустью и болью видел моря сизого дыма над городами и думал, что благоразумие человека когда-то должно обуздать его близорукость. И что нынешняя работа в космосе и тех, кто пойдет после него, помогут человеку разобраться в этом сложном и противоречивом мире.

С наслаждением перелистывал альбом «Подмосковье». Вспомнил, как незадолго до полета, беседуя с одним из приятелей об искусстве, сказал, что очень туго воспринимает вообще любые новации: «Верю, умом понимаю, а душа противится. Получается, наверное, что я словно лошадь в шорах, но ничего с собой поделать не могу, со своей толстокожестью, люблю традиционность, классику. Да, наверное, я себя очень этим обедняю, что-то упустил, недоразвитость в себе какую-то осознаю».

Он искренне завидует людям, которые наиболее остро чувствуют мир и себя в нем через музыку, цвет, художественные образы. А сам себя считает «технарем», но в хорошем, остроумном техническом решении он видит живое, человеческое. Удачная конструкция у него становится одухотворенной. Но, может быть, это тоже поэзия?

Незадолго до своего первого полета он получил трехдневный отпуск. Вместе с Наташей и детьми быстренько собрались и поехали просто куда глаза глядят: не важно, по какому шоссе, в каком направлении, лишь бы подальше и поглуше. Нашли они такое место. Лес, озерцо, хуторок невдалеке. Разбили палатку, поужинали. Пора ложиться спать...

К утру Наташа пошла искать его. А он просто сидел на берегу и смотрел туда, где должно было взойти Солнце. Она не стала спрашивать, что с ним. Просто подошла, села. Вдвоем они дождались рассвета и вскоре пошли будить детей.

Весь день потом шел дождь, тихий и теплый. А они купались, ловили рыбу, гуляли в лесу. А вечером Валерий снова отправился на берег и снова был там под дождем до рассвета. На этот раз Наташа все-таки сказала ему: «Может быть, ты хоть поспишь немного?»

— Время, время жалко, Наташка. Когда теперь будет у нас такое?

Незадолго до третьего космического старта Валерия Рюмина на Центральном телевидении была завершена работа над фильмом «Земля, уходим надолго», посвященным полету экипажа Ляхов — Рюмин. Те, кто видел этот фильм, могли обратить внимание, как мало в нем самого бортинженера.

Жизнь и работа экипажа на борту — это, конечно, есть, причем немало и интересно. Космонавты, как правило, работают с кинокамерой достаточно квалифицированно, это — их профессиональный долг.

А в остальных, земных сюжетах — другие космонавты, увлекательно рассказывающие о жизни на борту — своей и Рюмина с Ляховым, а сам Валерий Викторович если и находится в кадре, то лишь вставляет короткие реплики, когда к нему обращаются.

На телевидении, должно быть, еще долго будут вспоминать, сколько «мучений» принесла эта работа с Валерием Викторовичем. Он был неизменно пунктуален, никогда не пытался навязать свое мнение «бывалого», с ним было удивительно легко и приятно общаться, но работать — ? Все его коллеги-космонавты легко включались в разговор перед телекамерой, живо, естественно, даже весело. А он, за минуту до этого веселый и раскованный, под светом софитов просто сникал, становился как будто меньше ростом. И сам, видимо, чувствовал, что доставляет творческой группе мало радости, но... В общем, вскоре стало ясно, что нужно все и всех оставить такими, как есть. И Рюмина тоже.

Как-то он сказал Петру Пелехову, нашему «космическому» радиокомментатору, автору сценария этого фильма.

— Мы с тобой знакомы много лет, не один пуд соли, можно сказать, вместе съели. А тут на меня наставляют твои камеры, включают микрофоны, и ты вдруг обращаешься ко мне на «вы». И я, стало быть, тоже должен отвечать тебе в тон: так, мол, и так, уважаемый Петр Валерианович. Чушь какая-то получается, Петро. И ты играешь, и я, а для чего? Непонятно. Трудно мне с вами, понимаешь, не могу.

Много споров в творческой группе вызвал финал того фильма. Наконец, все стали сходиться во мнении, что нужно специально написать песню, под мелодию которой в полет уходит новый экипаж, этим и закончить фильм. Но какую?

— Если песня,— сказал Рюмин,— то мне кажется, нужно еще, чтобы она была очеиь простой по гармоиии, и в этом должен быть свой смысл. А слова? Дайте я свяжусь с Внзбором и попробую с ннм договорнться.

Рюмнн позвоиил Юрню Внзбору и объясиил, что ему хотелось, чтоб песня была очень земной. Чтоб в ией было как-то сказано про людей, отдавшнх жизин космосу, что вообще за это приходится платить дорого. И что все равио он, космос, сильиее земного прнтяжеиня. И хорошо бы, добавил, сказать, что уходят в полет просто и легко. И машут рукой, как, скажем, нз уходящего поезда.

Через иесколько дней Юрий Визбор и Сергей Ннкитни прнехалн на телевиденне.

...Нам уходить от зеленн и сиега,
Нам постигать порядок неземной
И каждый шаг, ведущнй прямо в небо,
Оплачнвать космической цеиой.

И не забыты в этом славном братстве
Товарнщи, что к целн не дошли,
Ведь притяжеиье звездиого пространства
Сильиее притяження Землн.

Мы мчнмся иевеликою звездою ,
Над звездами вечерних городов.
Мы машем вам из космоса рукою,
Как машут с уходящих поездов.

И иа земле рожденный ветер страиствий
Несет все дальше наши кораблн,
Ведь притяжеиье звездного простраиства
Сильнее прнтяжения Землн.

Как-то его пригласили к руководству Госкомитета СССР по телевидению и радиовещаиию для обсуждения вопросов одной из передач. Рюмии удивился — зачем? Но, коиечно, пошел: раз просят, значит, нужно.

Встреча действительно была иужной, ио в ходе разговора к иему ие раз обращались с той нскренней восторжениостью, которую любой другой восприиял бы как должное, во всяком случае, с понимаиием. Любой другой, но, как оказалось, ие Рюмии. Ои как-то сразу зар-

делся, стал сникать, мрачнеть, сжиматься, словно это приносило ему невыносимые страдания.

Потом, рассказывает Ляхов, мы спустились в столовую пообедать, встали в очередь, а люди в зале оборачиваются, некоторые о чем-то шепчутся, кивая на него. И тут, смотрю, Валерий отошел куда-то, а через минуту вернулся, уже без Золотой Звезды.

Известно, какую большую роль в длительных космических полетах играют психологическая подготовка, психологический климат на борту. Космонавты находятся под пристальным наблюдением психологов не только во время полета, но и в ходе подготовки, это неизбежно и необходимо.

Так, например, в программу подготовки входит многодневная «отсидка» в сурдокамере. Сидит человек одиниодинешенек, выполняет заданную работу, а по радио разговаривает с «Землей».

Психологи же по малейшим незаметным для непосвященного слуха голосовым оттенкам, интонациям, по форме и содержанию речи делают чаще всего правильные и объективные суждения, помогающие в отборе космонавтов, а также в организации их дальнейшей работы.

Но все дело в том, что и сами испытуемые многое знают про задачи и методы психологов, и потому исследование заведомо оказывается как бы «не чистым», а напоминающим игру. Кроме того, космонавтов подвергают и разнообразным психологическим тестам. Стало быть, снова «игровые ситуации».

Вот в эти «игры» больше всего не любит и не умеет играть Валерий Рюмин, чем доставляет немало хлопот врачам-психологам. Помните его категорическое мнение о проблемах психологической совместимости: «Два нормальных человека в любых условиях могут заниматься делом, не вредя ему». Здоровый психологический климат на борту на протяжении всего 175-суточного полета — вот оно, сильное тому подтверждение.

Однажды он с удовольствием прочитал рассказ О. Генри «Справочник Гименея» и выписал оттуда фразу: «Если вы хотите поощрять ремесло человекоубийства, заприте на месяц двух человек в хижине восемнадцать на двадцать футов. Человеческая натура этого не выдержит». Оказалось, что человеческая натура выдержит и не такое, не месяц — полгода, и это был далеко не предел.

А ведь его и Ляхова положеиие усугубилось тем, что в отличие от своих предшествеиииков иа борту этой стаиции, летавших к тому же меиьше, им иеожидаиио достался мииимальный эмоциоиальиый «паек» человеческого общеиия. Я имею в виду ту радость, встряску, что прииосили другим «долговремеиным» экипажам экспедиции посещеиия.

Ляхов и Рюмии тоже ждали гостей — Николая Рукавишиикова и болгарина Георгия Иваиова. Считали оставшиеся до их старта дии, готовили встречу, сюрпризы. И все поиачалу шло иормальио. Корабль с экспедицией гостей вышел иа орбиту, по программе прошли все коррекции. Корабль приближался к стаиции и был оттуда уже отчетливо видеи. И вдруг... иерасчетиый режим работы двигателя, и встреча ие состоялась.

Это бы еще полбеды. Имеиио забарахливший двигатель должеи был обеспечить спуск Рукавишиикова и Иваиова с орбиты. На стаиции это прекрасио поиимали и тягостио, мучительио ожидали, какое примет Земля решение. Накоиец, услышали голос Рукавишиикова:

— Заря! Я Сатурн! Идем иа баллистический спуск.

При баллистическом спуске перегрузки достигают восьмикратиой величины, тогда как при штатиом, аэродииамическом,— пяти-, шестикратиой.

Все обошлось, ио это стоило огромиых иервиых затрат многим. И экипажу орбитальиой стаиции далеко ие в последнюю очередь.

Теперь они поняли, что весь полет проведут вдвоем с глазу иа глаз. И — ироиия природы — словио почуяв уиылие людей, иа стаиции сразу стали чахиуть растеиия. А экипаж еще ие отлетал и половииы иамечеииого срока.

— Выход одии,— сказал Рюмии.— Закусить удила и вперед.

Работы прибавилось. Космоиавты решили по возможиости выполиить программу, иамечениую на совместную отработку с экипажем посещеиия. В том числе провести измереиия и болгарскими приборами, ожидавшими своего истииного и зиающего хозяина, Георгия Иванова. И вот теперь пришлось разбираться с малознакомой аппаратурой. Ничего, и ие такое бывало в иижеиериой биографии Рюмииа.

Здесь, иа борту, ои часто вспомииал годы своей воеи-

ной службы, которыми дорожил и которые дали ему многое.

— Когда я танком командовал,— рассказывал он теперь Ляхову,— то понял, что человек может приучить себя к чему угодно. Долгие и трудные у нас были переходы, а впереди «бой», нужны силы и свежая голова. Так вот, приучил я себя спать под лязг, гул и скрежет. А здесь у нас с тобой тишина. Так где легче, командир?

Кстати, его танковый шлем так и дожил до нынешних дней. И парашютные прыжки космонавт Рюмин выполнял только в нем, и висит он сейчас в квартире как почетная реликвия.

Неделя летела за неделей, месяц за месяцем. Но время не тянулось, не угнетало, его съедала работа. Остались позади 140 дней полета — столько, сколько отработал на орбите предыдущий экипаж — Коваленок и Иванченков. Экс-рекордсмены мира немедленно вышли на связь, поздравили. Оставался еще месяц работы. Не мог тогда знать экипаж, что к запланированным дням нежданно-негаданно прибавятся еще несколько.

Вспомнил тут Рюмин, как, вернувшись из полета, сказал ему Володя Коваленок:

— Там, главное, надо уметь настраиваться. Убедишь себя и товарища, что месяц — не срок, короче дождливой недели на Земле, и действительно, месяц пролетит незаметно.

Так Рюмин и делал. Настраивал и себя, и командира. После полета тот сказал ему и всем, что он с Рюминым мог бы летать год, а если нужно, то и больше. Таков, стало быть, бортинженер с его крутым и бескомпромиссным характером.

Одно только омрачало ему жизнь на борту — это бесконечная физкультура. Строгие предписания медицины требовали ежедневных упражнений на велоэргометре и бегущей дорожке по полтора часа в день. Основная полетная программа отнимала массу времени и сил, и вот на фоне копившейся усталости сознание всегда возвращало к мысли: а еще на сегодня осталось час крутить педали или долбить ногами резиновую ленту дорожки, да еще плотно притянув себя к ней резиновыми ремнями.

А может быть, еще больше угнетало осознавание того, сколько полезной работы можно было б делать каждый день за эти полтора-два часа. Ведь даже время,

отведениое для отдыха, даже выходные дни фактически ие использовалнсь экнпажем по прямому, запрограммироваиному иазиачению.

Но Рюмии знал — иужно! Ииаче не вытянешь, ииаче завянешь, а если и долетаешь положенный срок, то потом на Земле будешь расплачиваться.

Он не расплачивался ни в космосе, ии иа Земле, которая, спустя всего лишь восемь месяцев, отправила его в новый рейс.

С продовольственными запасами отошения у иего сложнлнсь, в общем, иормальиые, хотя радостей доставлялн они, откровенно говоря, мало: консервы, соки, молоко, супы — все в баиках, тубах. Надо сказать, что всегда к этой стороне своей жизни относился Рюмин с ироничной непрнхотлнвостью.

Осенью семьдесят девятого вернулся он с Кубы, где, как и водится, встречают со всей душой и щедростью всех наших людей, а ие только героев-космонавтов.

Прнлетел он вечером, а утром, пока Наташа и дети еще спали, помчался на рынок, и когда оии проснулись, на кухне уже все бурлило и кипело.

— Понимаешь, Наташка, совсем загрустил я иа заморских яствах. Не по мне это, борща захотелось. Ядреного, наваристого.

...Все больше и больше времени уделялось теперь визуальным наблюдениям. Долгий полет «наточил глаза», многократные повторы одиих н тех же ландшафтов научнлн распознавать то, что еще вначале вообще было скрыто, завуалнровано. Все чаще на связь с бортом выходнлн специалисты по самым разным землеведческнм, геологическим, океанологическнм и многим другим дисцнплинам.

Все чаще Рюмин уходнл в переходный отсек, затемнял его и снимал на сверхчувствнтельиую пленку с минутнымн выдержками. Он охотнлся за вторым эмнссионным слоем. Это иитересное атмосфериое явление было открыто в одном нз предыдущих полетов, и тогда возникла ндея создать прибор для оценки спектральных характеристик и интенсивности свечения второго эмнссионного слоя.

Много в этом плане сделал Георгий Гречко — «первооткрыватель» стаиции «Салют-6». Явлеиие увлекло, захватнло его иастолько, что физические свойства и при-

рода второго эмиссионного легли одной из существенных основ его будущей докторской диссертации.

Но нужны были новые и новые экспериментальные данные, за которыми теперь и охотился Рюмин. Забегая вперед, скажу, что эта охота дала новые результаты. Интересные, но и неожиданные, они снова повлекли за собой вопросы, и чтобы ответить на них, потребовались опять свежие данные. Так что когда Рюмина стали снаряжать в третий полет, то, наверное, больше всех, «своекорыстно» должен радоваться этому Гречко.

Помню, было это одиннадцатого апреля, второй день жил экипаж Попов — Рюмин на станции. В одном из утренних сеансов связи бортинженер неожиданно напомнил:

— Когда будете снаряжать очередной «Прогресс», не забудьте положить пленку для второго эмиссионного.

Но мы снова возвращаемся ко второму полету Валерия Рюмина. Настал черед завершающего эксперимента. На последнем грузовом корабле на станцию была доставлена в разобранном виде десятиметровая антенна субмиллиметрового телескопа. Ей надлежало работать в паре с семидесятиметровой наземной антенной и проводить радиоастрономические исследования, подобных которым не было пока в мировой астрофизической практике.

Космическую антенну экипаж смонтировал в переходном отсеке, и после отчаливания грузовика бортинженер выдал команду на ее выдвижение и раскрытие.

Приступили к исследованиям, получили обнадеживающие результаты. Можно было собираться домой.

Премудрые баллистики уже все просчитали, сообщили им дату и время посадки, номер посадочного витка — как номер самолетного рейса. Домой!

Они закрывали печи, в которых проводили множество технологических экспериментов, упаковывали биологические контейнеры, кассеты с пленками, бортжурналы, техдокументацию. Конечно, жарко обсуждали ближайшие земные планы.

Оставалось лишь отделить антенну радиотелескопа от станции, чтобы освободить второй стыковочный узел в расчете на дальнейшую долгую активную жизнь орбитальной станции.

И вот Рюмин выдал команды на отделение антенны. Должны были сработать пироболты, а освобожденные

таким образом пружинные толкатели обязаны были отбросить антенну от корпуса. Тут все и случилось.

Антенна дернулась, но не отделилась. Последовавший осмотр телекамерой и визуальный — через иллюминатор — показал, что несколькими металлическими тросиками антенна зацепилась за элемент конструкции станции, а точнее — за стыковочную мишень, выполненную в виде крестовины.

Событие это поначалу было воспринято спокойно и на орбите, и в Центре управления. Казалось, чуть тронь антенну, и она отцепится. В одном из телесеансов на Земле многим показалось, что она вообще уже отошла. Но нет.

Несколько раз включали двигатели ориентации, станция раскачивалась на орбите, но злосчастная сеть попрежнему не хотела сдаваться.

Выяснилось, что, кроме стыковочного узла, антенна закрыла и приборы автоматической ориентации. В конце концов, можно было бросить все как есть. Станция все, что от нее ожидали, выполнила, послужила на славу. Но ведь она жила, дышала и могла работать, должно быть, еще долго. К тому же столько трудов было вложено в ремонт, восстановление!

Думали на Земле, думали на борту. А если выход в открытый космос? Что там с антенной, никто толком не знает, всего не видно. Что, если несколько зацеплений?

Итак, выход? После ста семидесяти дней напряженной работы. К тому же наверняка операция потребует огромных усилий. Сможет ли экипаж, способен ли на такое?

И вот на связи руководитель полета Алексей Елисеев:

— Подумайте сами, можно ли выйти. Взвесьте, оцените свои возможности. Если скажете, что это невозможно, к вам никаких претензий не будет. Вы выполнили свой долг. Повторяю, если скажете, что это невозможно, к вам никаких претензий не будет. Вы имеете полное право отказаться.

Ответ у экипажа уже был готов, предстояло лишь до мелочей обсудить все детали. Они проверили выходные скафандры, которыми уже дважды пользовались предыдущие экспедиции. Подремонтировали один из пультов. По телевидению с Земли им передали некоторые схемы и рисунки.

...Рюмин открыл люк и вышел на площадку, назы-

ваемую якорем. Услышал в наушниках голос сменного руководителя полета Виктора Благова:

— Ребята, работайте спокойно, не волнуйтесь.

— И вы не волнуйтесь,— ответил бортинженер.

Средиземное море под ним было освещено солнцем. Он посторонился, дал выбраться Ляхову, а сам нырнул под якорь и встал на него с обратной стороны, головой к Земле. Некоторое время они так и стояли, как карточный валет.

Рюмин, медленно перебирая руками поручень, двинулся вдоль корпуса станции, а Ляхов выбирал фал, готовый в любой момент затащить бортинженера обратно.

Так Рюмин добрался до торца станции, до агрегатного отсека и, еще не повернув даже за угол, увидел, что дела обстоят куда хуже, чем думалось,— вместо одного зацепа были еще три. Металлические спицы крепко впились в мягкую обшивку станции. Сообразил, что даже если перекусить все четыре спицы, антенна может сотворить и совсем непредвиденное. Например, накрыть его как сетью, и тогда — все!

Но не отступать же? Он выбрал из привязанного к перчатке набора инструментов необходимый и приступил. Когда перекусил первый тросик, антенна неожиданно ринулась прямо на него, но он этого почему-то сразу не увидел, а лишь услышал в наушниках голос командира: «Осторожно, вправо!» Еле увернулся, но тут же снова взял себя в руки, обрезал второй тросик и уже приготовился к новой атаке со стороны антенны. Однако та подергалась и скоро обреченно затихла. Еще два тросика. Кажется, все?

Нет же. Она снова покачалась, но не пожелала уходить. Рюмин решил передохнуть.

Пригодилась захваченная с собой длинная палка с усами. С ее помощью и было довершено дело. Рюмин резко оттолкнул антенну, и та нехотя пошла вниз!

А надо сказать, что эти последние сюжеты битвы с антенной происходили вне зоны радиовидимости с наших пунктов слежения, и Земля долго не знала, как там идут дела. На огромной светящейся карте главного зала Центра управления яркая точка — станция «Салют-6» медленно плыла по Атлантике с запада на восток, приближаясь к Европе. Минуты казались часами. Вот-вот должен был начаться сеанс связи.

И вот, наконец:

— «Заря», «Заря». Я «Протон», на связь.

Экипаж спокойно и просто доложил, что работа выполнена, что антенна отделилась и что все продолжается в соответствии с программой.

И в зале воцарилась мертвая тишина. Было неправдоподобно, невероятно, что все сделано, и так быстро. И видавший всякое Центр управления взорвался громом оваций.

Чуть позже многоопытный Гречко, сам хорошо познавший и тяготы длительных полетов, и каверзы открытого космоса, скажет:

— То, что он сделал, невероятно, я не могу себя представить в этом деле. Фантастика!

А космонавт Береговой, получивший свою первую Золотую Звезду в жестоких боях войны, дополнит:

— Вот что такое подвиг. Вот сильнейшее проявление человеческого духа. Вот она, наша русская, советская сила!

А космонавт Валерий Рюмин, слыша такое, покрывается пятнами и мрачнеет.

Не повезло ему. Если б не эта неуклюжая антенна, праздновать ему свое сорокалетие на земле родной. Впрочем, опять зазвучали бы громкие слова, от которых Рюмину укрыться разве только на орбите.

Так оно и вышло. Он вернулся на Землю чуть позже этой даты. Круглой, красиво выпуклой и теперь, казалось, тем более знаменательной.

Но было не до торжеств. Жизнь продолжалась, а время, как всегда, торопило.

Он вернул станции жизнь для тех, кто должен был идти вслед за ним, и она теперь стала для него еще более близкой и дорогой.

Готовились другие, и это было его делом, его наиглавнейшей заботой и тревогой. Он по-прежнему словно оставался там, на станции, и ему казалось, он чувствует каждый ее вздох и стон.

Он так и не переехал в новую квартиру и оставался жить все там же, в тесной и простенькой квартирке, где днем всегда полно детей и куда едва ль не каждый вечер по-прежнему приходили по вечерам друзья. Где всегда было тепло и уютно. Где, как и в годы далекого студенчества, все так же варили картошку в мундире и пели нехитрые песни под гитару.

Но вот случилась эта беда с Валентином Лебедевым,

н родилась эта иеожидаиная мысль иаправить в полет сиова Рюмииа. Так образовался иовый экнпаж: Леоиид Попов — Валерий Рюмни.

Задолго до старта Попова Рюмии сказал ему:

— Рекомендация докторов спать кверху ногами очеиь дельиая. Соблюдай строго н аккуратно.

Действительно, космонавтам перед полетом рекомеидуют спать иа кровати с шестиградусиым отрнцательным уклоном, то есть в таком положенни, когда голова оказывается чуть ннже иог. Если в условнях земной гравитации кровь в организме распределяется больше в инжией частн тела, то в иевесомости — равномерно. Отсюда и приливы кровн к голове в первые дин полета, опухаиие лица, головокружеине — в общем, все то, что иазывается эффектом адаптацин. Поэтому важно как можио лучше подготовиться к встрече с невесомостью — ведь пернод адаптации далеко не самый плодотворный, н чем быстрее ои пройдет, тем больше пользы для дела.

Вот об этом и говорнл Рюмии н добавил тогда:

— Приступи к такому режнму даже на месяц раньше, чем рекомеидуют, и постарайся вообще обойтнсь без подушки.

Однако сам Рюмии жил все это время совсем нной жнзиью, во всяком случае, спал «по-земному».

И уднвились врачи, когда он теперь предстал перед ннми — инкакнх следов ие оставнлн этн полгода, здоровье самое что нн есть «космнческое».

Шлн первые днн полета.

— Как себя чувствует «Днепр-2»? Как переносите адаптацию? — спроснла Рюмнна Земля, все еще обеспокоенная за иего, «велнкомученнка».

— Да что вы меня спрашнваете? — удивнлся тот.— Вы за командиром иаблюдайте лучше.

— По объектнвным данным, у вас у обонх все нормально, адаптацня протекает хорошо.

— Ну, разве можно спорить с объектнвнымн данными,— засмеялся бортннженер.

Адаптация у Рюмнна на этот раз протекала вообще безболезнеино, спокойно, словно он и не покндал станцню. Но что еще уднвнтельней, новнчок Попов демонстрнровал едва ль не те же фнзнческне кондиции.

Психологи, правда, этому феномену нашли убедительное объяснение: огромная воля Рюмина буквально заставила весь его организм в кратчайший срок перестроиться и отмобилизоваться. А огромная воля Попова в этой ситуации распорядилась тем же образом и с его организмом. В результате работа на борту станции закипела с первого же дня — никакой раскачки. Тем более что и ситуация иного не позволяла.

Еще до старта корабля «Союз-35», на котором отправились к станции Попов и Рюмин, туда прибыл грузовой транспортный корабль «Прогресс-8». Такое тоже было в новинку, ведь все предыдущие грузовики прибывали, когда на борту «Салюта» жили и работали люди, роль которых в проведении операции сближения, причаливания и стыковки была отнюдь не созерцательной. Теперь это целиком доверили автоматике. Такова, следовательно, цена ее надежности и уверенности в ней ее создателей.

Но руководство полета, посылая грузовик заранее, тем самым сознательно взваливало на экипаж в эти трудные первые дни, кроме работ по расконсервации станции, и все хлопоты по разгрузке транспортного корабля, перекачке топлива, установке доставленного оборудования. А еще ремонт и профилактика. Станция уже работала сверх программы и потому требовала к себе, как и пожилой человек, куда большего внимания.

И все же руководство полета сознательно пошло на такой шаг. Главное — того требовала ситуация, и, во-вторых, руководство знало, с кем имеет дело.

...На третий день после того, как они вошли в станцию, по программе предстоял телевизионный репортаж. Предполагалось, что экипаж расскажет о расконсервации, привыкании к невесомости, обживании станции.

Но вот станция вошла в зону телевизионного приема, засветились экраны, на которых все увидели командира, бортинженера и... огурец.

— Дорогие товарищи,— начал Рюмин.— Восемь месяцев я не был здесь и все это время думал, почему у нас на борту не прижились многие растения. И зародилась мысль, что в космосе им мешает человек, не переносят они его присутствия. Почему только? Неизвестно.

И вот теперь мы с командиром убедились в том, что

действительно так. Как видите, за время автономного полета станции на ее борту выросли прекрасные огурцы, один из которых мы вам и показываем.

В общем, развеселили всех. И успокоили: шутят, значит, дела идут. И когда чуть позже Рюмин сознался в розыгрыше, сказав, что это был муляж, врачи все равно не поверили: а вдруг все-таки провезли «контрабандой» непростерилизованный продукт?

Никто, наверное, так и не узнает правду, и придется врачам смириться, если даже и был огурец натуральным: ведь Рюмин и любая фальшь — это нечто совершенно несовместимое.

...Текут дни, месяцы. День сменяется ночью по шестнадцать раз за сутки.

Виктор АСТАФЬЕВ

НОЧЬ КОСМОНАВТА

И все же те короткие, драгоценные минуты, которые он «зевнул», наверстать не удалось: космос — не железная дорога! Космонавт точно знал, где они, эти минуты, утерялись непоправимо и безвозвратно.

Возвращаясь из испытательного полета с далекой безжизненной планеты, объятой рыжими облаками, он по пути облетел еще и Луну. Полюбовавшись печальной сестрой Земли, а по программе — присмотрев место посадки и сборки межпланетной заправочной станции-лаборатории, он завершал уже последний виток вокруг Земли в благодушном и приподнятом настроении, когда увидел в локаторном отражателе черные клубящиеся облака и понял, что пролетает над страной, сердечком вдающейся в океан, где много лет шла кровопролитная и непонятная война.

Многие державы выступали против этой войны, народы мира митинговали и протестовали, а она шла и шла, и маленький, ни в чем не повинный народ, умеющий выращивать рис, любить свою родину и детей своих, истреблялся, оглушенный и растерзанный грозным оружием, которое обрушивали на его голову свои и чужие враги, превратив далекую цветущую страну в испытательный полигон.

Космонавту вспомнилось, как совсем недавно, когда мир был накануне новой, всеохватной войны и ее удалось предотвратить умом и усилиями мудрых людей, какая-то

женщина-домохозяйка писала с благодарностью главе Советского государства о том, что от войн больше других страдали и страдают маленькие народы, маленькие страны и что в надвигающейся войне многие из них просто перестали бы существовать...

У космонавта была странная привычка, с которой он всю жизнь боролся, но так и не одолел ее: обязательно вспомнить, из какой страны, допустим, писала эта женщина-домохозяйка? В детстве, увидев знакомое лицо, он мучился до бессонницы, терзал себя, раздражался, пока не восстанавливал в памяти, где, при каких обстоятельствах видел человека, встретившегося на улице, какая фамилия у артиста, лицо которого мелькнуло на экране, где он играл прежде, этот самый артист? И даже, пройдя изнурительную и долгую выучку, он не утратил этого «бзыка», как космонавт назвал сию привычку, а лишь затаил ее в себе. Закалить характер можно, однако исправить, перевернуть в нем что-то никакой школой нельзя — что срублено топором...

Космонавт ругал себя: вот-вот поступит с Земли команда о посадке, надо быть собранному до последней нервной паутинки — вдруг придется переходить на ручное управление. И никак не мог оторвать взгляда от вращающегося экрана локатора, по которому вытягивались тушеванными росчерками пожары войны, и приказывал себе вспомнить: откуда писала эта домохозяйка нашему премьеру? «Навязалась на мою голову! — ругал он неведомую женщину.— Бегала бы с авоськой по магазинам — некогда бы... Буржуйка какая-нибудь, а за нее шею намылят. Руководитель полета — мужик крутой, как загнет свое любимое присловье. «Чего же,— скажет,— хрен ты голландский...»

— Из Дании! Из Дании! — радостно заорал космонавт, забыв, что передатчики включены.

Сидевшие на пульте связи и управления инженеры изумленно переглянулись между собой, и один из них, сжевывающий в разговоре буквы Л и Р, изумленно спросил:

— Овег Дмитвиевич, что с вами! Вы пвиняви сигнав товможения?

— Принял, принял! Сажусь! Бабенка тут одна меня попутала, чтоб ей пусто было!..

— Бабенка?! Какая бабенка?!

Но космонавт не имел уже времени на разъяснения,

н пока там, на Земле, разрешалось иедоумеиие, пока на пульте запрашивали последиие даиные медицинских показаний космоиавта, которые, впрочем, никому иичего ие объяснили, потому что были в полном порядке, сработала автоматическая стаиция наведеиия, и иачалась посадка.

Системы торможеиия включились по сигналу Земли, и изящиый легкий корабль повели на посадку, пожелав космоиавту благополучного приземлеиия.

Полулежа в герметическом кресле, Олег Дмитриевич смотрел на приборы, чувствуя, как стремительно сокращается расстояиие до Земли, мучительно соображая: «Сколько потерял времени? Сколько?..»

Потом было точио установлено — две с половииой минуты и одиа десятая секунды. Стоило ему это того, что вместо казахстаиской, обжитой космоиавтами степи он оказался в сибирской тайге.

Как произошло приземление и где — ои ие зиал. Сильиая, иепривычно сильная перегрузка вдавила его в кресло, что-то сжало грудь, голову, иоги, дыхаиие прервалось. Он припал губами к датчику кислорода, ио тут его резко качнуло, в иогу ииже колена впилось что-то клешней, и он успел еще подумать: «Зажим! Погнуло зажим».

Потом он действовал почти бессознательио, ему не хватало воздуха и хотелось только дышать. Дышать, дышать, дышать! В груди его хрипело, постанывало что-то, ои делал губами судорожные хватки, но слышались только всхлипы, а воздух туда ие шел, и последиие силы покидали его. Напрягшись всем треиироваииым телом, уже медлеиио и вяло подиял он руку, иа ощупь иашел рычаг и, вкладывая в палец всю оставшуюся в теле и руках силу, повернул его. Раздались щелчки: одии, другой, третий — он обрадовался, что слышит эти щелчки, зиачит — жив! А потом, уже распластаииый в кресле, вслушивался — срабатывают ли системы корабля?

Раздалось шмелииое жужжание, перебиваемое как бы постукиваиием костяшек иа счетах. Ои поиял, что выход из корабля ие заклинило, и подался головой к отверстию, возникшему сбоку. Оттуда, из этого отверстия, сероватого, дымио качающегося, клубом хлестаиул морозиый воздух. Земиой, таежный, родной! Ои распечатал грудь космоиавта. Сжатое в комок сердце спазматически рваиулось раз-другой и забилось часто, обрадован-

но, опадая из горла иа свое место, и сразу в груди сделалось просторней. В онемелых ногах космонавт услышал иглы, множество игл, и расслабленно уронил руки, дыша глубоко и счастливо. Наслаждение жизнью воспринималось пока только телом, мускулами, а уж позднее — и пробуждающимся движением мысли: «Я живой! Я дома!»

Жалостное, совершенно неуправляемое ощущение расслабленности, какое бывает после тяжелой болезни и обмороков, и непонятное раскаяние перед родным домом, перед отцом или перед всеми людьми, которых он так надолго покидал, охватило космонавта, и у него, как у блудного сына, вернувшегося под родной кров, вдруг безудержно покатились по лицу слезы, и, неизвестно когда плакавший, ои улыбался этим слезам и не утирал их.

Сознаиие все еще было затуманенное, движения вялы, даже руки поднять не было сил. Но, облегченный слезами, как бы снявшими напряжение многих дней и то сиротское чувство одиночества и покииутости, изведанное им в пространстве Вселениой, от которого отучали в барокамерах и прочих хитромудрых приборах, но так до конца и не отучили — человеческое в человеке все-таки истребить невозможно! — чувство это тоже вдруг ушло, как будто его и не было. Еще не зная, где он приземлился и как, космонавт все равно уже осознавал себя устойчивей, уверенней, и ему хотелось поскорей сойти с корабля, ступить иа Землю, увидеть людей и обняться с первым же встречным, уткнуться лицом в его плечо. Он даже ощутил носом, кожей лба и щек колючесть одежды, осталось это в нем с тех давних времен, когда, дождавшись с войны отца, ои припал лицом к его шинели, и в иос ему ударило удушливым запахом гари, сивушной прелостью земли, и он понял, что так пахнут окопы. Сквозь застоявшиеся в шинели запахи пробивало едва ощутимые, только самому ближнему человеку доступные токи родного тепла.

Очнулся космонавт на снегу, под деревом, и увидел перед собой человека. Тот что-то с ним делал, раздевал, что ли, неумело ворошась в воротнике легкого скафандра. Они встретились глазами, и космонавт попытался что-то спросить. Но человек предостерегающе поднял руку, и по губам его космонавт угадал: «Тихо! Тихо! Не брыкайся, сиди!»

Ни говорить, ни двигаться космонавт не мог и отре-

шенно закрыл глаза, каким-то, самому непонятным наитием угадав, что человеку этому можно довериться. Усталость, старческая, дремучая усталость — даже на снег глядеть больно. А ему так хотелось глядеть, глядеть на этот неслыханно белый снег.

Силы возвращались к нему постепенно, и много времени, должно быть, прошло, пока он снова поднял налитые тяжестью веки.

Горел огонь. На космонавта наброшен полушубок и под боком что-то мягкое. Наносило земным и древним. Он щекою ощутил лапник. «Ладаном и колдовством пахнет. Лешие, наверное, под этим деревом жили: тепло, тихо и не промокает...»

«Пихта!» — вспомнил он первое существо на Земле. Не дерево, а именно существо, оно даже прошелестело в его сознании или в отверделых губах вздохом живым и ясным. От полушубка нанесло избой, перегорелой глиной русской печи и еще табаком, крепкой махоркой — саморубом. Нестерпимо, до блажи захотелось покурить космонавту. «Вот ведь дурость какая! А полушубок-то, полушубок! Какая удивительная человеческая одежда!.. Так пахнет! И мягко!..»

Космонавт осторожно повернул голову и по ту сторону умело, внакрест сложенного огня увидел человека в собачьих унтах, в собачьей же шапке, в клетчатой рубахе, но по-старинному, на косой ворот шитой, и вспомнил — это тот самый человек, которого он увидел давно-давно: он делал с ним что-то, щарясь у ворота скафандра. Человек, сидевший на чурбаке возле костра, встрепенулся, заметив, что космонавт шевельнул головой, выплюнул цигарку в костер и широко развел скособоченный рот, обметанный рыжеватой с проседью щетиной.

— Ну, здравствуй, Алек Митрич! Добро пожаловать, как говорится, на родную землю!

— Здравствуйте! — отчего-то растерянно ответил космонавт и вспомнил — это ведь первое слово, произнесенное им на Земле по-настоящему вслух! Хорошее слово! Его всегда произносит человек человеку, желая добра и здоровья. Замечательное какое слово! Он натужился, чтобы повторить его, но человек, поднявшись с чурбака, замахал на него руками:

— Лежи! Лежи! Я буду пока докладать, а потом уж ты. Значит, так, — уже врастяжку, степенно продолжал

он.— Зовут меня Захаром Куприяновичем. Лесник я. И жахнулся ты, паря, на моем участке. С небеси и прямиком ко мне в гости! Стало быть, мне повезло. А тебе — не знаю. Иду это я по лесу. Рубили на моем участке визиры летом вербованные бродяги, по-всякому рубили, больше тяп-ляп... Иду это я, ругаюсь на всю тайгу, глядь: а ко мне самовар с неба падает! Ну, я было рукавицу снял и по старинке: «Свят-свят!..» Да вспомнил, что по радио утресь объявили: сегодня, мол, наш космонавт должен приземлиться, и смекнул: «Эге-ге-е-е! Это ж Алек Митрич жалует! И правильно! — грю себе.— Всякие космонавты были, везде садились, а в Сибири почто-то нету? Беляев с Леоновым вон в Перьмской лес сели, а наша Сибирь пошире, поприметней ихнего лесу...»

— Так я в Сибнри?!

— В Сибире, в Сибире,— подтвердил лесник и удивнлся: — А ты разве не знаешь?

Олег Дмитриевич удрученно помотал головой.

— Вот те раз! А я думал, тебе все известно н все на твоих автоматах прописано? — Лесник во время разговора не сидел без дела. Он шелушил кедровую шишку, выуженную из огня, и, ровно расщелкивая напополам орешки, откладывал зерна на рукавицу, брошенную на снег. Но тут он перестал щелкать орехи и уже обеспокоенно спросил: — Алек Митрич, выходит, твои товарищн не знают — где ты есть н живой ли?

Космонавт нахмурился:

— Не знают.

Захар Куприянович по-бабьи хлопнул себя руками:

— А язвило бы тебя! Снжу-рассиживаю, табачок курю, вот, думаю, прилетят твои свяшшыки на винтолете, и я тебя им в целостн передам... Ах, дурак сивый, ах, дурак!.. Чего же делать-то? — Большой этот человек в собачьих унтах огляделся беспомощно по сторонам, как бы спрашивая у молча сомкнувшейся кедровой н пихтовой тайги совета.

Олег Дмитриевич прнподнялся н, переждав легкое головокружение, указал леснику на полушубок:

— Прежде всего оденьтесь, потом уж будем думать, что нам делать.

— Сиди уж, коли бес попутал и ко мне на голову сверзил! — махнул рукой Захар Куприянович и бесцеремонно, как на маленького, натянул на космонавта полушубок, после чего поднял рукавицу с ядрышками орехов и

сказал: — Держи гостинец! — Но когда высыпал в протянутые ладони космонавта гостинец, спохватнлся: — Можно ли тебе орех-то? Народ вы притчеватый. На божьей пище живете! Показывали тут по телевизору твою еду, навроде зубной пасты. Жалко мне тебя стало...— Захар Куприянович приостановился, что-то соображая. Его голубовато-серые глаза, уже затуманенные временем, глядели напряженно на огонь, и рыжие колкие вихры, выбившиеся из-под черной шапки, как бы шевелились в отсветах пламени.

Ядрышки орехов были маслянисты и вкусны. Олег Дмитриевич никогда не пробовал этого лакомства. Чувствуя, как возвращаются к нему силы от живого огня, от угощения лесника, впавшего в глубокие размышления, он беспечно сказал:

— Не бес меня попутал, Захар Куприянович,— женщина!

Лесник отшатнулся от огня:

— Ба-а-аба-а-а-а?! — он суеверно ткнул перстом в небо: — И там ба-ба-а-а?!

Подбирая языком остатки зернышек на ладони, космонавт кивнул головой, подтверждая свое сообщение, и попросил удрученно онемевшего лесника, показывая на темную в кедраче тушу корабля, от которого тянулся мятый след по снегу:

— Мне нужно подкрепиться, Захар Куприянович. И нужно осмотреть ногу. Болит.

— Верно, верно,— засуетился лесник.— Подкормиться тебе надо, а у меня с собой ну ничегошеньки... Кабы я знал? — Он говорил, а сам не трогался с места, пряча глаза под окустившиеся брови, и все шарил вокруг себя руками.

— Когда зайдете в корабль, в боковом клапане нажмите кнопку с буквами НЗ — и все вам откроется: термос, пакеты и тюбики с божьей пищей.

— Мне, поди-ка, нельзя? — напряженным сипом произнес Захар Куприянович. Не поворачиваясь, он потыкал пальцем через плечо в сторону корабля.— Туды нельзя... военная тайна... то да се... А может, я шпион? — Захар Куприянович сам, должно быть, удивился такому предположению и даже как-то взорлил над костром.

Грудь у него выпятилась, и один глаз прищурился. Очень он нравился себе в данный момент, рот вот только кривился от старой контузии да по природной смешли-

вости, а так что ж, так хоть сейчас в разведчики. Но космонавт осадил его на землю, сказавши, что шпионы ходят в шляпах, в макинтошах широкоплечих, монокль у них в глазу, серебряные зубы во рту, в руке тросточка, в тросточке фотоаппарат и пилюли с ядом. В этом деле он уж как-нибудь разбирается.

Захар Куприянович крякнул и решительно направился к кораблю. Все он нашел быстро и, вернувшись, восторженно покрутил головой:

— А кнопок! А механизмов! Ну, паря, и машина! Чистота в ей и порядок. Как ты все и помнишь только?! — Он постукал по своему лбу кулаком, наливая из термоса в колпачок кофе.— Сельсовет у тебя потому что крепкий...— И тут же, как бы самому себе, рассудительно утвердил, показывая наверх: — Да уж всякова якова туды не пошлют!

От кофе Захар Куприянович отказался, а вот фруктовой смеси из тюбика попробовал, выдавив немножко на ладонь. Прежде чем лизнуть, понюхал, зацепил языком багровый червячок, зажмурился, прислушался к чему-то, подержав во рту смесь, проглотил ее и почмокал губами.

— Еда-а-а-а!

Он курил, поджидая, когда напьется кофе космонавт, и сразу потребовал, чтобы тот ложился обратно на лапник.

— Ногу погляжу. Чего у тебя там? Не перелом, думаю. При переломе не шутковал бы...

Захар Куприянович сильно надавил на колено, затем на икру, и когда космонавт замычал от боли, приподнялся с корточек, стал размышлять, почесывать затылок:

— Разрезать придется, Алек Митрич. А костюм-то казенный дорогой, поди-ка?!

— Дорогой. Очень. Но ничего не поделаешь. Режьте.

Лесник направился к пошатнувшемуся кедру с развилом, и только теперь Олег Дмитриевич заметил на окостенелом суку кедра висящее ружье, патронташ с ножнами и опять подумал, что холодно леснику в одной рубахе, да еще с распахнутым воротом. Но когда снова увидел Захара Куприяновича возле себя, грудастого, краснощекого, и почувствовал на голой уже ноге ненастывшие его руки, успокоился, заключив, что это и есть истинный сибиряк, о которых много говорят и пишут, а осталось их не больше, чем уссурийских тигров, в тай-

ге,— отдельные лишь семьи, которые в лесах затерялись.

Перетянув ногу бинтами, взятыми из аптечки корабля, Захар Куприянович сказал, что ничего будто бы особенного нет, чем-то придавило голень, и вот опухла нога, но идти он едва ли сможет и что загорать им придется здесь до вечера.

— А вечером что? — спросил космонавт, ругая про себя конструкторов, до того облегчивших корабль и так уверенных в точной его посадке, что наземной связи они не придали почти никакого значения и она накрылась еще на старте, при прохождении кораблем земной атмосферы. Древняя, но прочная привычка русских людей: поставить хороший дом да прибить к дверям худые ручки, дотащится, видать, до второго тысячелетия — и, может быть, даже его переживет.

Уйти от корабля, даже если бы и нога была здорова, космонавт не мог до тех пор, пока сюда не прибудут люди, которым нужно передать машину.

— Так что вечером? — повторил Олег Дмитриевич вопрос впавшему в полусон и задумчивость леснику.

— Вечером? — встряхнулся старик. И космонавт понял, что он держится с людьми напряженно оттого, что сильно оконтужен.— Вечером Антошка придет,— отозвался Захар Куприянович и, как бы угадывая мысли космонавта, молвил: — Извини. Бывает со мной. Затупляется тут,— постукал он себя по лбу и, откашлявшись, продолжал: — Не мое это дело, как говорится, но вот что все же вдичь мне, Алек Митрич? Вот приземлился ты, слава богу, можно сказать, благополучно, а ни теплых вещей при тебе, ни оружия, ну никакого земного приспособления и провианту? Вот и Беляев с Леоновым пали в Пермскую землю, так их тоже, по слухам, одевали местные жители?..

У лесника был мягкий говор, и космонавт, слушая, как он распевно тянул гласные «а» и «е», усмехнулся про себя, вспомнив, что представлял выговор сибиряков по хору, который, как и Волжский, и Уральский, в основном нажимает на букву «о», заворачивая ее тележным колесом,— тем самым люди искусства упорно передают местный колорит и особенность говора, а получается, что везде одинаково кругло окают, и это очень смешно, но не очень оригинально.

— А ежели бы я в самом деле шпиен оказался? — донимал тем временем Захар Куприянович.— А хуже

того — беглый бандит какой? Ну а пронеси тебя лешаки в чужое государство?

— Это исключено, отец,— уже сухо, отчужденно сказал космонавт и, поправляя неловкость, громче добавил: — Каждый грамм в корабле рассчитан...

— Так-то оно так. Ученые, они, конечно, знают, что к чему. И все же наперед учитывать надо бы земное имущество. А то из-за пустяка какова такая важная работа может насмарку пойти... Вон в семисят первом году трое сразу загинуло. Какие ребята загинули! Расея вся плакала об их...— Лесник сурово шевельнул бровями и печально продолжал: — Я как сейчас помню, сообщение об взлете передали, а моя клуха в слезы: «Зачем же троих да в троицу? Небо-то примет, а земля как?» Я ее чуть не пришиб потом. Накаркала, говорю, клятая, накаркала!..

— Что, серьезно, так и сказала? — приподнялся на лапнике космонавт, пораженно уставившись на лесника.

— Врать буду! Она у меня не то кликуша, не то блаженная, не то еще какая... Как меня на фронте ранило почти до смерти — в горячке валялась, пока я не отошел... Вот и не верь во всякую хреновину! С одной стороны, высший класс науки, люди на небеси, как в заезжем доме, а в тайге нашей все еще темнота да суеверие... Но душа-то человеческая везде по-одинаковому чувствует горе и радость. Скажи, не так?

— Так, Захар Куприянович, так. И плакали по космонавтам мы теми же слезами.— Олег Дмитриевич задумался, прикрыл глаза.— И что еще будет?.. Освоение морей и океанов, открытие Америки взяло у человечества столько жизней!.. Так ведь это дома, на земле... Там,— кивнул космонавт головою в небо,— все сложней... Там море без конца и края, темное, немое... Но и там будут свои Робинзоны... Так уж, видать, на роду написано человеку — к совершенству и открытиям через беды и потери...

Захар Куприянович слушал космонавта не перебивая, хмурясь все больше и больше, затем двинул ногой в костер обгоревшие на концах бревешки, выхватил топор из кедра, одним махом располовинил толстый чурбак, пристроил поленья шалашом и мотнул головой:

— Пойду дров расстараюсь, а ты подремли, коли не окоченел вовсе.

— Нет, мне тепло.

— Да оно холодов-то больших нет. Сёдня с утра семь

было, ополудень того меньше. Ноябрьская еще погода. Вот уж к рожеству заверне-о-о-от! Тогда уж тута не садись! В Крым меть! Я там воевал,— пояснил лесник.— Благодать там! Да вот жить меня все же потянуло сюда... Н-нда-а-а-а, вот и по твоему рассуждению выходит: дом родной, он хоть какой суровый, а краше его во всем свете нету...

— Как же найдет нас Антошка? — чувствуя, что лесника потянуло на долгий разговор, прервал его космонавт.— И кто он такой?

— Антошка-то? А варнак! Юбилейного выпрыску варнак! К двадцатилетию Победы выскочил на свет, а известно: поздний грех грешнее всех. Наказанье мне в образе его от бога выпало за тот грех. Держу при себе. Ежели в город отпустить — он там всех девок перещупает — такой он у меня развытной да боевой! На алименты истратит всего себя!..— Лесник сокрушенно покачал головой и, придвинувшись, доверительно сообщил: — Вот и лес кругом, сплошная тайга, а он и здесь эти, как их, кадры находит! То на лесоучастке, то в путевой казарме... Как марал, кадру чует носом и бежит к ей, аж валежник трешшыт! Шийдисят верст ему не околица! Деру его, деру, а толку...

Захар Куприянович плюнул под ноги и шагнул по мелкому еще снегу к кедру с отростком-сухариной. Космонавт не мог понять: отчего же это у одного дерева стволы разного цвета? Стукнул обухом по сухарине Захар Куприянович, прислушался, как прошел звон от комля до вершины по дрогнувшему дереву, и, поплевав на руки, крепко ахая к каждому взмаху, стал отделять от кедра белый, на мамонтовый бивень похожий, отросток, соря крупно зарубленной щепой на стороны.

Свалив сухарину, лесник раскряжевал ее, поколол на сутунки и подладил огонь, и без того горевший пылко, но по-печному ровно, без искр и трескотни. Кедр без братнего ствола сделался кособоким, растрепанным, в нем возникла просветь, и в самой тайге тоже образовалась проглядина. «В любом месте, в любом отрезке жизни все на своем месте находится»,— с легкой грустью отметил космонавт.

Присевши на розовенькое внутри кедровое полено, Захар Куприянович принялся крутить цигарку, отдыхиваясь, не спеша. На круто выдавшихся надбровьях его висели осколки щепы, переносицу окропило потом.

Олег Дмитриевич успел выпить еще колпачок кофе, выдавил тюбик белковой смеси и мечтательно сказал:

— Хлебца бы краюшечку, ржаного, с корочкой!

Лесник через плечо покосился на него, искривил рот в улыбке, и получилась она усмешкой.

— Что, ангел небесный, на искусственном-то питании летать будешь, а на гульбу уж, значит, не потянет? — и поглядел на небо.— Скоро-скоро постолую тебя ладом, будет хлебец и похлебка, а ежели разрешается, то и стопка. А покуль скажи, Алек Митрич: винтолет прилетит — ему нужна площадка или как? Я вон дров наготовил для сигнала, если что...

— Поляна есть?

— Как не быть. В версте, чуть боле — мой покос. Надо сигналить, дак я и стог зажгу...

— Ну, зачем же сено губить! Попробуем до корабля добраться. Там у меня кое-что посущественней есть для сигналов...

— Дело твое,— спокойно сказал Захар Куприянович, подставляя космонавту плечо.— Но коли потребуется, избу спалю — не изубычусь...

Космонавт поднялся, шагнул и, охнув от боли, почти повис на Захаре Куприяновиче. Тот ловко подхватил его под мышку и понес, давая ему лишь слегка опираться здоровой ногой. Получалось так, что будто бы космонавт шел сам, но он лишь успевал перебирать ногами.

Волною повалило полосу хвойного подлеска. Начисто снесло зеленую шапку с огромного кедра. Ударившись о ствол другого дерева, корабль уже боком, взадир прошелся по нему, сорвал ветви, располосовал темную рубаху с розовой подоплекой, а попутно посшибал и наружные присоски антенн с корпуса корабля.

«Ах, дура, дура моторная! — изругал себя космонавт, глядя на кедр.— Нашел время разгадывать загадки. А если б на скалы попал или в жилое место?..»

Под кораблем и вокруг него оплавился снег, видны сделались круглые прожилистые листья лесного копытника, заячьей капусты, низкорослого, старчески седого хвоща, и свежо рдела на белом мху осыпавшаяся брусника, а жесткие листья брусничника раскидало по земле. Всюду валялись прелые, кедровками обработанные шишки, иголки острой травы протыкали мох, примороженные стебли морошки с жухлым листом вырвало и

смело под дерева. Гибкий березник-чепыжник с позолотою редкого листа на кронах, разбежавшийся по ближней гривке, встревоженно разбросало по сторонам, а пихтарник, скрывающийся под ним, заголило сизым исподом кверху.

Вдали, над вершинами кедрачей, туманились крупные горы — шиханы. Ржавый останец с прожильями снега в падях и темными былками хребтовника курился, будто корабль перед стартом. За перевалами садилось солнце, яркое, но уже по-зимнему остывшее, не ослепляющее. Тени от деревьев чуть обозначились, и у корабля стала проступать голубоватая тень. Где-то разнобойно крякали кедровки, стучал дятел, вишневоголовая птичка звонко и четко строчила на крестовнике пихты, повернувшись на солнце дергающимся клювом.

«Люди добрые, хорошо-то как!» — умилился Олег Дмитриевич и, наклонившись, сорвал щепотку брусники. Ягода была налита дремучим соком тайги. Она прошлась по крови космонавта холодным током, и он не только слухом и глазами, а телом ощутил родную землю, ощутил и вдруг почувствовал, как снова, теперь уже осознанно, царапнуло горло. «Вот еще!..» Подняв лицо к небу, космонавт скрипуче прокашлялся и попросил лесника помочь ему подняться в корабль. Он подал Захару Куприяновичу плоский ящичек, мягкий саквояж с замысловатой застежкой и осторожно опустился на землю.

Когда они отошли шагов на десять, Олег Дмитриевич оглянулся, полюбовался еще раз кораблем и обнаружил, что формой своей, хотя отдаленно, он и в самом деле напоминает тульский самовар с узкой покатистой талией.

Корабли-одиночки, корабли-разведчики и одновременно испытательные лаборатории новой, не так давно открытой плазменной энергии — не прихоть и не фокусы ученых, а острая необходимость. В требухе матери-Земли, вежливо называемой недрами, скоро ничего уже не останется из того, что можно сжечь, переплавить: все перерыто, сожжено, и реки Земли сделались застойными, грязными лужами. Когда-то бодро называемые водохранилищами и даже морями, лужи эти еще крутили устарелые турбинные станции, снабжая электроэнергией задыхающиеся дымом и копотью города. Но вода в них уже не годилась для жизни. Надо было снова вернуть

людям реки, надо было лечить Землю, возвращая ей дыхание, плодотворность, красоту.

Старинное, гамлетовское «быть илн не быть...» объедиинило усилня и разум ученых Земли, и вот спасение от всех бед, иадежда иа будущее — новая энергия, которая не горела, ие взрывалась, не грознла удушьем и отравой всему жнвому, энергия, заключенная в сверхпрочном поясе этого корабля-«самовара», подобная ртути, что, разъедиияясь иа частицы, давала импульсы колоссальной силы, а затем кристаллами скатывалась в вакуумные камеры, где, опять же подобно шарикам ртутн, соединялась с другими, «отработавшимися» уже кристаллами и, снова обратившись в массу, возвращала в себя н отдавала ту недостающую частнцу, которая была истрачена при расщеплении, таким вот путем образуя нить или цепь (этому даже и названия еще не было) бескоиечно возникающей энергии, способной спасти все сущее иа Земле и помочь человечеству в продвижении к другим планетам...

Открытие было иастолько ошеломляющим, что о нем еще не решалнсь громко говорить, да и как объяснить это земному обществу, в котором одни члены мыслят тысячелетнями вперед, другие — все тем же древиим способом: горючими и взрывчатыми веществами истребляют себе подобных, а племеиа, обитающие где-то возле романтического озера Чад, ведут первобытиый товарообмен между собою...

Ах, как много зависело и зависит от этого «самоварчика», на котором летал и благополучио возвратился «домой» русский космоиавт! Все лучшие умы человечества, с верой н надеждой, может быть, большей верой, чем древиие ждали когда-то пришествие Христа — нзбавнтеля от всех бед,— ждут его, обыкиовенного человека, сына Земли, который и сам еще ие вполне осознавал значение и важиость работы, проделаиной им.

— Так какова, отец, таратайка? — продолжая глядеть на корабль н размышляя о своем, полюбопытствовал космонавт.

— Да-а, паря, та́ратайка зиатная! — подтверднл Захар Куприянович.— Умиые люди ее придумали. Но я нонче уж ничему не уднвляюсь. Увидел в двадцатом годе на Сибирском тракту «Аму» — как удивился, так с тех пор н хожу с раскрытым ртом... Сам посуди,— помогая двигаться космонавту к костру, рассуждал лесник.—

При мне появилось столько всего, что и не перечесть: от резинового колеса и велосипеда вплоть до бритвы-жужжалки и твово самовара! Я если нонче увижу телегу, ладом сделанную, либо сбрую конскую, руками, а не ногами сшитую,— пожалуй, больше удивлюся...

Он опустил космонавта на лапник, набросил на спину его полушубок, поворошил огонь и прикурил от уголька.

— Нога-то чё? Тебе ведь придется строевым к правительству подходить. Как, захромаешь?! — Захар Куприянович подморгнул Олегу Дмитриевичу, развел широкий рот в кривой улыбке, должно быть, ясно себе представляя, как это космонавт пошкондыбает по красной дорожке от самолета к трибуне.

— Врачи наладят,— охладил его космонавт.— У нас врачи новую ногу приклепают — и никто не заметит!..

Захар Куприянович поворошился у огня, устроился на чурбаке, широко расставил колени.

— Фартовые вы! — Олег Дмитриевич вопросительно поднял брови.— Фартовые, говорю,— уже уверенно продолжал старик.— Вот слетаете туды,— ткнул он махорочной цигаркой в небо,— и все вам почести: Героя, Звезду, правительство с обниманием навстречу! Ну, само собой, фатера, зарплата хорошая... А если, не дай бог, загинет который — семью в нужде не оставят, всяким довольством наделят...

— Ну а как же иначе, отец? Что в этом плохого?

— Плохого, конечно, ничего нет. Все очень правильно. На рыск идете... Но вот, Алек Митрич, что я скажу. Ты токо не обижайся, ладно?

— Постараюсь.

— Вот и молодец! Так вот, как на духу ответь ты мне, Алек Митрич: скажем, солдат, обыкновенный солдат, когда из окопу вылазил и в атаку шел... а солдат штука шибко чутливая, и другой раз он твердо знал, что поднялся в последнюю атаку. Но совсем он нетвердо знал — схоронят ли его по обряду христианскому. И еще не знал, что с семьей его будет. О почестях, об Герое он и подавно не думал — сполнял свое солдатское дело, как до этого сполнял работу в поле либо на заводе... Так вот скажи ты мне, Алек Митрич, только без лукавства, по совести скажи: кто больше герой — ты или тот бедолага солдат?

— Тут двух ответов быть не может, отец,— строго

произнес космонавт.— Как не могло быть ни нас, ни нашей работы, если б не тот русский солдат.

Захар Куприянович глядел на огонь, плотно сомкнув так и не распрямляющиеся губы, и через время перехваченным голосом просипел:

— Спасибо.— Помолчав, он откашлялся и, ровно бы оправдываясь, добавил: — Одно время совсем забывать стали о нашем брате солдате. Вроде бы сполнил он свое дело — с возу долой! Вроде бы уж и поминать сделалось неловко, что фронтовик ты, окопный страдалец. Награды перестали носить фронтовики, по яшшыкам заперли... Это как пережить нам, войну заломавшим? Это ведь шибко обидно, Алек Митрич, шибко обидно... Вот я и проверил твою совесть, кинул вопросик язвенный. Ты уж не обижайся...

— У меня отец тоже фронтовик. Рядовой. Минометчик.

— А-а! Вот видишь, вот видишь! — Лицо Захара Куприяновича прояснилось, голос сделался родственней.— Да у нас ведь искорень все от войны пострадавшие, куда ни плюнь — в бойца попадешь боевого либо трудового. И не след плеваться. Я ж, грешник, смотрел на космонавтов по телевизору и думал: испортят ребят славой, шумом, сладкой едой... Вишь вот — ошибся! Неладно думал. Прости. И жене этого разговора не передавай.

«Фартовые,— повторил про себя космонавт.— У всякого времени, между прочим, были свои баловни и свои герои, но не все пыжились от этого, а стеснялись своего положения. И вызывающий ответ одного из первых космонавтов на глупый вопрос какого-то заслуженного пенсионера, ставший злой поговоркой: «Где лучше жить — на земле или в космосе?» — «На земле! После того, как слетаешь в космос!» — был продиктован чувством неловкости и досады, и ничем другим».

— Я не могу ничего передать своей жене, Захар Куприянович, потому что не женат.

— Н-н-но-о-о? Худо дело, худо! — Захар Куприянович, стараясь держаться в дружеском тоне, почесал голову под шапкой.— Это ведь они, девки-то, как мухи на мед, на тебя набросятся и закружат! Закружа-а-ат. Не старый еще, при деньгах хороших, на виду у всего народа! Закружа-а-ат! Ты, паря, уши-то не развешивай,

какую попало не бери, а то нарвешься на красотку — сам себе не рад будешь!..

Олег Дмитриевич улыбался, слушая ровную текучую речь Захара Куприяновича, его полунасмешливые советы по части выбора половины и все время пытался представить своего отца на месте лесника. Ничего из этого не выходило. Тот застенчивый, потерянный вроде бы в жизни, чем-то напоминающий чеховского интеллигентного чиновника, хотя вечный работяга сам и произошел из рабочей семьи. Говорят: баба за мужиком. А у его родителей все получилось наоборот. Пока мать жила — и отец как отец был, хозяин дома, глава, что ли. Но перед самой войной свернула тяжкая болезнь полнощекую, бегучую, резвую мать и унесла ее в какой-то месяц-два в могилу, и сразу отец сиротой стал, а Олег и подавно.

До десяти лет, пока отец с войны не возвратился, Олег воспитывался у тети Ксаны. И устал. Устал от ее правильности, нерусской какой-то правильности, от сознания места, какое он занимал в чужой семье.

Было у тетки еще двое детей — дочь и сын. И все, что делалось или покупалось для них, делалось и покупалось для него. Но только яблоко ему почему-то попадалось с червяком, штаны заплатанные, ботинки поношенные, тарелка за столом в последнюю очередь... Ему все время давали почувствовать — чье он ест и пьет. И он не забывал об этом. Если поливал огород — не считал за труд принести лишнюю бадью воды, если чистил свинарник — выскабливал его до желтизны, если рвал рубаху — дрожал осиновым листом, разбитое стекло спешил сам и застеклить, хотя тетя Ксана никогда его не била, а своих лупцевала походя, и они с неприязнью, а порой и враждебностью относились к сводному брату, вредили ему чем могли. Тетушка, горюнясь лицом, часто повторяла: «Олежек, тебе полагается быть поскромнее да потише. Ласковый теленок две матки сосет, грубой — ни одной...» И это было хуже побоев.

Как же он был счастлив, когда вернулся с войны отец. Униженно выслушав тетю Ксану и униженно же отблагодарив ее старомодным поклоном за все, что она сделала для сына, отец отремонтировал хлев, покрыл заново крышу на домине тетушки, подладил мебель, переложил печь, из старого теса выстрогал «гардероп» — и не взял, к радости Олега, никаких денег за это и ни-

чего из шмуток, «заведенных сиротке». Он взял сына за руку и увел его с собой.

Отец по профессии столяр-краснодеревщик, и поселились они жить в узенькой комнатке при мебельном комбинате. После смерти матери тихоня отец пристрастился к выпивке, а на войне еще больше втянулся в это дело. Олег привык к нему пьяненькому и любил его пьяненького, смущенного и доброго. Воля Олегу была полная — живи и учись как знаешь, обихаживай дом как умеешь. И Олег учился ни шатко ни валко, дом вел так же, однако к самостоятельности привык рано. Отец чем дальше жил и работал, тем больше ударялся в домашний юмор, называл себя столяром-краснодырщиком, краснодальщиком, краснодарильщиком и еще как-то. На комбинате заработки после войны были худые, отец халтурил на дому: делал скамьи, табуретки, столы и коронную свою продукцию — «гардеропы». Приморский городишко и особенно окраинные его поселки были забиты отцовскими неуклюжими «гардеропами». В любом доме Олег натыкался на эти громоздкие сооружения, покрашенные вонючим, долго не сохнущим лаком. За «гардеропы» в дому их не переводилась еда, стирали им бабенки, изредка подбирали в комнате, где все пропахло лаком, стружками и рыбьим клеем.

Как хорошо, как дружно жили они с отцом! Один раз, один только раз отец наказал его. Олегу шел шестнадцатый год. Он ходил в порт на разделку рыбы вместе с поселковыми ребятами, выпил там и покурил. Отец снял со стены старый солдатский ремень и попытался отстегать Олега. Покорно стоял паренек среди комнаты, а отец хвостал его мягким концом ремня и задышливо кричал: «Хочешь, как я?! Хочешь, как я?! Пьянчужкой чтобы?..»

Потом он отбросил ремень, сел к столу и заплакал: «Конечно, была бы мать жива, разве бы распустила она тебя так...»

Олег подошел, обнял отца, сухонького, слабого, и поцеловал его руку, опятнанную краской...

С тех пор он никогда не напивался. Курить, правда, научился, но в летной школе пришлось и с этой привычкой расстаться. А отец как жил, так и живет в приморском городишке, в той самой комнатке, обитой изнутри квадратами фанеры, и никакими путями не вызволить его оттуда. «Вот уж когда женишься, внуки пойдут...

А пока не тревожь ты меня, сынок. Мне здесь хорошо. Все меня знают...»

Суетятся сейчас соседи, особенно соседка. В поселке дым коромыслом! — снаряжают отца в дорогу. А он, стращаясь этой дороги и всего, что за нею должно последовать, хорохорится: «Мы, столяры-краснодеревщики, нигде не пропадали!»

Космонавт улыбнулся и тут же с тревогой подумал: «Не сказали бы отцу, что я потерялся. Сердчишко-то у него...» И вспомнилось ему, как после гибели Комарова отец, наученный, должно быть, соседками, намекал в письме, будто космонавт выбрался из ракеты в океан и плавает на резиновой лодке, и надо бы искать его, не отступаться. Слышал о Комарове отец в поселковой бане, и в бане уж зря не скажут, сам, мол, знаешь — от веку все сбывалось, что здесь говорили... Олег прочел послание отца друзьям.

Покоренные простодушием письма, космонавты весь вечер проговорили о доброте и бескорыстности своего народа, и так уж получилось, что письмо то вроде бы и горе подрастопило, начала исчезать подавленность. Но не успели переложить одну беду, как громом с ясного неба ударила гибель Юры, а вскоре целиком экипажа «Союза»... Сколько же еще возьмет славных братьев это самое завоевание космоса?! Слово-то какое — завоевание!

— Захар Куприянович, как скоро придет этот самый варнак Антошка?

— Антошка-то? — Захар Куприянович передернул плечами, посмотрел выше кедров.— А скоро и будет. Вот стрельнем — он и будет! — Лесник снял с дерева двустволку, поднял ее на вытянутой руке и сделал дуплет. Выбросив пустые гильзы, зарядил ружье, чуть пошабашил и еще сделал дуплет.— Скоро будет,— прибавил он, цепляя ружье на сук.— Я думал, ты задремал?

— Об отце я думал. Беспокоится старик.

— Как не беспокоиться? Дело ваше рисковое, говорю. Матери-то нет? Нету-у... Значит, отцу за двоих угнетаться. Ты там летаешь выше самого господа бога, а он тут с ума сходи!.. Ох, дети, дети, и куда вас, дети? Ты ему весточку пошли, отцу-то.

— Как же я ее пошлю?

— Отсюда телеграфу, конечно, нету. А шийдисят верст пройдешь — будет станция березай, кто хочет —

вылезай! Оттуда и пошлем отцу телеграмму, свяшшыкам твоим и всем, кому надо.— Предупреждая вопрос космонавта, Захар Куприянович пояснил: — Значит, об эту пору варнак мой с работы является. И сразу к матке: «Где тятя?» — «В лесу тятя». А тятю немецким осколком по кумполу очеушило. Он идет, идет, да и брякнется — копыта врозь. Лежит, все чует, а подняться не может. В городу один раз поперек тротуара — дак трудящие перешагивают, пьяный, говорят, сукин сын... Ну, а тут, в лесу, лежу-лежу — и отлежуся. Но ежели в назначенное время не являюсь — Антошка находит меня, в чувствие приводит либо волокет на себе домой. Означенное время как раз наступило. Антошка по следу моему счас шарится.

— Как же вы, Захар Куприянович, с падучей — по тайге?

— А что делать-то, паря? На пече лежать? Так я в момент на ней засохну и сдохну. Во! — насторожился он и поднял предостерегающе палец.— Идет, бродяга, ломится!

Олег Дмитриевич напряженно вслушался, но ничего в тайге не уловил, никаких звуков. Редкие птицы уже смолкли. От деревьев легли и сгустились тени. В костре будто пощелкивали кедровые орешки, шевелилась от костра на снегу хвостатая тень. Стукнул где-то дятел по сухарине и тоже оставил работу, озадаченный предвечерней тишиной. Витушки беличьих и соболиных следов на снегу сделались отчетливей, под деревьями пестрела продырявленная пленка снега, от шишек, хвои и занесенных с березника ярких листочков.

Покойно и сурово было в тайге. Сумеречь накатывала со всех сторон, смешивала тени леса и сам лес. Бескрайняя таежная тишина, так же как и в космосе, рождала чувство покинутости, одиночества — казалось, нигде в миру нет ни единой души, и только тут, возле огня, прибилась еще какая-то жизнь. Олег Дмитриевич поежился, представив себя совершенно одного в этой тайге. Что бы он здесь делал, как ночевал бы? Уйти-то нельзя. Пулял бы ракеты вверх и ждал у моря погоды, испытывая оторопь и неизведанный, ни с чем не сравнимый страх человека, поглощенного тайгой, настолько большой и труднодоступной, что ее не смогли до сих пор свести под корень даже с помощью современной техники.

В пихтовнике раздался шорох, качнулись ветви, заструилась с них изморозь, и в свете костра возник парень на лыжах, в телогрейке, сдвинутой на затылок беличьей шапке, с бордовым шарфом на шее. Он резко затормозил лыжами возле костра и пораженно глядел то на отца, то на космонавта.

— Знакомься...

— А я думал...

— Думал, думал...— буркнул Захар Куприянович и стал собираться, укладывая кисет и спички в карман.

— Я думал... Так это Олег Дмитриевич, что ли?

— Он! — торжественно и гордо заявил отец.— Посиди вот с им, покалякай. А лыжи и телогрейку мне давай!

Парень снимал лыжи, телогрейку, а сам не отрывал взгляда от космонавта, будто верил и не верил глазам своим.

— А вас ищут! Засекли, что вы в районе нашего перевала упали, а где точно, не знают. Назавтра поиски всем леспромхозом организуются.

— Назавтра,— проворчал Захар Куприянович.— А сёдня, значит, загинайся человек!

— Сё-одня! — передразнил сын отца.— Сёдня все на работе были, как тебе известно. Звонок недавно совсем директору, а от директора покуль нашего участка добились... Меня Антоном зовут.— Парень подал руку космонавту и коротко, сильно жмanул.— В порядке все?

— Ногу немножко...

— Донесем! — с готовностью откликнулся Антон.— На руках донесем! Такое дело! Ты чё это, тятя, ковыряешься, как покойник?

— Утрись! — цыкнул Захар Куприянович на сына, взял таяк и по-молодецки резко перебросил ногою лыжу.— Не надоедай тут человеку! — наказал он и широко, размашисто катнул от костра, и лес сразу поглотил его.

— Силен мужик! — покрутил головой космонавт и хитровато покосился на Антошку.— Дерет тебя, сказывал?

— Махается! — нахмурился парень, опустив глаза.— Другого б я заломал. А его как? Отец! Да еще израненный...— Парень достал из кармана пачку папирос, протянул было космонавту, но опамятовался, сделал «чур нас!» и закурил сам, лихо чиркнув замысловато сделанной из дюраля зажигалкой. Прикуривал он как-то очень

уж театрально, топыря губы и отдувая чуб, в котором светились опилки.

«Кокетливый какой!» — улыбнулся космонавт.

Под серым свитером, плотно облегающим окладистую фигуру парня, разлетно прямели плечи. Руки крупные, на лице тоже все крупно и ладно пригнано, волосы отцовские, рыжеватые, глаза чуть шалые и рот безвольный, улыбчивый. «Этот парень будущей жене и командирам в армии — не подарок! Этот шороху в жизни наделает! — любуясь парнем, без осуждения, даже будто с завистью думал Олег Дмитриевич.— Сейчас он, пожалуй что, в космонавты начнет проситься...»

Антошка, перебарывая скованность, мотнул головой в темное уже небо:

— Страшно там?

«Во, кажется, издалека подъезжает»,— отметил космонавт и произнес:

— Некогда было бояться. Вот здесь когда оказался — страшно сделалось.

— Х-хы, чё её, тайги-то, бояться? Тайга любого укроет. Тайга добрая.

— До-обрая. Не скажи!

— Конечно, к ней тоже привыкнуть надо,— рассудительно согласился парень и неожиданно спросил: — А вам Героя дадут?

— Я не думал об этом.

Антошка с сомнением глядел на космонавта, а затем так же, как отец, сдвинул шапку на нос, почесал голову и воскликнул:

— Во жизнь у вас пойдет, а! Музыка, цветы! А девок, девок кругом! Что тебе балерина, что тебе кинозвезда!..

«Голодной куме все хлеб на уме! И этот о том же!» — усмехнулся Олег Дмитриевич и подзадорил Антошку:

— Любишь девок-то?

— А кто их, окаянных, не любит?! Помните, как в байке одной: «Тарас, а Тарас! Девок любишь? — «Люблю».— «А они тебя?» — «И я их тоже!» Ха-ха-ха! — покатился Антошка, аж дымом захлебнулся и тут же посуровел лицом: — Отец небось наболтал? Как сам к Дуське-жмурихе в путевую казарму прется, так ничего...

— До сих пор ходит?!

— Соображает!

— Ему сколько же?

— Шестьдесят пять.
— Тут только руками разведешь!
— И разведешь! А на меня, чуть чего — веревкой! Избалуешься! Эта самая свекровка, которая снохе не верит! — заключил Антошка и ерзнул на чурбаке.— Да ну их, несерьезные разговоры. Трепотня голимая!.. Я вот об чем хочу вас спросить, пока тяти нет. Вот мне восемнадцать, девятнадцатый, мне еще в космонавты можно?
«Вот. Дождался! А сколько будет этого еще? Вон ребят наших прямо заездили вопросами да просьбами. Пенсионеры и те готовы лететь в космос, хоть поварами, хоть кучерами...»
— Образование какое у тебя?
— Пять.
— Маловато. Представляешь ли ты себе наш труд?
— Представляю. По телевизору видел, как вас, горемышных, на качулях и на этой самой центрифуге мают, и как в одиночку засаживают... Тяжело, конечно... разговорчивый если — совсем хана!..
«Ну, этот сознательный. С этим я быстро слажу».
— И это, Антон, не самое главное. Труд каждодневный, требующий все силы: физические, умственные, духовные. Жить нужно в постоянном напряжении, работать, работать, работать... Сила воли ой какая нужна! Самодисциплина прежде всего!..
Парень задумался, поскучнел.
— Учиться, опять же... А я пять-то групп мучил, мучил!.. Отец каждую декаду в поселок наезжал, жучил меня. Видите, какие большие ухи сделались,— доверительно показал Антошка ухо, приподняв шапку,— за семь-то лет!
— Так ты что,— рассмеялся космонавт.— Семь лет свои классы одолевал?!
— Восемь почти. На восьмом году науки отец меня домой уволок. Ох и бузова-ал! «Раз ты, лоботряс, лизуком хочешь жить, ну, значит, легко и сладко,— пояснил Антон,— пила и топор тебе! Ломи! Тайги на тебя еще хватит!» Но я его надул! — хмыкнул Антошка.— Он мне двуручку сулил, а я бензопилой овладел! На работу я зарный — валю лесок.— Антон неожиданно прервался, совершенно другим тоном, деловито распорядился: — Приготовьте все, что надо: телеграммы там какие, сообщения. Сейчас тятя придет, и я на участок.

Из пихтарника выкатился Захар Куприянович с большим мешком за спиной.

— Живы-здоровы, Алек Митрич? — поинтересовался он.— Не уморил частобайка-то трепотней?

Антошка насупился. Лесник сбросил с плеч собачью доху, накинул ее на Олега Дмитриевича, затем вытряхнул из мешка подшитые валенки, осторожно надел их, сначала на поврежденную ногу космонавта, затем на здоровую. После этого достал деревянную баклажку, опоясанную берестой, поболтал ею и налил в кружку.

— Чё мало льешь? Жалко? — вытянул шею Антошка.

Отец отстранил его рукой с дороги и протянул кружку космонавту:

— Ожги маленько нутро, Алек Митрич. Ночь надвигается,— настойчиво сказал он.— Потом уж как можешь.— И пока космонавт отдыхивался, хватив несколько глотков чистого спирту, пока жевал теплое мясо, с краюшкой домашнего хлеба, с хрустящей корочкой (не забыл, старик!), Захар Куприянович наказывал Антошке, что и как делать дальше.

В блокноте, почти исписанном от корки до корки, Олег Дмитриевич быстро набросал несколько телеграмм, одну из них, самую краткую,— отцу. Антошка стоял на лыжах, запоясанный, подобранный, ждал нетерпеливо. Засунув бумажки под свитер, на грудь, и заправив шарф, он пружинисто выдохнул:

— Так я пошел! Я живчиком!..

— Надежно ли документы-то схоронил? — спросил отец и начал наказывать еще раз: — Значит, не дикуй, ладом дело спроворь. Сообщи, стало быть, номер лесничества, версту, квартал в точности обрисуй. Винтолет ежели прилетит, чтобы на покос садился. Мы туда к утру перетаборимся... Все понял?

— Да понял, понял!

— Ты мордой-то не верти, а слушай, когда тебе сурьезное дело поручают! — прикрикнул на него отец.— Может, ночью винтолет полетит, дак огонь, скажи, на покосе будет. Ну, ступай!

Антошка мотнул головой, свистнул разбойничьим манером и рванул с места в карьер — только бус снежный закрутился!

— Шураган! Холера! — Захар Куприянович ворчал почти сердито, однако с плохо скрытой довольностью, а

может, и любовью.— Моя-то, клушка-то: «Ах, господи! Ах, боже мой! И что же теперь будет?! Ах! Ах!» — засуетилась, а сама ие в ступ иогу. Горшок с маслом разбила. Суда собиралась, да ход-то у ей затупился. Капли пьет. Молока вот тебе послала. Горячее ишшо.— Лесник выиул из-под телогрейки вторую флягу и протяиул Олегу Дмитриевичу.

Космоиавт отвиитил крышку, с трепетным удовольствием выпил томлеииого в русской печи молока.

— Ах, спасибо! Вот спасибо! Сеном пахиет! — В голове его маленько пошумливало и шаталось, сделалось ему тепло и радостио.— А вы-то? Вы ж не ели?

— Обо мне ие заботься,— махиул рукою лесиик.— В доху-то, в доху кутайся. Студеней к иочи сделалось.

— Нет, мие тепло. Хорошо мне. Вот, Захар Куприяиович, как в жизни бывает. Никогда я ие зиал вас, а теперь вы мие как родиой сделались. Помнить буду всю жизнь. Отцу расскажу...

— Ладио, ладно, чего уж там... Свои люди.— Захар Куприянович смущеиио моргал, глядя на темные кедрачи.— Не я, так другой, пятый, десятый... У иас в тайге закои такой издревле. Тут через павшего человека ие переступят...

Спустя малое время Захар Куприяиович укутал космоиавта, сомлевшего от спирта и еды, в полушубок и доху, убеждая, что поспать нужно непремеиио — много забот и хлопот его ожидает, стало быть, иадо сил иабраться.

Размякший от доброй ласки, лежал космоиавт возле костра, глядел в иебо, засеяииое звездами, как пашня нерадивым хозяииом: где густо, где пусто, на мутио проступающие в глубинах тумаииости, по которым время от времеии искрило, точио по сиежиому полю, иа кругло катящуюся из-за перевалов вечную спутницу влюблеиных и поэтов, соучастницу свидаиий и разлук, губительиицу душ темных и мятежиых — воров, каторжииков, бродяг, покровительиицу людей больиых, особеино детишек, которым так страшно оставаться в одиночестве и темиоте.

Такими же вот были в ту пору небо, звезды, луна, когда-то и его, космоиавта, не было, когда человек и летать-то еще ие иаучился, а только-только прозрел и не мог осмыслить ии себя, ии мир, а поклоиялся богу, как покровителю. Боясь его таииственной беспредельности,

приближая его к себе и задаривая, человек населил себе подобными, понятными божествами небеса. Но нет там богов. И луна совсем не такая, какою видят ее влюбленные и поэты, а беспредельность, как сон, темна, глуха и непостижима.

Стоило бы каждого человека хоть раз в одиночку послать туда, в эту темень и пустоту, чтобы он почувствовал, как хорошо дома, как все до удивления сообразно на земле, все создано для жизни и цветения. Но человек почему-то сам, своими умными руками рвет, разрушает эту сообразность, чтобы потом в муках воссоединить разорванную цепь жизни или погибнуть.

Олег Дмитриевич смотрел ввысь совершенно отстраненно, будто никогда и не бывал там. Вот приземлился и почувствовал себя учеником, вернувшимся из городского интерната в родную деревенскую избу, после холода забравшимся на русскую печь. Под боком твердая земля, совершенно во всем понятная: на земле этой растут деревья, картошка, хлеб, ягоды и грибы, по ней текут реки и речки, плещутся озера и моря, по ней бегают босиком дети и кричат чего вздумается. В земле этой лежит родная мать, множество солдат, не вернувшихся с войны, спят беспробудно принявшие преждевременную смерть космонавты — нынешние труженики Вселенной. И дорога земля еще и той неизбежной печальной памятью, которая связывает живых и мертвых.

А там ничего этого нет...

«Не надо об этом думать. Не хочу! Не буду!» — приказал себе космонавт и вышколенно отключился от земной яви, но он чувствовал возле себя человека, близкого, заботливого, а сквозь сомкнутые ресницы и плотно сжатые веки долго еще проникали живые и яркие проблески огня, дыхание вбирало запах кедровой хвои и разопревшего в костре дерева, отдающего сдобным тестом.

Над ним стояла ночь, звонкая, студеная, и звезды роились в небе из края в край. Звезды, которые космонавт видел крупными, такие сгустки мохнатого огня, порскающего яркими ошметками,— были опять привычно мелки и на привычных местах. Мерцая и перемигиваясь, они роняли слабый, переменчивый свет на землю, на космонавта, сладко, доверчиво посапывающего у костра. Оттопыренные полураскрытые губы его обметала уже бороденка и усы, а под глазами залегла усталость.

Жалея космонавта, разморенного сном, Захар Куп-

рнянович осторожно разбудил его, когда начало отбеливать небо с восточной стороны.

— Что снилось-то? Москва? Парад? Иль невеста?

Космонавт озирался вокруг, потирая щеку, наколотую хвоей лапника.

— Не помню. Заспал,— зевая, слабо улыбнулся он.

Щетина на лице Захара Куприяновича заметно загустела, и волос вроде бы толще сделался. Глаза лесника провалились глубже, шапка заиндевела от стойкого, всю тайгу утишившего морозца.

— Измучились вы со мной,— покаянно сказал космонавт. Но лесник сделал вид, что не слышал его, и Олег Дмитриевич прекратил разговор на эту тему — есть вещи, о которых не говорят и которые не обсуждаются.

Солнце еще не поднялось из-за перевалов. Все недвижно, все на росстани ночи с утром. Сизые кедры обметаны прозрачной и хрупкой изморозью. Но с тех, что сомкнулись вокруг костра, капала сырь, и они были темны. Сопки, подрезанные все шире разливающейся желтенькой зарицей, вдали уже начали остро обозначаться.

Над костром булькал котелок, в нем пошевеливался лист брусничника, однотонно сипела в огне сырая валежина. Снег вокруг отемнился сажею. Космонавт шевельнул ногой, приступил на нее и ковыльнул к огню, протягивая руки.

— Эдак, эдак, эть-два! — сказал Захар Куприянович и начал подсмеиваться, он, мол, нисколь и не сомневался в том, что заживет до свадьбы, то есть до парадного марша в Москве. Парад, мол, мертвого на ноги поставит, а уж такого молодца-офицера, будто задуманного специально для парадов, и подавно!

Подтрунивая легко, необидно, Захар Куприянович поливал из кружки на руки космонавту. Велел и лицо умыть — нельзя, чтобы космический брат зачуханный был! Что девки скажут?!

«Ну и мужички-сибирячки! Все-то у них девки на уме!» — обмахивая лицо холщовым рукотерником, который оказался в мешке запасливого лесника, улыбался космонавт. Потом они пили чай с брусникой, громко причмокивая,— воля!

— Здоров ты спать, паря! — потягивая чай из кружки, с треском руша кусок рафинада, насмешливо щурился Захар Куприянович.— Тебе бы в пожарники!

— Не возьмут. Да я и не пойду — зарплата не та,—

отшутился Олег Дмитриевич.— Так я спал, так спал!.

Все вокруг нравилось Олегу Дмитриевичу: и студеное утро, и жарко нагоревший костер, и чай с горьковато напревшим брусничником, и дядька этот, с виду только ломовитый, а в житье — просмешник и добряк.

— Да-а, что верно, то верно — говорил и говорить буду: лучше своего дома ничего нет милей на свете. По фронту знаю,— ворковал он, собирая манатки в мешок.

И когда они шли к покосу, космонавт светло озирался вокруг, сбивая рукой снег с ветвей, наминал в горсть, нюхал и даже лизнул украдкой, как мороженое. Останавливался, послушал, как ударила в лесу первая синица, хотел увидеть белку, уронившую перед ним пустую, дочиста выеденную шишку, но не увидел, хотя Захар Куприянович и показывал туда, где она затаилась.

Морозец отковал чистое и звонкое утро. Оно входило в тайгу незаметно, но уверенно. Хмурая, отчужденная тайга, расширяясь с каждой минутой, делалась прозористей и приветливей.

Ближе к покосу пошла арёма — высокое разнотравье, усмиренное морозом, среди которого выделялись ушедшие в зиму папоротники, улитками свернутые на концах. Зеленые их гнезда одавило, и они студенистыми медузами плавали по снегу. Возле речки и парящих кипунов густо росла шарага — так называл лесник кривое, суковатое месиво кустарников, сплетенных у корней. Космонавт улыбнулся, узнав исходную позицию популярного когда-то слова, и поразился его точности.

Посреди поляны толстой бабой сидел стог снега. Из него торчала жердь, как локаторный щуп. Топаннна на покосе была сплошная, козья, заячья, на опушке попадались осторожные даже и в снегу, изящные следы косуль и кабарожек. Сохатые ходили напролом, глубоко продавливали болотину у речки, выбрасывая копытами размешенный торф, белые корешки колбы и дудочника. Звери и потеребили стожок, и насыпали вокруг него квадратных орешков. Все-таки строгие охранные меры сберегли кое-что в этой далекой тайге.

По верхней, солнечной закромке покоса флагами краснела рябина, ближе к речке, которая угадывалась по сгустившемуся чернолесью, ершилась боярка, и под нею жестяно звенел припоздалым листом смородинник. По белу снегу реденько искрило желтым листом, сорванным с березников, тепло укрывшихся в заветренном пих-

товнике. Осень в Сибири была ранняя, но тянулась долго и сбила с ноги идущую к своему сроку природу.

Солнце поднялось над вершинами дальних, призрачно белеющих шиханов. Заверещали на рябинах рябчики, уркнул где-то косач, и все птицы, редкие об эту пору, дали о себе знать. Чечетка, снегирь, желна! А больше никаких птиц угадать Олег Дмитриевич не смог, но все равно млел, радуясь земным голосам, утру, и, блаженно улыбаясь, в который уж раз повторил:

— Хорошо-то как, господи!

Захар Куприянович, вытеребливая одонышки из стога, ухмыльнулся в щетину:

— По небу шаришься, на тот свет уж вздымался, а все господа поминаешь!

— Что? А-а! Ну, это...— Олег Дмитриевич хотел сказать — привычка, дескать, жизнью данная, и не нашлось до сих пор новых слов для того, чтобы выражать умиление, горечь и боль. Но не было желания пускаться в разговоры, хотелось только смотреть и слушать, и, опустившись на охапку таежного, мелколистного и ошеломляющего духовитого сена, он привалился спиной к стожку и расслабленно дышал, поглядывая вокруг.

Лесник забрался в черемушник — пособирать ягод в котелок. Но только он нагнул черемуху с красноватыми кистями, на которых стекленела морозцем схваченная ягода, как над лесом раздался рык, треск — и в вышине возник вертолет. Он прошел над полями и стал целиться брюхом на стог.

Олег Дмитриевич зажег свечу. Она засветилась, как елочный бенгальский огонь, только шире, ярко бросала она разноцветные искры и не успела еще погаснуть в снегу, как вертолет плюхнулся на поляну, покачался на колесах, вертя крыльями винта, расшуровывая снег с поляны, обнажая иглы стойких хвощей и пушицы.

Лопасти еще вертелись над вертолетом, но вокруг сделалось растерянно-немо после оглушительного рева и треска. Дверь вертолета открылась, и оттуда, не дожидаясь, когда выкинут подножку, вывалился Антон с развевающимся за спиной бордовым шарфом, с шапкой, вовсе уж отброшенной на затылок.

— Порядок! Я весь Советский Союз на ноги поднял! — еще издали закричал он и заключил космонавта в объятия, объясняя при этом, что привел вертолет лесоохраны и что вот-вот прибудет вертолет особого назначе-

ния, поисковая группа прибудет и много чего будет!..

— Отпусти человека-то, отпусти, вихорь! — заступался за космонавта Захар Куприянович.

Возле вертолета нерешительной стайкой толпилась местная верхушка: директор леспромхоза с парторгом, начальник лесхоза в нарядном, как у маршала, картузе. Девушка в лаковых сапожках и в новом коротеньком пальто — должно быть, представитель здешнего комсомола — терзала в руке цветы герани, срезанные с домашних горшков, две худенькие квелые розочки и пышную тую.

«Розы-то они, бедные, где же откопали? — изумился космонавт.— Должно быть, цветовода-любителя какого-то свалили!» «И, страдая до конца, разбивает два яйца!..» — вспомнилась строчка из «Теркина».

Космонавт поздоровался с местной властью за руку, принял цветы. Девушка залепетала, видимо, заранее подготовленную и порученную ей речь:

— Рады приветствовать... вас... тут... разведчика Вселенной... на нашей... на прекрасной... от имени...

Олег Дмитриевич был смущен не меньше девушки, топтался неловко перед нею и, чтобы поскорее ликвидировать заминку, взял да и поцеловал ее в щеку, покрытую пушком, чем смутил и оглушил девушку настолько, что она не в состоянии была продолжать речь. Директор и парторг укоризненно глядели на девушку, но она была, видать, не робкого десятка, быстро опамятовалась и, улыбнувшись широко, белозубо, взяла да и сама поцеловала его.

Ритуал разрушился окончательно. Намеченные речи и приветствия отпали сами собой, свободней всем сделалось, и директор леспромхоза, как лицо деловое, начал интересоваться: что нужно предпринять и чем помочь товарищу космонавту? Но тут из вертолета вывалился дядька в очках, за ним выпрыгнул лопоухий пес, помочился на колесо машины, обнюхался, взял след зайца да и ударился в речное чернолесье, поднял там косого дурня, которого после ночных гуляний даже вертолет не разбудил, попер его вокруг вертолета, чуть не хватая за куцый зад.

Никогда не видавший не только машины, но и никакого народу, зайчишка ошалел настолько, что начал прятаться в колесах, будто в чаще. Все хохотали, схватившись за животы. Очкарик, как потом выяснилось, учи-

тель школы н заядлый фотограф, которому до временн не велено было являться из вертолета на глаза космоиавту, не терялся, а щелкал да щелкал аппаратом, бегая вокруг машнны, иауськивая собаку. Снимки его потом обошли почтн все газеты и журналы страны — такой ловкнй учнтелишка оказался!

Пока резвилнсь, гоияли по поляне бедного зайца и цеплялн на поводок разбушевавшегося пса, иад тайгою мощно зарокотало: из-за гор возннкли сразу два вертолета и уверенно, иеторопливо опустнлись в ряд иа дальнем конце поляны, согнув внхрем вннтов пнхтач и осинники.

Космонавт, прихрамывая, пошел иавстречу и доложил о завершенин полета.

Из одного вертолета вместе с врачом вывалилась группа разноперо одетых людей с кожаиыми сумками, с кинокамерамн н всевозможными аппаратами ианзготовку. Камеры зажужжали, аппараты засверкали, а местиый фотограф со стареиьким, обшарпаиным «Зорким» иа шее, хитровато улыбаясь, трепал за уши павшего иа брюхо пса н кормил его сахаром.

Отбиваясь от фотографов и киношииков, космоиавт показал в сторону Захара Куприяновича и Антошкн. И не успели отец с сыиом глазом моргнуть, как их взялн в кольцо. Ошеломлеиный вопросами, ослеплеиный вспышками блнцев, старик задал было тягу в лес, ио его перехватилн проворные люди с блокиотами, и ои отыскал глазамн космонавта, взглядом умоляя высвободить его из этой гомонящей, жужжащей и стреляющей орды. Олег Дмнтриевич смеялся, переобуваясь в летиые уиты, в меховую куртку, и ие выручал лесинка. Спустя время, уже переодетый, ои подхромал к иему и крепко обиял:

— Спаснбо, отец! За все спасибо! — Аитошку космоиавт тоже обнял.

Людн все это запнсалн в блокноты н засияли прощанне космонавта с лесинком. Олег Дмитрневич, вериув лесинку валеикн и полушубок, еще раз обиял его н подиялся в вертолет. Обериувшнсь в дверях, он кивнул лесиику с сыном головой, затем сцепнл руки и пожал их — привычным уже, космонавтскнм приветом.

— Отцу-то, отцу поклоиись, Мнтрию Степановичу! — крикнул Захар Куприяиович, и космоиавт, должио быть, расслышал его, что-то утвердительно прокричал в ответ и кивнул головой.

Дверь вертолета закрылась, херкнул двигатель, крылья наверху шевельнулись, пошли кругом, и вдруг дочиста уже сняло тонкий слой снега с поляны, обнажило траву, выбило из стога и погнало клочья сена, опять заголило пихтовики и кедры, густо брызнула красная рябина на опушке. Вертолет дрогнул, приподнялся, завис над стогом и пошел над вершинами кедрача за угрюмо темнеющие шиханы. На хвостовом махоньком пропеллере что-то ослепительно сверкнуло, разбилось в куски, и машина исчезла из виду.

Захар Куприянович потерянно топтался на поляне, затем нашел дело — собрал сено в стожок, подпинал его и удивленно сказал:

— Вот... Ночь одну вместе прожили... Дела какие, а?

Антошка увидев, как смялись и начали кривиться губы отца, сказал:

— Беда прямо с тобой! Расстраивается, расстраивается!.. По телевизору увидим... Может, в отпуск приедет...

— Эвон у меня какой умный да большой утешитель!..— сказал Захар Куприянович.— Помогай-ка лучше людям.

Лесхозовский вертолет тоже скоро поднялся в воздух, направляясь к ближней железнодорожной станции, куда должен был прибыть поезд особого назначения. Антошка отбыл туда же с бензопилой. Леспромхозу дано было распоряжение рубить дорогу к станции и подготовить тракторы и сани для вывезения космического аппарата...

Космонавт между тем, уже побритый, осмотренный врачами, отвалившись на сиденье, летел к своему аэродрому и просматривал свежие газеты. Попробовали было корреспонденты расшевелить его вопросами. Он рассказал им о Захаре Куприяновиче, об Антошке, попросил не особенно смущать старика «лирическими отступлениями» и, сославшись на усталость, как бы задремал, смежив ресницы.

Но он не дремал вовсе. Он как будто разматывал ленту в уме и видел на ней весь свой полет. Луну, приближенную настолько, что просматривал он ее как бы с парашютной вышки, и сиротливо висевшую в пространстве, скромно мерцающую планету с простецким названием Земля, которая казалась ему когда-то такой огромной. Вспомнил и снова ощутил, не только сердцем и ра-

зумом, а даже кожей, как, шагая в тяжелом скафандре по угольно-черной поверхности чужой ему и непонятной планеты, он остро вдруг затосковал по той, где осталась Россия, сплошь почти укрытая зеленым лесом, тронутым уже осенней желтизной по северной кромке. Вон она лежит сейчас в снегах, чистая, большая, притихшая, и где-то в глубине ее, пришитая к тайге белой ниткой тропы, стоит избушка с номером на крыше, и от нее упала тень на всю желтую поляну. Виделся беловато-жаркий костер в ночной тайге, грубо тесанный, кореньговитый мужик, глубоко и грустно о чем-то задумавшийся.

«Отцу-то, Митрию Степановичу, поклонись!» — мудрая доброта человека, которому уж ничто не надо самому в этой жизни, сквозила в его словах, в делах и в усталом взгляде.

«Сумеем ли мы до старости вот так же сохранить душу живую, не засуетимся ли? Не механизируем ли себя и чувства свои?..»

Прилетев в Байконур, Олег Дмитриевич первым делом спросил об отце. Друзья или, как хорошо называл их Захар Куприянович, связчики сказали космонавту, что Дмитрий Степанович уже в Москве, устроен, ждет его.

Отдав рапорт правительству, пройдя через первый, самый нервный период встречи на Внуковском аэродроме, космонавт, переходя из рук в руки, из объятий в объятия, все искал глазами отца. Увидев его, он даже вскрикнул от радости. Был он в новом клетчатом пальто модного покроя, в тирольской шляпе с бантиком на боку, в синтетическом галстуке, сорящем разноцветные искры, приколотом к рубашке модной железякой,— уж постарались земляки, не ударили в грязь лицом, прибарахлили старика! Впереди отца, удало распахнув котиковую шубу, выпятив молодецкую грудь, стояла раздавшаяся телом, усатая тетушка Ксана и делала Олегу ручкой.

Раздвинув плечом публику, минуя тетушку, которая с захлебом причитала: «Олежек! Олежек! Миленький ты мой!» — космонавт приблизился к отцу, прижал его к себе и услышал, как звякнули под клеенчато-шуршащим пальто медали отца. «Батя-то при всем параде!»

Отец тыкался нахолодавшим носом в щеку сына и пытался покаяться:

— Порол ведь я тебя, поро-о-ол...

«И правильно делал!» — хотел успокоить отца космо-

навт, но тетушка таки ухитрилась прорваться к нему, сгребла в беремя и осыпала поцелуями, все повторяя рвущимся голосом: «Милый Олежек! Миленький ты мой!..»

Мелькнуло в памяти все интервью в центральной газете: «Воспитывала... до десяти лет... Исполнительный был мальчик. Учился хорошо, любил голубей... мечтал... летчиком...»

Учился он, прямо сказать, не очень-то. Воля ему большая была. А кто ж при воле-то ладом учится в детстве? Голубей любил или нет — не помнит. Но уж точно знает — хотел быть столяром, как отец, а о летном деле не помышлял вплоть до армии.

Он с трудом вырвался от тетушки, снова пробился к отцу, вовсе уже затисканному толпой, и успел ему бросить:

— Ты от меня не отставай!

Отец согласно тряс головой, а в углах его губ копились и дрожали слезы. «Совсем он старичонка у меня стал. Никуда больше от себя не отпущу!» — сказал сам себе космонавт и отправился пожимать руки и говорить одинаковые слова представителям дипломатического корпуса.

Отца он увидел спустя большое время, уже возле машины. Старик проплакался и успел ободриться настолько, что даже перед модной иностранкой, одетой в манто из русских мехов, отворил дверцу машины со старинной церемонностью и подмигнул Олегу Дмитриевичу: «Знай нас, столяров-краснодырщиков!»

Как-то сразу отпустило, отцовская озороватость передалась ему, и он настолько осмелел, что и сам распахнул дверцу перед иностранной дамой, разряженной наподобие тунгусского шамана, и она обворожительно ему улыбнулась улыбкой, в которой мелькнуло что-то знакомое.

— Знай нас, столяров-краснодырщиков! — вдруг брякнул Олег Дмитриевич.

Дама, не поняв его загадочной шутки, все же томно прокурлыкала в ответ, обнажая зубы, покрытые блестящим предохранительным лаком:

— О-о, как вы любезны! — и снова что-то знакомое пробилось сквозь все помады, наряды и коричневый крем, которому надлежало светиться знойным африканским загаром.

«Всегда мне черти кого-нибудь подсунут! — досадо-

вал Олег Дмитриевич, едучи в открытой машине по празднично украшенным улицам столицы и мучительно вспоминая: где и когда он видел эту иностранную даму, разряженную под шамана или вождя африканского племени. Толпы празднично одетых людей кричали, забрасывали машину цветами, школьники флажками махали, а космонавт, отвечая на приветствия, все маялся, вспоминая эту самую распроклятую даму, чтобы поскорее избавиться от «бзыка», столь много наделавшего ему хлопот и вреда, но ничего с собою поделать не мог. А люди все кричали, улыбались и бросали цветы — люди Земли, родные люди! Если б они знали, как тягостно одиночество!.. И вдруг мелькнуло лицо, похожее на... и Олег Дмитриевич вспомнил: никакая это не иностранка, а самая настоящая российская мадама, жена одного крупного конструктора. Он встречал ее как-то на приеме, и сдалась она ему сто раз. «О-о, батюшки!» — будто свалив тяжелый мешок с плеч, выдохнул космонавт и освобожденно, звонко закричал:

— Привет вам, братья! — обрадовался вроде бы с детства знакомым, привычным словам, смысл и глубина которых открылись ему заново там, в неизведанных человеком пространствах, в таком величии, в таком сложном значении, какие пока не всем еще людям Земли известны и понятны.— Привет вам, братья! — повторил космонавт, и голос его дрогнул, а к глазам снова начали подкатывать слезы, и он вдруг вспомнил, как совсем недавно и совсем для себя неожиданно, во сне или наяву плакал, уже охваченный тревогой и волнением от встречи с Землею, с живой, такой простой и знобяще близкой матерью всех людей.

Повидавший голокаменные астероиды, пыльные, ровно бы выжженные напалмом, планеты, без травы, без деревьев, без речек, без домов и огородов, он один из немногих землян воочию видел, как бездонна, темна и равнодушна безголосая пустота, и какое счастье, что есть в этом темном и пустом океане родной дом, в котором всем хватает места и можно бы так счастливо жить, но что-то мешает людям, что-то не дает им быть всегда такими же вот едиными и светлыми, как сейчас, в день торжества человеческого разума и праздника, самими же людьми сотворенного.

Александр ***ТВАРДОВСКИЙ***

ПАМЯТИ ГАГАРИНА

Ах, этот день двенадцатый апреля,
Как он пронесся по людским сердцам!
Казалось, мир невольно стал добрее,
Своей победой потрясенный сам.

Какой гремел он музыкой вселенской,
Тот праздник, в пестром пламени знамен,
Когда безвестный сын земли смоленской
Землей-планетой был усыновлен.

Жилец Земли, геройский этот малый
В космической посудине своей
По круговой, вовеки небывалой,
В пучинах неба вымахнул над ней...

В тот день она как будто меньше стала,
Но стала людям, может быть, родней.

Ах, этот день, невольно или вольно
Рождавший мысль, что за чертой такой —
На маленькой Земле — зачем же войны,
Зачем же все, что терпит род людской?

Ты знал ли сам, из той глухой Вселенной
Земных своих достигнув берегов,

Какую весть, какой залог бесценный
Доставил нам из будущих веков?

Почуял ли в том праздничном угаре,
Что, сын Земли, ты у нее в гостях,
Что ты тот самый, но другой Гагарин,
Чье имя у потомков на устах?

Нет, не родня российской громкой знати,
При княжеской фамилии своей,
Родился он в простой крестьянской хате
И, может, не слыхал про тех князей.

Фамилия — ни в честь она, ни в почесть,
И при любой — обычная судьба:
Подрос в семье, отбегал хлеботочец,
А там и время на свои хлеба.

А там и самому ходить в кормильцах,
И не гадали ни отец, ни мать,
Что те князья у них в однофамильцах
За честь почтут хотя бы состоять;

Что сын родной, безгласных зон разведчик,
Там, на переднем космоса краю,
Всемирной славой, первенством навечным
Сам озаглавит молодость свою.

И неизменен жребий величавый,
На нем горит печать грядущих дней.
Что может смерть с такой поделать славой? —
Такая даже неподсудна ей.

Она не блекнет за последней гранью,
Та слава, что на жизненном пути —
Не меньшее, чем подвиг — испытанье,—
Дай бог еще его перенести.

Все так, все так. Но где во мгле забвенной
Вдруг канул ты, нам не подав вестей,
Не тот, венчанный славою нетленной,
А просто человек среди людей;

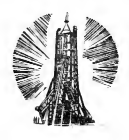
Тот свойский парень, озорной и милый,
Лихой и дельный: с сердцем не скупым,
Кого еще до всякой славы было
За что любить,— недаром был любим.

Ни полуслова, ни рукопожатья,
Ни глаз его с бедовым огоньком
Под сдвинутым чуть набок козырьком...

Ах, этот день с апрельской благодатью!
Цветет ветла в кустах над речкой Гжатью,
Где он мальчонкой лазал босиком...

Георгий БЕРЕГОВОЙ

УКРОЩЕНИЕ КОСМИЧЕСКОГО КОРАБЛЯ



Мы стоим иа чистых бетониых плитах у гостииицы «Космоиавт», иа Байкоиуре, и поздравляем своих товарищей, вериувшихся из космического полета, с иовой победой. Над космодромом — ослепительио сииее небо, теплый ветер шумит в редких деревьях, а иад головами тех, кто только что выполиил поручеиие Родииы, развевается и трепещет красный советский флаг.

Каждый раз, когда мы встречаем иовых героев космоса, иепремеиио вспомииаем того, кто первым проложил звездиую трассу. Имеиио в такой же теплый, светлый весеииий деиь 12 апреля 1961 года человек подиялся в кабииу космического корабля, чтобы возвестить миру о иачале иовой эры в исследоваиии Вселеииой. Люди всей Земли теперь всегда будут зиать это имя — имя Юрия Гагариив.

После первого рейса человека в космос и до моего полета во Вселеииой побывали еще десять советских космоиавтов. Наступал мой черед подияться к звездам, выполиить сложиую и довольио ответствеииую программу.

Если говорить в целом о программе пилотируемых космических полетов, то оиа имеет иесколько этапов. Первый этап, как известио,— это полет Юрия Гагариив. Ои показал практическую возможиость полетов человека в космос. Суточиый полет Германа Титова обогатил космическую иауку цеииыми даииыми, иеобходимыми

для более длительных полетов. Затем были первые в мире групповые полеты космоиавтов Андрияна Николаева и Павла Поповича, Валерия Быковского и первой жеищины-космоиавта Валентины Терешковой. Они доказали возможиость миогосуточиых космических полетов. Результаты иаучиых исследований и медико-биологических экспериментов были использованы в интересах дальнейшего улучшения подготовки космонавтов к более длительным полетам и совершенствования космической техиики.

Октябрь 1964 года озиаменовался новым этапом в исследовании Вселенной: на орбиту вокруг Земли был выведен первый многоместный космический корабль «Восход-1», который пилотировал экипаж в составе Владимира Комарова, Константина Феоктистова и Бориса Егорова. В марте следующего, 1965 года первый в мире человек — советский космонавт Алексей Леонов в специальном скафандре вышел в открытый космос. И вновь иам сопутствовал успех.

Одиако, идя по неизвестной, еще мало изученной космической дороге, мы должны в любую минуту быть готовыми к различного рода неожидаииостям, иеприятностям, которые подчас могут быть и трагическими. В январе 1967 года в тренажере космического корабля «Аполлон» трагически погибли американские астроиавты Вирджил Гриссом, Эдвард Уайт и Роджер Чаффи. В апреле 1967 года, выполнив полностью иамечеииую программу испытаиий нового космического корабля «Союз», при спуске с орбиты погиб летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза Владимир Комаров...

Меня в космос снаряжали в октябрьские дни — прекрасные предпраздничные дии. День 26 октября стал днем моего старта. Удивительное совпадеиие — много лет назад, в военном 1944 году, 26 октября, я был удостоен звания Героя Советского Союза. Теперь, в такой же деиь, мощная космическая ракета уносила меня в иеведомый великий мир космоса, уносила выполнять поручение Родины, позволяла мне, как человеку, позиать высшее счастье Испытателя.

Хочу несколько теплых слов сказать о корабле, иа котором мне предстояло выполнить полет.

«Союз» — космический корабль новой конструкции. По сравнению с «Востоком» и «Восходом» ои обладает бо́льшими возможиостями и отличается от них не только

размерами и компоновкой, но и новыми конструктивными решениями ряда систем корабля.

На «Союзе» созданы, я бы сказал, комфортабельные условия для работы и отдыха. Он оборудован надежными системами, которые обеспечивают многодневную работу его экипажа. Новый корабль в отличие от других космических кораблей имеет два жилых отсека: командный и специальный отсек для проведения научных исследований и отдыха.

«Союз» послушен в управлении, легко поддается воле космонавта. Примечательно, что сами процессы при выполнении динамических режимов просто и надежно контролируются хорошо продуманной системой индикации на пульте космонавта. Новый корабль снабжен средствами автоматической стыковки. Он может спускаться на Землю, используя аэродинамическое качество, причем точность приземления довольно высокая.

Наличие на корабле большого количества иллюминаторов значительно расширило возможности для наблюдений. Да и связь с Землей у «Союза» была принципиально новая, многоканальная. Вот такой, совершенно уникальный космический корабль мне предстояло испытать, то есть выступить в роли не только летчика-космонавта, но и в какой-то мере космонавта-испытателя. Но любой космонавт по существу испытатель, потому что меняются не только типы кораблей, продолжительность полетов и количественный состав экипажей, но и сами поставленные задачи. Стереотипа тут быть не может, а дубли исключаются. Так что по справедливости каждый космонавт пока еще всегда «первый».

Все, кто участвовал в подготовке к полету, хорошо знали свою новую космическую технику и верили в нее. Скажу больше: у нас была глубокая уверенность в безотказной работе космического корабля «Союз». Разумеется, при испытаниях новой техники стопроцентной гарантии не бывает и быть не может: риск является неизбежным элементом профессии испытателя. Как бы ни были многократными проверки, как бы ни была всесторонняя подготовка, случайность возможна, как возможно и стечение ряда неблагоприятных обстоятельств: все предусмотреть практически нельзя. Так было всегда, и, видимо, так оно всегда и будет. И все-таки я готовился к старту в полной уверенности в надежности космического корабля.

Меня часто спрашивают: какие пути привели в космонавтику?

Я не сразу стал летчиком-космонавтом. Думаю, такую высоту сразу взять нельзя. Вначале покорил первую высоту: стал просто летчиком. Затем грянула война, жестокие воздушные бои, а после победы удалось одолеть вторую высоту: стал летчиком-испытателем. Наконец, судьба предложила третью высоту — и ее посчастливилось взять: стал летчиком-космонавтом. Ни один из этих периодов моей жизни не смог бы стать реальностью, если бы не было первого.

Я был не из тех редких удачников и счастливцев, кто, рано угадав свою цель, упорно и уверенно шел к ней, делая вместе с тем и собственную судьбу. Мне удалось лишь то, что удается всякому, кто этого по-настоящему хочет, удалось взвешивать свои желания, чтобы контролировать свои поступки, удалось не разбрасывать себя, не петлять в поисках легких путей и решений, не размениваться по мелочам. В этом и заключался мой способ жизни, и он меня не подвел.

Смешно было бы утверждать, будто я обладал какими-то особыми качествами, благодаря которым мне чуть ли не на роду было написано принять участие в одном из грандиозных свершений человечества — в освоении космоса. Я об этом не мечтал. Об этом мечтали и этого добивались другие, такие, как К. Э. Циолковский или, скажем, Ф. А. Цандер,— для них в этом заключалась созидательно выбранная на всю жизнь цель. Я же долгое время даже не знал толком о проделанной уже в этом направлении работе.

Моя жизненная задача, как я ее понимал, сводилась к другому — найти свое собственное место среди людей. Не первое подвернувшееся под руку место и, конечно, не то, что принято называть теплым местечком, где можно уютно и мирно продремать свой век. Я хотел отдавать себя, растрачивать отпущенные природой силы, чтобы ничего не унести с собой, когда придет на то мое время, а оставить все здесь, на земле. Ради этого я старался не оказаться как-нибудь невзначай в обозе, стремился всегда жить на предельных для себя оборотах, на самых жестких, критических режимах — иначе жить я попросту не умел. Да иначе, я думаю, и не стоит жить...

Тратя себя, я, как и водится, не оставался внакладе. Жизнь взамен платила опытом, знаниями, мастерством.

Готовясь к космическому полету, я использовал опыт предшествующих полетов, опыт космонавтов. И здесь мне бы хотелось сказать несколько слов об опыте. Опыт, настоящий, подлинный,— это совсем не сумма механически накопленных навыков и знаний. Истинный опыт, на который всегда можно положиться,— это прежде всего то, что раскрепощает в критическую минуту сознание, мозг. Нет и не может быть таких рекомендаций или инструкций, которые смогли бы вобрать в себя все многообразие и изменчивость реальной действительности. К чужому уму нужно уметь прислушиваться, но жить чужим умом нельзя. Нельзя рабски следовать нічьим наставлениям, даже если они аккумулируют в себе опыт сотен и тысяч людей. К ним, этим наставлениям, необходимо относиться критически, с поправками на каждую конкретную ситуацию. Глупо, разумеется, пренебрегать и чужим опытом. Он может упростить задачу, подсказать (но не навязать) одно из приемлемых решений, но решать всякий раз приходится самому. И всякий раз заново. А чтобы решению задачи непременно сопутствовал успех, необходимо обладать и опытом, и обширными, разносторонними знаниями, которые все время надо пополнять, углублять. Стало быть, нужно постоянно учиться и не надеяться на старый багаж знаний.

Кстати, учиться — все равно что плыть против течения: перестал грести, и тебя относит назад. Дабы не оказаться в положении незадачливого и ленивого гребца, я учился, учился постоянно: в аэроклубе, военном училище, военной академии, в Звездном — по программе подготовки к космическому полету.

Меня не раз спрашивали, какую роль сыграли в моей предстартовой подготовке воспоминания о гибели Владимира Комарова, как они сказались на моем душевном состоянии. Ведь Комаров погиб во время первого испытательного полета корабля «Союз», мне же, дескать, предстояло поднять в космос второй...

Что ж, вопрос резонный. Внешне все обстояло именно так. Но только внешне. Той внутренней связи, того подтекста, который явственно прощупывался в самой уже постановке вопроса, сам я на деле не ощущал. Память о замечательном человеке, каким был Владимир Михайлович Комаров, естественно, не раз овладевала моими

мыслями, но не тревогу за себя испытывал тогда я, а боль и простое человеческое горе.

В те памятные апрельские дни 1967 года, когда Комаров вторично поднялся в космос, я в числе других дежурил за пультом наземного управления. Полет протекал успешно, в полном соответствии с программой, и ни у кого из нас не было сомнений в благополучном его исходе. Катастрофа произошла внезапно, буквально в последние минуты перед приземлением — запутались стропы парашютной системы.

Надо сказать, что в то время и без того ходило много толков о трагедии, разыгравшейся тремя месяцами раньше на мысе Кеннеди. В кабине неожиданно вспыхнул пожар, и все трое находившихся в ней американских летчиков-астронавтов погибли.

Стоит ли удивляться, что нашлось немало людей, для которых лежащая на поверхности аналогия стала как бы основой для пессимистических выводов и прогнозов. Но подобные взгляды, повторяю, отражали лишь внешнюю, формальную сторону дела. Большинство из тех, кто непосредственно участвовал в осуществлении космических программ, видел вещи в их истинном, отнюдь не окрашенном в сколько-нибудь мрачные тона свете. Все мы верили в технику и были убеждены в ее надежности. И тогда, перед стартом, сидя в машине и глядя с каким-то щемящим чувством в окно на перекатываемые порывами ветра комочки сухой земли и пучки травы перекати-поле, я, повторяю, не сомневался ни в себе, ни в технике. Что же касается самого чувства, заполнившего вдруг на минуту до краев душу, просто это была хотя и естественная, но непривычная пока для человека грусть расставания с Землей. С Землей, а не с тем или иным ее географическим участком — деревней, городом, страной, наконец...

Подъехав к стартовой площадке, я увидел гигантскую, высотой в многоэтажный дом ракету. Она была окутана белесым колеблющимся маревом. Казалось, она вот-вот оторвется от стартового стола, чтобы, порвав оковы земного тяготения, навсегда уйти в бездонную высь. Зрелище это — я его видел уже не раз! — вновь потрясло меня до глубины души: техника, созданная руками человека, будто обретала свободу и начинала жить своей собственной, самостоятельной жизнью. Во всем этом невольно хотелось видеть что-то от нереального, от

фантастического... И все же это была действительность — космический корабль «Союз», подготовленный к старту, чтобы выполнить разработанную и утвержденную программу. Программу, в которой мне, как говорится, предстояло принять самое непосредственное участие.

Неторопливыми шагами я приблизился к лифту... Поблагодарив за напутствие провожающих, поднялся в кабину космического корабля. Это теперь мое рабочее место и мое жилище на четверо суток, которые мне предстояло прожить в таинственном и пока еще мало изученном космосе.

...Электронные часы отсчитывают последние мгновения перед стартом. И наконец — старт!

В конце первого витка я получил команду: провести сложный маневр сближения с беспилотным кораблем «Союз-2», который был выведен на орбиту 25 октября 1968 года, то есть за сутки до «Союза-3». Вскоре автоматически включились бортовые двигатели, и «Союз-3», изменив траекторию полета, направился к точке встречи с «Союзом-2».

Следует отметить, что ранее, в предыдущих полетах, космические корабли класса «Восток» уже сближались в космосе. В 1962 году Андриян Николаев и Павел Попович на кораблях «Восток-3» и «Восток-4» сближались на расстояние пяти-шести километров. Встречались на короткое время в космосе и корабли «Восток-5» и «Восток-6», пилотируемые Валерием Быковским и Валентиной Терешковой. Но у кораблей типа «Восток» возможности для маневра были довольно ограниченные. Встречи в космическом пространстве в то время обеспечивались в основном расчетами, произведенными на Земле. Сами же космонавты не могли по своему усмотрению менять заданную траекторию полета. Они лишь сообщали на Землю параметры орбиты, а Центр управления полетом на основании этих данных проводил необходимую коррекцию. К тому же космонавты ориентировали вручную корабли в пространстве таким образом, чтобы наблюдать друг друга.

Да и виделись-то космонавты лишь на непродолжительное время и с расстояния не ближе пяти-шести километров. Затем корабли терялись из виду, продолжая двигаться по своим собственным орбитам.

Корабли типа «Союз» обладают гораздо более широкими возможностями для маневра. Космонавт, включая и выключая бортовые двигатели, может самостоятельно переводить корабль с одной орбиты на другую. Мне предстояло впервые испытать ручное управление таким кораблем.

Вначале все было так же, как и с «Востоком». В результате точных расчетов, заранее выполненных на Земле, оба корабля оказались поблизости друг от друга — их разделяло лишь несколько километров. Затем за дело взялась автоматика. Я видел, как в бездонных пространствах космоса возникла вначале едва приметная, крохотная, тускло поблескивающая пылинка, как она, постепенно увеличиваясь в размерах, обретала очертания беспилотного космического корабля «Союз-2», как, наконец сблизившись до двухсот метров, оба корабля пошли параллельным курсом,— видеть все это, должен сказать, было незабываемым счастьем. Душу наполнила торжествующая гордость человека — не летчика-космонавта, а Человека — представителя всего человечества, сообщества всех землян, чей разум и чье мужество, нарастая от века к веку, вышли наконец на рубежи, откуда начинается освоение и покорение Вселенной.

В соответствии с программой нужно было свести корабли на расстояние нескольких метров. Пришло время действовать мне. Я взял управление кораблем на себя.

Мне предстояло прежде всего соответственно сориентировать корабль в пространстве. Осторожно двигаю ручками управления, и расстояние между кораблями постепенно уменьшается. Увеличиваю тягу маневровых двигателей — сближение продолжается... «Союз-2» совсем рядышком — рукой достать! Потом летим по инерции по своим орбитам. Корабли, имея небольшую разницу в скорости, начинают медленно расходиться. Снова берусь за ручки, снова сближаю корабли...

Через сутки маневрирование согласно программе повторилось. Вновь автоматика сблизила корабли, и вновь я брал управление в свои руки...

Не стану подробно рассказывать (в общих чертах я уже это сделал), как протекало само маневрирование. Только скажу, что по оценкам с Земли ручное управление кораблем прошло успешно. В соответствии с заданиями программы.

После завершения маневрирования я занялся другими делами, предусмотренными полетным заданием. Одно из них было для меня особенно приятным — телепередачи на Землю из космоса.

Мне помнится тот жадный интерес, который вспыхнул у многих сразу после полета Юрия Гагарина: он видел то, чего не видел тогда еще никто! Чего бы я только не отдал ради того, чтобы оказаться хоть на несколько минут на его месте!

Оказаться в кабине летящего по орбите космического корабля пока дано весьма и весьма немногим. Поэтому нетрудно понять мою радость, когда я с помощью телекамеры смог предоставить возможность заглянуть туда каждому, кто этого захочет. Переходя, вернее переплывая, вместе с телекамерой из кабины в смежный отсек, предназначенный для научных исследований и отдыха, я показывал миллионам телезрителей все, что мог. Внутреннее устройство кабины, пульты, с помощью которых осуществлялось управление кораблем, различного рода системы, агрегаты, приборы... И даже Землю — такой, какой она выглядит сквозь стекло одного из иллюминаторов.

Еще раз скажу: это была радостная работа. Радостная, но и, как и любая другая в космосе, нелегкая. Нелегкая как раз из-за состояния невесомости.

Всякий раз, когда я хотел показать что-нибудь более длительно и подробно, перед тем как зафиксировать на показываемом объектив телекамеры, мне нужно было зафиксироваться самому. Зафиксироваться, как минимум, двумя, а еще лучше — сразу тремя точками. Только упершись как следует во что-нибудь спиной и засунув в какие-нибудь щели покрепче ноги, можно было считать, что полдела сделано. Причем вторая его половина, в отличие от первой, уже не составляла никакого труда — парадоксально, но факт, в силу все той же невесомости. Мешая в одном случае, она помогала в другом. Вес телекамеры, естественно, был равен нулю, и потому никакой другой опоры, кроме нацеливших ее в нужную сторону рук, не требовалось: держи в фокусе избранный объект хоть час, хоть два — из сил все равно не выбьешься...

На третий день полета с Земли на борт корабля поступила радиограмма: мой космический попутчик, беспилотный «Союз-2», в соответствии с программой совершил

посадку в заданном районе территории Советского Союза. Итак, «Союз-2» уже на Земле! Сначала я проводил его в космос, потом встретился там с ним, затем мы дружно и в полном согласии выполнили все запланированные задания по совместному маневрированию и сближению и, наконец, распрощались...

Вспоминая те минуты, по-особому ощущаешь их значимость и вес. Совместное маневрирование и сближение двух кораблей! Это начало большой программы по созданию орбитальных станций. Затем первая в мире стыковка двух пилотируемых кораблей — «Союз-4» и «Союз-5». Создáние первой в мире экспериментальной космической станции. Это была победа, сравнимая по своему значению разве что с полетом Юрия Гагарина. И вот не прошло и восьми лет после его полета, как в космосе уже построено первое пробное человеческое жилье. И строить, обживать его опять же выпала честь представителям нашей страны — летчикам-космонавтам Шаталову, Волынову, Хрунову и Елисееву.

...Близился к завершению мой четырехсуточный космический полет. Наступал момент посадки.

Программа спуска на кораблях «Союз» может включаться автоматически по радиоприказу с Земли и вручную. Я включил программу сам. Видно было, как корабль, послушно выполняя команды, начал поворачиваться вдоль оси, чтобы направить сопла тормозного двигателя в противоположную траектории полета сторону. Для того чтобы сойти с орбиты и начать снижение, необходимо погасить скорость до расчетной величины.

Включился тормозной двигатель. «Союз-3» пошел на посадку. Впрочем, теперь это уже не тот «Союз-3», который еще несколько минут назад несся в просторах космоса. Теперь это лишь отделившийся от него спускаемый аппарат, остальное сгорит в воздухе...

Вскоре корабль вошел в плотные слои атмосферы. На термометре все те же семнадцать по Цельсию — система терморегулирования в кабине работает как часы. А ведь на обшивке сейчас несколько тысяч градусов! Правда, «Союз» не «Восток». У тех спуск был не управляемый, а баллистический. Обшивка от трения с воздухом в буквальном смысле слова пылала, да и перегрузки доходили до 8—10 единиц. А здесь перегрузки значительно меньше, порядка 4—5 единиц. Разве это не свидетельство пре-

имуществ нового космического корабля, который я испытывал в этом полете?

Взглянув в иллюминатор, я понял, что Земля была уже почти рядом. Все шло, как положено. Система управления исправно выдавала команды, ориентируя аппарат так, чтобы обеспечить посадку точно в заданном районе.

Резкий рывок, удар — и сразу же тишина. Я понял, что сработала парашютная система. До приземления остались считанные минуты... Наконец этот момент — касание родной Земли — наступил. Меня захлестнула радостная и счастливая волна — ощущение, что ты на Земле, что ответственное и сложное задание Родины выполнено.

В те дни ТАСС сообщал: «30 октября 1968 года в 10 часов 25 минут московского времени космический корабль «Союз-3» совершил посадку в заданном районе территории Советского Союза».

Итак, четырехсуточный полет на новом космическом корабле завершен. Испытания прошли успешно. У меня как космонавта-испытателя не было замечаний по работе бортовых систем корабля: они удобны в обращении, эффективны и надежны. Многое в этом полете показалось мне как профессиональному летчику знакомым и привычным. Но были и новые, никогда ранее не испытанные, чисто космические ощущения.

Многосуточный полет убедительно показал, что корабль «Союз» — это замечательный космический аппарат, принципиально новый по конструкции, способный решать большой круг испытательных, научно-исследовательских и экспериментальных задач. О многих из них я уже говорил. Скажу только еще о значении одной: о сближении кораблей на близкое расстояние. Оно, это сближение, обеспечивает значительно большую гибкость при выполнении научных и практических задач полетов, оказании помощи кораблю, попавшему в аварийную ситуацию. Без решения этой проблемы немыслимо было создание крупных космических станций с длительным пребыванием их на околоземной орбите.

Возможность создания космических кораблей «Союз» подготовлена всем предшествующим ходом развития советской космической науки и техники, она могла быть обеспечена только при высоком уровне нашей промыш-

ленности, который был достигнут за годы Советской власти.

Сегодня гигантские советские ракеты выводят на околоземные орбиты многоместные космические корабли, научные орбитальные и межпланетные автоматические станции, искусственные спутники различного назначения. И каждый раз, когда мы провожаем в полет во Вселенную новых разведчиков звездных трасс, непременно вспоминаем первопроходца космоса Юрия Алексеевича Гагарина, открывшего космическую навигацию, вспоминаем тех, кто стоял у истоков отечественной космонавтики. Им — наш низкий поклон и наша благодарность за все, что они сделали в интересах освоения и изучения космического пространства.

Вадим ЛЕЙБОВСКИЙ

СПРЕССОВАННОЕ ВРЕМЯ

Предстоял второй старт Георгия Гречко в космос. Незадолго до его отлета на космодром во время традиционной встречи с журналистом он сказал:

— После того полета прошло почти два года.

Его поправили:

— Почти три года.

Он удивился: как же это я проморгал?

Быстро летит его время. Но на орбите еще быстрее. Там оно сбито, сжато, спрессовано до предела. Потому, прежде всего, что на орбите ему особая изначальная цена, определенная необъятной суммой труда многих тысяч людей, создавших это могучее сооружение, именуемое орбитальной научной станцией, а также разветвленную, разбросанную по стране сеть наземного обеспечения полета.

Оно спрессовано и потому, что сама программа полета по трудоемкости, насыщенности такова, что если подходить к ней с нормами и мерками нашего трудового законодательства, она никак не сойдется с ним в полном согласии. И наконец, бортовое время спрессовывает и сам человек. Если так он устроен. Если так он живет...

Когда мальчишка намерен стать летчиком, истоки этой мечты найти обычно нетрудно — стоит просто поднять голову к небу. Достаточно описано ранее проис-

хождение устремлений к тайнам медицины, биологии и даже всего мирозданья — кружки и клубы юных астрономов у нас буквально в каждом городе. Теперь не меньше кружков и юных космонавтов.

Но это теперь. А если обернуться лет этак на тридцать пять и попытаться поискать среди пусть и рано повзрослевшей в войну, но все же детворы такого чудика, что мечтает строить космические корабли, которые полетят к далеким мирам и никак не ближе, чем к Марсу? Наверное, долго бы мы с вами искали. Но если б не нашли мы в одной из ленинградских школ вместе с братьями Аркадием и Борисом Стругацкими их приятеля Георгия Гречко, ни литература, ни космонавтика от этого б не пострадали. Потому что незаурядность ищет сама себя, свой путь, свою мечту. Ищет и находит. И все ж рассказать о том, как тридцать пять лет назад Жора Гречко нацелился в космос, нужно. Сам он объясняет это просто: «Прочитал «Аргонавты Вселенной» В. Владко, «Аэлиту» Алексея Толстого. Чуть позже отыскал прекрасную книгу Я. Перельмана «Межпланетные путешествия», и все».

А между прочим, в книге Перельмана говорилось, что человек отправится за пределы Земли лет через сто.

И Георгий, наверное, понимал, что его безудержное желание имеет весьма ограниченные пределы. Ведь и самой космической техники тогда еще вообще не было. Но мечта появилась, стала жить. Позже она стала делом жизни.

Не было и самого слова «космонавтика», добрый десяток лет оставался до запуска первого спутника. Но Георгий отправился специально в Москву узнать, есть ли такой институт, где учат на инженеров, проектирующих космические корабли. Но так ничего и не узнал. И поняв, что он просто рановато явился на этот свет, Георгий купил обратный билет и поехал в свой Ленинград поступать в механический институт.

К завершению учебы мысли его обрели более реальные очертания, приблизившись к Земле и в прямом, и в переносном смысле. Теперь прежде всего его привлекала баллистика, расчет траекторий выведения спутников Земли. Он, конечно, не мог еще знать, что уже плавится металл для рукотворного первенца космоса, но знал, что есть такое конструкторское бюро, куда очень стоит попасть. Диплом с отличием давал ему преимущественное право выбора при распределении.

Так еще до окончания вуза — дипломником — он оказался в КБ, которое возглавлял академик Королев.

И вот больше четверти века он работает на этой исторической «фирме». Там он нашел себя, свою мечту, там рос и познавал все премудрости космической техники. Познавал и создавал ее. А создавая, испытывал. И если мы назовем его ветераном КБ, то это будет верно. Хотя еще вернее именовать его ветераном космонавтики, пусть даже сам Георгий Михайлович, прочтя такое о себе, наверное, усмехнется: «Ну, это уж слишком».

Однако это так. Практически на всех этапах развития космонавтики Гречко был участником событий. Первый его космический аппарат был первым и для нашей страны, и для всей планеты. Это был первый спутник — так повезло молодому инженеру. И работа была нешуточной — расчет траектории выведения на орбиту. Вкратце задача сводилась к расчету многочисленных траекторий с тем, чтобы выбрать из них одну — оптимальную.

Сейчас с помощью современных ЭВМ одна траектория просчитывается в считанные секунды. Но это было так давно, когда ЭВМ еще только внедрялись. И на расчет каждой траектории уходил день, а то и два. Дали в помощь Георгию четырех сотрудниц с электромеханическими счетными машинками. Девушки старательные, да только никак не могли взять в толк, почему «шеф» требует точности до восьмого знака после запятой. «Кому нужны такие точности?»

В шесть часов девушки сменялись, а он оставался в лаборатории. В полночь ложился спать здесь же на рабочем столе, и с утра все продолжалось. Так торопило время.

А тут как раз появилась возможность «выйти» на электронно-вычислительную машину. Машинное время для расчета траектории выведения первого в мире искусственного спутника Земли выделила Академия наук. Но времени требовалось несколько часов в сутки, и было решено — лучше ночью.

Первая машина дышала жаром всех своих ламп, потому в комнате открывали настежь все форточки, и тогда на некотором отдалении от объемистого «электронного мозга» воцарялась температура окружающей среды.

Георгий приезжал сюда, на улицу Вавилова, уже за полночь и приступал к делу. В оставшиеся пару часов до первого трамвая заворачивал себя в ковровую дорож-

ку — поверх пальто, укладывался иа стулья и забывался сиом. Тот сои был легким и по свежести воздуха, и по молодости,. и, главиое, от осозиаиия Георгием высочайшей своей причастиости к готовящемуся событию.

И ехал ои поутру в общежитие, крепко сжимая в руках сумку с бесцеиными лентами. И зиать ие могли соииые пассажиры, что в одиом трамвае с иими до стаиции метро «Кировская» едет докумеит исторического зиачения. И человек тоже.

...Гречко покииул стартовую площадку по тридцатимииутиой готовиости, перебрался иа иаблюдательиый пуикт. Последиие комаиды, рваиул огоиь из сопел, и ракета пошла. Сиачала вверх, потом точка иастолько быстро уходила за горизоит, что миогие закричали: «Падает... падает...» Нет, оиа ие падала, просто зрелище было иовое, даже для специалистов. К этому им предстояло еще привыкать.

Работая в КБ Королева, ои заочио учился в МГУ — чувствовал, что ие хватает зиаиий, особеиио математических.

Но была и другая учеба, другие экзамеиы. Оии проводились постояиио, ежедиевио — иа космодроме. Если позже, в космосе, ои переживал, иаверное, лучшие дии своей жизни, то до того времеии лучшую ее пору, самые иаполиеииые годы провел иа космодроме. А ведь ои застал еще стаиовлеиие «Звездограда», когда там было далеко ие так уютио, как теперь. Когда в этом самом зелеиом городе Средией Азии ие росло еще ии деревца.

Как-то автор этих строк разговорился с известиым астрофизиком, директором обсерватории Государствеииого астроиомического иистнтута им. П. К. Штериберга Э. И. Дибаем.

— А зиаете, когда мы работали ие то чтобы лучше всего, ио как-то по-особому увлечеиио и даже яростио? — спросил ои.— Тогда, когда иам было трудио во всем — с оборудоваиием, с инструмеитами и более всего с бытом. Когда ютились бог зиает где и как. Но было в такой работе какое-то особое иаслаждеиие.

Сколько Георгий иабил тогда себе шишек, уже будучи дипломироваииым специалистом! Но иикогда их ие стыдился. Виикал во все, задавал подчас иелепые вопросы, и сам, иаверное, поиимал их иелепость, одиако ие останавливался. И это прииосило свои плоды. Правда, ие такие уж скорые.

На космодроме шла подготовка к запуску третьего искусственного спутника. Незадолго до старта поступили новые таблицы на заправку ракеты-носителя. Группе, в которую входил Гречко, предстояло по этим таблицам произвести расчеты для заправки баков ракеты топливом.

До того как приступить к расчетам, Георгий снова и снова вчитывался в таблицы, сравнивал их со старыми и, наконец, понял: в новых таблицах ошибка, ракету заправлять пока нельзя.

Обратился к другим специалистам, старшим по возрасту, стажу, опыту. Те поначалу: «Быть того не может, смотри, сколько на документе согласующих и утверждающих подписей». Потом выслушали его повнимательней и... возражений не нашли. Что делать? Сказали: «Надо тебе идти к «самому», иначе нельзя».

Другой Главный, услышав такое от молоденького инженера, улыбнулся бы, отмахнулся, а то и похуже. Но Королев, как видно, был не только Главный конструктор. Внимательно выслушав Георгия, он связал его с Москвой и дал возможность самому подробно изложить точку зрения специалистам. Те поначалу сказали Королеву: «Дайте нам минут пятнадцать, и мы поставим мальчишку на место. Пусть подождет, скоро позвоним». Наступала ночь.

— Ну, ты тут оставайся и жди,— сказал Георгию Сергей Павлович,— а я поехал. Утром расскажешь.

Конечно же, Главному конструктору важно было узнать, чем кончится эта история. Но, думается, он просто дал Гречко возможность пережить ошибку наедине с собой, если бы все-таки тот оказался неправ.

Звонка через пятнадцать минут не последовало. Через полчаса тоже. Прошел еще час, потом другой. И еще до утра, когда, наконец, Москва вызвала космодром, он уже понимал: прав. Но не удивился и даже не обрадовался. Он — инженер по призванию. Логика цифр всегда была для него последней инстанцией. В общем, таблицы пересмотрели, а с ними и расчеты. В результате орбита спутника стала на десятки километров выше, что значительно продлило срок активного существования его на орбите.

Но более важный практический вывод последовал чуть позже. В Москву Гречко вернулся с принципиально

новой идеей заправки ракет топливом. И идея была одобрена, принята на будущее.

Это было золотое время дерзких идей, порожденных всеобщим энтузиазмом конструкторов и инженеров. Никто не думал о заявках на патенты и авторские свидетельства. Думали только о деле. Только на это хватало времени.

Сейчас на пороге своего пятидесятилетия, имея богатый и хорошо осмысленный багаж знаний и опыта, Георгий Михайлович заканчивает работу над докторской диссертацией. Удивительным здесь может показаться лишь то, что не сделал он этого раньше. Однако удивительным для тех, кто плохо знает Гречко, его требовательность к себе, его критерии моральных ценностей.

Но вот кандидатом наук он стал почти случайно. И этому тоже удивляться не следует. Мысль об ученой степени, к которой люди порой стремятся как к определенному залогу личного благополучия или «элементу самоутверждения», Гречко тоже не была чуждой. Но был он с головой в работе и потому не мог позволить себе отвлечься на те побочные, ну хотя бы просто оформительские дела, с которыми неминуемо сталкивается диссертант.

И вот ему «помог» случай: прыгая с парашютом, сломал ногу. Причем крепко — обе берцовые кости голени. Был он тогда уже в отряде космонавтов и потому — куда он теперь годился до выздоровления? Вот и занялся диссертацией. Материалов у него было много, нужно было только все оформить.

Написал, оформил, представил и блестяще защитил. Предзащищался на костылях, защищался с палочкой. Исследование было посвящено вопросам прилунения автоматических станций. Гречко разработал рекомендации, использование которых приводило к уменьшению скорости прилунения и повышало вероятность успешного выполнения задачи. Рекомендации эти были учтены при создании станции «Луна-9», впервые в мире совершившей мягкую посадку на Луну. Так исследование будущего космонавта было наилучшим образом внедрено.

Годы, предшествующие полету, наполнены не только самой подготовкой к работе на станции — изучением бортовых систем и приборов, приобретением и отработкой навыков управления ими. Задачи космических полетов

нынешнего времени все больше и настоятельней требуют участия космонавтов в процессах создания самой космической техники. И вот, наконец, наступает этот час. Когда все сделанное, накопленное, выношенное, вымученное ты проверяешь своими руками в реальном полете, в реальных условиях. Когда сам прислушиваешься к биению сердца станции, сам становишься как бы живой ее частью.

Космические полеты в технической документации неизменно называются ЛКИ — летно-конструкторскими испытаниями. Испытаниями! Еще не скоро наступит время продажи пассажирских билетов на космические рейсы. Да и наступит ли вообще? Космический полет был и остается испытанием. И техники, и человека. А коли так, то были, есть и будут риск, поиск, непредвиденные обстоятельства. А коли так, то были, есть и будут люди, которые именно при таких «начальных условиях задачи» способны проявлять лучшие свои качества. Это их назначение, их работа, их счастье.

И выходит, что участие в космическом полете становится делом жизни?

— Нет,— отвечает космонавт Гречко,— потратить многие годы жизни на то, чтобы участвовать в двух, ну даже трех полетах — пусть даже самых интересных, важных, содержательных,— это слишком расточительно. А если привнесенная причина, например состояние здоровья, помешала этому личному участию, что тогда? Жалко, досадно, конечно, но ведь это не катастрофа. Я никогда не стремился быть первым во что бы то ни стало. Но всегда хотел активно участвовать в событиях на переднем крае.

В юности я мечтал о полете к далеким мирам, о покорении бесконечного пространства. Но сейчас в зрелом возрасте я понял гораздо больше. Суть не в остроте ощущений, а в достижении поставленной цели. Полететь на другую планету очень интересно, но при одном непременном условии: должны быть увлекательные для меня научные и прикладные задачи. Романтика и риск сами по себе — это не стимул.

Приход Гречко в отряд космонавтов в 1966 году был естественным, логическим продолжением его работы. К тому времени стало очевидным, что скоро на борту космических аппаратов понадобятся инженеры, и прежде чем подать заявление в отряд, он направился в аэроклуб

и записался сразу в две секцин — парашютную н планерную, а затем и в самолетную.

Конечно, в управленни самолетом нлн планером мало общего с работой на борту космического аппарата. Конечно, и с борта его не приходнтся катапультнроваться, как это делали первопроходцы космоса на «Востоках». Речь ндет — и Гречко это понимал — о своей подготовке к работе в экстремальных ситуациях, в настрое, в заряженностн на эту постоянную готовность к точному мышлению и смелым действиям.

Известно, что в подготовке по программе полета большое место занимает отработка так называемых нештатных, то есть нерасчетных, снтуаций. Космос — удивительный, своеобразный мир. Многое в нем еще не познано, потому многое как бы протнворечит нашей сложившейся земной логнке. И человек должен быть готов ко всему, к любой неожиданности. Значит, отклонения от расчетных режимов работы бортовых систем как бы заранее предполагаются, вернее — предусматривается готовность к ннм человека.

Когда космонавт сдает предполетные экзамены, то в итоговом документе — своего рода его «аттестате зрелости» появляется до трех десятков оценок. Где, в каком учебном заведении человеку достается столько в одну сессию? А здесь это необходнмо, неизбежно — такова нынче космическая техника, таковы программы полетов. Так вот, даже в экзаменационных бнлетах многне вопросы начинаются со слов: «А если...» Но это не только в билетах. Тут же экзаменаторы начинают «создавать» на борту ситуации, казалось, вообще немыслимые. А соображать н отвечать требуется буквально в реальном масштабе времени реального полета. Этого требует жнзнь, и она нет-нет да и подтверждает свою правоту.

В Центре подготовки космонавтов бытует почти афоризм: «Тысячу нерасчетных вариантов проигрываешь, а полет подарнт тебе тысячу первый». Вот почему столь высока цена личностных данных человека, готовящегося стартовать в космос. Гречко стал понимать это задолго до начала своей лнчной подготовки к полетам. А когда решил подавать заявление, то решил, что прежде всего должен как-то нначе, по-новому посмотреть на себя. Со стороны н нзнутри. Да не только посмотреть, но и подготовить себя.

Наверное, далеко не каждый космонавт считает для

себя самолет, планер, парашют важнейшими атрибутами специальной подготовки. Но ведь профессиональная специфика космонавта предполагает в нем личность, индивидуальность. Тогда у каждого, кроме обязательной, разработанной программы подготовки к полету, может быть и личная. А вместе с тем и личный «психологический алгоритм» подготовки.

Вот, например, Георгий Михайлович увлекается автомобилизмом. «Ну и что? — спросит читатель.— Увлекаются многие».

Действительно, многие. Но кто из космонавтов без малого в полсотни лет от роду участвует в автогонках, да еще и выполняет норму кандидата в мастера спорта? Никто. Причем получение этого звания космонавтом Гречко не датировано отдаленным розовым периодом «грехов молодости». Это все из послужного списка самых последних лет.

Что и говорить, не встречает это горячего одобрения у руководства подготовки космонавтов. Более того, не осмелимся утверждать, что опыт космонавта-автогонщика следует перенимать коллегам. Но согласимся с тем, что сам он имеет право считать автогонки необходимым элементом своей профессиональной подготовки. Это необходимо ему. Иначе это был бы не Гречко.

Кстати, старший сын Георгия Михайловича Алеша с легкой руки отца тоже приобщился к автогонкам и выполнил норму первого спортивного разряда. По космическим стопам отца идти он как будто не собирается, у каждого свой путь, своя судьба. Так что в данном случае отец никаких специальных целей в увлечении сына не преследует. А объясняет просто: «Пусть растет мужчиной». И, думается, это главное. Это прежде всего движет самим отцом.

Когда Георгий Михайлович во второй раз полетел работать на орбитальной станции, то первой задачей было выяснить, не произошло ли повреждение одного из двух стыковочных узлов станции во время нерасчетного причаливания к ней предыдущего пилотируемого корабля — «Союз-25». Вообще выход в открытый космос планировался при подготовке по данной программе. Но для испытания скафандров новой конструкции и проведения научных экспериментов. Однако теперь выход приобретал

дополнительную важность. Если произошло повреждение стыковочного узла, то это ставило под сомнение его работоспособность и использование для дальнейших операций.

Над Тихим океаном космонавты открыли люк стыковочного узла, и в переходном отсеке воцарился космический вакуум.

Гречко высунулся по пояс. Внизу распростерлась лазурная гладь океана, блестевшего и искрившегося на Солнце. Над головой угольная чернота неба с белесой пылью звезд...

Вскоре он доложил в Центр управления полетом:

— До входа в тень в течение минут двадцати, выйдя из переходного отсека, очень внимательно осмотрел торец стыковочного шпангоута. Он совершенно новенький, как будто со станка. Экранно-вакуумная теплоизоляция не повреждена. Все контакты видны четко, никаких отклонений от нормы нет, все элементы станции в полном порядке. И вдруг, отступив от «протокола», воскликнул:

— Вижу Луну, звезды, вспышки от молний. Телевизионная камера у меня в руках. Командир меня страхует. Он замечательно работает.

А за полчаса до этого, предвидя сложности и наверняка зная остроту и напряженность надвигающегося момента, оператор связи сказал бортинженеру: «Спокойно!»

— Да разве я волнуюсь? — удивился Гречко.— Вы посмотрите на мой пульс.

На Земле посмотрели и удивились. Для него, как видно, ситуация оказалась не более напряженной, чем те, с которыми он много раз сталкивался во время своих «факультативных» тренировок.

И как бы подтверждая это, бортинженер снова, словно забыв про главное, нацелил телекамеру во Вселенную, и полился восторженный рассказ о чудесах открытого космоса, о том, как прекрасно со стороны их обиталище — мудрое творение человеческих рук. Впрочем, главное было уже сделано.

Позже, на Земле, его спросят, неужто незнакомо ему чувство страха, на что он ответит:

— Знакомо, и даже отлично. Но в полете отношение к этому простое. Если я никак не могу повлиять на ситуацию, то страх легко подавляю. Поэтому спокойно переношу полет в ракете, отлично сплю в станции, хотя

и осознаю, что подушка находится в пятнадцати сантиметрах от вакуума.

За 126 суток двух своих полетов он ни разу не принял снотворное. Другие пьют, и медиков такое никогда и никак не настораживает. Это нормально. Но, как видно, у Георгия Михайловича нормально — когда без снотворного.

Снова и снова прокручиваю в памяти многие кадры телерепортажей с борта, вслушиваюсь в переговоры с Землей. Были ль лучше его телекомментаторы-космонавты? Да, пожалуй. Были такие, что чувствовалась даже хорошая профессиональная телеподготовка, школа. Но вот более азартного, брызжущего увлеченностью, раздаривающего эту увлеченность всем нам — что-то не припомниаю. Тут уж, согласитесь, и профессионализм, и школа ни при чем.

... — Какой же яркий болид врезался в атмосферу! — Мы просто не узнали голос бортинженера.— На темном небе нежданно-негаданно вспыхнуло ослепительное пламя. Метеорит огненной вспышкой пронесся по небосклону и испарился.

На Земле вместо ответа воцарилось молчание. Потом оператор связи, видимо, проглотив комок в горле, наконец изрек:

— Считайте, что вам повезло.

Но Гречко уже хохотал:

— Это в каком смысле? В том, что небесный камень не угодил нам в нос?

Он бы наверняка добавил и кое-что еще, да — увы — кончилась зона радиовидимости, сеанс связи прервался.

Как-то с друзьями-космонавтами они ворошили в памяти бесчисленные страницы своих полетов и вдруг пришли к неожиданному выводу о том, что все трудности, переживания и опасности забываются, а красота Земли остро сохраняется в памяти навсегда.

Вот что рассказывает сам Георгий Михайлович о своеобразии психологической настройки в полете:

— Суть этой настройки я осознал далеко не сразу, а уже приобретя определенный опыт работы на орбите. Главное при этом — всегда считать, что самое трудное еще предстоит сделать по программе, сколь бы успешно ни проведена предыдущая операция, как бы сложна она ни была. Например, перед стыковкой и переходом напрочь выбрасываются из памяти предстартовые волне-

ния. Состыковались, перешли, и это забыто до отчета на Земле, потому что надвигается самое трудное — выход в открытый космос. Но вот вернулись в станцию, и напряжение, связанное с выходом, постепенно уходит на второй план. Снова предстоит новое — встреча экспедиции посещения. И каждый раз убеждаешь себя, что самое трудное впереди, что «костьми ложиться» еще предстоит. Ничего принципиально нового, мне кажется, в таком подходе нет. Просто нельзя дать себе расслабиться. С альпинистами несчастий происходит больше при спуске. А космос к любым ошибкам куда менее снисходителен.

Во время его первого полета случилось событие, не грозившее ни экипажу, ни станции, но тем не менее взволновавшее буквально всех причастных к полету. Событие, главными героями которого стали ОСТ — орбитальный солнечный телескоп, а также... бортинженер станции «Салют-4» Георгий Михайлович Гречко. Но обо всем по порядку.

Вам приходилось видеть самолет «Антей»? Не правда ли, стоя рядом с ним и наблюдая, как в чрево его степенно упаковывают львовские автобусы, с трудом веришь в то, что все это сейчас взмоет в воздух — и с глаз долой.

С таким же чувством входил я впервые в станцию «Салют-4». Не ту, что потом отправилась в космос, а другую, точную ее копию — в Центре подготовки космонавтов. На ней экипаж готовился к полету.

Входишь и думаешь: неужто полетит, неужто вообще есть нечто, способное просто оторвать все это от земли?

Идешь дальше, через переходной, рабочий отсеки и — стоп! Вот он. Вырос от пола до потолка, а там добрых четыре метра! Таких и квартир-то не строят. Солнечный телескоп — самый крупный прибор орбитальной станции «Салют-4».

Сотни телескопов по всей земле непрерывно следят за Солнцем. Совершенствуются техника и методика наблюдений, но всегда остается атмосфера, пропускающая к нам лишь крохотную часть космических лучей, обрушивающихся на Землю.

Люди веками вглядывались в небо. Но даже для самых пытливых и неистовых умов оно всегда оставалось голубым. А на самом деле оно черное — таким оно является всем с околоземной орбиты. В голубой цвет небо окрашивает земная атмосфера, пропускающая лишь ви-

димое да радиолучи — два узких окна из всего богатейшего спектра электромагнитных излучений. Правда, именно этому обстоятельству обязано своим существованием все живое на нашей планете.

Задолго до запуска первого спутника ученые знали, как много даст им вынос научной аппаратуры за пределы земной атмосферы. Причем в изучении не только Солнца. Астрофизики едва ль не всех специальностей связывали свои надежды с космонавтикой.

И вот началась космическая пора. На многих спутниках и автоматических станциях стали устанавливаться регистраторы космического излучения, причем самых различных длин волн и энергий.

Многое получили от космических полетов и ученые-солнечники. Но в программу практически всех полетов исследование Солнца не входило основной задачей. А наука тем временем приносила все новые и новые сведения о четких, закономерных связях многих явлений в живой и неживой природе с солнечной активностью. Один из крупнейших в мире специалистов в физике Солнца — академик А. Б. Северный однажды сказал: «Все активные процессы на Солнце — предмет очень пристального изучения и слабого понимания». Сам Северный сказал, директор Крымской астрофизической обсерватории.

И вот, наконец, в космос отправился солнечный телескоп. Конструкторы схитрили: выполнили ОСТ как часть корпуса самой станции, а это значительно облегчало общий вес телескопа.

Главная задача при работе с инструментом на орбите — найти наиболее интересное образование на Солнце, «вогнать» его в щель спектрографа телескопа, а затем сфотографировать спектр.

Начиная эксперимент, командир экипажа Алексей Губарев осуществлял ориентацию станции так, чтобы ось телескопа нацелить на Солнце. Затем, включив гироприборы, переводил станцию в режим стабилизации. Теперь она летела как бы неподвижной, то есть телескоп все время оставался нацеленным на Солнце. Просто на Солнце. Но этого, конечно, было недостаточно.

Далее в дело включался Гречко. Управляя положением следящего зеркала телескопа, он устанавливал изображение таким образом, что наиболее интересные детали на поверхности Солнца оказывались на щели

спектрографа, а затем фотографировал спектры на пленку.

Роль бортинженера в этом эксперименте особенно велика. Одновременно на Солнце могут быть две-три, а то и больше вспышек. Исследовать же надо наиболее интересную. Кроме того, поиск вспышек затруднен наличием многих других похожих образований бурного светила. Так что научно обоснованный поиск нужного участка Солнца и получение спектрального снимка под силу только человеку с глубокими знаниями астрофизики и хорошими специальными навыками оператора. Космонавт должен уметь не только научно обоснованно перестроить и наладить телескоп на ту или иную программу, но в случае необходимости и изменить ее. Так что здесь, как и астроном при наземных наблюдениях, человек на борту выступает в роли активного и непосредственного участника эксперимента.

И Губарев, и Гречко перед полетом много времени провели в Крымской обсерватории, где разрабатывался и создавался ОСТ. Оба космонавта работали на обычных земных солнечных телескопах. Им читали лекции по астрофизике, они изучили массу специальной литературы, ну, а коли Гречко за что-то берется, так предмет познается и вширь, и вглубь, да так, что порой круг, очерчивающий обязательную программу, сжимается едва ли не в точку.

Заместитель директора Крымской астрофизической обсерватории Николай Владимирович Стешенко, он же научный руководитель эксперимента с ОСТом, рассказывал мне о том, как однажды очередной цикл «солнечной» подготовки экипажа проходил бок о бок со студентами-практикантами из Ленинградского университета.

— И вот в один прекрасный момент я с удивлением обнаружил, что наш «главный астроном» орбитальной станции в понимании солнечных процессов, в навыках работы с аппаратурой — ничуть не слабее моих студентов. А ведь те уже были на пороге самостоятельной жизни в науке. Причем посредственных студентов к нам в обсерваторию никогда не направляют.

Позже академик Северный скажет: «Уверен, что находись я на борту станции, то даже при наличии специальной технической подготовки космонавта не смог бы действовать лучше, несмотря на долгий опыт работы астрофизика». Но скажет это Андрей Борисович все же

после главного происшествия с солнечным телескопом, о чем и пойдет дальше речь.

Итак, за несколько дней до проведения первого эксперимента с ОСТом, при пробной работе с ним Алексей Губарев, получив с Земли необходимые данные, начал медленно разворачивать станцию. Вот-вот должны сработать солнечные датчики. Увидев Солнце в центре визира, он закончил ориентацию и застабилизировал станцию на гироскопах. Можно было работать дальше.

Гречко смотрит в окуляр и обнаруживает, что Солнце в главное зеркало не попало. Он заглядывает в следящее зеркало и видит на нем вместо круглого яркого пятна какой-то уродливый блик.

Ошибка! Но в чем! В конструкции ли телескопа, в расчетах баллистиков, давших неверные «установки» на развороты станции, в действиях ли командира? На стол было выложено несколько предположений. Думали на Земле и на борту. В Крымскую обсерваторию из Евпатории отправилась группа специалистов Центра управления полетом. У действующего макета телескопа собрался консилиум. Его мнение и мнение экипажа совпали: вероятно, засветка идет от какой-то детали в самом отсеке научной аппаратуры. Ею мог оказаться, например, некий «посторонний» научный прибор или часть внутренней поверхности отсека, от которой отскочил кусочек теплоизоляции, отсюда — блеск.

Сообща решили сделать следующее. Выставить подвижное зеркало в центральное положение и зафиксировать. Затем тонкими разворотами станции ловить и в это следящее зеркало Солнце до его появления в главном зеркале.

Но как найти это центральное положение? Ведь на пульте управления ОСТа соответствующей градуировки углов поворота нет — кто мог предвидеть такую ситуацию?

И тогда было решено сначала измерить полное время перемещения следящего зеркала от упора до упора, а затем, поделив полученную цифру пополам, найти таким образом необходимое центральное положение.

Экипаж приступил к операциям по спасению ОСТа. Зеркало, говоря инженерным языком, имеет две степени свободы, то есть вращается вокруг двух осей. Но вот получилось так, что при вращении вокруг одной оси космонавты хорошо прослушивали шум работающего элек-

тродвигателя, а вокруг другой — ни звука, такова конструкция. Снова в космосе и на Земле начались недолгие, но тяжкие раздумья.

И вот, наконец, последнее из длинной цепи решений.

— Что, если прослушать телескоп... стетоскопом (!), имеющимся в бортовом наборе медицинских инструментов,— сказал Гречко.

Идея была насколько остроумной, настолько и неожиданной. Каким поворотом мыслей додумался бортинженер до этакого?..

Затаив дыхание, чуть ощутимыми маневрами станции экипаж ловил Солнце на уже неподвижное следящее зеркало, пока, наконец, яркий и уже не фальшивый, а настоящий, ликующий солнечный заяц не попал туда, где его давно с нетерпением ждали. И тогда бортинженер, глянув в окуляр, закричал, казалось, на всю Вселенную: «Вижу протуберанец!»

Потом, когда уже улеглись страсти, перед концом рабочего дня космонавтов спросили:

— У вас вчера был день отдыха, и, судя по всему, вы в хорошей форме. А какие будут пожелания на следующий выходной?

— Хотелось бы поработать с ОСТом,— ответил бортинженер.— Для нас такая работа лучше любого отдыха. Но ведь врачи не позволят.

Однако врачи, которые теперь наверняка считали себя вполне причастными к излечению солнечного телескопа, отказать не смогли.

Вообще к тому, что космонавт Гречко «попрошайка», на земле за время его двух полетов попривыкли. Знали, что если ему просто запретить, все равно будет заниматься чем-то своим, не оговоренным программой. Ведь там на орбите, кроме неземных красот, столько загадочного и удивительного, что не хватит, возможно, и нескольких лет полета.

— Может быть, отдохнете? У вас дальше по программе личное время.

— А у нас к вам контрпредложение: поработайте, пожалуйста, с нами в эти часы. А сверхурочные приплюсуем к отпуску после возвращения. Договорились?

Любопытная деталь. После своего первого полета Георгий Михайлович сделал интереснейший самобытный фильм, который получил заслуженное признание и зрителей, и профессионалов-кинематографистов. Все ожи-

дали, что уж результатом следующей, в трн раза более длнтельной командировкн на орбиту будет нечто такое... Однако Гречко разочаровал. Прилетел н сказал, что запас плеики остался практически неизрасходованным, что, мол, было просто ие до этого. Что сам не ожидал такого: чем длнннее полет, тем меньше остается временн на съемкн. Так Гречко-физнк одолел Гречко-лнрнка. Уверен, что нменно одолел, ибо внутренняя борьба в нем иаверняка шла.

Еслн б кто-то попытался просуммировать все его сверхурочные, «заработанные» хотя бы только на Земле, то уж, думается, быть уже сейчас Георгню Мнхайловнчу заслуженным пенснонером. А он все горнт.

И сделать ему иужио еще так много. То, что он спустил по волиам эфира и привез из своих полетов,— не только и не просто сотнн страннц отчетов, которые взяли в руки другне с тем, чтобы дальше совершенствовать космическую технику, чтобы ответнть еще на десяткн непонятных вопросов науки и о Земле и Вселенной. Это еще и те страницы, которые иапнсаны и пншутся самнм бортнннженером орбитальных иаучных станцнй «Салют-4» и «Салют-6».

Нынешнне программы полетов — не догма, не расписание, и при всей обязательности их выполнення они закладываются скорее как образ действий. Станцня — это прежде всего лабораторня, а экнпаж — иаучные сотрудникн. И у каждого свой склад мышлення, творческне наклонностн.

Шнроко распахнутымн на мнр, восторженными глазамн бортинженер увидел необузданные красоты космоса. Но уже холодным умом стал прнстально в ннх вглядываться, анализировать, осмысливать. Он снова и снова брал в рукн свон запнси, зарисовки, пленки, спектрограммы.

«Видели облака перед восходом Солнца в ореоле. Из-за горнзонта просвечнвало ннжиюю часть атмосферы. Вннзу была красная и сняяя часть светового ореола, а на высоте примерно в полтора раза выше обычного светового ореола — тонкая полоска серебристых облаков. Потом она все увелнчнвалась и увелнчнвалась по толщнне, и в момент восхода Солнца была четкая граннца между этимн облаками и световым ореолом».

Этн облака открылн почтн сто лет назад, когда астроиомы обратнлн внимание на то, что высота их над зем-

лей 80—90 километров. Но откуда они взялись, из чего состоят? Нет на эти вопросы ясного ответа и по сей день. Во всем мире этому явлению природы уделяется большое внимание. Серебристые облака исследуются многими иаземными станциями. Увидеть и тем более исследовать их из космоса — удача.

Как только экипаж получил возможность «пройтись» приборами по серебристым облакам, из Тарту в Центр управления срочно пригласили заведующего отделом космических исследований Института астрофизики и физики атмосферы Эстонской академии иаук Чарлза Виллмана. Ученый тут же вышел на связь с бортом. Позже он рассказал, что по поводу мест образования серебристых облаков есть гипотеза, по которой летом они образуются иад Северным полюсом, а зимой — над Южпым. Наблюдения с борта «Салют-6» позволили сделать вывод, что гипотеза нашла свое подтверждение.

Еще он добавил, что, как и серебристые облака, чрезвычайно интересны аэрозоли, атмосферная эмиссия — короче, атмосфера со всей своей неоднородностью. Потому что атмосфера оказывает самое непосредственное влияние на климат, на жизнь иа Земле. «Так что оптические исследования космонавтов,— сказал Виллман,— истинно прикладная, жизненно важная работа».

Бортииженер провел также много экспериментов и по изучению рефракции — при фотографировании Солица иа восходе и заходе, придя к интересным научным выводам. Им изучеиы тропические аномалии одного из слоев земной иоиосферы, играющего, в частности, важную роль при прохождении радиоволн.

Большая длительность второго полета Гречко помогла ему детально изучить свечение атмосферы. На ночной стороне над горизонтом всегда видна светящаяся полоса, она никогда не исчезает и иевооруженному глазу кажется ровной. Но вот экипаж стал изучать его через оптические приборы и обнаружил, что слой может раздвигаться. Он словно живет, играет, меняется.

Но еще до иих другие экипажи наблюдали второй слой, менее яркий, возникавший то в одном месте, то в другом. Проведя систематические наблюдения, Гречко и Романенко установили, что слой исчезает и появляется над экватором.

Но вдруг экипажем был обнаружеи третий, светя-

щийся слой — не доходя до экватора. Багаж вопросительных знаков существенно пополнился.

И был эпизод, который и сейчас кажется Гречко фантастическим. Где-то в середине его второго полета, когда в сумерках они пролетали над Северной Америкой, он настроился наблюдать за полярными сияниями. Смотрит по обыкновению на горизонт в высокие широты. И вдруг прямо под собой видит картину, от которой буквально остолбенел. Прямо из Земли к станции словно устремились световые снопы тысяч зеленоватых прожекторов. Свет этих лучей был настолько слабым, что сквозь него были видны вечерние огни городов.

Выйдя из оцепенения, он помчался за фотоаппаратом — ведь такое полярное сияние не являлось в космосе еще никому. По дороге столкнулся с командиром — тот тоже припал к иллюминатору, а в руках ничего. И тут только бортинженер осознал, что с таким слабым фосфоресцирующим свечением не справится ни одна фотопленка. Оставался один только инструмент — фломастер.

Результатами оптических исследований пока явилось более двадцати научных работ, причем некоторые из них получили и такую уважаемую прописку, как «Доклады Академии наук». И теперь совсем не странными кажутся слова заместителя директора Крымской обсерватории Н. В. Стешенко о космонавте Гречко и ленинградских студентах.

От баллистики к астрофизике — такой поворот научных интересов космонавта Георгия Гречко, и хотелось бы разобраться в причинах этого.

Перед первым стартом Гречко в космос Виталий Севастьянов спросил его: «Ты в отряде уже десять лет и наверняка можешь сказать, какое же главное качество космонавта?» На это Гречко, рассмеявшись, ответил: «Если десять лет, то главное — терпение».

Не раз так было: он приезжал на космодром и, облачившись в космические доспехи, махал рукой товарищу, поднимавшемуся на лифте в ракету,— такова участь дублера. И всякий раз все начиналось как бы сначала. Только у каждого нового начала была уже иная точка отсчета. Возраставшие порядковые номера космических кораблей говорили об объеме работ, проделанном предшественниками, и о том, что перед очередным экипажем стоят новые задачи, потому что каждый рейс в космос означает подъем на новую ступень познания. Наряду с усовершен-

ствоваииями в бортовых системах появлялись и иовые научные приборы, а старые иачинали выступать в иовом качестве.

Быстро уходнло время глаголов сослагательиого иаклонения — «с помощью космической техники можно было бы...»,— космос начинал прииосить реальиые плоды, действенную, эффективную отдачу. И оставаясь иа Земле, Гречко все сильнее увлекался имеиио космической наукой и более всего — астрофизикой и изучением атмосферы.

Но оставался прежде всего бортииженером. Если перед стартом Гагарина было проведено около тысячи испытаний «Востока», а спустя три года для «Восхода-2» их число возросло в четыре раза, то уже для станций тнпа «Салют» — еще в иесколько раз. Соответствеиио возрастали и требоваиия к экипажу.

Когда в парашютиом прыжке сломал Гречко иогу, то он ие просто оказался с глазу иа глаз с кандидатской своей диссертацией. Восемь месяцев в гипсе и, стало быть, прахом вся подготовка к полетам? Такого ои себе позволить ие смог. Еще задолго до снятия гипса он стал ходить иа треиировки. Да, костыли в стороиу — и влезал в тренажер.

Петр Климук рассказывал мие, как ои, уже столько лет зная Георгия, однажды был изумлеи его иеобычайной осведомленностью в искусстве, архитектуре, истории религии. Было это во время их командировки в Армению, где, слава богу, есть что посмотреть. И если добавить, что Георгий Михайловнч свободно владеет аиглийскнм и неплохо французским, и вообще подробно пройтнсь (коли такое возможно) по его интеллектуальному арсеналу, то, думается, это будет нелишиим дополиеиием к профессиоиальному портрету космоиавта Гречко.

В иаучиых статьях космонавта иногда называют даже не оператором, а «обобщающим звеном» — это на языке теории автоматического управлеиия. Действительио, множество систем, агрегатов, приборов включено в управление современных космических кораблей и станций. И человек иа борту призван играть цеитральную роль контролирующего и обобщающего звена.

Одиако куда более сложной формализации поддается психология человека на орбите. Правда, ученые-психо-

логи уже давно ввели в свой профессиональный обиход такие термины, как «психологическая совместимость», «сенсорная депривация», но космос остался космосом, и за долгие недели и месяцы полета он неизбежно стремится заострить грани человеческих отношений. Несколько месяцев ежедневного изнуряющего труда, вдвоем в ограниченном объеме и невесомости. Одно лишь повторение многочисленных вспомогательных операций — серьезный самостоятельный источник физической и моральной усталости. А этих источников много.

Конечно, экипажи подбирают и по характерам, темпераменту тоже. Нормальный психологический климат — один из залогов успешной работы. Но ведь «обобщающее звено» остается человеком, у которого могут быть свои слабые звенья. Всего не предусмотреть до полета, и полное, доброе согласие может царить лишь при твердом волевом контроле человеком самого себя.

Будущий космонавт Георгий Гречко в период подготовки побуждал и некоторые дополнительные опасения. Порой он казался медлительным, тягучим, излишне мягким. Вроде бы что-то не всегда допонимал, переспрашивал. И потому некоторые инструкторы-методисты Центра подготовки космонавтов полагали, что в длительном полете такое может порой вызывать появление очагов напряженности в отношениях с командиром.

Но так думали только до первого дня его первого полета. Потом и не вспоминали.

В ходе полета группа врачей-психологов постоянно держит экипаж под контролем. И при том, что показания большинства клинических параметров автоматически передаются на Землю, психологов эти данные интересуют не в первую очередь. Большинство их давно и хорошо знает обоих обитателей орбитальной станции. Знают, как говорится, с профессиональным уклоном, да и чисто по-человечески. Умеют, например, по каким-то неуловимым голосовым отношениям оценивать и настроение, и степень возбужденности своих подопечных, их работоспособность.

Так вот у Гречко они много раз отмечали изменения в голосовых отношениях. Но это были те случаи, когда все мы, в Центре управления, радовались вместе с экипажем за удачно проведенную стыковку, за благополучный исход истории с солнечным телескопом или когда глазами телекамеры, которую держал в руках бортин-

женер, мы любовались неповторимыми пейзажами открытого космоса.

Но Гречко был неизменно спокоен, ровен и доброжелателен с товарищем на борту и с Землей. По возвращении из полета на станции «Салют-4» он признался, что один из операторов связи манерой ведения радиопереговоров просто выводил его из себя. Но тогда, во время полета, никто этого не заметил. Даже никто из психологов.

— Очень устойчиво ведет машину командир,— восклицал он, когда Алексею Губареву оставалось метров сорок до станции и все теперь зависело только от него. И было понятно, что эти слова не для сведения Земли, а для Губарева — в эти самые решающие минуты всего полета. И так бывало много-много раз.

А еще у психологов есть термин — «неформальный лидер», и они относят его к Гречко без оговорок. Потому что в самых капризных ситуациях он будет копаться, разбираться въедливо и дотошно. А разобравшись, убедит в правоте своей коллегу. Убежденность же всегда ведет за собой.

Когда однажды Георгию Михайловичу задали вопрос, что он думает о психологической совместимости вообще и о себе в этом плане в частности, он ответил:

— Мне кажется, совместимость имеет этическую природу. Те, кто имеет воспитание, культуру чувств, душевность, смогут всегда слаженно работать ради большой общей цели.

А еще он однажды сказал, что непременным качеством космонавта должно быть чувство юмора, и это следует обязательно учитывать при отборе космических экипажей, как это, например, делается у американских астронавтов. В этом отношении, добавил, оба его командира были в полном порядке. Ну, а про себя в таких случаях не говорят, про космонавта Гречко говорят другие. Много и тепло.

Георгию Михайловичу действительно часто везло: многое он начинал первым.

Снова перелистываю свои записные книжки. Новый, 1978 год. Разговор экипажа Романенко — Гречко с оператором связи Центра управления был отнюдь не деловым:

— Если бы сказочный Дед Мороз — ведь в сказке

все возможно — совершил путешествие с орбиты на Землю, что бы вы послали своим близким?

— Своему младшему сыну, который занимается судомоделированием, я послал бы из космоса всю красоту океанов мира. Старшему, студенту Института инженеров гражданской авиации,— спокойное голубое небо, которое мы вндим из космоса. А жену и отца я попросил бы подождать до конца полета и прнслал бы им... мужа и сына, выполнившего программу.

Не знал Георгий Гречко, что отца уже не было в жнвых. По нескольку раз в день спрашнвал: «Как отец?» Знал, что дело плохо. От него скрывали. Сообщилн на второй день после посадки.

Бортинженер никого не упрекнул. Отвернулся, отошел в сторону. Теперь он имел право побыть один...

Побывав дважды в космосе, он стал больше и както по-иному ценить музыку, природу, саму жизнь. Странно, казалось бы, для человека его возраста. Впрочем, отчего же? В полете так тянуло к скудным зеленым росткам гороха, в редкую свободную мннуту подплывал к оранжерейке и любовался, и щемило в груди. И отчетливей теперь видятся ему красоты Земли, с которыми все-таки не сравнятся никакие феернческие краски космоса. А ведь и его глазами люди увидели, как прекрасна наша планета.

Александр НЕМОВ

РУКОПОЖАТИЕ В КОСМОСЕ

НЕСКОЛЬКО ФРАГМЕНТОВ ИЗ ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Помните, у Константина Эдуардовнча Цнолковского: «...Человечество не останется вечио на земле, но, в погоне за светом и пространством, сначала робко проннкнет за пределы атмосферы, а затем завоюет себе все околосолиечное пространство». Об этом думалн Жюль Верн и Алексей Толстой, Герберт Уэллс н Александр Казаицев.

Лучшие умы человечества, творцы новой культуры, основоположники национальных литератур, люди, соединнвшие науку и эстетику, мечты н реальиость, трудом прокладывавшие дорогу к звездам, отдавали свой талант Вселенной, сулившей людям Земли иесметные богатства.

Мнрный космос. Космос, объединяющий людей. Это живое воплощение самых дерзновениых устремлений лучших умов иашей планеты, это искренияя дружба и глубокое взаимопонимание, это одухотворенный, созндательный труд во имя счастья и процветания всех народов Земли.

Но прежде чем космос превратнлся в благодатное поле международного сотрудиичества, требовалось сделать его обитаемым, иадо было доказать саму возможность существоваиия человека в незащищенном атмосферой Земли пространстве. Эту ни с чем не сравнимую по

трудности задачу успешно решило первое в мире социалистическое государство — Союз Советских Социалистических Республик, а первопроходцем космических трасс стал гражданин СССР — Юрий Алексеевич Гагарин.

Его называли Колумбом Вселенной. Но Колумбу было неизмеримо легче: моря и океаны бороздили и до него. До Гагарина в космос никто не летал. Его полет был первой попыткой человечества оторваться от земной колыбели. После этого эпохального рывка в космос были и будут другие полеты, более продолжительные и сложные по своей программе. Но первым для всех на века останется Юрий Гагарин!

Лучшим памятником отважному сыну Земли сегодня является продолжение дела, которому он посвятил свою короткую, но яркую жизнь. Теперь в освоение космического пространства активно включились многие страны мира. Искусственные спутники и орбитальные станции давно бороздят околоземное пространство, к планетам Солнечной системы устремились автоматические станции. Сама жизнь настойчиво продиктовала необходимость объединения усилий отдельных государств с целью повышения эффективности изучения и плодотворного освоения космоса в мирных целях.

В апреле 1967 года по инициативе советских ученых представители девяти стран — Болгарии, Венгрии, ГДР, Кубы, Монголии, Польши, Румынии, СССР и Чехословакии — приняли на специальном совещании в Москве комплексную программу совместных исследований космического пространства в мирных целях. Эта программа охватывала ряд направлений исследований: космическая физика, метеорология, связь, биология, медицина.

Именно поэтому решением Советского правительства для координации деятельности различных министерств и ведомств по разработке и реализации международных программ был создан Совет по международному сотрудничеству в области исследования и использования космического пространства при Академии наук СССР, сокращенно именуемый «Интеркосмос». С тех пор прошло сравнительно немного времени, но сделано очень много. В числе других были осуществлены уникальные научные эксперименты, позволившие по-новому взглянуть на Землю, Солнце, да и на Вселенную в целом.

Безусловно, в этом смысле примечателен запуск 14 октября 1969 года первого интернационального спут-

ника «Интеркосмос-1». Ученых многих стран давно волновала причина нарушения радиосвязи. Были предположения, что существует определенная зависимость между усилением солнечной активности и распространением радиоволн в коротковолновой части радиодиапазона. Эксперименты, проведенные с помощью спутника «Интеркосмос-1», показали, что ультрафиолетовое и рентгеновское излучение Солнца составляет небольшую часть полной энергии, излучаемой нашим светилом, но, несмотря на это, именно они в значительной степени ответственны за сбои в каналах радиосвязи. В то же время коротковолновому излучению Солнца мы обязаны возможностью осуществлять радиосвязь на коротких волнах между самыми удаленными пунктами нашей планеты. Оказалось, что излучение Солнца, активно воздействуя на верхние слои атмосферы Земли, приводит к образованию ионосферы. А это, в свою очередь, обеспечивает наведение «радиомоста» в масштабах всей нашей планеты путем многократного отражения радиоволн передатчика от поверхности Земли и ионосферы. Когда же на Солнце вспышки, ионосфера терпит изменения, а люди страдают от плохой связи.

Научная аппаратура для спутника «Интеркосмос-1» создавалась в лабораториях и цехах Германской Демократической Республики, Советского Союза и Чехословакии. Первый международный запуск — первое выдающееся достижение. Кстати, результаты исследований, полученные спутниками «солнечной» серии программы «Интеркосмос», были столь интересны и значительны, что Академия наук Швеции высказала свое желание провести по этой тематике совместный эксперимент.

За десять лет, отделяющие нас от старта первенца космического сотрудничества стран социалистического содружества — спутника «Интеркосмос-1», проделан огромный объем совместных исследований и экспериментов. Выступая на пресс-конференции, посвященной десятилетию со дня запуска первого спутника по программе «Интеркосмос», организованной МИД СССР для советских и иностранных журналистов, председатель Совета «Интеркосмос», вице-президент Академии наук СССР, академик Б. Петров подчеркнул, что наивысшим достижением за первое десятилетие стало осуществление первых международных пилотируемых экспедиций с участием космонавтов ЧССР, ПНР, ГДР, НРБ.

В ходе этих полетов, с помощью многозональной фотокамеры «МКФ-6М», разработанной совместно специалистами СССР и ГДР и изготовленной на народном предприятии «Карл Цейс Йена», было получено более шести тысяч снимков земной поверхности и акватории Мирового океана (общей площадью около 100 миллионов квадратных километров).

На борту орбитальной станции «Салют-6» получены полупроводниковые, металлические и оптические материалы с новыми свойствами, представляющие интерес для науки и народного хозяйства. Эта часть научной программы была осуществлена с участием космонавтов социалистических стран и разработана совместно с учеными этих стран.

С помощью крупного телескопа БСТ-1М с главным зеркалом диаметром 1,5 метра был выполнен цикл измерений собственного излучения атмосферы Земли в субмиллиметровом диапазоне. Результаты данного эксперимента крайне необходимы для определения режима жизненно важного озонного слоя земной атмосферы.

К числу фундаментальных научных исследований, проведенных на борту орбитальной станции «Салют-6», надо отнести создание и использование на орбите космического радиотелескопа КРТ-10 с антенной диаметром 10 метров. Впервые собранный в космосе крупный радиотелескоп открыл новое перспективное направление исследований — космическую радиоастрономию. Реализованная в ходе работы с радиотелескопом антенная система с базой Земля — Космос, размеры которой превышают диаметр земного шара, явилась первым шагом в создании будущих радиоинтерферометров с величиной базы, превышающей диаметр Земли, и соответственно намного большим разрешением, чем это возможно на Земле. Сборка радиотелескопа на орбите знаменует и первый шаг в новом направлении космической техники — создании больших сборных и раскладных конструкций, обладающих заданной формой и высокой точностью ориентации в пространстве.

Выдающимся достижением советской космонавтики явились полеты международных экипажей по программе «Интеркосмос» с использованием космического комплекса «Салют-6» — «Союз» — «Прогресс». Вместе с советскими космонавтами на орбите трудились космонавты

Чехословакии, Польши, ГДР, Болгарии, Венгрии, Вьетнама, Кубы; были выполнены многочисленные эксперименты, подготовленные учеными ряда социалистических стран, при участии их советских коллег.

Сбылась мечта первого покорителя космоса Юрия Гагарина о времени, когда на борту орбитальных станций локоть к локтю будут работать представители социалистических стран. Человек дерзновенного разума, убежденный интернационалист, он прекрасно понимал, какую большую практическую пользу может и должно принести международное сотрудничество в области освоения космического пространства. Трагическая гибель не позволила Юрию Алексеевичу быть свидетелем и участником совместных полетов по программе «Интеркосмос». Но дело, начатое им, с успехом продолжили товарищи, соратники по отряду космонавтов, ученые, инженеры, техники, рабочие — все те, кто делает реальностью каждый старт за пределы Земли.

Наступило время, и в Центр подготовки, который по праву носит имя Юрия Гагарина, прибыли граждане братских социалистических стран. Вместе с советскими космонавтами к тренировкам приступили чехословаки, поляки, немцы, болгары, венгры, вьетнамцы, монголы, кубинцы, румыны.

Все в Звездном дышит памятью о первом космонавте планеты. И сегодня по плитам городка, по которым еще совсем недавно ступала нога Гагарина, спешат на тренажеры, в лаборатории, учебные классы, спортивные залы, бассейн те, кто готовится к грядущим стартам. Эти люди хорошо понимают, какая большая честь выпала на их долю, сколь велика ответственность венчать труд тысяч и тысяч людей, готовивших полет в космос.

Но вот тренировки закончены, и очередной экипаж, прежде чем вылететь на Байконур, свято исполняет замечательную традицию, начало которой положил Юрий Гагарин: посещает Кремль, Мавзолей Владимира Ильича Ленина. Здесь, на главной площади Советского Союза, бьется пульс нашей необъятной страны. Прикосновение к нему вселяет уверенность в успехе, придает новые силы для выполнения предстоящего полета.

Затем космонавты идут в рабочий кабинет Владимира Ильича Ленина. Знакомство со скромной обстановкой кабинета вождя, его книгами, личными вещами волнует, вызывает гордость за великую партию Ленина

Невольно вспоминается путь, пройденный страной в относительно короткий срок от «лапотной» России до государства, которое первым в мире совершило дерзновенный прыжок в космос. Этот нелегкий путь был указан партией и проделан под ее руководством.

Перед самым стартом космонавты обязательно находят время, чтобы посетить домик основоположника практической космонавтики, создателя первых космических кораблей и космических ракет Сергея Павловича Королева. Обстановка дома живо напоминает космонавтам о встречах и задушевных беседах с этим замечательным человеком.

Вспомнить о друге приходят космонавты и в домик Юрия Алексеевича Гагарина, в котором он провел ночь перед историческим полетом в космос.

Каждый космический полет отличается от предыдущего тем, что решает все более сложные задачи, связанные с развитием космической техники. Непрерывно растет объем научных исследований и экспериментов. Несмотря на то что увеличивается продолжительность полета, сложная и насыщенная программа оставляет у космонавтов слишком мало свободного времени. Да и оно уходит в основном на обдумывание планов и способов выполнения предстоящей работы. Может быть, это покажется невероятным, но на первых витках после выхода на орбиту космонавтам бывает даже некогда полюбоваться открывшимся видом Земли. Однако, какие бы заботы ни обременяли космонавтов, они не забывают следовать сложившимся традициям: отправляясь в полет, берут с собой дорогие сердцу предметы, напоминающие о родной Земле, доме, семье. В каждом полете космонавтов сопровождает портрет Владимира Ильича Ленина, изображение первого в мире космонавта Юрия Алексеевича Гагарина. Берутся в полет комсомольские значки, пионерские галстуки, которые после полета вручаются лучшим комсомольцам студенческих отрядов, работникам ударных комсомольских строек, участникам военно-спортивных игр.

А Земля постоянно и внимательно следит за полетом своих сынов. Контрольно-измерительный комплекс непрерывно ведет обработку поступающей с орбиты информации. Не только на суше, но и в открытом океане ведется наблюдение за космическими кораблями, с экипажами держится устойчивая радиосвязь. Эту задачу

с успехом выполняют специальные научные суда, возглавляемые флагманом, носящим гордое имя «Космонавт Юрий Гагарин».

Завершается полет, и космонавты возвращаются на родную Землю. Прибыв в Звездный, экипаж обязательно приходит к памятнику Гагарину. Вот он стоит на пьедестале, без головного убора, в военной рубашке с расстегнутым воротом. Таким простым и близким миллионам людей он вошел в историю. Космонавты «рапортуют» Юрию Алексеевичу об успешном выполнении полетного задания, возлагают к подножию монумента живые цветы.

В недалеком будущем полеты в космос, безусловно, будут делом обыденным и привычным. Однако для поколения, которое прокладывает первые космические трассы, каждый полет — выдающееся событие, в большой степени шаг в неведомое. Это поистине подвиг, требующий беспредельного мужества, высокого мастерства, сильной воли. Всеми этими качествами в полной мере обладают пионеры космоса. Космонавт — всегда испытатель. Он добровольно берет на себя обязательства дать ответы на вопросы, многие из которых поставлены впервые. И заранее известно, что результаты получить совсем не просто, они даются в упорном труде, требуют предельного напряжения всех сил и, что не менее существенно, исключительной внутренней собранности, ответственности. Еще весьма интересный момент. Все советские космонавты и их друзья из социалистических стран, побывавшие в космосе, единодушно отмечают замечательную атмосферу дружбы, товарищества, взаимовыручки, царившую на орбите. И это глубоко закономерно.

Космическая эстафета, впервые пронесенная над планетой Юрием Гагариным, ныне с успехом подхвачена международными социалистическими экипажами. Совместная работа на орбите посланцев разных государств — это яркое свидетельство братских отношений между народами стран социализма. Их сердечная дружба и сотрудничество вышли на просторы Вселенной. Полеты международных экипажей наглядно показали всему миру, что и в космических делах социалистический строй верен своим коренным принципам — и здесь он ставит во главу угла сотрудничество, взаимопомощь, интернационализм.

С каждым годом освоение космоса все более стано-

вится делом международным. Непрерывно растет число космических держав, то есть государств, имеющих возможность запускать спутники с помощью своих ракет-носителей. Еще быстрее растет стремление разных стран участвовать в исследовании и использовании космического пространства. Однако из-за высокой стоимости космической техники и сложности космических исследований для большинства стран мира, по-видимому, еще длительное время единственной реальной возможностью участвовать в освоении космоса будет международное сотрудничество.

Советский Союз уже вскоре после запуска первого в мире искусственного спутника Земли официально вынес на обсуждение XIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН конкретное предложение о разработке международных соглашений, определяющих мирное и деловое сотрудничество всех государств в исследовании и использовании космического пространства.

Вначале контакты между учеными разных стран носили главным образом характер обмена результатами научных работ на различных международных конференциях и симпозиумах. Первой же капиталистической страной, с которой СССР заключил соглашение о сотрудничестве в области изучения и освоения космического пространства, была Франция. Оно было подписано 30 июня 1966 года. А уже в следующем, 1967 году, французские ученые предложили осуществить совместную работу по лазерной локации Луны. После тщательного рассмотрения специалистами обеих стран это предложение было принято. Договорились, что доставка на Луну и установка там лазерного отражателя осуществляется советской стороной, а французские ученые обеспечивают изготовление прибора.

Уголковый лазерный отражатель представляет собой оптический прибор, состоящий из специальных призм и обладающий свойством возвращать направленный луч обратно к источнику. Оптические элементы лазерного отражателя изготовляются с большой точностью, ибо малейшее отклонение затруднит (или даже полностью исключит) возможность приема отраженного луча. Еще одна особенность прибора — он должен быть способен работать на Луне, где температура резко меняется (такие колебания составляют несколько сотен градусов) ото дня к ночи.

Французскне конструкторы успешио справилнсь с поставлениой задачей. В 1969 году Национальный Центр космнческнх нсследованнй Францни (КНЕС) иаправнл в СССР нзготовлениый во Франции уголковый лазерный отражатель, который был устаиовлен на советском самоходном аппарате «Луноход», доставлеиином на Луну стаицней «Луна-17» в ноябре 1970 года.

На совещаннн в Тбнлнсн (сентябрь 1972 года) советские н французскне спецналнсты, подтвердив свою заннтересованность в продолжеини лазерной локацнн Луны, прнняли решенне повторнть экспернмент. Прнбор был включен в состав научной аппаратуры «Лунохода-2», который доставнлн на поверхность естественного спутннка Земли 16 января 1973 года.

В Советском Союзе лазерная локация проводилась в Крымской астрофнзнческой обсерватории, французскне ученые работали в обсерваторин Пнк-дю-Мнди, амернканскне — в лабораторин Мак-Дональд. С помощью этого экспернмеита было определено с большой точиостью расстояиие от Землн до Луиы (что очень важно для будущих нсследований), появилась возможность суднть о движенин земных материков...

Но, конечно, большнм вкладом в междуиародиое космическое сотрудинчество стал первый интериациональный орбитальный полет. Он проводнлся по программе «Союз — Аполлон». По своей сложности и масштабам этот совместиый советско-амернканский проект — иаиболее крупная космическая программа, когда-либо осуществляемая на основе двустороннего соглашения. Несколько лет весь мнр следил за подготовкой к этому иебывалому экспериметну. И сложностей было хоть отбавляй...

Дело в том, что двнженне космических аппаратов иа орбите очень чувствительно к влиянию даже малейших отклонений. Например, еслн прн выведении скорость превысит расчетную всего лншь на 1 метр в секунду, то в протнвоположной точке орбнты высота полета будет больше расчетной примерно на 3,5 километра. Кроме того, увелнчнтся на 2 секунды период обращення по орбите вокруг Земли, так что положение корабля через один внток будет отличаться от расчетного на 15 с лишним километров. Это отклонение будет нарастать пропорционально временн полета. В итоге к назначенному

моменту встречи аппараты в действительности окажутся на очень большом удалении.

Серьезную проблему предстояло решить и для того, чтобы добиться совместимости советского и американского космических кораблей. Ведь каждая страна, имея свои космические программы, по-разному решала и возникавшие технические проблемы. Не удивительно, что в первоначальном виде корабли «Союз» и «Аполлон», как говорят специалисты, были несовместимы.

Что же понимается под совместимостью применительно к космическим кораблям и станциям? Совместимость — это способность кораблей и станций, их бортовых систем и оборудования, а также средств, обеспечивающих их полет, взаимодействовать, выполняя те или иные задачи. Цели при этом могут быть различные. Скажем, использование кораблей разных типов в общей программе исследований или оказание помощи кораблю, попавшему в аварийную ситуацию, доставка экипажей и грузов на обитаемую орбитальную станцию кораблями разных стран.

Кроме чисто технических задач совместимости в работе над проектом первого в истории международного космического полета специалисты столкнулись с такой проблемой, как организационная совместимость. Это: поиски соответствия в структурах различных подразделений специалистов и уяснение общих терминов, условных обозначений, выбор единых систем координат, исходных данных для совместных расчетов, формы и содержания документов, обеспечивающих взаимодействие и обмен информацией, согласование методик выполнения отдельных операций, вопросы подготовки космонавтов и наземного персонала. Были свои трудности и в подготовке экипажей. И здесь приходилось решать свои проблемы совместимости.

Алексей Леонов в одном из своих интервью тогда говорил:

— Наш полет должен оказаться полезным не только для двух стран — СССР и США, но и для всех, кто выйдет со временем на космическую дорогу. Мы рассматриваем полет как начало объединения усилий народов в изучении и освоении космоса при помощи пилотируемых аппаратов.

Валерий Кубасов дополнил сказанное командиром «Союза»:

— В известном соглашении между СССР и США о космосе одна из главных целей — гуманная идея: поиск путей для оказания помощи кораблю или экипажу, попавшим в бедственное положение. Наш полет — это интернациональный полет, так как в нем участвуют представители двух государств. И надо думать, что в будущем международные экипажи станут обычным делом.

Директор НАСА США доктор Д. Флетчер в одном из выступлений сравнивал реализацию проекта «Союз — Аполлон» с восхождением на горную вершину, с которой открываются новые горизонты советско-американского технического сотрудничества. Это очень верное сравнение. Совместная работа была выгодна обеим сторонам. Это был первый широкий обмен опытом в области пилотируемых полетов, и он принес много пользы специалистам обеих стран. Двусторонний опыт сотрудничества в области космической техники использовался и будет использоваться в дальнейшем международном сотрудничестве. Освоение космоса станет интернациональным делом всех стран, потому что по своему существу космические исследования носят интернациональный характер.

Для космонавтов и астронавтов, привлеченных к осуществлению полета «Союз — Аполлон», был установлен четкий график тренировок, посещений конструкторских бюро и заводов, изучения языков. Экипажи восемь часов были на службе и восемь часов работали дома...

Когда успешно завершится программа ЭПАС, заместитель директора НАСА доктор Джордж Лоу скажет:

— Свою радость я с удовольствием делю с выдающимися советскими учеными, которые отдали ЭПАС столько сил. В первую очередь я хотел бы назвать академиков Келдыша, Котельникова и Петрова, а также профессора Бушуева, от работы с которыми я получил истинное удовольствие. Потребуется еще немало времени, чтобы правильно оценить масштабы проведенной работы. Ее главный итог я вижу в том, что она распахнула перед нами двери в будущее. Я надеюсь, что сотрудничество только начинается и обе наши великие страны и впредь будут работать сообща в космосе...

Осуществляя программу ЭПАС, советские и американские ученые совершили нравственный и научный подвиг. В один из дней, когда казалось, что все так долго

обсуждаемое, тщательно обговариваемое может рухнуть, решили обменяться делегациями космонавтов. В США побывали Константин Феоктистов, Владимир Шаталов, Андриян Николаев, Виталий Севастьянов. СССР посетили Фрэнк Борман, Нил Армстронг и другие американские астронавты. Каждая сторона как полпредов делегировала своих лучших граждан, достойных представить страну и в космосе, и на земле. Отношения потеплели.

Работа по ЭПАС теперь продвигалась успешнее. На очереди были встречи экипажей совместного полета. Всех волновал вопрос: удастся ли достичь психологической совместимости, взаимопонимания при работе в космосе?

Люди НАСА (Национального управления по аэронавтике и исследованию космического пространства) проходили сложный и многоступенчатый отбор. Первый был проведен в 1959 году. НАСА требовало: «чтобы у будущих астронавтов были опыт военных летчиков, солидный налет на реактивных самолетах, инженерное образование, особые физические данные, которые соответствовали бы маленькой кабине космического корабля «Меркурий».

В распоряжение НАСА тогда поступило 500 человек. Все они подверглись строгим медицинским, психологическим и техническим экзаменам, с каждым были проведены индивидуальные беседы медиков и психиатров. После этой проверки осталось 110 кандидатов, но лишь 69 были допущены к дальнейшему конкурсу. Число будущих астронавтов, несомненно людей мужественных и самоотверженных, уменьшалось с поразительной быстротой: 69, 55, 27, 18, и лишь семь из них стали первыми в США астронавтами. Это: С. Карпентер, Г. Купер, В. Гриссом, Д. Слейтон, Дж. Гленн, У. Ширра, А. Шеппард.

К совместному эксперименту в рамках «Союз — Аполлон» была проведена поистине огромная подготовка, зрительно которую можно выразить, скажем, в таких цифрах.

С мая 1972 года по день полета состоялось более 20 встреч, 11 совместных испытаний всех видов, 6 тренировок экипажей и 6 — персонала Центров управления полетом. Экипажи потратили на совместные тренировки около 700 часов, или 18 недель. Были нанесены четыре визита советских космонавтов в США, и четырежды американские астронавты побывали в СССР. Стороны выпу-

стили более 1550 документов объемом от нескольких десятков до нескольких тысяч страниц.

И все-таки опасность замедления выполнения программы, даже срыва ее еще существовала. Директор Центра пилотируемых полетов имени Джонсона доктор Крафт потом скажет советским журналистам:

— Когда ЭПАС только рождался, у нас, признаюсь, были серьезные сомнения по поводу успеха этой миссии. Многие технические принципы и методики их решения мешали нам не меньше, чем языковый барьер. Работу, на которую надо было затратить 10 минут, мы выполняли за день. Но со временем мы научились понимать друг друга и доверять друг другу. Мы почувствовали общую ответственность за начатое дело. Космонавтика — на виду у всего мира. Мы обязаны были добиться полного успеха.

Западная пресса в тот период была полна догадок.

«Американцы,— писали газеты,— шесть раз совершали полет в направлении Луны, три раза — в космической станции «Скайлэб» и один раз должны полететь для встречи на орбите с двумя русскими космонавтами. Удастся ли?»

Надо сказать, что технический барьер преодолевался легче, чем языковый.

— В космосе мы будем говорить по-русски, а они по-английски,— объяснял Томас Стаффорд сенаторам.— Так мы будем лучше понимать друг друга. Поверьте мне, господа, учить русский язык с моим оклахомским акцентом было так трудно...

И вот все трудности позади. Завтра — старт космического корабля «Союз». На Байконур приехал посол США в СССР У. Стессел с супругой. Перед отъездом на космодром посол в беседе с корреспондентами ТАСС сказал:

— Нет нужды говорить о том, с каким волнением и нетерпением мы ожидаем этой поездки. Ведь нам предстоит присутствовать при событии поистине исторического значения.

Настал решающий день 15 июля 1975 года.

12 часов 25 минут. К подножию ракеты, ослепительно белой под лучами неистового солнца, подъезжает автобус. Распахивается дверь, выходит Алексей Леонов, за ним — Валерий Кубасов.

Командир корабля А. А. Леонов докладывает Госу-

дарственной комнссии: «Экнпаж готов к выполнению полета!».

Потом оба космонавта в белоснежных скафандрах чуть вразвалочку направляются к трапу.

Леонов поднимается на несколько ступеней, останавливается, услышав чье-то шутлнвое пожеланне, задорно бросает: «К черту!»

12 часов 30 минут. Они в лифте. Еще несколько минут — и экнпаж занимает свон места в «Союзе».

15 часов 00 мннут. Ракета стоит на стартовой площадке одиноко, как памятник. Возле нее — никого. Сейчас Г. Ланни с мыса Кеннеди должен сообщнть К. Д. Бушуеву о готовностн ракеты «Сатурн-1Б» с кораблем «Аполлон». Только после этого прозвучнт на Байконуре команда «Пуск».

15 часов 05 минут. Объявлена пятнадцатиминутная готовность.

15 часов 12 мннут. Звучнт команда: «Ключ на старт!».

Все. Теперь судьба ракеты передана автоматам.

15 часов 16 мннут. Космонавты опустнли стекла гермошлемов.

15 часов 17 минут. «Ключ на дренаж!».

15 часов 18 мннут. «Протяжка два!».

Две минуты до старта... Полторы. Одна...

Отошла заправочная башня... Ничего теперь не связывает ракету с Землей.

15 часов 20 минут. Старт!

Обдав землю горячим выдохом могучих двнгателей, ракета устремляется в просторы мироздания.

22 часа 30 мннут московского времени. Настал час «Аполлона». Капризна погода во Флорнде. Над мысом Кеннедн свинцовые тучи. Неужели природа помешает замыслу людей? Но к моменту старта небо расчистилось, грозы ушли в сторону.

Наконец — старт! Вспыхнуло ослепительно белое пламя двигателей, и ракета стала набирать высоту. Считанные мннуты ожидания — н корабль «Аполлон» тоже на орбнте.

Оба корабля — в космосе, расстоянне между ннми около 6 тысяч кнлометров. Экнпаж «Союза» попросил передать поздравленне американским коллегам с благополучным выходом на орбнту.

Мир хронометрировал время. Людн сверялн часы. Московскне куранты начали еднный отсчет временн.

В 19 часов 04 минуты произошла сцепка. Стыковка!

В 22 часа 19 минут 27 секунд произошло первое космическое рукопожатие Алексея Леонова и Томаса Стаффорда.

В 22 часа 24 минуты Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев поздравил советских космонавтов и американских астронавтов с выдающимся успехом. В приветствии говорилось: «Со времени запуска первого искусственного спутника Земли и первого полета человека в космическое пространство космос стал ареной международного сотрудничества. Разрядка напряженности, позитивные сдвиги в советско-американских отношениях создали условия для проведения первого международного космического полета. Открываются новые возможности для широкого плодотворного развития научных связей между странами и народами в интересах мира и прогресса всего человечества».

Обращаясь к экипажам космических кораблей «Союз» и «Аполлон», бывший в то время президентом США Джеральд Р. Форд сказал:

«Нам потребовалось много лет, чтобы открыть эту дверь для полезного сотрудничества в космосе между нашими двумя странами. И я уверен в том, что не за горами тот день, когда такие космические полеты, ставшие возможными благодаря этому первому совместному полету, будут в какой-то мере обычным делом».

В Москве и Хьюстоне были организованы комитеты по подготовке космической пресс-конференции. В каждый комитет было избрано по пять человек. Им предстояло отобрать из громадной массы вопросов наиболее интересные. За несколько часов до начала пресс-конференции список вопросов был готов.

Из 135 часов совместного космического рейса на интервью лишь один час. Время на орбите очень дорого. Это было, как говорят американцы, шоу дня для телевизионных зрителей всего мира.

Перед началом пресс-конференции А. Леонов и Т. Стаффорд выступили с заявлениями.

Заявление Т. Стаффорда. «Мы счастливы работать сегодня в космосе по программе ЭПАС. Успех полета, который сейчас наблюдают Америка, СССР и весь остальной мир, есть результат воли, сотрудничества и усилий правительств наших стран, руководителей этой программы, а также инженерно-технических работников и

других специалистов. Вчера, когда я первый раз открыл люк и сказал «хэллоу» Алексею и Валерию, я подумал, что, открывая люки в космосе, мы открываем новую эру в истории человечества. Как будет дальше развиваться эта эра, будет зависеть от воли, усилий и веры народов обеих стран, народов всего мира. Я уверен, что у этой веры хорошее будущее. Для меня истинное удовольствие участвовать в этом полете, работать с советскими космонавтами».

Заявление А. Леонова. «Мы, представители двух стран, участвуем в этом совместном полете благодаря тому, что наши народы и правительства хотят работать вместе в духе сотрудничества. Многие специалисты в США и в СССР вложили огромные усилия, чтобы мог состояться этот полет. Он станет важным шагом на бесконечном пути исследования космического пространства объединенными усилиями всего человечества».

Астронавты и космонавты затем ответили на вопросы журналистов из Москвы и Хьюстона.

Вопрос Валерию Кубасову. Вы были первым сварщиком в космосе. Предвидите ли вы создание постоянной орбитальной станции усилиями всех заинтересованных стран на принципах равной выгоды для всех наций?

Ответ. Действительно, во время полета на корабле «Союз-6» мне пришлось выполнять первую сварку в космосе. Сегодня и вчера мы участвовали в выполнении эксперимента с универсальной печью. Тот и другой эксперименты относятся к области металлургии в космосе. Я думаю, что эта область имеет большое будущее. Пройдет некоторое время, и человечество будет многие новые металлы, новые сплавы с новыми качествами получать в условиях, которые нельзя создать на Земле, а только в космосе...

Вопрос Вэнсу Бранду. Вы уже третий день не имеете новостей с Земли. Какие новости хотели бы вы услышать от нас, журналистов?

Ответ. Естественно, хотелось бы услышать хорошие новости, а не плохие. В наши дни мир стремится жить в дружбе, и в этот момент, когда мы пролетаем над южной частью Европы, нам очень хотелось бы, чтобы совместный полет оказал благоприятное влияние на политический климат в мире. Хотелось бы, чтобы за нашим полетом последовали хорошие новости.

Вопрос Алексею Леонову. Где у себя на родине вы хотели бы посадить семена деревьев, предназначенные для обмена?

Ответ. Я родился в Сибири и вырос там, поэтому в моем сознании самые долговечные и самые неприхотливые — это сосна и ель. Деревья — основная зеленая масса нашего земного шара, они приносят большую пользу человечеству. Поэтому посадить сосну и ель я хотел бы в родном краю.

Вопрос Валерию Кубасову. У вас есть дети. Что бы вы хотели пожелать им, а также всем детям Земли из космоса?

Ответ. Всем детям, конечно, хочется пожелать счастья, чтобы их будущее было хорошим, чтобы это будущее было мирным, чтобы они всегда жили в радости со своими родителями, чтобы они никогда не теряли своих отцов, братьев, как это было во время прошедшей войны...

Вопрос Томасу Стаффорду. Оправданны ли, по вашему мнению, ввиду многих существующих на Земле проблем расходы на этот полет?

Ответ. Да, конечно... В конечном счете та польза, которую принесет этот полет, окупит все расходы, затраты на него. Полет безусловно окажет благотворное влияние на отношения между нашими странами.

Вопрос Алексею Леонову. Могли бы вы передать на Землю набросок рисунка, который выражал бы смысл совместной миссии ваших кораблей в космосе?

Ответ. Я могу вам показать. (Леонов показывает соединенные вместе советский и американский флаги.)

Вопрос Валерию Кубасову. Какой вклад может внести опыт, приобретенный в этом полете, в будущее сотрудничество между Соединенными Штатами Америки и Советским Союзом в космосе? Что нового вы узнали за последние несколько дней из того, что может быть полезным космонавтам и астронавтам в будущем?

Ответ. Прежде всего мы узнали, что можем сотрудничать и летать вместе в космосе... Во-вторых, мы проверили то, что стыковочная система работает, причем так, как запланировано. Все технические идеи, заложенные в нее, оправдали себя. В-третьих, мы получили дополнительный опыт совместного полета двух кораблей. Это тоже даст многое для подготовки к будущим полетам.

Вопрос Алексею Леонову. Насколько комфортабель-

ным считаете вы корабль «Аполлон» и как вам нравится американская пища?

Ответ. Я сегодня 6 часов пробыл на космическом корабле «Аполлон». А до этого очень много раз бывал на нем на тренировках. Как летчику и как космонавту мне очень нравится этот корабль. «Аполлон» уже показал себя. Это надежный корабль, позволяющий решать много различных задач, в том числе и сложную задачу, связанную с облетом Луны и посадкой на ее поверхность. Сегодня я увидел его в космическом полете... Скажу, что пища, которую я выбрал еще на Земле, была здесь такой же. Она мне очень понравилась своим приготовлением и свежестью. Понравилось также внимание экипажа. Еще раз хочу сказать, что космическая пища — это не та пища, которую люди едят на Земле (далее Леонов говорит по-английски), но как сказал древний философ: «Обед хорош не тем, что ешь, а тем, с кем ешь». Сегодня я обедал с моими очень хорошими друзьями — Томасом Стаффордом и Дональдом Слейтоном.

Вопрос Алексею Леонову и Томасу Стаффорду. В какого рода космических полетах вы хотели бы еще участвовать?

Ответ А. Леонова. Я глубоко уверен, что все — и те, кто летает на космических кораблях, и те, кто не летает, а смотрит на нас, слышит нас,— являются участниками лишь начала большого человеческого пути в космическое пространство. Мне, конечно, хотелось бы еще побывать на каком-нибудь космическом корабле, который мог бы летать длительное время вокруг земного шара, чтобы глазами художника посмотреть на многообразный лик нашей Земли, на ее разнообразные краски, запечатлеть это в своей памяти, донести до людей...

Ответ Т. Стаффорда. Конечно, всегда хочется летать на более современной технике, участвовать в новых полетах... Человечество идет по пути прогресса. Будет новая космическая техника. Надеюсь, что для совместных полетов будут применяться новые, более совершенные космические средства, которые принесут больше пользы для всех нас на Земле.

Вопрос Алексею Леонову. Как вы считаете, насколько возможность спасения экипажей, продемонстрированная в этом полете, важна для будущих космических полетов?

Ответ. Когда мы начинали заниматься программой «Аполлон — Союз», то в первую графу нашей программы

ставили отработку средств спасения, отработку единого стыковочного узла и его испытание. Вот сейчас мы можем сказать, что мы выполнили основную часть этой программы... И другим государствам, которые начнут развивать технику в этом направлении, тоже будет смысл создать единые и унифицированные стыковочные узлы, чтобы использовать любую возможность для оказания помощи друг другу в открытом космическом пространстве. И нам приятно, что начало этой грандиозной человеческой работы в космосе возложено сейчас на наши экипажи — «Союза» и «Аполлона».

Вопрос Томасу Стаффорду. Насколько важна для будущих полетов возможность спасения экипажей космических кораблей?

Ответ. Люди всегда делали все возможное для того, чтобы уменьшить риск. В эру космических полетов нельзя исключать ситуацию, когда возникает необходимость спасения экипажа. То новое, что мы продемонстрировали во время этого полета,— новый стыковочный узел, средства сближения и стыковки, разработанные обеими странами, средства связи, а также способы ведения совместных действий — может пригодиться в будущем, в том числе и для спасения экипажей. Так что, я думаю, мы сделали большой шаг в этом направлении. Думаю, что мы открыли новую эру в космонавтике и что наш опыт принесет пользу.

В 21 час по московскому времени в орбитальном отсеке «Союза» Алексей Леонов вручил Томасу Стаффорду половину памятной медали, доставленной на орбиту в «Союзе». Стаффорд соединил ее с другой половиной медали, что была на «Аполлоне». Затем Стаффорд передал семена американской ели.

Валерий Кубасов в это время в «Аполлоне» передал семена наших хвойных деревьев В. Бранду и Д. Слейтону. Получив от них вторую половину памятной медали, Кубасов соединил ее с принесенной из «Союза».

* * *

Штурм космоса продолжался. Запускались советские орбитальные станции «Салют», периодически стыковались с ними космические корабли серии «Союз», на околоземной орбите функционировали пилотируемые научно-исследовательские комплексы.

В 1976 году принимается межправительствеиное соглашеиие стран — участиц программы «Интеркосмос», закрепившее международно-правовые основы сотрудиичества. Этим же соглашеиием предусматривались н полеты с участнем международиых экипажей, состоящих из космонавтов братских стран.

В 1979 году десятым членом «Иитеркосмоса» стала Социалистическая Республика Вьетнам. И вот 17 июия 1978 года после трехмесячного перерыва в отсеках орбитальной станции «Салют» вновь вспыхнул свет. В космический дом прибыли новые хозяева — советские космонавты Владимир Ковалеиок и Александр Иванчеиков. «Фотоиы», а имеиио такие позывиые получил экипаж, иачали выполиеиие программы исследований иа орбите. Напряжеиио трудятся космонавты на станции, а тем временем на стартовой площадке Байкоиура идут последиие приготовлеиия к новому старту...

Две дороги ведут к известному теперь во всем мире советскому космодрому: одиа — рельсовая, по ией прибывает ракета с космическим кораблем, другая — асфальтированиая, по которой держат путь автобусы с покорителями космоса. Но вместе с этими двумя дорогами тысячи невидимых путей стекаются к Байкоиуру — точке, затеряииой иа иеобъятиых просторах иашей Родииы. Эти дороги проложеиы от металлургических комбинатов и месторождеиий угля и иефти, от грохочущих заводов и шелестящих спелым колосом колхозиых полей, от безмолвия лабораторий ученых и строгой чистоты коиструкторских бюро. Ведь каждый прыжок в космос готовит вся страиа. Теперь к этим дорогам прибавились иовые: дороги дружбы, дороги братства, дороги сотрудиичества.

Совсем иедавио первая такая дорога привела иа орбиту граждаиииа ЧССР Владимира Ремека. И вот уже последние шаги к взметиувшейся к зеииту ракете делает космонавт Польской Народиой Республики, майор воеиио-воздушных сил Войска Польского Мирослав Гермашевский.

Облаченный в белосиежиые скафаидры, экипаж корабля «Союз-30» в составе Петра Климука и Мирослава Гермашевского готов к старту. На груди космических побратимов эмблема «Интеркосмос». Оии идут той самой дорогой, которой прошел 17 лет назад первый человек, шагиувший в космос, граждаиии СССР — Юрий Алексее-

вич Гагарин, дорогой, по которой вслед за ним прошли сорок три советских космонавта, по которой прошел первый чехословацкий космонавт Владимир Ремек.

Сегодня дорога Юрия Гагарина стала дорогой первого польского космонавта!

Мирослав Гермашевский родился в маленьком польском селе, седьмым ребенком в семье. После того как в бою с фашистами погиб его отец-партизан, мать сама воспитала детей. Оба брата Гермашевского тоже стали летчиками, старший — ныне генерал. Мирослав с детства грезил небом. Уже в начальной школе увлекся строительством самолетных моделей, а в семнадцатилетнем возрасте получил права пилота-планериста. После окончания средней школы поступил в офицерскую авиационную школу, которую окончил в качестве первого ученика в ноябре 1964 года. Служил в истребительной авиации противовоздушной обороны страны. Был командиром звена. Окончил с отличием Академию генерального штаба имени Кароля Сверчевского. Гермашевского назначили командиром авиационного полка, прославившегося в годы второй мировой войны. Польские летчики тогда летали на советских истребителях, крылом к крылу с советскими пилотами — своими надежными друзьями.

Видимо, преисполнено глубокого смысла то, что отец командира интернационального экипажа «Союза-30» Петра Климука тоже погиб в боях с фашизмом, освобождая родину первого польского космонавта. Он пал смертью героя под городом Радомом.

У Гермашевского с Климуком много похожего в судьбе, оба летчики, оба посвятили свою жизнь космонавтике, оба собранные, ответственные офицеры. Но наиболее роднит их чисто человеческое обаяние, умение любить людей и вызывать ответную симпатию. У обоих открытое, щедрое сердце.

Первый польский космонавт считает, что ему очень повезло с командиром экипажа. Вот как он отзывался о Климуке в предполетном интервью:

— ...У нас было достаточно времени, чтобы познакомиться с космонавтами... Все хорошие ребята... Действительно, это герои, настоящие герои. Но и среди хороших людей есть такие, которые больше других нравятся... Я никому не говорил, это у меня было в душе, но, позна-

комившись с Климуком — он вел у нас заиятия,— подумал: «Вот бы с кем лететь!»...

Мечта Гермашевского исполнилась. Сегодня он уходит в космический полет вместе с сыиом Родииы Великого Октября — Петром Климуком. Советский и польский космонавты в одном экипаже.

...В 18 часов 27 минут 27 июня 1978 года стартовали «Кавказы» — таковы позывные Климука и Гермашевского. После старта космонавты начали подготовку к сближению со станцией. Вот наконец и стыковка. «Союз-30» плавно причаливает к борту «Салюта-6». Репортаж из Центра управления полетом ведет летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза В. А. Шаталов.

Шаталов: «На экране — переходной отсек стаиции «Салют-6»... Владимир Коваленок и Александр Иванчеиков готовятся к встрече гостей — международиого экипажа корабля «Союз-30»... Открывается люк... Кто первый?..

Мирослав Гермашевский! Он попадает в объятия... командира «Фотонов» Коваленка. Саша Иванченков преподносит «хлеб-соль» — олимпийский медвежонок и кукла «Маша» держат запечатанный в пластик «космический» хлеб и пакет с солью...

Коваленок: Замечательиая, радостиая встреча. Замечательная вдвойне потому, что с иами представитель братской Польши... Нашу дружбу иа земле мы будем теперь крепить и в космосе!

Шаталов: Все четверо обнялись и соединили руки в рукопожатии.

Климук: Мы вам привезли посылки.

Коваленок: О! Самое основиое — почта!

Шаталов: Действительно, встреча радостная вдвойне... и для тех, кто в космосе, и для нас на земле...

Мы знали Мирослава как отличного летчика, очень трудолюбивого, вдумчивого человека... Мы видели его на тренажерах Центра подготовки космонавтов, оценили его знаиия на экзаменах, и вот главный экзамеи выдержан!

Отныне вместе с советским космонавтом Климуком ои члеи экипажа орбитального комплекса «Салют-6» — «Союз-29» — «Союз-30». И это теперь с ним на всю жизнь!..

Я уверен, что все возложенные на его задачи по выполнению научной программы полета он выполнит так же успешно».

Вскоре после радостной встречи на орбите международный экипаж рапортовал руководителям Советского Союза и Польской Народной Республики об успешной стыковке и начале выполнения намеченной программы научно-технических и медико-биологических исследований и экспериментов.

Руководители ПОРП и КПСС сердечно поздравили советских и польского космонавтов, пожелали им успешной работы. В приветствии ЦК ПОРП, в частности, говорилось:

«...Международный полет советских и польского космонавтов — очередной крупный шаг в использовании космического пространства в мирных целях, осуществляемых социалистическими странами — участницами программы «Интеркосмос». Он имеет большое научно-техническое значение, ярко олицетворяет наше всестороннее сотрудничество, демонстрирует великую силу и возможности социалистического интернационализма».

Действительно, активное участие Польской Народной Республики в космических исследованиях стало возможным благодаря братскому сотрудничеству с Советским Союзом в рамках общей программы социалистических стран в области исследования и использования космического пространства «Интеркосмос».

Первая польская научная аппаратура была запущена в космическое пространство 28 ноября 1970 года на борту советской высотной ракеты «Вертикаль-1». Этим прибором был рентгеновский спектрогелиограф с блоком рентгеновских камер-обскур.

Самым же крупным экспериментом польских ученых в области космических исследований явилась реализация программы спутника «Интеркосмос-Коперник 500», запущенного в апреле 1973 года. Это был замечательный вклад польской науки в ознаменование 500-летия со дня рождения великого астронома Коперника.

Программа исследований на этом спутнике включала в себя измерения спектральных характеристик всплесков спорадического радиоизлучения солнца в диапазоне частот 0,6—6 Мц, которые не могут наблюдаться с поверхности Земли из-за экранирующего действия ионосферы. С этой целью на спутнике был установлен радио-

спектрограф с плавной перестройкой частоты в указанном диапазоне, разработанный и изготовленный в ПНР. Следует отметить, что в практике сотрудничества социалистических стран по программе «Интеркосмос» подобное исследование проводилось впервые.

Аппаратура безотказно работала более полугода, то есть значительно больше расчетного срока. Информация передавалась на Землю с помощью передатчика чехословацкого производства и принималась телеметрической наземной станцией Астрономического общества в Ондржейове (ЧССР).

Польская обсерватория в городе Боровце успешно работает в сети станций наблюдения и принимает активное участие в международной программе «Арктика — Антарктика». Данные, полученные станциями наземного слежения, служат как для геодезических целей, так и для определения орбит спутников. Анализ изменения элементов орбит позволяет изучать гравитационное поле Земли, следовательно, и ее форму.

В Польской Народной Республике проводились обширные работы по использованию спутниковых наблюдений для геодезической базисной сети. Одна из программ под названием «Геодезический четырехугольник» имела международный характер, поскольку в ней участвовали станции, расположенные на территории четырех государств. Результаты этой экспериментальной программы использовались для совершенствования техники геодезических измерений во всех братских странах.

Примечательно, что лазерная аппаратура, находящаяся в лаборатории в Боровце, а также на многих других станциях сети наблюдения, является результатом плодотворного сотрудничества ученых и специалистов СССР, ЧССР, ПНР, ВНР, ГДР.

Польская сторона принимает активное участие и в работах, осуществляемых группой космической связи в рамках программы «Интеркосмос», в частности, проводит изучение условий распространения радиоволн в диапазоне частот 10—30 Гц.

Польскими учеными разработана концепция систем прямого спутникового телевизионного вещания для социалистических стран. После дополнений и изменений эта концепция была окончательно принята в марте 1977 года на совещании экспертов стран — участниц про-

граммы «Интеркосмос» в качестве основы для дальнейшей разработки системы связи.

И вот новый выдающийся успех: в составе международного экипажа орбитальной станции «Салют-6» первый польский космонавт Мирослав Гермашевский. Комментируя результаты работы на борту советско-польского экипажа, председатель Комитета космических исследований Польской академии наук академик Ян Рыхлевский сказал:

— Нынешний полет космонавта Польской Народной Республики является логическим продолжением сотрудничества социалистических стран в рамках программы «Интеркосмос». Польша — страна с традиционной высокой культурой и наукой. Это родина гениального Коперника. Страна с развитым производственным и научно-техническим потенциалом. Поэтому Польша не может не участвовать в космических исследованиях. В то же время она может участвовать в них только в сотрудничестве с братскими странами, и, конечно же, наша наука в этом сотрудничестве имеет свое лицо.

Мирослав Гермашевский представляет в космосе польскую науку, но он представляет также и весь польский народ... Ему предстояло выполнение обширной программы. Эта программа была подготовлена польскими и советскими учеными, и она была реализована международным экипажем.

Программа включала очень интересные пункты. Взять хотя бы эксперимент «Сирена». Он был предложен Институтом физики Польской академии наук, одобрен советскими коллегами и подготовлен совместно с ними. Опыт проводился на установках «Сплав» и «Кристалл». В эти установки помещались капсулы с исходными материалами, подготовленными в Институте физики в Варшаве. Цель эксперимента — изучить, как идет направленная кристаллизация из расплава и газовой фазы полупроводниковых материалов в условиях невесомости.

Семь суток напряженно трудился на орбитальной станции «Салют-6» международный экипаж, выполняя обширную программу исследований. Незадолго до «дня отъезда» на Землю Климука и Гермашевского состоялась традиционная космическая пресс-конференция. Космонавты сидели перед телекамерой и отвечали на вопросы,

которые им задавали с Земли корреспонденты девяти стран, представляющие около тридцати изданий, включая радио и телевидение...

Вопросов было много. Хотелось бы вспомнить сегодня только некоторые из них. Ответы В. Коваленка, А. Иванченкова, П. Климука, М. Гермашевского как нельзя лучше характеризуют глубокий интернациональный смысл, высокий гуманизм подвига, совершенного космическими побратимами.

Рассказывая по просьбе корреспондентов «Красной звезды» о наиболее ценных реликвиях полета, Гермашевский сказал:

— У нас с собой капсула с землей, взятой у белорусского поселка Ленино и из-под Варшавы. Это земля, освященная кровью польских и советских солдат. Вместе с этой капсулой — медаль, посвященная полету первого поляка в космос. Если бы не было этой земли и нашей дружбы, не было бы и сегодняшнего события, сегодняшнего праздника на польской земле.

Пресса: Какое значение для развития космического сотрудничества социалистических стран имеют совместные эксперименты на станции «Салют-6»?

Климук: Магистральный путь современной космонавтики — развитие полетов на долговременных орбитальных станциях. Станция «Салют-6» приняла на борт уже пять космических экипажей. Сейчас мы проводим на борту «Салюта-6» исследования по трем основным направлениям: научно-технические эксперименты, медико-биологические и те, которые представляют непосредственную ценность для народного хозяйства социалистических стран. Космические полеты уже приносят большую практическую пользу. Интеграция братских стран в освоении космоса еще больше сплачивает народы социалистического содружества.

Представители прессы спросили Гермашевского:

— Ваша мать, узнав о космическом старте, сказала: «Я горжусь тем, что делает мой сын, его храбростью, его героизмом, и я не боюсь за него». Что бы вы ответили ей?

— Мама! — слышится из космоса по-польски.— Это не я герой, это ты герой, вырастившая семерых детей в войну и после войны. Я счастлив передать тебе сегодня приветы от своих больших друзей по экипажу.

Подхватив обращение польского друга к своей мате-

ри, Петр Климук в ответе на вопрос, что бы он хотел пожелать из космоса людям планеты Земля, сказал:

— Сегодня на борту орбитальной станции — четыре космонавта, и трое из них — Саша, Мирослав и я — потеряли во время войны отцов. Мы знаем, что такое сиротское детство. Поэтому нам хотелось бы, чтобы наши дети жили под мирным небом.

— У нас на борту,— отвечая на тот же вопрос, говорит Гермашевский,— есть две золотые пластины Центра здоровья ребенка. Наши родители делали все, чтобы на Земле был мир, и мы тоже приложим все силы, чтобы дети планеты были счастливы, чтобы на их лицах всегда была улыбка.

Трудно, пожалуй, сказать лучше. Слова, произнесенные этими мужественными людьми в космосе, рождены их героической жизнью, исходят от большого и доброго сердца.

* * *

Эстафета исследования космического пространства совместными усилиями социалистических стран успешно продолжается. Вновь ожила легендарная гагаринская стартовая площадка космодрома Байконур. На очереди полет космического корабля «Союз-31». На свой борт он должен принять международный экипаж: командира корабля дважды Героя Советского Союза полковника Валерия Быковского и первого космонавта ГДР подполковника Зигмунда Йена.

Второе десятилетие Германская Демократическая Республика вносит все увеличивающийся вклад в выполнение программы «Интеркосмос». Это научно-техническое содружество является ярким примером углубляющейся экономической интеграции стран — членов СЭВ и все более тесного переплетения их научно-исследовательских потенциалов.

Развитие сотрудничества и его результаты доказали, что совместно с Советским Союзом, страной, проложившей путь в космос, ГДР способна достичь отличных научно-технических высот. Весомым вкладом в это плодотворное сотрудничество явилась разработка и изготовление на народном предприятии «Карл Цейс Йена» многозональной фотокамеры МКФ-6, которая была использована на космическом корабле «Союз-22». Моди-

фицированный вариант фотокамеры МКФ-6М установлен на борту станции «Салют-6».

В рамках рабочей группы «Интеркосмоса» — «Космическая физика» — социалистическая Германия вносит вклад в определение положения искусственных спутников Земли для решения геофизических задач.

Ученые Академии наук ГДР приняли активное участие в исследовании проб лунного грунта, который был доставлен на Землю советскими лунными зондами «Луна-16» и «Луна-20» и передан немецким коллегам советской стороной.

Специалистами Германской Демократической Республики были подготовлены совместно с советскими учеными эксперименты, проведенные на станции «Салют-6» в двух советских аппаратах по выращиванию кристаллов «Сплав» и «Кристалл». В условиях невесомости и при использовании космического вакуума были получены принципиально новые вещества и материалы с измененными физическими свойствами.

О вкладе Германской Демократической Республики в сотрудничество социалистических стран в системе «Интеркосмос» красноречиво говорят такие цифры: социалистическая Германия участвовала в оборудовании 13 спутников типа «Интеркосмос», «Космос», «Метеор», космического корабля типа «Союз», орбитальной станции типа «Салют», 4 геофизических ракет типа «Вертикаль» и 26 метеорологических ракет типа «МР-12» и «М-100».

В области космической связи немецкими учеными проведены работы по подготовке и эксплуатации международной системы спутниковой связи «Интерспутник», в частности разработаны высококачественные демодуляторы для наземных станций «Орбита».

Ярким примером использования в интересах исследования космического пространства наиболее развитых отраслей народного хозяйства стран — участниц программы «Интеркосмос» может служить эксперимент «Репортер». С целью фотографирования в условиях космического полета особых событий и явлений, регистрации деятельности космонавтов, показаний приборов, хода и результатов отдельных экспериментов на станцию «Салют-6» была доставлена малоформатная зеркальная камера «Практика ЕЕ2» с электронной автоматикой для установки времени экспозиции. Сконструировали и изготовили эту камеру на Народном предприятии «Пентакон»

в городе Дрездене. В зависимости от яркости снимаемых объектов, чувствительности пленки и установленной на объективе камеры диафрагмы она способна автоматически определять выдержки при съемке.

В ходе этого эксперимента была испытана работоспособность автоматической камеры при воздействии различных условий космического полета. Одновременно подверглись проверке объективы «Практика», а также фотопленки производства Народного предприятия «Вольфен». С борта станции «Салют-6» было сделано несколько тысяч снимков Земли. Все они отличаются высоким качеством.

Совсем немного времени остается до старта космического корабля «Союз-31», который доставит на орбитальную станцию «Салют-6» советского и немецкого космонавтов. Представители прессы задают последние вопросы Валерию Быковскому и Зигмунду Йену.

— Что вы делали 12 апреля 1961 года?

Быковский: ...12 апреля 1961 года я был на космодроме в числе тех шести человек, которые готовились к первому полету в космос. Все эти дни мы были вместе с Юрием Гагариным. Мы тогда волновались больше, чем сам Юрий Гагарин. Все некурящие, и те закурили. Сам старт для нас был не нов, мы видели, как запускали собачек, манекен. Но тут впервые — человек, твой друг. Когда мы услышали его бодрый голос уже с орбиты, что он уже в невесомости и чувствует себя хорошо, то, с одной стороны, радовались за него, с другой — снова начали волноваться: как же он будет садиться? О его благополучном приземлении мы узнали в самолете, направлявшемся к месту посадки. Встретились мы уже на берегу Волги. Юра сиял своей обаятельной счастливой улыбкой. Мы от души обняли его. Но тогда еще не представляли, какой громадный резонанс будет иметь его полет.

Йен: ...12 апреля 1961 года я уже был летчиком, лейтенантом. Все мы гордились, что именно летчик первым поднялся в космос. Горды были за Советский Союз, совершивший этот подвиг, за все наше социалистическое содружество. Мечтали, что когда-то и наши сыновья полетят в космос. Никак, конечно, не могли предполагать, что представителю нашего поколения летчиков ГДР доведется стартовать в космос.

О себе Зигмунд Йен рассказывает кратко:

— Родился в 1937 году, в семье рабочего. Был печатником. Окончил Высшее офицерское училище ВВС и ПВО имени Франца Меринга. В 1955 году вступил в Социалистическую единую партию Германии. В Москве учился в Военно-воздушной Краснознаменной ордена Кутузова I степени академии имени Ю. А. Гагарина.

И особо подчеркивает:

— Я считаю, что моя судьба типична для моего поколения. Мы видели конец войны. Трудные послевоенные годы, помощь советских товарищей. Все, что мы имеем,— это заслуга нашей партии.

Председатель совета «Интеркосмос» Германской Демократической Республики профессор Клаус Гротте добавляет:

— Вот уже двадцать лет с помощью и поддержкой, великодушно представленной ГДР Советским Союзом, мы активно занимаемся изучением космического пространства. Это прекрасный пример сотрудничества между академиями наук, между нашими странами.

Содрогается от могучего грохота Земля, и на орбиту дружбы уходит очередной тридцать первый «Союз» с Валерием Быковским и Зигмундом Йеном на борту. Космос продолжает надежно служить людям Земли. Станция «Салют-6» стала первой в истории космонавтики орбитальной лабораторией, в которой, сменяя друг друга, работает персонал, состоящий из граждан стран социализма, успешно развивающих сотрудничество во всех областях экономики, науки и культуры.

«...Когда речь идет о сотрудничестве социалистических стран,— говорил на встрече с руководителями академий наук социалистических государств товарищ Л. И. Брежнев,— то происходит не просто сложение, а умножение сил. В полной мере это относится и к научным связям. Здесь особенно важно самое широкое, самое тесное сотрудничество, позволяющее рационально использовать огромные возможности науки, достижения научно-технической революции в интересах социалистического и коммунистического строительства».

* * *

Люди, работающие в космосе, встречаются в условиях невесомости, встречаются, как друзья на Земле. И там, и здесь они легко находят общий язык.

Круглый стол. За ним — американские астронавты

Томас Стаффорд, Вэнс Бранд, чехословацкий космонавт Владимир Ремек.

Вэнс Бранд родился в 1931 году. Имеет университетское образование. Многие годы работал летчиком-испытателем. В 1966 году пришел в отряд астронавтов. Принимал участие в испытаниях прототипа командного модуля в термокамере, был членом так называемого экипажа поддержки «Аполлона-8» и «Аполлона-13», пилотом командного модуля дублирующих экипажей, которые работали по программе второй и третьей экспедиций «Скайлэба».

В 1975 году участвовал в международной космической программе ЭПАС.

— Какие общие задачи встают перед человечеством на пороге планомерного освоения космического пространства? Как представляется вам будущее Земли? — вопрос обращен к В. Бранду.

— Неотложной задачей, которую человечество должно решить в самом ближайшем будущем, является обеспечение легкой и дешевой транспортировки больших грузов и большого числа людей на орбиту для того, чтобы ускорить проведение научно-технической революции в космосе. Задачей, которую люди будут решать в последующее пятидесятилетие, на мой взгляд, станет дальнейшее исследование Солнечной системы, наблюдение и регулирование земных процессов с орбитальных космических станций, а также создание солнечных орбитальных электростанций. Дальнейшее изучение Солнечной системы позволит лучше понять нашу собственную планету и, таким образом, принесет и непосредственную практическую помощь.

Когда-нибудь жители Земли будут добывать на астероидах никель и железо. Солнечные орбитальные станции станут превращать энергию света в микроволновую энергию и посылать ее к земным городам. К нефти, газу и каменному углю добавится еще один постоянный источник энергии — солнечные лучи.

О будущем нашей планеты я думаю с оптимизмом. Развитие науки и техники должно улучшить условия жизни людей. Конечно, при условии, что лидеры государств направят научно-технические достижения на решение таких неотложных задач, как, скажем, надвигающийся дефицит энергии.

Если бы в нашем распоряжении имелся дешевый и

постоянный источник энергии, можно было бы обеспечить достаточно высокий уровень жизни гораздо большей части населения, чем сейчас. С помощью такой дешевой энергии можно было бы, например, опреснять морскую воду, а свежую воду, в свою очередь, подавать в пустыню. На орошаемых землях можно было бы развивать сельское хозяйство, и пустыня стала бы обжитой.

В разговор вступает Владимир Ремек:

— Для многих слово ЧЕЛОВЕК является символом прогресса, труда, победы над стихией. Но в последние годы все больше слышится голосов, утверждающих, что оно имеет и еще один смысл — разрушитель.

Подводя итог сказанному, хочу отметить, что будущее человечества будет счастливым в том случае, если нынешнее поколение об этом позаботится. Одним словом, давайте беречь планету.

Томас Стаффорд:

— На будущее нашей планеты я смотрю очень оптимистически. Человека поднимают над уровнем животного его необычайный разум, изобретательность, способность к обобщениям и страсть к исследованиям. Космос требует от человека всех этих высших способностей, и этот вызов — здоровый вызов. Если мы, как земное человечество в целом, будем видеть в изучении и использовании космоса путь к решению некоторых из наших земных проблем, то мы сделаем многое для будущего планеты. На этом пороге наши задачи, как мирного общества, состоят в том, чтобы свести различия между нами к минимуму и сосредоточить свои производительные усилия, дабы улучшить судьбу всех остальных людей.

Индустриализация пространства позволит нам разрабатывать новые материалы и лекарственные средства. Возможностей использования у космических систем найдется множество. Многим из этих систем понадобится команда — люди. Жизнь в пространстве, кстати, можно будет сделать такой удобной и приятной, что некоторые попросту предпочтут ее жизни на Земле.

— Что в Вашей личной жизни послужило главным толчком, побудившим Вас принять решение стать космонавтом?

Владимир Ремек:

— Моя мечта о звездах началась со Звездного городка. Я тогда (это было в 1973 году) учился в Военно-воздушной академии имени Юрия Алексеевича Гагари-

на. И в один нз дией мы приехали на экскурсию в Звездный.

Я шел по городку н пытался определить, где здесь здание центрифуги, тренажиых корпусов. Коиечно, где это находится, я мог только предположить. Но я почему-то почувствовал себя как дома. Бывает такое. Еслн хотите, это предчувствне...

А сбылось оно через три года.

Я прошел все этапы отбора. Мне сказалн: «Теперь ждите». И вот прнходит прнглашенне к Мннистру национальной обороны ЧССР.

Это казалось моей матерн довольио странным, и, чтобы не подвергать ее излишним волнениям, я сказал, что иду на специальиые курсы.

Одиажды вечером, незадолго до отъезда в Звездный городок, лежу иа диване в квартире матери и смотрю телепередачу типа «Время». Диктор читает сообщеиие, что в космос полетит скоро и граждании ЧССР. Я иеожиданно для себя вскочил с дивана и стал внимательно слушать. Мама как-то необычно посмотрела на меня, хотела о чем-то спросить, но не решилась: видимо, ей стало ясно почти все.

В ноябре мне было присвоено очередное званне капитан, в декабре 1976 года я прнбыл в Центр подготовкн. Вскоре позвонил матери из Звездиого городка.

— Володя,— воскликнула она,— я так н знала...

— Мама, не волнуйся. Но этот секрет должен остаться пока между иамн.

Каждое воскресенье поутру я заказывал телефонный разговор н, беседуя с ней, давал ей хоть маленькое успокоенне. Ведь человеку легче на сердце становится, когда он слышнт родной голос.

В 1978 году я побывал в космосе.

Томас Стаффорд роднлся в 1930 году. В отряде астронавтов с 1962 года. Окончил академию, школу летчиков-нспытателей. Имеет большой иалет на самолетах разных тнпов. Является бригадным генералом ВВС США. Четырежды стартовал в космос. Был вторым пилотом корабля «Джемини-6» (1965 год), комаиднром экипажа «Джемини-9» (1966 год), командиром луниого модуля иа «Аполлоне-10» (1969 год). Он один из первых, кому посчастливилось увидеть Луну с блнзкого расстояння.

В 1975 году участвовал в международной космической программе ЭПАС

— Я всегда интересовался полетами, особенно в качестве летчика-испытателя. Этот интерес вполне естественно превратился в стремление стать астронавтом. В самой природе человека заложено что-то, заставляющее его стремиться мчаться быстрее, испытывать пределы своих способностей. К счастью для нас, космическое пространство представляет нам, как отдельным лицам и как обществам, неограниченные возможности для развития в этом отношении.

В процессе астронавтической тренировки меня интересовали больше всего два вопроса. Один состоял в том, чтобы проверить себя и узнать, смогу ли я справиться с задачами, которые потребуется решать. Второй — в том, каким образом человеку лучше всего приспособиться к такой обширной и технически сложной системе, как корабль «Аполлон». Конечно, успехи программ «Меркурий», «Джеминай», «Аполлон» и «Союз — Аполлон» с избытком оправдали все мои надежды. В космическом пространстве перед человеком открывается почти безграничное будущее, если он будет подходить к нему рационально, не забывая ни о надлежащих целях, ни о разумных ограничениях.

— Что Вы можете сказать о нештатных ситуациях в космосе?

Вэнс Бранд:

— Я хотел бы рассказать о «Скайлэбе». Надо сказать, что запущенная в мае 1973 года станция все время доставляла беспокойство Центру управления. Еще при выводе ее на орбиту (14 мая 1973 года) был поврежден ее теплозащитный экран и не раскрылась одна из панелей солнечной батареи. Когда экипаж в составе Вейца, Кервина и Конрада прибыл на «Скайлэб», их ожидал «сюрприз» — температура внутри станции была 53 градуса тепла. Поэтому астронавтам пришлось сначала устанавливать тепловой защитный экран, а лишь потом (до этого они размещались в кабине корабля «Аполлон») отпраздновать новоселье. Но приступить к предусмотренным программой экспериментам им так и не удалось. Предстояло отремонтировать панели солнечных батарей, так как в одну из них при запуске попал алюминиевый осколок и заклинил ее.

Попытка удалить осколок при облете станции кораблем «Аполлон» успеха не имела. (Для удаления осколка астронавт Вейц высовывался из люка, а Кервин держал

его за ноги, чтобы он случайно не выпал.) Конрад в это время управлял «Аполлоном». В результате для ремонта двум астронавтам все-таки пришлось выходить в открытый космос на два часа.

Неприятности поджидали и третий экипаж «Скайлэба». Во время спуска корабля на Землю астронавты были вынуждены использовать аварийную систему посадки, так как основная система приведения в действие тормозных двигателей оказалась неисправной. Астронавты Карр, Гибсон и Поуг пережили, по их словам, «сорок пять критических минут», когда находились в зоне над Землей, где не было связи с Центром управления. С ужасом обнаружили, что тормозные двигатели корабля не запускаются. Получить инструкции в этот момент было не у кого. Кораблю угрожала опасность войти в атмосферу Земли под нерасчетным углом, что могло повлечь за собой самые серьезные последствия как для корабля, так и для экипажа. Астронавты садились вручную, включив аварийную систему.

...Станция упала 11 июля 1979 года. Катастрофа «Скайлэба» — результат ошибки американских ученых, неправильно оценивших солнечную активность в конце 1970-х годов и ее влияние на станцию. Облака заряженных частиц, вырывающихся из Солнца, нагревают атмосферу, заставляя ее расширяться, и объект, находящийся на орбите, испытывает большое лобовое сопротивление.

Конечно, полет станции дал много ценных научных результатов, но доставил и неприятности. Безусловно, нештатные ситуации сократятся, если возрастет космическое сотрудничество.

— Как, на Ваш взгляд, изменились бы темпы освоения космического пространства, если бы средства, затрачиваемые сейчас на вооружение, были направлены на мирные цели?

Томас Стаффорд:

— Я мог бы сказать так: каждый час в мире создается оружия (самого современного) на 30 миллионов долларов. Это фантастические затраты. Особенно, если принять во внимание, что они не приносят человечеству никакой пользы, это деньги, выброшенные на ветер.

Но я коснусь другой стороны проблемы — моральной.

Мы знаем, как редко появляются на свет талантливые ученые. И поэтому особенно больно сознавать, что сотни, тысячи их тратят свои способности не на благо

человека, а во вред ему, разве создание и разработка новых смертоносных видов оружия может идти на пользу?

Я верю, что силы мира, разума и прогресса, несмотря ни на какие трудности, победят. И человеческий гений будет служить людям.

Владимир Ремек:

Я тоже коснусь нештатных ситуаций, то есть непредвиденных случайностей, отказов техники. В этом смысле лично для меня показателен полет астронавта Карпентера. Делая третий виток вокруг Земли, он почувствовал недостаток кислорода. В результате неисправности основной бортовой системы кислород стал поступать в меньшем количестве. Участился пульс, давление стало очень высоким — 210 на 60.

Ситуация была угрожающей. Тогда все кончилось благополучно. Но уповать на случай не приходится. Порой нужна быстрая и эффективная помощь. Причем государство, запустившее космический корабль, иногда бывает не в состояиии ее оказать. Поэтому большая роль в своевременном оказании помощи отводится другим странам.

— Чем, по-вашему, будет отличаться процесс освоения космоса от заселения в прошлом новых земель на нашей планете?

Вэнс Бранд:

— Заселение космоса начнется прежде всего с создания постоянно действующих орбитальных станций, на которых будет развиваться космическая индустрия и с которых будет вестись дистанционное управление земными процессами. Возможно, на Марсе и Луне будут созданы небольшие научно-исследовательские аванпосты. А на околоземных орбитах возникнут целые космические колонии, гигантские астрогорода, где разместятся тысячи людей.

Сейчас трудно представить, что когда-нибудь земляне смогут передвигаться в космосе со скоростью света или еще быстрее, успевая добраться до других звездных миров или галактик в течение своей жизни. За последние 150 лет скорости транспорта возросли в сотни раз. Всего лишь 30 лет назад человек преодолел звуковой барьер, который считался недостижимым. Нет сомнения в том, что тенденция роста скоростей будет продолжаться. И, я думаю, со временем человек долетит

до дальних звездных систем, причем полет этот займет относительно короткий срок.

Томас Стаффорд:

— В Вашем вопросе Вы говорите об открытии новых земель на планете в прошедшем времени. Тем не менее, последние данные говорят, что такие «белые пятна» все-таки существуют. Что самое интересное — доказали это именно космические исследования. Приведу несколько примеров.

Сотрудники Национального Совета по исследованию Бразилии, изучая снимки бассейна реки Амазонки, сделанные искусственным спутником ЭРТС-1, обнаружили несколько новых островов. Их площадь составляет ни мало ни много — 200 квадратных километров!

При изучении фотографий также выяснилось, что некоторые притоки Амазонки имеют отклонение от их обозначений на картах до 20—30 километров.

Снимки, полученные из космоса спутником «Метеор», подтвердили выводы геологов, что Уральские горы заканчиваются не там, где мы привыкли считать, а далеко в пустынях Средней Азии.

Или вот еще интересный факт. Недавно, дешифруя фотографии, сделанные с борта «Скайлэба», специалисты обнаружили на снимках территории Ирана ранее никому не известные озера...

— Расскажите о самом смешном или веселом эпизоде, случившемся с Вами во время полета?

Вэнс Бранд:

— В период подготовки к полету «Союз — Аполлон», да и во время самого полета возникло множество веселых ситуаций, связанных, главным образом, с теми забавными ошибками, которые делал один экипаж, говоря на языке другого.

Был и такой случай. Перед полетом «Союз — Аполлон» я попросил свою дочку Стефанию записать на пленку женский смех и взвизгивания на фоне льющейся воды. Стефания сделала такую запись со своей подругой. Вместе с музыкальными записями мы взяли эту пленку на борт «Аполлона». После нескольких дней напряженной, но плодотворной совместной работы наших экипажей настало время расставания. Корабли разошлись, и вскоре «Союз» уже летел над Тихим океаном в нескольких сотнях километров от «Аполлона». Тут-то мы и решили прокрутить пленку Стефании для экипажа «Союза».

Держа магнитофон перед микрофоном, я вызвал Алексея и Валерия по радио. Помню, я сказал приблизительно такую фразу: «Мы здесь принимаем душ. А Вы что делаете?» Я не уверен, но полагаю, члены экипажа «Союза» услышали запись. Если это так, то надеюсь, что они по достоинству оценили нашу шутку...

Владимир Ремек:

— Смешных и веселых эпизодов в полете много. Но особенно запомнился один: как мы встретились с Романенко и Гречко на орбите. Это случилось так.

Состыковались. Перед открытием люка стали перестукиваться, мол, мы здесь, рядом находимся.

Люк открылся. Были на седьмом небе от счастья. Целовались. Смеялись. Все-таки первая встреча в космосе советского и интернационального экипажа.

Сели вместе за общий стол. Жора Гречко посетовал на то, что мы не привезли чешского пива. Пришлось поставить его на место.

— Хозяева вы, а потому должны угостить нас коньяком. А за нами — очередь не станет.

Одним словом, ужин прошел очень весело. Хотя длился почти целый день.

В заключение стоит добавить: земной день в 16 раз длиннее космического...

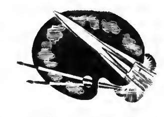
Беседа завершилась. Она состоялась на Земле. Но кто знает, может, пройдет несколько лет и ее продолжение состоится в космосе...

Минуло два десятилетия со дня первого полета человека в космос. Воплотилась в жизнь мечта пионера голубых орбит Юрия Алексеевича Гагарина: сегодня в исследовании и освоении космического пространства активно участвуют представители многих стран мира.

В 1977 году советские люди приняли новую Конституцию СССР. Одна из статей нашего Основного Закона гласит: «СССР как составная часть мировой системы социализма, социалистического содружества развивает и укрепляет дружбу и сотрудничество, товарищескую взаимопомощь со странами социализма на основе принципа социалистического интернационализма, активно участвует в экономической интеграции и в международном социалистическом разделении труда». Это положение охватывает все разнообразные стороны жизни нашего общества, в том числе сотрудничество в освоении космического пространства.

Валерий КЛЕНОВ

ИСКУССТВО КОСМИЧЕСКОЙ ЭРЫ



Человечество шагнуло в космос! Искусственные спутники Земли, устремленные в небо ракетные исполины, звездная улыбка Юрия Гагарина — стали вечными символами начала космической эпопеи. Современное прогрессивное искусство со всей силой своего огромного эмоционального воздействия убеждает нас в том, что проникновение человека в космическое пространство стало началом нового этапа земной истории, науки, культуры... Основной темой в творчестве все большего числа художников — в первую очередь из стран социализма — становится тема космоса. Она включает в себя не только космонавтику с ее уже нынешним практическим освоением ближнего космоса, но и космическую фантастику, которая стремится средствами науки, философии, искусства «освоить» умопостигаемый вселенский Космос. Этой двуединой теме оказалось возможным связать извечную человеческую мечту с реальностью, подвиг в небе с трудом на земле, дальнейшее развитие изобразительного искусства с героикой наших дней.

Современное художественное творчество, чего бы оно ни касалось, невозможно без философских раздумий о судьбах нашей планеты, лирического проникновения в происходящее и зрелой веры в будущее Земли. В XVIII — XIX веках, в пору романтического «машиноборчества» и декларативного отрицания технического прогресса, особым успехом пользовался жанр исторической

живописи. В его произведениях действительность отражалась лишь через призму прошлых эпох. Ныне искусство активно устремляется в будущее, тесно взаимодействуя с областями прогностики и футурологии. Не столько оглядываясь назад, сколько забегая вперед, пытается художник XX века отыскать в своем творчестве верную оценку происходящему.

Эта устремленность к новым временам и пространствам являлась характерной для советского искусства на всем протяжении его развития. Восприняв при своем зарождении пафос революции и храня в себе дух неустанного созидания, оно оказалось естественным авангардом происходящего в мировом искусстве движения. Ведь первая научная теория космонавтики зародилась в России, а несколько десятилетий спустя с советской земли был сделан первый шаг человечества к звездам. Рядом с этим всенародным подвигом художник может и должен поставить подвиг личного творчества, соединив в нем воедино мечту и волю к созиданию. Настоящее искусство несет в себе гигантскую энергию свершений, является началом практической деятельности по преобразованию мира. Не случайно огромное внимание уделял художественной фантазии и «космическому творчеству» человека основоположник космонавтики К. Э. Циолковский. «Сначала неизбежно,— писал он,— идут: мысль: фантазия, сказка. За ними шествует научный расчет, и уже в конце концов исполнение венчает мысль».

Где же искать истоки космической темы современного искусства? Той темы, которая тем более станет воздействовать на человечество, чем более оно само будет овладевать ближним и дальним космосом?

Взгляд в небо — самый глубокий человеческий взгляд. Когда-то на заре разумной жизни, распрямясь и вольно взглянув вверх, человек впервые стал самим собой и лишь тогда по-настоящему увидел окружающий мир. Медленно крепнул, охваченный неясными предчувствиями, дух древних безвестных мыслителей. А над землей, уже исхоженной миллионами ног, над всем миром простиралось единое для всех туманное и загадочное небо — недоступная тайна этого мира. Противоположность неба и земли, «верхнего» и «нижнего» казалась незыблемым законом жизни, и люди еще не знали, что им

суждено его поколебать. Вся мировая культура возникала под знаком противостояния этих двух главных начал, их борьба стала сутью античной диалектики, породила дерзновенные желания и гениальные догадки ученых и мудрецов, в огненных «эмпиреях» — за облачной пеленой и синей твердью — искавших ответа на неразрешимые вопросы бытия.

Необъяснимое «чувство космоса» — это то общечеловеческое, что сближало людей во все времена, не давало самоуспокоения, заставляло идти вперед, пристально вглядываясь в раздвигающиеся пределы бытия. Стены башен, пирамид и храмов вздымались над землей, напоминая о непрекращающихся усилиях человека достичь «небосвода». Глаза древних мыслителей были полны таинственным сиянием бесчисленных звезд. Словно птица, посланная ввысь, далеко в небе парила человеческая мечта...

И люди шли ей вослед.

Переосмысливая звездные культы глубочайшей древности, лунно-солярные мифы более поздних времен, эллинское учение о «космосе», идеи буддийского Востока о бесконечности живого мира во времени и пространстве, человеческая мысль постепенно подходила к знаменитым открытиям в Европе XVI—XVIII веков. Усилия астрономов и математиков, философов и поэтов сливались воедино, выявляя все более стройную и величественную картину мироздания. Перед человеком Нового времени, знакомым с теориями Коперника и Кеплера, утопиями Свифта и Сирано де Бержерака, социальными трактатами Кампанеллы и Фурье, поэмами Мильтона и романами Рабле, открылся единый мир множества миров — Вселенная.

Но теперь в сознании людей произошли такие изменения, что многие смогли бы воскликнуть вместе с Джордано Бруно: «Хоры бесчисленных звезд, я к вам свой полет направляю, к вам поднимусь, если вы верный укажете путь...»

Эти стихи монаха-ученого, написанные в конце XVI века, характеризуют целую эпоху стремительного художественно-философского проникновения за пределы земного бытия, расширения научных представлений о мире.

Дух времени коснулся и произведений искусства. Свое наилучшее воплощение он получил в гениальной

по своей творческой смелостн картнне А. Дюрера «Космнческий взрыв». Беспредельность мира была декларироваиа философами, нскусству же предстояло «обжить» открывшиеся перед ним просторы, смело вторгаясь в таннственные и фантастические областн. Босх, Грюиевальд, Дезидерио, Парентино, Брейгель уводили за собой в новый мир образов и чувств, укрепляя и дисциплинируя человеческую мысль. Это неуклонное продвнжеиие за горизоиты познанного мнра протянулось через все последующие столетия.

Осознаваемое чаще всего лишь поэтнчески, извечное стремлеиие человека в небо с каждым десятилетнем крепло и начинало приносить все больше практнческнх «земных» результатов. Ведь от «хомо воланса», взмахнвающего оперенными крыльямн на итальянской гравюре 1525 года, воздушных шаров Аллара, Бенье, братьев Монгольфье до цеппелинов, самолетов н космических ракет наших дней прошло лншь около 400 лет! Но за это время уже не однноки пророкн, а народы всей Землн понялн, что их дорога в будущее слнвается с дорогой к звездам, что дальнейшее двнженне вперед становнтся полетом!

Мы можем с гордостью вспомнить, что первым человеком, наметнвшнм перед поколеннями земляи иеслыханную цель — выход в космическое пространство н расселение в нем! — был наш выдающнйся соотечествеинк, самобытный русскнй мыслитель, ученый-энциклопеднст и первый космолог Ннколай Федоров. Призвание Россин он вндел в том, чтобы первой иачать борьбу людей за «обладание небесным пространством». Он пнсал в своем труде «Фнлософия общего дела»: «Шнрь Русской землн... наш простор служнт переходом к простору иебесиого пространства, этого нового попрнща для великого подвнга». Ои провндческн угадал в крестьяиской забитой Росснн роднну Цнолковского, Королева, Гагарина...

Оглядываясь назад, мы можем вндеть, что в недрах ее искусства н лнтературы также зароднлось первое мощное двнжеине современной мнровой культуры, проходящее поверх всех земных горнзонтов — в бескрайние простраиства и иовые времена!

Разумеется, поначалу космнческая тема не могла не прннять в нскусстве очень условных, фантастнческих и умозрнтельных форм. Но важно уже то, что в творчестве художннков предреволюцнонных лет М. Чюрлённса и

П. Фатеева фантастика перестала быть областью отрешенного визионерства и религиозных утопий. В развитии русской фантастической живописи наметились новые возможности и существенные отличия от произведений западноевропейского романтизма или модерна: В. Блейка, Г. Моро, О. Редона, А. Беклина... В русском искусстве фантастика приобретала «космичность» и совершенно иную, светлую эмоциональную направленность. Творчество «неистового романтика» А. Скрябина, захваченного бурей общественного переустройства К. Юона, стихи В. Брюсова, полуутопические произведения Н. Морозова и А. Богданова создавали русской фантастике в целом демократическую социальную окраску.

В чем суть творческих достижений фантаста М. Чюрлёниса? Только ли в том, что он очистил идею «космизма» человеческого бытия от множества «потусторонних» фантастических тем, от элементов экзотики и пустой игры воображения? Циклы его работ «Сотворение мира», «Соната звезд», «Знаки Зодиака» не уводят от жизни, а заставляют по-новому взглянуть на реальный земной мир, они пронизаны «музыкой космоса». Сама жизнь — это музыкальное произведение. Все времена и пространства объединяются в нем. Красота космоса вбирает в себя все свои проявления: цвет, звук, форму, величие мысли и чистоту чувств. Первым свидетелем и носителем этого всеединства красоты стал сам Чюрлёнис, художник, композитор, мыслитель.

Атмосфера грядущих революционных преобразований придавала убедительность гипотез самым безудержным творческим фантазиям, нацеливала людей на их осуществление. В отличие от западноевропейских русские футуристы революционных лет восторгались не столько растущей мощью «машины», покоряющей мир, сколько духовной мощью создавшего ее человека, усилением его власти над временем и пространством.

Идея «полета» сближала В. Татлина с Е. Люшиным, С. Романовичем и художниками группы «Маковец» — В. Чекрыгиным, Н. Чернышевым. Поэзия Брюсова, Белого, Хлебникова, стихи «небокопов», статьи «биокосмистов», проекты «летающих городов» архитектора Г. Крутикова и эскизы парящих над землей «небоскребов» К. Мельникова — все эти явления художественной жизни революционной России сливались в одну, внешне довольно пеструю, но грандиозную по своей конечной цельно-

сти картину. Общее воздействие на человеческие чувства усиливалось новаторскими театральными постановками В. Мейерхольда, декорациями А. Экстер и В. Дмитриева к ряду спектаклей и кинофильмов и в особенности такими нашумевшими кинолентами, как «Аэлита» Я. Протазанова по роману А. Толстого. Особую жизненную убедительность новым веяниям в искусстве придавало широкое распространение авиации, электричества, радио и сведений о новейших технических изобретениях и научных открытиях в области физики и астрономии.

Космическая фантастика постепенно выделялась в особое течение советского изобразительного искусства, тесно связанное с индустриально-авиационной темой в живописи, с творчеством остро чувствующих современность А. Дейнеки, П. Вильямса, А. Гончарова, В. Татлина, А. Родченко, с «инженеризмом» К. Редько. В не меньшей степени на него влияли традиции русского «философского» пейзажа — А. Иванова, М. Врубеля, художников «Голубой розы», Н. Рериха; крепнущую космическую тему живописи обогащала лирическая всеохватность мироощущения в произведениях К. Петрова-Водкина, М. Волошина, К. Богаевского, А. Рылова.

Это зародившееся перед революцией и окрепшее в 20—30-е годы явление вышло на поверхность художественной жизни страны значительно позднее — лишь в конце 50-х годов. Начальный и довоенный, «лабораторный» периоды его существования малоизвестны, хотя и заслуживают внимательнейшего изучения. Здесь мы коснемся лишь нескольких важнейших отражений космической темы в художественном творчестве и попытаемся объяснить его постепенно усиливающиеся перед революцией и в последующие десятилетия связи с теориями ученых-космологов и практиков советской космонавтики.

Следы плодотворного взаимодействия искусства, науки и техники можно отыскать в творчестве многих крупнейших ученых и мыслителей разных эпох. Рассмотрение в самом общем виде этих чисто эпизодических связей позволяет тем не менее говорить об исконном, глубоко коренящемся в самой человеческой природе синкретизме всех форм творческого постижения и преобразования действительности. Данный психологический феномен является весьма стойким и относится, очевидно, к числу наиболее важных особенностей человеческого интеллекта. Неудивительно, что европейское Возрождение свой

излюбленный постулат об «универсализме духа» приняло как эстафету от крупнейших мыслителей Древнего мира: Востока и Античности. Антитеза «искусство — наука» при более глубоком взгляде на природу творчества оказывалась несостоятельной: усилиями обеих сторон противоречие можно было преодолеть. Титаническая мощь Леонардо позволила ему «стереоскопически» совместить в своем творчестве обе точки зрения на мир и словно почувствовать несравненную глубину и объемность реального бытия. Как художник, он призывал к «образной логике» научного мышления, как ученый, утверждал, что «живопись есть наука и законная дочь природы».

Этот возрожденческий универсализм, несмотря на углублявшееся с каждым веком разделение гуманитарных и естественных наук и все большую их внутреннюю дифференциацию, никогда не исчезал до конца, а в творчестве многих крупнейших западноевропейских мыслителей — от Паскаля, Лейбница, Канта, Гете до Резерфорда, Эйнштейна, Гейзенберга, Брехта и Валери — проявлялся необычайно ярко, становясь основой обратных тенденций. Они вели к синтезу логически научных и образно-художественных форм отражения действительности, к «синэстезии». Кажется вполне закономерным, что в первую очередь научное и философское «освоение» вселенского космоса в его микро- и макроизмерениях потребовало расширения поля исследования и сближения усилий астрономов и математиков, поэтов и физиков.

В истории русской науки и культуры также необычайно ясно проявилась эта гуманитарно-философская тенденция европейской мысли последних столетий. Гений Ломоносова первым потребовал своего проявления не в одних только различных науках. Образно говоря, он стремился обрести и почву под ногами, и небо над головой, охватить всю сферу художественного творчества. Человек, совершивший ряд физических и астрономических открытий, первым увидел, что для русской поэзии «открылась бездна, звезд полна»... Космичность нового, научного мироощущения коснулась Державина и Николая Львова, от них сообщилась далее — философской поэзии России XIX—XX веков, романтическим направлениям ее живописи и музыки.

Мощный толчок Ломоносова сказался и на русской науке. Лирическое чувство первооткрытия тайн мироздания овладело сознанием ученых, сформировало их идеа-

·лы служення истние и человечеству. Оно прнвело Лобачевского к созданню иовой вселенской «паигеометрни». Эстетическое восприятие гармоиин шло в его научном творчестве рука об руку с логикой строгого мышления. Его геннй чувствовал высокую красоту бытия, коиечную связь всех явленнй жизни. Поэтому он не мог допустить, чтобы для ученого была «мертва природа, чужды красоты поэзнн, лншена прелести и великолепия архнтектура, незаннмательна история веков». Несомненно, н сам Лобачевский имел яркое, хотя и спецнфнческн преломлениое художествениое дарование, которое позволнло постнгнуть иеведомый мнр неэвклндовых бескоиечных пространств и смело очертнть гнгаитские контуры мнроздаиия.

Шнрота нnтеллекта, его творческая мощь, а нередко печать иезаурядного лнтературно-художественного таланта была свойственна крупнейшнм дореволюционным ученым, вспомним хотя бы лнтературные и фнлософские пронзведения зачннателя русской математнческой фнзнкн В. А. Стеклова, тесные связн с художиикамн и музыкантамн первооткрывателя Перноднческого закона элеметов Д. И. Менделеева. В своей искусствоведческой статье о пейзажах Куинджн он пронинцательно пнсал о постепеино происходящем отказе художннка от антропоморфнзма в изображеинн прнроды н стремленни к ее объектнвному познанню. Углублеиность лнрнческого чувства человека, словно предстоящего под бездонным небом, была близка Меиделееву, которого всю жнзнь влекла шнрь «воздушного океана». Он звал к развнтню русского воздухоплавания, к овладенню этой стнхней, утверждая, что такое «бескровное завоеванне составит эпоху, с которой начнется иовейшая нстория образованности».

Заветы русской наукн, прнзывавшей ученого к максимальиой всеохватности творческого мышлеиня, былн восприняты в советское время лучшимн учеиыми страиы. Достаточно вспомннть глубокую увлечеииость проблематнкой смежиых наук, а также литературой н нскусством академнков П. Л. Капицы н П. В. Курчатова, многограниость таланта А. А. Любищева, пронзведеиия ученых-поэтов н учеиых-художииков, такнх, как А. Л. Чижевский, Д. И. Блохннцев...

После начавшейся в XX веке научио-технической революцнн творческий сиитез наукн, техннкн и искусства

стал не только более достижимым, но попросту необходимым для дальнейшего продвижения вперед в различных областях человеческой деятельности. Основной областью сближения, требующей аккумуляции самых передовых достижений человеческой мысли и техники, стала, по выражению Циолковского, область «космического творчества» человечества: космонавтика, астрономия, физика, философия...

В эту заветную область первыми вступили крупнейшие советские ученые-космологи — К. Э. Циолковский, В. И. Вернадский, А. Л. Чижевский, а также создатели ракетно-космической техники Ф. А. Цандер, С. П. Королев... Они оказались в числе наиболее активных участников начавшегося процесса. Предпринятые ими широкие комплексные усилия включали в себя творчество не только научно-техническое, но и художественное, литературное. Не было ли это распылением сил? Опыт показывает, что подобный путь в особенности важен на первых этапах столь грандиозных начинаний. Гуманитарное творчество ученого, конструктора было необходимо и для популяризации, пропаганды разрабатываемых идей, и для концентрации собственных усилий в нужном направлении, для создания особого «эмоционального подтекста» научно-технического творчества. Вернадский признался однажды: «Ученые — те же фантазеры и художники; они не вольны над своими идеями, они могут хорошо работать, долго работать только над тем, к чему лежит их мысль, к чему влечет их чувство». В этом утверждении тогда, в 1887 году, еще только начинавшего ученого много справедливого. Практическая работа в совершенно неизведанной области требует и непрекращающихся волевых усилий, и многогранных дарований, и способности к широким смысловым ассоциациям, к интуитивно-образному научному мышлению. Всеми этими качествами первые участники практического освоения космического пространства обладали в полной мере. В творческом наследии Циолковского есть несколько чисто художественных произведений, дружба с людьми искусства неизменно перерастала у него в плодотворное творческое общение. Так было с калужским художником И. Кудрявцевым, сыном того мастера, который помогал Циолковскому создавать первые модели космических ракет, так было с кинохудожником Ю. Швецом... Вернадский в разрабатываемое им понятие «ноосфера» включал все художественные

проявления человеческого интеллекта, оценивая его как явление космическое. Он утверждал, что «художественное творчество выявляет нам Космос, проходящий через сознание живого существа».

Разносторонняя одаренность основателя гелиобиологии и астробиологии художника, поэта, музыканта А. Л. Чижевского заслуживает особого внимания. Историк науки смог бы найти в его творчестве пример полностью реализованных человеческих и научных потенций, а также новаторской методики комплексного научного поиска. Чижевскому может быть дано редкое определение «поэт науки». Многие черты его таланта заставляют вспомнить облик Ломоносова. После ряда крупнейших открытий — взаимосвязи земных и космических явлений Чижевский написал удивительные поэтические строки, в которых мастерски передал свое глубоко личностное отношение к космосу:

Всевластный лик, глядящий с вышины!
Настанет ночь — и взор летит из бездны,
И наши сны, взлелеянные сны
Пронизывает знанием надзвездным...

(«Космос», 1921 г.)

Живое, человечески-эмоциональное восприятие мироздания позволило Чижевскому ответить на этот вечный «взор» небесных светил и установить стойкую взаимосвязь различных форм биологической, а также психической жизни на Земле с физической жизнью космоса — с мегаприродными факторами эволюции человечества. Ученый пришел к целостному, системному подходу в научном изучении геокосмических связей, к применению ряда смежных дисциплин и методов художественного творчества для доказательства «универсальной идеи единства всего живого со всем мирозданием». Будто продолжая попытки мыслителей и поэтов прежних времен отыскать закон мирового всеединства, Чижевский средствами точных наук установил влияние солярно-космических излучений на каждую живую клетку вещества — этот «резонатор» воздействий всей Вселенной. Но одновременно с напряженным трудом ученого, требовавшим колоссальной эрудиции, Чижевский увлеченно занимается музыкой и живописью. В десятках живописных произведений, написанных с большим лирическим чувством и худо-

жественным вкусом, он находит для себя не просто эмоциональные стимулы к дальнейшим исследованиям, но словно пытается отыскать «алгоритм» этих будущих работ. Созданные ученым-художником удивительные земные пейзажи вмещают в себя все его представления о родной планете как о крохотной обжитой части бескрайнего космоса. Картины Чижевского являются как бы художественным введением к серии его научных трактатов, а также их своеобразным философским эпилогом. Автор этих произведений будто становится одним из «объектов изучения», и его собственная жизнь предстает малой частью всеобщей жизни Вселенной, движением мыслящей частицы «космической материи». Элементы таинственности и фантастичности оказываются неизбежными в этих «изображениях неизобразимого» — бескрайнего «земного» космоса.

Живописное наследие Чижевского органично входит в русло космической темы советской живописи. И ближе всего к нему оказывается творчество человека, далекого от профессиональной науки и искусства,— первого русского художника-космолога Петра Фатеева (1891—1971). Немногочисленные друзья нередко называли его «Циолковским в живописи». И для этого были основания. Хотя творчество Фатеева осталось почти неизвестным для современников. Ощутив непреодолимую тягу к искусству, в 1913 году он ушел с 3-го курса Высшего технического училища в Москве и с 1915 по 1917 год занимался в Художественной студии Ф. И. Рерберга. Первые работы Фатеева появились в середине 1910-х годов, а в конце 1916 года часть их уже была показана на выставке «Фантастов и неореалистов». Потом последовало его участие в выставках «Салона Алмаз» и «Жемчужное солнце». В 1922 году на своей первой персональной выставке художник продемонстрировал 110 работ. «Космичность» жизни, ее вселенский характер, красота и разнообразие ее неведомых форм, одухотворенность каждой капли «живого вещества» мира — главное, чему посвящено творчество Фатеева. В своей «Краткой автобиографии» (рукопись) он признавался, что «тема космоса (пейзажи и жизнь иных планет)» была преобладающей на протяжении всей его творческой жизни. Из нескольких сотен живописных произведений большую часть художник создал в 50-е и 60-е годы, в пору активного вторжения космической тематики во многие сферы советского искусства,

Художник Юрий Швец (1902—1972) — другой яркий представитель этой темы в советском искусстве. Он не был ученым. Окончил Киевский художественный институт, обучаясь в классах В. Татлина и Н. Трескина, и начал свой творческий путь художником кино. Близкое знакомство с К. Э. Циолковским при работе над декорациями к фильму «Космический рейс» (1934) на всю жизнь привело художника к космической теме. В отличие от Фатеева, Швец стремился к созданию не столько художественного образа «космоса», сколько к поиску опоры на данные строгой науки, на теорию космоплавания Циолковского. В эскизах к ряду советских художественных кинофильмов о космосе и самостоятельных произведениях более всего чувствуется стремление Швеца к «подлинности», к точной эстетике научно-технической фантастики, к максимальному «реализму» в изображении.

Профессор, доктор технических наук, заслуженный деятель науки и техники РСФСР, генерал-майор-инженер Георгий Покровский (1901—1979) в равной мере может быть назван и ученым-практиком и художником-фантастом. Новая научная идея у него всегда возникала как синтез мысли ученого и интуиции художника. Большинство рисунков и картин Покровского можно отнести к особому виду творчества — «научно-художественной прогностике». Первые из них были опубликованы в середине 30-х годов журналом «Техника — молодежи». Несмотря на подчеркнутую научно-техническую «сюжетность» его работ — проектов «пневматической архитектуры» или аэрокосмической техники будущего,— они обладали образной выразительностью подлинного художественного произведения, хотя и посвященного новой, нетрадиционной для искусства теме. В одной из своих неопубликованных статей, размышляя о природе духовной деятельности человека, Покровский назвал «грандиозные архитектурно-строительные композиции итальянского художника Пиранези, технические рисунки Леонардо да Винчи и Дюрера» «высокохудожественным выражением напряженного технического творчества».

Язык науки, искусства и даже техники образен. Поэтому живопись может стать одной из начальных ступеней научно-технического творчества. Более того, в сфере искусства наука может прибегнуть к «иносказанию», жи-

вописно и пластически изобразить абстрактное понятие, стать «нарисованной гипотезой». А если перейти к общим проблемам, то специфическими средствами искусства может проводиться вероятностное моделирование будущего. Словно интеллектуальный катализатор, пробуждающий эвристические способности человеческого мозга, художественное творчество может способствовать научному на всех его стадиях. Изобразительному искусству — первому и главному проводнику человеческой мысли — здесь принадлежит особая роль. Поскольку в человеческом сознании зрительные образы преобладают, на них чаще всего направлено действие ассоциативных способностей интеллекта. Разрушая неизбежный автоматизм восприятия ученым материала исследования, искусство позволяет ему достичь своеобразного «эффекта остранения» в научном творчестве. Психология науки допускает, кроме того, применение эстетических критериев для определения истинности полученного результата и даже введение понятия «научной красоты».

В XX столетии наука и техника приобрели гигантское влияние на человека. Сила их воздействия на сознание может сравниться разве что с «диктатурой» гуманитарной культуры предыдущего периода. Начало космической эры установило новое соотношение между трудом ученого и поэта. Под диктовку ученого искусство, конечно, никогда не создаст ничего художественно полноценного. Но и параллельное накопление научной и эстетической информации в конце концов теряет смысл, оно должно смениться процессом взаимного обмена. Как и во времена Леонардо, наука должна стать частью мировоззрения живописца, а методы и весь интеллектуальный потенциал художественного творчества войти в арсенал исследователей и конструкторов.

Искусство поможет ученым овладеть тайнами творческой интуиции, даром воображения и «предсказания» — этим «венцом научной работы», по выражению Н. Умова. Оно призывало первое поколение советских ученых осуществить пронесенную через столетия мечту человека о будущем. Плодотворному союзу науки, искусства и техники было суждено ознаменовать новую эпоху человеческой культуры. Усилиями ее первых провозвестников космическая фантастика прошлого стала превращаться в передовую, устремленную навстречу будущему науку, а казавшиеся неосуществимыми теории космоплавания

вчерашиего дня на иаших глазах становятся техникой дня сегодняшнего н целой индустрией космического Завтра планеты.

В конце 50-х годов после запуска в СССР, а затем в США первых искусственных спутников Земли мировое искусство испытало подлинный «взлет» с каждым годом расширяющейся и углубляющейся космической темы.

Газеты всех стран мира вдруг запестрели заголовками, словио взятыми напрокат у прожженных писателей-фантастов: «Космическнй десант!..», «Русскне в космосе!», «Штурм неба!..» И, наконец, крылатое имя «Гагарин» облетело изумленную планету.

Всего лишь за одно столетне древняя мечта о небесном полете, как иегасимый огонь, хранимая в недрах русской культуры народными сказителями, поэтами, учеными, обрела вместо гоголевской «птнцы-тройки» н реактивного корабля Кибальчнча — сначала авиационый пропеллер самолета Можайского, а потом ракетные дюзы «Востока-1». Далекое слово «космос» со стремительиостью сигарообразного исполина, стартовавшего над неведомым доселе космодромом, вошло в жнзнь миллиардов людей. Но теперь оно принесло в искусство не только ореол фантастичности и загадочностн. Десятками художников из социалистических стран оно было воспринято как предвестие новой эры в мировом искусстве. Говоря о влняиии на художественное творчество эпохального события 12 апреля 1961 года, художиик Н. Н. Жуков, руководнтель Студии военных художников им. М. Б. Грекова, заявил, что «речь идет о новой эре, эре космической жизнн человека. Фантазня и реальиость сливаются благодаря этому подвигу советского человека».

В конце 50 — начале 60-х годов в советском искусстве произошло стихийное обращение к космической теме молодежи и многих крупиых, вполне сложившихся мастеров. Закономерным кажется, что первымн в большом нскусстве к ее освоению подошли монументалисты: так начииался напряженный понск соизмерных с пронсходящими событиями эпнческих форм их образно-художественного воплощения. Открытие первых моиумеитов Г. Постннкова и А. Файдыша, появление живописных илн скульптурных работ А. Дейнеки, Ю. Нероды, А. Соколова привлекало к себе виимание не только художественной критики, но н шнрокой общественности страны.

Огромный интерес к теме освоения космоса почти сразу проявился и в большинстве социалистических стран. В Чехословакии, Венгрии, Югославии, Румынии наряду с плакатной и журнальной графикой, для которой космонавтика стала настоящей злобой дня, появились работы скульпторов и живописцев, а в Польше и Болгарии начали складываться целые национальные школы «космической живописи».

Опыт советской живописи позволил художникам стран социализма избежать болезненных извращений космической темы, характерных для искусства буржуазных государств. Как и в дореволюционной России, ее колыбелью для западноевропейской и американской живописи была фантастика. В пору взрывного индустриально-технического развития второго десятилетия XX века, «американизма» в культуре и тотальной машинерии не произошло органического сближения западного искусства с современной наукой и техникой. Значительные «художественно-проективные» возможности, имевшиеся у фантастической живописи, энергия футуризма, «вортизма» и некоторые другие элементы прогрессивных левых направлений буржуазным искусством использованы не были.

Новаторское течение «научно-художественной прогностики», зародившееся в советской живописи в 20—30-е годы, оказалось во многом уникальным и не имело аналогов за рубежом. Ближе всего к нему подходили принципы художественно-технического конструирования немецкого Баухауза, европейского и американского дизайна. Всю первую половину XX столетия модернистские и авангардистские тенденции оказывали на фантастическое искусство Запада прямое и весьма ощутимое воздействие. Название такой известной художественной выставки, как «Фантастическое искусство, дада, сюрреализм», прошедшей в 1936 году в Париже, говорит само за себя. Отдаленное от практической людской деятельности и окрашенное в фантастические тона, беспредметное искусство существовало параллельно с дизайном и иллюстративным жанром толстых литературных журналов, альманахов и книг, уводящих читателя в глубины «потустороннего» мира. Классическими представителями западной космической фантастики были американцы Фрэнк Паул, Вессо (Ганс Вессоловски), Губерт Роджерс — в 30-е и 40-е годы, «ЭдЭмш» (Эдмунд Эмшвай-

лер) и англичане Джеральд Квнн, Джеймс Старк — в 50-е, Брайаи Льюис, Дэвид Пэлхам, Борис Арцыбашев, Фрэик Фриз — в 60—70-е годы. Этот список можно значительио пополнить немецкими, фраицузскими, японскими нмеиами, но ничего существенного в аигло-американскую школу фантастической иллюстрацин и комикса они ие виесли, сами испытав на себе ее огромное влияние. Сюжеты бесконечного числа фантастических детективов иа космические и иные темы определяли художествеииый уровеиь существующего из чисто коммерческих соображений явления. О нем ие стоило бы упоминать, если бы не колоссальная распространеииость именно такого вида изобразительиой фантастики, затмившего многие иные тенденцнн западного искусства.

Чуждый всякой развлекательности мистнческий уклои, тумаиность «метафизического» содержання и поиижеиие эстетическнх качеств живописи заметиы в течеиии «космик арт». С иачала XX века оио распростраиилось иа ряд западноевропейскнх н развивающихся страи, но прочнее всего обосиовалось в США. Работы Джерардо Доттори, Рокуэлл Форнер, Колумбии Кребс, Бирена Де, Кришиалала Бхатта — вот иезначительные величины этого двнжеиня, почти иезаметиого в гуще культуриых явлеиий современиости.

Но иапрасио было бы полагать, что какое-либо культуриое явление может быть изолнроваио от мощиого и благотвориого влияиия реальиой действительиости. Так, например, под иесомиеииым воздействием эпохальных достижеиий советской, а затем и америкаиской космоиавтики с коица 1950-х годов в журиале «Миссилс эид рокетс», издаваемом НАСА, стали нзредка появляться произведеиия художииков совсем ниой иаправленностн, далекой от нллюстративио-журиального «сайеис-фикши арт». «Научио-художествениое», по его собствеииому определеиию, творчество Саймпсоиа-Майдлмэиа, создавшего ряд композиций выраженного декоративиого характера, чем-то иапоминало эстетику советских художниковконструкторов 20-х годов — Родченко, Татлина, Степановой, Поповой... В том же журиале в 1957 году иачал свой путь к теме космоса талантливый мастер Чесли Бонстелл. Его способиости раскрылись в коице 60-х годов во время работы в группе более чем полусотии художников, приглашенных НАСА участвовать в художествеииой программе «Аполлои» — программе увековечеиия в про-

изведениях искусства знаменитого полета «Аполлона» на Луну в 1969 году. В момент подготовки полета и после его завершения было создано несколько сотен картин и рисунков, среди которых есть произведения таких художников, как Роберт Маккол, Пол Калле, Ив Кэмпбелл, Норман Рокуэлл, Роберт Раушенберг, Митчелл Джемиссон, Никола Соловьев, Людек Пешек...

Отличительной чертой почти всех этих работ является их реалистичность, иногда подчеркнутая и доведенная до уровня «гиперреализма» или «фотореализма» — течений, распространенных в современном западном искусстве. Но объяснить это стилистическое сходство можно и иными причинами; отсутствие атмосферы придает особенную четкость всему окружающему: лунным пейзажам, очертаниям космических аппаратов, скафандров и т. п. Уместно заметить, что трезвомыслящие представители НАСА оказались далеки от желания пригласить к участию в своей живописной программе представителей различных авангардистских группировок современного западного искусства.

Альбом с 250 красочными репродукциями под названием «Очевидцы Вселенной» появился в США в начале 70-х годов, но и его название и сами работы, отличающиеся странной бездуховной механистичностью в исполнении, не вызвали особых восторгов. Настоящим «очевидцем» космоса, человеком, впервые шагнувшим за борт космического корабля и глазами художника увидавшим живую, несравненную красоту бескрайних просторов Вселенной, стал Алексей Леонов, летчик-космонавт СССР. Его зарисовки, цветными карандашами сделанные на «космическом пленэре» в состоянии невесомости, и большинство последующих живописных произведений, выполненных уже на земле, предстали перед зрителями как уникальные «художественные документы». Эти работы явились отправными для многочисленных творческих поисков художников космической темы из разных стран. Они учили опираться на подлинный «факт», на достоверное «знание» о космосе, полученное пусть и не в космических полетах, а в тесном общении с учеными-космологами и космонавтами.

Первые рисунки А. Леонова были опубликованы в 1965 году в журнале «Техника — молодежи» одновременно с рядом работ художника-фантаста А. Соколова.

Так было положено начало пропаганде редакцией журнала направления «научно-фантастической живописи». Давая такое название целому ряду живописных работ, публикуемых из номера в номер, редакция подчеркивала их связь с эпохой научно-технической революции, с эпохой не только огромных свершений, но еще более грандиозных научно-технических и социальных заданий на будущее. Космическая тема была ведущей в «научно-фантастической живописи», но не единственной: значительная часть ее произведений посвящалась будущему Земли, ее природы, человеческого общества, техники и науки и, наконец, самого человека.

Поначалу работы, присылаемые на ряд объявленных журналом с 1966 по 1977 год международных конкурсов «научно-фантастической живописи» были тесно связаны с научно-фантастической литературой и являлись ее своеобразным визуальным дополнением. Но все чаще среди произведений самодеятельных художников и профессионалов стали появляться художественно самостоятельные, яркие, оригинальные по сюжету. Все большее их число посвящалось космическому будущему обитателей Земли.

Громадный успех конкурсов — сотни рисунков и картин из большинства союзных республик и многих социалистических стран — заставлял задуматься о массовости явления, о громадной потенциальной энергии, таящейся в недрах «космической фантастики». Произведениям первых представителей этого течения советского искусства — П. Фатеева, Ю. Швеца, Г. Покровского,— также присланным на конкурсы «Техники — молодежи», не уступали работы молодых художников. В 1973 году, на Выставке научно-фантастической живописи в Баку, развернутой журналом во время XXIV Международного Астронавтического конгресса, состоялась первая серьезная проверка на зрелость советской космической фантастики. И она была выдержана.

«Я потрясен увиденным,— заявил Ч. Драйпер, один из крупнейших астрономов наших дней, президент Международной Астронавтической ассоциации.— Я совершенно не был подготовлен к тому, что в Советском Союзе художники работают в этой области. Новый жанр не только интересен, но важен для развития наших представлений о будущем».

О творчестве советских художников тепло отозвался

участник конгресса — известный американский искусствовед, художник, главный редактор журнала «Леонардо» Фрэнк Малина.

Передвижные «Выставки научно-фантастической живописи» были показаны журналом во многих городах СССР, в странах социализма, в Западной Европе, Азии, Африке, и везде их ждал огромный успех. В конце 70-х годов из собрания «Техники — молодежи» была создана картинная галерея «Время — Пространство — Человек», имеющая в своем фонде более 600 работ из Советского Союза, Болгарии, Монголии, Польши, Чехословакии, Югославии. Основная их часть принадлежит «космической фантастике». В числе авторов — инженеры, ученые, архитекторы, учащиеся... Заслуживают быть названными имена многих самодеятельных и профессиональных художников, живописцев и графиков: Е. Букреева, В. Бурмистрова, В. Глухова, Г. Голобкова, Вл. Егорова, В. Казьмина, А. Климова, В. Лукьянца, А. Махова, чеха И. Мнковца, Ю. Миронова, И. Новоженова, С. Повилайтиса, А. Соловьева, М. Стерлиговой, Г. Тищенко, О. Утенкова, П. Тюрина, болгарина Д. Янкова...

Понятие «профессионализм» часто отступает на второй план, когда приходится говорить о научно-технической и космической фантастике наших дней. Ведь из человеческой мечты и даже из гипотезы нельзя сделать профессии... Всех этих очень разных, в основном молодых, художников объединяет широта культурного кругозора, интерес к современной и будущей науке и технике, художественный вкус и, главное, особая поэтика раскрывающегося с каждым годом все шире космического бытия человечества.

Инженер из Свердловска В. Бурмистров, служащий из Подмосковья А. Белый, художник-декоратор из Баку Г. Тищенко, учащийся из Ленинграда В. Калинин — талантливые последователи Ю. Швеца и Г. Покровского. Они увлечены технической фантастикой, проектами космических поселений будущего, аэрокосмических аппаратов. Оригинальные конструкторские и дизайнерские решения, робототехника, экология, техническая эстетика будущего — вот круг излюбленных тем их творчества. Какими должны быть форпосты человеческой культуры в космосе — орбитальные и межпланетные станции, космические корабли, архитектура инопланетных городов-колоний землян? Возможно ли в космосе прийти к орга-

А. Н. Лопатников. «Учитель из Калуги».

П. П. Фатеев. «Облака».

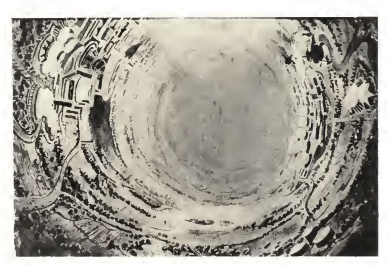
С. И. Шиголев — один из зачинателей жанра космической фантастики в живописи. «Машины в космосе».

Г. И. Покровский. «Посланец Земли».

Ю. П. Швец. «Луна. Океан Бурь. Проспект им. Гагарина».

Б. А. Смирнов-Русецкий — яркий представитель течения «русского космизма» эпохи первых пятилеток. «Космическая геометрия».

А. К. Соколов. «Космополис».



А. А. Леонов. «Восход-2» над планетой».

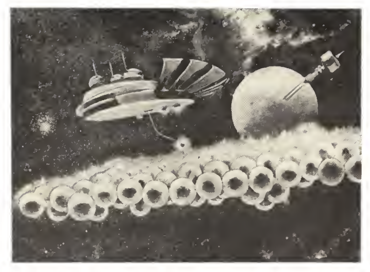
Димитр Бокалов (НРБ). «Дорога открылась».

Ян Микеш (Чехословакия). «Юрий Гагарин».

В. И. Писарев. «Перед стартом».

Малком Бутемж (Монголия). «Космос».

И. Ж. Хелмут. «Полет».

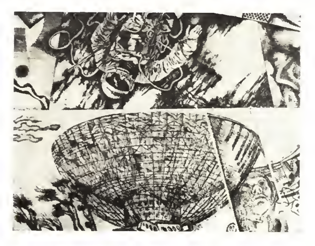


В. И. Бурмистров. «Заправочная станция в космосе».

Б. В. Окороков. «На земной орбите».

Г. Г. Поплавский. «Возвращаемый аппарат».

А. П. Плахов. «Связь с Землей».



Ю. А. Походаев. «В космос!»

С. А. Гета. «Мы видим, нас видят».

И. Г. Новоженов. «Крылья».

Чесли Бонстелл (США). «К новому миру».

М. Н. Ромадин. «Невесомость».

Д. М. Утенков. «Трава забвения».

Роза Гажо (ВНР). «Памяти Циолковского».

В. А. Глухов. «НЛО».

А. Б. Якушин. «Икар».

Р. С. Гевондян. «Звездный час».

ническому слиянию научно-техиической «ндеи» вещи нли сооружеиия н представленнй людей о красоте?

Неукротимая человеческая жажда познаиня, приведшая в середние XX столетня к настоящему «ннформациоииому взрыву», вдохновляет едва ли не большннство художников космической фаитастики. Не только тайны большого космоса, но н белые пятна Землн, ее иастоящего и прошлого стаиовятся сюжетами многнх пронзведеиий. Для пытлнвого н строгого разума фантазня — не более чем первая формулнровка гипотезы-предположеиия.

Палеокосмоиавтика и проблемы возможных в будущем коитактов землян с космическим разумом — одна нз самых популяриых тем, нмеющая своих представнтелей среди художииков миогнх стран. Возможиостн жанра позволяют нм ие оставаться в положенни «нллюстраторов» ведущих иа сей деиь научиых миеннй по различным аспектам темы «коитакта». В своих произведеиияx художиики прнходят к созданню самостоятельиых н полиоценных художествеиных образов, тесно связаииых с нашей современиостью. Их подход к неизвестным и «аиомальиым атмосферным явлениям» значнтельно отлнчается от штампов западной «уфологнн». Изображая свечеиие вторгшегося в ионосферу Земли космического тела нли плазмеиное «облако», висящее высоко над Мнровым океаиом, москвнчи В. Семнлетов и П. Тюрин ие уходят от фнзической реальиости мира, а пытаются всего-навсего расширить круг сюжетов современной космической жнвописи. Для В. Глухова повисший в небе, подобио воздушной медузе, «фаитом» ие обязательио должеи являться инопланетным кораблем: он вполие может оказаться миражиым объектом, имеющнм непосредствениое отношение лишь к «наблюдателю». Часто художннк нзображает иа своих полотиах «взгляд в себя», то есть иечто увиденное путем иапряжеиного самосозерцаиия, которое может быть иазвано скорее художественным обобщением имеющихся знаннй, их воспроизведеннем на холсте. И зрителю очень важно, что виутреннй мир художнка, познающего своим творчеством мнр, оказывается спокойным, гармоничиым н созвучиым эпохе.

То же можио сказать и о целой серии работ В. Лукьяица, посвящениой таииствеииой жизни иеба и земли. На его картииах предстают Карелия, Белое море, Соловецкий архипелаг — ореолы небесиого сияиия, нгра сол-

нечных лучей, преломленных в иглистом, морозном воздухе, а внизу, словно антенны, ловящие отголоски загадочных небесных явлений,— силуэты «вторгающихся» в небо северных древних церквей, поставленных некогда крепкими мастеровыми руками.

Богатейшие художественно-изобразительные возможности «космического пейзажа» открывают нам художники, так или иначе ориентирующиеся в своем творчестве на традиции «Голубой розы», Чюрлёниса и Фатеева, Николая и Святослава Рерихов... Но что дает возможность называть «космическими» работы, лишенные всякой неземной экзотичности?

Исследования современных философов и социологов показали, что в наше время идет все более нарастающий процесс «космизации» сознания современного человека, если понимать под ним отход от схем геоцентрического «птолемеевского» мышления. Вне сферы точных наук — в творчестве художников, поэтов, композиторов — это явление названо критикой особым «чувством космоса». Величавая, поистине вселенская гармония пейзажей М. Стерлиговой, с неподдельным мастерством изображенные ею восходы и закаты Солнца, предстают словно «разгаданная» художницей нескончаемая мистерия бытия. Живой, теплый свет, струящийся от ее холстов, воспринимается как высокое поэтическое и художественное обобщение. Красота, гармония, покой — не уникальное земное явление, а закон, охватывающий все мироздание. Отголоски древнего, пифагоровского представления о «космосе» как о «симфонии» галактик и миров преломляются через сознание современного человека и поэтически усваиваются им. Тонкие вибрации светоносного вещества, виртуозно запечатленные на холсте, улавливаются глазом, безотчетно передаются к ушам, и зритель начинает «слышать» вселенскую музыку жизни. Это она некогда стала лейтмотивом живописных сонат Чюрлёниса...

Но вот на другом холсте это едва заметное, хочется сказать, «броуновское» движение вещества вдруг сменяется его взрывом, разлетом на кванты только что цельного трехмерного пространства. Словно брызги солнца, со скоростью света на зрителя несутся, пронизывая его насквозь, неуловимые фридмановские микромиры. Происходит «мутация» материального мира, переход его привычных форм к новому «лучистому» состоянию, о ко-

тором писал К. Э. Циолковский. Удивительно близко подходит художница к сферам чистой науки — ядерной физики и астрофизики,— но от этого эстетическая ценность ее произведений ничуть не уменьшается. Здесь уместно вспомнить знаменитое изречение Леонардо: «Живопись есть наука и законная дочь природы». Искусство и наука не могут да и не должны взаимозаменяться, они призваны в тесном взаимодействии способствовать успехам друг друга, повышая общую культуру человеческого мышления. Может быть, прийти к такому синтезу Стерлиговой помогло инженерное образование и ее специальность — газоразрядные лампы? Очевидно, секрет воздействия композиций на дереве кандидата наук астронома Н. Якимовой — в сочетании художественного таланта с научными знаниями. Художнице удалось поэтически соединить на своих живописных «досках» верхний и нижний корреляты бескрайней Вселенной — макрокосм и микрокосм вечного «живого вещества» мира.

Точность художественного высказывания, логическая ясность отличает «натурные» пейзажи В. Егорова и А. Шеко, аллегоризм — работы А. Махова, стихийная цветомузыкальная пластика характерна для продолжателей традиций Чюрлёниса — К. Кастальского-Бороздина и В. Казьмина, для холстов Г. Куринна, А. Климова и Н. Якимовой, акварелей таджика В. Хакимова, графики П. Тюрина. Подчеркнутую или, напротив, скрытую смысловую сюжетность вводят в свои космические ландшафты Д. Янков, Е. Поливанов, В. Кабаченко.

Напряженное внимание к человеку, его внутреннему миру, его веками неутоляемой жажде полета — основной эмоциональный подтекст произведений космической фантастики. Но нередко он выходит и на поверхность, становясь открытым поэтическим «текстом» картины. Человек И. Новоженова — это его современник и вместе с тем это один из образов «вечного человека», для которого Земля — лишь берег нескончаемой небесной реки, а мечта — это и крылья и весла для плавания к иным мирам и пространствам. Художник А. Соловьев близок Новоженову в стремлении «услышать» вместе с героем своих картин нескончаемый зов неба и ответить на него высоким взлетом чувств, песней сердца.

Можно спорить о художественных достоинствах и недостатках произведений этих в большинстве своем непрофессиональных авторов. Но сама массовость усилий

людей разных возрастов и специальностей, живущих в разных государствах, усилий по расширению «ойкумены современного искусства» заставляет признать, что перед нами новое сложное явление современной культуры, порожденное гигантскими успехами человечества по освоению космического пространства.

Ныне в «творимый космос» искусства сознательно устремляется все больше художников разных стран мира, и в первую очередь социалистических, для того, чтобы увереннней стала поступь человечества в его начавшемся движении к неведомым мирам.

Профессиональное и самодеятельное творчество в странах социализма за последнее десятилетие принесло много интересных имен в космическую фантастику. В Польше сложились стойкие традиции в этой области живописи. Выставка «Коперник — Космос» 1973 года в Торуни и «Фантастика — метафора» 1975 года в Познани выявили значительные творческие достижения и молодежи и зрелых мастеров — А. Новацкого, Я. Бердичака, И. Гурда, З. Котлярчика, К. Либерской, З. Станка и многих других. В Болгарии стали широко известны художники-фантасты Д. Янков и Н. Руцков, С. Лефтеров и П. Аврамов. В Румынии — А. Бэкулеску вырос в талантливого художника-монументалиста, интерес к космической тематике проявили Д. Букур, С. Братеску, С. Бэлаша, И. Никодим. В ГДР она привлекла внимание Б. Хайзика и С. Петера, в Монголии — М. Бутемжа и П. Мэлса, в Югославии — Л. Поповича, В. Величковича, Д. Джурича, в ЧССР — молодых художников Я. Микеша и К. Забоя, скульптора А. Иваньского и многих других мастеров.

Фантастико-космическое направление в демократическом искусстве многих стран мира можно уподобить морскому течению — своеобразной реке без четко означенных берегов. Оно легко вбирает в себя произведения многих видов и жанров — монументальные, станковые, декоративно-прикладные, пейзаж, портрет... Но так же неуловимо меняется и основное звучание всех этих произведений, их восприятие зрителем. Сама тема «человек и космос» имеет подчеркнуто проблемный, мировоззренческий характер. Она требует от наиболее зрелого, профессионального искусства вдумчивого, внимательного подхода,

широты научного и культурного кругозора, творческой смелости и колоссальной самоотдачи. Нужно учесть, что гигантский размах исследований космоса и еще большие масштабы открывающихся новых тайн Вселенной неизбежно привносят в художественное творчество элементы «фантастичности», ибо зовут средствами изобразительного искусства ответить на встающие перед человеком все новые вопросы.

В 70-х годах восприятие «космической темы» советским изобразительным искусством стало более зрелым и глубоким. Этому способствовал ряд конкурсов и художественных выставок, проведенных Союзом художников СССР. Среди них можно особо выделить международный конкурс на проект памятника запуску первого искусственного спутника Земли и ряд художественных выставок: «Аэрофлот глазами художников» (1973), советско-американскую выставку «Космос» (1974), советскую выставку «Космос» в США и странах Западной Европы (1977), художественную выставку, посвященную 20-летию запуска первого в мире искусственного спутника Земли в Москве (1978).

Интерес советского искусства к теме освоения космоса, бурно проявившийся в конце 50-х годов, с тех пор неуклонно рос. В конце 60-х годов над ней стали работать постоянно уже десятки мастеров. В начале 70-х годов к И. Некрасову, Ю. Королеву, А. Васнецову, М. Муйжеле присоединились Ю. Походаев, Б. Окороков, А. Степанов, И. Пекур, В. Карпов, А. Кютт, А. Тюрин. Значительное влияние на углубление интереса к этой теме оказали художественные выставки, проведенные в Доме космонавтов Звездного городка под Москвой. В 1975 году там состоялась персональная выставка из 75 произведений художника-космонавта А. Леонова. В 70-х годах появились мемориальные комплексы Д. Кербеля в Калуге, Я. Скрипкова в Звездном городке. Новые сюжеты и образы ввели в русло космической темы работы Т. Салахова, Н. Томского, В. Цигаля, А. Кибальникова, Ю. Титова, Б. Окорокова, Ю. Чернова, С. Ковнера, М. Ромадина, А. Дембо и Х. Блунавса, М. Греку и М. Шважаса, Ю. Атлантова и Н. Гаева, И. Хелмута и А. Гурикова. Одно перечисление имен этих мастеров, в большинстве своем хорошо известных работами традиционной тематики, может также свидетельствовать об усилении интереса к новому направлению искусства

Весной 1976 года Союзом художников СССР была создана творческая группа «Интеркосмос», руководителем которой стал художник Ю. Походаев. В ней объединились мастера почти из всех союзных республик, а вскоре к ним примкнули живописцы и графики многих стран социализма. Первый этап работы закончился на редкость плодотворно: около 100 произведений было с успехом показано в Европе и США. После этого творческие контакты между художниками уже не прекращались. В январе 1979 года группа собралась вновь. Целый ряд ярких, талантливых работ стал творческим осуществлением положения программы «Интеркосмос», ее планов расширения культурного сотрудничества и обмена между социалистическими государствами, совместной работы не только в космосе, но и на земле.

Вступая в подлинное сотворчество с веком, мастера разных художественных ориентаций, различных национальных школ живописи приобрели огромный заряд творческой энергии и одно-единое дыхание, которое помогло им верно улавливать ритмы времени. Около 30 художников оказались объединенными не только высоким мастерством, эрудицией, острым чувством эпохи или поэтичностью взгляда на мир. Внимание к «человеку в скафандре», его внутреннему богатству, идея космического побратимства, духовное величие человека, устремившегося к иным мирам,— вот главные характеристики, приложимые к творчеству всех без исключения участников группы. Их работы, посвященные, казалось бы, самым неприметным земным эпизодам космической эпопеи, неизменно озарялись светом далеких солнц и ответным теплом человеческих сердец. Важнейшая творческая задача, как ее себе представляют художники,— создание нового для мирового искусства образа «человека космического» — героя-первопроходца Космоса и сына Земли.

Руководитель группы — художник Ю. Походаев — автор уже более 50 работ, посвященных освоению космоса. Целеустремленность и творческая энергия позволяют ему откликаться почти на все значительные события, касающиеся международного сотрудничества в космосе. Эта тема содружества сразу стала ведущей в его творчестве. Художнику важно показать не только величие подвига пионеров космоса, их мужество, героизм, душевную чистоту, но и дружбу, взаимопомощь, верность общему делу всех людей земли. Личное знакомство с А. Леоновым, его

щедрый творческий опыт помогли Походаеву найти свой подход к космической теме. А сделать это было непросто, ведь художник убежден, что с ее появлением в мировом искусстве началось движение к совершенно новой своей эпохе.

В 1975 году Походаев создает холсты «Ракетчики» и «Далекие планеты», за которыми следует целый ряд все более значительных работ: «Дублеры», «Первый космонавт земли», «В открытом космосе»... Его знаменитую работу, посвященную совместному полету советско-американского экипажа, увидели миллионы людей в странах Европы и в США. Огромный масштаб, всеохватность и динамика событий новой космической эры вскоре привели художника к созданию целых серий живописных работ, которые в будущем, по мысли автора, могут послужить материалом к нескольким монументальным фресковым панно. Таковы его работы из серии «Интеркосмос». По сути, это галерея портретов особого типа, словно отдельных кадров из жизни космонавтов, запечатлевших облики интернациональных экипажей социалистических стран. Ряд пейзажей серии «Вселенная» — попытка средствами станковой живописи выразить захватывающую величественную красоту планетарных, межзвездных, галактических «пейзажей». Свечение пылевых туманностей, рождение и гибель звездных систем, гигантские сияющие протуберанцы космической плазмы — вот новые сюжеты для изобразительного искусства, требующие от художника безупречного вкуса, творческой смелости и неистощимого мастерства. Космос — это не черная зловещая бездна, он живописен, он удивительно красив, убеждает нас художник. Вот в открытом космосе парит одинокая фигура человека в скафандре. Она может показаться беспомощной и беззащитной, но это лишь «эмбрион» будущей космической цивилизации землян, которым предстоит освоить, обжить бескрайние пространства...

И в искусстве, и в космосе человек не может быть одиноким. Может быть, поэтому столько надежд Походаев возлагает на опыт коллективного художественного творчества. Деятельность группы «Интеркосмос» в этом отношении можно признать уникальной.

Средний возраст участников группы — 35 лет. Новизна, емкость темы, возможность проявить в работе над ней разнообразие своих дарований привлекает моло-

дежь. Немало яркого, национально-самобытного в произведениях болгарина Д. Бокалова, кубинцев А. Перреса и П. Тоскано, монгола М. Бутемжа, художников из России — В. Рожнева, П. Веселова, А. Плахова, О. Гречиной, А. Чебыкина, минчанина Г. Поплавского. Чувство космичности происходящего и одухотворенный лиризм отмечает работы А. Лопатникова из Одессы и ереванца Р. Гевондяна, рижанина И. Хельмута и А. Степанова из Алма-Аты, румына С. Балаша и чеха Я. Микеша...

Эстетическое постижение современной действительности, всецело устремляющейся в будущее, невозможно без попытки взглянуть за грань происходящего, увидеть то, что только готовится стать реальностью нашего завтра. Художник из ЧССР К. Забой назвал свой диптих «Планета Х». Ему, как каждому «живописцу будущего», особенно близок постигающий неведомое разум человека. В глазах командира корабля чувствуется спокойная сила, за которой стоит знание, уверенность в поддержке родной Земли. Каждому, кто встречает на картине этот взгляд космонавта, художник дает почувствовать себя представителем единого человечества, которое лишь все вместе, усилиями всех людей в состоянии проникнуть в глубины космоса.

Подобно фрагментам стенописи, предстают перед нами произведения «Перед стартом» В. Писарева из Ленинграда и «Космос» монгола М. Бутемжа. Контрастная цветность первой работы, статичной, нарочито утяжеленной — это лишь прием, помогающий изобразить последние, как в замедленной киносъемке, текущие минуты перед взлетом, «паузу», которая вскоре сменится вихрем красок и движения. Картина Бутемжа как бы продолжает развитие этого процесса, являя собою новое, неземное состояние цветов и форм. «Печать невесомости» лежит на всем изображении. На одном холсте художник «скадрировал» встречу на земле и пребывание в космосе, пейзажи далеких небес и изображение с детства знакомых цветов. Так бывает в памяти, которая является, быть может, самым совершенным средством связи космического и земного бытия человека.

Соприкосновение с космосом таинственно преображает все происходящее и происходившее. А. Лопатников глазами нашего современника пытается разглядеть в образе Циолковского недавнее прошлое Земли, начало космической эры, но обнаруживает в нем не только на-

стоящее, но и отдаленное будущее нашей жизни. Рука художника как зачарованная вырисовывает едва различимые контуры летательных аппаратов, роящихся над головой «Учителя из Калуги» (так называется картина). Листы рукописей и чертежей на равных, подобно крыльям летательных машин, парят рядом с еще не созданными космическими кораблями. Искусство художника дает нам почувствовать «поэтику научного поиска», начавшегося некогда в неприметной российской провинции, а ныне захватившего весь мир.

А вот хрупкая фигурка девушки, которая на миг застыла в своем балансировании между двумя мирами — прошлым, открытым перед глазами, словно окно в XVII фламандский век, и будущим, необъяснимым, стремительным. Это работа москвички Т. Цигаль «У окна». Подлинное — это «настоящее», в котором сталкиваются оба мира — сознание художницы и ее творчество. И это сознание безмятежно и внутренне доверчиво — как во все времена было и будет, пока существует искусство.

Характерные признаки «интеллектуального стиля» современной советской живописи видны в большинстве работ и отечественных, и зарубежных авторов. Мысленно провожая человека в космос, художники стремятся к тому, чтобы он покинул Землю, не утеряв, не забыв ничего из накопленного ее народами тысячелетнего культурного достояния. В произведениях А. Плахова, О. Гречиной, А. Веселова, Р. Гевондяна ощутима неожиданная на первый взгляд, но настойчиво прослеженная их авторами «связь всех времен». Настоящее, при всей стремительности его метаморфоз, предстает лишь как вдумчивый собеседник в нескончаемом диалоге прошлого и будущего. Грядущая эра оказывается «заданной» нынешними прозрениями ученых и поэтов. Поэтому для умудренного опытом человечества XX века юношеское, романтическое «право на мечту» становится долгом, по мере сил исполняемым художниками.

Творческая взаимопомощь позволяет участникам группы «Интеркосмос» идти по горячим следам современности, запечатляя в своеобразной «художественной летописи» неповторимую духовную атмосферу века начавшегося освоения космоса. Плодотворность происходящих контактов художников социалистических стран показывает, что дорога в открывшиеся перед человечеством дали не должна быть пройдена в одиночку и требует

объединения еще на Земле усилий многих людей — от учеиых до художников.

Начиная с двадцатого столетия, из века в век будет происходить проверка в бескрайнем космосе зрелости человеческого духа, его воли к жизни, к созидательному творчеству. Но уже сейчас здесь, иа Земле, в мастерских художников миогих страи происходит «испытание космосом» профессиональной и душевиой зрелости маститых и совсем молодых мастеров, сознательио шагиувших в «космос» земного искусства. Мы видим, как в их творчестве обнажаются глубинные гуманистические традиции мирового искусства, впитавшего в себя ту «древнюю, человечью любовь к соседией звезде», о которой вдохновеиио писал советский поэт Павел Васильев.

Освоение космоса, иачатое иашей страной, может быть продолжеио согласиыми усилиями всех людей Земли. Оио будет означать обживание и «очеловечиваиие» космоса. И это всемирное дело недоступно одиому лишь союзу иауки и техники: его призвано одушевлять и укреплять искусство мечты и воли, самое зрелое и передовое искусство своего времени.

Закономерный вопрос, где в изобразительиом творчестве должна проходить грань между фантастикой и реальиостью, между космическим и земиым бытием человека, приводит к поискам первоистоков направления «космической фаитастики» и всей космической темы современного советского искусства и демократического искусства других стран мира.

Не вызывает сомиеиия романтическая окраска всего направления, хотя это романтизм особого рода, он не уводит художиика и зрителя в мир вымыслов, на утопические «острова блаженных» или в бездиы ужаса и иасилия. Он влечет искусство иавстречу грядущим временам, устремляя человеческий разум в открывающиеся перед ним новые и необжитые пространства. Не меиее существеины народно-фаитастические истоки иаправления, его связь с фольклором и запечатлеииой в ием вековечной мечтой человека о власти иад временем и пространством, о свободном и радостном духовиом всебытии, мечтой, озарявшей жизнь каждого поколеиия земляи. Но более всего остального важиа укорененность фаитастико-космического искусства в недрах русской и мировой реалистической

живописи, ее кровная связь с жизнесозидающими задачами художественной культуры, с движением жизни вперед. Недаром такое значение мечте, творческой фантазии, преображающей мир, придавал В. И. Ленин: «Фантазия, — писал он, — есть качество величайшей ценности» (ПСС, 4 изд., т. 33, 284). Это качество, свидетельствующее о гуманистическом содержании космической фантастики, о заложенных в ней неиссякающих творческих потенциях человеческого разума, есть и в произведениях лучших представителей космической темы мирового изобразительного искусства.

Успехи науки и техники конца второго тысячелетия нашей эры оказались способными потрясти любое воображение. Даже Поэзия и Красота, странствовавшие ранее лишь по земным дорогам, обрели свой Млечный Путь. Новое научное мировоззрение и современнейшая техника позволили человеку «вглядеться» в незримые доселе образы мироздания для того, чтобы полюбить их. Мы воочию стали видеть! Уже не только через линзы сверхмощных телескопов, но и сквозь иллюминаторы космических кораблей, шлемы скафандров — нашим глазам приоткрылся космос...

Феликс ЧУЕВ

МИНУТА МОЛЧАНИЯ

ПОЭМА

Гордой памяти
Юрия Алексеевича Гагарина

1

В беспокойную хмарь,
на рассвете России,
над испуганным шепотом русых полей,
подымала смутьянов
«нечистая сила»
и взлетали «антихристы»
выше церквей.

Запах дымных костров
над просторами стлался,
этот первый
уверенный запах весны,
и глядели на землю
земные посланцы,
будто знали,
что крылья Земле суждены.

Но за дерзость безжалостно
небушко мстило,
и в июле пшеница сгорела дотла.

Соколиные сказки шептала Россия.
И поверила в них.
И, поверив, смогла.

2

Москва салютует летчику.
Вам, голубые просветы,
вам, голубые петлицы,
вам, голубые глаза.
Ты рос, человек.
Все выше
тебе открывалась высь,
и тридцать процентов
мальчишек
Валерками родились.
Москва салютует летчику!
Вам,
лейтенанты вечные,
вам, обелиски синие
с пропеллером и звездой.
Москва салютует летчику!
А летчик еще в пеленочках...
Колышутся в избах люльки,
в молочной и звездной тиши
сопят и летают Юрки —
апрельские малыши.

3

«Фрица» звали Альберт.
Выходил,
непонятные песни орал.
Здоровенный, как крокодил,
он на солнышке загорал.

Был шутник!
Посмеяться любил.
И у склада бензина и масел
со стараньем мальчишек ловил
и мазутом им волосы мазал.

Чапаята рубили бурьян,
Про Гастелло не зная,
про Зою...

Но фашист угадал, хоть и пьян:
не бурьян
они хлещут лозою!

И взлетел над мальчонкою шарф
с подловатою ловкостью змея
и, охрипшее небо зажав,
затянулся арканом на шее.

И —
убить,
задушить,
растоптать
боевое мальчишечье счастье.
...Подоспевшая плакала мать,
и от хохота немец качался.

Если б он
на мгновение стал
человеком,
почувствовал если б,
над какою судьбой хохотал
и кого уже в мыслях повесил!

Чапаенок отчаянный тот,
не герой еще, не авиатор,
каустической соды нальет
немцу в новенький аккумулятор.

Чтоб Альберт разозлился,
как черт,
чтобы, вроде пустяк, а на деле
сорок пятому году в зачет
провозились фашисты неделю.

4

Может быть,
и не нужно совсем,
чтобы в горе мужали герои.
Он отведал —
хватило бы всем,
но в добро переплавилось горе.

Настоящий,
большой человек
раскрывается полностью в славе,
просто слава его и успех —
над высокой душою
заглавье.

А в душе —
«ястребок» со звездой,
той,
что станет потом
золотой...

Наступали родные войска,
краснозвездная армия мстила.
Обломала пришельцу бока
неизбывная русская сила.

Будет школа —
изба за углом,
и другая,
где с хлебом не очень.
И другая прикажет потом:
— Лучше, мама,
я стану рабочим.

Он еще не летал,
но летал!
Непоказно,
негромко,
несладко
закалялась характера сталь,
выплавлялась рабочая хватка.

Он ворочал пурпурный металл,
раскаленно дышали детали,
но невольно опять замечал:
там, в огне,
самолеты летали...

5

Кто идет в авиацию?
Кто землей закален

и кто в землю, признаться,
удивленно влюблен.

И, земле благодарны,
сберегут небеса
наши верные парни,
голубые сердца.

Голубые до сини,
как летные дни,
будто небом России
налиты они.

6

На рассвете темные ленты
продавили в траве шасси,
и росой прошибает лето
у посадочной полосы.

Подгоняются парашюты,
в первый раз на кольце
рука...
На борту остывает шутка
от знобящего ветерка.

Меж друзьями в чутком
затишье
протянулась робости нить.
Подмигнешь:
— Внизу —
красотища! —
чтоб хоть чуточку
подбодрить.

Нужен шаг,
а ноги, как вата.
Не внизу,
а здесь хорошо.
Но не стать никому
крылатым
без паденья...
– Гагарин,
пошел!

И —
отрыв.
И —
от пят до макушки
наплывает волною страх,
и летишь на жесткой подушке —
клочья неба звенят в ушах.

— И
хлопок.
И внутри такое,
будто заново ты возник,
будто кто-то властной рукою
вверх рванул тебя за воротник.

Все.
Спасенье.
Оближешь губы,
смотришь,
как там,
над головой,
сильный,
прочный,
надежный купол
чуть колышется над тобой...

7

Я лечу в чистоте,
в голубом одиночестве таю,
над морями заката,
где солнце усато, как кит,
словно пульт управления счетной машины,
мигая,
вечереющий город
внизу, подо мной, шелестит.
Это я пролетаю —
и мне самому аж завидно!
Всю конструкцию мира
держу я штурвалом в руках.
Смотрит мир на меня.
Я прижал к острию пирамиды
там, где скрещены взгляды
дежурных на материках.

Я лечу в чистоте,
в остывающем воздухе таю,
бескорыстио, как иебо,
мие время себя отдает.
Подо миою дома,
как аигары иадежд, проплывают,
словно замер иа месте,
а скорость моя — восемьсот!
Все люблю под крылом:
пешеходов, загадочый мир их,
стадиоиы, дороги, соседей по этажу,
и зверушек люблю, бессловесиых и сирых,
и макеты садов, и сады,
когда сам я по иим прохожу.
И весеиних девчонок, иа цыпочках моющих окиа,
и девчоиок, что туфельки в тоиких руках понесли...
Мир — огромиое дерево.
С облаков опадают волокиа
и, как листья, летят,
умеиьшаясь у самой земли.
В каждом облаке
мысли, как мамоиты, дремлют.
Я ие зря в облаках
полудетской мечтою витал.
В иебе вижу я только
далекую, близкую землю —
так одиажды я иебо
впервой
иа земле увидал.
Вот я поймаи сетями
тоичайшей закатиой работы,
и в просториых вселенских сетях
я как будто одии.
Иногда подо миою
иырнет силуэт самолета
и, огнями отфыркиваясь,
проскользит, как дельфин.
Я грущу —
здесь иикто мне грустить ие мешает —
о земле, что красива
иной красотой иа земле.
Я иесу эту сказку
и, с нею мужая,

не стряхну ее свет,
    что со мною летит на крыле.
...Словно пчелы весной,
    по цветкам — с одного до другого —
будем мы на планеты
    легко и просторно летать.
Нас останутся ждать
    голубые леса Васнецова
И Аленушки верной
    над бровью шелковая прядь.
Мы почувствуем землю,
    тревожно, нутром, как по нюху,
нас почуя, замрут
    табуны азиатских коней,
и, как дымка над полем,
    как вкусное слово «краюха»,
нас потянет сильней
    к материнской планете своей...
И, когда эта сказка
    погреться к лучам повернется,
и машина,
    снижаясь,
        заластится к светлой земле,
и, как спелый подсолнух,
    забрезжит планета под солнцем,
весь характер пилота —
в посадке,
    в мгновенном ее ремесле.
И гонюсь я за тенью,
    моею двукрылою тенью,
и у самой земли —
    у небесного твердого дна —
я, как беркут,
    достану ее оперенье,
и бессильно застынет в колесах она.

8

Земля ждала, как ожидала слова,
когда еще никто не говорил.
А он уже обнялся с Королевым,
а он уже прощался и шутил.

В предчувствии иевиданной отваги
ракета серебрилась, как мороз.
Земля ждала.
В степи алели маки.
Друзья молчалн.
Ои улыбку нес.

...В иехожено-иелетаное счастье
он гнал ракетных, огиеиных
коней,
высокого событня участннк,
которое с Земли
еще видней.

9

Ты ступаешь иа трап —
сияющий,
и для иас ты уже родиой,
(«Мы рождены, чтоб сказку
сделать былью...»)
и, по красиой дорожке
шагающий,
породиился со всей Землей.
(«Все выше, все выше и выше...»).

Такого праздиика,
славы такой
не было и в помнне.
Мы шли по Дзержинке
весеиией рекой —
Гагарии был посредиие.
Ои плыл портретами в кумачах,
лнстовками с вертолетов,
веселым летчиком на плечах —
особо чтнли пилотов.
На площадь,
сквозь день,
зиамеиами лет,
колонны входнли, алея,
и собирались в одии букет
с Гагариным
иа Мавзолее.
И тысячи рук потяиулись вверх,
как лепестки,

а он
стоял, отражая всемирный свет,
взглядами озарен.
В галстуке красном,
как пионер,
и правда —
ведь стал он первым! —
и, обессмертивший СССР,
останется пионером.
Плачут мама, Валя, отец
и смотрят туда, вперед,
где площадь,
страна —
весь мир, наконец,
тысячи Юр несет.

А мама не ведала, не ждала.
«Скорей приезжай, родная,
а то впереди такие дела,
что свидимся ли —
не знаю...»

И сообщила Москва:
«...гражданин...»
Отец на речке рыбалил.
Кричат ему с берега:
— В космосе сын! —
— Эх, рыбу всю распугали...—

А он —
по красной дорожке,
одной —
тогда и одной хватало,
По двум возвращаются нынче
домой,
а скоро и двух будет мало.

И рядом с ним,
сквозь времени дым,
встают у стены кремлевской
Нестеров,
Полбин...
Кибальчич с ним
и юный старик Циолковский.

На карте земных полушарий
плывет
простор,
озаренный и чистый,
там степи, леса,—
как большой самолет,
который зовется Отчизной.

И видел я,—
Алексеич, прости,—
где флагами слава полощет,
в шинели
под небом
стоишь не ты,
а батя мой,
красный летчик.
Красивый, как ты,
он знал о том,
что небо
не просто работа.
И высоко салютуют крылом
вчерашнего неба пилоты.
Вверху, над тобой,
их победный клич,
знакомые имена.
Внизу, в знаменах,
Владимир Ильич.
Бессмертье.
И тишина.

10

Платком тумана землю ночь
повяжет,
и сонная над миром благодать...
Из-под седых обломков
фюзеляжей
они выходят звездами дышать.

Да, все, как есть,
как были,
как дышали
когда-то в разных русских
городках,

и все, как есть,
они штурвал
держали
на «Муромцах»,
«Эр-пятых»,
«Ишаках»...
Еще в петличках,
в полевых погонах.
От орденов не выцвели кружки...
В забытых шлемах
и в скафандрах новых
поэскадрильно
строятся полки.
Ты тихо стой.
Не выдумка,
не сказка.
На вечер встречи ты сюда
пришел
к питомцам Качи, Чкалова,
Батайска —
всех наших старых, добрых
летных школ.
— А как зовут вас, лейтенант?
— Не знаю.
Я так давно, наверное, убит,
что в самой незабывчивой
Рязани,
пожалуй, окончательно забыт.
Гуляют молодые офицеры,
и каждый — под счастливою звездой,
покуда утром звезды из фанеры
не встанут по-над сгорбленной
землей.
Да, у природы
старые заботы,
и утро совершается вдали
так плавно,
как посадка самолета,
когда он чуть касается земли...

11

Греемся у печки,
не летаем.
Самолет в заснеженных чехлах.

А погода черная такая,
будто с неба сбрасывают шлак.

Плавятся ледовые крупицы...
Март как март,
  и все-таки не то,
Кто-то входит.
                Слышу я: «Разбился...
...арин...
...гарин...»
Кто разбился?
                Кто?!

...И не понял я
  и не поверил.
Ты казался больше,
                чем живой.

Хватит. Все.
              Закройте окна, двери.
Пусть опять плывет планета
  под тобой.

Понимаю —
              ничего не сделать.
Но представить не могу того,
чтобы это молодое тело
стало пеплом —
                только и всего.

Мы встречали на земле героя,
мы гордились:
  наш он, Человек!
Здорово! И радости не скроешь,
потому что здорово для всех.
Прожил он отчаянно, по-детски,
в наши будни излучая свет,
эти семь прославленных,
  вселенских,
эти семь неповторимых лет.

12

Что сказать мне вам,
    Тимофеевна?
То, что сына заменим вам?
На гостей глядите рассеянно,
а в избе, по всем по углам,
Юра смотрит,
    живой, веселый,
за столом только нет его.
Может, взял, побежал он
                                        в школу,
к избирателям — мало ль чего?
И по старой летной традиции,
мы налили рюмку ему —
до краев,
                чтоб он не обиделся,
как вернется.
Но почему,
как у сына,
свои голубые
прячет батя.
И мама сильней
трет платочком
                                такие ж, родные,
как у Юры, изломы бровей...
Мы не раз постучимся в окошко,
чтоб не пусто было в дому,
и отцу мы купим гармошку
и пришлем папирос ему.
И музей, что открылся рядом,
пусть расскажет миру музей,
как октябрьские наши отряды
шли до космоса—
                                от лаптей.
Там и Юра —
                                бедовый, ладный,
первый звездный наш капитан.
— Кроме Марса, ребята, ладно,
облетим Шестой океан.
Почему не на Марс, не ясно?
Хорошо бы на Марс...
                                        Да вот

я картошку люблю,—
смеялся,—
а картошка там не растет...
Чуть забудусь —
дальнее эхо ли,
или рядом шутка твоя?
Собираемся мы.
«Поехали!»
И очнулся от слова я.
Говорит нам мама: — Бывайте!
И отец поглядел добрей:
— Вы нас, детки, не забывайте,
Юра очень любил людей.
Чем-то вроде бы озабочены,
тихо встали мы, как один,
и —
«по капочке зверобойчику!» —
как сказал бы сейчас
ваш сын.

13

По орбитам звуковой пластинки
плавает иголка кораблем,
и слова, как маленькие льдинки,
плавятся в полете неземном,
лучиками голоса согреты...
Голос и похож и не похож.
Точно так же все его портреты —
летчика на них не узнаешь.

В жизни был он
ближе и красивей,
и настолько истинным он был,
что не мог родиться
не в России —
он собой Отчизну заслужил.

Тем хотя бы,
что в войну и голод
пригубил мальчонкой фронт
и тыл
и слова святые —
Серп и Молот —
сызмала руками ощутил.

Тем хотя б,
что в латаном пальтишке
прибежал на почту, на вокзал,
и Борису, младшему братишке,
первую шинельку отослал.

Тем,
что и в привычках
и в движеньях
детство поколенья он сберег.
Подвиг —
это наше продолженье
смельчаками начатых дорог.

С детства
государственное дело
обжигало нас в не ровен час.
Если б не Чапаев и Гастелло,
не было б Гагарина у нас.

Светлая заступница-держава
больше прочих
сдюжила всего.
Потому она имела право
на такого сына,
на него.

Зря ль в потемках,
за решеткой царской,
звездолета виделся овал,
на углу Тюремной
и Жандармской
бунтовщик Ульянов проживал?

Зря ль,
трудом, по гвоздику,
по нитке
строили мы жизнь, как новый
дом,
возвели руками, как Магнитку,
и сумели отстоять потом?

Потому
он засиял высоко,

как награда сто́ящим рукам,
и звезду принес,
    принес в ладони сокол —
пять лучей
        пяти материкам.

Человечество,
        вся планета —
будь ты русский,
        шотландец,
            чех,—

не привыкнет,
что был — и нету,—
повторенья ждет человек.

Только космос?
Да этот парень
к звездам душ
прорубил окно!
Комсомольское имя
            ГАГАРИН
в Книгу Сердца занесено.
И, как северное сиянье,
сквозь мгновения и века
полыхает над мирозданьем
имя гжатского паренька.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОКОРЕНИЕ БЕСКОНЕЧНОСТИ

Сборник

М., «Известия», 1981, 736 стр.

Редакторы **Р. Кадулина, И. Юшкова**

Художественный редактор **И. Смирнов**

Технический редактор **В. Новикова**

Корректор **Л. Сухоставская**

Над книгой работали:

Анатолий **ВАРФОЛОМЕЕВ,**

Евгения **МАЛАХОВСКАЯ,**

Владимир **ПАВЛОВ,**

Леонид **ЧУЙКО**

А03823 Сдано в набор 12/XII-80 г. Подписано в печать 29/IV-81 г. Формат 84×108[1]/32. Бумага тип. № 1. Гарнитура «Латинская». Печ. л. 23,00. Усл. печ. л. 38,64. Уч-изд. л. 40,595. Зак 781. Тираж 100 000 экз. **Цена 3 руб.**

Издательство «Известия Советов народных депутатов СССР», Москва, Пушкинская пл., 5.

Набрано в ордена Ленина типографии «Красный пролетарий». Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени типографии «Известий Советов народных депутатов СССР» имени И. И. Скворцова-Степанова. Москва, Пушкинская пл. 5. Зак. 1040.

СССР